

Т Р У Д Ы

**Белорусского
государственного
технологического
университета**

*Издается с июля 1993 года
Выходит один раз в год*

Серия V

**ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ**

ВЫПУСК XVI

Учредитель – учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

Минск 2008

УДК 321

И. В. Полуян, профессор

ГЕОПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Geopolitics and globalisation are the most important problems in modern political theory and practice. The complexity of the problem is accounted for by aspiration of the West to make them look one-sided and parasitical. Problems of geopolitics and globalization really do exist. If based on respect to legal interests of all countries and nations they could play a positive role in international affairs.

Введение. Геополитика и глобализация являются важными проблемами современных политической теории и политической практики. Первое из них характеризует место и формы воздействия территориально-пространственных особенностей государства или союза государств на локальные, региональные, континентальные и глобальные международные процессы.

Глобализация – это процесс углубления в масштабах всей планеты многообразных связей, достижения качественно нового уровня интегрированности, целостности и взаимосвязи в мире, прежде всего в экономике, финансах, политике и постепенно в других областях общественной жизни. Свое практическое воплощение она находит в многочисленных современных глобальных проблемах и процессах.

Основная часть. Становление геополитики исторически связано с исследованием роли географического фактора в жизни общества, с упрощенным пониманием первоначально человеческой деятельности как всецело обусловленной географической средой. При этом специфические свойства географического пространства, обретаемые им в качестве элемента хозяйственной политики, выдавались за свойства самой земли.

В современной трактовке геополитику можно определить как систему знаний, концепцию, отражающую сложную взаимосвязь политики государства с его географическим положением – территорией, природными ресурсами, климатом. Она акцентирует внимание на изучении возможностей активного использования физической среды в интересах экономической, военно-стратегической и экологической безопасности государства [1].

Как политическая доктрина геополитика возникла на рубеже XIX–XX вв. Одним из ее основоположников считается немецкий географ Ф. Ратцель (1844–1904), рассматривавший государство как организм, ведущие борьбу за «жизненное пространство». Примерно той же позиции придерживались английский исследователь Х. Маккиндер (1861–1947), американский адмирал А. Мэхэн (1840–1914).

Само понятие «геополитика» впервые было введено в научный оборот шведским государствоведом Р. Челленом (1864–1922). В работе «Государство как форма жизни» он обосновывал правомерность экспансионистского взгляда на географическое пространство. В 20-е гг. XX в. кружок, группировавшийся вокруг немецкого журнала «Геополитика», провозгласил геополитику особой наукой, отличной от обычной политической географии. Руководители этого кружка К. Хаусхофер и Э. Обст открыто поставили геополитику на службу нацистской идеологии. Опираясь на геополитику, германский фашизм выводил теорию «жизненного пространства», направленную на завоевание чужих стран и порабощение других народов.

После Второй мировой войны продолжается разработка геополитики в США (Н. Спикмен и др.), Канаде (А. Гринвуд) и особенно в ФРГ (К. Шмитт, Г. Римм, А. Хеттцер, А. Грабовский и др.). При этом центральную задачу геополитики они усматривают в теоретическом обосновании необходимости межгосударственных объединений и блоков, геополитических союзов ведущих держав, в доказательстве географической обусловленности противоположности между коммунистическим Востоком и буржуазным Западом («континентальным» и «морским» типом цивилизации).

В Советском Союзе геополитика долгое время рассматривалась как буржуазная политическая концепция, призванная оправдывать территориальную экспансию империалистических государств. Разумеется, она может иметь разную направленность, в том числе и экспансионистскую. Вместе с тем геополитика может служить и позитивным целям политики. С учетом этого в 80-е гг. XX в. отношение к ней изменяется. Постепенно она становится одним из составляющих в определении приоритетов как внешней, так и внутренней политики государства.

Большую роль в современных геополитических концепциях играет так называемый «глобальный подход к политической географии», как правило, отражающий претензии определенных

сил на мир во его господство. С их помощью (ссылаясь на данные экономической и политической географии) милитаристские силы накануне и после мировых войн пытались и пытаются оправдать различные формы экспансии. В последнее десятилетие эти силы активно эксплуатируют новую геополитическую ситуацию, которая сложилась с распадом Советского Союза и социализма в Восточной Европе и привела к подрыву полувековой стабильности на планете. Следствием такого развития событий стало разрушение созданного в результате общей победы над фашизмом геополитического порядка плюралистического развития, основанного на Уставе ООН [2].

Воспользовавшись новой ситуацией, милитаристские силы Запада фактически стали на путь разрушения сложившегося в послевоенный период миропорядка, все более открыто проявляя свои гегемонистские устремления. Особенно активно и цинично демонстрируют сегодня свои притязания на мировое господство оставшиеся в качестве единственной сверхдержавы США. Об этом свидетельствуют экспансия США и их союзников по НАТО в районе Персидского залива, кровавое побоище, устроенное ими в Ираке и Афганистане, военное вмешательство во внутренние дела ряда суверенных государств Африки и Латинской Америки, агрессия против Югославии в 1990-е гг., «тихая оккупация» части ее территории (Метохии и Косова) и последовавшее затем (в феврале 2008 г.) одностороннее провозглашение, с их подачи, независимости последнего от Сербии с последующим одобрением этого незаконного акта Западом.

США остались на планете единственной сверхдержавой в экономическом, политическом и военном измерении. С одной стороны, перед ними открылась перспектива вседозволенности. С приходом в Белый дом республиканца Буша геополитический дисбаланс на просторах Евразии еще более усилился, а постсоветские государства еще больше втянулись в сферу жестокой конкуренции, раздоров и грызни между иностранными претендентами на соблазнительное наследие советской эпохи.

Для кабинета Буша и его «простых парней» главным являются не диссидентские интриги в тех или иных странах, а общий баланс глобальных сил и влияния, в рамках которого «благославенная Богом Америка» должна при любых обстоятельствах доминировать. А применительно к «старушке Европе» важно лишь то, чтобы она не выходила из-под заокеанского патроната.

С другой стороны, нарастает волна неприязни попыток переустройства мира по-американски, в том числе и в странах-партнерах США по НАТО. Это позволяет надеяться, что правящим кругам этой страны не удастся

навязать миру свой диктат и что будет найден путь его дальнейшего развития, основанный на уважении законных интересов всех народов и стран [3].

Нельзя не заметить противоречивость процесса глобализации. С одной стороны, она ведет к углублению интеграционных связей в экономике, науке, образовании, информатике. С другой стороны, развитые капиталистические страны (в первую очередь США) используют эти тенденции в качестве инструмента повсеместного утверждения «нового мирового порядка», используя ситуацию, когда большинство стран и народов мира находятся на разных стадиях развития. Они настойчиво проводят в жизнь концепции «гуманитарной интервенции» и «ограниченного суверенитета» для закрепления однополярной модели мира при доминировании США.

В рамках общего агрессивного курса правящие круги США попирают любые нормы международного права, совершают новые акты агрессии. Мощь предполагает мудрость, но по этой части в американском Белом доме хроническая недостача. Сила есть – ума не надо.

За 60 послевоенных лет спецслужбы США организовали в различных странах пятьдесят государственных переворотов, более половины из которых были успешными. Фактически развязав геополитическую экспансию, США и их союзники по НАТО затеяли опасную игру, противоречащую всяким нормам международного права и политической этики. Сила доминирует над справедливостью. Мир может спасти сила, умноженная на мудрость и справедливость, которых, однако, в силовых действиях Запада пока не видно. Однополярность – опасная болезнь, спасение от которой лежит на пути формирования многополярности и мировой системы безопасности.

Навязываемая ими модель глобализации носит паразитарный характер. Настойчиво внедряется доктрина, что мир обречен на существование преуспевающего «золотого миллиарда» и остальной части человечества. Основные выгоды от внедрения высоких технологий и объединения ресурсов транснациональные корпорации используют в своих интересах, обрекая остальной мир на неизбежную нищету и деградацию. Ибо львиная доля прибылей и создаваемых ценностей оказывается в руках ничтожного меньшинства людей.

За 20 лет XX в. мировой валовой продукт увеличился на 20 триллионов долларов, но лишь 15% этого прироста досталось развивающимся странам, где проживает примерно три четверти населения планеты, 70% получили и без того богатые государства с 15% населением. Богатые становятся еще богаче, а бедные – еще беднее.

Сегодня так называемый «золотой миллиард» с примерно 15% населения распоряжается 85% мирового продукта. На его долю приходится свыше 84% мировой торговли и 85,5% сбережений на банковских счетах. Развитые страны потребляют 70% производимой в мире электроэнергии, 75% обработанных металлов и 85% деловой древесины. В то же время 95% прироста населения приходится на беднейшие страны. За последние 40 лет разрыв в уровне жизни богатых и бедных стран вырос более чем вдвое [4].

Глобализация в ее нынешней форме несовместима в среднесрочной и долгосрочной перспективах с сохранением и укреплением суверенитета. Она ведет к десуверенизации и передаче основных полномочий транснациональным инстанциям (например НАТО), главная и единственно решающая роль в которых должна принадлежать США. Иначе говоря, нынешняя глобализация представляет собой процесс, в определенном смысле, колонизации.

Поляризация богатства и нищеты не сглаживается, а нарастает, социальные и экономические проблемы становятся еще более острыми и глубокими. Обездоленное население, составляющее четыре пятых мировой популяции, все глубже погружается в нищету, обрекается на вырождение. Насильственно внедряемая подобная модель глобализации грозит миру разрушительными последствиями [5].

В силу противоречивости глобализации и связанной с ней геополитики различные социальные и политические силы воспринимают ее по-разному. Диапазон их позиций здесь крайне широк: от безудержных восторгов и умиления в адрес этого «рога изобилия» (по мнению праволиберальных сил Запада и их подпевал на постсоветском пространстве) до полного отвержения и проклятий в адрес глобализма, идущих со стороны леворадикальных сил, а также политических и общественных деятелей слаборазвитых стран Азии, Африки, Латинской Америки. Серьезные аналитики и научные институты осторожны и сдержанны в оценках данного процесса, стремятся осмыслить его, но позиции их тоже во многом расходятся.

Подобное развитие событий не может не вызвать нарастающего недовольства различных социальных слоев и групп населения, страдающих от такой глобализации. Их недовольство выплескивается прежде всего на улицы и площади городов, избираемых воротилами капитала местами своих очередных встреч. Бурными выступлениями противников глобализации были отмечены саммиты так называемой «большой семерки» Всемирной торговой организации, Евросоюза, сессии Международного валютного фонда, экономических форумов в Давосе и Зальцбурге.

Особого накала достигли схватки антиглобалистов со стражами порядка во время встречи лидеров так называемой «большой семерки» (по российской версии «большой восьмерки») в итальянской Генуе в июле 2001 г. Властями были предприняты беспрецедентные меры по охране участников встречи. С этой целью в город было стянуто свыше 20 тысяч полицейских. Центр города, где проходила встреча, был обнесен металлической решеткой высотой в четыре метра, по всему периметру которой плотной цепью стояли до зубов вооруженные силовики, в том числе конные, с собаками. В морскую бухту были введены боевые корабли. Над городом постоянно баррожировали военные самолеты и вертолеты.

На улицах и площадях города произошли настоящие сражения между полицией и антиглобалистами. Двое протестантов были сражены полицейскими пулями, сотни человек получили ранения, тысячи подверглись избиениям и аресту.

Драматизм в том, что эти протесты проходят под лозунгом «Долой глобализацию!», хотя источником бедствий выступает не сам объективный процесс интеграции, а нынешняя, выработанная и навязанная транснациональными корпорациями и мировыми политиками паразитарная стратегия и тактика ее осуществления. Протестующие массы, как известно из истории, не всегда осознают подлинные причины явлений, приносящих им бедствия, и подчас громят станки и фабрики, как луддиты в Англии в XVIII – начале XIX в., сжигают дворцы и имения, как это бывало в стихийных крестьянских выступлениях, или организуют взрывы торговых центров и вокзалов в Нью-Йорке и других местах, как это имело место в XX – начале XXI в. [4].

Заключение. Проблемы глобализации и геополитики при всей их противоречивости сегодня являются объективной данностью, с которой нельзя не считаться. Совершенно очевидно, что при объективном, взвешенном подходе, основанном на уважении законных интересов всех стран и народов, они могут сыграть позитивную роль в международных делах.

Литература

1. Гаджиев, К. С. Введение в геополитику / К. С. Гаджиев. – М., 2002.
2. Дугин, А. Основы геополитики / А. Дугин. – М., 1997.
3. Тавадов, Г. Т. Политология / Г. Т. Тавадов. – М.: Издательско-торговый дом Гранд, 2000. – С. 167–168.
4. Полуян, И. В. Политология / И. В. Полуян. – Минск: БГТУ, 2005. – С. 288.
5. Интервенция // Славянский набат. – 1999. – 25–31 марта.

А. М. Малашко, профессор

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ ВОПРОСА О РОЛИ И ЗАДАЧАХ ПРОФСОЮЗОВ В 1917–1921 ГГ.

The article describes formation of the Bolshevik concept of trade union movement in conditions of worker-peasant power, release of trade unions from the influence of opportunism and their introduction into the political system of the socialist state.

Введение. Выступая против развития России в социалистическом направлении, меньшевики, эсеры, бундовцы и сионисты после Октября 1917 г. попытались противопоставить партии и Советской власти массовые организации трудящихся – профсоюзы и кооперативы. Они усиленно пропагандировали теорию «независимости профсоюзов» и даже пытались создать объединение, так называемую «конференцию уполномоченных фабрик и заводов», – своего рода пробраз польской «Солидарности» 1980–1981 гг.

Основная часть. «Задача профсоюзов – не давать себя на службу власти», – заявил на I съезде профсоюзов в 1918 г. Мартов. Независимость профсоюзов от партии и Советской власти отстаивали и анархо-синдикалисты.

В первые два года Советской власти, когда только формировался аппарат хозяйственного управления, в качестве противовеса теории «независимости профсоюзов» коммунисты пользовались лозунгом «огосударствления профсоюзов», вкладывая в этот призыв задачу развертывания рабочего класса в государственную силу, в правящий класс, а рабочих организаций – в государственные организации.

Лозунг «огосударствления профсоюзов» означал соподчинение, сотрудничество профсоюзов и органов государственной власти, взятие профсоюзами некоторых государственных функций. Этот призыв выдвигался и в противовес анархо-синдикалистским тенденциям как курс на предоставление государству (а не профсоюзам) решающей роли в регулировании хозяйственной жизни.

Мелкобуржуазные партии после Октября 1917 г. в условиях политического наступления большевизма колебались, раскалывались, теряли поддержку масс. Их представители вытеснялись из руководящих органов профсоюзов путем перевыборов, нейтрализовывались посредством включения интеллигентских союзов в более широкие производственные объединения, в ходе вовлечения организованных профсоюзам масс в созидательную революционно-преобразующую деятельность.

Профсоюзы, руководимые большевиками, принимали участие в формировании нового государственного аппарата, посылая туда активных, сознательных рабочих. Особо заметной их роль была в формировании органов рабочего контроля и заводоуправлений в ходе национализации промышленности.

Дискуссионным оказался и вопрос о коллегиальности и единоначалии в управлении производством. Практика подсказывала, что важно сочетание коллегиальности и единоначалия, повышение персональной ответственности и профессионализма. Этот принцип получил закрепление в решениях IX съезда РКП(б) и III Всероссийского съезда профсоюзов.

Профсоюзы участвовали в решении продовольственной проблемы, в формировании рабочих отрядов для посылки в деревню и изъятия хлеба у кулаков, проводили мобилизации своих членов в Красную Армию. Заметной была их роль в проведении всеобщей трудовой повинности, укреплении дисциплины труда, организации коммунистических субботников, ликвидации разрухи, особенно на транспорте. С созданием рабоче-крестьянской инспекции профсоюзы участвовали в формировании этих органов, сотрудничали с ними.

В конце гражданской войны, когда теория «независимости» была практически разбита и дискредитирована, а меньшевики вытеснены из профсоюзов, когда встали задачи перехода от методов «военного коммунизма» к методам мирного строительства, партия отказалась от использования лозунга «огосударствления профсоюзов». К этому моменту практика командования профсоюзами в условиях войны, внедрения в их жизнь милитаристских методов себя в принципе исчерпала, а в некотором смысле и дискредитировала. Люди устали от дерганья и желали перейти к нормальной внутрисоюзной демократии. Призывы же Л. Троцкого немедленно огосударствить профсоюзы и передать им управление промышленностью были отвергнуты в ходе внутрипартийной дискуссии в канун X съезда РКП(б). Роль профсоюзов была сведена до роли «школы», в представлении В. И. Ленина «школы коммунизма». В этот момент В. И. Ленин вносит коррективы в концепцию «государства – коммуны». Он заявляет, что диктатуру нельзя осуществить через поголовно организованный пролетариат. Ее проводит авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса [1].

Троцкистские увлечения милитаристскими методами организации труда имели те же меньшевистские истоки, что и теория «независимости профсоюзов». Троцкисты не верили в победу социализма в одной стране, тем более в

России. Отсюда их стремление военизировать экономическую и политическую жизнь и ждать мировой революции или подталкивать ее. Именно в меньшевистской и левосионистской печати раздувался этот пессимизм в отношении судеб социализма в России. Еще весной 1918 г. в центральном органе Еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей Цион» говор и о ъ: «Как бы мы не относ ились к современной власти, для нас совершенно ясно, что если русская революция не будет поддержана извне, если мировой пролетариат не откликнется на зов российских братьев, то революция проиграна и все кровавые жертвы, годы работы и борьбы затрачены напрасно».

Этому тезису впоследствии суждено было стать главным аргументом троцкистов в их борьбе с генеральной линией партии. Поэтому совершенно обосновано XV партийная конференция, а затем VII расширенный Пленум ИККИ квалифицировали платформу троцкистско-зиновьевского блока как меньшевистский, социал-демократический уклон.

Анархо-синдикалистские взгляды в рабочее движение России были привнесены народническими партиями и группами. В. И. Ленин отмечал, что народничество как общественное течение никогда не могло отмежеваться от либерализма справа и от анархизма слева. Эсеры еще до революции призывали рабочий класс не увлекаться национализаторскими тенденциями, рисуя картины роста бюрократии.

После того как партия левых эсеров перешла к активным формам борьбы против большевиков, она усилила атаки на национализацию. И совет партии в конце 1918 г. в своих решениях обвинял коммунистов в насаждении государственного капитализма, будто национализация закабаляет рабочий класс и трудовое крестьянство, порождает привилегированные группы, стоящие в управлении производством, ведет к установлению «бюрократическо-кастового строя общества».

Взамен национализации выдвигалась «социализация промышленности», по которой средства производства должны стать «общенародной собственностью» и перейти под управление профессиональных (производственных) союзов. Причем свой производственный союз создает и трудовое крестьянство. В конце гражданской войны эти взгляды получили хождение среди некоторых коммунистов, объединившихся в так называемую «рабочую оппозицию» в канун X съезда РКП(б). Требование передать управление страной «свободно избранным Советам», а руководство экономической жизнью – обновленным профсоюзам содержалось и в резолюции Кронштадтских мятежников в марте 1921 г.

В 1920 г. учитывая опыт Великого Октября и гражданской войны в России, опыт пораже-

ния Советской власти в Венгрии, В. И. Ленин заострил внимание на усилении борьбы с шаткими оппортунистическими элементами в собственных рядах и в органах новой революционной власти. «Всякая непоследовательность или слабость в разоблачении тех, кто проявляет себя как реформист или “центровик”, – писал он в тезисах «Об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала», – означает прямое увеличение опасности свержения власти пролетариата буржуазией, которая использует завтра для контрреволюции то, что кажется близоруким людям лишь “теоретическим разногласием” сегодня». И при этом В. И. Ленин подчеркнул, что борьба с оппортунистическими элементами после прихода пролетариата к власти может приобрести такие острые формы, когда оружие критики сменяется критикой оружием.

В предложенной им резолюции «О единстве партии», принятой X съездом в 1921 г., предписывался немедленный роспуск всех фракций и группировок, запрещение фракционности в РКП(б). Главный политический урок, зафиксированный в резолюции, заключался в том, что единство партии, идейная и организационная сплоченности ее членов – нерушимый закон партийной жизни, обязательное условие успеха ее революционно-преобразующей деятельности.

В резолюции «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» осуждались взгляды «рабочей оппозиции», как представляющие большую политическую опасность. Пропаганда этих взглядов объявлялась несовместимой с принадлежностью к РКП(б).

Решение X съезда партии явилось основой для усиления политического и идеологического наступления коммунистической партии на остатки мелкобуржуазных антисоветских партий и групп, попытавшихся оживить свою деятельность при переходе к нэпу, на фракционные группировки, на контрреволюционные бандитские формирования, на бюрократизм и комчванство в системе государственного управления. Если в экономической области в связи с переходом к нэпу допускалось некоторое временное отступление, то в политической и идеологической областях наступление продолжалось и усиливалось.

Партия большевиков в эти годы отвергла предложения сменовеховцев, меньшевиков, эсеров о дополнении нэпа экономического «нэпом политическим», свободной игрой политических сил. В. И. Ленин в письме Г. Мясникову вскрыл несостоятельность, вред лозунга «свободы печати от анархиста до монархиста». «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, – писал он, – есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров».

В письме к Д. И. Курскому «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» В. И. Ленин ставил задачу усиления репрессии против политических врагов Советской власти (меньшевиков и эсеров), а также против злоупотребления нэпом со стороны частного капитала. В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин поднимал вопрос об усилении наступления на буржуазную идеологию, пресечении попыток враждебных политических сил развернуть издательскую деятельность, использовать в антисоветских целях научно-технические журналы, высшую школу и т. п.

В это момент на пост Генерального секретаря ЦК РКП(б) был выдвинут член Политбюро, руководитель двух наркоматов – наркомата по делам национальностей и рабочекрестьянской инспекции И. В. Сталин. Выдвижение состоялось тогда, когда нужно было применить суровые меры по борьбе с голодом, изъятию церковных ценностей, удалению антисоветской профессуры за рубеж, ликвидации остатков эсеровской и меньшевистской партий, в том числе грузинского филиала, по обезвреживанию остатков «рабочей оппозиции» и колебаний «национал-уклонистов» на пути к Союзу ССР, когда назрела потребность внести большую системность в работу партийно-государственного аппарата, функционирующего в многонациональной стране. Это выдвижение И. В. Сталина было осуществлено с согласия В. И. Ленина.

Горбачевско-яковлевская «клика», провавшаяся к руководству КПСС во второй половине 80-х гг., используя ренегатски настроенных публицистов, деятелей культуры, кретинно-недоучек из партаппарата, историко-партийной и экономической науки, свою разрушительную деятельность прикрывала «новым прочтением В. И. Ленина», болтовней о «восстановлении ленинской концепции социализма», давая при этом либерально-буржуазную интерпретацию нэпа и фальсифицируя истинные взгляды вождя.

Впоследствии на развалинах СССР и КПСС архитектор «перестройки» А. Яковлев признавал, что его группа осуществляла план: авторитетом Ленина бить по Сталину и сталинизму, а затем в случае успеха Плекановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» – по революционному социализму вообще [2].

Демагогии ренегатов доверились многие местные работники, обществоведы. Так, на научно-практической конференции «В. И. Ленин и новое видение социализма», проведенной обществоведами столицы БССР 18 апреля 1991 г. под руководством Минского обкома КПБ в рекомендациях, принятых большинством участ-

ников, говорилось: «Осуществляемую в стране экономическую реформу следует рассматривать как возрождение в теории и на практике ленинского плана построения социализма» [3].

Заведующий сектором партстроительства Института истории партии при ЦК КПБ В. Бобков в брошюре «На пути к новому облику партии» также легко оказался в плену у московских «оборотней». Стараясь покрепче стегануть И. В. Сталина, он под предлогом «возрождения ленинской концепции марксистской партии» заметно отошел от взглядов Ленина, РКП(б) и Коминтерна на роль партии в управлении советским государством и массовыми общественными организациями, подменив союз единомышленников-коммунистов моделью аморфного дискуссионного клуба.

Автор заводил в заблуждение читателей своим утверждением, будто В. И. Ленин никогда не был озабочен установлением и укреплением однопартийной системы и что она установилась «вопреки ленинским планам». И, наконец, как логическое завершение горбачевско-яковлевского гипноза вывод: «Не стоит... пугать советское общество многопартийностью. Ничего страшного для социализма в ней нет» [4].

Заключение. «Аналитики» типа Бобкова не видели сращивания номенклатуры с теневиками, фарцовщиками, криминальными авторитетами, эмигрантами «третьей волны». Они зазубрили вывод съездов КПСС периода хрущевской оттепели, что социализм в нашей стране победил полностью и окончательно, и оказались готовыми под лозунгом гласности широко распахнуть двери для наработок зарубежных советологических, антикоммунистических центров, для писанины всевозможных эмигрантских и диссидентских группировок, внутренних «оборотней». Что и было осуществлено.

Под прикрытием критики сталинизма, административно-командной системы перешли к критике ленинизма и идейно подготовили реставрацию воровского капитализма, закамуфлированную под рыночные реформы. Внутренняя буржуазия и ренегатствующая интеллигенция сомкнулись с буржуазией международной.

Литература

1. Ленин, В. И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Л. Троцкого / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т. – М., 1981. – Т. 42. – С. 204.
2. Правда. – 2002. – № 105.
3. В. И. Ленин и новое видение социализма: тезисы выступлений участников научно-практической конференции, Минск, 18 апр. 1991 г. – Минск, 1991. – С. 61–62.
4. Бобков, В. На пути к новому облику партии / В. Бобков. – Минск: Знание, 1990. – С. 20.

ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 2001 Г.

The article reveals peculiar features and main directions of activities of political forces on the eve and during the election campaign in 2001 in Belarus. Extra-elections to the House of Representatives and presidential elections were the main political events in 2001. Citizens of Belarus supported the course for sovereign country upbuilding.

Введение. В отечественной истории 2001 год стал годом, завершающим первое десятилетие независимого государственного развития. К этому времени удалось приостановить кризисные явления в экономике, обуздать инфляцию, создать предпосылки для постепенного экономического роста. Это позволило приступить к решению насущных социальных проблем, существенно улучшить психологический климат в стране. Вместе с тем политическая система переживала определенные трудности, продуцируя нестабильность в обществе. Политические партии все более вытеснялись из сферы принятия политических решений, влияние парламента снижалось, его функции сокращались, так как адекватно не отражали широкий спектр социальных и политических интересов и предпочтений белорусского общества. Единственным субъектом политики выступала сама власть, в массовом сознании принижалась идея независимой (даже поддерживающей власть) политической деятельности. В результате реально действующие политические партии Беларуси фактически встали в жесткую оппозицию власти. Главными политическими событиями 2001 г. стали довыборы в Палату представителей и выборы Президента страны.

Основная часть. Прошедшие парламентские выборы показали высокую степень доверия граждан республики действующей власти. В общественном сознании все оппозиционные партии страны воспринимались негативно. Это было следствием не только активной официальной пропаганды, но и отсутствия гибкости в деятельности самих партий, неспособности тонко улавливать общественные настроения и не скрывааемых властных амбиций самих лидеров оппозиции. Оппозиционные политические партии объединились в альянс – Консультативный совет оппозиционных политических партий (КРАПП), созданный для ведения переговоров между властью и оппозицией. В КРАПП входили Партия коммунистов Белорусская, Белорусская социал-демократическая партия (Народная Грамада), Белорусская партия труда, Белорусская социал-демократическая Громада (БСДГ), Либерально-демократическая партия, Белорусская партия женщин «Надзея», Объединенная гражданская партия (ОГП), партия Белорусский народный фронт (БНФ). Основ-

ные направления деятельности КРАПП состояли в координации связей с европейскими политическими структурами, содействию выполнению четырех условий, выработанных ОБСЕ для проведения демократических выборов в Беларуси: демократизация избирательного законодательства и приведение его в соответствие со стандартами ОБСЕ; расширение полномочий парламента; предоставление оппозиционным партиям возможности выступать в государственных СМИ; установление в стране климата политического доверия и прекращение репрессий против оппозиции. Консультативно-наблюдательная группа ОБСЕ в Беларуси и Рабочая группа Парламентской ассамблеи ОБСЕ по Беларуси обеспечивали политическую поддержку КРАПП. Требования о проведении переговоров между белорусскими властями и оппозицией и соблюдении прав человека поддерживали Европарламент и Парламентская ассамблея Совета Европы.

В конце 2000 г. Конгрессом демократических сил Беларуси была создана Координационная рада демократических сил (КРДС) для более тесного сотрудничества оппозиционных партий и организаций, выступающих за демократическое развитие страны. В ее состав вошли БСДГ, БСДП (НГ), Белорусская партия женщин «Надзея», ОГП, БНФ, Ассамблея демократических неправительственных организаций, гражданская инициатива «Хартия-97», областные КРДС, объединяющие структуры различных демократических партий и организаций [1]. Члены КРДС координировали свою деятельность в проведении акций протеста и других публичных мероприятий. Были налажены тесные связи с Консультативно-наблюдательной группой ОБСЕ во главе с Х.-Г. Виком. Руководители партий посетили европейские страны и США, заручившись не только политической, но и финансовой поддержкой. Однако несмотря на внешнюю корректность и единство Рада раздиралась внутренними противоречиями. Руководители партий соперничали между собой за лидерство в альянсе (А. Лебедько и Н. Статкевич), контроль денежных потоков из-за рубежа. Скандалы и взаимные распри привели к исключению из Рады БСДП (НГ), подорвав репутацию этого объединения не только в белорусском обществе,

но и международных структурах. Затея с Радой демократических сил провалилась, стало очевидным, что в стране есть несколько амбициозных персон, раздираемых противоречиями и не способных создать эффективный политический противовес действующей власти.

Таким образом, политические процессы 2000 г. показали иллюзорность взглядов и надежд оппозиционных сил, что опора на Запад поможет им решить все проблемы в стране.

В январе 2001 г. ЦИК Беларуси назначила на 18 марта проведение довыборов в Палату представителей по 13 избирательным округам, не избравших своих представителей в парламент: 5 – на территории Брестской области, 4 – в Витебске, 3 – в Минске, 1 – в Борисове [2]. Для наблюдения за ходом выборов были приглашены и международные наблюдатели от трех европейских структур: ОБСЕ, ПАСЕ и Европарламента. 5–7 марта 2001 г. наблюдатели от этих структур посетили Беларусь для ознакомления с политической ситуацией. На пресс-конференции председатель Рабочей группы Парламентской ассамблеи ОБСЕ по Беларуси А. Северин заявил, что не находит причин рекомендовать европейским структурам нормализовать отношения с белорусским парламентом, так как делегация не нашла серьезных изменений в политической ситуации в стране по сравнению с осенью 2000 г. Прогресс может быть достигнут при соблюдении известных четырех условий, выработанных ОБСЕ.

18 марта 2001 г. выборы во всех округах состоялись. В них приняли участие 72% избирателей. Тем не менее наблюдатели от ОБСЕ заявили, что не признают итогов выборов, считают, что они не являются свободными, демократическими, проводились с многочисленными нарушениями. Отмечалось, что в Барановичах досрочно проголосовали до 50% избирателей, что дает основание говорить о вбросе голосов. Выборы проводились в рабочие дни (с 13 по 17 марта), а не в воскресенье. Интенсивно был задействован административный ресурс (руководители предприятий издавали приказы, которые регламентировали досрочное голосование) [3].

После завершения формирования Национального собрания белорусским гражданам предстояло избрать своего Президента. Политическая ситуация в стране в начале 2001 г. свидетельствовала о том, что основная борьба за президентское кресло развернется между кандидатами от действующей власти и от оппозиции. И хотя не было объявлено о дате проведения голосования, с начала года подготовка к выборам фактически уже началась. Никто не сомневался, что А. Лукашенко будет вновь претендовать на пост Президента. Перед оппозицией стояла сложная задача: преодолеть взаимное недоверие и собственные амбиции и до-

говориться о выдвижении единого кандидата от оппозиционных сил. К этому призывали со страниц оппозиционных газет известные политические лидеры: А. Лебедько, Н. Статкевич, Л. Грязнова, В. Шлындиков и др. На этом настаивали и представители европейских структур, работавшие в Беларуси. Чаще других звучали кандидатуры М. Чигиря, В. Гончарика, С. Домаша. Рада демократических сил в начале января 2001 г. на своем заседании обсудила вопрос о выдвижении единого кандидата от оппозиционных сил. На заседание были приглашены вероятные претенденты на пост Президента: М. Чигир, В. Гончарик, С. Домаш. Политическая атмосфера в стране значительно накалилась после принятия 7 июня 2001 г. решения Палатой представителей провести выборы Президента Республики Беларусь 9 сентября 2001 г. Уже к началу сбора подписей за кандидата в Президенты (21 июня) в ЦИК были зарегистрированы 25 инициативных групп, представлявших: С. Антончика, С. Гайдукевича, В. Гончарика, С. Домаша, П. Козловского, С. Калякина, Л. Калугина, К. Кононовича, А. Лукашенко, М. Маринича, Н. Машерова, Н. Мекеку, З. Позняка, Л. Синицина, В. Терещенко, М. Чигиря, А. Ярошука [4].

По итогам сбора подписей ЦИК республики зарегистрировала кандидатами в Президенты А. Лукашенко (395 тыс. подписей), С. Домаша (161 тыс. подписей), С. Гайдукевича (135 тыс. подписей), В. Гончарика (123 тыс. подписей) [5].

С целью наблюдения за ходом избирательной кампании Национальное собрание, Министерство иностранных дел и ЦИК Беларуси по своим каналам послали приглашение соответствующим политическим структурам. 18 июля 2001 г. в Минск прибыли представители от ЦИК Российской Федерации во главе с Председателем А. Вешняковым и Ассоциации организаторов выборов стран Центральной и Восточной Европы (20 стран) для анализа политической ситуации в республике в период избирательной кампании. 24 июля гости направились в Варшаву для встречи с руководителем БДИПЧ ОБСЕ г. Штудманом, с которым велись переговоры с целью координации деятельности в период президентских выборов в Беларуси. Получив приглашение вести наблюдение за выборами, 31 июля делегация ПАСЕ посетила республику, встретила с сотрудниками Консультативно-наблюдательной группой ОБСЕ, министром иностранных дел М. Хвостовым, председателями обеих Палат Национального собрания. В итоге почти 22 000 белорусских и 718 международных представителей наблюдали за ходом президентских выборов в нашей стране.

В результате интенсивных консультаций с представителями европейских структур в Беларуси оппозиционным силам удалось 13 августа

подписать соглашение между единым кандидатом от демократической оппозиции В. Гончариком и широкой гражданской коалицией, в которую вошли С. Домаш, М. Маринич, П. Козловский, С. Калякин, А. Яршук. В соответствии с соглашением С. Домаш должен был снять свою кандидатуру в пользу В. Гончарика и стать руководителем политического совета его штаба, а в случае победы – премьер-министром. Только 22 августа С. Домаш снял свою кандидатуру в пользу В. Гончарика.

После официальной регистрации 14 августа кандидатов в Президенты и получения удостоверений избирательная кампания входила в активную фазу. В центральных изданиях были опубликованы предвыборные программы кандидатов в Президенты: А. Лукашенко, В. Гончарика и С. Гайдукевича. Все участники использовали любые способы и средства для создания информационного повода, привлечения внимания граждан. К информационному обеспечению избирательной агитации В. Гончарика подключилось Радио «Свобода» (орган Госдепартамента США), предложив «независимое» наблюдение за выборами. Многократно выросли тиражи оппозиционных газет, которые финансировались из-за рубежа и распространялись бесплатно. Велось усиленное радиовещание на Беларусь зарубежными радиостанциями. Страна была наводнена листовками, плакатами провокационного характера. Настенная «живопись», календари, майки с оскорбительными надписями повсеместно навязывались гражданам. Оппозиционные агитбригады совершали рейды по всей республике. Они организовывали бесплатные концерты и дискотеки, во время которых нагнеталась истерия. Со страниц правозащитных демократических изданий раздавались угрозы в адрес госслужащих и правоохранительных органов, их шельмовали, призывали не исполнять распоряжения власти. Иными словами, по мере приближения дня голосования в стране нагнетались политические страсти.

Избирательный штаб В. Гончарика потребовал от ЦИК изменить график проведения встреч с избирателями, разрешить уличные встречи и шествия, в чем и было отказано, так как это было запрещено законодательством. Оппозиция использовала любые провокации, чтобы опорочить А. Лукашенко. Обществу усиленно навязывалось мнение, что итоги голосования будут сфальсифицированы, что у А. Лукашенко нет шансов победить на выборах без подтасовок голосов.

Незادолго до голосования оппозиция создала гражданскую инициативу «Независимое наблюдение», которую возглавил М. Гриб. Наблюдатели от оппозиции путем параллельного подсчета голосов намеревались предоставить свои данные голосования с целью об-

винить ЦИК в фальсификации и признать результаты выборов недействительными, т. е. повторить «югославский сценарий». Эти действия вынудили Министерство юстиции Беларуси выступить с заявлением, что любая попытка контролировать деятельность избирательных комиссий и параллельно вести подсчет голосов будет рассматриваться как административное нарушение. Как ответная реакция на провокационную деятельность оппозиции был создан Республиканский координационный совет руководителей политических партий и объединений с целью присутствия на избирательных участках (по 3 человека) в качестве наблюдателей, чтобы не позволить оппозиции исказить итоги голосования.

Предвыборная кампания избирательного штаба А. Лукашенко была четко выверена и конкретна. Все действия Президента создавали информационный повод, гармонично вплелись в канву избирательной кампании, несли в себе позитив. Была сделана ставка на укрепление интеграции с Россией. Пожалуй, 2001 год был самым результативным и продуктивным в деятельности Союзного государства. А. Лукашенко демонстрировал феноменальную работоспособность, умение лично убеждать граждан в правильности принятых решений. Результаты выборов не замедлили сказаться. В голосовании 9 сентября приняли участие 83,85% избирателей. За А. Лукашенко проголосовали 75,62% избирателей, за В. Гончарика – 15,39%, за С. Гайдукевич – 2,48% [6]. В заявлении от 10 сентября, сделанном после проведения выборов, БДИПЧ, ПА ОБСЕ, ПАСЕ и Европарламент сформулировали вывод о том, что выборы не были свободными, демократическими, не соответствовали стандартам ОБСЕ. Наблюдатели от других структур признали выборы Президента Беларуси демократическими и легитимными.

Заключение. Таким образом, избирательный процесс 2001 г. свидетельствует о поддержке гражданами Беларуси избранного курса на построение поистине суверенного государства, которое в своей социально-экономической и политической деятельности опирается на национальные интересы страны с учетом культурно-исторических традиций и особенностей менталитета белорусского народа.

Литература

1. Политические партии: Беларусь и современный мир / М. Ф. Чудаков [и др.]. – Минск, 2002. – С. 146.
2. Советская Белоруссия. – 2001. – 12 января.
3. Советская Белоруссия. – 2001. – 20 марта.
4. Звезда. – 2001. – 19 чэрвеня.
5. Советская Белоруссия. – 2001. – 25 июля.
6. Звезда. – 2001. – 11 верасня.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БССР В 20–30-Е ГГ. XX В.

The article gives a short review of the chosen period. It reveals social development of Belarus and outlines tendencies in the process of changing the structure of the society. It also defines causes, results and importance of these phenomena. Relations and interdependence of social-economic development and national problems in a multinational republic are shown here. Special attention is paid to the demographic situation in the BSSR and its understanding.

Введение. Своеобразие социально-демографического развития Белоруссии определялось особенностями ее исторического и социально-экономического развития. В связи с тем, что одной из главных задач развития Белоруссии была ее индустриализация, то состоянию рядов пролетариата уделялось большое внимание.

За годы гражданской войны и иностранной интервенции рабочий класс Белоруссии понес огромные потери. Господствующая в промышленности и на транспорте разруха и дезорганизация также содействовали сокращению контингента промышленных рабочих.

Основная часть. Следует иметь в виду, что рабочий класс во многом расплылся и деклассировался. Профсоюзная перепись 1918 г. показала, что в промышленности Минской и Могилевской губерний потомственные рабочие составляли только 1/3 часть. Около 50% рабочих пришли на производство в годы Первой мировой войны.

После освобождения Белоруссии от белополяков наблюдался процесс ухода рабочих в деревню. Если в 1913 г. в ценовой промышленности Белоруссии насчитывалось 34 132 рабочих, то в 1920 г. (в межах БССР до сентября 1939 г.) – 24 221. В спичечной промышленности количество рабочих уменьшилось более чем в 3 раза, деревообрабатывающей – более чем в 2 раза, металлообрабатывающей – с 2163 до 1970 человек [1].

Главным источником формирования рабочего класса Белоруссии в восстановительный период (1921–1925 гг.) явились дореволюционные пролетарии. Часть их влилась в ряды рабочих, демобилизовавшись из Красной Армии, другие вернулись из деревни. К концу восстановительного периода на заводы и фабрики в большом количестве стали поступать вчерашние крестьяне.

В 20-е гг. имела место миграция сельских жителей в форме отходничества. Число лиц, уходивших на заработки в город с 1923 по 1927 г., составило 179 200 человек. Можно сказать, что картина социального состава пополнения рабочего класса Белоруссии была достаточно пестрой. Это и бывшие крестьяне, и ремесленники, и торговцы. Следовательно, рабочий класс БССР формировался в основном как новый класс.

В связи с этим встал вопрос о квалифицированных кадрах. Их в основном стали готовить школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) и профессионально-технические школы. Постепенно ситуация стала меняться к лучшему. Изменилась социальная среда, служившая источником пополнения рабочего класса. Так, в начале 1930 г. в республике была проведена перепись рабочих ценовой промышленности, железнодорожных мастерских и депо. Она показала значительный рост в их среде потомственных рабочих. Дети рабочих составили 53%; крестьян – 23,7%; ремесленников – 11,4%; служащих – 6,3%; торговцев – 1,2%; других – 4,4%.

Потомственные рабочие более часто встречались на предприятиях машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности; выходцы из крестьянской среды – в спичечной, деревообрабатывающей и других отраслях легкой промышленности. Например, на керамических и текстильных предприятиях они составили до 98% общего состава рабочих [2].

За годы первой пятилетки в БССР было построено более 500 фабрик и заводов. К 1932 г. количество рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве, составило 574 100 человек (в 1927–1928 гг. их было 303 500). За пятилетку количество рабочих крупной промышленности возросло более чем в 4 раза, достигнув 164 000 человек.

В восстановлении и развитии промышленности ценную помощь оказали белорусскому народу многие народы СССР. В результате совместных усилий количество рабочих высокой квалификации (6–8 разряда) составило в 1932 г. 4,6%, а в 1935 г. – 26% [3]. К 1940 г. количество занятых в промышленности Советской Белоруссии рабочих достигло 320 000 человек. Численность рабочего класса БССР росла быстрее, чем в целом по стране. За 1920–1940 гг. рабочий класс Белоруссии увеличился в 3,3 раза, а СССР – 2,7 раза [4].

Промышленность явилась главным фактором в развитии большинства городов. При этом развивались не только традиционные отрасли, основанные на использовании местных сырьевых ресурсов, но и отрасли, производящие средства производства: станки, машины, оборудование и т. д. Необычайно быстро происходила концентрация промышленности. Удель-

ный вес фабрик и заводов с количеством работающих более тысячи человек составлял свыше 30% всех предприятий. Насколько велико было развитие промышленности в Белоруссии свидетельствует тот факт, что объем промышленного производства в Минске увеличился в 1941 г. по сравнению с 1913 г. почти в 40 раз, в Гомеле – в 120 раз, в Могилеве – в 188 раз [5, с. 111] и т. д.

Внутренняя миграция оказала сильное влияние на изменение социального состава республики в целом. Если рост городского населения за 1913–1926 гг. составил 104,7%, то за 1926–1939 гг. – 111,8%. В 1926 г. удельный вес городского населения равнялся 17%, а в 1939 г. – 25% [5, с. 50].

Несмотря на высокие темпы индустриализации БССР, масштабы аграрного перенаселения были достаточно велики и развивающаяся промышленность не могла поглотить избыточное сельское население. Поэтому при разработке пятилетних планов развития народного хозяйства республики предусматривались значительные переселения населения из БССР в другие районы СССР, где ощущалась нехватка рабочей силы. Кроме БССР, белорусы проживали в РСФСР, Украинской, Литовской ССР и некоторых других республиках. Перепись 1926 г. свидетельствует о том, что за пределами Белоруссии проживало 722 000 человек.

Шел процесс формирования единого народно-хозяйственного комплекса, укрепления интернациональной основы духовной жизни советского общества. Вместе с тем единство путей социального развития не могло не учитывать определенные национально-региональные своеобразия. При разработке перспектив социальной политики учет этих факторов имеет особое значение (размер территории, природно-климатические условия, численность населения, способ расселения, основные типы производства и др.).

Демографический потенциал также достаточно сильно влияет на экономическое развитие. Во время Всесоюзной переписи 1926 г. в городах и поселках городского типа Белоруссии была зарегистрирована 218 531 семья. Средний размер семьи составил 3–4 человека. К концу 30-х гг. количественный состав рабочих семей Белоруссии изменился незначительно. Средний размер семьи остался прежним.

Следует иметь в виду, что в результате Первой мировой войны и интервенции, революций и гражданской войны, трудностей восстановительного периода демографическая структура БССР к 1926 г. оказалась нарушенной. Относительное количество детей обоих полов стало значительно ниже, чем в 1897 г., возрастные группы мужчин от 20 до 39 лет также уменьшились по удельному весу.

Но в результате проведения в жизнь целого ряда оздоровительных и лечебных мероприя-

тий было достигнуто заметное повышение продолжительности жизни и снижение смертности. В результате чего с 1913 по 1926 г. население БССР увеличилось на 104,7%, а с 1926 по 1939 г. – на 111,8%. Средняя продолжительность жизни также возросла. Если в 1896–1897 гг. она составила 37,5 лет, то в 1926–1927 гг. – 52,6 лет [5, с. 72]. Если представить рождаемость детей по годам, то это выглядело следующим образом: 1923 г. – 37,4; 1924 г. – 39,8; 1925 г. – 42,3; 1926 г. – 41,3; 1927 г. – 39,1; 1928 г. – 36,4; 1930 г. – 35,4; 1931 г. – 35,1; 1940 г. – 26,8 (рождаемость на 1000 человек) [5, с. 35].

Из приведенных данных видно, что в 1923–1925 гг. рождаемость в республике возрастала. С 1926 г. рождаемость в БССР начала снижаться. Это было обусловлено целым комплексом причин. Среди них: высокие темпы индустриализации, коллективизации, связанные с ними трудности, быстрый рост городов, массовое вовлечение женщин в общественное производство, значительные миграционные потоки, улучшение санитарно-гигиенических условий жизни населения, что сокращало детскую смертность, вступление в активный детородный возраст малочисленной группы женщин, родившихся в военные 1914–1920 гг., участие и гибель определенной доли мужского населения в военных конфликтах (озеро Хасан, река Халхин-Гол, война в Испании, финская война, Вторая мировая война). Если в 1926 г. на 1000 женщин в БССР приходилось 998 мужчин, то в 1939 г. – 939 [5, с. 50].

Развитие Белоруссии в 20–30-е гг. XX в. в обязательном порядке предполагало учет национально-региональной ситуации в республике. Национальная жизнь сложна и многообразна, она проявляется во всех сферах общественных отношений – политической, правовой, социально-экономической, культурной.

Разрешение национального вопроса в СССР в 20–30-е гг. осуществлялось в политической, экономической и этносоциальной областях. В каждой из них были свои особенности, характерные для исторического прошлого того или иного народа. Управление региональными процессами носило односторонний характер и было направлено на сохранение централизации экономической и политической власти. Главным средством контроля деятельности национальных регионов являлась произвольная трансформация административно-территориального деления, последовательно проводимая межрегиональная экономическая интеграция, а в этнокультурной области – политика сближения наций.

Для БССР национальный вопрос имел две составляющие, связанные с проблемами развития, во-первых, коренной национальности – белорусов, а во-вторых, национальных меньшинств –

русских, украинцев, евреев, поляков, латышей, литовцев, немцев.

Решение проблемы национального развития строилось по формуле «национальное по форме, пролетарское по содержанию». Особое внимание уделялось культурному аспекту. «Многовековой национальный гнет и русификаторская политика царского правительства не дали возможности нормально развиваться белорусской культуре. Коммунистическая партия в полном согласии со всей программой в области национального вопроса должна принять все меры к налаживанию работы на белорусском языке, создавая нормальные условия для развития белорусской культуры», – указывалось в резолюции VII съезда КП(б)Б (март 1923 г.). Но «процесс расширения влияния белорусской культуры» должен был быть согласован с наличием достаточно подготовленных, «классово воспитанных и революционно выдержанных работников».

Однако национальный вопрос для БССР существовал не столько как языковая проблема, сколько как вопрос территориальный. После Рижского договора большая часть белорусских земель была разделена между Польшей и Россией, в результате чего территория белорусской республики составила 52,39 км² с населением в 1,5 млн. человек. Решение о частичном возвращении белорусских территорий в состав БССР было принято в Москве в феврале 1924 г. Вследствие этого территория БССР увеличилась почти в 2 раза – до 110 584 км² с населением 4,2 млн. человек, 70,4% из которых были белорусы.

«Расцвет ранее угнетенных наций и национальных языков» осуществлялся в БССР особенно интенсивно во второй половине 20-х гг. Советскому строительству был придан национальный характер. В статье 20 Конституции БССР 1927 г. указывалось, что «для более полного и широкого вовлечения трудящихся национальных меньшинств БССР в работу экономического и социального строительства в

местностях, где трудящиеся той или иной национальности составляют большинство населения, организуются в Советы, работающие на языке данной национальности и наиболее полно учитывающие в своей работе национальные особенности» [6].

Следует отметить, что население Белоруссии в этот период было достаточно многонациональным. Кроме белорусов, составляющих большинство местного населения, в БССР по переписи 1926 г. проживали представители 57 национальностей.

С учетом этого фактора строилась и система образования. В 1927 г. в БССР насчитывалось 4190 четырехлетних и 197 семилетних белорусских школ, соответственно 147 и 53 еврейских, 122 и 10 польских, 407 и 32 русских. Действовали национальные детдома: белорусские – 45, еврейские – 16, польские – 4, русские – 2, латышские – 1, прочие – 5.

Закключение. Таким образом, можно сказать, что социально-демографические процессы, происходившие в БССР в 20–30-е гг. XX в., носили многоаспектный характер и были отмечены различными тенденциями.

Литература

1. Завалеев, Н. Е. Рабочий класс Белоруссии в борьбе за социализм. 1917–1932 гг. / Н. Е. Завалеев. – Минск, 1969. – С. 50.
2. Рабочие цензовой промышленности БССР. – Минск, 1930. – С. XXI–XXII.
3. Шлопак, Р. Т. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса БССР в годы второй и третьей пятилеток (1933–1941 гг.) / Р. Т. Шлопак // Вопросы истории. – 1960. – № 12. – С. 82.
4. История рабочего класса Белорусской ССР: в 4 т. / под ред П. Т. Петрикова [и др.]. – Минск, 1985. – Т. 3. – С. 38.
5. Раков, А. А. Население БССР / А. А. Раков. – Минск, 1969.
6. История Советской Конституции 1917–1956. – М., 1957. – С. 516.

СТАНОВЛЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

The article reveals the stages of development of the main directions in formation of ecological upbringing and education as a pedagogical problem. The stages include publication of the first Russian textbook on natural sciences, opening of a biology study in St. Petersburg public college and forest nurseries at public colleges. The author explains the meaning of the concept «ecological mentality» and shows the role of anticipating education in its formation.

Введение. Глобальные экологические проблемы заставили человечество серьезно проанализировать сложившуюся систему ценностей, в том числе и систему нынешнего образования, и сделать определенные выводы. Проблемы экологического образования и воспитания имеют свой генезис.

Изучение трудов естествоиспытателей (К. Линней, Ч. Лайеля, Ч. Дарвина) показывает, что в их работах используются такие термины, как «экология природы», «борьба за существование», «приспособление» и др. Однако впервые понятие «экология» было выделено в науке Э. Геккелем в 1861 г., когда он попытался дать четкое и ясное ему определение: «Под экологией мы подразумеваем общую науку об отношениях организма к окружающей среде, куда мы относим “все условия существования” в широком смысле этого слова» [1].

Основная часть. Со временем понятие «экология» стало наименованием для интенсивно развивающейся отрасли науки, которая приобрела большое теоретическое и практическое значение.

В историческом аспекте вопросы бытия человека в его природном и социальном окружении были первыми проблемами, с которыми столкнулись люди. Поэтому рассуждения на социально-экологические темы становятся элементом общественного сознания с глубокой древности.

Знания по экологической проблематике накапливались на протяжении всей истории человечества. Оказывая влияние на различные социальные слои, они постепенно внедрялись в массовое сознание, изменяя отношение в системе «человек – мир».

Так, в средние века это происходило благодаря практическому опыту земледельцев и скотоводов. В эпоху Возрождения – на основе перехода от целостного и наивно-умозрительного взгляда на природу древних к аналитическому (т. е. расчлененному) рассмотрению отдельных элементов и явлений природы. Аналитический взгляд был шагом вперед и стал условием дальнейшего прогресса. Как отмечал Ф. Энгельс, этот же взгляд на мир породил привычку «рассматривать вещи и процессы природы в их обособленности, вне их великой, общей связи» [2].

В XVI–XVII вв. углубленное исследование природы, вызванное непосредственными потребностями зарождающихся капиталистических производственных отношений, все прочнее основывалось на наблюдении и эксперименте. Особенно интенсивно накапливались знания в области ботаники, зоологии, анатомии. К концу XVIII в. было описано и изучено около 20 тыс. видов животных, возрос интерес к исследованию взаимосвязи организма со средой его обитания.

Определенное влияние на распространение естественных знаний среди населения оказывали учебные заведения. В начале 80-х гг. XVIII в. естественная история впервые сделалась предметом школьного естествознания.

Появление естествознания в народных училищах России не было случайным явлением. Оно было закономерно обусловлено теми же социально-экономическими причинами, которые вызвали осуществление в 1786 г. реформы народного образования.

В 1786 г. в России вышел первый учебник по естествознанию «Начертание естественной истории» академика В. Ф. Зуева (1754–1794). Этим учебником Василий Федорович положил начало распространению естественно-научных знаний через систему народного образования. Поскольку естественные знания явились базой для экологического образования, то можно сказать, что с этого времени они стали постепенно внедряться среди небольшого количества учащихся, которые посещали народные училища.

Важным этапом в дальнейшем совершенствовании школьного экологического образования было создание В. Ф. Зуевым в главном народном училище св. Петра (Петербург) первого в России кабинета биологии. Введению естествознания как учебного предмета в среднюю школу сопутствовало интенсивное развитие наук о природе.

Благодаря активной научной деятельности гениального русского ученого М. В. Ломоносова (1711–1765) успешно развивался естественно-научный материализм. Социальный прогресс и развитие промышленности обусловили растущий интерес к природе. Ф. Энгельс указывал, что экономическая потребность с

течением времени все более становилась главной пружиной двигающегося вперед познания природы [3].

Природоохранительное образование в России тесным образом было связано с природоохранительным движением. Первым русским природоохранительным органом было Общество для поощрения лесного хозяйства, возникшее в 1832 г. в Петербурге. В 1864 г. создаются Российское общество покровительства животным и Императорское русское общество акклиматизации животных и растений. Последнее имело опытную пасеку, гидробиостанцию, бактериоагрономическую станцию, ветеринарно-биологическую и ихтиологическую лаборатории, в которых учителя школ совершенствовались профессионально, консультировались, проводили экскурсии с учениками.

В то время существовали общества естествоиспытателей, садоводов, энтомологическое, вольное экономическое общество. Члены этих обществ понимали, что успешное распространение их целей возможно лишь путем воспитания новых поколений людей, поэтому первым шагом российских обществ было обращение к министру народного просвещения с тем, чтобы Министерство дало распоряжение учителям училищ о привитии учащимся соответствующих взглядов на природу. С аналогичной просьбой общества обратились к деятелям культа всех исповеданий.

В 1885 г. Петербургское лесное общество обратилось с ходатайством в государственные органы об устройстве лесных питомников при народных школах.

По инициативе В. В. Докучаева в Нижнем Новгороде был организован естественно-исторический музей; в Петербурге – музей почвоведения; в Риге – первая сельскохозяйственная станция. К 1877 г. в России работало 68 сельскохозяйственных станций (для сравнения во Франции – 80; Германии – 300).

Накопление фактического материала, его научное обобщение послужили осознанию необходимости привлечения к участию в охране природы возможно большего числа людей. В конце XIX в. общественное движение в защиту природы получило большой размах.

Знания, постепенно накапливаемые практикой и исследованиями в различных областях естественных наук, привели к пониманию того, что охрана природы – комплексная проблема, которую надо решать с учетом всех ее аспектов. Подтверждение этой позиции мы находим в материалах XII съезда русских естествоиспытателей и врачей в 1909 г., на котором обсуждались не только вопросы охраны природы, но и меры по развитию у населения активной любви к природе. По утверждению известного лесовода Г. В. Морозова, ботаников В. И. Та-

лиева и М. Н. Голенкина, решению поставленной задачи должно было содействовать улучшение преподавания географии, биологии и других дисциплин в университетах.

Понятие «охрана природы» вошло в обиход в 1910 г., когда известный инициатор и организатор международного общества охраны природы, швейцарский ученый П. Саразен, выступая на VIII зоологическом конгрессе, призвал ученых обратить внимание на то, что наша природа идет к постепенному обеднению и необходимо принять самые энергичные меры по ее охране.

На этом этапе понятие «охрана природы» носило узкий смысл и сводилось к охране отдельных природных объектов или исчезающих видов животных и растений. Постепенно оно пополнялось новым содержанием: охрана достопримечательностей природы, природных ресурсов и природы в целом как среды жизни.

Деятельность по охране природы потребовала формирования определенных качеств у тех, кто ею занимался. Воспитательный процесс с такой направленностью получил название «природоохранительное просвещение», которое со временем расширилось до «экологического образования и воспитания». Следует отметить, что последний термин более полно охватывает область школьной деятельности, так как отражает современные представления об экологии как комплексной науке.

Методологическим основанием для вывода о необходимости охраны природы служил отказ от идей господства человека над природой, покорения им природы, осознание проблемы ограниченности традиционно используемых природных ресурсов. Эти идеи по инерции продолжают функционировать и до настоящего времени, хотя и не в такой форме как в XIX в.

Логическим завершением поисков явился вывод, сделанный русским ученым В. И. Вернадским: «С появлением на нашей планете одаренного разумного живого существа планета переходит в новую стадию своей истории. Биосфера переходит в ноосферу. Само по себе человечество составляет ничтожную массу вещества планеты. Могущество человека в его разуме. Но мысль не является формой энергии. Она может преобразовать природу только через деятельность людей. Поэтому не просто разум, а разум и труд определяют человека в крупнейший геополитический фактор» [4]. Становление ноосферы, по мысли В. И. Вернадского, требует воспитания нового сознания.

В настоящее время проблемы экологического образования и воспитания стали общепланетарными и рассматриваются на уровне авторитетных международных организаций. Так, в 1992 г. в Рио-де-Жанейро собрался меж-

дународный конгресс, посвященный проблемам взаимоотношений природы и общества. Участниками данного конгресса были ученые, политики, главы государств. Конгресс рекомендовал всем государствам создать национальные программы, которые бы ориентировали общество на такое развитие, которое уберегло бы окружающую среду от деградации. Поэтому сегодня важнейшей задачей экологического образования и воспитания на первом месте является формирование экологического сознания у подрастающего поколения. Понятие «экологическое сознание» вошло в литературу сравнительно недавно и трактуется как совокупность знаний, убеждений, психологических состояний человека, отражающих проблемы соотношения общества и природы [5].

Выделение экологического сознания в качестве самостоятельной формы общественного сознания позволяет сформулировать логико-гносеологическое содержание экологического образования. На наш взгляд, его составляют экологические знания и хорошо организованная, поэтапно проводимая система мер по их усвоению и воспитанию у людей экологически верного поведения. Экологические знания представляют собой логические формы, отражающие в субъективных образах явления, процессы взаимосвязи и взаимодействия человека с окружающей средой. Только на основе их анализа можно преодолеть сложившиеся за тысячелетия чисто потребительские тенденции отношения к природе и укоренившуюся привычку отдавать предпочтение непосредственно ощутимым ближайшим результатам перед опосредованными и отдаленными во времени.

Одним из условий формирования экологического сознания является не только понимание человеком сложных опосредованных взаимосвязей природных процессов, но и его достаточно высокая социальная гражданская зрелость, которая предполагает осознание личностью социально-экономического идеала взаимодействия природы и общества. Это осознание включает, наряду с личностным преломлением теоретико-познавательной модели оптимизированной системы «природа – человек – общество», и формирование у личности убежденности и ответственности по отношению к природе, реализующихся в различных видах экологической деятельности.

Учитель приобретает новую социально-педагогическую функцию – воспитание личности с новым экологическим типом мышления, основу которого составляет убежденность в необходимости сохранения природы как высшей жизненной ценности, владеющий мировоззренческими экологическими идеями и понятиями, что является одним из направлений концепции устойчивого развития.

Вторым направлением реализации концепции устойчивого развития является (в перспективе) трансформирование экологического сознания в эколого-ноосферное. По мнению А. Д. Урсула, «именно в этот непростой для цивилизации период на первый план в образовании выступают функции адекватного реагирования на современные изменения, возможность даже их кратковременного предвидения, защита от угроз и опасностей, т. е. обеспечение безопасности в любом ее виде. Трансляционная функция образования отходит на периферию, а приоритетное место начинает занимать созидательно-творческое, развивающее начало, что только и может способствовать принятию опережающих решений по выходу из кризисных ситуаций» [6].

Заключение. Известный академик мира Н. Н. Моисеев высказывал мысль о «необходимости менять стратегию образования, оно должно носить опережающий характер». А современное же образование делает акцент на прошлом и оказывается оторгнутым от будущего [7].

По мнению ученых системообразующей идеей содержания образования должна стать идея устойчивого развития, которая предполагает сохранение стабильности биосферы.

Идею устойчивого развития общества поддерживают многие ученые мира. Педагогам же предстоит большая работа в создании новых образовательных программ, новых биоадекватных учебников, направленных на формирование творческой личности, которая сможет приостановить надвигающийся глобальный экологический кризис.

Литература

1. Геккель, Э. Естественная история миротворения. Общепонятное научное изложение учения о развитии. (Трансформизм и дарвинизм) / Э. Геккель. – Лейпциг; СПб., 1908. – Т. 1. – С. 226.
2. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 30 т. – 2-е изд. – М., 1955. – Т. 3. – С. 7.
3. Энгельс, Ф. Диалектика природы // Ф. Энгельс, К. Маркс // Сочинения: в 30 т. – 2-е изд. – М., 1961. – Т. 20. – С. 343.
4. Вернадский, В. И. Биосфера: Избранные труды по биогеохимии / В. И. Вернадский. – М., 1967. – С. 185.
5. Борисевич, А. Р. Экологическое воспитание: проблемы, перспективы, технологии / А. Р. Борисевич, Т. Г. Каленникова. – Минск, 2004. – С. 9.
6. Урсул, А. Д. Концепция опережающего образования / А. Д. Урсул // *Almamater*. – 2006. – № 7. – С. 31.
7. Моисеев, Н. Н. Время определять национальные цели / Н. Н. Моисеев. – М., 1997. – Т. 3. – С. 201.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРОРИЗМА

The article dwells upon the problem of terrorism and ways of its elimination. Special attention is paid to terrorism as a great phenomenon giving threat to the state, undermining the system of state power and management. The article reveals some psychological problems of terrorism (psychology of terrorists, psychology of hostages, psychology of negotiations with terrorists, psychology of relations of hostages and terrorists).

Введение. Изучение проблемы терроризма и борьбы с ним обуславливается тенденцией развития политической и социально-экономической ситуации, которая дает основание полагать, что мы входим в полосу роста проявлений терроризма. Наше общество еще недавно обладало определенным иммунитетом к терроризму, однако, являясь по сути своей сложным социально-политическим явлением, аккумулирует социальные противоречия, зачастую достигая уровня конфликта.

Основная часть. В настоящее время терроризм – это широкомасштабное явление, представляющее угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства. Это объясняется тем, что, во-первых, терроризм подрывает систему государственной власти и управления, снижая эффективность управления обществом, регулирования социально-политических процессов; во-вторых, ослабляет государственные и общественные структуры, усиливает влияние в обществе оппозиционных и антиконституционных образований; в-третьих, активизирует негативное морально-психологическое воздействие на население, вызывает хаос, беспорядки, ожесточенность людей по отношению друг к другу; в-четвертых, терроризм приобретает международный характер и представляет опасность для мирового сообщества.

Тем самым, говоря о терроризме, нельзя не отметить то, что террористы для достижения своих деструктивных целей используют различные способы. Самым бесчеловечным из таких способов является захват заложников.

Современные террористические акции, связанные с захватом заложников, отличаются беспрецедентной жестокостью и изощренностью способов исполнения. Все чаще человеческие жизни становятся предметом торга для террористов. Поэтому при использовании террористами захвата заложников в качестве средства шантажа государственных органов власти встает вопрос эффективного противодействия данному опасному явлению, который приобретает особенную актуальность и переходит из области научно-теоретических исследований в практическую плоскость.

В этой связи при изучении психологических проблем терроризма мы сталкиваемся с четырьмя вопросами:

1. Психология террористов.
2. Психология взаимодействия террористов и заложников.
3. Психология заложников – основных жертв действий террористов.
4. Психология ведения переговоров с террористами.

Для личности террориста характерно то, что весь мир замыкается на своей группе, своей организации, на целях своей деятельности. Поэтому организация накладывает жесткие требования на индивидуальность человека, ограничивая свободу его выбора. Личность террориста отличается психологическая ущербность, дефицит чего-либо в жизни, корни которого прослеживаются с самого детства. Такая ущербность приводит к потребности гиперкомпенсации в первую очередь за счет других людей. В психике террориста эмоции занимают больше места, чем рациональное мышление. Об искаженной логике террористов свидетельствует такой интересный факт. Они практически не могут работать в режиме диалога. Известно, что повсеместно почти любое предложение пойти на компромисс вызывает у террористов неадекватную, искаженную реакцию.

Террористы – особый тип людей, у которых рациональные компоненты в поведении и характере почти отсутствуют, а эмоциональные компоненты преобладают до такой степени, что становятся аффективными. В этом отношении психика террористов приближается к психике человека толпы. Низкий уровень культуры и искаженные представления об окружающем мире, о том, что только насилие и угрозы являются наиболее эффективными способами преобразования мира, делают личность террориста особым социокультурным феноменом. Примеры подобного проявления личности мы наблюдали у террористов М. Бараева, захвативших заложников в культурном центре на Дубровке в Москве.

По степени выраженности эмоций различаются два типа террористов. Первый тип характеризуется предельным хладнокровием. Отсутствие очень сильных эмоций, подчеркнутое хладнокровие считается качеством, повышающим эффективность террористической деятельности и снижающим степень риска для террориста. Второму типу террористов свойственна глубокая эмоциональная жизнь. Повы-

шенный темперамент ведет к гиперактивности и сверхэмоциональности. Как правило, при выполнении террористического акта такой человек собран и сдержан, но в обыденной жизни он не способен сдерживать свои эмоции, порывы, аффекты, агрессию.

Взаимоотношения террористов с заложниками необходимо рассматривать как сложное социально-психологическое явление. Так, весь мир был свидетелем драматических событий, произошедших в октябре 2002 г. в Москве. Террористическая группа под командой М. Бараева захватила более 700 заложников в театральном центре на Дубровке. Террористы требовали прекращения военных действий в Чечне и проведения переговоров с лидерами боевиков. На примере данной чрезвычайной ситуации разберем особенности взаимоотношений террористов с заложниками и психологию людей, волею жизненной ситуации ставших заложниками.

Взаимодействие террористов с заложниками можно разложить на несколько этапов. Каждый этап отличается своей социально-психологической спецификой.

Первый этап – захват заложников, характеризующийся молниеносными действиями террористов и полной неожиданностью для заложников. Заявление террористов о том, что присутствующие в театре захвачены в заложники.

Второй этап – подчинение террористами воли заложников путем запугивания. Агрессивные действия террористов, выстрелы, запах пороха, угрозы предназначены для того, чтобы мгновенно сломить волю заложников, отнять надежду на скорое спасение. Организация охраны заложников, постоянного наблюдения за поведением.

Третий этап – недопущение открытой паники среди заложников. Средством этого может быть избивание или даже расстрел паникера. Внутренняя психологическая паника закрадывается в душу заложника.

Четвертый этап – введение жестких норм поведения заложников, диктат того, что можно, а что нельзя делать.

Пятый этап – оповещение внешнего мира о захвате заложников. В театральном центре на Дубровке террористы разрешили заложникам поговорить по телефону со своими родственниками и знакомыми. Затем мобильные телефоны были у заложников отобраны.

Шестой этап – сортировка заложников с целью разрушить установившиеся межличностные связи. Террористы отделили мужчин от женщин, детей от взрослых, россиян от иностранцев.

Седьмой этап – организация террористами жизни заложников, обеспечение питания, сна и пр.

Восьмой этап – адаптация заложников к экстремальной ситуации, наступление усталости, притупление чувств.

Девятый этап – возникновение у заложников состояния депрессии, возможны эмоциональные срывы как со стороны заложников, так и со стороны террористов.

Десятый этап – освобождение заложников и уничтожение террористов.

После освобождения у заложников возникает посттравматический синдром. У каждого освобожденного заложника этот синдром проходит по-своему. Анализ ситуации в театральном центре на Дубровке показывает, что легче переносит ситуацию заложничества тот человек, который постоянно чем-то занят. Важная задача заложников – это постоянное сохранение познавательной активности, стремления к познанию. Пример журналистки Ольги Черняк является показательным. Она внимательно отслеживала действия террористов, анализировала ситуацию, запоминала, кто пришел, кто что сказал, кто как был одет. Она постоянно общалась с окружающими людьми, оказывала им психологическую помощь. В результате после освобождения Ольга одной из первых пришла в себя, вышла из состояния стресса.

Люди, ставшие заложниками, испытывают серьезную трансформацию психики. Во-первых, практически у всех возникает ощущение нереальности ситуации. Они не могут до конца поверить, что оказались в таком безвыходном положении, не имеют возможности сами распоряжаться своей судьбой, действиями, поведением, что они фактически стали рабами жестоких, агрессивных людей. Во-вторых, у заложника возникает протест против заточения, проявляющийся в открытой или скрытой форме. Часто не выдержав стресса, люди пытаются бежать, даже если это бессмысленно, так как побег одного или нескольких заложников может вызвать агрессивные действия со стороны террористов в отношении оставшихся. Взбунтовавшийся заложник может броситься на террориста, попытаться вырвать у него оружие. Подобные действия, как правило, не бывают успешными, так как одиночное оказание сопротивления террористам неэффективно. Результаты только организованные, хорошо спланированные действия спецслужб и правоохранительных органов.

Заключение. Актуальность проблемы терроризма в современном мире будет возрастать. Проблема терроризма хоть и имела место в мировой истории раньше, однако на современном этапе она начинает приобретать новое глобальное значение. Корни терроризма заложены не только в экономических, но и в исторических и этнокультурных проблемах. Поэтому для психологов изучение источников терроризма и способов его предотвращения становится особенно важным.

УДК 101.1:316

М. В. Подручный, ассистент

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ СОЦИОБИОЛОГИИ

This article is devoted to analysis of epistemological and methodological grounds of sociobiology, offered the historical reconstruction of theoretical prerequisites of forming this interdisciplinary paradigm, revealed its internal contradictions and factors limiting the growth of traditional heuristic sociobiological strategy. Particular attention is paid to the analysis the nature of interdisciplinary interactions in the study of biological foundations of social behaviour, let range of related issues.

Введение. Постнеклассический тип научной рациональности характеризуется появлением исследований, которые, не имея дисциплинарной принадлежности, обладают при этом четкими теоретическими и методологическими позициями. Примером такого знания является социальная биология. Своеобразие социальной биологии заключено в ее исторических корнях. Во многом она биология только по названию, поскольку процесс формирования, складывания социальной биологии как науки происходил не в лоне собственно биологии, а в рамках социологии. Это результат экспансии эволюционной социологии.

Социальная биология – это место, где встречаются генетики и социологи, экологи и психологи, этологи и этнографы. Задачей данной статьи является попытка выявить теоретические позиции и методологические подходы, реализуемые в социальной биологии.

Основная часть. Теоретические основания, на которых строится социальная биология, разнородны по своей природе и предполагают поэтому разные теоретические позиции, разную методологию. Важно также то, что разнородность частей усугубляется разным их значением для проблематики, теории и методологии социальной биологии. Более того, как показывает анализ, современная социобиология, строя свою теорию по образцу классической эволюционной теории (т. е. заимствуя трехчастную схему: *постулируемое положение (эволюция) – ведущий фактор*, являющийся теоретическим стержнем (*борьба за существование*) – *механизм*, обеспечивающий описываемый процесс (естественный отбор)), привлекает в качестве «строительного материала» каждой части разные по природе составляющие.

В структуре социальной биологии можно выделить биологический, психологический и социологический компоненты. Определяющим среди них является биологический компонент, но только по причине естественно-научной

ориентации, заданной социальной биологией уже в наше время, но не вследствие действительной значимости его относительно двух других компонентов. Хотя менталитет социобиологического сообщества и сформирован на причислении себя к кругу естественно-научных биологических дисциплин, особенности исторического развития социальной биологии дают иную картину распределения «влияний» на структуру ее научного знания со стороны социологии, биологии и психологии.

Социология, появившаяся в первой половине прошлого века, стремилась воспроизвести в собственном лице позитивный идеал естествознания, что притягивало социологию к биологии как к наиболее близкому отделу естествознания. Этому способствовал также такой важный момент, как проникновение в естествознание – и опять в первую очередь через биологию – идеи *социального прогресса* в форме идеи *прогрессивной эволюции*. Складывающаяся на этом основании эволюционная биология сама нуждалась в определенных внешних опорах для новой идеи. И опоры она, в свою очередь, искала в молодой социологии (точнее, через посредство последней в социальной философии).

Так что процесс соединения биологии и социологии, инициированный проникновением в естествознание из социальной философии и социально-политической практики идеи прогрессивной эволюции, носил характер взаимного притяжения. Первым результатом этого взаимодействия стала теория о естественном статусе человеческого общества. Мысль, достаточно тривиальная на Востоке, но революционная на Западе, поскольку это была тема, оппозиционная теме *общества как конвенции*. Соответственно, идея естественного (природно обусловленного) устройства общества нуждалась в позитивном обосновании. Идея прогресса общественного развития окольными путями стала проникать в среду естествоиспытателей. Усвоенная здесь и в течение одного-полутора

веков развитая до идеи *эволюции Природы*, она вернулась в социальную философию и социологию под видом естественно-научной теории эволюции, объясняющей, в частности, и разнообразие человеческих обществ. А ведь именно тогда это разнообразие стало наиболее очевидным для ученых-естественников, поскольку в круг их внимания попали многочисленные данные молодых наук – археологии и этнографии.

Идея прогресса человеческого общества вновь, как и во времена античной науки, оказалась связанной в сознании естествоиспытателя XIX в. с идеей прогресса форм животной жизни. Сложилась концептуальная основа для возникновения *зоосоциологии* или *эволюционной социологии*, т. е. социологии различных форм животной жизни, выстраиваемых в лестницу прогрессивно усложняющейся организации. Эти научно-исторические условия формирования социальной биологии определили ее образ, который и составляет до сих пор основу этой науки. В XIX в. и в первой трети XX в. эта основа, логический каркас науки, была вполне очевидна исследователям, теперь же она оказалась затененной множеством разнородных теоретических схем, заимствованных из популяционной генетики и экологии, разработанных в этологии и психологии. Таким образом, основания социальной биологии оказались покрыты более поздними теоретическими напластованиями.

Но основания, даже неявные, определяют исходную проблематику науки. Соответственно, социальная биология имеет проблематику, детерминированную внешними для ее природы факторами. Специфичным для социальной биологии является то, что центральными проблемами в ней остаются собственно социологические проблемы. Центральная проблема социологии – это проблема социального прогресса в форме прогрессивной эволюции животной жизни от одиночного к социальному существованию и проблема социальной организации в форме уровней организации животной жизни.

Каких бы теоретических позиций не придерживался исследователь, описывающий «социальную жизнь животных», он исходит и возвращается к обсуждению именно этих двух проблем. Примечательно перекликаются между собой заключительные тезисы фундаментальных исследований, отстоящих друг от друга на век и провозгласивших каждое появление новой дисциплины – социологии животных у А. Эспинаса и социобиологии у Э. Уилсона [1, р. 234–235]. Несмотря на различные по существу теоретические установки – социологические у одного и биологические у другого, авторы считают необходимым завершить исследование построением филогенетического дерева социальных форм в ряду от самых низших (зооло-

гически – простейших, а социально – одиночных) до высших (исключительно человеческих). Но если у Эспинаса ряд этот логически обоснован всей структурой изложения, то у Уилсона это особняком стоящая схема (даже две, поскольку одна схема выстраивает эволюционный ряд социальности для всех животных и человека, а другая – только внутри человеческих обществ), которая не поддается обоснованию биологическими аргументами (преимущественно популяционно-генетическими, экологическими и эволюционно-биологическими).

Гипотетико-дедуктивными основаниями социально-биологической теории являются основания *социологии* в собственном – классическом и современном – смысле (поэтому некоторые философы и биологи предлагают название *био-социологии* как более корректное, нежели *социобиология*). Проблема эволюции социальной жизни (в форме социогенеза по аналогии с филогенезом) и проблема социальной организации (в форме уровней социальной организации по аналогии с уровнями биологической организации) есть исходные теоретические постулаты социальной биологии на протяжении всего времени ее развития. Выявив теоретические основания, социобиолог должен найти для них *ведущий фактор*, или в лучшем случае группу факторов, которые позволяли бы создать теоретическую конструкцию. Для этого социальная биология обращается к своему второму компоненту – психологии.

Если раньше таковым признавалась борьба за существование, то после периода кризиса – положения популяционной генетики и популяционной экологии. Сам по себе популяционистский подход в биологии, определивший уровень и стиль полевых исследований, наложил отпечаток не только на выбор ведущих факторов в теориях социальной биологии, но и на самый вид представления данных, более того, даже определение животного сообщества стало формулироваться в популяционно-биологическом ключе (как *социодемографическая система*). Но при этом, постоянно апеллируя к популяционной биологии как к своему эмпирическому основанию, социальная биология – поведенческая наука. Социобиология предложила специфический ведущий фактор, объясняющий процесс социальной организации и эволюции. Сформировалось представление о популяционно-экологических и популяционно-генетических факторах социальной эволюции, а наряду с ними – о ведущем факторе специфически поведенческом по природе. В первом случае это *экологическое давление* и *филогенетическая инерция*, во втором же – *альтруизм*.

Альтруизм давно, еще до Дарвина, рассматривался как первый претендент на такую роль. Но эпоха эволюционизма заместила это место

его противоположностью – индивидуальной борьбой за существование. Поэтому альтруизм вплоть до самого последнего времени оставался хотя и в поле зрения теоретиков, но на далекой периферии их внимания. Достижение Гамильтона заключается больше всего в том, что он сумел построить модель, в которой альтруизм оказался функцией, производной от борьбы за существование. Подобная хитрость позволила вернуть к проблематике социальной биологии. Альтруизм был воспринят в качестве ведущего фактора эволюции социальной жизни животных, хотя он и не выводим из борьбы за существование.

Социальная биология по специфике своего предмета тяготеет к психологии более, чем к чему-либо другому. Предмет социальной биологии – это *поведенческая система* животного сообщества. Такая специфика предмета накладывает совершенно определенный отпечаток на самый процесс получения научного знания и его структуру. В социальной биологии используются методы экспериментальной и сравнительной психологии. Этология – часть психологии, которая трансформируется в социэтологию, тесно связанную с популяционной экологией.

Для построения законченной теории необходимо привести в соответствие ведущему фактору *движущие механизмы*. Только найдя механизмы, обеспечивающие реализацию ведущего фактора, можно создать непротиворечивую модель. В рамках вариантов тех подходов, которые развиваются социобиологией и социэтологией, в роли этого механизма выступает отбор родственников (*kin-selection* по терминологии У. Гамильтона) и групповой отбор (демовый или междемовый отбор социально связанных групп животных внутри сообщества или сообществ внутри популяции) [1, p. 250].

Это полная аналогия эволюционной теории Дарвина. Место индивидуального отбора как механизма эволюции занимает родственный и групповой отборы. Методология генетики в силу своей аксиоматической строгости очень привлекательна для социобиологов. Сама логическая схема, по которой У. Гамильтон из простого индивидуального отбора вывел отбор родителей и обусловленный им альтруизм родственников, а затем его последователей – групповой отбор и реципрокный альтруизм и nepoтизм (Э. Уилсон, Р. Трайверс), весьма привлекательна с точки зрения уменьшения числа аксиом.

Следовательно, установленные в качестве механизма социальной эволюции и процессов самоорганизации животных обществ родственный и групповой отборы решают, по мнению социальных биологов, проблему теоретической стройности и непротиворечивости логических конструкций, в которых социальная жизнь во всей ее структурной сложности может быть разложена на очень простые, линейно упорядоченные компоненты, позволяющие осуществлять логико-математические, линейные, преобразования [3, p. 302].

Методология популяционной генетики и экологии задает поэтому соответствующие эмпирические экспериментальные программы, приобретающие характер математических моделей. Тем самым биологическая ориентация в социобиологии способствует редукции ее основной проблематики: сведению феноменов социальной жизни к популяционно-демографическим процессам или взаимодействию генных комплексов. Социальная биология стремится превратить свое знание в точное и формализуемое, т. е. свести его к идеалам физичности.

Заключение. Таким образом, в теоретическом отношении современная социальная биология пестра и многолика: основу ее проблематики составляет социально-философская проблематика, объяснительные модели – популяционно-биологические и психологические, а описательные модели и эмпирическая база – экологическая, популяционно-генетическая и поведенческая.

«Гибридность» происхождения социальной биологии заставляет ее делать все больший акцент на объяснения, основанные не на естественно-научных моделях, а на моделях, по природе социологических и даже гуманитарных. Социобиология нуждается в *новой парадигме* и в *новых философских* основаниях. Таким конституирующим для всей совокупности знаний по социальной эволюции фактором может выступить философская теория глобального эволюционизма.

Литература

1. Dawkins, R. The selfish gene / R. Dawkins. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1976.
2. Wilson, E. O. Sociobiology. The new synthesis / E. O. Wilson. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1976.

КОНФЛИКТ БИОЭТИЧЕСКИХ И ЕВГЕНИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ В АСПЕКТЕ КРИЗИСА СЕМЬИ

In this article the crisis of family is analyzed in its connection with actualization of new moral authorities, which realize dialogic principle of solution of ethic problems. This principle is opposed with so-called family mystery, the privacy of information, the confidentiality of private life of the individual. Mass-media and ethic committees can be considered as the instances, influencing greatly on social and moral processes, in particular adaptating in their discourse new forms of relationship and different, in comparison with traditional, comprehension of the essence of family, parental feelings and sexuality. The crisis of family and actualization of new moral authorities represent the diverse character of moral dynamics of the contemporary society, which permits the coexistence of different, in their humane potential, systems of values, formally realizing the same principles. On the whole the permission of these or those technologies, the formation of these or those types of identity are the result of social consensus, articulated or not, in which moral standards, preventing from legitimation of eugenic project, are got over.

Введение. Одной из наиболее значимых проблем в современном обществе является кризис семьи, традиционно выступающей в качестве ячейки формирования идентичности и осуществляющей трансляцию нравственного опыта. Социальный план данной проблемы связан с трансформациями мировоззренческого и аксиологического характера, изменениями в самих формах трансляции нравственных ценностей, в то время как биологический (репродуктивные возможности семьи) – с ухудшением экологических условий ее существования, развитием искусственных репродуктивных практик.

Основная часть. В Беларуси кризис семьи определяется высоким уровнем разводов, ростом внутрисемейных конфликтов, заболеваемости вследствие аварии на ЧАЭС. В целом по стране наблюдается снижение качества репродуктивного здоровья населения, увеличение бесплодия или частичного бесплодия. Недостаточна и репродуктивная культура части мужчин и женщин, характеризующаяся огромным числом аборт и увеличением числа внебрачных детей [1]. Практически вся демографическая сфера оказывается в зоне бедствия.

Выход из этого кризиса связан с необходимостью становления новой стратегии решения демографических проблем, в рамках которой кризис семьи (в аспекте ее репродуктивного здоровья как одного из факторов общественного благополучия и устойчивости), в частности, и кризис демовоспроизводства в целом, в ряде государств связывается с принятием евгенических решений. К числу таковых относятся те, которые предполагают проведение профилактических мероприятий, ориентированных на обеспечение качества будущих поколений, – генетические консультации, преимплантационная диагностика, выборочные аборты по медицинским показаниям и др.

Попытка рассмотрения и решения демографических проблем социума сквозь призму евгенических принципов своей альтернативой

имеет апелляцию к биоэтике, задающей радикально иное видение этих проблем. Противоречия между биоэтикой и евгеникой определяются невозможностью достижения этического и юридического консенсуса в вопросе о допустимости манипуляций с человеческим геномом: с одной стороны, это противоречие обусловлено фундаментальной установкой биоэтики, рассматривающей природное равенство людей как «эмпирический факт», с другой – прямо противоположным подходом евгеники к решению этого вопроса, имеющим в своей основе постулат о биологической неравноценности живущих [2]. Рациональный аргумент, выдвигаемый евгениками в защиту своей позиции, заключается в попытке обосновать положение о том, что лотерея природы современный индивид может противопоставить мощь науки в виде революционных достижений в молекулярной биологии, которые способны обеспечить качество будущего потомства. Формирующаяся аксиология либеральной евгеники ориентирована на то, чтобы исключить дискриминацию лиц, страдающих заболеваниями, из социальной практики. Евгенические мероприятия должны быть нацелены на болезнь, а не на саму жертву – такова новая формула адаптации евгенических идей в контексте альтернативной модели демовоспроизводства для общественного сознания [3].

Более того, аргументом, усиливающим позицию евгеники по вопросам демографической политики, является сущность проблем, которыми занимается биоэтика, рефлекслирующая над достижениями в области технологий жизни и смерти. Биоэтические проблемы указывают на существование четко выраженной ценностной асимметрии между полноценной и ущербной жизнью: новые медицинские технологии ориентированы уже не столько на исправление, сколько на исключение самой возможности появления генетических дефектов. Здесь с очевидностью не соблюдаются основные принципы экологической этики – принцип благоговения

перед жизнью (его дискредитация осуществляется уже манипуляциями на уровне эмбриона) и принцип равноценности живущих существ, вступающие в противоречие с конкретными социальными мероприятиями. Это рассогласование в сложившейся ситуации этической неопределенности в отношении к вопросам жизни и смерти может стать условием для реализации евгенического проекта в его наиболее деструктивных формах.

Внедрение новых биотехнологий в социальную практику опосредованно способствует возникновению ряда проблем, связанных с поисками идентичности в современном обществе. Классические евгенические технологии, включавшиеся в программы демографической политики государства, были ориентированы на конкретные телесные и социальные параметры (предполагали четкие модели для идентификации и имплицитно коррелирующей с ними образ тела) – «рабочий» и «колхозница», «истинный ариец», «нордический тип». Специфика моделей, благодаря которым выстраивалось самопонимание человека, свидетельствует о существовании вполне однозначных социальных стандартов, а также связанных с ними нравственных стратегий. При этом само тело, выступая основным фактором конструирования идентичности, служило точкой отсчета, определяющей основания антропологической сущности и социальных предпочтений.

В настоящее время осуществляется своеобразная виртуализация тела: из наличного, естественного плана бытия человек выходит в область желаемого и возможного. Однако, в отличие от классической евгеники, объектом генетических манипуляций становится не готовый человек как носитель желаемых качеств, а его эмбрион. Вместе с тем наличие стандартизированных социальных образцов поставлено под сомнение в связи с формированием феномена «мерцающей идентичности», а также коррелирующих с ним нравственных форм поведения. Термин «мерцающая идентичность» соответствует ситуации выбора идентичностей из множества возможных, состоянию экспериментирования с «Я», связанному с феноменом утраты тела. Многообразные техники радикального преобразования тела, возможность выбора пола, осуществление вторжения в работу интимных биохимических механизмов, вмешательство в процессы эволюции человечества как вида через качественный и количественный контроль рождаемости являются аспектами подчинения природы человека, вызывающими системный кризис его идентичности [4]. «Я», определяемое естественным планом бытия, основой которого является данное и заданное природой, своей альтернативой имеет «Я», сознательно конструируемое уже на начальных

этапах формирования идентичности (на стадии эмбриональной жизни): жизнь, не соответствующая определению полноценности, имеет гораздо меньше шансов на реализацию.

Данная ситуация (игра с идентичностью) описывает одну из основных опасностей, возникающих вследствие трансформации сценариев формирования идентичности в точке бифуркации общества: традиционные способы ее конструирования (задаваемые, в первую очередь, в семье как микромоделю социума) уже не выполняют своей задачи, так как не соответствуют реалиям современного общества, или безнадежно устарели в контексте его новых возможностей. В этом аспекте новые формы семьи (гомосексуальные, семьи с одним родителем, те, в которых роли супругов четко не определены в дефинициях мужского и женского и др.) не могут моделировать устойчивые образцы для идентификации, они, скорее, реализуют один из главных принципов современного общества – свободу самовыражения и самоопределения.

Следовательно, ситуация этической неопределенности задается не только неоднозначным отношением к новым возможностям науки, но и сопутствующими социальными факторами: способ формирования нравственных ценностей в современных условиях подразумевает изменение самого характера их функционирования и природы. Если прежде семья обладала высоким нравственным авторитетом, то в настоящее время в рассмотрении ряда этических проблем ее решения могут определяться другими инстанциями, в которых акцентируется дискуссионный характер нравственной проблематики.

Современный мир изменяется настолько быстро и радикально, что передача молодежи традиционных ценностей означает наделение ее нормами, на основе которых современные проблемы решены быть не могут. В итоге появляются новые трансляторы моделей поведения и связанные с ними ценностные предпочтения, не укорененные на уровне семьи. В числе таких инстанций, оказывающих широкое влияние на общественные и духовные процессы, в частности, адаптирующие в своем дискурсе новые формы родства (расколотого), а также иное, по сравнению с традиционным, понимание сути семьи, можно рассматривать СМИ и этические «комитеты». По замечанию М. Маклюэна, погружение нравственного явления в контекст СМИ может существенно изменять его природу, превращая в рекламный продукт. При этом трансформируется не только способ выражения нравственных представлений, но и их содержание. В научной практике примером может служить прецедент с сектой Раэлианс, когда родственные чувства были ис-

пользованы в рекламе новых технологий репродукции – клонирования умерших людей.

Перечисленные аспекты (способ выражения нравственных приоритетов и их семантика) претерпевают изменения, и благодаря деятельности этических «комитетов», комиссий по экологии, решение в которых принимается на основе открытого обсуждения мировоззренческих позиций всех заинтересованных сторон, этот диалогический принцип противопоставляется так называемой «семейной тайне», конфиденциальности личной жизни индивида. В результате усиливается конвенциональный характер нравственных ценностей, рассматриваемых как предмет соглашения. В определенном смысле этические «комитеты» могут оказывать влияние на нравственный выбор в самой семье (через консультации или рекомендации).

Актуализация новых авторитетов в вопросах нравственного порядка своей предпосылкой имеет не только кризис семьи как ячейки идентичности, но и то обстоятельство, что любая попытка оптимизации репродуктивной функции человека и внедрения новых репродуктивных технологий в социальную практику предполагает необходимость легитимации, одобрения обществом тех или иных нововведений с помощью правового или этического дискурса. Осуществление данной задачи (легитимация новых технологий) инициирует формирование, во-первых, таких принципов, которые бы оказались приемлемыми для общественного сознания (и в плане их представления, и в плане их содержания), и, во-вторых, соответствующего дискурса, пространство для реализации которого и задается деятельностью новых институтов нравственности.

Способ легитимации новых методов репродукции и других технологий, радикально меняющих возможности человека и саму его природу, имплицитно детерминируется самим характером динамики ценностных предпочтений. Учитывая огромную инерциальность этой динамики, можно утверждать, что нравственное обоснование необходимости оптимизации репродуктивной сферы социума будет сопрягаться с резонансным включением традиционных этических принципов в структуру новых. В свете сказанного ориентация на этику блага в аксиологии современной культуры оказывается сопряженной с постоянной апелляцией к основным принципам ригористической этики, характерной для культуры модерна. Мотив должного представлен, в первую очередь, в экологическом императиве – требовании, ориентированном на должное в общем, стратегическом, для человечества смысле. Оно аккумулирует в себе апелляцию к общечеловеческим ценностям и аксиологию биоэтики. Однако поскольку данная стратегическая установка,

задающая вектор этическим стандартам современной цивилизации (репрезентируемая в экологическом императиве), вступает в противоречие с социальной практикой, то при рассмотрении перспектив следует учитывать не только пожелания должного, но и тенденции сущего.

Одной из основных «тенденций сущего» на сегодняшний день является технологизация системы ценностей. «Новые нравственные авторитеты» не только способствуют укоренению этой тенденции, но являются и ее выразителями: сам способ решения нравственных проблем в них предполагает не столько использование каких-то инвариантных этических принципов, сколько создание сценариев решения конкретных вопросов. Истоки указанной тенденции восходят к феномену «монокаузального экономического», означающего, что, независимо от декларируемых ценностных предпочтений, люди (как потребители) сегодня практически воспроизводят определяющее значение экономических отношений в своей жизни. Мировой рынок хотя и не задает определенной системы нравственных ценностей, но определяет способ их существования, в результате чего они начинают играть чисто инструментальную роль, а именно: востребованы те принципы, которые в той или иной конкретной ситуации обеспечивают максимум блага или успеха. В итоге идея блага в современном «экономическом универсуме» начинает коррелировать с принципом успеха. В частности, выживание общества в современных условиях четко ассоциировано с благом для всего человечества, выражающегося в принципе «поддержания подлинно человеческого существования на земле». Подобная транскрипция в своем имплицитном выражении содержит противоречие: успех (количество блага, рассматриваемое ситуативно) определяется как результат конкретных действий человека, оптимальных для данной ситуации, однако для его достижения зачастую требуется пренебрежение теми ценностями, которые и составляли нравственный стержень личности, определяли сущность того, что называют человечностью.

Появление корреляций между понятиями успеха и блага, рассмотрение первого в качестве одного из критериев морально оправданного поведения обуславливает возникновение ситуации «смерти Субъекта», в которой индивид выступает в качестве актора нравственности, что позволяет наполнить идею блага новым содержанием: она соотносится не с мотивами поведения, а с его последствиями, которые могут быть как благими для человечества, так и несовместимыми с его существованием. В этом контексте происходит усиление технологической составляющей любой ценностной системы, поскольку в сложном мире не существует универсальной схемы решения проблем, а

имеется точка бифуркации (сама кризисная ситуация) и возможные варианты выхода из нее, один из которых выявляется сквозь призму согласия всех участников [5].

По сути, данная ситуация соответствует представлениям о ризоме ценностей, вследствие чего обе аксиологические модели, представленные в биоэтике и евгенике, получают равное право на существование и в перспективе могут быть легитимированы, так как мораль, соответствующая плюральному миру, нелинейной реальности, формирующая феномен нравственности, имманентно реализующейся в социальных процессах, допускает взаимодействие множества альтернативных ценностных моделей. При этом принципы, ею постулируемые и поддерживаемые (в частности, принцип диалогизма), репрезентируются и в биоэтике, и в евгенике как общие тенденции в конфигурации современной аксиологии.

Заключение. Итак, в ситуации, характеризующейся как «смерть Субъекта», «ризома ценностей», аксиология евгеники получает практически равное право на существование с ценностными принципами биоэтики. Применение тех или иных репродуктивных технологий, формирование тех или иных типов идентичности становится результатом общественного консенсу-

са, артикулированного или нет, в котором и преодолеваются нравственные нормы, препятствующие легитимации евгенического проекта. Кризис семьи, актуализация новых нравственных авторитетов репрезентируют неоднозначный характер нравственной динамики глобализирующегося общества, допускающего сосуществование различных по своему гуманистическому потенциалу систем ценностей, формально реализующих одни и те же принципы.

Литература

1. Никитенко, П. Г. Демографические проблемы социума: состояние и тенденции развития в Республике Беларусь / П. Г. Никитенко, А. А. Раков. – Минск: Право и экономика, 2005. – С. 34–35.
2. Хен, Ю. В. Философский анализ евгенических представлений / Ю. В. Хен. – М., 2005. – С. 8.
3. Глэд, Д. Будущая эволюция человека / Д. Глэд. – М.: Захаров, 2005. – С. 41–43.
4. Сидорова, Т. А. Идентичность человека в контексте проблемы начала жизни в биоэтике / Т. А. Сидорова. – М., 2005. – С. 4, 26.
5. Философия. Глобализация. Интеграция: монография / под общ. ред. В. И. Чуешова. – Минск, 2006. – С. 103–122.

ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Clause is devoted to such phenomenon of the modern validity as globalization. Possible scripts of development global processes are considered. The role of valuable-world outlook orientations in the given processes, their influence on formation of global space comes to light. About necessity of orientation of the countries of the second and third world on traditional morally-legal forms of existence as one of the major conditions of a safety of life of the given societies the idea proves in conditions of globalization. Prospects of development east-slavic people in conditions are analyze.

Введение. Происходящие сегодня в обществе процессы поистине масштабны: они претендуют на создание и реализацию новых мироустроительных идей, касающихся не просто отдельных стран или регионов, но планеты в целом. Этот размах ощущается буквально во всем: в идеологических, политических доктринах правящей элиты наиболее развитых стран, в принципах экономического планирования, в мощной научно-технической направленности общественного развития. Теория современного переустройства мира приобретает все более законченные черты. Это следует хотя бы из того, что данное ей название – глобализация – воспринимается как устоявшийся термин и с конца 90-х гг. XX в. является общеупотребительным. По мнению современных аналитиков, глобализацию можно определить как «процесс ослабления традиционных территориальных, социокультурных и государственно-политических барьеров, некогда изолирующих народы друг от друга и наряду с этим предохраняющих их от неупорядоченных внешних воздействий, и становление новой, “беспротекционистской” системы международного взаимодействия и взаимозависимости» [1, с. 279].

В обстановке ослабления барьеров в едином пространстве оказываются самые различные страны: сильные и слабые, большие и маленькие, перспективные и не очень. Данная ситуация обнажает и обостряет проблему неравного положения различных культур и народов в мире. Обнаженное неравенство, прежде всего, ставит вопрос о том, возможно ли в едином жизненном пространстве сбалансировать интересы сильных и слабых, больших и маленьких. Жизненные перспективы сильных очевидны: умножение силы, первенство, комфорт. Будущность слаборазвитых не столь явно очерчена: во многом она зависит от позиции стран-лидеров. Таким образом, несомненным является факт, что глобализация предполагает усиление зависимости менее развитых стран от более развитых, ослабление их самостоятельности. Поэтому неслучайно наиболее последовательными адептами глобального мира, отстаивающими идею единого открытого

общества без границ являются ныне североатлантические страны – наиболее развитые в военно-экономическом и социально-политическом отношении государства. Открытость и отсутствие границ означает для них создание новых возможностей для своей экономической, геополитической и социокультурной экспансии. Ни для кого не секрет, что мировая олигархия создает сегодня в странах не-Запада плацдармы для своего бизнеса, каналы, по которым перекачиваются сырье, а также материальные, финансовые и интеллектуальные ресурсы этих государств. По данным ООН, только за счет неэквивалентного обмена с Западом «третий мир» теряет 300 миллиардов долларов ежегодно [2, с. 81].

Основная часть. Построение глобального мира имеет совершенно четкие цели – *истощение мировой периферии* в пользу стран-лидеров. Заметим, что позиция использования иных стран для собственного благоденствия является исторически укорененным принципом жизни европейских стран. Как известно, восхождение европейской капиталистической цивилизации напрямую было связано с уничтожением инокультурных ей цивилизаций Нового Света, установлением колониальных систем во многих регионах планеты, использованием института рабства. Реалии современного мира показывают – ныне эта позиция не изменилась, а лишь приняла иные формы. Так, например, по известному высказыванию одного из лидеров мировой закулисы З. Бжезинского, озвученному им в книге «Великая шахматная доска», такое некогда могущественное государство, как Россия, рассматривается североатлантическими странами лишь в качестве богатейшего денационализованного сырьевого придатка, все еще сохраняющего в своих евразийских просторах около половины мировых запасов. Такое положение России должно быть, по мнению Бжезинского, «главным призом для Америки».

Таким образом, глобализацию в том варианте, в каком она сегодня осуществляется в мире, можно рассматривать как очередную попытку колонизации более развитыми странами народов слаборазвивающихся. Более

того, для расширения сферы своего влияния и укрепления позиции гегемона неоконизаторы всеми силами пытаются ослабить потенциал развития других стран. Методы для этого используются самые разнообразные: экономические, политические, военные. Следует отметить, что в век становления информационного общества строители нового миропорядка особую ставку делают на распространение среди народов определенных ценностно-мировоззренческих представлений, благодаря которым им удалось бы реализовать свои планы. Это, прежде всего, либеральная демократия как идеал политической организации общества, «свободный, открытый рынок» как единственный достойный образец хозяйствования и секуляризованная культура, избавленная от духовных ценностей.

Еще в XIX в. известный французский писатель и ученый Г. Лебон, специалист в области психологии масс, писал: «Великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, например падение Римской империи и основание арабской, на первый взгляд определяются главным образом политическими переменами, нашествиями иноплеменников, падением династий... Единственно важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь следствиями невидимых перемен в мыслях людей» [4, с. 3]. Современная социогуманитарная наука согласна с выводами предшественника: «Народ, утративший жизненные ориентиры, оторвавшийся от своих духовных корней и лишившийся своего морального содержания, даже при условии материального богатства и экономического процветания, становится легко уязвимым, не способным отстаивать свои интересы в современном, сложном и противоречивом мире» [5, с. 43]. Можно согласиться, что «самой уязвимой сферой национально-государственной безопасности любого общества является духовная сфера» [5, с. 47].

Отсюда четко прорисовывается еще одна цель глобальной элиты – овладение массовым сознанием, установление *духовной власти* над более слабыми странами для усиления своего господского положения. Глобальный мир, по их замыслу, – это подчиненный мир (материально и духовно зависимый от мирового капитала). Весь цивилизованный мир, вовлеченный в орбиту глобализации, живет сегодня по стандартам этого всепроникающего капитала. В соответствии с ним строится политика, культура, этика и психология очень многих стран. «Дух консюмеризма», т. е. дух преобладания потребительского интереса над всеми остальными экзистенциальными и социальными мотивами человеческой деятельности,

становится для них все более характерным. Потребительство рассматривается уже не просто как жизненно необходимый элемент или хотя бы как атрибут благополучной жизни, но трактуется как универсальная сверхценность. Главный смысл жизни в контексте таких социокультурных смыслов – потреблять как можно больше.

Не случайно вследствие этого в современном социогуманитарном знании принято говорить о *потребительской ненасытности* как об одной из мистерий XX в., поскольку она носит предельно общий характер и означает ненасытность любых и одновременно всех потребностей. Современный вариант глобализации энергично поддерживает эту социокультурную парадигму, более того, делает на нее особую политическую ставку: благодаря ей адепты глобализации шаг за шагом осуществляют свои грандиозные планы.

Не удивительно поэтому, что в этих условиях на роль безусловного лидера сегодня активно претендует страна, никогда не значившаяся среди стран высокой культуры. Главным достижением ее и отличительной характеристикой всегда служил доллар. Заявка на мировое лидерство именно такой страны и альянс с нею некогда высококультурной Европы свидетельствуют о глубоком кризисе, который охватил современные цивилизации мира.

В обществе традиционно существовали социокультурные системы сдержек и ограничений, не позволяющие состояться безграничной власти капитала. Однако в нынешнем варианте глобализации мы наблюдаем обратную тенденцию: стремление обслужить и удовлетворить самые капризные запросы этого капитала, легитимировать любые его, пусть даже самые бесцеремонные проявления. В соответствии с этим строятся политика, культура, этика и психология новых «хозяев мира». Так, один из членов Бильдербергского клуба директор Европейского банка реконструкции и развития Ж. Аттали в своей книге «Линии горизонта» называет деньги главной и универсальной ценностью, в том числе и духовной. Современный мир как эра денег, по мнению капиталистов, формируется по принципу геоэкономики, которая претендует на то, чтобы стать и идеологией нового общества, и философией глобализационной эпохи. Единая универсальная форма организации общества и всего мира означает, что власть будет измеряться лишь количеством «контролируемых денег», которые определяют и символизируют все отношения и правила. Очертания этих новых, поклоняющихся деньгам правил все более отчетливо и угрожающе прорисовываются в перспективе сегодняшнего дня.

В политике все жестче утверждается принцип «ухода от реальности», где этой ре-

альностью можно пренебречь. При этом для того, чтобы оправдать те политические решения, которые при нормальном ходе событий не могли бы состояться ни при каких обстоятельствах, правящая элита должна руководствоваться некоей особой логикой, извращающей нормальное положение вещей. Основа подобных циничных игр «с превращениями» – эксплуатация того безгранично легитимного статуса, который приобретают сегодня капитал и социокультурная парадигма потребительства.

Чем больше людей склонны поддаваться *активно насаждаемому мифу*, что деньги и ничто другое являются решающей силой в обществе, а смысл общественных отношений сводится к максимальному потреблению купленных на эти деньги благ, тем более укрепляется позиция антилогичных политических игр «господ мира». Благодаря доктрине безусловной власти золотого тельца – «деньги решают все» – сильные мира сего находят себе оправдание и опору в попираемых ими странах в лице высших, элитарных слоев общества. Как метко сказал немецко-еврейский социолог Г. Зиммель: «Деньги – родина безродных!» Такими Иванами, не помнящими родства, становятся ныне местные национальные элиты, готовые продавать свои народы в обмен на призрачную возможность приобщиться к классу господ. Итак, политика двойных стандартов, где для сильных мира создается условия приумножения силы, а для более слабых отводится участь бесперспективности и беспросветности. Умножение в обществе количества людей, жизненные ориентации которых вращаются в плоскости исключительно материальных потребностей, способствует укреплению и распространению этой политики.

Отсюда следует, что если сильные и более развитые страны еще могут по воле себя жить исключительно материально ориентированной логикой*, то более слаборазвитые должны ориентироваться на иные, сверх- и нематериальные ценности, отличные от навязываемых им ценностей западного образца, используя их в качестве стратегического ресурса при построении отношений с более сильным партнером. Как отмечает известный российский аналитик А. С. Панарин: «Настала пора признать, что главные судьбоносные события, касающиеся будущего, происходят в нашем внутреннем мире, в нашей системе ценностей, мотиваций, приоритетов. Сегодня не хватает

именно соответствующих переворотов внутреннего, ценностно-мотивационного характера, для того, что бы наш мир действительно стал глобальным» [1, с. 287].

Каковы могут быть эти сверх- и нематериальные ценности? Прежде всего, речь идет о традиционных морально-правовых формах человеческого существования, свойственных той или иной культуре. Для стран не-лидеров это означает *отказ от заимствования западных идеологий* и моделей общественного устройства и восстановление глубинных смыслов своей собственной культуры. Не случайно западные страны всеми силами стараются привлечь другие народы в пространство своих социокультурных смыслов. Однако реализация в пространстве собственной культуры потребительской психологии с ярко выраженной ориентацией сугубо на экономическое благополучие означает гибель для стран, не относящихся сегодня к наиболее развитым. Поэтому вопрос о ценностно-мировоззренческих ориентациях можно совершенно определенно назвать вопросом *о безопасности существования* данных народов.

Так, например, в традициях как западно-европейских, так и восточно-славянских стран мораль и право тесно связаны с христианскими нормами. Христианство – это не только религия, но и свод этических правил, и мировоззрение, на котором выросла определенная *цивилизационная культура*. Именно в пространстве христианской культуры находилось оправдание слабому, поддержка неимущего. Благодаря христианству в Европе начала расширяться система права. Постепенно было упразднено рабство. *Языческая* античная демократия реализовывала идею *правления избранных*, отказывая рабам даже в статусе личности. В то время как христианское мировосприятие, все более проникая в культуру западных и славянских народов, способствовало формированию идеи прав каждой личности, благодаря чему право развивалось по пути все большего освобождения человека: все больше слоев и категорий граждан получали возможность реализовывать в обществе свои права. Более того, в христианстве огромное значение уделялось конкретной человеческой личности, ее внутреннему душевно-духовному укладу. В соответствии с этим рассматривалась социальная организация общества.

В то время как в пространстве современной культуры общество, скорее, рассматривается

---

* Хотя это также весьма сомнительно. В так называемых развитых странах в массовом сознании, ориентированном почти исключительно на материальное потребление, происходят тяжелые деструктивные процессы. К примеру, положение дел в стране, претендующей на мировое лидерство, по данным американского социолога Г. Климова (1996), следующее: «В США сегодня нормальны лишь 18% населения, 20% – выраженные психические больные, остальные занимают промежуточное положение между теми и другими» (цит. по [2, с. 89]).

как механизм и рецепты по его оздоровлению предлагаются сугубо механические. Но данное механическое, утилитарно-практическое отношение к социальной действительности является именно тем принципом, который предопределяет сегодня установление жесткого неравенства между странами.

Обращает на себя внимание, что западно-европейская культура, ориентированная на безусловную власть денег, все дальше отходит от христианских принципов построения общества. Дух практицизма, выгоды и т. д., получивший свое развитие еще в протестантизме*, стал вполне обоснованно вытеснять саму религию, воспринимая ее как обузу, как сдерживающий фактор для своего безграничного развития и тотального господства. Христианская традиция на Западе потерпела поражение на современном этапе развития общества, и это поражение было заложено уже в самой римско-латинской интерпретации христианской религиозной традиции, принявшей активное участие в материальном строительстве общественного развития. В этих нескончаемых тяжбах Рим даже и не заметил, когда в борьбе за блага мира стал воевать с Христом.

Мирочувствие современного западного человека хорошо проиллюстрировал российский физик-теоретик Ю. А. Симонов: «Вот в США на ежегодной конференции американского физического общества на большом приеме нобелевский лауреат при общем одобрении зала издается над Папой Римским и строгими нормами морали. Во многих городах трудно купить рождественские открытки – только “season greetings”, сезонные поздравления. Имя Христа кому-то мешает?»

На американском ТВ, особенно на каналах ABC и CBS, практически каждый день передачи с нападками на церковь... Один либерал в разговоре со мной категорически заявил: “Мы уже победили, и христианство не вписывается в нашу картину мира”» [3, с. 141].

Таким образом, для осуществления современной глобальной модели общественного развития христианство со своими принципами сострадания, милосердия, непродаваемой святости оказывается помехой, ненужным атавизмом и, более того, фактором, затрудняющим победоносное шествие *идеологии силы* по планете. Не случайно уже упоминаемый автор книги «Великая шахматная доска» назвал православие врагом № 1 для нового миропорядка. Становится очевидным, что болезни Запада развиваются на почве антихристианства: не сострадания и великодушного соучастия в судьбах

иных народов жаждут современные европейские элиты, но власти и обладания.

Однако остракизму на Западе сегодня подвергается не только религиозная доктрина христианства, но и любая другая концептуальная парадигма, предполагающая реальное равенство и благоденствие «для всех». Об этом замечательно пишет А. С. Панарин. Речь, в частности, идет о просвещенческой концепции, созданной в недрах самой западно-европейской культуры несколько столетий назад. Неприятие Просвещения, его принципов универсализма, согласно которым приобщиться к высшим благам цивилизации должны *все без исключения народы*, свидетельствует о том, что классические, традиционные нормы и идеалы общественного устройства становятся все более неприемлемыми для экономических и политических элит современного общества.

Закключение. Таким образом, ценностно-мировоззренческие ориентации менее развитых стран, к числу которых на сегодняшний день принадлежат и восточно-славянские страны, связаны с идеей *противостояния современным западным идеалам развития*, с усилением классических, традиционных принципов культурного существования.

Осознав в себе свои христианские корни, обществу необходимо найти в себе смелость и заявить *главным приоритетом развития* не «экономическое благополучие», а сохранение святынь, принципов справедливости и добра. В эпоху тотальной терпимости к злу, разврату, насилию, извращениям и т. д. такая позиция, безусловно, очень смела. Однако только лишь при такой смелой позиции у наших народов есть шанс на выживание, на сохранение своей цивилизационной идентичности, на сильную государственность и будущее детей.

Литература

1. Панарин, А. С. Россия в циклах мировой истории / А. С. Панарин. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 288 с.
2. Лактионова, Н. Я. Куда ведет дорога «мировой цивилизации»? / Н. Я. Лактионова // Трибуна русской мысли. – 2002. – № 3. – С. 79–91.
3. Симонов, Ю. Либерализм и христианство / Ю. Симонов // Новый мир. – 1999. – № 2. – С. 141–152.
4. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. Режим доступа: <http://www.israelshamir.net/ru/marx132htm>. – Дата доступа: 26.04.2008.
5. Кирвель, Ч. Социогуманитарное образование как фактор национальной безопасности / Ч. Кирвель, Л. Мельникова, В. Карпинский // Беларуская думка. – 2007. – № 5. – С. 43–49.

* В протестантизме, как известно, не «чистота сердца», не «нищета духа» и подобные свойства души являются признаками Богоугодности, но материальное благополучие и высокий социальный статус.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В МАРКСИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

In the article the ambivalent status of the concept of globalization in contemporary social theory as a universal but unproblematized frame of analysis is considered. In this context Marxist interpretation of contemporary sociocultural and economic situation as globalized capitalism is regarded as an alternative approach to the problem, which makes an attempt to denaturalize «globalization» and places emphasis on the «dark sides» of the phenomenon. The Marxist approach to globalization is represented in the text with reference to the works of S. Zizek, K.-H. Rot, R. Kurz and D. Harvey.

Введение. Значимость обращения к проблематике глобализации в ракурсе, заявленном в названии статьи, связана с двойственностью ситуации, которая обнаруживает себя в способах репрезентации и осмысления данного феномена. С одной стороны, сегодня термин «глобализация» прочно оккупировал дискурс социальных и экономических наук. Это понятие задает парадигму диагностики состояния современной культуры, играет роль своеобразной отмычки, позволяющей «открыть» (локализовать, проанализировать, оценить) практически любую проблему современности. Иными словами, глобализация превратилась во всеобъемлющую рамку, предписывающую определенный способ восприятия мира. С другой стороны, сама эта рамка очень редко проблематизируется. Действительно, очень часто глобализация описывается и изучается как непреложная данность, перед вызовами которой равны все: от руководителей ТНК, финансовых магнатов и правительств национальных государств до простых индивидов (независимо от порядкового номера «мира», в котором они проживают). Этот достаточно распространённый подход содержит в себе скрытое политическое измерение, так как само конструирование объекта исследования (глобализации) напоминает классическую идеологическую процедуру *натурализации*, когда некое, обусловленное конкретными историческими причинами состояние дел подается как квазиприродная данность, нечто, включенное в естественный порядок вещей.

В данной работе нам хотелось бы представить точку зрения современных марксистских и близких к марксизму авторов именно потому, что они в своем анализе ситуации не только выходят за рамки господствующих идеологических координат, но рассматривают их критику как свою первейшую задачу. В этой статье мы попытаемся свести воедино позиции таких теоретиков, как К.-Х. Рот, С. Жижек, Р. Курц и Д. Харви.

Основная часть. Приступая к содержательному анализу, целесообразно выделить некоторые типологические черты, характерные для современных марксистских подходов в целом.

1. Прежде всего (используя герменевтическую терминологию Ф. Джемисона), можно утверждать, что в них «господствующим кодом

интерпретации», как и в классическом марксизме, является *экономический код*. Другими словами, сдвиги в области коммуникации, размывание межкультурных барьеров, «пористость» национальных границ, зарождение новых космополитических форм идентичности и т. д. рассматриваются как сопутствующие эффекты экономических процессов, в первую очередь – *беспрецедентной экспансии капитала*. Термин «глобализация» в данном случае оказывается метафорой современной формы капитализма.

2. Другой важной составляющей марксистского подхода к глобализации является его *антикапиталистическая направленность*. Вообще говоря, если и можно квалифицировать такое масштабное и разнородное явление, как марксизм, как нечто целостное, то, пожалуй, только благодаря этой особенности, опознаваемой в различных его манифестациях. С момента своего зарождения в XIX в. марксизм выступает как alter ego капитализма и сохраняет актуальность до тех пор, пока существует объект его критики. Соответственно, в рамках марксистского подхода акцент делается на «теневых» сторонах глобализации: здесь нет эйфории по поводу сжатия пространства и преодоления барьеров, зато в фокусе внимания – кризис систем образования, здравоохранения и социального обеспечения, установление жесткого контроля над рентабельностью рынков труда и прекаризация трудовых отношений, кризис независимого профсоюзного движения, появление новых форм эксплуатации, масштабная структурная безработица.

3. Третьей особенностью марксистского подхода (характерной, но не специфической исключительно для него) является установка на *денатурализацию глобализации*. Глобализация трактуется не в качестве некоего естественно-исторического процесса, но процесса, движущей причиной которого являются властно-экономические интересы конкретных групп людей. Речь не идет о том, что источники политико-экономической инициативы можно четко локализовать, представить в виде некоего «глобального заговора». Скорее, утверждается иное: в том, что происходит сегодня, есть активная и страдательная стороны. Естественно, теоретики левого толка идентифицируют себя

не со стратегами глобализациями, а с теми, кто воспринимает ее с точки зрения последствий, главным образом разрушительных.

4. В качестве четвертой особенности позиции марксистских теоретиков в отношении к глобализации можно указать на *неприемливость* для них *стратегии реформирования* «нового мирового беспорядка». В частности, реставрация «государства всеобщего благосостояния», которое обеспечивало своим гражданам существенные социальные гарантии, не рассматривается как адекватный ответ на вызовы ситуации. Ведется поиск если не нового революционного субъекта, то, по крайней мере, структурных предпосылок солидаризации антисистемных сил.

Итак, каким же рисуется нынешнее положение дел в обозначенных выше координатах анализа? Как отмечают практически все исследователи, рассматривающие ситуацию в ее экономическом срезе, современный капитализм приобретает глобальный характер благодаря небывалой мощи и влиянию, которые имеет сегодня финансовый капитал. Как говорит С. Жижек, мы оказались в ситуации, когда «иллюзорный самопорождающийся мираж денег, производящих еще больше денег», становится реальностью *par excellence* [1, с. 1]. Если для Маркса «фиктивный капитал» представлялся лишь своего рода мыльным пузырем на поверхности «действительного» капитала, то сейчас мы имеем дело с перевернутым отображением этой ситуации. Как отмечает Р. Курц: «Сегодня соотношение парадоксальным образом уже обратное: изменение стоимости реального (производственного) капитала кажется почти что зависящим от изменения стоимости фиктивного капитала, раздувшегося за пределы любых “реальных” пропорций» [2, с. 9].

В данном контексте происходит ослабление экономических полномочий национальных государств. Необходимо заметить, что хотя дискуссии о кризисе национального государства ведутся достаточно давно, слухи о его кончине несколько преувеличены. Государства сохраняют свой статус основных субъектов международной политики, центров принятия экономических решений, но утрачивают то, что можно назвать «валютным суверенитетом», «суверенитетом в сфере установления процентной ставки», оказываясь в зависимости от диктата финансовых рынков [3, с. 8]. Правильней говорить о коллапсе кейнсианского «государства всеобщего благосостояния», ориентированного на стабильный рост национальной экономики и полную занятость. В условиях глобальной экономики акценты смещаются в сторону поддержания конкурентоспособности национальной экономики за счет создания привлекательных условий для размещения капитала. Ценой создания таких

условий становится перекладывание налогового бремени с капитала на граждан, масштабное свертывание социальных программ и ослабление социальных гарантий.

Важнейшей составляющей глобализации с точки зрения марксистских теоретиков оказываются изменения в способе производства, где основной тенденцией является отход от системы фордизма, преобладавшей в период, когда несущей опорой национальных экономик были крупные предприятия, ориентированные на массовый выпуск стандартизированной продукции. Фордистское предприятие – это монолитная, иерархическая структура, где все этапы процесса производства – планирование, подготовительные работы, изготовление, контроль качества – жестко отграничены друг от друга, разделение труда доведено до логического предела. Позитивным моментом системы был относительно высокий уровень гарантированного государством социального обеспечения и столь же высокая степень юридического оформления трудовых отношений.

К 80-м гг. прошлого века эта модель в ее классическом варианте стала нерентабельной, в том числе из-за больших издержек на рабочую силу. Начиная с этого времени формируются и заимствуются более децентрализованные и гибкие структуры организации производства, примерами которых служат «зонтичная корпорация» и предприятия, организованные по принципам «тойотизма».

Формат данной статьи не позволяет содержательно проанализировать феномен децентрализованного производства, поэтому мы сделаем акцент на основных последствиях его распространения, наиболее значимых с точки зрения марксистов, прежде всего на изменениях, происходящих в положении наемных работников. Как отмечает К.-Х. Рот, в новой системе экономических координат фактически происходит деградация традиционных отношений найма и пропорциональный рост негарантированного труда (подрядная работа, трудовой контракт на ограниченный срок, занятость на неполное рабочее время при малых или вообще отсутствующих социальных гарантиях, мнимо самостоятельный труд и т. д.) [3, с. 31]. Кроме того, работающие становятся заложниками форсированного поиска и внедрения новых стратегий рационализации, нацеленных на снижение расходов на рабочую силу при повышении производительности труда.

Примером подобной техники может служить система «менеджмента с помощью стресса», в рамках которой массированное уничтожение рабочих мест и вызванный им рост нагрузки на оставшихся работников вынуждают их сверхрационализировать свой собственный труд, постоянно искать более эффективные методы органи-

зации процесса, чтобы вообще иметь возможность достичь поставленных целей.

Масштабное сокращение рабочих мест и связанный с ним рост числа безработных создают весьма благоприятный климат для нанимателей, так как перспектива пополнить «резервную армию» и порождаемый этим страх социальной деградации – мощный стимул, чтобы сохранить рабочее место любой ценой (ценой здоровья, нервных перегрузок и т. д.).

Кроме того, новая система чрезвычайно удобна в том плане, что в зачатке нейтрализует возможные формы сопротивления и несогласия. Речь идет о практике внедрения так называемых «фабричных профсоюзов», которые вместо репрезентации интересов работающих играют роль передаточного механизма решений владельцев и стратегов предприятия на уровень производства. Кроме того, децентрализация ведет к новым формам сегрегации работающих, которые оказываются в изолированных друг от друга «мирах» микропредприятий или конкурирующих между собой полуавтономных бригад и команд, становятся разделенными различными системами иерархических барьеров по принципу лояльности, полной/частичной занятости и т. д.

На этом фоне эпоха «социального государства» выглядит золотым веком, однако несмотря на определенные преимущества, которые давала кейнсианская система в работах марксистских теоретиков нет ничего похожего на ностальгию. Тридцатилетний период благосостояния рассматривается как сугубо временный компромисс между трудом, капиталом и государством, ставший возможным лишь в исключительных обстоятельствах, связанных с социальными катаклизмами прошлого века. Демонтаж «государства всеобщего благосостояния» рассматривается как закономерный процесс возврата к «нормальному капитализму» [3, с. 6], для которого бедность и незащищенность основной части населения является «естественной» и наиболее благоприятной средой.

Что же можно противопоставить как неолиберальному сценарию мирового развития, так и стратегии реставрации кейнсианского государства? Ответ на этот вопрос вызывает серьезные затруднения даже у людей с самым развитым воображением. Проблема в том, что сегодня не то что возможность реализовать, но просто четко помыслить радикально иной уклад жизни выглядит призрачной. Как замечает С. Жижек, ссылаясь на материал голливудских массовых фильмов (которые воспроизводят и одновременно задают то, что происходит в «социальном воображаемом»), сейчас гораздо легче представить себе крушение цивилизации в результате ядерной катастрофы, падения астероида, нашествия доисторических ящеров, не-

жели вообразить хотя бы небольшое изменение в рамках глобального капитализма [4, с. 1, 2].

Тем не менее в рамках марксистского дискурса генерируются некоторые идеи стратегического характера. Прежде всего, можно говорить о «возвращении пролетариата», казалось бы, давно вычеркнутого из списка кандидатов на роль субъекта общественной эмансипации. Так, Д. Харви в контексте критики взгляда на новые общественные движения как на основные выразители антисистемных требований подчеркивает, что культурные формы принуждения (с которыми сталкиваются женщины, представители сексуальных, этнических меньшинств и т. д.) как во времена Маркса, так и сегодня остаются производными от центрального для капитализма экономического принуждения. Поэтому как бы нынешним «культурным левым» не хотелось отгородиться от невежественных масс, если вопрос стоит о реальных преобразованиях, а не о риторике преобразований, ставку нужно делать именно на наиболее угнетенные в экономическом отношении слои [5, р. 4–9].

В этом же русле находятся размышления К.-Х. Рота, который говорит о необходимости солидаризации и организации сопротивления тех, кто оказался в страдательной позиции по отношению к экономическим реалиям глобализации. При этом образ потенциального субъекта общественных преобразований существенно отличается от образа, который рисовался Марксу. Во-первых, говоря о миссии пролетариата, Маркс имел в виду прежде всего рабочую элиту – квалифицированных рабочих, которые в условиях «фабричной дисциплины» формируют собственную внутреннюю дисциплину и стратегическое мышление. В нынешней ситуации необходимо делать ставку на установление солидарности между рабочей элитой и частично занятыми, нелегалами и теми, кто оказался в «резервной армии труда» и т. д. Во-вторых, как подчеркивает К.-Х. Рот, разрушение кейнсианских механизмов перераспределения благ лишает всяких оснований для существования все виды традиционного рабочего движения, интегрированного в национальные рамки. Речь, стало быть, должна идти о поиске новых форм интернационалистского сознания [3, с. 9].

Парадоксальную позицию в вопросе «что делать» занимает С. Жижек, основной тезис которого состоит в том, что в нынешних условиях нельзя поддаваться искушению прямого действия (на подобии деятельности «Врачей без границ», движения сапатистов и др.), так как существующая система идеологии обладает мощью, способной переварить любые формы протеста, втянуть их в орбиту тех или иных системных сил и лишить политического жала. Скорее, нужна кропотливая работа по анализу

и деконструкции существующих идеологических координат и одновременно поиск структурных предпосылок, опираясь на которые можно перевернуть существующий порядок [1, с. 4]. При этом радикальные трансформации в мировоззрении оказываются важнее, чем реальная возможность сломать систему, так как речь идет не о том, чтобы учинить еще одну *ressentiment*-революцию, а о том, чтобы революционизировать саму повседневность.

Заключение. Таким образом, теоретики марксистского толка изображают глобализацию в довольно мрачных тонах. Их можно обвинять в чрезмерной драматизации ситуации и чрезмерном же критицизме, но, возможно, в современном «мире без альтернатив» избыточный критицизм лучше умеренного благодушия. В своем анализе ситуации марксисты предпочитают опираться не на понятие *глобализации*, но на понятие *глобализированного капитализма*. Эта замена одной абстракции на другую выглядит оправданной уже потому, что помогает воспринимать наличную ситуацию не как данность, а как вызов и облегчает переход от дескрипции к соображениям стратегического порядка.

Литература

1. Жижек, С. Станет ли «Империя» Майкла Харта и Антонио Негри «Коммунистическим манифестом» двадцать первого века? / С. Жижек // Политиздат [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://www.politizdat.ru/article/43/>. – Дата доступа: 19.03.2008.
2. Курц, Р. Мировой финансовый рынок и симулятивный капитализм / Р. Курц // КРАС [Электронный ресурс]. – 1995. – Режим доступа: <http://www.aitrus.narod.ru/kurz.htm>. – Дата доступа: 19.03.2008.
3. Рот, К.-Х. Глобализация / К.-Х. Рот // Автономное действие [Электронный ресурс]. – 1992. – Режим доступа: http://www.avtonom.org/lib/theory/rot_globalisation.html. – Дата доступа: 19.03.2008.
4. Жижек, С. Альтернатива невозможна, но необходима / С. Жижек // Политический журнал [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=77&tek=6730&issue=188>. – Дата доступа: 19.03.2008.
5. Harvey, D. Practical contradictions of Marxism / D. Harvey // Critical Sociology. – 1998. – Vol. 24, № 1/2. – P. 1–36.

А. А. Габинская, соискатель

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НООСФЕРНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

The requirement for the formation of ecological outlook as determinative in harmonisation of relations of society and nature becomes nowadays more and more actual problem. In the conditions of growing ecological danger, «ecological insufficiency» of general, average and high education is realized to a greater extent. The most reasonable way of the elimination of this contradiction is to raise the ecological outlook through the educational system and the process of enlightenment. So, nowadays ecological education is getting the increasing social importance. Being the most dynamically developed component of modern education and acting as a basis of acceptance of ideas of a sustainable development by society, it creates preconditions for the formation of nousphaira because it cultivates not the lowest potentialities of a human nature destroying a personality and natural world around us, but higher qualities directed on harmonisation of the system «man – nature – society».

Введение. Мировая общественность, озабоченная своим выживанием, все больше обращается к проблемам образования, его развития и совершенствования, поскольку уже сейчас понимает, что от содержания и качества данного процесса зависит дальнейшее его будущее. Не случайно эксперты многих стран, разрабатывая национальные доктрины, концепции и программы эколого-безопасного развития, сегодня включают в их состав как одно из стратегических направлений именно сферу образования. Современная экологическая ситуация определяет острую необходимость формирования целостного экологического мышления. Наиболее разумным путем экологизации мировоззрения, экологизации всех наук и всех сфер человеческой деятельности является система образования и просвещения. Но в условиях растущей экологической опасности все более осознается «экологическая недостаточность» общего среднего и высшего образования. В связи с этим поиск путей качественного изменения содержания образования является актуальной проблемой.

Основная часть. Необходимость воспитания у людей экологического сознания многими учеными и прогрессивными деятелями была осознана давно. Еще в прошлом веке в различных странах возникли первые природоохранные общества и до середины XX в. чаще использовался термин «природоохранительное образование», который не в полной мере отражал суть той роли, которую призвано было сыграть образование в обществе. И только с начала 70-х гг. XX в. вопросам экологического образования начинают уделяться должное внимание. Так, в 1968г. в Париже на Межправительственной конференции ЮНЕСКО по рациональному использованию природных ресурсов экологическое образование стало предметом пристального внимания ее участников. Здесь впервые был отмечен глобальный, общечеловеческий характер экологического образования и принята программа «Человек и био-

сфера». Существенным этапом в развитии экологического образования в мире стали Межправительственные конференции по образованию в области окружающей среды, созданные в Тбилиси (1977 г.), Найроби (1982 г.), Бече (1983 г.), Москве (1987 г.), Рио-де-Жанейро (1992 г.), на которых был выработан ряд рекомендаций и программ, направленных на сохранение окружающей среды, а также международное сотрудничество в области экологии и совершенствование экологического просвещения. В этом смысле важно отметить основной документ, принятый на конференции в Рио-де-Жанейро, «Повестка дня на XXI век», в котором были изложены рекомендации и принципы устойчивого развития мирового сообщества на будущее, предусматривающие обеспечение равенства возможностей развития и сохранения природных ресурсов как для нынешнего, так и для будущих поколений.

Таким образом, новое звучание в мире (в свете концепции устойчивого развития) экологическое образование получает с начала 90-х гг. XX в., в том числе и на постсоветском пространстве. В это время значительно увеличивается объем научных исследований в области теории и практики экологического образования; появляются учебники для школьников, студентов и методические пособия для учителей и преподавателей (Н. Ф. Виноградова, С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин, Т. А. Ковальчук, Г. Н. Каропа и др.); начинается активная экологизация системы образования и разработка методологических принципов на всех ее уровнях (Э. В. Гирусов, С. Н. Глазачев, А. Н. Захлебный, И. Д. Зверев, И. Т. Суравегина, Т. Г. Каленникова, В. М. Минаев, Е. С. Слостенина и др.).

В итоге, экологическое образование на постсоветском пространстве к концу XX в. становится важным фактором реформирования общественных процессов. Однако не была разработана концепция экологического образования. До сих пор как в отечественном образовании,

так и во многих странах мира ведутся дискуссии по вопросу о форме и содержании экологического образования на различных уровнях.

Связано это, с нашей точки зрения, со следующими факторами. Во-первых, экологическое образование на протяжении последних десятилетий (как не печально и сегодня) многими исследователями воспринималось лишь как добавка к общему образованию. Во-вторых, сама концепция устойчивого развития долгое время рассматривалась в основном с экономической точки зрения, мировоззренческий и культурный аспекты игнорировались, а разработкой и пропагандой идей данной концепции занимались политики, экономисты, а не специалисты в области философии, экологии. Более того, достаточно длительное время в научном сообществе экология в качестве отрасли знаний воспринималась как биологическая экология, где других экологий нет и быть не может. Например, экологию человека с этой точки зрения рассматривали просто в качестве раздела биологической экологии как науки о взаимоотношении живых организмов с окружающей средой. Что касается социального аспекта взаимодействия человека с окружающей средой, то он либо сводился к изучению адаптационных возможностей людей с точки зрения биологических существ, либо вообще игнорировался.

Необходимо отметить, что в настоящее время происходит осознание того, что экология как наука имеет междисциплинарный характер и для решения социально-экологических проблем требуется комплексный подход. Не случаен тот факт, что в последние десятилетия происходит активный синтез наук о Земле, появляются синтетические науки (синтез естественно-научных и гуманитарных дисциплин), связанные не только с идеями устойчивого развития, но и созвучные идеям ноосферной концепции. Так, на фундаменте ноосферной концепции происходит становление интегральной общенаучной парадигмы знаний. Данная парадигма возникает как результат широкого синтеза наук о природе, обществе и человеке и основных направлений развития бытия, что в свою очередь не может отражаться на содержании и качестве образования. Уже сегодня можно выделить *наиболее важные и исходные представления экологического образования*:

– человеческая история – часть истории природы, где человечество связано с природной средой своим происхождением, существованием, развитием и своим будущим;

– все звенья в системе «человек – природа – общество» взаимосвязаны и взаимозависимы, поэтому естественной основой жизни биосферы является ее целостность;

– активная преобразовательная деятельность – основа взаимодействия общества с природной средой, фактор ее изменения, но изменения биосферы имеют пределы, поэтому цели антропогенной деятельности должны быть разумны, должно всесторонне учитываться проявление законов и связей в системе «человек – природа – общество»;

– основой существования биосферы, в том числе физического и духовного развития общества (наряду с социальными условиями), является качество окружающей природной среды.

В соответствии с этим очевидно, что все звенья в системе «человек – природа – общество» очень тесно взаимосвязаны, но все-таки в центре этой системы по-прежнему находится человек и именно человек призван в интересах выживания не только для себя, но и для будущих поколений взять ответственность развития биосферы на себя. Так, по поводу перспектив экологического образования В. М. Назаренко отмечает: «Современное экологическое образование должно быть нацелено на будущее, опираться на идеи коэволюции природы и общества, устойчивого развития биосферы, ... на преодоление сложившихся в обществе стереотипов через формирование духовно-нравственной, экологически грамотной личности и создание условий для ее развития, стать фактором социальной стабильности» [1].

Контуры ноосферного образования. В настоящее время многие исследователи (А. И. Субетто и др.) называют экологическое образование ноосферным по целевой установке и это оправдано. Ведь сегодня экологическое образование выполняет не только социальную функцию передачи знаний, умений и навыков, но и осуществляет подготовку человека к жизни в новых условиях. Таким образом, ноосферное образование является опережающим: оно как бы прогнозирует, предвосхищает будущее, учит критически мыслить, что дает возможность грамотно управлять в системе «человек – природа – общество».

Необходимо отметить, что ноосферное образование по своему содержанию на много сложнее и обширнее, чем экологическое. Поэтому целью ноосферного образования является формирование не только экологически образованной, экологически ответственной и грамотной личности, но и формирование человека с новым качественным уровнем мышления – целостным ноосферным мировоззрением, способным гармонизировать *стратегию разума и стратегию природы* и тем самым выйти на коэволюционный путь развития [2]. Кроме того, в связи со сложностью, многоаспектностью содержания ноосферное образование должно реализовываться по следующим направлениям:

1) *философская линия*, которая включает интегрирующие знания, позволяющие сформировать единую картину мира и целостное ноосферное мировоззрение;

2) *экологическая линия*, которая включает основы экологического мировоззрения: экологические знания, умения, навыки и ценности, позволяющие оптимизировать и гармонизировать взаимоотношения отдельных звеньев в системе «человек – природа – общество»;

3) *познавательно-развивающая линия*, предполагающая развитие самого человека как личности, в том числе творческого, эстетического, духовного становления при непосредственном взаимоотношении человека с окружающей природной средой;

4) *информационно-коммуникативная линия*, направленная на развитие умения оперировать информацией при помощи традиционных и технических средств, а также на приобретение умения анализировать и использовать экологическую информацию для отслеживания причинно-следственных связей между своими конкретными действиями и состоянием природной среды;

5) *этически-правовая линия*, основанная на нравственном отношении человека к окружающей среде, включающая формирование экологической этики, техноэтики, а также основы экологической политики и экологического права как неотъемлемых элементов ноосферного мировоззрения, направленных на успешное решение проблем социально-экологического характера;

6) *валеологическая линия*, подразумевающая цикл дисциплин, которые направлены на изучение культуры здорового образа жизни и включают практические аспекты по восстановлению и поддержанию в норме не только физического, но и духовного здоровья (экология души);

7) *гуманистическая линия*, направленная на смену экономической потребительской парадигмы на новую экологическую, а также реализацию принципа гуманизма, основанного на формировании человечности во взаимоотношениях как между людьми, так и в отношении к природе.

Важно отметить, что формирование «ноосферного человечества» (Ю. В. Олейников, А. А. Оносов, О. Валлизер) [3] является сложным, многоплановым процессом, затрагивающим практически все аспекты человеческого бытия – мировоззренческий, научный, культурный, образовательный, социально-политический и многие другие. Как утверждает

Л. В. Лесков: «Теории ноосферогенеза развития пока недостаточно, но можно отметить, что тремя столпами этого процесса являются достижения фундаментальной науки, высокие технологии и глубокая реформа системы образования» [4]. В связи с вышесказанным, очевидно, что в эпоху ноосферы может вступить лишь понастоящему интеллигентное, высокообразованное общество – ноосферное общество, понимающее свое место и роль в окружающем мире.

Заключение. Подытоживая все вышесказанное, сделаем следующие выводы:

– экологическое образование в первую очередь должно реализоваться как альтернатива современной экономической потребительской парадигме;

– научно-теоретическим основанием экологического образования должна стать интеграция знаний наук о системе «человек – природа – общество», а также идеи устойчивого эколого-безопасного развития;

– для того чтобы приобрести статус интегрирующего фактора и социальную значимость, экологическое образование должно формировать целостное мышление, что сводится к ориентации содержательного аспекта в ноосферную плоскость;

– экологическое образование как динамическое направление системы образования и как основной элемент концепции коэволюционного пути общественного развития является механизмом в гармонизации системы «человек – природа – общество», что имеет существенное значение для этапов движения человечества к ноосфере.

Литература

1. Назаренко, В. М. Будущее экологического образования: некоторые предположения / В. М. Назаренко // Экология и жизнь [Электронный ресурс]. – 1997. – № 2–3. – Режим доступа: <http://webmaster@ecolife.org.ua>. – Дата доступа: 12.02.2008.

2. Моисеев, Н. Н. Третьего варианта не дано / Н. Н. Моисеев // Социально-политический журнал. – 1995. – № 2. – С. 69–83.

3. Олейников, Ю. В. Ноосферный проект социоприродной эволюции ноосферы / Ю. В. Олейников, А. А. Оносов. – М., 2004. – 559 с.

4. Лесков, Л. В. Футурсинтергетика западной цивилизации (Задачи синергетического моделирования) / Л. В. Лесков // Общественные науки и современность. – 1998. – № 3. – С. 149–159.

ПРИНЦИП ЭКОСОЦИОЦЕНТРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

In clause attempt of a substantiation of the maintenance of a principle “socioecocentrizm” as new eco-humanistic value of the future noospheres organization of mankind is undertaken.

Введение. В настоящей статье предпринята попытка обосновать необходимость содержательного уточнения ценностно-мировоззренческих установок современной науки в условиях обострения планетарных проблем. Главной целью является методологический анализ процесса становления принципа *экоосоциоцентризма* в контексте совершенствования методологии системного (холистического) видения современного мира и его реалий.

Основная часть. В условиях обострения глобальных проблем и появления новых вызовов человечеству XXI в. перед современным обществом стоит задача поиска стратегии устойчивого соразвития с окружающей природой. Для решения этой задачи необходимо привлечение не только объективного знания о законах, причинах и тенденциях глобальной социодинамики, но и насущность в переосмыслении исторически сложившихся фундаментальных ценностей, идеалов, норм научной рациональности и статуса современной науки в целом.

Историческое доминирование дифференциальной парадигмы развития науки объективно обусловило необходимость расчленения единой природной целостности на составные части для более глубокого ее познания в интересах человека. Это не только способствовало становлению специального знания и фрагментации научных дисциплин, но стало идеалом науки и нормой научной рациональности. Подобная конституция науки как системы знаний ярко отражала крайний утилитаризм человеческих потребностей в отношении к окружающей природе. В основаниях такого подхода находилась мировоззренческая установка антропоцентризма с его базовой ценностью – «человек абсолютный и исключительная субъект всех ресурсов природы».

Позже эта крайне индивидуализируемая мировоззренческая установка была смягчена и уступила место принципу социоцентризма. Однако и он в целом был направлен на прорыв взаимосвязи социума и природы. Ряд отечественных исследователей однозначно сходятся во мнении, что именно экологическая проблематика в условиях глобализации насущно предполагает углубление методологии системного (холистического) видения современного мира и философии синтетизма. Такого мнения придерживаются П. А. Водопьянов, А. И. Зеленков, Ч. С. Кирвель, П. М. Бурак и др. [1–4].

В поиске путей преодоления глобальных проблем современной цивилизации наука в целом оказалась неадекватной в решении столь масштабной задачи. Глобализация мировой системы и новые вызовы человечеству XXI в. предполагают переосмысление роли и значимости дифференциальной парадигмы в развитии науки. Биосферный век меняет приоритеты ценностей и изменяет сферу их приложения. Доминирующей установкой современной науки становится тенденция отражения холистичности современных реалий, целостности воззрений на мир. На передний план выходят новые установки, направленные: на *соразвитие, устойчивое развитие, коэволюцию, партнерство, сосуществование* человека и биосферы.

В содержании этих научных детерминант отчетливо прослеживается переориентация акцентов: от расчленения целостности биосферы и анализа ее частей, что, несомненно, приводило к росту научных знаний, к синтезу ее частей и интеграции в целое. Важность этой задачи состоит не в том, чтобы в обратном порядке восстановить целостность и единство биосферы в теоретических построениях, а в том, чтобы органично и одновременно отразить в них феномен человека, общества и инвайромент в единстве и целостности. Другими словами, естественно-научное знание об инвайроменте предполагает необходимость дополнения гуманитарным представлением о социуме как о неотъемлемых частях единого целого. Все это актуализирует внимание на исследовании противоположной тенденции развития научного знания – интеграции и синтеза.

В условиях глобализации тенденция к интеграции и синтезу знания приобретает доминирующее значение и становится ведущим вектором в развитии всей науки в целом. Это в свою очередь предполагает кардинальное изменение стиля мышления, системы ценностей и сознания человека биосферного века.

По мнению В. И. Медведева и А. А. Алдашева, в современном общественном сознании наметилась подвижка в сторону изменения аксиологии научного знания, которое призвано отразить всю противоречивость процесса биосферизации социума [5]. Методологические установки принципов антропоцентризма и социоцентризма, ставшие исторической ценностью техногенной цивилизации и определяв-

шие ее способ самовоспроизводства, медленно, но постепенно трансформируются. Вектор этой трансформации был предопределен значимостью роли и места живого вещества в процессе эволюции биосферы. Так, в сознании человечества XXI в. ведущее значение приобретает принцип биоцентризма. Идея биоцентризма основывается на признании равнозначности, равноправия и взаимосвязи всех форм жизни. Это позволило по-новому осмыслить роль и значение биологического разнообразия для устойчивого развития биосферы и общества в целом. Однако, как нам представляется, принцип биоцентризма уже не в полной мере может отразить всесторонность и полноту процесса глобального эволюционизма.

Сегодня в структуре экогуманистических ценностей современной цивилизации наряду с самим человеком, социумом и разнообразными формами жизни биосферы равноправной и равнозначной становится их фундаментальная основа – геонимическая сфера Земли. Именно такое целостное осмысление в большей мере стало соответствовать принципам стратегии устойчивого развития.

Так, Земля как планетное тело представляет собой закономерно сложившуюся историко-генетическую структуру. Из этого следует, что природным (неорганическим) основанием развития разнообразных биосистем, человека, а затем и техносферы являются геосистемы (ландшафты) Земли. На основе географических закономерностей ландшафтная сфера Земли интегрирует в себе разнородные неорганические элементы в качественно целостную систему. Она представляет собой минеральные, земельные и водные ресурсы современной цивилизации. Многие известные в новейшей истории ресурсно-сырьевые кризисы мировой экономической системы были опосредованно связаны с издержками мировоззренческих установок социоцентризма, а затем и биоцентризма. Наиболее ярким примером стал мировой энергетический кризис 70-х гг. XX в. Он привел к масштабной трансформации основополагающих идей, понятий, отражающих способ и характер функционирования цивилизации потребления. Так, в менталитете американцев как классических представителей и законодателей утилитарно-потребительского отношения ко всему окружающему миру появились представления об «ограничениях» в потреблении, «экономии и эффективном» использовании национальных ресурсов геосреды и их последующем «замещении» возобновляемыми и т. д.

В технической политике получает развитие установка на минимизацию технических средств, приборов и механизмов, использующих природные компоненты в качестве сырьевых ресурсов. В технологии реализуется

идея синтеза искусственных ресурсов, которые приведут к замене естественных (природных) элементов окружающей среды. В результате в массовом сознании людей выкристаллизовывается представление об объективности исчерпаемости и ограниченности минерально-сырьевой базы географической среды общества. А также о том, что ландшафтное разнообразие стремительно сокращается как в структурном, так и в пространственном отношении. Происходит процесс замещения естественных (природных) компонентов геосистемы искусственными структурами техносферы. Другими словами, ландшафты как специфические природно-пространственные системы, функционирующие по природным закономерностям, перерождаются в геотехнические системы. Последние могут устойчиво развиваться только при условии постоянного контроля со стороны человека, и будучи включенными в социально-экономическую структуру общества. Все это ведет к серьезному уменьшению уровня их устойчивого функционирования и повышает энтропию геонимической сферы Земли.

Вышеописанные процессы в наиболее острой форме проявляются в крупных мегаполисах, к числу которых можно отнести город Минск. Последний постоянно расширяет свою территорию как за счет естественных (первичных) геосистем, так и за счет прилегающих сельскохозяйственных территорий. Например, известный агрокомбинат «Ждановичи» за последние годы потерял большую часть пахотных земель, изъятых под городские застройки. Это указывает на то, что утилитарно-потребительское отношение к природно-ресурсному потенциалу геосистем, в структуру которых входят минеральные, земельные, водные, лесные составляющие, к сожалению, остается приоритетным в национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития.

Недооценка роли и значимости геосистемной составляющей в мировоззренческих установках социоцентризма и биоцентризма происходит из концепции «географического индетерминизма». Известный теоретик географической науки Н. Н. Баранский определил это направление как «географический нигилизм» [6]. В нем утверждалось, что географическая среда не оказывает никакого влияния на развитие общества. Такое представление сформировало в сознании человечества серьезную недооценку значимости не только геосреды в развитии общества, но и роли конкретных минерально-сырьевых ресурсов. Особенно ярко этот взгляд был воплощен в последней половине XX в.

Идеи и ценностно-мировоззренческие установки «географического индетерминизма» глубоко укоренились в сознании многих поколений людей и вошли в качестве научно-методической

установки в программные курсы средней и высшей школ. Известный девиз: «Мы не можем ждать милости от природы, взять ее – наша задача» стал руководством в практической реализации многих «сырых» идей в области глобальных проектов реконструкции природы. Во многих учебниках и методических пособиях воспроизводилась и тиражировалась идея «о бескрайности наших ландшафтов» и обширности лесов, полей, на которых можно легко уместить, например, 500 Голландий или 50 Франций. Или такое представление о том, что наши болота занимают территорию, которая в несколько раз превышает размеры Швейцарии и Лихтенштейна, вместе взятых и т. д. Сегодня такие ценностно-методологические установки не соответствуют новым целям опережающего образования и принципам инновационного обучения.

Заключение. Таким образом, переход к новым биосферным ценностям современной цивилизации лежит через преодоление содержательных издержек принципов социоцентризма и биоцентризма. Это предполагает учет равноположенности и равнозначности всех природных факторов среды: абиогенных и биогенных, геофизических и биологических, которые в свою очередь интегрируются в новый мировоззренческий принцип – *социоэкоцентризм*. Это

позволит заложить новое ценностно-мировоззренческое основание для критического переосмысления роли и места человека и социума в будущей ноосферной цивилизации и вступить на путь коэволюционного развития.

Литература

1. Бурак, П. М. Коэволюционная стратегия в становлении ноосферы / П. М. Бурак. – Минск: БГТУ, 2005.
2. Водопьянов, П. А. Философия и методология науки: учеб.-метод. пособие для аспирантов и соискателей БГТУ / П. В. Водопьянов, П. М. Бурак. – Минск: БГТУ, 2006.
3. Зеленков, А. И. Введение / А. И. Зеленков // Антология экологической мысли. – Минск: Харвест, 2003.
4. Кирвель, Ч. С. Ценностно-мировоззренческие основания становления и развития экологического общества / Ч. С. Кирвель // Ценности и приоритеты XXI века: социальная справедливость и экологическая безопасность: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 мая 2000 г. – Минск, 2000. – С. 50–54.
5. Медведев, В. И. Экологическое сознание / В. И. Медведев, А. А. Алдашев. – М.: Логос, 2001.
6. Баранский, Н. Н. Научные принципы географии / Н. Н. Баранский. – М.: Мысль, 1980.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В КОНТЕКСТЕ ЛИНЕЙНО-ПОСТУПАТЕЛЬНОЙ И ЛОКАЛЬНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

The interpretation degree of the role and the place of ethnic and confessional factors in linear stage and local civilization social evolution models concepts are analyzed in the article. The genesis in given research strategy in the context of paradigms changing scientific rationality is also described in the article. Explanatory possibilities of these models in ethnic and confessional processes perception in present and different problems that appear in this social sphere are viewed in the article too. The article proved the idea about inadequacy of modern occidental linear and stage concepts that ignore the influence of the stated determinations on the character and modern social processes orientation. It is contended that such purpose not only doesn't decide religious & ethnic contradictions but also sharpen them to a considerable degree. The article also shows the praxeological role of the local civilization theory. It is pointed that own authentic culture variety recognition in relationships is the main condition of social humanization.

Введение. Современные социальные трансформации протекают сложно и противоречиво. Нарастание темпов глобализации свидетельствует об усилении интеграционных процессов в социуме и вовлечении различных частей земного шара в сферу «жизненного пространства» техногенной цивилизации. Обратная сторона этих процессов проявилась в стремлении традиционных обществ и культур к сохранению своего неповторимого облика. Данная тенденция нашла свое отражение в активизации этнических и конфессиональных процессов в современном обществе. Однако эти процессы носят не только конструктивный характер, обозначаемый в терминах «диалог культур», «религиозный плюрализм» и «этнический ренессанс». Нередко этноконфессиональные факторы играют деструктивную и дестабилизирующую роль. Об этом свидетельствует эскалация насилия по религиозным и этническим мотивам, усиление религиозного фундаментализма и экстремизма. Возможность конструктивного решения данных проблем в значительной степени зависит от интерпретации характера и направленности общественного развития. В социально-философской мысли сформировалось два магистральных направления рефлексии над процессами социальной эволюции: линейно-поступательное и локально-цивилизационное. В этой связи целью настоящего исследования является анализ развития представлений о роли этноконфессиональных факторов социальных изменений в линейно-поступательной и локально-цивилизационной исследовательских моделях общества.

Основная часть. Становление линейно-поступательной и локально-цивилизационной моделей общества происходило в ходе эволюции типов научной рациональности. В. С. Степин выделяет три такие парадигмы: классическую (XVII–XIX вв.), неклассическую (конец XIX – середина XX в.) и постнеклассическую

(с середины XX в.) [1]. Для классического типа рациональности было характерно противопоставление субъекта и объекта познания, стремление элиминировать все субъективное из познавательного процесса: средства и операции деятельности, социальные и внутринаучные ценностно-целевые структуры. Мир и социальная реальность рассматривались как механистическая система, подчиняющаяся универсальным законам, доступным человеческому познанию. Развитие общества понималось как линейно-поступательный, строго детерминированный, однонаправленный и безальтернативный процесс.

Неклассический и постнеклассический типы рациональности внесли существенные изменения в методологию познания: гносеологический субъект зависит от средств и операций деятельности, а также от личных, внутринаучных и социальных ценностей и предпочтений. В области социальных наук обнаружилась несостоятельность идеи об универсальной истории человечества. Синергетика и междисциплинарные исследования позволили иначе посмотреть на действие случайных факторов социальной эволюции: развитие общества стало рассматриваться как многомерный, поливариантный и альтернативный процесс.

Методология постнеклассической рациональности позволяет сконструировать более вероятную модель социальной реальности. В частности, признание зависимости познающего субъекта от социокультурного окружения предполагает принципиальную невозможность абсолютно-адекватного отражения в его сознании феноменов другой культуры. Принятие данного тезиса в качестве методологической установки является необходимым условием становления ориентированных на понимание взаимоотношений между народами и культурами. Стремление объяснить локальную культуру на основании собственной системы ценностей чревато выстраиванием иерархий по принципу

лучше-хуже и потенциально располагает к возникновению конфликтных ситуаций. Решение этой проблемы представлено в концепциях линейно-поступательной и локально-цивилизационной моделей социальной эволюции.

Первая модель возникла в недрах классической рациональности. В ее основе лежало представление о непрерывности развития общества от простого к более сложному и совершенному устройству, а так как данная модель возникла на Западе, то в качестве универсального критерия социального прогресса стал рассматриваться западный культурный образец. При этом субстанциальная сущность культурного многообразия принципиально отрицалась.

Идея развития имеет свои истоки в античной и средневековой философии, но как способ интерпретации социальной эволюции она стала активно использоваться в эпоху Просвещения. Общество, основанное на принципах разума и справедливости, французские просветители называли цивилизованным. В становлении такого общества они видели смысл исторического процесса. Неизбежность наступления цивилизации Ж. Кондорсе выразил словами: «...никогда развитие не пойдет вспять» [2, с. 39]. В контексте данной истории философии любые иррациональные феномены, в том числе особенности этнической и конфессиональной традиции, обозначались как предрассудки, которые должны исчезнуть по мере развития человеческого разума. Некоторые просветители (Ж. Руссо) допускали существование гражданской религии, в которой бы отсутствовала конфессиональная специфика.

В XIX в. идея прогрессивно-поступательного развития получила дальнейшую разработку в концепциях О. Конта, Г. Спенсера, Г. Гегеля, К. Маркса и др. Основатель позитивизма О. Конт более полно реализовал в своих работах принципы классической рациональности. Он исходил из того, что законы функционирования и развития общества являются продолжением законов природы, поэтому социальное знание должно быть таким же точным и достоверным как знание о природе. В его представлении общественное сознание проходит три последовательные стадии: теологическую, метафизическую и позитивную. На первой стадии все явления рассматривались как результат действия сверхъестественных сил (фетишизм, политеизм, монотеизм). Вторая стадия являлась переходной и характеризовалась господством абстракций. На третьей стадии, собственно научной, господствует точное знание об обществе, которое успешно используется для решения конкретных проблем. Из сказанного видно, что Конт признавал влияние религиозного фактора, но ограничивал его действие древностью и ранним средневековьем.

Следуя традиции классической рациональности, Г. Спенсер переносил законы естествознания в сферу анализа общественных процессов. Сущность принципа эволюции он видел в непрерывном процессе структурной и функциональной дифференциации; движение общества к промышленному типу устройства. Этноконфессиональные факторы исключались из данного процесса.

Г. Гегель в качестве основной движущей силы социальной эволюции рассматривал саморазвитие Мирового духа, который, опредмечиваясь в истории, познает самого себя. Иерархию исторических эпох он выстраивал относительно степени реализации свободы. На этом основании он выделял Восточную, Греческую, Римскую и Германскую мировые эпохи. Гегель не рассматривал этноконфессиональные факторы в качестве самостоятельной движущей силы общественного развития. Активность различных этносов рассматривалась им как реализация замысла Абсолютной идеи. Конфессиональные различия также не признавались существенными. Религия понималась как одно из проявлений Мирового духа.

Если О. Конт, Г. Спенсер, Г. Гегель видели движущие силы за пределами социальной реальности, то К. Маркс считал, что именно экономические отношения наиболее сильно влияют на остальные структуры жизни общества. В его представлении общество неизбежно движется к коммунизму в ходе прогрессивного развития способа производства материальных благ и освободительной борьбы эксплуатируемых классов. Этнические и конфессиональные процессы упоминались лишь как производные от экономического базиса. Более того, религиозный фактор подвергался жесткой критике за предполагаемую иллюзорность формируемых смыслов и оправдание политики эксплуататорских классов.

В XX в. идея прогрессивно-поступательного развития нашла свое отражение в различных концепциях *технологического детерминизма* (Д. Белл, З. Бжезинский, О. Тоффлер и др.). В качестве главной силы, трансформирующей общество, сторонники данного подхода рассматривали прогресс в технико-технологическом освоении мира. На основании данного критерия Д. Белл выделял три типа общества: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное. З. Бжезинский писал о технотронном обществе, а О. Тоффлер – о «третьей волне», несущей современному обществу знания, информацию и компьютеризированное производство. В рамках данных концепций роль этноконфессиональных факторов игнорировалась.

Резюмируя сказанное, отметим, что линейно-поступательная модель сформировалась в недрах классической рациональности, методоло-

гические основания которой в значительной степени ограничивали ее познавательные возможности. Линейно-поступательные концепции односторонне освещали социальные процессы. В них принципиально игнорировалось сущностное многообразие культур, при этом наблюдаемые отличия объяснялись принадлежностью к определенной стадии развития. Как правило, в качестве движущей силы общественной эволюции рассматривался один определяющий фактор, имеющий универсальное значение в истории всего человечества. Этноконфессиональные процессы из числа таких факторов исключались. Все общества выстраивались в иерархию по степени реализации общественного прогресса, в основе которого лежал западный социокультурный образец. Данная модель, абсолютизирующая прогресс разума и техники, приходит в противоречие с усилением в современном обществе роли этноконфессиональных факторов с их иррациональной составляющей, что в значительной степени препятствует позитивному решению возникающих в данной сфере проблем.

Однако еще в период господства классической науки появляются элементы неклассической рациональности. Возникновение новых познавательных ситуаций потребовало неклассических методов их рассмотрения. Результатом научных поисков стало создание теории локальных цивилизаций, основной задачей которой являлось объяснение вариативного характера социальной эволюции, многообразия и уникальности человеческой истории, разрушение европоцентристских стандартов и обоснование возможности иного мироустройства.

С точки зрения цивилизационного подхода история человечества представляет собой эволюцию независимых социокультурных общностей, имеющих собственную логику развития. В отношении локальных цивилизаций исследователи применяли различные наименования: Н. Данилевский называл их «культурно-историческими типами», О. Шпенглер – «высокими культурами», А. Тойнби – «цивилизациями», А. Кребер – «моделями культуры, основанными на высших ценностях», Ф. Нортроп – «культурными системами» или «мировыми культурами», Н. Бердяев – «великими культурами», П. Сорокин – «крупными культурными системами и суперсистемами». Однако большинство исследователей исходило из того, что локальная цивилизация «зиждется на какой-то основной предпосылке, получившей выражение в философском принципе, прасимволе или конечной ценности, который цивилизация порождает, развивает и реализует на протяжении своего жизненного пути во всех своих основных компонентах или подсистемах» [4]. Сегодня причинно-смысловое единство цивилизации нередко

обозначается термином «культурный код», благодаря которому социокультурные общности имеют собственный путь развития. С нашей точки зрения этноконфессиональные факторы в значительной степени формируют культурный код локальной цивилизации, обуславливают характер и направленность ее развития, не являясь при этом единственной детерминантой социокультурной эволюции. Некоторые аспекты данной идеи получили освещение в работах классиков цивилизационной теории.

В концепциях Н. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби цивилизации понимались в качестве «взаимонепроницаемых монад, обреченных на “некоммуникабельность”» [5, с. 438]. В представлениях Н. Данилевского западная цивилизация не имеет всеобщего характера, а представляет собой всего лишь одну из многих, существовавших в истории. В генезисе культурно-исторических типов он видел определяющую роль этнического фактора. Так, в становлении западной цивилизации решающую роль сыграла характерная для германороманских народов насильственность, под которой понимались индивидуализм и стремление навязать другим свою волю. В развитии русско-славянской цивилизации такой этнодоминантой была терпимость. Католицизм и православие лишь закрепили указанные черты этнического характера.

О. Шпенглер представил «великие культуры» как организмы, имеющие душу. Каждая культура реализует свои возможности, в том числе и в отношении развития органичного религиозного чувства. Термином «цивилизация» он обозначал стадию деградации культуры, характеризующуюся истощением творческого начала.

В концепции А. Тойнби наблюдается отход от замкнутого циклизма. Смысл всемирно-исторического процесса он находил в прогрессивном процессе все более глубокого религиозного прозрения и действия в соответствии с этим прозрением. Приход на смену первичным цивилизациям, вышедшим из архаических обществ, других цивилизационных общностей связывается с мировой религией. По мнению Тойнби, такие религии, как зороастризм, буддизм, христианство, ислам, впитали в себя энергию гибнущих цивилизаций. Тем самым ученый утверждал мысль, что конфессиональный фактор является основной характеристикой цивилизации, определяющей характер ее развития.

П. Сорокин под цивилизацией понимал тип культуры, для обозначения которого он использовал термин «культурная суперсистема». Среди таких суперсистем он выделял две противоположные – умозрительную (идеациональную) и чувственную. Основу умозрительной культуры составляли духовные цели и потребности людей (брахманистская Индия, буддийская

культура, культура средневековья). Чувственная культура, построенная на исключительно плотских целях и потребностях, стала доминировать с XVI в. Идеалистическая культура представляла собой сочетание элементов двух других суперсистем. Согласно концепции Сорокина, выполнив роль матрицы идеациональной культуры, религия постепенно утрачивает свое влияние в других типах культуры.

Современный исследователь С. Хантингтон считает, что будущие конфликты будут происходить на стыках цивилизаций между народами, принадлежащими к таким цивилизационным общностям, как западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и африканская [6]. Хантингтон подчеркивает важную роль национальных и религиозных факторов в формировании цивилизационной идентификации.

Заключение. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

1. Линейно-поступательная и локально-цивилизационная модели общественного развития формировались в процессе смены парадигм социального познания. Становление первой модели происходило в рамках классической науки, для которой были характерны такие черты, как противопоставление объекта познающему субъекту и установка на достижение абсолютной истины через открытие универсально-всеобщих законов бытия. Появление теории локальных цивилизаций стало попыткой неклассического решения игнорируемой ранее проблемы культурного многообразия. Данный процесс был связан с осознанием зависимости познающего субъекта от ценностно-мировоззренческих структур эпохи и культурного окружения.

2. В концепциях линейно-поступательной и локально-цивилизационной моделей социальной эволюции получили освещение лишь отдельные аспекты детерминирующей роли этноконфессиональных факторов. Этнический и конфессиональные факторы рассматривались обособленно, нередко акцентировалось внимание на религии как таковой. В этой связи комплексный анализ роли этноконфессиональных факторов, как целостного социокультурного феномена, все еще требует специального исследования.

3. В линейно-поступательных концепциях развитие общества рассматривалось как процесс, имеющий своим эталоном западный куль-

турный образец. Проблема движущих сил решалась с точки зрения определяющей роли какого-либо одного фактора, из числа которых этноконфессиональные детерминации исключались.

4. Теория локальных цивилизаций ориентировалась на объяснение вариативного характера социальной эволюции, многообразия и уникальности человеческой истории, разрушение европоцентристских стандартов и обоснование возможности иного мироустройства. Предполагая диалог и понимание, эта модель имеет важное праксеологическое значение в осмыслении современных этноконфессиональных процессов и выработке принципов позитивного решения конфликтных ситуаций, возникающих в данной сфере.

5. Локально-цивилизационная теория требует своей доработки с учетом новейших достижений социально-гуманитарного знания и синергетических исследований. Необходимо преодоление традиционных представлений о замкнутости локальных цивилизаций и рассмотрение их как саморазвивающихся, открытых, взаимодействующих с окружающей средой социокультурных систем, сохраняющих при этом свое качественное своеобразие.

Литература

1. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
2. Кондорсе, Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж. А. Кондорсе // *Философия истории. Антология: учеб. пособие для студентов вузов*; сост. и ред. Ю. А. Кемелева. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – С. 38–48.
3. Ерасов, Б. С. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов / Б. С. Ерасов. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 537 с.
4. Сорокин, П. А. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика / П. А. Сорокин // Ерасов, Б. С. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов / Б. С. Ерасов. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – С. 42.
5. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.
6. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // *Полис*. – 1994. – № 1. – С. 33–48.

ПРИРОДНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

This article is dedicated to revealing of mechanisms of interactions of a society and the nature; to establishing of ways how the nature changed by a society, influences a society. The idea proves, that the society experiences on itself influence of the nature. The nature is an external and internal condition of a life of people. It is established, that the nature can promote or interfere with social development. The purpose of this article is revealing and the analysis of the mechanisms of interaction of the society and biosphere.

Введение. Сегодня, в начале третьего тысячелетия, мы в праве говорить об особом этапе в развитии цивилизации и культуры, который вызван экологическими и демографическими проблемами, принявшими глобальный характер. Поэтому сами основания жизнедеятельности человечества нуждаются в радикальной перестройке. Это возможно на основе новой мировоззренческой парадигмы. На современном этапе развития цивилизации такой парадигмой, способной дать основания и надежду предотвращения планетарной катастрофы должно стать экологическое мышление, где «речь должна идти... о выборе такой стратегии использования природных процессов в собственной активности, которая была бы способна обеспечить гомеостазис человека и природы, т. е. реализовать принцип коэволюции природы и общества» [1, с. 15].

Основная часть. В коэволюционном принципе возможен и должен быть реализован принцип устойчивого развития природы и общества, так как само общество является частью биосферы и закономерным итогом ее геологической эволюции. Наиболее глубоко эти идеи были проработаны в философии русского космизма и нашли логическое завершение в идее ноосферы В. И. Вернадского.

Русская «космософия» выполнила интегрирующую функцию, переработав философские идеи связи природы и общества на почве русского православного мировоззрения. Согласно учению В. И. Вернадского, «живое вещество, так же как и биосфера, обладает своей особой организованностью, и может быть рассматриваемо как закономерно выраженная функция биосферы» [2, с. 22]. Собственные функции живого вещества строго определенным образом обуславливают совместимый со свойствами организованности характер эволюционного процесса. Отсюда следует, как пишет В. И. Вернадский: «Благодаря эволюции видов... меняется резко отражение живого вещества на окружающей среде. Эволюция видов переходит в эволюцию биосферы. Эволюционный процесс получает при этом особое геологическое значение благодаря тому, что он создал новую геологическую силу – научную мысль социального человека» [2, с. 27]. В основе социальности ле-

жит, по мнению В. И. Вернадского, особая форма биогеохимической энергии, связанная с психической активностью человека и жизнедеятельностью общества в целом и названная им энергией человеческой культуры. Именно в ней максимально проявляется человеческий разум и изменения носят качественно иной характер. Человеческий разум является сложным социальным образованием и его мощь направляется на изменение социального окружения и, в частности, на рост научного знания. В результате роль биосферы в земной коре меняется. Она перестраивается, формируется на основе детерминации общественными процессами, приобретает в целом социальную форму организованности и перетекает в ноосферу. Так, естественная регуляция процессов биосферы живым веществом приобретает иной социальный уровень. Поэтому общество есть закономерный итог и компонент биосферы. Оно представляет результат синтеза всемирно-исторического и природно-стихийного процессов и является относительно обособленной открытой сложной самоорганизующейся системой с собственной, не сводимой к природно-стихийной, структурой. При таком рассмотрении общества социальный человек выявляется как социоестественный компонент планетарной системы, включенный множеством взаимодействий в ее динамику, способный преобразовывать биосферу и при этом ощущающий на себе ее многогранное влияние.

Таким образом, цели данной работы следующие: выявить механизмы этих взаимодействий, место и роль в них социальных характеристик человека; установить механизмы влияния человека и общества на преобразуемую ими биосферу и зависимость от этого воздействия общественной трансформации. По нашему мнению, для достижения указанной цели необходимо исходить из фундаментального факта, доказанность которого вытекает из учения В. И. Вернадского: человек представляет собой «природное существо, живущее по законам природного мира и подчиняющееся механическим, физическим, химическим, биологическим и другим необщественным законам» [3, с. 353]. Поэтому имеет смысл говорить об естественной среде обитания социального человека.

Его естественная среда, как представляется, существует в двух видах: биосферные условия, с которыми общество взаимодействует, внося в их стихийные процессы элементы организации, и собственная внутренняя природа индивидов, другими словами, генетический фонд популяции. К биосферным внешним условиям следует отнести климат, всю совокупность живых организмов в их взаимодействии между собой и окружающим миром, разнообразие природных ресурсов, состав и строение земной коры, рельеф местности и т. д. Внутренние условия – биологический потенциал популяции. Многое из того, что происходит в обществе, зависит от здоровья, прирожденных талантов и умственных способностей каждого члена общества, а также от того, с какой периодичностью повторяются и распределяются эти биологические свойства между различными слоями и группами общества.

Однако следует иметь в виду, что естественная обусловленность общественного и личного бытия не является однозначно инвариантным и детерминационным фактором. Фундаментальным историческим фактором в системе «природа – общество» являются не природа, а народные массы. Именно они аккумулируют биосферные импульсы, будь то стихийные бедствия, стабильное давление среды на человеческие популяции, антропогенно благоприятные сочетания природных условий или резкие и скачкообразные их изменения, и в результате социальной адаптационно-адаптирующей организационной деятельности определяют спектр влияния естественной среды на общество.

При раскрытии всеобъемлющего характера взаимосвязи природного и социального, глубокой укорененности природного как в индивидуальном-личностном, так и общественном бытии людей следует различать понятия «биосфера», «природа» и «географическая среда общества». Смещение двух последних понятий ведет к рассмотрению в рамках социальной философии проблем, не относящихся непосредственно к данной мировоззренческой дисциплине. Происходит недооценка локальных условий развития в силу бесконечности природы, и конфликт общества с ней в конечном счете мало волнует общество, что санкционирует неограниченную эксплуатацию природы.

Некоторые авторы полагают, что природа есть «совокупность естественных условий существования человека, включенного в биосферу в качестве биологического вида» [4, с. 180]. Такое рассмотрение представляется односторонним, так как не учитывается родовая сущность человека – социальность – способность не столько изменять биосферу, сколько целесообразно управлять изменениями, в результате чего человек обозначает себя как часть биосфе-

ры и как социальный организм, испытывающий влияние локально изменяемой части биосферы.

Сегодня в философской литературе понятие «природа» употребляется в одном ряду с понятием «универсум» и включает вещественно-энергетический потенциал и общество в целом. Биосфера является частью природы, сферой обитания живых организмов. Но человеческое общество взаимодействует не со всей биосферой, а с ее частью. В то же время не вся природа и не вся биосфера воздействуют на конкретное общество, а только часть природы и биосферы – географическая среда, включенная в сферу человеческой деятельности и составляющая необходимое условие существования общества. Понимание ограниченности географической среды бытия общества в сравнении с бесконечной природой не может не волновать общества как природно-социальные конкретно-исторические образования, тем более на современном этапе развития, когда антропогенное влияние грозит экологическим коллапсом. По мнению российского исследователя А. Г. Пырина, социальная среда и географическая среда настолько тесно связаны, что граница между ними может быть весьма условной, но она есть. Географическая среда включает в себя естественную и преобразованную природу, социальная состоит из естественных тел (воплотивших овеществленный прошлый труд) и живых общественных отношений. Но в социальную среду не входит естественный субстрат органических и неорганических тел общества. Он есть составная часть природной среды.носителем форм движения становится не просто человек, но личность, феномен которой нельзя свести к организации его телесного организма. Она, как социальный субъект, обладает своими внутренними связями, принципиально отличными от природных. Поэтому, полагает А. Г. Пырин, «все это дает основания рассматривать природную среду по отношению к человеку как социальному субъекту, а не по отношению к человеку как целостному биосоциальному существу, т. е. включая в него телесный организм, так как последний является элементом природной среды, хотя и преобразованной» [5, с. 63] Таким образом, географическая среда содержит естественные и преобразованные факторы биосферы, выступающие в качестве непосредственных и опосредованных детерминирующих условий жизнедеятельности человека как социального организма.

Такой подход представляется убедительным: географическая среда выступает как сфера деятельности человека социального. Изменения в ней зависят от его активных целенаправленных действий. Человек вынужден реагировать на них, а также и на изменения стихийного характера в географической среде, и делает он это как социальный субъект. Соци-

альность при таком рассмотрении состоит в том, насколько человек эффективно в практической деятельности переработал, преобразовал внутреннюю природу (телесную организацию – особенности генотипа, биологические задатки и т. д.) и внешнюю (естественные условия географической среды), а также полученное от общества (в процессе социализации) в личностные свойства. В процессе самореализации человек в обществе максимально эффективно использует наличные условия и средства природные и социальные и вносит инновации. Они затрагивают не только социальное, но и общественно-природное, индивидуально-природное. Поэтому динамические общественные отношения и человеческую деятельность можно рассматривать как противоположную сторону географической среды. Их необходимо выстраивать таким образом, чтобы они максимально соответствовали как органическим субстратам общества (человеческим телам), так и внешней географической среде, в том числе внешним неорганическим субстратам общества, и не допускать противоречий между человеческим телом и географической средой.

В связи с этим можно говорить о внешней и внутренней (биологической) формах влияния географической среды. Они могут выступать как фактор, способствующий успешному развитию, или как фактор, препятствующий и ограничивающий возможности прогрессивно-поступательных изменений [6, с. 54].

К этому следует добавить, что географическая среда не является причиной в строго логическом смысле. Она либо содействует, либо препятствует общественному развитию. Поэтому верно говорить не о причинной зависимости, но только о корреляции географической и социальной среды. Общество при таком рассмотрении представляется открытой саморазвивающейся системой, лишенной как строгой природной предопределенности, так и возможности строгой социальной детерминации. Поэтому можно говорить о своеобразии общественной жизни, обусловленной влиянием географической среды, на что и указывают сторонники цивилизационного подхода.

Заключение. Таким образом, можно сделать следующие выводы. Идеи космософии имеют большой эвристический потенциал для выявления тесной связи географической среды и социального организма. Естественные условия обитания выступают для общества в форме

географической среды и предопределены как внешнее условие социоэволюции, а также как внутренний аспект общественного бытия людей. С географической средой человек взаимодействует как *социальное* существо, испытывая при этом на себе ее многомерное воздействие, но спектр этого влияния определяется в результате *социальных* адаптивно-адаптационных действий. Для наибольшей реализации социальное должно коррелировать с естественно-природным. Так происходит становление различных линий мирового развития, которые являются, по сути, способами адаптации к конкретным природным условиям.

Статья посвящена выявлению механизмов взаимодействия общества и его природного окружения, места и роли в них социальных характеристик человека; установлению путей воздействия на социального человека (на общество) преобразуемой им биосферы и зависимости от этого влияния общественной трансформации. Обосновывается мысль, что общество испытывает на себе многомерное воздействие естественных условий обитания, которые выступают как внешнее условие социоэволюции, а также как внутренний аспект общественного бытия людей. Установлено, что приоритет в системе «географическая среда – общество» находится за последним. Природное либо содействует, либо препятствует общественному развитию. Поэтому следует говорить о корреляции географической и социальной среды.

Литература

1. Моисеев, Н. Глобальный эволюционизм / Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 3–28.
2. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
3. Барулин, В. С. Социальная философия / В. С. Барулин. – М., 2000. – 560 с.
4. Бучило, Н. Ф. Философия / Н. Ф. Бучило, А. Н. Чумаков. – М., 2003. – 432 с.
5. Пырин, А. Г. Природная среда как социально-философское понятие / А. Г. Пырин // Вестник МГУ. Сер. 7, Философия. – 2006. – № 5. – С. 59–64.
6. Кирвель, Ч. С. Природные факторы социальной эволюции / Ч. С. Кирвель // Весник ГрДУ. Сер. 1, Гуманитарна наука. – 2005. – № 1. – С. 52–68.

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

In the article is analyzed the history of studying of the problem of mass consciousness. The studying of mass consciousness is a necessary condition for the analysis of the mass phenomena occurring in the modern society, and accordingly, influences on them. Being based on results of carried out research of a general concept about a phenomenon of mass consciousness. Attempt to define property and functions of mass is undertaken the consciousness.

Введение. Обращение к проблеме массового сознания имеет давнюю исследовательскую традицию. Еще философы древности обращали внимание на такие понятия, как «дух толпы», «воля народа»; на неспособность «низшего класса к самоуправлению»; на мнение «большинства». В средние века теологическая доктрина была ориентирована не столько на подчинение церкви отдельно взятого человека, сколько на формирование «всеобщего религиозного духа» как необходимого условия для организации массы людей. В период Возрождения и Реформации обращение к проблеме народных масс, их чувствам и настроениям обнаруживается в трудах Н. Макиавелли.

На рубеже XVIII–XX вв. в связи с ростом массовых форм производства, укрупнением городов, появлением средств массовой информации возникает потребность в управлении и контроле динамики массовых настроений, массового поведения и прогнозировании вектора их развития. Исследования этого периода отражают представления о массовом сознании как о сознании «толпы», «темных масс», «психологии масс». Однако несмотря на то, что изучение массового сознания в XVIII–XX вв. сводилось преимущественно к феноменологическому описанию его отдельных аспектов, единодушие исследователей проявилось в интерпретации массового сознания как особой, «неклассической» формы общественного сознания [1, 2].

Следующий хронологический этап осмысления сущности понятия «массовое сознание» соотносится с началом XX в., когда в контексте марксистской теории сознание масс трактовалось как сознание трудового народа. На протяжении XX в. исследовательский интерес к проблеме массового сознания проявлялся, когда в обществе нарушался привычный ритм жизни, сопровождающийся изменениями в социальном, политическом и экономическом укладе того или иного государства.

Лишь начиная со второй половины 80-х гг. XX в. феномен массового сознания приобретает статус предмета исследования в психологии, социологии, политологии и социальной философии. Именно с этого момента феномен массового сознания выступает центральным звеном в объяснении всех социально-экономи-

ческих, общественно-политических и культурных процессов, происходящих как в отдельно взятой стране, так и в мировом сообществе в целом. Изучение массового сознания является необходимым условием для осмысления массовых явлений, происходящих в современном обществе, и, соответственно, влияния на них.

Основная часть. В настоящее время наука располагает достаточно широким спектром определений понятия «массовое сознание». В зависимости от методологических предпочтений исследователей трактовка сущности массового сознания осуществляется через призму социологических, политических и социально-философских проблем, что затрудняет определение специфических черт, присущих этой форме общественного сознания. С учетом этого обстоятельства нами совершена попытка обобщить представления о феномене массового сознания. Так, например, массовое сознание определяется как совокупность психических, гносеологических и социальных по природе духовных образований, включающих элементы всех уровней и форм общественного сознания [3]. Под массовым сознанием понимается также сознание рядовых граждан развитого индустриального общества, формирующегося под массивным воздействием средств массовой информации и стереотипов массовой культуры [4]. Массовое сознание – это характерное для основной массы членов общества сознание; стихийно возникающая и саморазвивающаяся в процессе повседневной житейской практики совокупность эмоционально-психологических, когнитивно-рациональных и иррациональных бессознательных компонентов, а также внедряемая с помощью средств массовой информации некоторая часть научных, теоретических, идеологических и манипулятивных компонентов [5]. Можно отметить, что проблема определения массового сознания имеет три аспекта. Первый связан с проблемой установления природы феномена массового сознания. Второй аспект направлен на определение положения массового сознания в иерархии других форм общественного сознания. Третий заключается в определении сущности массового сознания и соотносится с необходимостью выявления его специфики и сущностных признаков, отличающих его от дру-

гих форм и типов сознания. Помимо выделенных трех аспектов, в определениях понятия «массовое сознание» прослеживается тенденция авторов обозначить статус массового сознания как феномена, процесса, результата и состояния. Применение системного подхода к изучению массового сознания создало условия для определения его свойств и функций.

Свойства и функции массового сознания. В условиях интенсивной массовизации современного общества определение свойств и функций массового сознания выступает одной из актуальных и наименее разработанных проблем в социальной философии. Как показал анализ литературных источников, на сегодняшний день существует два подхода к решению данной проблемы. Первый из них основывается на проецировании свойств массы как субъекта массового сознания на явление массового сознания. Наибольшее развитие данный подход получил в русле западной социальной науки, рассматривавшей массу как недифференцированное множество, подверженное влиянию средств массовой информации (Г. Блумер), неспособное к принятию решений (Э. Коннети), совокупность людей, характеризующаяся отсутствием различий, однообразием, бесцельностью, отчуждением (С. Московичи). В соответствии с этими представлениями к свойствам массового сознания относили: нерациональность, внушаемость, стихийность возникновения, архаичность, гомогенность, неустойчивость, импульсивность. В российской философской науке советского периода к характеристикам массы, определяющих, соответственно, специфику массового сознания причисляли: аморфность, размытость, гетерогенность, временность существования, неструктурированность [6].

Второй подход к определению свойств массового сознания базируется на представлении о различии понятий «массовое сознание» и «сознание масс» и необходимости применения к их изучению адекватных методологических средств [7].

Анализируя обозначенные два подхода, становится очевидным факт их взаимодополняемости. Если исходить из психосемантики понятий «массовое сознание» и «сознание масс», то первое несет преимущественно качественную нагрузку (какое?), в то время как второе ориентировано на определение принадлежности этого сознания некоторому количеству социальных элементов, составляющих саму массу (сознание «кого?»), т. е. по сути речь идет о соотношении количественных (структурных) и качественных (содержательных) характеристик массового сознания. Интеграция этих подходов в рамках социально-философской науки позволила исследователям приблизиться к решению вопроса о функциональном статусе массового сознания.

По мнению Б. Д. Парыгина, будучи духовным продуктом объективных процессов, «массовое сознание оказывает активнейшее воздействие на многие стороны жизни общества, выступая в качестве важного регулятора форм поведения людей, в том числе посредством механизмов общественного мнения, общественного настроения. Эта функция массового сознания постоянно возрастает по мере усиления роли масс в экономической, политической и культурной жизни отдельных стран и мира в целом» [8]. Роль массового сознания как регулятора поведения масс в периоды кризисов в общественном укладе отмечается В. Н. Нечаевым, как регулятора общественных процессов анализируется А. З. Манфредом, как модификатора информационно-психологического воздействия изучается В. Д. Аносовым. Адаптивная функция массового сознания, проявляющаяся в приверженности масс к ритуалам, исследуется С. Московичи. Изучая ценностную структуру массового сознания современного российского общества, М. С. Яницкий указывает на роль ценностных предпочтений в массовом сознании как регулятора активности широких масс населения. На стабилизирующую функцию массового сознания обращает внимание А. Цуладзе, отмечая, что «массовое сознание воплощено в наборе гласных и негласных, официальных и неофициальных норм и правил, которые направлены на объединение людей, на поддержание целостности общества как единого организма, на защиту его от распада». А. Н. Данилов, исследуя проблемы взаимодействия властной элиты и масс, акцентирует внимание на роли массового сознания в социально-политических процессах. Обращаясь к проблеме стратегии выбора будущего в постиндустриальном обществе, Ч. С. Кирвель указывает, что в качестве самого главного стратегического ресурса восточно-славянских народов для утверждения их духовно-экологического развития выступает их уникальный духовно-интеллектуальный потенциал, специфика их сознания и менталитета. Наиболее полное представление о функциях массового сознания в переходный период развития государства дается в работе Л. Д. Столяренко, которая выделяет познавательную, регулятивную, социально-творческую и стабилизирующую функции в динамике общественных процессов.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что массовое сознание – это сложное системное образование, в котором сочетаются научные и вненаучные знания, идеологический и психологический компоненты, взаимодействуют этнические, профессиональные, возрастные, конфессиональные стороны. Это свидетельствует о многомерности и многоступенчатости массового сознания. К функциям

массового сознания относятся: регулятивная, познавательная, социально-творческая, адаптивная и стабилизирующая, совокупностью которых обеспечивается функционирование массового сознания как целостного социально-исторического феномена и обуславливается специфика массового сознания в структуре общественного сознания.

Заключение. Таким образом, проведенный анализ литературных источников по проблеме социально-философского осмысления сущности феномена массового сознания позволяет сделать следующие выводы.

1. Феномен массового сознания является малоизученной областью в социально-философской науке. Актуальность его изучения обусловлена возрастающей ролью масс в процессах общественного жизнеустройства как в рамках отдельного культурно-исторического сообщества, так и в масштабах мирового сообщества.

2. Понятие «массовое сознание» выступает предметом исследовательского интереса в психологии, социологии, политологии и философии. На сегодняшний день наиболее полным представляется социально-философское определение этого понятия, согласно которому массовое сознание – характерное для основной массы членов общества сознание; стихийно возникающая и саморазвивающаяся в процессе повседневной житейской практики совокупность эмоционально-психологических, когнитивно-рациональных и иррациональных бессознательных компонентов, а также внедряемая с помощью средств массовой информации некоторая часть научных, теоретических, идеологических и манипулятивных компонентов.

3. Массовое сознание входит в структуру общественного сознания и характеризуется аморфностью, стихийностью возникновения, архаичностью, стереотипностью, нерациональностью, внушаемостью и размытостью.

4. Основными функциями, определяющими специфику массового сознания, выступают:

регулятивная, познавательная, социально-творческая, адаптивная и стабилизирующая.

5. Представляется целесообразным более глубокое изучение адаптивной функции массового сознания и раскрытие механизмов ее активизации. Данная проблема обозначена как перспектива для специального социально-философского исследования.

6. Наименее изученным аспектом проблемы социально-философского осмысления феномена массового сознания является структурно-содержательная организация массового сознания и вариативность ее трансформации в переходный период.

Литература

1. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Наука, 1992. – 211 с.

2. Рисмен, Д. Некоторые типы характера и общество / Д. Рисмен // Общественные науки за рубежом. Сер. 11, Социология. – 1992. – № 2. – С. 34–39.

3. Андрейченко, Г. В. Философия: учебник / Г. В. Андрейченко. – Ставрополь: СГУ, 2001. – 245 с.

4. Жбанков, М. Р. Массовое сознание / М. Р. Жбанков / Новейший философский словарь. – Минск, 1999. – С. 216.

5. Столяренко, Л. Д. Трансформация массового сознания российского общества: социально-философский анализ: автореф. ... дис. д-ра филос. наук: 09.00.11 / Л. Д. Столяренко; Рост. гос. унив. – Ростов-на-Дону, 2000. – 59 с.

6. Ольшанский, Д. В. Социальная психология винтиков / Д. В. Ольшанский // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 9–16.

7. Туманов, С. В. Современная Россия: массовое сознание и массовое поведение (Опыт интегративного анализа) / С. В. Туманов. – М.: Университетская книга, 2000. – 216 с.

8. Парыгин, Б. Д. Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. – М.: Прогресс, 1971. – 237 с.

К ВОПРОСУ О «ЛИЧНОМ» И «ОБЩЕСТВЕННОМ» В КОНЦЕПЦИИ ХРИСТИАНСКОГО СОЦИАЛИЗМА С. Н. БУЛГАКОВА

The article deals with topicality of Sergey Bulgakov's philosophical oeuvre. In the article the concept of the Social Christianity is considered. The interconnectivity and interdependency of spiritual life and worldly activity are explained. These relations' resolution of the Orthodox Church is revealed. The author researches the correlation of normative ethics and personal morals. Sergey Bulgakov's viewpoint on personal liberty necessity in the movement of Social Christianity in the range of political and economic relations is analysed.

Введение. Конец XIX в. был отмечен нарастанием «чувства чрезвычайности» (А. Белый) и усилением интереса к историсофской и философско-нравственной проблематике. В. С. Соловьев и его последователи, в число которых входил и С. Н. Булгаков, видели кризисные тенденции общественного развития, которые ныне приобретают глобальный характер. Они обличали варварскую эксплуатацию человека, критиковали международную имперскую политику за ее бесчеловечность и упрощенные социальные проекты, которые приветствовались утопически настроенной русской интеллигенцией.

В 1902 г. по инициативе С. Н. Булгакова издается сборник статей «Проблемы идеализма», объединивший представителей очень разнородных течений. В частности, сам С. Н. Булгаков вместо старого и бессильного идеализма предлагает волевой, действенный идеализм как философско-этическую проекцию универсально понятого христианства как глобального проекта. Такой идеализм не отворачивается ни от материи, ни от политики, а ставит задачу преобразования этих сфер. С. Н. Булгаков в духе В. С. Соловьева показывает нравственную обязанность христианина отвечать не только за свою душу, но и за целое общество.

Основная часть. Прошло сто лет, и что мы видим? В начале 90-х гг., уже в конце XX в., в России утвердился культ нравственного нигилизма и вседозволенности. На обломках коммунистической морали возникла идеология «раскрепощения» и успеха любой ценой. В экономике стал доминировать «дикий капитализм», основанный на жажде наживы и сопровождаемый переделом собственности. В политике возторжествовал диктат безнравственных технологий, школа и масс-медиа оказались наполнены пропагандой половой распущенности, зарабатывания денег как единственной цели жизни. На идеалы патриотизма, общинности, семьи, веры, социальной справедливости было наложено негласное табу. «Вынужденный аскетизм и смирение, нищета и несправедливость» (С. Н. Булгаков) так же стояли и стоят на пути развития народа.

Как представляется, не будет преувеличением сказать, что философия С. Н. Булгакова по уровню теоретического анализа и постанов-

ке проблем во многом созвучна нашему времени; и вовсе не случайно в наши дни резко негативное отношение к нему как «философумистику» и «защитнику капитализма» ушло в прошлое, а «минус» сменился на «плюс». Сергея Николаевича Булгакова издают, на него ссылаются, апеллируют к авторитету его имени, цитаты из его трудов служат внушительным подспорьем для подтверждения или опровержения тех или иных суждений.

В начале XX в., в эпоху господства экономического материализма, исследователи хозяйства и экономических идей достаточно редко затрагивали в своих работах религиозные аспекты. С. Н. Булгаков в своих исследованиях, напротив, прочно связал их с хозяйственными вопросами, утвердительно ответив на вопросы о существовании связи между религией и политикой, между духовностью и социальностью. Религия, по мнению русского философа и богослова, может побуждать людей не только к личному благочестию и благотворительности, но и к честной работе в «миру», к улучшению политической и экономической систем, к доброжелательному диалогу со всеми людьми доброй воли, другими словами, к активности в сферах, которые традиционная религиозность полагает светскими [7].

При понимании христианства как этической, а не магической религии, проблема соотношения добра и зла не изымается из сферы светского. Именно в духе этического универсализма, включающего в себя и социальную этику, которая не знает жесткого разделения на религиозное и светское, понимал христианство и С. Н. Булгаков. Он (как и некоторые другие русские и западные мыслители) совместил в своем сознании христианскую и социальную парадигмы в их иерархическом соподчинении, предложил концепцию христианского социализма.

Сущность христианского социализма для С. Н. Булгакова состоит в признании религиозной значимости безликих социально-политических структур. Христианский социализм, таким образом, есть христиански осмысленная социальная этика. С. Н. Булгаков писал: «Православная Церковь de facto определила свое отношение к социальному вопросу. Правда, доселе так и не было дано "вероучительного

определения" о природе социализма ни в русской церкви, ни во вселенском православии. Но социализм, как социально-экономическая доктрина, вовсе и не является вопросом вероучения». С. Н. Булгаков считал, что «цель социализма, понятая как осуществление социальной справедливости, защиты слабых, борьбы с бедностью, безработицей, эксплуатацией, – в такой степени нравственно самоочевидна, что разногласие может быть только относительно практической целесообразности или осуществимости тех или иных мероприятий» [3, с. 566–568].

Немногие религиозные мыслители тесно связывают христианскую (православную) этику с трудовой, хозяйственной, как это делает С. Н. Булгаков. Во многих из своих работ с вопросом об общественном идеале он ставит вопрос об идеале экономическом. Социальная жизнь для С. Н. Булгакова не может быть оторвана от жизни хозяйственной. Политику он определяет как общественную мораль, политическую экономию – как прикладную этику. Политическая экономия для С. Н. Булгакова – наука, раскрывающая глаза на социальные обязанности, вытекающие из евангельской заповеди любви к ближнему. Откровение дает вполне определенные руководящие нормы общественного устройства, первойшей из которых является заповедь трудиться в меру сил и умения, исключая праздность и недобросовестность. Мир как объект трудового, хозяйственного воздействия, по существу, всегда находился в сфере интересов С. Н. Булгакова [8, с. 166]. «Политика или общественная мораль становится рядом с личной моралью, – писал С. Н. Булгаков, – представляя необходимое ее развитие и продолжение. Мораль перерастает в политику, при этом политика, конечно, не может явиться чем-то самостоятельным или чуждым морали в отношении основных и руководящих принципов. Хотя принципы морали необходимо и преломлять в социальной среде. Высшей нормой личной морали является заповедь о любви к ближнему. Примененное в качестве критерия социальной политики – это начало превращается в требование справедливости, признания за каждым его прав. Справедливость есть форма любви, как отмечает Вл. Соловьев в "Оправдании добра"» [2, с. 298].

В «Предисловии» к «Философии хозяйства» он писал: «Факт хозяйства всегда возбуждал во мне философское «удивление», и проблема философии хозяйства – о человеке в природе и о природе в человеке – в сущности никогда не сходила с моего духовного горизонта, поворачиваясь лишь разными сторонами». С. Н. Булгаков никогда не ставил знака равенства между обобщенным «экономическим человеком» и конкретным индивидуумом, обладающим неповторимыми чертами. За абстрактными рас-

суждениями о науке политэкономии русский мыслитель не забывал о том, что эта наука рассматривает весьма важную сторону человеческой деятельности. Однако он не абсолютизировал ее, полагая, что она является не единственной, а одной из сторон проявления человеческой личности. «Обреченность» человека жить в этом мире, его прямая обязанность трудиться, которая связана с законами существования человека, законами истории, законами экономики, не превращает человека в исключительно «бескрылого раба», действующего в определенных механизмом причин и следствий границах и призванного подчиняться высшим законам. По мнению философа, «люди должны не только заботиться о поддержании жизни, но и быть творцами истории, творцами культуры» [6, с. 82]. «Исходя из одного представления о механизме, – пояснял С. Н. Булгаков, – нельзя даже понять до конца хозяйственную жизнь; вне личной инициативы, вне творческого к ней отношения, вне различных волевых импульсов – одной рутинной, или одним своекорыстным интересом невозможно даже поддержание status quo, а тем более невозможен хозяйственный прогресс» [5, с. 637]. Идеал «свободы личности и уважения человека к человеку и должен быть руководящей идеей христианской политики в области отношений как политических, так и экономических» [1, с. 32].

С. Н. Булгаков в своем творчестве не раз возвращается к проблеме взаимоотношений двух жизненных сфер человека: его духовной жизни и мирской трудовой деятельности. Его интересует интерпретация этих взаимоотношений различными ветвями христианства и, прежде всего, естественно, православием.

Протестантизм четко и резко подразделяет эти две области человеческого существования. Трудовая деятельность протестанта непосредственно связана с его религией. Признаком истинной веры протестантизм считает не столько внешнее исполнение человеком религиозных предписаний, сколько честное выполнение своих обязанностей. Католичество разрешает важнейшие жизненные проблемы на основе строгого иерархического подчинения клерикальной организации жизни. В католичестве церковная жизнь вдохновляет человека на мирскую трудовую деятельность.

В отличие от католичества и протестантизма, православие, по мысли Булгакова, пронизывает «религиозным вдохновением» не только храмовую жизнь, но и весь быт человека. Освящение быта (труд, семейные отношения, еда, сон, одежда, любая повседневность) вообще свойственно православию, оно сопровождает человека от рождения до самой смерти. У православия, писал о. Сергей, есть могучие средства воспитания личности, пробуждения и «вы-

работки» у нее «чувства личной ответственности и долга», столь необходимых для экономической деятельности и для всех остальных видов общественного служения. Среди таких средств он выдвигает на первый план дисциплину «аскетического послушания». Христианство придает вопросам хозяйства «аскетический обертон, религиозно-этический мотив самообуздания и служения ближнему».

Наиболее ярко С. Н. Булгаков представил свои взгляды на социальный вопрос в статье «Неотложная задача»: «По учению христианства история есть богочеловеческий процесс, в котором собирается и организуется единое человечество, "тело Христово". Для этой задачи мало одних усилий личного усовершенствования и душеспасительства, но необходимо воздействие и на общественные формы и на внешние отношения людей между собою, необходима не только личная, но и социальная мораль, т. е. политика» [1, с. 31]; «пора, наконец, понять в самом деле, что Христова заповедь: одеть холодного, накормить голодного, посетить заключенного в тюрьме – исполняется в настоящее время более чем в какой бы то ни было другой форме посредством сложной социальной техники – социального законодательства, рабочих организаций, стачек, кооперативного движения. Ведь если искренне желать исполнять заповедь Христову, то нужно и уметь ее исполнять, знать нужные и пригодные средства к ее исполнению» [1, с. 36–37].

Сущность христианского социализма, таким образом, состоит в концептуальном сочетании «правды социализма» и христианской этики.

Заключение. К сожалению, в нашей стране (как и в России) до сих пор религиозность понимается только как «частное дело граждан». Конечно, это частное дело в том смысле, что принадлежность к определенному вероисповеданию не должна как-либо сказываться на социально-правовом статусе граждан. Но отсюда не следует, что религия (как частный случай мировоззрения) не может быть ориентационным и мотивирующим фактором в политической и экономической деятельности как отдельного человека, так и всего общества.

Одной из причин отрицания христианского социализма современным обществом, как пред-

ставляется, является жесткое деление на светское и церковное; духовность в восточном стиле понимается как образ внутреннего совершенствования, потому попытки привнести христианские принципы в общественную нередко вызывает отторжение и в среде церковных людей, и в среде светских людей.

«Труден путь через современность к православию и обратно», – писал С. Н. Булгаков в «Свете невечернем». Тернистость этого пути о. Сергей познал на своей собственной нелегкой судьбе. «Современность» сдвинулась вперед на столетие, и с тех пор этот путь вряд ли стал легче. Впрочем, С. Н. Булгаков это предвидел: «Осознать себя со всей исторической плотью в православии и чрез православие, постигнуть его вековечную истину чрез призму современности, а эту последнюю увидеть в его свете, – такова жгучая, неустрашимая потребность, которая ощущалась явно с XIX в., и чем дальше, тем становится острее» [4, с. 3]. Идеи прот. Сергия Булгакова могут быть востребованы.

Литература

1. Булгаков, С. Н. Неотложная задача (О союзе христианской политики) / С. Н. Булгаков // Христианский социализм. – Новосибирск, 1991. – 350 с.
2. Булгаков, С. Н. От марксизма к идеализму: сб. ст. (1896–1903) / С. Н. Булгаков. – СПб., 1903.
3. Булгаков, С. Н. Православие и социализм / С. Н. Булгаков // Труды по социологии и теологии. – М.: Наука, 1997. – Т. 2.
4. Булгаков, С. Н. Свет невечерний / С. Н. Булгаков. – М.: Республика, 1994.
5. Булгаков, С. Н. Сочинения: в 2 т. / С. Н. Булгаков. – М.: Республика, 1993. – Т. II.
6. Булгаков, С. Н. Христианский социализм / С. Н. Булгаков // Христианский социализм. – Новосибирск, 1991. – 350 с.
7. Павлов, Игумен Иннокентий. С. Н. Булгаков об общественном идеале / Иг. И. Павлов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sfi.ru/lib.asp?rubr_id=755&art_id=3993 / Дата доступа: 17.01.2008.
8. Скоробогатько, А. В. Общественный идеал в русской философии: монография / А. В. Скоробогатько. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 240 с.

ПРАВОВАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА

In article the licensed contract as a method of assignment of rights to the objects of intellectual own is considered. Notion of the licensed contract from positions of active law of Republic Byelorussia is determined, and also its essence from the legal and economic point of view. The distinctive features of the licensed contract by comparison to other types of contracts, its traditional sites, the main types of such a treaty, as well as the rights and obligations of the parties are considered. Justifying the need to disseminate the licensed trade, since the development of intellectual property is directly related to the innovative development of the economy.

Введение. Развитие современной экономики напрямую связано с использованием в хозяйственной деятельности интеллектуальной собственности в виде соответствующих прав на знания. При этом интеллектуальная собственность выступает одним из факторов повышения конкурентоспособности экономики и важнейшим ресурсом, определяющим рост благосостояния общества. Рынок интеллектуальной собственности становится важной сферой национальной экономики большинства стран, которые располагают интеллектуальным потенциалом, поскольку при ее эффективном использовании интеллектуальная собственность способна принести высокие доходы. Экономические взаимоотношения на международном уровне сводятся к обмену новыми технологиями. Это позволяет отдельным странам добиваться стремительных темпов развития.

В этой связи сделки по передаче прав на объекты интеллектуальной собственности широко распространены.

Основная часть. Современный рынок интеллектуальной собственности можно охарактеризовать как сферу формирования спроса и предложения на интеллектуальную собственность. Главной особенностью объектов интеллектуальной собственности является возможность получения дохода от монопольного владения новыми технологиями. Производители не могут выпускать одну и ту же продукцию традиционными способами. Только совершенствование технологий, применение новых материалов дают возможность выдерживать конкурентную борьбу.

Главным потребительским качеством интеллектуальной собственности является способность приносить дополнительную прибыль благодаря новым знаниям о том, как более эффективно удовлетворить запросы потребителя. Только новые интеллектуальные решения позволяют выпустить товар более высокого качества, обладающий соответствующими конкурентоспособными свойствами. Перечень и содержание потребительских качеств каждого объекта интеллектуальной собственности достаточно индивидуальны и рассматриваются

всегда неотрывно от перспективы его использования. Помимо непосредственного выпуска конкурентоспособной продукции, объекты интеллектуальной собственности могут использоваться как товар, который на основе лицензионного договора может быть передан для использования за определенное вознаграждение. Спрос на объекты интеллектуальной собственности определяется реальной перспективой их коммерческого использования для получения дополнительной прибыли.

Интеллектуальная собственность по существу представляет собой совокупность исключительных прав как личного, так и имущественного характера на результаты интеллектуальной и творческой деятельности, а также на некоторые иные приравненные к ним объекты, конкретный перечень которых устанавливается законодательством соответствующей страны с учетом принятых международных обязательств. Однако наибольший интерес на рынке вызывают результаты интеллектуальной деятельности в виде технологий, включающих в себя изобретения, промышленные образцы, товарные знаки, существенно повышающие коммерческую ценность товара, компьютерные программы. Вместе с тем введение в оборот объектов промышленной собственности связано со значительными финансовыми и материальными затратами, что в отдельных случаях требует привлечения инвестиций.

Объекты интеллектуальной собственности являются специфическим товаром, поскольку этот товар дорогостоящий, так как на его создание затрачен высококвалифицированный интеллектуальный труд. В этой связи не все организации могут самостоятельно проводить прикладные и фундаментальные исследования. Даже для крупных компаний проведение таких разработок представляется весьма сложным. Такое положение служит одной из причин роста объемов лицензионной торговли, которая является выгодной как для продавца, так и для покупателя. Для продавца торговля лицензиями позволяет получить прибыль без дополнительных вложений в собственное производство, а для покупателя это является возможностью применения новейших разработок без проведе-

ния научно-исследовательских работ. Как система прав, интеллектуальная собственность имеет нематериальный характер и может быть использована одновременно несколькими юридическими лицами. При этом при продаже интеллектуальной собственности не происходит отчуждения знаний от ее автора. Интеллектуальная собственность как система исключительных прав также неразрывно связана с особенностью законодательства по охране коммерческой тайны и защите информации.

Непосредственно интеллектуальная собственность как товар включается в хозяйственный оборот в форме передачи прав на ее использование. Так, по лицензионному договору патентообладатель (лицензиар) обязуется предоставить право на использование охраняемого объекта в объеме, предусмотренном договором, другому лицу (лицензиату). Последний принимает на себя обязанности вносить лицензиару обусловленные договором платежи и осуществляет другие действия, предусмотренные договором. Лицензионным договором может ограничиваться территория использования объекта интеллектуальной собственности, оговариваться объемы производимой продукции и т. д.

Главная особенность лицензионной сделки заключается в том, что лицензиар передает лицензиату нематериальный объект – техническое решение, товарный знак, а также иной объект интеллектуальной собственности. Второй особенностью лицензионной сделки является сохранение права собственности на предмет соглашения за лицензиаром. В мировой практике право собственности на изобретение закрепляется выдачей на него патента. Патент в течение всего срока его действия закрепляет за его собственником монопольное право на объект интеллектуальной собственности. Это исключительное право позволяет владельцу патента не допускать какого-либо использования принадлежащего ему объекта без соответствующего разрешения. Лицензионные договоры, основанные на патентах, получили наибольшее распространение в международной торговле.

Законодательством Республики Беларусь урегулированы правоотношения, возникающие в связи с созданием, правовой охраной, регистрацией и использованием объектов интеллектуальной собственности. Законом также предоставлена возможность применения лицензионного договора относительно всех объектов интеллектуальной собственности. Применительно к предмету лицензионного договора, т. е. в зависимости от вида объекта интеллектуальной собственности, договоры могут быть, например, о передаче права на использование изобретения, о передаче права на использование полезной модели и т. д.

Согласно статье 983 Гражданского кодекса Республики Беларусь, обладателю имущественных прав на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации принадлежит исключительное право правомерного использования этого объекта интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым способом. Использование другими лицами объектов интеллектуальной собственности, в отношении которых их правообладателю принадлежит исключительное право, допускается только с согласия правообладателя. Имущественные права, принадлежащие обладателю исключительных прав на объект интеллектуальной собственности, могут быть переданы правообладателем полностью или частично другому лицу по договору [1].

Согласно статье 985 Гражданского кодекса Республики Беларусь, по лицензионному договору сторона, обладающая исключительным правом на использование результата интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации (лицензиар), предоставляет другой стороне (лицензиату) разрешение использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности [1]. Таким образом, предметом лицензионного договора являются права по использованию определенного объекта права интеллектуальной собственности. В качестве традиционных объектов, по поводу использования которых заключаются лицензионные договоры, выступают изобретения, промышленные образцы, полезные модели, товарные знаки, селекционные достижения и топологии интегральных микросхем.

Согласно статье 11 Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», любое физическое или юридическое лицо, желающее использовать изобретение, полезную модель, промышленный образец, обязано заключить с патентообладателем договор о передаче права на использование изобретения, полезной модели, промышленного образца (лицензионный договор). При этом лицензионный договор регистрируется в патентном органе и без такой регистрации считается недействительным [2].

Аналогичные положения закреплены в законодательстве относительно товарных знаков, знаков обслуживания, селекционных достижений и других объектов.

Гражданским кодексом Республики Беларусь определены два вида лицензионных договоров, по которым может предусматриваться предоставление лицензиату права использовать объект интеллектуальной собственности с сохранением за лицензиаром права его использования и права выдачи лицензии другим лицам и права использовать объект интеллектуальной собственности с сохранением за лицензиаром права его использо-

вания в части, не передаваемой лицензиату, но без права выдачи лицензии другим лицам.

Такое различие между ними определяется в зависимости от того, в какой степени исключена конкуренция лицензиара и третьих лиц из сферы действия лицензиата в рамках предоставленной ему лицензии. Являясь собственником объекта интеллектуальной собственности, лицензиар строго регламентирует права лицензиата по использованию данного объекта, который является предметом лицензионного соглашения. Это подробно фиксируется во всех лицензионных договорах. По существу, содержание лицензионного договора сводится к ограничительным условиям использования исключительного права лицензиара и установлению размера платежей за такое использование.

Посредством лицензионного договора регулируются все права и обязанности лицензиара и лицензиата. Кроме того, в Республике Беларусь предусмотрен порядок государственной регистрации договоров, которые существенным образом изменяют права владельцев объектов интеллектуальной собственности.

Лицензионные договоры, несмотря на многообразие объектов и видов лицензий, имеют общий принцип построения. В лицензионном договоре должен быть четко определен ее вид, территория действия и срок. При этом срок действия такого договора значительно превышает сроки действия других договоров. По лицензионному договору передается вся соответствующая техническая и иная необходимая документация и, как правило, определяется техническая помощь.

Существенным условием лицензионного договора является его возмездность, и поэтому основным разделом договора выступает раздел о платежах, который должен определять сумму вознаграждения, порядок и сроки его выплаты. Договором должны быть предусмотрены обязательства по сохранению конфиденциальности полученных сведений, технической документации. Как правило, стороны принимают на себя обязательства по предотвращению разглашения таких сведений, по принятию мер в случае противоправного использования таких сведений. В течение срока действия договора лицензиар и лицензиат, как правило, информируют друг друга обо всех изменениях в объекте лицензии, а именно это касается усовершенствований и улучшений. Ввиду того, что основной обязанностью лицензиара является предоставление права, то и ответственность регламентируется за недостатки такого права, например в случае оспаривания его третьими лицами, досрочного прекращения действия документа, являющего-

ся основанием возникновения права, и в других случаях, что стороны должны отразить в договоре. В случае согласия лицензиара лицензиат может предоставить право на использование объекта лицензии третьим лицам на условиях, которые должны быть оговорены в лицензионном договоре.

Заключение. Создание новых технологий – достаточно трудоемкий и затратный процесс, который требует значительных финансовых вложений. Вместе с тем практика показывает, что интеллектуальная собственность является мощным фактором повышения конкурентоспособности инновационной экономики. За счет создания объектов интеллектуальной собственности, их использования, в том числе путем заключения лицензионных договоров, предприятия могут осуществлять модернизацию производства, привлекать инвестиции.

Становление рынка интеллектуальной собственности напрямую связано с развитием инновационной деятельности отечественной экономики. Формирование и защита отечественного рынка научно-технической продукции, основанного на развитии рынка интеллектуальной собственности, ее вовлечение в хозяйственный оборот, поддержка отечественных патентов за рубежом является в настоящее время важнейшим направлением.

Мировой опыт показывает, что высокая экономическая и социальная эффективность функционирования индустриально развитых стран, их динамичность и гибкость в прогрессивном изменении структуры производства общества непосредственно связаны с развитием научно-технической революции и использованием ее достижений.

В условиях глобализации мировых процессов научно-технический потенциал приобретает для каждой страны стратегическое значение. Как показывает мировой опыт, принципиальное значение для формирования высокоэффективного интеллектуального труда имеет наличие института интеллектуальной собственности, а также эффективных способов ее использования.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2001.
2. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Респ. Беларусь от 16 дек. 2002 г. № 160-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 1.
3. Кудашов, В. И. Управление интеллектуальной собственностью: учеб. пособие / В. И. Кудашов. – Минск: ИВЦ Минфина, 2007.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

The article deals with the classification of intellectual property on the basis of their form of legal protection. Legitimacy owner of intellectual property primarily interested in the proper protection of the facility. The commercial use of intellectual property begins precisely with its legal protection.

Введение. В современных условиях интеллектуальная собственность, охраняемая в большинстве стран мира, является одним из наиболее мощных стимулов прогресса во всех отраслях развития общества – научно-технического, культурного и др. Поэтому вопросы охраны и использования интеллектуальной собственности играют все большую роль в предпринимательской, производственной, внешнеэкономической деятельности организаций всех форм собственности и граждан.

Статья 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь в качестве объекта гражданских прав называет исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность). Интеллектуальная собственность имеет двойственную природу: с одной стороны, она представляет собой идеальный мысленный образ, который возник в результате мыслительной деятельности человека; с другой стороны, для того чтобы о существовании этого образа узнали другие субъекты, ему необходимо придать какую-либо объективную форму (например, нарисовать, записать).

Основная часть. Исключительное право на результат интеллектуальной деятельности и вещное право на материальный носитель, на котором этот результат зафиксирован, имеют различную правовую природу.

Назначение исключительного права как особого вида гражданского права состоит в том, чтобы обособить нематериальный объект (результат интеллектуальной деятельности) и тем самым создать условия для его участия в гражданском обороте и получения материальных благ от его использования. Обладание исключительным правом имеет самостоятельную экономическую ценность: коммерческое использование результатов интеллектуальной деятельности способно приносить их обладателю доход. Поэтому у обладателя исключительного права возникает потребность запретить в отношении всех остальных лиц совершение действий, которые составляют содержание этого права. Следовательно, исключительному праву должна соответствовать установленная законом обязанность всех иных (третьих) лиц воздерживаться от действий, составляющих содержание этого права. Основание возникновения исключительного права и субъектов, у которых это право возникает, а также содержание и пределы осуществления права определяет закон.

Результат интеллектуальной деятельности, являясь нематериальным по своему характеру, может использоваться одновременно неограниченным кругом субъектов. Поэтому управомоченный субъект может запрещать другим субъектам, либо предоставлять какому-либо субъекту пользование исключительным правом. Исходя из этого в исключительном праве выделяются две составляющие: негативная и позитивная. Позитивная составляющая позволяет правомочному субъекту совершать определенные положительные действия по использованию объекта права. Негативная составляющая состоит в том, что полномочный субъект и закон запрещают подобные действия всем иным лицам.

Конструкция исключительного права дает возможность выстраивать сложные схемы взаимоотношений между различными субъектами по использованию результата интеллектуальной деятельности и тем самым ввести его в гражданский оборот.

Содержание исключительного права определено статьей 983 Гражданского Кодекса Республики Беларусь, в соответствии с которой обладателю имущественных прав на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации принадлежит исключительное право правомерного использования этого объекта по своему усмотрению в любой форме и любым способом.

Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности названы в законодательстве интеллектуальной собственностью.

Объектом исключительных прав является такой результат интеллектуальной деятельности человека, который удовлетворяет следующим особенностям:

- является результатом мыслительной деятельности;
- обладает элементами творчества;
- представляет собой нематериальный объект;
- облечен в объективную форму, позволяющую воспроизводить его без участия автора.

Авторам объектов интеллектуальной собственности принадлежат личные неимущественные и имущественные права. Изготовителям фонограмм и организациям вещания в отношении этих объектов принадлежат только имущественные права. Обладателям права на средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и услуг в

отношении этих средств также принадлежат только имущественные права.

По мере развития научно-технического прогресса постоянно растет перечень объектов интеллектуальной собственности. Перечислить все результаты интеллектуальной деятельности невозможно, но их можно классифицировать.

В качестве критериев классификации могут быть использованы различные факторы, по которым различаются между собой объекты или группы объектов интеллектуальной собственности. Ими могут быть и субъекты права, и объем предоставляемых законом прав, и другие.

Статья 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь предусматривает три группы объектов интеллектуальной собственности:

1) результаты интеллектуальной деятельности: произведения науки, литературы, искусства; исполнения, фонограммы и передачи организаций вещания; изобретения, полезные модели, промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем, нераскрытая информация, в том числе секреты производства (ноу-хау);

2) средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг: фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; географические указания,

3) другие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг в случаях, предусмотренных законодательством. К ним, в частности, можно отнести защиту от недобросовестной конкуренции.

В основу этой классификации положен характер результата мыслительной деятельности. Классифицировать объекты права можно также по объему прав, по правовому статусу субъектов и по иным критериям. Однако классификации по таким критериям имеют только теоретическую направленность.

Рыночные отношения в сфере интеллектуальной собственности начинаются именно с правовой охраны объектов интеллектуальной собственности.

В зависимости от формы правовой охраны объекты интеллектуальной собственности можно разделить на следующие группы:

1) Объекты, охраняемые авторским правом;

2) Объекты, охраняемые смежными правами;

3) Объекты, охраняемые патентным правом (правом промышленной собственности); а) на основании патента; б) на основании свидетельства; в) на основании государственной регистрации; г) на основании факта использования;

4) Объекты, охраняемые путем засекречивания, т. е. которым не предоставляется правовая охрана в виде специальных законодательных актов, но которые могут быть защищены от несанкционированного использования.

Правовая охрана объектов авторского права начинается с момента их создания (облучения в объективную форму). Авторское право защищает форму произведения, т. е. то, каким образом описано событие, явление, факт, экспериментальный результат. Но авторское право не защищает содержание произведения. На одну и ту же тему, об одном и том же может быть написано много произведений. Но так как они написаны по-разному, то каждое из них будет самостоятельным произведением, охраняемым авторским правом. Если автор раскрыл какую-то идею, секрет, то любой читатель может на законном основании использовать эту идею или секрет.

Основополагающим международным договором в области охраны авторских и смежных прав является Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь как отдельный вид объектов авторского права выделены компьютерные программы. Компьютерные программы охраняются как литературные произведения. Компьютерной программой является как небольшая программа, созданная индивидуальным разработчиком, так и сложный программный продукт, разработанный в специальной организации. Объектами авторского права являются любые компьютерные программы, независимо от их назначения и достоинства. Для предоставления им охраны не имеет значения, на каком языке программирования они написаны, изложен ли текст на исходном языке или в объектных кодах, Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» в качестве самостоятельного вида объектов авторского права называет научные произведения и аудиовизуальные произведения.

Перечень объектов авторского права является открытым. Это значит, любое выраженное в объективной форме произведение науки, литературы и искусства, являющееся результатом интеллектуальной творческой деятельности, охраняется средствами авторского права, даже если оно не относится ни к одному из перечисленных в законодательстве видов произведений. Примером такого объекта может служить реклама. В Законе Республики Беларусь «О рекламе» содержится прямое указание на то, что реклама полностью или частично может являться объектом авторского и смежных прав.

Авторское право на вышеперечисленные произведения возникает в силу факта их создания. Для возникновения и осуществления авторского права не требуется соблюдения каких-либо формальностей.

Смежные права называются так потому, что они неразрывно связаны с авторскими правами. Например, при исполнении певцом песни используются слова, написанные поэтом и му-

зыка композитора. Охрана смежных прав начинается осуществляться гораздо позже авторских прав. Согласно статье 994 Гражданского кодекса Республики Беларусь, смежные права распространяются на исполнения, постановки, фонограммы, передачи организаций эфирного и кабельного вещания. Для возникновения и осуществления смежных прав не требуется соблюдения каких-либо формальностей.

Круг объектов права промышленной собственности си впервые был определен в Парижской конвенции по охране промышленной собственности.

Статья 998 Гражданского Кодекса Республики Беларусь называет следующие виды объектов промышленной собственности:

- изобретения,
- полезные модели;
- промышленные образцы;
- селекционные достижения;
- топологии интегральных микросхем;
- нераскрытая информация, в том числе секреты производства (ноу-хау);
- фирменные наименования;
- товарные знаки и знаки обслуживания;
- наименования мест происхождения товаров;
- другие объекты промышленной собственности

и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг в случаях, предусмотренных законодательством.

Наиболее распространенным (но не единственным) способом охраны промышленной собственности является патент. Государственная охрана объектов промышленной собственности может осуществляться также свидетельствами, с помощью регистрации объекта в государственном или ином реестре и т. п.

Вопросам правовой охраны изобретений, полезных моделей, промышленных образцов посвящен Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы». Отнесение к объектам права промышленной собственности нерас-

крытой информации и секретов производства (ноу-хау) представляется необоснованным. Для охраны нераскрытой информации от незаконного использования не требуется выполнения каких-либо формальностей в отношении этой информации (ее регистрации, получения свидетельства и т.п.). Кроме того, отсутствуют специальные законодательные акты, посвященные охране этого объекта. Поэтому нераскрытую информацию следует отнести к четвертой группе предложенной классификации, т. е. к объектам, которым не предоставляется правовая охрана в виде специальных законодательных актов, но которые могут быть защищены от несанкционированного использования.

К неохраняемым объектам интеллектуальной собственности следует отнести также расчеты, результаты испытаний, технологии, формулы и т. п.

Перечисленные объекты чаще всего создаются в результате выполнения фундаментальных и прикладных научных исследований, в том числе путем заключения договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ.

Заключение. Наиболее всеобъемлющей и имеющей практическую ценность представляется классификация по форме правовой охраны, так как правомерный владелец права на объект интеллектуальной собственности, прежде всего, заинтересован в надлежащей охране этого объекта.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь. Мн.: Амалфея. 1999.
2. Об авторском праве и смежных правах. Закон Республики Беларусь от 11 авг. 1998 г. – № 194-3 // Ведамасці Нац.сходу Рэспублікі Беларусь. – 1998. – № 31-31. – Ст. 472.
3. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Республики Беларусь от 16 дек. 2002 г. № 160-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2003. – № 1.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

The article deals with the classification of intellectual property on the basis of their form of legal protection. Legitimacy owner of intellectual property primarily interested in the proper protection of the facility. The commercial use of intellectual property begins precisely with its legal protection.

Введение. В современных условиях интеллектуальная собственность, охраняемая в большинстве стран мира, является одним из наиболее мощных стимулов прогресса во всех отраслях развития общества – научно-технического, культурного и др. Поэтому вопросы охраны и использования интеллектуальной собственности играют все большую роль в предпринимательской, производственной, внешне-экономической деятельности организаций всех форм собственности и граждан.

Статья 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь в качестве объекта гражданских прав называет исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность) [1]. Интеллектуальная собственность имеет двойственную природу: с одной стороны, она представляет собой идеальный мысленный образ, который возник в результате мыслительной деятельности человека; с другой стороны, для того чтобы о существовании этого образа узнали другие субъекты, ему необходимо придать какую-либо объективную форму (например, нарисовать, записать).

Основная часть. Исключительное право на результат интеллектуальной деятельности и вещное право на материальный носитель, на котором этот результат зафиксирован, имеют различную правовую природу.

Назначение исключительного права как особого вида гражданского права состоит в том, чтобы обособить нематериальный объект (результат интеллектуальной деятельности) и тем самым создать условия для его участия в гражданском обороте и получения материальных благ от его использования. Обладание исключительным правом имеет самостоятельную экономическую ценность: коммерческое использование результатов интеллектуальной деятельности способно приносить их обладателю доход. Поэтому у обладателя исключительного права возникает потребность запретить в отношении всех остальных лиц совершение действий, которые составляют содержание этого права. Следовательно, исключительному праву должна соответствовать установленная законом обязанность всех иных (третьих) лиц воздерживаться от действий, составляющих содержание этого права. Основание возникновения исключительного права и субъектов, у которых это право возникает, а также содержание и пределы осуществления права определяет закон.

Результат интеллектуальной деятельности, являясь нематериальным по своему характеру, может использоваться одновременно неограниченным кругом субъектов. Поэтому управомоченный субъект может запрещать другим субъектам, либо предоставлять какому-либо субъекту пользование исключительным правом. Исходя из этого в исключительном праве выделяются две составляющие: негативная и позитивная. Позитивная составляющая позволяет правомочному субъекту совершать определенные положительные действия по использованию объекта права. Негативная составляющая состоит в том, что полномочный субъект и закон запрещают подобные действия всем иным лицам.

Конструкция исключительного права дает возможность выстраивать сложные схемы взаимоотношений между различными субъектами по использованию результата интеллектуальной деятельности и тем самым ввести его в гражданский оборот.

Содержание исключительного права определено статьей 983 Гражданского кодекса Республики Беларусь, в соответствии с которой обладателю имущественных прав на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации принадлежит исключительное право правомерного использования этого объекта по своему усмотрению в любой форме и любым способом [1].

Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности названы в законодательстве интеллектуальной собственностью.

Объектом исключительных прав является такой результат интеллектуальной деятельности человека, который удовлетворяет следующим особенностям:

- является результатом мыслительной деятельности;
- обладает элементами творчества;
- представляет собой нематериальный объект;
- облечен в объективную форму, позволяющую воспроизводить его без участия автора.

Авторам объектов интеллектуальной собственности принадлежат личные неимущественные и имущественные права. Изготовителям фонограмм и организациям вещания в отношении этих объектов принадлежат только имущественные права. Обладателям права на средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и услуг в отношении

этих средств также принадлежат только имущественные права.

По мере развития научно-технического прогресса постоянно растет перечень объектов интеллектуальной собственности. Перечислить все результаты интеллектуальной деятельности невозможно, но их можно классифицировать.

В качестве критериев классификации могут быть использованы различные факторы, по которым различаются между собой объекты или группы объектов интеллектуальной собственности. Ими могут быть и субъекты права, и объем предоставляемых законом прав, и другие.

Статья 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь предусматривает три группы объектов интеллектуальной собственности [1].

1) результаты интеллектуальной деятельности: произведения науки, литературы, искусства; исполнения, фонограммы и передачи организаций вещания; изобретения, полезные модели, промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем, нераскрытая информация, в том числе секреты производства (ноу-хау);

2) средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг: фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; географические указания;

3) другие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг в случаях, предусмотренных законодательством. К ним, в частности, можно отнести защиту от недобросовестной конкуренции.

В основу этой классификации положен характер результата мыслительной деятельности. Классифицировать объекты права можно также по объему прав, по правовому статусу субъектов и по иным критериям. Однако классификации по таким критериям имеют только теоретическую направленность.

Рыночные отношения в сфере интеллектуальной собственности начинаются именно с правовой охраны объектов интеллектуальной собственности.

В зависимости от формы правовой охраны объекты интеллектуальной собственности можно разделить на следующие группы:

1) объекты, охраняемые авторским правом;
2) объекты, охраняемые смежными правами;
3) объекты, охраняемые патентным правом (правом промышленной собственности): а) на основании патента; б) на основании свидетельства; в) на основании государственной регистрации; г) на основании факта использования;

4) объекты, охраняемые путем засекречивания, т. е. которым не предоставляется правовая охрана в виде специальных законодательных актов, но которые могут быть защищены от несанкционированного использования.

Правовая охрана объектов авторского права начинается с момента их создания (облечения в объективную форму). Авторское право защищает форму произведения, т. е. то, каким образом описано событие, явление, факт, экспериментальный результат. Но авторское право не защищает содержание произведения. На одну и ту же тему, об одном и том же может быть написано много произведений. Но так как они написаны по-разному, то каждое из них будет самостоятельным произведением, охраняемым авторским правом. Если автор раскрыл какую-то идею, секрет, то любой читатель может на законном основании использовать эту идею или секрет.

Основополагающим международным договором в области охраны авторских и смежных прав является Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь как отдельный вид объектов авторского права выделены компьютерные программы. Компьютерные программы охраняются как литературные произведения. Компьютерной программой является как небольшая программа, созданная индивидуальным разработчиком, так и сложный программный продукт, разработанный в специальной организации. Объектами авторского права являются любые компьютерные программы, независимо от их назначения и достоинства. Для предоставления им охраны не имеет значения, на каком языке программирования они написаны, изложен ли текст на исходном языке или в объектных кодах. Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» в качестве самостоятельного вида объектов авторского права называет научные произведения и аудиовизуальные произведения [2].

Перечень объектов авторского права является открытым. Это значит, любое выраженное в объективной форме произведение науки, литературы и искусства, являющееся результатом интеллектуальной творческой деятельности, охраняется средствами авторского права, даже если оно не относится ни к одному из перечисленных в законодательстве видов произведений. Примером такого объекта может служить реклама. В Законе Республики Беларусь «О рекламе» содержится прямое указание на то, что реклама полностью или частично может являться объектом авторского и смежных прав.

Авторское право на вышеперечисленные произведения возникает в силу факта их создания. Для возникновения и осуществления авторского права не требуется соблюдения каких-либо формальностей.

Смежные права называются так потому, что они неразрывно связаны с авторскими правами. Например, при исполнении певцом песни используются слова, написанные поэтом и му-

зыка композитора. Охрана смежных прав начинается осуществляться гораздо позже авторских прав. Согласно статье 994 Гражданского кодекса Республики Беларусь, смежные права распространяются на исполнения, постановки, фонограммы, передачи организаций эфирного и кабельного вещания. Для возникновения и осуществления смежных прав не требуется соблюдения каких-либо формальностей [1].

Круг объектов права промышленной собственности впервые был определен в Парижской конвенции по охране промышленной собственности.

Статья 998 Гражданского кодекса Республики Беларусь называет следующие виды объектов промышленной собственности:

- изобретения;
- полезные модели;
- промышленные образцы;
- селекционные достижения;
- топологии интегральных микросхем;
- нераскрытая информация, в том числе секреты производства (ноу-хау);
- фирменные наименования;
- товарные знаки и знаки обслуживания;
- наименования мест происхождения товаров;
- другие объекты промышленной собственности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг в случаях, предусмотренных законодательством [1].

Наиболее распространенным (но не единственным) способом охраны промышленной собственности является патент. Государственная охрана объектов промышленной собственности может осуществляться также свидетельствами, с помощью регистрации объекта в государственном или ином реестре и т. п.

Вопросам правовой охраны изобретений, полезных моделей, промышленных образцов посвящен Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» [3]. Отнесение к объектам права промышленной собственности нераскрытой информации и секретов производ-

ства (ноу-хау) представляется необоснованным. Для охраны нераскрытой информации от незаконного использования не требуется выполнения каких-либо формальностей в отношении этой информации (ее регистрации, получения свидетельства и т. п.). Кроме того, отсутствуют специальные законодательные акты, посвященные охране этого объекта. Поэтому нераскрытую информацию следует отнести к четвертой группе предложенной классификации, т. е. к объектам, которым не предоставляется правовая охрана в виде специальных законодательных актов, но которые могут быть защищены от несанкционированного использования.

К неохранным объектам интеллектуальной собственности следует отнести также расчеты, результаты испытаний, технологии, формулы и т. п.

Перечисленные объекты чаще всего создаются в результате выполнения фундаментальных и прикладных научных исследований, в том числе путем заключения договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ.

Заключение. Наиболее всеобъемлющей и имеющей практическую ценность представляется классификация по форме правовой охраны, так как правомерный владелец права на объект интеллектуальной собственности, прежде всего, заинтересован в надлежащей охране этого объекта.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь. – Минск: Амалфея, 1999.
2. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь от 11 авг. 1998 г. № 194-З // Ведомости Нац. сходу Рэсп. Беларусь. – 1998. – № 31-31. – Ст. 472.
3. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Респ. Беларусь от 16 дек. 2002 г. № 160-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 1.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЛДИНГОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Changing the situation of Belarus in the international market and its involvement in processes of globalization require the transformation of economic entities. In the coming years, the proportion of completed the first phase of economic integration of Belarus and the Russian Federation, where there are already holdings. Experience in business turnover in other countries such as the large companies must take into account holdings and has already taken a decision to build at least a legal framework for the establishment of holding companies of our republic. Holding the principle of organization of business entities would be the most dynamic and promising in the composition of the remaining organizational and legal forms of business entities. This article tries to analyses the legal position of holdings in the Republic of Belarus and the importance of this issue for further development of market relations.

Введение. Процесс структурной перестройки отечественной экономики, широкомасштабная приватизация государственных предприятий порождают такие новые для нашей экономики хозяйствующие субъекты, как холдинговые компании (холдинги).

Основная часть. Под холдингом понимается юридическое лицо любой организационно-правовой формы, в состав имущества которого входят и(или) в управлении которого находятся доли (акции) в имуществе иных юридических лиц, обеспечивающие ему право принятия или отклонения решений, принимаемых их высшими органами правления.

В настоящее время практически все крупнейшие корпорации индустриально развитых стран имеют холдинговую форму организации, т. е. во главе многочисленных предприятий и различных подразделений находится холдинг, контролирующий пакеты акций этих подразделений, что и придает всей корпорации целостность и управляемость.

Главной целью холдинговой компании является формирование крупной хозяйственной структуры, позволяющей обеспечить конкурентные преимущества ее участникам на основе новой организации производства, консолидации собственности, отраслевого и географического распространения.

Если брать исторический аспект, то США на рубеже XIX–XX вв. пережили бурный период формирования холдингов как формы финансового контроля корпораций в условиях быстрого роста фирм, накопления реального и финансового капитала. В результате либеризации законодательства в 1889 г. в штате Нью-Джерси впервые были разрешены и стали создаваться холдинги, а уже к 1928 г. 95% крупнейших корпораций США, акции которых котировались на Нью-Йоркской бирже, имели холдинговую организацию, причем большая часть являлась смешанными холдингами.

В Республике Беларусь слово «холдинг» не является в полном смысле слова правовым термином. Оно, правда, встречается в различных

правовых актах (в основном относящихся к приватизации), но единого нормативного акта о холдингах в Республике Беларусь нет [1].

В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 апреля 1993 г. № 250 «О холдингах, создаваемых в процессе приватизации» (утратил силу постановлением Совета Министров Республики Беларусь 23.07.2004 № 913) выделяют следующие виды холдингов:

1. Финансовый холдинг, т. е. когда более 50% его имущества составляют доли (акции) в имуществе иных субъектов хозяйствования. Обычно такие холдинги осуществляют исключительно инвестиционную деятельность путем передачи имущества в уставные фонды субъектов хозяйствования. Представители финансового холдинга могут принимать участие только в высшем органе управления контролируемого субъекта хозяйствования. Включение представителя финансового холдинга в состав дирекции и иных исполнительных органов управления контролируемых субъектов хозяйствования не допускается.

2. Производственный холдинг, т. е. когда менее 50% его имущества составляют доли (акции) в имуществе иных юридических лиц и он осуществляет кроме функций держателя акций хозяйственную деятельность [2].

На практике встречаются и иные виды холдингов. Холдинг, более 50% имущества которого составляют доли (акции) в имуществе иных юридических лиц и осуществляющий кроме функций держателя акций хозяйственную деятельность, является смешанным и называется производственно-хозяйственным. Существуют также перекрестные холдинги, или кросс-холдинги. Они возникают в ситуации, когда дочерние компании держат взаимнообразно часть своих акций друг у друга (например, шведская Volvo и французское Renault). Более сложными являются циркулярные (круговые) холдинги, так как в этом случае дочерние компании владеют акциями материнской (холдинговой) компании и это автоматически приводит к двойной роли тех и других. В Республике

Беларусь перекрестные и циркулярные холдинги запрещены.

При помощи холдингов финансисты подчиняют себе формально независимые компании, располагающие капиталами, которые во много раз превышают их собственные. Внешне деятельность холдинга заключается в управлении пакетом акций и сборе дивидендов и доходов от биржевых операций. В действительности же, владея контрольным пакетом акций какой-либо компании, холдинги получают возможность назначать своих представителей в правлении, Совет директоров и другие руководящие органы подконтрольной компании и таким образом контролировать хозяйственную деятельность этих компаний.

В мире холдинги функционируют практически во всех важнейших отраслях хозяйства: в банковском деле, в промышленности, на транспорте, что не случайно, так как практика доказала наибольшую жизнеспособность такой формы организации финансового капитала. *Преимущества* холдингов выражаются:

- 1) в использовании эффекта масштаба;
- 2) возможности образовать законченную цепочку производителей – смежников от добычи сырья до выпуска готовой продукции;
- 3) возможности контролировать капитал, превышающий собственный;
- 4) снижении риска деятельности, так как риск холдинга меньше суммы рисков отдельных предприятий;
- 5) возможности финансировать крупные стратегические и научные проекты;
- 6) выполнении роли буфера, ослабляющего воздействие государства на предприятие.

В то же время необходимо отметить и *отрицательные свойства* холдинга:

– стремление к монополистическому поведению, но подчинение слишком большого числа предприятий суперхолдингом ведет к снижению конкуренции, так как нет достаточной мотивации их деятельности, а также невозможно достаточно четко перераспределять фонды между ними;

– тенденции к злоупотреблению контрольно-управленческими функциями и возрастание затрат на содержание аппарата управления.

Объективна основа создания и развития холдинга – это акционерная собственность, которая может быть государственной, частной,

смешанной. Холдинги имеют право осуществлять инвестиционную деятельность, в том числе покупать и продавать любые ценные бумаги. Холдинги не являются производственными объединениями, так как это финансовый фонд, объединение капиталов, а не предприятий. В отличие от концернов и других объединений предприятий, где предприятия имеют право свободного выхода из этого объединения, холдинги владеют контрольным пакетом акций дочерних предприятий, т. е. их собственностью, и уже на этой более прочной основе контролируют их хозяйственную деятельность.

В настоящий момент в Республике Беларусь активизировалась деятельность по созданию холдингов, но на практике наблюдается тенденция, что юридические лица, хотя по сути и работающие как холдинги, не стремятся приобрести официальный статус холдинга. Это объясняется особенностями национального законодательства: последствия запрета кросс-холдингов, антимонопольного законодательства, разрешительного порядка создания холдинга (иногда требуется согласие Правительства или Министерства).

Опыт формирования холдингов показывает, что наиболее жизнеспособными холдингами являются те, где в составе есть банк, торговые, страховые, инвестиционные компании, брокерские конторы.

Заключение. Холдинговая структура – эффективный инструмент владения и управления крупными разнородными активами. Холдинги составляют основы экономики всех индустриально развитых стран мира. Это своеобразная экономически стабильная и динамически развивающаяся хозяйственная система планетарного типа, которая сосредотачивает в себе треть всех производственных фондов планеты, производит около 40% общепланетарного продукта.

Холдинги могут и должны стать стимулом экономического роста в Республике Беларусь.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь. – Минск: Амалфея, 1999.
2. О холдингах, создаваемых в процессе приватизации: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 20.04.1993 № 250 // СП. – 1993. – № 12.

Ю. В. Никулина, доцент

ГОРОДСКОЕ СООБЩЕСТВО КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

The article devoted to functioning community in social space in the city. The city community is considered as a way of the organization of the social space. Aim of the article is the theoretical reconstruction of the objectified tendencies and social aspects existence urban community in the modern social space. The parity of public and private spaces of the city environment is analyzed. The role of the city community in structurization of the social space of the city is shown.

Введение. Город как объект исследования представляет собой сложный и функциональный комплекс, который может быть всесторонне изучен лишь в фокусе пересечения целого ряда общественных наук: философии, социальной антропологии, истории, социологии, экономики, географии и др. Город исследуется как социально-исторический и социально-цивилизационный пространственный объект, в котором организуется вся деятельность человека, место, где формируется новая сообщество горожан, а вместе с этим появляются новые формы организации общественной жизни, создаются новые социальные институты.

Город выступает формой упорядочивания мира, выражением соотношения человека и мира, соотношением обжитого человеком пространства с мировым пространством, дает ему культурные координаты («обитаемое и необитаемое», «далекое и близкое», «около, вне, внутри» и т. п.). Внутреннее пространство города, организованное, обозначенное улицами, площадями, домами и другими сооружениями, структурирует не только само себя, но и создает особую городскую мультикультурную атмосферу, диктует род занятий людей, тип их общения между собой, образ жизни.

Исследования социального пространства города не только позволяют дать адекватное описание многим современным социальным процессам и явлениям, таким как глобализация и транснационализм, не только концентрируют внимание на самой разнообразной, гетерогенной среде, где сосуществуют различные этнические, религиозные, статусные, субкультурные группы, но и позволяют исследователю описать социальные процессы и явления, характерные для современного общества в целом.

Основная часть. Категория «социальное пространство», введенная еще в начале XX в. П. А. Сорокиным [1, с. 213–215], достаточно быстро вошла в инструментарий социологии, но до сих пор не принадлежит к числу устоявшихся элементов понятийного аппарата социологии. Представления о социальном пространстве достаточно консервативны, вместе с тем они наиболее отчетливо выражают противоречивый характер развития самой науки и ее методологии. Эволюция философских и социоло-

гических взглядов на пространство богата гипотезами, вариантами интерпретаций, дискуссиями. С этим и связан тот факт, что категория социального пространства вызывает противоречивые истолкования. Анализ опубликованных работ, в которых так или иначе рассматриваются пространственные характеристики общественного развития, свидетельствуют о том, что трудно говорить о каком-либо терминологическом консенсусе. Многообразии подходов, эволюция взглядов в зависимости от конъюнктуры постоянно меняющегося фона различных теоретических парадигм приводит к качественному трансформированию объема и смысла данного термина.

Представления о социальном пространстве претерпело в процессе эволюции значительные изменения. Социальное пространство очень долго воспринималось как некоторая идеально «прозрачная» среда, по которой транслируются некоторые «смыслы», дискурсы, перемещаются тела. Пространство рассматривалось как «вместитель» вещей и явлений. С начала 70-х гг. XX в. начинает преобладать трактовка социального пространства как сугубо социальной категории, определяемой человеческим опытом. Исходя из этого, главным субстратом социального пространства становятся индивиды, формы их социализации, способы организации социальной среды, формы отношений, коллективные представления.

Уточнение содержания понятия «пространство», предпринятое в последнее время, было актуализировано тем, что в современном обществе, прежде всего городском, стало появляться все больше социально-отношенческих феноменов экстерриториального характера. Тот факт, что конкретные разновидности социального пространства обнаруживаются на всех уровнях общества, приводит к затруднениям при попытке его эмпирического изучения. В связи с этим возникает проблема фрагментарности знания о социальном пространстве. Кроме этого, необходимо отметить, что проблема анализа категории социального пространства связана еще и с тем, что эта категория практически никогда не рассматривалась в качестве самостоятельной: она всегда идет в паре с другой категорией (например, социаль-

ное пространство маргинальное, религиозное) или в триаде со временем.

Но, несмотря на видимые сложности и существенные расхождения, в последнее время наметились общие тенденции трактовки данного понятия. Стало общей традицией во всех работах, посвященных проблемам социального пространства, говорить о том, что пространство больше не рассматривается как некое вместилище тел [2]. Таким образом, социальное пространство можно определить как совокупность субъектных аспектов жизненной среды – место жизни, существования человека как личности и индивидуальности в ее информационном, социально-нормативном, культурном, семантическом, диспозициональном, коммуникативном, ментальном измерениях (пространствах).

Субъективность социального пространства города означает одновременно и конструируемость этого пространства субъектом. Это положение приводит нас к постулатам феноменологической социологии, сформулированным П. Бергером и Т. Лукманом [3]. Интерсубъективность повседневной жизни города образуется наложением субъективного пространства на объективные пространственные структуры. Наложение этих структур предполагает наличие определенного социального порядка (социального механизма), который представляет собой экстернализацию человеческого «Я» в деятельности. Исходя из этих положений, социальное пространство города можно представить как взаимодействие больших и малых социальных групп, «городских сообществ» в рамках объективных пространственных структур.

Таким образом, городское сообщество можно рассматривать как один из способов организации социального пространства города. Понятие «сообщество» или «коммуна» (community) – одно из наиболее популярных в западной социологии. Часто изучение сообществ (community studies) осуществляют в контексте городской социологии, но иногда совершенно самостоятельно. В русскоязычной социологии достаточно сложно найти термины или направления исследований, тождественные изучению сообществ в западной традиции. В западной традиции этот термин используется со времен Чикагской школы в широком смысле для обозначения структурных единиц социокультурной среды города, понимаемой как мозаика социокультурных миров, различных по символической и социально-организационной структуре (Э. Бёрджес). Термин «сообщество» является локусом как территориальности, так и нормативности, как предметности, так и символизма.

Применительно к понятию «городское сообщество» в целом возникает закономерный вопрос о том, можем ли мы говорить о нем как

о реально существующем феномене? Другими словами, может ли феномен сообщества быть фактом, а не артефактом, т. е. конструктом, возникающим из практик, а не только из представлений. Существуют ли четкие маркеры, с помощью которых можно обозначить критерии существования городского сообщества или же, согласно логике «imagined community» Бенедикта Андерсона, оно вымышлено и есть лишь идея и идентичность?

Естественно, что в любом крупном городе имеется ряд институтов, действующих на сплочение сообщества. Это городские программы и телефонные справочники, статистические отчеты, местные средства массовой информации и т. п. В этом смысле «городское сообщество» – своего рода артефакт, появившийся в результате общественных, коммерческих и правительственных интересов. Тем не менее попытаемся найти индикаторы, которые позволили бы говорить о городском сообществе как о факте. Или же убедимся в том, что город это «мозаика социальных миров», и поэтому он дает пристанище людям самых различных взглядов, стилей жизни, образцов поведения и т. п.

Прежде чем приступить к поиску таких индикаторов, следует рассмотреть один феномен, вне учета которого невозможно говорить о существовании городского сообщества. Речь идет о специфической проявленности, обозримости и наблюдаемости поведения человека (и различных групп людей) в социальном пространстве города, которая может быть названа публичностью. Публичность также может служить индикатором, по которому можно фиксировать факт наличия сообщества. Специфика публичного пространства заключается в том, что оно, в отличие от приватного, делает необходимой презентацию любого агента перед обобщенными значимыми другими. Приватное же, в свою очередь, подразумевает возможность доверия между людьми. Отношения доверия полагаются как возможность выхода за рамки ролевых интеракций к межличностному и максимально открытому общению [4, с. 209–211].

В связи с этим есть все основания полагать, что социальные процессы протекают абсолютно по-разному в публичности и приватности, и зачастую, когда публичное противопоставляется приватному (и интимному), оно используется как синоним социального. В этом смысле городское пространство может рассматриваться как синоним публичного (публично-социального) пространства. Поэтому для изучения социального пространства города первостепенное значение имеет именно феномен публичного. Хотя когда мы говорим о публичном как о социальном, это вовсе не та социальность, что подразумевается в словосочетаниях «социальная система», «социальная инфраструктура» и т. д.

По мысли П. Рикёра, понятие публичности выражает условие «плюрализма, являющегося результатом распространения межлических связей на всех тех, кто находится вне межлического отношения “я” и “ты” и выступает в роли “третьего”», «любого другого» [5, с. 47]. Горожанин в публичном городском пространстве – это и есть «любой другой», «человек с улицы». Сообщество формирует особую среду, где его члены, оказываясь «на виду», ведут себя определенным образом – предписанным и у своим, морально нагруженным и рутинно воспроизводимым, т. е. практики ролевого исполнения встроены в повседневность индивида как рутинные, в их основе лежат фоновые представления. При исполнении этих практик образуется некий «передний план», т. е., говоря словами И. Гофмана, «та часть индивидуального исполнения, которая регулярно проявляется в устойчивой форме, определяя ситуацию для наблюдающих это исполнение» [6, с. 54].

Таким образом, индикатором городского сообщества могут стать публичные пространства, расположенные в их границах. Хотя, разумеется, степень публичности различных частей города отнюдь не одинакова. Так, городской центр считается наиболее урбанизированным местом в городе как раз потому, что в нем более сильно выражена публичность городской жизни: вывески, кафе, пробки и т. п. – все это может служить проявлениями открытой публичности. Центр монополизировал городскую публичность: главные магазины, парки, музеи – все так или иначе встроено в эту моноцентристскую структуру городского пространства.

Также следует подчеркнуть, что открытая городская публичность имеет множество внутренних границ. Некоторые из них достаточно явны. Примером может служить публичность, возникающая в статусно-профессиональных сообществах: их коммуникативная закрытость, с одной стороны, позволяет члену сообщества получить известность среди большого числа лично не знакомых ему членов, а с другой препятствует выходу этой известности за границы сообщества. Однако структурировать публичное пространство, сконцентрированное вокруг повседневных экономических, хозяйственных, бытовых и т. п. практик, непросто и прежде всего потому, что здесь отсутствуют формальные границы. И если организованный характер частных пространств сомнений не вызывает, то публичное пространство кажется слабоструктурированным, если не полностью хаотичным. Кроме того, публичное пространство достаточно либерально: его предписания кажутся на много менее артикулированными, и нарушить их легче, чем в каком-либо институциональном пространстве. Отсюда следует, что слабоструктурированность публичного про-

странства города вновь подводит к проблеме фиксации индикаторов сообщества.

Естественно, зафиксировать реальность, а значит, действительность, семантическую и практическую данность столь крупного сообщества, коим является сообщество городское, крайне трудно. Ведь нет ни одного единого акта, в который бы было включено это сообщество в целом. Поэтому для обоснования реальности городского сообщества необходимы легкофиксируемые индикаторы того, что его члены так или иначе ориентированы друг на друга. Кроме того, для доказательств существования сообщества важно зафиксировать согласованность фонового повседневного знания, воспроизводящего стратификацию и ролевою дифференциацию сообщества. Такая согласованность возможна только при условии единства коммуникативного пространства, в котором разворачиваются повседневные практики презентации себя перед лицом «обобщенного другого», в качестве которого выступают члены данного сообщества с их ожиданиями относительно друг друга [7, с. 26]. Разумеется, коммуникативность – атрибутивная характеристика вообще социума и личности. Появление городского социума актуализировало и интенсифицировало развитие механизмов и средств коммуникации. Коммуникация все более приобретает диалоговый и символически опосредованный «текстуальный» характер.

Все это, в свою очередь, вызывает к жизни требование единого семантического пространства. В качестве самого общего понятия для характеристики семантического пространства можно использовать понятие текста как семантической структуры, концентрирующей в себе духовную жизнь города, являющейся субстратом социокультурного пространства. Представляется, что можно различать два уровня текстов:

1) текст всей среды города в слитности территориального (культурный ландшафт) и пространственного (события духовной жизни) аспектов – семантика городской среды, смысловое звучание мест, «дух города» и его «настроение»;

2) тексты городских сообществ. Разные городские сообщества говорят на разных языках.

В качестве конкретных маркеров существования коммуникативного и семантического единства, а также наличия общего дискурса можно рассматривать, например, компоненты «образа города». Городские ориентиры, представленные в сознании горожан и значимые для большинства (основные достопримечательности города); городские территории (предпочитаемые и не предпочитаемые районы); основные «общие» маршруты, которые представлены в образе города как наиболее значимые для большинства пути передвижения до значимых объектов; скорость динамических процессов (скорость пешеходов, скорость транспорта, скорость обмена

информацией) и т. п. «Городское ядро» – это объекты, узнаваемые большинством горожан и наиболее значимые для большинства. Для характеристики города имеет значение расположение «ядра» – центра города, как правило, это историческая часть города. Историческое прошлое города (историчность), значимое для большинства горожан. Это «история в памяти случайного прохожего», информация о которой пришла к нему от архитектуры, традиций и заняла свое достойное место в памяти [8, с. 26–29].

Специфика восприятия городской среды различными сообществами анализируется через понятие «дискурс». Наличие последнего может служить, пожалуй, наиболее эффективным доказательством существования городского сообщества. Однако сложность здесь в том, что в современных условиях технологии масс-медиа вполне способны посредством создания местных новостей имитировать наличие публичного дискурса общезначимых актуальных проблем городского сообщества. С учетом этого замечания дискурсным индикатором может стать единая для всей аудитории тематизация и проблематизация всего происходящего, т. е. общее видение актуальной ситуации. Это отнюдь не подразумевает единства мнений, оно заключается лишь в общем для всех членов сообщества навыке делить предметность на вещи, определять их взаимосвязи (поля релевантности) и дифференцировать их значимость, а также принимать общие правила обращения с ними (примером может служить общегородской лексикон, понятный каждому жителю города и недоступный для невключенных в его дискурс). Другими словами, основу публичного городского дискурса в таком контексте составляет способность сообщества понимать правила различения вещей, проблем, событий, а также весь набор требуемых для этого смысловых процедур, которые проводятся данным сообществом не разобщенно, а в контексте координированного социального взаимодействия в границах социального пространства города.

Заключение. Город представляет собой сложное социально-пространственное образование. На различных участках городской территории в силу генетических, функциональных и позиционных особенностей формируется разная среда, создающая условия и ограничения для повседневной жизнедеятельности людей, для взаимодействия человека с окружающим миром, для формирования городского сообщества. Социальное пространство обладает подвижностью и многообразием, отражающим

подвижность и многообразие форм жизнедеятельности обитающих в нем и формирующих его людей, а истоки организации социального пространства скрыты в характере и направленности процессов, протекающих в интерактивной ячейке «человек – среда».

Исходя из вышесказанного, не устанавливая онтологический статус городского сообщества, тем не менее можно фиксировать следующее. Во-первых, в сообществе закрепляется коллективная идентичность индивида. Во-вторых, возникают особого рода компетентность и поведенческие навыки некоторой совокупности индивидов, по которым мы причисляем их к сообществу. В-третьих, само наличие публичного пространства детерминирует возникновение и существование городского сообщества.

Литература

1. Сорокин, П. Человек, цивилизация, общество / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 544 с.
2. Мозговая, А. В. Риск в социальном пространстве / А. В. Мозговая. – М.: ИС РАН, 2001. – 178 с.
3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Генисаретский, О. И. О местном ведении и понимающем самоуправлении / О. И. Генисаретский // Стратегическое планирование в муниципальном управлении. Введение в предмет: учеб. пособие для муниципальных управляющих / О. И. Генисаретский [и др.]; под ред. О. И. Генисаретского, А. Е. Балобанова. – М.: МОНФ, 2000. – С. 202–224.
5. Рикёр, П. Герменевтика. Этика. Политика / П. Рикёр. – М.: Университетская книга, 1995. – 165 с.
6. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. – 304 с.
7. Дамбег, С. В. Петербург – предмет и поле: новая публичность и новые места / С. В. Дамбег, Н. В. Соколов // Санкт-Петербург в зеркале социологии: сб. науч. ст. / Санкт-Петербургское социологическое общество; гл. ред. В. В. Козловский. – СПб., 2003. – С. 24–58.
8. Семенова, Т. В. Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Т. В. Семенова; Ин-т педагогики и психологии проф. образования РАО. – Казань, 1986. – 39 с.

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ**

This article is devoted to the question of ensuring a relatively high level of education in the Republic of Belarus and quality of vocational training in an era of high technology innovation-governmental economies, the global oneness of humanity. The decision of the relevant within the trends of globalization, the challenges associated with standardization, to improve its technological account, information saturation, quality, to ensure compatibility with the educational systems of other countries. The author examines the prospects for integration of Belarus into the world educational space.

Введение. Новое столетие является эпохой науки и знаний, господства высоких технологий, инновационных экономик и социальных организаций, глобального информационного единства человечества, качественного возрастания интеграционных процессов в экономике, культуре, политике. В этой связи увеличиваются требования к профессиональной подготовке людей, что с необходимостью приводит к росту продолжительности обязательного образования и обеспечению для всех сравнительно высокого уровня обучения, в том числе качественного профессионального обучения, и выходу на рынок труда с различного рода сертификатами и дипломами.

Основная часть. Многие страны связали решение задачи повышения качества образования со стандартизацией. В этой связи на рубеже тысячелетий стандартизация образования оказалась одной из наиболее динамично развивающихся областей образовательных реформ. Под стандартом образования понимается описание обязательных минимальных требований к отдельным сторонам образования или образования в целом.

Идея образовательного стандарта зародилась в 80-х гг. прошлого столетия, а в конце века приобрела новое значение, связанное с необходимостью выработки единых требований к системе образования в различных странах и подчинения их единому образцу: «интеграция образования в мировом масштабе предполагает, что части (системы образования отдельных государств) должны соотноситься с целым (более широкой системой, в которую включаются отдельные государства, как, например, Евросоюз) [1].

Являясь одной из главных целей реформы высшей и общеобразовательной школы, стандартизация позволяет упорядочить элементы, структуру и функции системы образования, повысить ее качество, обеспечить совместимость с образовательными системами других стран, а также защитить интересы участников образования (общество, государство, личность). Сложнейшие задачи, стоящие перед странами, в том числе и Республикой Беларусь, соответствовать этим требованиям нацелены на инновационное развитие, с одной стороны, а с другой, ориентированы на потребности и интересы

человека, т. е. несут в себе гуманистическую функцию. Таким образом, государственный образовательный стандарт выступает как социальный заказ общества, включающий в себя описание общих принципов, направлений и уровня подготовки к профессиональной деятельности специалиста. В Республике Беларусь стандартизация образования стала одним из приоритетных направлений в области педагогики. Для успешной реализации этой задачи потребовалось выработать новые подходы к управлению образованием, что повлекло за собой разработку соответствующих средств и методов исследовательских работ. Первейшей задачей в исследовательской работе в области стандартизации образования явилось определение ее объектов. В результате проведенного анализа было установлено, что к основным объектам стандартизации относятся содержание образования и учебный процесс [2]. Это и явилось исходным пунктом в изучении, исследовании и формулировке стандарта образования. На первый план выходит необходимость систематизации опыта преподавания дисциплин и концептуально-теоретическое обоснование дальнейшей работы в данном направлении. Методологической базой такой работы служит системный анализ. Без него невозможно выявление сильных и слабых сторон образовательных стандартов, особенностей их разработки и внедрения, а значит, выделение позитивного опыта.

Стандартизация образования базируется на определении целей и соответствующего им содержания образования на каждой его ступени. Одним из важных для современного образования является решение проблемы единого для всех стран стандарта среднего образования и признание аттестатов других стран. Например, результатом продолжительной работы группы экспертов по вопросам взаимопризнания школьных аттестатов Западной Европы и Северной Америки явилось заключение: стандартное (полное) среднее образование должно иметь продолжительность не менее 12 лет и обязательно должно включать заключительную стадию углубленного и дифференцированного обучения в направлении будущего высшего

образования длительностью 3 года и более [3]. В качестве пожелания рекомендовано совместить выпускные экзамены в школе и конкурсные экзамены в высшие учебные заведения, сделав их настолько объективными, чтобы результаты давали возможность оценивать и сравнивать работу всех школ равного типа и уровня (единый экзамен).

Образовательной системой самого высокого ранга в каждой стране является национальная система образования, которая опирается на особенности становления и развития национальных традиций и школ. Начало 90-х гг. XX в. в Республике Беларусь ознаменовалось процессом активного реформирования высшей школы. Осуществление реформы планировалось провести в три этапа. Первый этап – формирование новой структуры системы высшего образования. На втором должна была произойти отработка различных вариантов тех структур, которые подлежат реформированию и внедрению. 2001 год должен был стать завершающим этапом реформирования, на котором законодательно должны были закреплены все нововведения в структуре образования, а национальная система высшего образования приведена в соответствие с уже признанными международными стандартами.

Ориентиром служили международные исследования, в которых выделялись две различные стратегии реформирования системы образования, одну из которых предстояло выбрать. Первая из них предусматривала изменение всей системы и замену ее системой рыночного типа. Вторая же предполагала сохранение системы с менее жесткой государственной координацией и большей институциональной автономией. Одним из важнейших принципов образовательного стандарта подобного типа должна была быть свобода, которая дается учебному заведению в определении содержания образования и формировании процесса обучения, составлении учебных планов.

Национальная система образования Республики Беларусь пошла по пути развития гибкой, разнообразной и высокодифференцированной системы. Возможно, такой вариант реформирования является одной из наиболее заметных характерных черт современной организации образования. В то же самое время идея уменьшения контроля и вмешательства со стороны министерства, предоставления большей независимости и самостоятельности заведению чревата большой ответственностью для учебных заведений такого типа. В условиях вновь создавшейся ситуации стала очевидна важность и необходимость появления системы оценки качества, согласно которой оценивается функционирование учебного заведения. Она означает оценку общественной политики в области об-

разования и ее эффективности. Такая система была создана в виде образовательного стандарта, который выступает в качестве общего регулирующего начала, гарантирующего необходимый уровень образования.

Звеном, наиболее затронутым реформами во всей системе образования, явилось высшее образование, выступающее в качестве основного движущего фактора всей системы образования в целом, а также науки и культуры. Одним из наиболее плодотворных решений с точки зрения политики высшей школы явился отказ от одноуровневой системы образования с ее унифицированной и жесткой схемой подготовки специалистов, что привело к обособлению третьей ступени как организационной структуры учебно-практической и исследовательской деятельности. Переход от традиционной схемы к гибкой многоуровневой схеме дает возможность рассматривать высшее образование как дифференцированную комплексную организацию, содержащую внутри себя структурные аналогии.

Концепция профессионального образования в ходе реформирования выдвинуло свои приоритеты в государственной политике, где наряду с государственными образовательными учреждениями возникли и негосударственные образовательные учреждения. Это повлекло за собой переход к коммерциализации образования, функционирование учебных заведений, являющихся самостоятельными, имеющими свою собственную научно-учебную базу, обладающими индивидуальной социально-образовательной инфраструктурой в целом, т. е. способных полноценно функционировать наряду с государственными учреждениями системы образования.

Эти процессы потребовали создания модели организации и управления системой высшего образования, которая в условиях диверсификации касается как государственных, так и негосударственных образовательных учреждений. Подобная модель включает в себя проектирование перечня направлений и специальностей во взаимосвязи с довузовским уровнем образования, разработку системы итоговой и поэтапной аттестации, подготовку студентов на соответствие требованиям высшей школы, связь системы аттестации с аккредитацией вуза, определение содержания по направлениям и специальностям, форм, методов и технологий обучения в учебном процессе. А также разработку новых квалификационных требований к педагогическому составу системы высшего образования, проектирование и поэтапное внедрение системы оценки качества высшего образования, соответствие организационной нормативной базе функционирования высшего образования. Создание негосударственных моделей ориентировано на качественные аспекты образования высшей школы в их соответствии современным

тенденциям в сфере образования. Именно это позволяет подобной модели быть эффективной, отвечающей текущим и перспективным потребностям личности и общества, а не носить искусственный характер. Речь идет не о какой-то конкуренции образовательных моделей, а о едином ядре, которое является отправным началом для определения уровней образования [4].

В настоящее время существуют три вида, или три модели, стандартов: стандарты бакалавра, стандарты магистра и стандарты специалиста по той или иной специальности. Стандарты бакалавра и магистра относятся к классу ступенчатых стандартов, они взаимосвязаны. Сначала реализуется стандарт бакалавра, и выпускник, имея соответствующий диплом, может пойти работать. А может подняться на другую, высшую ступень своей профессионализации, пойти на магистерскую программу и, проучившись еще 2 года, получить диплом магистра. Специфика этой логики двух стандартов такова. Первая ступень – это массовая ступень. От 80 до 90% выпускников вузов, получивших диплом бакалавра, уже готовы для того, чтобы приступить к самостоятельной профессиональной деятельности. И лишь незначительная часть наиболее подготовленная, ориентированная на научную работу, продолжает учебу. Одновременно с этим стандартизирована и подготовка специалистов по той или иной специальности. Здесь никакой ступенчатости нет. Обучение длится 5 лет. Таким образом, существует параллельно два направления подготовки кадров: традиционное и новое, пришедшее с Запада.

В стандартах определены знания, умения и навыки, которыми должны обладать выпускники вуза по той или иной специальности, там оговорены логика и порядок организации учебного процесса. Установлено, какие предметы должен изучать студент вуза, чтобы стать компетентным профессионалом. Можно сказать, что стандарты – это своеобразная конституция для высшего учебного заведения: для студентов, для преподавателей и для системы управления вузом.

За последние десятилетия выявились и противоречия, и проблемы как внутренние, так и внешние, точнее сказать, международные. Например, возможность включения Республики Беларусь в Болонский процесс требует унификации подготовки специалистов. Болонская декларация о формировании к 2010 г. единого европейского образовательного пространства с целью расширения возможностей для молодежи: учебы, трудоустройства, повышения мобильности специалистов и их конкурентоспособности подписана странами Западной и Восточной Европы в 1999 г.

В Республике Беларусь структура учебных курсов, количество учебных дисциплин, соотношений теоретической и практической подготовки, самостоятельной и аудиторской работы

пока существенно отличаются от требуемых Болонской декларацией.

Одна из проблем сближения связана с реализацией концепции непрерывного образования. Все знания, в том числе и социальные и гуманитарные, стареют. Студенты, завершившие вузовское образование 5 лет назад, сегодня должны пополнять запас знаний, повышать квалификацию. В стандартах первого поколения доминировали знания классические, фундаментальные. А компонент инновационный был слабо представлен. Иначе и быть не могло. Многие технологии, применяемые в той или иной работе, были тогда еще на стадии формирования. Отсюда вытекает задача усилить практическую подготовку выпускника вуза там, где это требуется, согласно новым требованиям.

Вторая проблема – это установление оптимального соотношения между специализацией и комплексностью. Все высшее образование XX в. сложилось в основном как предметно-специализированное. Психология, социология и другие дисциплины подобного плана – это отдельные самостоятельные научные дисциплины. Но люди, с которыми предстоит работать выпускникам, неспециализированы и это требует определенных знаний вышеназванных предметов.

Третья проблема связана с разными рабочими местами, на которых придется работать выпускникам. Первый тип, когда выпускник занимается оперативной функциональной деятельностью. Он не руководитель, он может много лет занимать одну и ту же должность. Другой тип, когда выпускник вуза ориентирован на карьерный рост. Ему нужны, конечно, знания и умения функциональные, но в большей степени – знания и умения управленческие. Значит, в стандарт должна быть заложена возможность готовить и тех и других.

Еще один фактор, влияющий на содержание образовательных стандартов, – это запросы работодателей с их пожеланиями и предложениями по поводу того, каких сотрудников они хотели бы получить в лице выпускников, какие специальности в настоящее время пользуются наибольшим спросом. Работа по дальнейшему совершенствованию стандартов имеет, таким образом, перед собой две цели: 1) повысить качество подготовки выпускников; 2) сбалансировать интересы, потребности и ответственность всех участников образовательного процесса.

В системе образовательных отношений профессорско-преподавательский состав в определенной мере доминирует. Субъектом выступает, главным образом, преподаватель – профессор, доцент. Студент является объектом, на которого направлено педагогическое воздействие. Задача ближайшего будущего – уравнять в правах и в ответственности тех, кто дает знания, навыки и умения, и тех, кто их получа-

ет. Поднять заинтересованность самих студентов в получении новой квалификации и в мотивации к непрерывному или, так называемому, постдипломному образованию с тем, чтобы студент стремился и умел повышать свою компетенцию на рабочем месте.

Сейчас в стандартах уже зафиксированы лимиты того, что связано с учебным процессом, например лимиты времени, выделяемого на освоение учебной программой. С помощью этих единиц выражается содержание учебного процесса, чтобы повсюду, где бы ни готовили специалистов, они бы приобретали стандартный набор знаний, навыков и умений. За пределами стандарта преподаватель может предлагать своим студентам авторские или эксклюзивные курсы. По желанию самих студентов можно заказать этот курс, записаться на него.

Одновременно стандарт должен определять для талантливой молодежи тот уровень, на который они должны подняться. Каждый студент и каждый выпускник вуза может сопоставить себя как профессионал с этим стандартом. В связи со стремлением образовательной системы к преемственности и непрерывности задачей стандартов становится обеспечение целостности высшего образования с учетом его структурной реорганизации. Не менее актуальной является и проблема разработки стандарта в качестве объективного критерия деятельности образовательного учреждения, что выявляется в процессе его аттестации и аккредитации.

Опыт в сфере стандартизации позволяет изучить различные аспекты этого процесса и последствия внедрения образовательных стандартов в повсеместную практику. Анализ стан-

дартов обеспечивает представление об изменении государственной образовательной политики, приоритетах развития образования, понимание различных подходов к определению общественно значимого понимания образования и созданию образовательных стандартов, адекватных требованиям времени и общества. Его результаты могут способствовать решению насущных проблем белорусского общества.

Заклучение. Процесс создания и внедрения образовательных стандартов является многоступенчатым и разноплановым, а принятие стандартов – это лишь первый шаг на пути усовершенствования учебного заведения, поскольку конечной целью всего сложного процесса является повышение качества подготовки выпускников и сбалансирование интересов, потребностей и ответственности всех участников образовательного процесса.

Литература

1. Никитенко, П. Г. К вопросу об устойчивом социально-экономическом развитии Беларуси в контексте цивилизационного процесса / П. Г. Никитенко // Императивы инновационного развития Беларуси: теория, методология, практика. – Минск: Право и экономика, 2003. – С. 418.
2. Основные направления развития национальной системы образования. – Минск: Право и экономика, 2003. – 56 с.
3. Социально-философские проблемы образования. – М.: Логос, 1992. – 190 с.
4. Концепция развития системы образования, подготовки и переподготовки кадров в Союзе Беларуси и России. – Минск: Право и экономика, 1998. – 56 с.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

The article deals with social and political problems of administrative bodies' activities at emergencies. The important task of state administration at emergencies is preparation of population to the activities while different emergencies situations occur. The importance of activities of administrators of all levels, of enterprise personal as well as activities of administrative bodies is underlined. The main principles of administrative bodies under condition of possible emergencies are determined.

Введение. В отдельные моменты развития осуществляется своего рода накопление и обострение противоречий между обществом и природой, что влечет за собой возникновение чрезвычайных ситуаций, грозящих дестабилизацией или разрушением социальной и природной систем, и потому требующих незамедлительного реагирования со стороны общества. Эти ситуации могут возникать молниеносно вследствие технологических (промышленных, энергетических и пр.) катастроф, либо вызреть латентно, принимая форму затяжного экологического кризиса, обусловленного серьезным загрязнением окружающей среды и подрывом природно-ресурсного потенциала.

Основная часть. Чрезвычайные ситуации оказывают негативное воздействие на социальные процессы в любой стране, в том числе и в Республике Беларусь. Ежегодно различные стихийные бедствия и аварии наносят экономике республики непоправимый ущерб, разрушая не только здания, технические объекты и коммуникации, но и унося жизни тысяч людей. И каждый год государственная казна из-за нанесенного ущерба теряет миллиарды рублей. Также и граждане вынуждены нести урон от бедствий, тратить деньги на возмещение убытков, причиненных стихией. Не следует сбрасывать со счетов и то, что ежегодно огромные денежные средства уходят из бюджета страны на преодоление последствий аварии на Чернобыльской АЭС. К сожалению, практика показывает, что количество чрезвычайных ситуаций будет возрастать. Причем это происходит помимо воли и возможности человека. Но управлять этими процессами можно и нужно.

Академик Е. М. Бабосов из обширного круга тех сложностей и трудностей, с которыми сталкивается управленческая деятельность в экстремальных ситуациях и которые необходимо не только учитывать, но и преодолевать при разработке и практическом применении социальных технологий управленческого характера в чрезвычайных ситуациях, выделил две основные.

Одна из них заключается в том, что социальная, экологическая и любая другая самоорганизующая система, попадая в экстремальную ситуацию, неизбежно сталкивается с де-

фицитом управленческого потенциала. Вторая состоит в том, что для эффективного управления системой и ее компонентами в экстремальной ситуации необходимы дополнительные, зачастую весьма значительные, ресурсы – материальные, финансовые, людские и т. п., а их, как правило, в таких условиях катастрофически не хватает. Чтобы справиться с нарастающими в чрезвычайной ситуации трудностями, система должна совершить качественный скачок в управленческой деятельности, переналадить или создать в кратчайший срок качественно иные структуры и механизмы управления, способные адекватно реагировать на быстро изменяющуюся, часто весьма неблагоприятную обстановку, обеспечивая адаптивность управленческих структур, занятых в них кадров к резким и неожиданным изменениям преимущественно негативного характера, повысить эффективность их деятельности в нестандартных условиях [3, с. 426–427].

В кризисных ситуациях особенно обостряется потребность общества в обеспечении безопасности, поддержании ее на приемлемом уровне в процессе общественного развития. В тех случаях, когда нарушается система безопасности, может наступить «кризис безопасности», при котором возможны либо распад социального объекта на отдельные элементы, когда каждый из них вынужден сам создавать свою систему безопасности, либо полная катастрофа.

Второй момент, на который следует обратить внимание. Человечество всегда живет в двух состояниях: в состоянии произошедшей чрезвычайной ситуации и в состоянии ожидания возникновения какой-либо чрезвычайной ситуации. В первом случае задействуются все силы и средства, имеющиеся в распоряжении общества, для ликвидации последствий чрезвычайной ситуации. При этом действовать приходится оперативно, иногда времени на раздумье остается мало.

Во втором случае картина иная. Современное высокотехнологичное общество само создает предпосылки для возникновения чрезвычайной ситуации. Причем это связано не только с техническим развитием, но также и с глобальными изменениями климата на планете. Это все дань за общественный прогресс. Поэтому общество должно быть готово к тому, что чрезвычайные ситуации будут происходить и в дальней-

шем. И в этой связи возрастает роль органов государственного управления.

Одной из первостепенных задач государственного управления в сфере чрезвычайных ситуаций является подготовка населения к действиям при возникновении той или иной чрезвычайной ситуации. Это становится актуальным в связи с решением строительства в Республике Беларусь атомной станции. Необходимость и значение строительства этого объекта для национальной экономики является фактом неоспоримым. Поэтому одним из важнейших направлений в деятельности органов государственного управления в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций выступает формирование в белорусском обществе чувства защищенности и уверенности в надежности эксплуатации ядерных объектов. Успех в этом деле поможет преодолеть «постчернобыльский синдром», присущий части населения нашей страны.

Государственная политика Республики Беларусь в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера должна проводиться посредством целенаправленной и скоординированной деятельности органов государственной власти, местных исполнительных и распорядительных органов, организаций и граждан в соответствии с их правами, полномочиями и обязанностями в этой сфере [2].

Эта политика заключается в том, что органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь играют важную роль в системе национальной безопасности. Они обеспечивают состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз со стороны чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Особое место в государственной политике занимает деятельность по подготовке к действиям в чрезвычайных ситуациях населения, руководителей всех уровней, персонала предприятий, организаций и учреждений, а также органов управления.

Одним из приоритетных направлений государственной политики защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций является создание и развитие соответствующей нормативно-правовой и методической базы. И следует отметить, что в республике определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Успешное обеспечение защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций различного характера основывается на координации деятельности государственных структур власти и эффективном использовании имеющихся сил и средств [1].

На сегодняшний день это Государственная система предупреждения и ликвидации чрез-

вычайных ситуаций (ГСЧС), обязательным принципом формирования которой является максимальное приближение ее организационных структур к структуре государственного устройства. Кроме этого, для ее эффективного функционирования в настоящее время создается соответствующая нормативно-правовая база.

Что же касается правовой деятельности органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, то нужно отметить следующий момент. Организация работы по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в масштабах страны осуществляется в соответствии с нормативно-правовой базой, в которую входят такие документы, как Закон Республики Беларусь «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 14.06.2005 г.; Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10.04.2001 г. № 495 «О Государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (в редакции Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 8 декабря 2005 г. № 1405); Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19.11.2004 г. № 1466 «Об утверждении положения о системе мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»; Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 июля 2003 г. № 949 «О национальной системе мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь»; Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 08.02.2002 г. № 181 «Об утверждении перечня министерств, других республиканских органов государственного управления, объединений, подчиненных Правительству Республики Беларусь, и организаций, в которых создаются отраслевые подсистемы Государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»; Постановление Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь от 1 ноября 2006 г. № 60 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения государственного надзора и контроля в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»; Постановление Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь от 1 ноября 2006 г. № 61 «Об утверждении Инструкции по оценке состояния и готовности территориальных и отраслевых подсистем государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и их звеньев, республиканских органов государственного управления, иных государственных организаций, подчиненных Совету Министров Республики Беларусь, других организаций к выполнению задач в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны» и рядом других нормативно-правовых актов.

Ежегодно на территории Республики Беларусь наблюдается целый ряд опасных явлений природного характера, влекущих за собой серьезные экологические и экономические последствия. Это в первую очередь чрезвычайные метеорологические явления: сильные морозы и весенние заморозки, наводнения, ураганные ветры, обильные дожди и сильные снегопады, вызывающие паводки, град и др. Они наносят ущерб транспортным коммуникациям, промышленным, сельскохозяйственным предприятиям, населенным пунктам, природной среде, здоровью людей и приводят даже к их гибели.

Ощутимый ущерб природному ландшафту и жизнедеятельности людей причиняют ураганы, которые на протяжении последнего десятилетия практически каждый год проносятся по территории республики. За последние пять лет по территории Республики Беларусь неоднократно проносились ураганы, скорость ветра которых достигала 25 м/с и более. На территории республики чрезвычайные ситуации такого характера отмечались в августе 2006 г. и в январе 2007 г. Ветер такой силы срывал крыши с домов, вырывал деревья, рушил строения, переворачивал транспортные средства, обрывал линии электропередач, повреждая их опоры. Особенно от ураганов пострадали Витебская, Гродненская, Брестская и Минская области. А это означает, что в любой кризисной ситуации возрастает роль государства. Именно оно призвано решать важнейшие социальные задачи и, в первую очередь, защищать население от разного рода опасностей.

Заключение. В этой связи необходимо остановиться на ряде принципов организации государственного управления в чрезвычайных ситуациях. Важнейшим принципом организации государственной системы управления является принцип «ненулевого» риска, означающий, что ситуаций, полностью гарантированных от риска возникновения чрезвычайной обстановки, не существует. Отсюда вытекает требование к обеспечению максимальной надежности и медико-экологической безопасности инженерных систем не только на стадии их разработки, но и их эксплуатации, а также

после вывода из эксплуатации, т. е. на протяжении всего жизненного цикла объекта.

Следующий принцип организации управления в чрезвычайных ситуациях – комплексность. Его содержание многогранно и подразумевает охват всех стадий развития такой ситуации и соответствующих им фаз управления, всех уровней и типов управления: от оперативного (локального) до стратегического (общенационального и международного). Здесь принцип комплексности взаимосвязан с такими принципами, как целостность, сочетание централизованного и децентрализованного начал в управлении. Это способствует соблюдению требований координации действий между различными отраслями и территориями (по горизонтали), в том числе международное содействие преодолению тяжелых последствий технологических или природных катастроф, и их интеграции между иерархически соподчиненными звеньями системы управления (по вертикали).

Еще один принцип организации управления в чрезвычайных ситуациях – превентивность. Задача управленческих структур состоит в том, чтобы предусмотреть и даже предупредить возможность возникновения чрезвычайной ситуации. Также приоритет в управлении должен отдаваться мероприятиям, предусматривающим уменьшение риска возникновения чрезвычайных ситуаций. Например, что касается техногенных катастроф, то первостепенное значение имеют решения, обеспечивающие максимально возможную надежность данных объектов.

Литература

1. Об органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 3 января 2002 г. № 76-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 6, 2/824.
2. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Закон Респ. Беларусь от 5 мая 1998 г. № 141-3 (в ред. Закона от 14 июня 2005 г. № 23-3) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 103, 2/1120.
3. Бабосов, Е. М. Прикладная социология / Е. М. Бабосов. – Минск: ТетраСистемс, 2001. – 496 с.

ПРИОРИТЕТЫ НООСФЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕГО РОЛЬ В РЕАЛИЗАЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

The article disclosed the contents of Noosphere education, reviewed the main lines of its implementation, shows the need to assess the change in thinking about philosophical orientations crises in the life of modern society. Particular attention is given to the rationale of forming a new focus of scientific and educational system focused on the survival of mankind and the achievement of a stable future.

Введение. Острота современной экологической ситуации кардинально изменяет сложившиеся представления о месте и роли человека в биосфере, заставляет по-новому переосмыслить устоявшуюся систему ценностей и основные тенденции социально-экономического развития в целом. Кризисные явления в экологической, экономической, социальной и духовной сферах жизни современного общества настоятельно требуют изменения сложившегося вектора развития цивилизации и ее перехода на стратегию гармоничной социоприродной эволюции на основе утверждения экологического мышления и нового образовательного общества.

На протяжении всей истории человечества образование всегда отражало господствующий тип мировоззрения и миропонимания, в зависимости от которого складывались его различные модели. Реализуя те или иные философские идеи, образование способствовало утверждению их ценности и значимости для каждой личности. При этом господствующая до сих пор парадигма образования базируется на антропоцентристской ориентации, в основе которой лежит противопоставление человека природе, отношение к ней как кладовой ресурсов. Такого рода образовательная стратегия, ориентированная на усвоение знаний, умений и навыков, в использовании природных ресурсов и покорении природы привела в конечном итоге к кризису «просвещенческой» образовательной парадигмы. Кризис образования, наблюдаемый сегодня во многих странах, обусловлен сложившимся консерватизмом традиционных образовательных систем, ориентированных всецело на прагматизм и прагматизм.

Приближение биосферного века призвано изменить антропоцентристскую ориентацию в использовании природных ресурсов, поскольку сугубо количественная ориентация на экономические показатели привела к тому, что объемы потребления природных ресурсов уже превысили допустимые нормы и во многих случаях приводят к разрушению и деградации окружающей среды в различных регионах мира. Разумное самоограничение, самодостаточность, необходимость сохранения пригодной для обитания среды – наиболее характерные черты экологического мышления, основанного на

осознании взаимосвязанности и взаимозависимости процессов, протекающих в биосфере.

Данное обстоятельство видоизменяет традиционное содержание науки как способа преобразования природы и ставит новые задачи перед системой образования и воспитания. Если ранее основной задачей образования являлось усвоение достигнутого знания, то образование нового типа должно носить опережающий характер, основанный на прогнозировании будущих достижений в области науки и техники.

Основная часть. Одним из наиболее перспективных направлений современной науки являются исследования в области биотехнологии, позволяющие осуществить синтез достижений биологических и технических наук. Те совершенные регуляторные системы, которые выработались у живых организмов в ходе биологической эволюции, ныне становятся объектом внимания конструкторов технических устройств. В практической реализации этой задачи в настоящее время достигнуты значительные успехи. Вместе с тем многое еще предстоит сделать для создания технических устройств по принципиальной схеме эволюционного процесса в области нанотехнологий с целью экономии материальных и энергетических ресурсов и обеспечения надежности создаваемых технических устройств. В этом плане дальнейшие успехи в науке зависят от прогресса в области создания технических систем на биохимической основе. В частности, предполагается, что компьютеры будущего будут построены на основе углерода, химических соединений нейронов и других биохимических соединений взамен нынешних силиконовых. На стадии экспериментальных разработок находятся создание искусственного глаза, нейронных транзисторов, соединенных со спинным мозгом и способных осуществлять двигательные движения и др.

Эти успехи дают основание утверждать, что достижения в области современной науки и техники будут осуществляться в направлении все более экономного использования вещества и энергии, что имеет особое значение в условиях ограниченности природных ресурсов. Практическая реализация этой задачи возможна лишь при условии осуществления плодотворного синтеза знаний, достигнутых в пограничных областях науки.

Это обстоятельство свидетельствует о том, что дифференциация науки – итог исторического прошлого, и потому наиболее значительных открытий в науке следует ожидать в области пограничных наук. Однако следует иметь в виду, что такого рода объективная тенденция в развитии науки, связанная с необходимостью расчленения сложного целого на составляющие части, привела на определенном этапе ее исторического развития к огромным достижениям в познании природы и в технике, наблюдаемым в настоящее время. Этим и объясняются многочисленные открытия в области конкретных наук, которые обычно считают эталоном строго научного знания.

Вместе с тем в условиях угрозы глобальной экологической катастрофы такая оценка роли науки далеко не бесспорна и нуждается в переосмыслении, поскольку научные представления о биосфере оказываются неполными без учета знаний в области гуманитарных наук, изучающих человека и общество в целом.

Необходимость цельного синтетического знания – одно из важнейших условий эффективности образования на современном этапе развития общества, ориентированного не только на усвоение достигнутого знания, но и на предвидение будущих научных достижений, призванных обеспечить задачи выживания человечества. В этом плане особая роль принадлежит гуманитарным наукам, изучающим смысложизненные ориентации человека, в первую очередь, касающиеся его отношения к окружающему миру.

Существующая до сих пор установка об абсолютном приоритете технологических и технических открытий не может быть признана обоснованной, поскольку достижения науки и техники, превратившие человеческую деятельность в огромную геологическую силу, несоизмеримую с действием стихийных сил природы, привели к кризисным явлениям поистине глобального характера. Масштабы этой деятельности столь значительны по своей величине, что биосфера не в состоянии нейтрализовать ее последствия, подрывающие механизмы саморегуляции природных экосистем. По этой причине открытия в науке и технике должны содержать нравственное измерение в плане обеспечения нормальной жизнедеятельности людей, их психологического комфорта и эстетических потребностей человека. Гипертрофированные представления об абсолютном приоритете технологических и технических открытий зачастую оказываются необоснованными, поскольку критерии эффективности и целесообразности для человека во многих случаях нарушают нормальное протекание природных процессов. Исходя из этого, можно заключить, что решение экологических коллизий во взаи-

моотношениях общества и природы связано не столько с решением социальных, экономических, политических и даже геополитических проблем, а с необходимостью радикального изменения сознания людей, их мировоззрения и ценностных установок.

Ориентация на высокие уровни потребления как объективная тенденция социально-экономического развития в середине XX в. обернулась негативными последствиями, представляющими угрозу для дальнейшего существования людей. Достижения научно-технического прогресса, необычайно усилившие энергетическую мощь современной цивилизации, привели к кризисным явлениям глобального масштаба в социальной, экономической, экологической и духовной сферах жизни общества за счет интенсивного потребления природных ресурсов, загрязнения окружающей среды и деградации природных экосистем. Преодоление этих негативных явлений возможно лишь на пути кардинального изменения мировоззренческих ориентиров, формирования новых ценностных установок во взаимодействии общества и природы и перехода цивилизации на путь экологически безопасного развития. Такого рода стратегия возможна на основе утверждения ноосферной цивилизации, которая, по словам А. Д. Урсула, предполагает качественно новое состояние цивилизации, при которой общество войдет в коэволюцию с природой, приоритетными станут гуманитарно-общечеловеческие ценности и интегральный интеллект человечества обеспечит его переход от стихийного сползания к экологической катастрофе к выживанию и эффективно управляемому, устойчивому и безопасному развитию [1].

Становление коэволюционной стратегии как сопряженной, сбалансированной эволюции общества и биосферы тесно связано с ограничением масштабов человеческой деятельности, предполагающей изменение вектора социально-экономического развития. Интенсивное потребление природных ресурсов, господствующее в сфере природопользования до сих пор, не может быть признано обоснованным, поскольку оно является одной из причин деградации и разрушения природных экосистем. С позиций стратегии устойчивого развития необходим переход на интенсивный путь экономического развития, связанный с увеличением производительности ресурсов, их экономного потребления и утилизации.

Достижение этой цели возможно на основе широкого внедрения в сферу производства новейших технологий, позволяющих рационально использовать добываемое сырье. В более широком плане важно добиваться того, чтобы объемы потребления природных ресурсов компенсировались их воспроизводством и искусст-

венным восстановлением. Такого рода ориентация в изменении вектора социально-экономического развития направлена на согласование человеческой деятельности с природными закономерностями.

Универсальной закономерностью биосферы является биологический круговорот энергии и вещества, в ходе которого происходит взаимное превращение вещества из одной формы в другую (круговорот углерода, кислорода, озона, фосфора и других химических элементов). Негативные последствия промышленного и сельскохозяйственного производства сопровождаются нарастанием загрязнения окружающей среды твердыми, жидкими и газообразными веществами, не входящими в структуру природных круговоротов. Предотвращение такого рода последствий предполагает необходимость «вписания» человеческой деятельности в природные круговороты, введение запретов на определенные виды деятельности, потенциально содержащей негативные последствия. В тех случаях, когда масштабы человеческой деятельности значительно превосходят ассимиляционные возможности природных экосистем, необходимо снижение антропогенной нагрузки, либо вовсе ее прекращение. В противном случае в экосистеме произойдут необратимые изменения, приводящие к ее деградации.

Знание подобного рода тенденций в изменении структуры экосистем подсказывает стратегию природопользования, ориентированную на сохранение благоприятной окружающей среды на основе согласования масштабов человеческой деятельности в соответствии с возможностями природы. В стратегии устойчивого развития, ориентированной на будущее, содержится установка на изменение всех сфер деятельности людей, в том числе и в сфере образования, которое в качестве главного императива должно содержать требования сохранения биосферы в тех пределах, которые допускают ее нормальное функционирование.

Достижение этой цели возможно при условии сохранения всех позитивных аспектов предшествующих моделей образования, в которых содержится информация о достижениях науки и техники, умение их использовать в практической деятельности для удовлетворения потребностей людей. Образование призвано транслировать из поколения в поколение общечеловеческие ценности, знания и умения для достижения поставленных целей. Помимо этого, задачей образования является передача информации, культуры и навыков практической деятельности, направленных на предотвращение экологической катастрофы. При этом широта образования, как отмечал Н. Н. Моисеев, должна достигаться за счет объединения знаний в области гуманитарных и естественно-

научных дисциплин. Резкое разграничение гуманитарного и естественно-научного знания, ориентация на достижение узко прагматических целей послужили одной из определяющих причин кризиса современной образовательной системы. Следствием такого рода ориентации явилось падение нравственных норм, нестабильность политических и экономических ситуаций, узко прагматическая оценка реальных событий, неспособность адекватно реагировать на современную экологическую ситуацию. Именно поэтому столь актуальной является задача утверждения нового видения мира на основе непредвзятого и объективного анализа сложившейся ситуации и целостного представления о природе общества и человеке, что возможно лишь при теснейшем взаимоувязывании знаний из различных научных дисциплин. Иными словами, реформирование образования должно осуществляться на основе междисциплинарного синтеза знаний, открывающего возможность целостного видения мира.

Утверждение нового способа видения будущего, осознание остроты современной экологической ситуации возможно на основе изменения сознания и мировоззрения людей, нравственно поведенческих норм и ориентиров, учитывающих необходимость внедрения эколого-безопасного развития в различных отраслях промышленного и сельскохозяйственного производства, при добыче и использовании природных ресурсов, а также в социальной практике, в организации международного сотрудничества.

Эколого-безопасный путь развития предполагает поддержание пригодной для жизнедеятельности окружающей среды, которая обусловлена сохранностью природных территорий и зависит от степени их вовлеченности в хозяйственный оборот. По имеющимся данным, площадь ненарушенных территорий в мире в настоящее время составляет 27%, частично нарушенных – 36,7% и полностью нарушенных – 36,3% [2]. Эти цифры свидетельствуют о том, что качественные характеристики окружающей среды не удовлетворяют экологическим требованиям, и потому стратегия природопользования должна быть ориентирована на восстановление естественных свойств природных территорий с целью обеспечения их нормального функционирования и удовлетворения эстетических и духовных потребностей человека. По мнению Ю. Одум, для обеспечения нормальной жизнедеятельности человека ему необходимо не менее 2 га территории: 0,6 га для производства продовольствия, 0,2 га для производственных нужд, 1,2 га для обеспечения устойчивости биосферы и активного отдыха [3]. На основании этого можно утверждать, что численность людей на земном шаре не должна превышать 5 млрд. человек.

Знание качественных характеристик биосферы имеет важное значение для оптимального размещения производительных сил и определения оптимальной численности населения с целью установления (обозначения) контуров экологической политики, которая должна быть положена в основу экологического образования в контексте требований стратегии устойчивого развития. При этом образование в интересах устойчивого развития включает в качестве важнейшей составляющей экологическое образование, однако далеко не сводимое к последнему, поскольку оно затрагивает экономические, культурные и социальные аспекты.

Заключение. Социальные аспекты устойчивого развития ориентированы на улучшение качества жизни, связанного с сокращением безработицы, обеспечением наличия рабочих мест, жилья, пенсии, личной безопасности, доступа к образованию. Социальная политика в целях достижения устойчивого развития включает комплекс мероприятий, направленных на повышение уровня здоровья за счет досуга и врачебной помощи, мер по снижению смертности, искоре-

нению наркомании и алкоголизма. Она неразрывно связана с развитием социальной активности в принятии решений по охране окружающей среды, сотрудничества на всех уровнях.

Особое значение в реализации идей устойчивого развития имеет научно-образовательная система, ориентированная на выживание человечества и прогнозирование ближайшего будущего. Только при этом условии открывается возможность реализации упреждающих управленческих действий, направленных на предотвращение кризисных явлений в жизни современного общества.

Литература

1. Урсул, А. Д. Путь в ноосферу: концепция выживания и устойчивого развития человечества / А. Д. Урсул. – М.: Ноосфера, 1993.
2. Данилов-Данильян, В. И. Экологический вызов и устойчивое развитие / В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Одум, Ю. Основы экологии / Ю. Одум. – М.: Мир, 1975.

НООСФЕРНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ В ОПЕРЕЖАЮЩЕМ ОБРАЗОВАНИИ

The article deals with the problem of creating noospheric regulative knowledge (noospheric constructivism) for aims of forestalling education in the context of noosphere inclusion into the process of global evolution, determination of its status in formation of a megacycle of life development and with the account of principles of creating a noospheric cycle model of engineering-technological production. Considering interconnection between formation and evolution of different kinds of technics and technology this model reflexes the direction and coevolutional unity of organizational, managerial, economical, ecological, scientific and other kinds of activity.

Введение. В современной специализированной литературе нет недостатка в публикациях, посвященных различным вопросам опережающего образования. Существуют также попытки обобщить имеющиеся материалы и сформулировать основные тенденции разработки опережающей функции образования [1, с. 106–112].

Автор данной статьи предлагает свое видение проблемы опережающего образования на основе наработанных за последние годы представлений о роли коэволюционной стратегии в становлении ноосферы.

Основная идея статьи заключается в том, что концепция опережающего образования приобретает стратегическую направленность и ее теоретико-методологическое ядро образует знание о закономерностях воспроизводства ноосферы как автономной системы и вместе с тем органической ступени глобальной эволюции, включая контекст исторического становления жизни на Земле. Это означает, что, во-первых, содержание опережающего характера образования индуцируется прогностической ролью теории ноосферы (которая еще формируется), а, во-вторых, главная доминанта опережающего образования заключается в развитии творческой предуготовленности человека к конструктивной деятельности по созданию ноосферной реальности.

Проблема, однако, состоит в том, что в системе образования производится подготовка кадров по конкретным специальностям, в которых знания о ноосфере выполняют в лучшем случае роль общего мировоззренческого адаптера, имеющего весьма опосредованное влияние на характер профессиональной деятельности. Ноосфера как специализированная сфера жизни людей, система ее регуляции и воспроизводства человека складывается в значительной степени стихийно. Производство ноосферы в целом никто не планирует, не регламентирует, не контролирует и не санкционирует ответственность за ее качество, сопутствующие издержки и риски. Вместе с тем нам представляется продуктивной попытка поиска выхода из данной ситуации в русле определения возможного совпадения содержания и направлений

циклического характера универсальной (глобальной) эволюции, развития жизни, становления ноосферы, а также циклов технико-технологического производства, объединяющих в развивающуюся, открытую систему множество взаимосвязанных конкретно-профессиональных деятельностей. Это и составляет главную задачу настоящей статьи.

Основная часть. Упорядоченное знание о различных уровнях ноосферных структур и процессов может стать плодотворным регулятивом профессиональной деятельности в единстве ее оперативного и стратегического измерений, если его положить в основу концепции опережающего образования, что мы и называем ноосферным конструктивизмом. Термин «ноосферный конструктивизм» обозначает построение (конструирование) ноосферной парадигмы развития целостной системы жизни социума на основе генерирования в необходимое человеку, организованное единство природных структур различного характера и «творящих» свойств соответствующих им форм движения, развития.

Ноосферный конструктивизм – это также реализуемое в достижении целей социально обусловленных изменений реальности «доразвитие» явлений и свойств естественного происхождения.

«Доразвитие» природного материала никогда не являлось сугубо утилитарным конструированием, служащим лишь человеческим потребностям или воспроизводству общества в целом. Человек своей деятельностью обеспечивает продолжение существования природы в иных формах. На этот факт указывает давно известная закономерность, заключающаяся в неполном соответствии содержания исходной цели и результата деятельности. Человек выступает не только как для себя – сущее – бытие, но и как продукт развития, кооперативного действия различных стихийных процессов природы. Он «возвращает» ей (в преобразующей деятельности) свой врожденный способ существования – сохранение природы посредством ее изменения и одновременно самоизменения, продолжая тенденцию самообновления универсума в искусственно создаваемых вещах и процессах. Особенно заметна двойственность

онтологической природы конструирования в научной деятельности, которой в настоящее время присуще формирование множества новых конкретных направлений и сфер применения. Например, в составе биоинженерии как новой отрасли науки о конструировании биологических систем, основывающейся главным образом на возможности искусственного комбинирования фрагментов генетического материала (ДНК) эволюционно далеких организмов (от бактерий до человека), выделяются следующие разделы: 1) молекулярная биология; 2) генная и белковая инженерия; 3) геномная инженерия; 4) клеточная и эмбриональная инженерия; 5) иммунная инженерия; 6) конструирование тканей, органов, целых организмов; 7) конструирование популяций; 8) клонирование организмов; 9) технология ствольных клеток; 10) получение трансгенных организмов [2, с. 15].

В искусственном конструировании («доразвитии») организмов с заданными (нужными человеку) свойствами опережающая роль теоретического знания особенно значима, что связано, помимо всего прочего, с возможными масштабными последствиями такой деятельности, необходимостью предварительного решения проблемы безопасности получаемой продукции.

Для современной науки в целом характерен рост ее опережающей роли, что обусловлено глубокими изменениями в структуре, организации и целевой ориентации научного знания. К важнейшим из таких изменений относятся: задачность, конструктивность и технологичность [3, с. 134–135].

Конструктивность, вытекающая из задачности науки, означает ее переход от функции чистого объяснения, предсказания и абстрактного познания истины к конструированию изделий, технологий, различных систем, методов и т. д. Задачи науки определяются потребностями в современных технологиях, а они изначально создаются на научной основе. «...Мировая наука, – подчеркивает Е. В. Водопьянова, – становится все более прикладной и с технологической точки зрения все более приближается к производственному процессу» [4, с. 127]. Опережающая функция науки и нынешнего образования в отношении к производству имеет свои особенности: она экстраполирует установку на приоритетность инновационного технологического развития, экономическую эффективность, востребованность продукции на рынке.

Потребность в опережающем продуцировании прикладного знания лишь отчасти выражает тенденцию устойчивого развития социума, которая связана с ролью ноосферы в контексте глобальной эволюции в целом и биологической эволюции в частности.

С позиций глобального (универсального) эволюционизма становление ноосферы (ноо-

сферогенез) представляет собой современную стадию процесса развития универсума, включающего ряд типов изменений: космическую, химическую, биологическую и социальную ступени эволюции. Ноосфера формируется благодаря тому, что воспроизводит в своем функционировании и развитии механизмы и свойства устойчивости предшествующих этапов универсальной эволюции. В этой связи можно логически заключить, что ноосфера должна обеспечивать сохранение источников (механизмов) эволюции неживой и живой природы. Вся история человечества, его практика, культура являются подтверждением того, что способом бытия ноосферы является единство процессов дифференцирования реальности в виде создаваемых объектов и систем различной природы и одновременного кооперирования (интеграции) в них свойств и структур неживой, живой природы, социума, техносферы.

Для того чтобы создать искусственный мир, человек действительно должен был развить опережающую, по сути, динамично развивающуюся культуру, что позволило творить вещи более быстрыми темпами, нежели их саморазрушение. По своему происхождению и природе ноосфера есть продукт опережающей деятельности. И если в современном образовании задается установка на опережающее знание и творческое развитие специалиста, то это является отражением адекватной закономерности становления ноосферы. Если же в оценке ноосферы следовать логике глобальной эволюции, то вполне допустимо и необходимо задаться вопросом о будущем ноосферы, а точнее – во что будет переходить ноосфера подобно тому, как биосфера переходит в ноосферу на определенном этапе своего развития (В. И. Вернадский). Вне попыток ответить на данный, кардинальный вопрос человеческой истории все остальные проблемы опережающего образования могут оцениваться как сугубо частные. Ответа пока нет, однако линейная экстраполяция глобального эволюционного процесса может оказаться ошибочной или, по крайней мере, односторонней, и ее не следует безоглядно переносить в арсенал идейных оснований опережающего образования.

Общей закономерностью развития современной ноосферы является интенсивное формирование множества обратных связей с живой и неживой природой, что обусловлено раздвиганием границ хозяйственной деятельности и тенденцией расширения ноосферы. Знание соответствующих закономерностей может стать ценным приобретением опережающего образования, позволяющим предвидеть плюсы и минусы этого процесса. Расширение ноосферы означает включение в ее структуру относительно автономных систем неживой, живой приро-

ды, космических, социальных, технических объектов и обеспечение их согласованного, коэволюционного взаимодействия в целях устойчивости самой ноосферы. В этой связи знания о коэволюции могут быть использованы в арсенале средств опережающего образования.

Расширение ноосферы, по существу, является актом опережения (сначала мысленного) актуальной ноосферой реальности, необходимым для сохранения человечества. Однако каким бы ни было расширение ноосферы живая и неживая природа никогда не перейдут под полный контроль человеческого сознания, подобно тому как не является полностью осознанно контролируемым человеком его собственный организм. Стихийные процессы живой и неживой природы сохраняются, воспроизводятся в ноосфере, что подтверждает экологический кризис, являющийся и эволюционным кризисом жизни. Поэтому для системы образования и общественного производства нужны знания о возможностях согласования контролируемых и неконтролируемых процессов в ноосферной организации жизни.

Попытаемся оценить роль ноосферы в контексте разрабатываемого нами представления о мегацикле развития жизни.

К началу XXI в. благодаря прогрессу науки и техники все больше стала проявляться общая стратегия исторического развития жизни на основе коэволюции всех основных сред ее существования – неорганической, биологической, социальной и технической. На наш взгляд, эта стратегия принимает форму большого цикла (мегацикла). Мегацикл развития жизни на Земле складывается из трех основных этапов.

1. Развертывание жизни в масштабе от молекулярного до клеточного уровня и изменение ее физико-химического состава атмосферы, воды и переработка верхнего слоя литосферы.

2. Формирование макроформ живого, образование многоуровневой системы жизни – от молекулярного до глобального (биосфера); появление человека и преобразование им ресурсов биосферы в энергию собственного воспроизводства в хронологических пределах от собирательства до промышленного производства; создание техноструктур и становление планетарного социума.

3. Этап начинается с открытия микроструктур неживой и живой природы (строения атома и гена) и активного «творения» на данном уровне искусственного мира (химический синтез и катализ, био-, нано-, генетические технологии, атомная энергетика, электронная информационная техника, трансгенные организмы и др.). Человек изменяет химический состав биосферы, геологическую структуру поверхности планеты и т. д. (происходит якобы возврат к начальному этапу развития жизни).

На нынешнем третьем этапе цикла благодаря развитию техники формируются многообразные связи, растет масштаб взаимозависимости всех частей реальности: неживой, живой природы, социума. Соответственно, происходит превращение человеческой деятельности, его разума и техники в глобальный, трансферный механизм регуляции взаимодействия общества и природы – ноосферу. Признаками ноосферизации планеты являются: формирование международных организаций, всемирной сети Интернет, глобализация, планетаризация сознания и др.

Ноосфера оказывается не только организуемым человеком для – себя – бытием, но подчиненным общему закону циклического развития жизни атрибутивным средством взаимосвязанного развития неживой, живой природы и общества, продолжения их естественных изменений. Поэтому можно предположить, что нынешняя ноосфера не является пределом совершенства земной жизни. Опережающее знание о будущем ноосферы в контексте развертывания мегацикла развития жизни пока еще не сформировано, но мы обозначаем эту проблему, понимая, что одностороннее использование ноосферной организации бытия в целях удовлетворения человеческого индивидуализма не соответствует логике мегацикла и не может иметь благоприятной перспективы для самого человека. Не случайно техника, являющаяся средством формирования ноосферы, начинает осмысливаться как феномен планетарной эволюции, а техногенез, соответственно, оценивается в качестве закономерного результата предыдущей геологической и биологической эволюции и начала нового этапа истории Земли [5, с. 100–101].

В целях формирования представлений о путях трансляции опережающих ноосферных знаний в систему общественного производства и их превращения в общие регулятивные принципы профессиональной деятельности нами разработана идеализированная конструкция – модель большого ноосферного цикла технико-технологического развития, имеющая реальные прототипы. Данный цикл охватывает множество взаимосвязанных профессий, компоненты социальной, живой, неживой, технической форм бытия и строится с учетом использования на каждом этапе прогностического знания как фактора его целостного, сбалансированного воспроизводства посредством прямых и обратных связей ($\leftrightarrow$) всех этапов.

Примерная модель цикла включает в себя последовательный ряд взаимозависимо воспроизводимых этапов производства по приведенной ниже форме.

1. Техника стратегического планирования и управления циклом $\rightarrow$ 2. Информационная

техника и техника коммуникаций ↔ 3. Техника разработки, проектирования и конструирования новой техники ↔ 4. Техника производства энергии ↔ 5. Техника, производящая добывающую технику ↔ 6. Техника, добывающая ↔ 7. Техника, транспортирующая сырье ↔ 8. Техника, перерабатывающая сырье ↔ 9. Техника, производящая заготовки и детали ↔ 10. Техника доставки техники ↔ 11. Техника производства предметов потребления ↔ 12. Техника транспортировки предметов потребления и людей ↔ 13. Техника обслуживания потребителей ↔ 14. Эксплуатационная и ремонтная техника ↔ 15. Техника переработки устаревшей техники и рециклинга материалов ↔ 16. Техника аккумуляции, захоронения устаревшей техники и использования отходов ↔ 17. Природоохранная и природовосстановительная техника ↔ 18. Подключение других циклов ↔ 19. Техника мониторинга природной среды и потребностей общества.

Подобные циклы могут быть представлены в виде системы междисциплинарного, ноосферного знания, необходимого для профессиональной подготовки стратегического уровня.

Заключение. В философии науки развиваются представления о необходимости решения проблемы расширения границ опережающей роли образования, что обусловливается быстрым прогрессом науки, обновлением технологий, потребностями инновационного развития общества, адаптирования специалистов к динамике рыночной экономики, ростом всевозможных рисков и другими причинами. Сдержи-

вающим фактором актуализации опережающих тенденций в образовании является недостаток адекватного современной науке регулятивного знания, воспроизводящего принципы и закономерности ноосферы. Ноосферный конструктивизм заключается в разработке и применении в образовании концептуальных моделей ноосферной регуляции воспроизводства и развития социума в единстве с природой, создании техносферы на основе генерирования знаний о роли и перспективах ноосферы в процессе глобальной эволюции, ее статуса в формировании мегацикла развития жизни и принципов построения ноосферных циклов общественного производства.

Литература

1. Китайгородский, М. Д. Тенденции опережения в образовании / М. Д. Китайгородский // *Философия образования*. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. – 2007. – № 1.
2. Бердышев, Г. Д. Биологическая инженерия и ноогенез / Г. Д. Бердышев, А. В. Букалов, А. Н. Радченко // *Физика сознания и жизнь, космология и астрофизика*. – 2007. – Т. 7. – № 3.
3. Ракитов, А. И. Наука и науковедение XXI века / А. И. Ракитов // *Вестник Рос. акад. наук*. – 2003. – Т. 73. – № 2.
4. Водопьянова, Е. В. Другая наука: заказ инновационного общества / Е. В. Водопьянова // *Свободная мысль*. – 2007. – № 4.
5. Витол, Э. А. Техносфера в планетарных эволюционных процессах / Э. А. Витол // *Полигносис*. – 2004. – № 4.

ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

The purpose of this article is axiological analysis of the notion of social justice and human rights in a globalizing world, the transformation of international law and making a unipolar global political structure. The article analysed essential foundations of human rights, described the legal mechanism for regulating international, interstratic, interethnic conflict, attempted a definition of social justice.

Введение. В последние десятилетия XX – начале XXI в. наблюдается быстрый рост глобализации человечества. Поэтому все более актуальной становится проблема будущего нашего мира, многие люди озабочены возможностью потери своей национальной идентификации, не желают быть просто «гражданами мира». Целью данной статьи является аксиологический анализ понятия социальной справедливости и прав человека в условиях глобализирующегося мира трансформации международного права. В основе социальных ценностей современности выступает принцип гуманизма, который декларируется и реализуется целым рядом институтов и норм права. В общем виде он находит свое конкретное воплощение в юридических актах, относящихся к правам человека. Права человека, выступая высшей ценностью и представляя собой наиболее мощный пласт культуры, одновременно являются критерием «человеческого измерения» всех процессов, которые происходят в мире. Только овладение культурой прав человека дает ориентир личности в оценке существующих политических режимов, социальной деятельности государств мирового и национального общественного сознания, способствует созданию единого мирового правового пространства.

Основная часть. Права человека, их генезис, социальные корни, назначение – одна из вечных проблем исторического, социально-культурного развития человечества, неизменно находившаяся в центре политической, этической, правовой, религиозной, философской мысли, приобретая либо религиозное, либо этическое, либо философское звучание в зависимости от расстановки социальных сил, культуры и традиций.

Тысячелетиями шел поиск способов взаимоотношений индивида и общества, индивида и власти, преследуя цель развития человечества по пути свободы, ограничения всевластия государства. На этом этапе обычно выделяются три индивидуальных революции.

Первая индивидуальная революция покончила с антропоморфизмом (отождествлением человека с факторами природы), затем индивид был выделен и из общества в качестве некоей отдельной сущности, хотя до этого рассматривался как полностью зависящая от него часть. Но

названные формы самоопределения человека как индивида отделялись в жизни от него, превращались в схемы внешней, изолированной или обезличенной социальности.

Более того, все формы духовного становления личности обретали внешнее, институциональное закрепление в моральных, религиозных, государственных структурах, оказывались средствами манипулирования индивидом, проводниками давления на личность со стороны соплеменников, сословий, духовных и светских властей, традиций и обычаев, моральных и правовых норм.

Вторая индивидуальная революция, положив конец личным зависимостям одних людей от других, вызвала к жизни дополнительную энергию у людей и в поисках соответствующей социальной формы закрепила законную роль и место индивидуальных человеческих форм социальности в виде разработки и принятия широких прав человека. Однако это продолжалось недолго. Политические структуры капиталистического общества, насытившись свободной энергией личной инициативы, вышли из под контроля людей и начали оказывать на них закрепляющее воздействие.

Третья личностная революция началась с перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, поставила индивид в сферу социальной организации и взяла под контроль личности механизмы и автоматы социальности [1].

В постиндустриальном обществе скрещиваются квалифицированные и личностные свойства людей-работников, в результате чего носителями и творцами социальных качеств выступают не техника, не вещи, и даже не политические структуры, а сами люди, поскольку они действуют именно как субъекты истории.

Как пишет Д. Белл, «в настоящее время реальность является, в первую очередь, социальным миром, не природным или общественным, а исключительно человеческим, воспринимаемым через отражение своего "Я". Ограничители прошлого исчезли вместе с концом эры природы и вещей» [2].

В условиях постиндустриального общества формируется новая концепция национального богатства как совокупности накапливаемого, человеческого, природного и воспроизводимого

капитала. По данным исследований, в масштабе 92 стран Всемирный банк реконструкции и развития получил следующие результаты: на долю природного капитала приходится 20% национального богатства, воспроизводимого капитала – 16%, а на долю человеческого капитала – 64%. При этом в экономически развитых странах доля человеческого капитала в национальном богатстве составляет около 90%.

Увеличение затрат на повышение качества жизни и развитие человека в настоящее время является стратегической линией в разработке политики большинства стран, а показатели по этому направлению становятся важнейшим критерием принятия решений во всех сферах общественной жизни. В то же время недооценка, игнорирование человеческой составляющей как экономического роста, так и общественного развития в целом, влечет за собой целый ряд негативных последствий. Так, например, современная Россия, находясь в восьмом десятке стран по качеству жизни и развитию человека и избрав в качестве основных приоритетов дальнейшую либерализацию и финансовую стабилизацию, обрекает себя, по мнению объективных наблюдателей, на отставание от передовых стран не на десятилетия, а на целые поколения своих будущих граждан. Следует подчеркнуть, что и сложность преодоления последствий нынешней политики России и восстановления понесенных при этом потерь просто несоизмерима с преодолением трудностей материально-го характера.

Здесь, наверное, следует сказать, что понятие «человеческое развитие» было введено в широкое употребление Международной организацией «Программа развития ООН/ПРООН» в 1990 г. и развито в 1997г. Сложившаяся на основе данного понятия целая концепция человеческого развития основывается на четырех основных принципах, отражающих производительность, равенство, расширение возможностей и устойчивость.

Производительность. Люди должны иметь возможность повышать продуктивность своей деятельности, полноценно участвовать в процессе формирования своего дохода и трудиться за достойное вознаграждение.

Равенство. Все люди изначально должны иметь равные возможности. Все барьеры, препятствующие обретению возможностей в экономической, социальной и политической жизни, должны быть ликвидированы с тем, чтобы люди могли принимать участие в реализации этих возможностей и пользоваться их благами.

Расширение возможностей. Развитие должно осуществляться не только в интересах людей, но и усилиями самих людей, а для этого люди должны всемерно участвовать в про-

цессе принятия решений и других процессах, определяющих их жизнь.

Устойчивость. Доступ к возможностям должен быть обеспечен не только нынешним, но и будущим поколениям.

Таким образом, в целом концепция развития человека выступает в настоящее время как собственно цель и критерий общественного прогресса. «Цель развития должна состоять в создании благоприятных условий для того, чтобы жизнь людей была долгой, здоровой и наполненной творчеством, – подчеркивается Программой развития ООН, – и эту простую, но важную истину ни в коем случае нельзя забывать в погоне за материальными и финансовыми благами».

Процесс глобализации социального развития человека в форме интеграции – взаимных связей и взаимных влияний – начался, по К. Ясперсу, с «осевого времени» – с 800 г. до н. э., однако со второй половины XX в., фактически с создания ООН (1945 г.), этот процесс пошел уже в форме универсализации, распространения прав и свобод как основополагающих ценностей общества, присущих так называемым «передовым странам», на весь мир.

Но поскольку в те годы демократические права и свободы еще не стали достоянием всех государств мира, это было вынужденной мерой, да и сама постановка проблемы носила мягкий, рекомендательный характер. Всеобщая декларация прав человека, принятая ООН 10 декабря 1948 г., предлагала народам каталог прав и свобод человека как образец, стандарт для развития внутригосударственного законодательства в этой области. Надо сказать, что данные рекомендации стран-победителей во Второй мировой войне были услышаны в странах, бывших агрессорами. Об этом свидетельствуют факты. В послевоенных Конституциях ФРГ, Италии и Японии, например, права человека были в широком объеме представлены в специальных разделах о правах и обязанностях своих граждан. Конституции же «второй волны», принятые в 70-е гг. XX в. в Греции, Португалии, Испании, закрепили еще более развернутую систему прав и свобод человека.

Однако со временем положение дел в корне изменилось с падением влияния СССР, а потом и его ликвидацией. Международное сообщество стало считать, что внедрение прав и свобод, включенных во Всеобщую декларацию прав человека, является неременной обязанностью всех государств и народов мира. И чем быстрее эта обязанность будет исполнена, тем лучше. В случае нарушения положений Декларации или отказа от ее внедрения ООН или отдельное государство получили право насаждения их силой. В результате возникает понятие «гуманитарной интервенции», когда «государства-нарушители» прав и свобод вопреки Уставу

ООН о невмешательстве во внутренние дела государств подвергаются экономическому эмбарго, моральному или информационному давлению, и даже вооруженной интервенции со стороны «ревнителей» прав и свобод.

«Принцип выражения международной озабоченности состоянием прав человека, – утверждал бывший Генеральный секретарь ООН К. Аннан, – получил приоритет перед требованием о невмешательстве во внутренние дела. Суверенитет предполагает ответственность, а не просто власть. Он никогда не предназначался для того, чтобы служить правительствам лицензией на попрание прав человека и человеческого достоинства» [3].

Надо подчеркнуть, что «гуманитарные интервенции» – это не выдумки какого-то очередного Генсека ООН. Еще задолго до 2002 г. западные страны, пользуясь своим большинством в ООН, использовали ее авторитет в своих эгоистических интересах. Так, например, Бельгия оправдывала свое вооруженное вторжение в Конго в 1960 г. «для защиты прав собственности бельгийских граждан». Вооруженные силы США в 1965 г. точно под таким же «предлогом защиты прав уже американских граждан» высадились и навели соответствующий порядок в Доминиканской Республике. Сюда же надо отнести и интервенции НАТО в Югославию в 1999 г., вторжение американских и английских войск в Ирак в 2003 г.

По поводу перспектив нынешней глобализации культур и, в частности, социального развития человека существуют разные, как позитивные, так и негативные мнения. Так, например, Н. Н. Моисеев, отмечая недостатки существующего процесса глобализации в сфере культуры, настроен весьма скептически в отношении ее положительных результатов. «Основную опасность я вижу в универсальности цивилизации, – писал он, – в канонизации "этики протестантизма", утверждающей существование избранности, а ее мерой – личный успех. Эта избранность дает право на исключительность – такая позиция уже вошла в сознание многих европейцев и американцев» [4].

Еще одним препятствием на пути создания единой культуры, выражающейся в создании универсальной системы прав человека, выступает игнорирование прав общностей, характерное для либерально-буржуазных отношений. Кстати, эти огромные ножницы в правах индивида и социальных общностей уже привели к пышному расцвету индивидуализма и эгоизма в развитых капиталистических странах, что совершенно неприемлемо для тех народов, которые привержены коллективизму, соборности.

По мнению П. А. Сорокина, западная капиталистическая культура – это чувственная культура, где стремление получать удовольствия составляет основной смысл жизни, является ее главной ценностью. Западная цивилизация – это цивилизация гедонистическая, и как таковая она уже клонится к закату, фактически изжила себя, и если не интегрируется с другими социокультурными системами, то общество, основанное на ней, просто погибнет. Поэтому интеграция культур, а не навязывание западной имеет положительную перспективу, и это должно стать известно всем нынешним глобалистам.

А в настоящее время и третья индивидуальная революция может оказаться в ситуации, когда внешние по отношению к человеку силы могут снова поставить его под свой контроль. Тем более, что на эти силы, по сути сверхнациональные, международные (США, Евросоюз, НАТО, ООН), транснациональные компании и т. д., влиять людям будет не так-то просто.

Закключение. Выводы статьи неутешительны. Современная глобализация идет не естественным эволюционным путем, синтезируя достижения культур разных народов, а внедряется «золотым миллиардом» в основном силовыми методами, высокими темпами, не считаясь с пожеланиями и менталитетом пяти с лишним миллиардов населения земного шара. И большинство жителей Земли против такой глобализации сделать ничего не может, так как развитые капиталистические страны объединены организационно и действуют под эгидой международного права.

Выход из этого положения один – менять структуру и функции, прежде всего, Организации Объединенных Наций, весь ее статус и, соответственно, всех других международных объединений.

Литература

1. Иноземцев, В. Л. На рубеже эпох: экономические тенденции и их неэкономические следствия / В. Л. Иноземцев. – М.: Экономика, 2003. – С. 570–575.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999. – С. 663.
3. Аннан, К. Выступление на Всемирном форуме в Нью-Йорке в феврале 2002 г: материалы РИА «Ореанда», 5 февр. 2002 г. – Нью-Йорк, 2002.
4. Моисеев, Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н. Н. Моисеев. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1998. – С. 106, 152.

И. Н. Сидоренко, ст. преподаватель

РЕГУЛЯТИВНЫЙ СТАТУС ИДЕИ ИСТОРИЧНОСТИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ

The objective of this article is a comparative analysis of concepts of existential hermeneutics provided in the philosophy of M. Bachtin, M. Heidegger and P. Ricoeur and determination of a constitutive role of the idea and the principles of historicity in formation and development of the ethical problems, the problem of identity both of modern man, and modern society, and its methodological potential in humane cognition. In the article the influence of philosophy of W. Dilthey on the development of existential hermeneutics has been shown, and also the importance existential hermeneutics as one of ways of historical self-knowledge of a society in interpretation of the social validity is proved.

Введение. Значение проблемы понимания и поднятых вопросов в экзистенциальной герменевтике обусловлено тем, что современные дискуссии о перспективах экономической и политической модернизации неразрывно связаны с необходимостью учета культурных факторов. Как в разработке политических стратегий, так и в социально-экономическом анализе развития страны, оказывается существенным и необходимым учитывать культурные ориентации людей, динамику этических ценностей, языковых стереотипов, проблем понимания, а также отношение общества к своему прошлому. Традиционно эти стороны социального мира являются предметом изучения, согласно терминологии В. Дильтея, «наук о культуре» или «наук о духе», составляющим компонентом которых выступает экзистенциальная герменевтика. Следовательно, развитие и расширение проблематики экзистенциальной герменевтики, в частности ее этического потенциала, актуально в контексте разработки моделей интерпретации социальной действительности. На основании этого можно утверждать, что экзистенциальная герменевтика является одним из способов исторического самопознания общества.

Основная часть. Совмещение двух проблемных ракурсов экзистенциальной герменевтики – существования и понимания – является результатом отождествления В. Дильтеем исторического бытия и человеческого существования. В философии жизни Дильтея происходит трансформация идеи историчности в категорию историзма, благодаря чему стало возможно рассмотрение истории сквозь призму неповторимости и индивидуальности исторических событий. Дильтей не вводил трансцендентных измерений в целокупность жизненных связей, однако сама историчность, самоускользание жизни придали ей характер трансцендирования без трансценденции, что поставило философа перед вопросом о возможности сохранения в этом потоке объективных выражений как доступного для понимания человека материала. Жизнь выступает как Абсолют, как все в себе содержащее и незавершенное целое, в котором только и могут обнаруживаться данности и

формироваться смыслы. Поэтому герменевтика – нечто большее, чем искусство толкования текстов. Именно за счет того, что внутренний смысл, которым исходно обладают жизненные силы, выводится Дильтеем за рамки трансценденции, герменевтика начинает рассматриваться как задача конечного исторического существа – человека, и – особенно в экзистенциальной герменевтике – главной формой его «заботы о себе», т. е. акцентируется этическая проблема понимания через существование. Отсюда проблема, поставленная Дильтеем, а именно: выявить онтологический статус герменевтики в контексте вопроса об историчности человека и о понимании как необходимом отношении внутри исторического бытия, имеющего внутренний смысл, – становится главным проектом экзистенциальной герменевтики. Вместе с тем осуществленный экзистенциальный акцент на идеи историчности и преобразование ее в основополагающий принцип интерпретации аналитики человеческого бытия в философии немецкого экзистенциализма позволяют ввести этическую проблематику в герменевтику, т. е. раскрывать понимание как нравственное усилие быть, а долг – как верность прошлому. Исследуем экзистенциально-герменевтические концепции М. Бахтина, М. Хайдеггера и П. Рикера.

М. Бахтин в своей работе «К философии поступка» критически рассматривает эстетизм романтизма, концепцию самосбывающейся гениально-художнической индивидуальности, что, в свою очередь, позволяет ему, с одной стороны, изучать проблему методологии гуманитарного знания, а с другой стороны, акцентировать этическую проблематику понимания. Оригинальность решения проблемы историчности существования у Бахтина заключается именно в этической постановке вопроса об ответственности. По этому поводу Бахтин отмечал: «Жизнь может быть осознанна только в конкретной ответственности. Философия жизни может быть только нравственной философией... Отпавшая от ответственности жизнь не может иметь философии: она принципиально случайна и неукоренима... она не проницаема для понимания» [1, с. 124]. Бахтин не просто

раскрывает индивидуальность и неповторимость человека исходя из его историчности и конечности, но подчеркивает, что вот эта неповторимость коренится в ответственности, а не в смертности.

Таким образом, философ ставит в центр философского рассмотрения не только самоосуществляющуюся историчную индивидуальность, но, самое главное, «долженствующую единственность». Если в экзистенциализме Хайдеггера статус незаменимости человек получает в силу своей вовлеченности в историю, в судьбу, в силу своей конечности, то у Бахтина единственный тождественен ответственному. В этом и состоит новизна рассмотрения идеи историчности. «То, что много может быть совершено, – пишет Бахтин, – никем и никогда совершено быть не может. Единственность наличного бытия нудильно обязательна. Это факт моего неалиби в бытии» [1, с. 112].

Следовательно, историчная ответственность заключается не только в опущении вины по поводу уже совершенного в истории, как это было, например, у С. Кьеркегора, но и в проживании настоящего момента, в решимости совершить поступок или в отказе от него. Здесь в отношении решимости можно отметить известную тождественность идей Хайдеггера и Бахтина. У Хайдеггера решимость означает принятие истории как своей собственной, осознание вовлеченности в традицию, т. е. принятие прошлого без стыдливости и брезгливости к нему. Бахтин тоже говорит о решимости, но в векторе настоящего и будущего: решиться на деяние, которое изменит будущее, повлияет на него. Отсюда историчность у Бахтина как единственность человека, базирующаяся на ответственности, и дана, и задана. Дана в том плане, что человек уже есть, он фактичен, действителен, незаменим, а задана в том смысле, что он еще должен осуществить свою единственность, доказать и оправдать свою неповторимость.

Таким образом, историчность у Бахтина отождествляется с ответственностью единственного благодаря уникальности его события. Следовательно, понимание возможно только через нравственное усилие: нельзя захотеть что-то понять или отказаться понимать что-либо, не неся за это ответственности. Понимание в философии Бахтина – это конкретно-временное понимание, которое раскрывает предметность долженствования, сохраняя в то же время неповторимость индивидуального здесь-бытия человека.

В экзистенциальной герменевтике Хайдеггера реализуются два проекта разрешения проблемы понимания: во-первых, раскрытие понимания из чистой временности Dasein, и, во-вторых, из историчности события, истории Dasein. И так, во-первых, у Хайдеггера понима-

ние является способом бытия человека, оно не сводимо к познавательному акту и не выводимо из объяснения. Понимание тождественно открытости Dasein, а открытость имеет своим основанием временность; Dasein уже всегда есть в мире. Изначальная открытость есть настроенность, расположенность. Настроенность не относится к душевному состоянию, это не настроение, а основа раскрытости мира, существования; она первичнее всякого переживания. Историчность в фундаментальной онтологии как раз и выражает сущность направленности. В отношении же проблемы понимания историчность можно рассматривать как направленность к истоку, что и выражается в допредикативности или историчности понимания. Таким образом, через обращение к истоку можно постичь утраченные возможности. Направленность имеет и вектор будущего, что только более ясно указывает на свойственную философии Хайдеггера приоритетность сферы возможного над сферой актуального. Проект не имеет ничего общего с воплощением замысла, а наоборот, характеризуется именно возможностью возможности быть. Постигаемое в понимании – это не наличное «что», а возможное «как», которое может быть опущено. Отсюда настроенность как «допредикативное понимание» имеет экзистенциальную структуру проекта. Проект есть выражение той черты Dasein, что оно никогда не тождественно себе, а есть своя собственная возможность. Так, понимание есть открытость через возможность, связанную со временем.

Во-вторых, Хайдеггер ставя в центр истории историчность Dasein, подразумевает под этим то, что человек всегда уже определен результатами прошлого, вовлечен в традицию и судьбу своего народа. Именно из этого материала-результата, которое Хайдеггер определяет как «наследие» (das Erbe), решимость заимствует содержательные возможности для своего подлинного существования. Решимость человека никогда не может начинаться с нулевой точки. Свой набросок на будущее человек должен делать в напряженном взаимодействии с заданным наследием. Таким образом, здесь историчность выходит за рамки того, что разворачивается из чистой временности, т. е. историчность предполагает неразрывность со своим народом. Бытие-в-мире существует как решимость по отношению к ситуации, из которой можно принять возможности, на которые «набрасывается» существующее. Мир предстает как наследие, традиция, и только там, где мир есть наследие, настоящее есть сообщество. Эту сообщество Хайдеггер именуется «судьбой». «Судьба не возникает впервые лишь через столкновение обстоятельств и происшествий... А когда судьбоносное присутствие как бытие-в-мире сущностно экзистирует в событии-с-другими, его

событие есть событие общности, народа. Исторический путь не составляется из отдельных судеб, равно как бытие-друг-с-другом не может быть понято как совместный быт многих субъектов» [2, с. 384]. Только в сообществе, согласно мысли Хайдеггера, власть исторического пути оборачивается для человека свободой. Это следует понимать так, что, находясь в ситуации, человек должен открыться для нее. Однако это может произойти, если человек судьбоносно ввергнут в судьбу и только в ней может обнаружить себя и доказать себя на деле. Только будучи историчным, бытие Dasein способно экзистировать в модусе судьбы, другими словами, быть в основании своей экзистенции историчным. «Лишь собственная временность, которая вместе с тем конечна, делает возможным нечто подобное судьбе, т. е. собственную историчность» [2, с. 385]. Перенятие наследия – вот задача, которую перед человеком поставила его историчность. Человек должен вникнуть в ранее казавшийся внешним материал истории и настолько внутренне сделать его своим, чтобы он стал восприниматься в качестве самой внутренней жизни.

Усвоение наследия предполагает повторение. Отсюда возобновление есть преемство, т. е. возвращение к возможностям сбывшегося Dasein. Возобновление – это не повторное осуществление содержания как такового, а происходящее вновь пробуждение осуществляющегося в нем экзистенциального существования. Таким образом, Хайдеггер определяет повторение как форму экзистенциальной заостренности, в которой Dasein собирает себя в настоящем мгновении. Повторение осуществляется не в оглядке на прошлое с тем, чтобы вернуть в прошлое ставшее иным настоящее, но оно осуществляется в настоящем так, что в отношении него изменение времени теряет свой смысл. В чистом существовании господство времени прекращается, поэтому то, что возобновляется в повторении, находится не в прошедшем, но является вечной возможностью Dasein. Основа историчности Dasein – это собственное бытие-к-смерти, т. е. конечность временности. Dasein становится историчным в возобновлении, но, так как оно исторично как временное, оно способно возобновлять себя в своей истории. Таким образом, возобновление впервые обнажает для Dasein его особую историю. Человеческое действие попадает в туман еще не различенного будущего, поэтому предполагает героическую позицию. Мужественная решимость сознательно принять эту проблематичность реализуется для Dasein в исторической судьбе народа или «человечности» (das Menschentum). Таким образом, частная судьба Dasein соединяется с общей судьбой посредством введения темы историчности. В то

же время историчность не есть нечто предданное Dasein, оно само определяется волевым решением Dasein. Историчность, пробужденная в Dasein собственным опытом «бытия-к-смерти» и основанная на наследии, придает Dasein решимость к собственному бытию-самости.

Идея бытия, плененного общей судьбой, скорее всего, в 1933 г. рассматривалась Хайдеггером как онтическая реализация онтологической судьбы Dasein: восстать из брошенности, падения в мир. В это время национал-социализм представлялся Хайдеггеру, и не только ему, как альтернатива падению европейского духа. Хайдеггер полагал, что возратить судьбу падшего Dasein вновь ему самому можно только посредством волевого решения, индивидуального опыта заботы и страха, новой организацией университета и экономики. Однако, отметим, что такой практический смысл идеи историчности 1933 г. не может быть однозначно сведен к политической сфере как исходной предпосылки экзистенциального опыта Dasein, что Хайдеггером и будет показано в поздних работах. Таким образом, практический смысл историчности Dasein можно рассматривать как связь судьбы Dasein с исторической судьбой народа.

В центре герменевтики П. Рикера – человек как субъект культурно-исторического творчества, обладающий следующими способностями: способность вступать в общение с другими посредством языка, способность на действительное вмешательство в ход вещей, способность формировать собственную идентичность посредством рассказа о своей жизни, способность осознавать ответственность за действия, т. е. быть автором своих поступков. Вслед за М. Вебером Рикер определяет в качестве предмета гуманитарных наук исследование поведения, ориентированного и раскрывающего определенные смыслы. Соответственно, введя поведение в проблематику герменевтики, Рикер отмечает, что поведение можно интерпретировать на подобии интерпретации текста с той лишь разницей, что истолкование текста проясняет его смысловую структуру, а интерпретация человеческой деятельности раскрывает смысловые структуры жизнедеятельности человека. Смысл действия может быть раскрыт, а действие прочитано потому, что оно уже нагружено и оформлено знаками, правилами, нормами, т. е. изначально уже символически опосредовано, включено в конкретную ситуацию, а значит, исторично, вписано в символическую сетку культурной традиции. С одной стороны, действия человека конкретны, ситуативны, с другой стороны, ситуация всегда исторична, т. е. для каждого из нас неповторима и уникальна. Соответственно, понимание также ситуативно, т. е. зависит от контекста ситуации, опосредо-

вано горизонтом традиции. Рикер обращается к трактовке направленности и решимости в философии Хайдеггера как включенности в исторический контекст своего народа и ответственности за это включение и изменение и исходя из этого отмечает, что именно символическая система культурной традиции обеспечивает отдельным действиям контекст описания, т. е. сообщает действию первичную интерпретацию.

Будучи историчными, символы не только наделяют действия смыслами, но и регулируют их описание и интерпретацию определенными правилами и нормами. Таким образом, традиция как историчный контекст символов выполняет функцию социальной регуляции, выдвигая в качестве программ поведения генетические и культурные коды. Содержание традиции составляет смысловые структуры, опосредующие социальное действие. В свою очередь это позволяет человеку вписать свои действия в ткань истории, рассказать собственную историю в контексте историчности и традиции, неразрывно связанной с историей своего народа, другими словами, ответить на вопрос, поставленный еще Дильтеем: что означает мыслить историю и одновременно в ней участвовать; быть историчным и одновременно творчески осуществлять себя в эстезисе. Каждое историческое общество имеет свои рассказы, тексты, символы, опосредующие действия. Поэтому с точки зрения Рикера необходимо поддержание постоянного диалога традиций, «обмена памятью в духе сострадания» [3, с. 111].

Возникает вопрос, если человек, будучи конечным, т. е. опосредованным историей, традицией, даже в интерпретации собственной жизнедеятельности подчиняется регулятивному требованию историчности быть верным истоку и истории, то где же и когда человек может

быть свободен. В экзистенциальной герменевтике свобода человека – это свобода в человеке, т. е. это тот избыток спонтанности, который позволяет ему быть «героем» собственной истории. Понимание себя в этом модусе своего бытия означает выбор и ответственность, что предполагает «авторство» по отношению к собственной жизни, раскрытой уже как произведение человека.

Заключение. Таким образом, акцентировав регулятивный статус историчности, представители экзистенциальной герменевтики ввели в герменевтическое пространство этическую проблематику, связанную с ответственностью, моральным долгом по отношению к истории, прошлому. Актуальность такого проекта обусловлена проблемой сохранения как индивидуальной, так и коллективной идентичности в контексте проблемы взаимосвязи и конфронтации универсальной цивилизации и национальных культур, универсальной истории и индивидуальности события. Восстановление и сохранение своей идентичности в экзистенциальной герменевтике выступает как нравственный долг перед своим собственным прошлым, перед историей своего народа, как ответственность за его судьбу.

Литература

1. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники: ежегодник 1984–1985. – М.: Наука, 1986.
2. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. В. В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997.
3. Рикер, П. Герменевтика. Этика. Политика / П. Рикер. – М.: Университетская книга, 1995.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПРАВОСЛАВИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

The article is devoted to the analysis of religious and ethnic ideas of modern Orthodoxy. Special features of Orthodox theology system were noted. Nowadays ideological directions securing the tradition are denoted to be predominated. At the same time there is Church renovation connecting with attempts to remove contradiction between Ecclesiastical and Temporal power, science and religion. The tendency of turning of church to solving social problems is noted.

Введение. Одной из ярких особенностей развития современной культуры является нарастание и распространение процессов секуляризации. Ее смысл заключается в идее самостоятельности мира, освобождении сознания человека от религиозных догм и запретов, от насилия в выборе мировоззрения. Однако следует отметить, что секуляризация определяет лишь общую тенденцию, которая не исключает возможность усиления позиций церкви в общественной жизни. Такие важнейшие силы современности, как наука и политика, с одной стороны, способствуют разрушению традиционных религиозных установлений, а с другой – стимулируют процесс адаптации религии к новым социокультурным условиям. Сегодня все более заметным становится стремление христианских конфессий к совершенствованию форм и методов своей деятельности, а также частичному пересмотру тех мировоззренческих установок, на основе которых религия строит отношения с миром и культурой. Это является характерным и для Русской православной церкви.

Основная часть. Как известно, отличительной особенностью богословской системы православия является традиционализм, который выражается в том, что православие в отличие от католицизма не добавило ни одного догмата к своему вероучению. Вероисповедной основой православия являются Священное Писание (Библия) и Священное Предание – это решения первых семи Вселенских соборов, а также источники ортодоксального богословия. В качестве последних выступают сочинения отцов церкви – труды Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина и др.

Святоотеческая традиция ориентирует внимание человека на собственном духовном совершенствовании как главном условии спасения. Ядро христианской идеологии составляет концепция противостояния добра и зла. Борьба двух начал имеет непримиримый характер. Считается, что человек несет моральную ответственность за свой выбор между добром и злом, небесным и земным. Богословы всячески подчеркивают приоритет духовного над материальным. Основой всех нравственных обязан-

ностей личности объявляются вера в Бога, стремление к спасению путем молитвы, аскезы.

Особое значение в православии придается традициям исихастской мистики. В ней изначально образовалось два направления: нравственное и мыслительное. Первое основывалось на представлении о том, что путем отказа от страстей и земных ценностей человек достигает «обожения». Мыслительная мистика была связана с философским осмыслением всего сущего: борьба со страстями возводила человека к ведению, которое «достигается через внутреннюю собранность и молитву. Внутренняя собранность заключается в том, чтобы постоянно держать свои мысли на Совершенстве. В этом состоянии человек господствует над всеми движениями своего духа. Такая сосредоточенность дает полное внутреннее уединение, отрыв от всего земного... Самособранность означает обращение своего духа на самого себя, отречение от мира и погружение в молчание» [1, с. 383] Так называемая умная молитва молчащих (исихатов) является высшей ступенью созерцания – духовной работы христианина над собой. В православии считается, что рациональными способами невозможно познать сущность Бога, поэтому делается акцент на непосредственный мистический опыт богопознания, через молитву, литургию в храмах, таинства и т. д.

Важно отметить, что идейные установки православия, закрепляющие традицию, в настоящее время являются доминирующими. Однако имеет место и так называемое церковное обновление, истоки которого уходят в социокультурную ситуацию конца XIX – начала XX вв. Уже в тот период некоторыми богословами и религиозными деятелями критиковалась проповедь социального индифферентизма, безразличия к «мирским делам», подчеркивалась необходимость устранить противоречия, существующие между церковным и светским, наукой и религией. Эти идеи высказывались архимандритом Феодором (Бухаревым), профессорами-богословами Н. Сергиевским, Н. Гиляровым-Платоновым, И. Соколовым, А. Бровковичем и др., несмотря на то, что любая инициатива сблизить православие с потребностями времени всячески подавлялась. В настоящее время сторонниками церковного обновления в России являются про-

тоиерей Иоанн Свиридов, священнослужители Георгий Чистяков, Владимир Лапшин, игумен Иннокентий (Павлов). Они выступают за изменение богослужебной практики, института монашества, пересмотр церковной догматики и др. Тем не менее можно констатировать, что эти идеи пока не получили широкого распространения и поддержки в православии. Несмотря на это обстоятельство, церковь все же активно принимает участие в диалоге с современной культурой и обществом. Наглядным доказательством этому является появление социальной доктрины православия.

Заметим, что поворот православия к социальной проблематике произошел со значительным опозданием по сравнению с католицизмом и протестантизмом. Только в августе 2000 г. в Москве состоялся архиерейский собор Русской православной церкви, на котором были приняты «Основы социальной концепции Русской православной церкви». Однако в определенном смысле христианство с момента своего возникновения уже обладало учением об обществе, социально-политическими и социально-этическими взглядами, что находило свое выражение в произведениях религиозных философов, теологов, церковных установлениях. Тем не менее социальной доктрины как свода официальных документов не существовало до самого последнего времени.

Православная церковь, всецело подчиненная светской власти, не имела возможности самостоятельно разрабатывать социальную проблематику. Не случайно для восточного христианства оказалась характерной тенденция углубления в духовную сферу, мистику, аскетизм и др. Церковь в России вплоть до XX в. разделяла взгляды светской власти относительно социальных вопросов и содействовала их практической реализации. Освобождение от контроля со стороны государства, а также усиление процессов секуляризации во всем мире обусловили стремление церкви четко сформулировать свою позицию в отношении многих вопросов общественной жизни. Поэтому цель доктрины 2000г. состояла в том, чтобы выработать концепцию, отражающую общецерковный взгляд на проблемы современного общества. Ее специфической чертой является, прежде всего, наличие регионального адресата: имеется в виду «обращенность к нуждам Полноты Русской православной церкви в течение длительного исторического периода на канонической территории Московского Патриархата и за пределами таковой» [2, с. 5].

Впервые Русская православная церковь официально выразила свою позицию по социальным, экономическим, политическим вопросам, а также по проблеме культуры, духовного развития общества. Тем самым «Основы соци-

альной концепции Русской православной церкви» представляют собой богословский документ, в котором все явления общественной жизни рассматриваются через связь с божественным началом. При этом документ подразумевает защиту общенациональных интересов. Опираясь на духовные ценности значительной части населения, православная церковь стремится содействовать решению многих общегосударственных социальных проблем. Следует подчеркнуть, что «в современных условиях социальной и идеологической дезинтеграции концепция ратует за диалог всех людей независимо от их мировоззренческих позиций... вмешательство в мирскую жизнь, выдвижение и настаивание на реализации религиозных принципов и теорий общественной жизни обосновывается тем, что церковь при этом озабочена исключительно выполнением своей исконной роли духовного наставника, сохранением нравственных устоев и норм» [3, с. 25–26].

Принципиально новым положением социальной концепции является отказ от византийской традиции обожествления власти и заявление о необходимости отстранения от любого государственного строя, любых политических доктрин. Это выражается в запрете священнослужителям принимать участие в политической борьбе, предвыборной агитации и т. д. Церковь в настоящее время полностью отделяет себя от государства. Если в начале XX в. она идеологически обосновывала и поддерживала самодержавие, являясь при этом составной частью государственного устройства, то теперь отношения церкви и государства строятся на принципе «взаимного невмешательства» в дела друг друга. В документе подчеркивается, что церковь призвана обеспечивать спасение людей, в то время как основной задачей государства является обустройство земного благополучия. Одновременно Русская православная церковь видит альтернативу церковно-государственным отношений в сотрудничестве с властями в разных сферах общественной жизни.

Областями «сотрудничества» церкви и государства выступают «содействие взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами, государствами», «духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание», «охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия», «диалог с органами государственной власти любых ветвей и уровней по вопросам, значимым для Церкви и общества, в том числе в связи с выработкой соответствующих законов», наука, культура, «деятельность по сохранению окружающей среды» и т. д. [2, с. 14–15].

Православное богословие, опираясь на основы христианской догматики, стремится осмыслить актуальные проблемы современности.

В частности, на открытии дискуссии в Минском международном образовательном центре, посвященной «Дню сохранения творения», митрополит Минский и Слуцкий Филарет подчеркнул, что экологические проблемы являются не столько следствием факторов научно-технического прогресса, сколько результатом греховности людей, «порочностью человеческого естества, которое неотделимо от матери-природы. Творение Божие разрушается корыстолюбием, алчностью, гордыней и иными человеческими страстями» [4, с. 43]. Ухудшение экологической ситуации митрополит также связывает с разрушением традиционной системы ценностных ориентаций, падением нравов, духовным кризисом, что приводит «к вырождению личности, общества, окружающей среды» [5, с. 61].

В православной богословской литературе обнаруживается новая интерпретация христианского аскетизма. Вместо традиционной этики индивидуального спасения проповедуется «изменение образа жизни и удовлетворение необходимых нужд человека, когда не наносится ущерб природным запасам планеты» [6, с. 13]. Аскеза понимается как изменение «менталитета эгоистической эксплуатации окружающей среды». Долгое время христианская позиция по отношению к природе выводилась из интерпретации антропологии Ветхого Завета. Человек рассматривался как венец божественного творения, повелитель всего, что его окружает. Человеческая деятельность понималась как отражение мировой активности Бога, поэтому человеку давалась возможность преобразовывать действительность. Современные богословы, ссылаясь на Священное Писание, заявляют о том, что Бог завещал людям не только возделывать, но и хранить землю.

Православной церковью реализовывается целая программа в области охраны окружающей среды. Это проведение лекций и бесед по вопросам бережного отношения к природе, мероприятия по благоустройству и наведению порядка на прихрамовых территориях, кладбищах, памятных местах, оказание духовной, социальной, психологической помощи лицам,

пострадавшим от стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций и т. д.

Заключение. Таким образом, из вышесказанного следует, что, во-первых, современное православие продолжает отстаивать непогрешимость православной духовной традиции, основанной на трудах отцов церкви и византийском мистико-аскетическом богословии. Во-вторых, обнаруживается тенденция поворота церкви к социальным проблемам. В деятельности служителей культа реализуется идея социального служения. Представители духовенства занимаются воспитанием подрастающего поколения, пропагандой здорового образа жизни, оказанием благотворительной помощи населению, принимают участие в научных конференциях, где обсуждаются вопросы о духовно-нравственном возрождении общества, значении христианских ценностей в современном мире.

Литература

1. Смолич, И. К. Русское монашество 988-1917 гг. (Возникновение, развитие и сущность): Приложение к «Истории русской церкви» / И. К. Смолич. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1997. – 606 с.
2. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Святая Русь. – 2000. – № 2. – С. 59.
3. О социальной концепции русского православия / Л. Н. Митрохин [и др.]; под общ. ред. Л. Н. Митрохина. – М.: Республика, 2002. – 398 с.
4. Текущие события // Минские епархиальные ведомости. – 2006. – № 3. – С. 42–43.
5. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Миропорядок личности / Филарет // Минские епархиальные ведомости. – 2006. – № 3. – С. 60–64.
6. Василий (Караяннис), епископ Тримифундский. Экологические принципы и ценности Православной церкви / Василий (Караяннис) // IX Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры «Церковь и ответственность за творение», Минск, 23–26 мая 2003 г.: в 2 ч. / Европейский гуманитарный ун-т, Бел. гос. ун-т культуры. – Минск, 2004. – Ч. 1. – С. 12–13.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЕМЬИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

New MFC is effective from September 1, 1999. It defines the scope of the Republic of Belarus relations, which are governed marriage and family law. The need to strengthen families, build family relationships on voluntary marriage, men and women, equality of spouses in the family, the rights of children, rights and responsibilities of spouses, parents and other family members, maternity, paternity, the legitimate rights and interests of children determines the orientation of modern law activities.

Введение. С 1 сентября 1999 г. вступил в силу Кодекс Республики Беларусь о браке и семье.

Кодекс состоит из 8 разделов («Общие положения», «Брак», «Семья», «Охрана детства», «Акты гражданского состояния», «Применение законодательства о браке и семье Республики Беларусь к иностранным гражданам и лицам без гражданства», «Применение законодательства о браке и семье иностранных государств и международных договоров», «Заключительные положения»), 25 глав и 241 статьи.

Ныне действующий Кодекс содержит положения, которые отличают его от ранее действовавшего Кодекса о браке и семье.

Основная часть. Задачами Кодекса являются укрепление семьи, недопущение ослабления и разрушения семейных связей, построение семейных отношений на добровольном брачном союзе мужчины и женщины, равенстве прав супругов в семье, установление прав детей, прав и обязанностей супругов, родителей и других членов семьи, охрана материнства, отцовства, законных прав и интересов детей. Общие положения Кодекса определяют сферу отношений, регулируемых им, устанавливают, что признается только брак, заключенный в государственных органах, способы защиты прав, исковую давность и исчисление сроков.

Раздел «Брак» претерпел значительные изменения. Их возраст брачный возраст остался прежним (18 лет), но снижение его возможно (не более чем на три года) при рождении совместного ребенка или наличии справки о постановке на учет по беременности, а также в случае объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипации). Снизить этот возраст вправе уже не исполком, а орган, регистрирующий акты гражданского состояния. При заключении брака либо в любое другое время супруги могут подписать Брачный договор, что является нововведением для республики. Брачный договор определяет соглашения о совместном имуществе и имуществе каждого из супругов, порядке раздела совместного имущества и материальных обязательствах по отношению друг к другу в случае расторжения брака; формах, методах и средствах воспитания детей; месте проживания детей, размере алиментов на них, порядке общения с

детьми отдельно проживающего родителя и другие вопросы содержания и воспитания детей в случае расторжения брака. Вообщем в Брачном договоре могут быть предусмотрены самые разные нюансы, если только при этом не нарушаются права и законные интересы других лиц. Брачный договор должен быть заключен в письменной форме и удостоверен у нотариуса. При этом следует заметить, что при разрешении споров суд будет руководствоваться Брачным договором, а не нормами Кодекса. Регламентация прав и обязанностей супругов не претерпела каких-либо существенных изменений, за исключением тех случаев, когда эти вопросы регулируются Брачным договором.

А вот для расторжения брака введен только судебный порядок. При этом предусмотрено, что при приеме искового заявления суд предоставляет супругам трехмесячный срок для принятия мер к примирению или решения спорных вопросов. При рассмотрении иска суд может предоставить дополнительный срок для примирения до шести месяцев. Но когда уже вынесено решение о расторжении брака, идти в отдел загса за получением свидетельства о расторжении брака не потребуется. Штамп в паспорт о разводе поставят в суде после уплаты государственной пошлины. При расторжении брака в целях обеспечения законных прав своих несовершеннолетних детей супруги могут заключить Соглашение о детях в порядке, предусмотренном для заключения мировых соглашений. В этом Соглашении родители оговаривают все спорные вопросы, касающиеся проживания, содержания и воспитания детей. Если же супруги не достигли согласия и не заключили Соглашение о детях, суд при вынесении решения о расторжении брака определяет, при ком из родителей остаются дети, порядок участия в их воспитании отдельно проживающего родителя, а при наличии спора – с кого из родителей и в каком размере взыскиваются алименты.

Установление происхождения детей от родителей, состоящих между собой в браке, дополнено нормой, определяющей происхождение детей, родившихся в результате искусственного оплодотворения. Так, матерью ребенка, рожденного в результате зачатия из яйцеклетки, изъятной из организма другой женщины, является женщина, родившая этого ребенка.

А муж, давший согласие на оплодотворение своей жены, является отцом ребенка и не вправе оспаривать свое отцовство. Оспаривать запись о родителях ребенка не вправе лица, явившиеся донорами материала для искусственного оплодотворения, как не вправе и мать ребенка предъявлять иск об установлении отцовства к мужчине, явившемуся донором материала для искусственного оплодотворения. Если же родители не состоят в браке, происхождение детей устанавливается путем подачи совместного заявления матерью и отцом ребенка в государственный орган, регистрирующий акты гражданского состояния. Но если мать ребенка лишена родительских прав, то установление отцовства возможно только в судебном порядке.

В Кодексе появился новый раздел «Семья», где впервые на законодательном уровне определены такие понятия, как семья, близкое родство, свойство, многодетная семья и неполная семья. Так, для всех нормативных актов под близкими родственниками следует понимать родителей, детей, родных братьев и сестер, деда, бабушку и внуков (супруги близкими родственниками не являются). Согласно статье 59 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь, семья – это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления. Другие родственники супругов, нетрудоспособные иждивенцы, а в исключительных случаях и иные лица могут быть признаны в судебном порядке членами семьи, если они проживают совместно и ведут общее хозяйство. Основаниями возникновения прав и обязанностей семьи являются:

- брак, зарегистрированный в государственных органах, регистрирующих акты гражданского состояния;
- родство, удостоверенное в установленном законом порядке;
- усыновление (удочерение);
- установление отцовства.

Права и обязанности членов семьи перечислены в статье 65 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь. Семья обязана содействовать реализации прав и интересов членов семьи, на нее возлагается ответственность за воспитание и содержание детей, их защиту. За семьей признаются преимущественное право и обязанность определять формы, средства и методы воспитания детей. Обязанности семьи по отношению к детям определяются правами детей, установленными Кодексом о браке и семье и другими актами законодательства Республики Беларусь. Кроме того, семья является естественной средой ребенка. Воспитание детей в семье охраняется и поощряется государством.

В целях полноценного содержания и воспитания детей в семье государство обеспечивает семьям, имеющим детей, выплату пособий, пользование детскими учреждениями, предоставление льгот, создание дополнительных социально-экономических условий в соответствии с законодательством. Особой поддержкой, вниманием и заботой пользуются многодетные семьи, семьи, принявшие на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей. Родители, а также иные лица и учреждения, принимающие участие в воспитании ребенка, в соответствии с законодательством несут ответственность за ненадлежащее воспитание детей. Воспитание признается ненадлежащим, если не обеспечиваются законные права и интересы ребенка и у него не формируется устойчивый иммунитет к асоциальному поведению, к нарушению законов государства, прав и законных интересов других людей. При ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию детей или при злоупотреблении родительскими правами дети вправе обратиться за защитой своих прав и законных интересов в органы опеки и попечительства, прокуратуру, а по достижении четырнадцати лет – и в суд.

В разделе также определены права и обязанности семьи, установлена ответственность за воспитание детей. Закреплено и право несовершеннолетних, достигших 14 лет, обратиться в суд за защитой своих прав и законных интересов.

Статья о лишении родительских прав дополнена новым основанием для лишения родительских прав – подача родителями письменного заявления об отказе от ребенка. Кроме того, установлено, что при отказе без уважительных причин взять ребенка из родительского дома и других детских учебно-воспитательных и лечебно-воспитательных учреждений можно при обязательном предъявлении иска о лишении родительских прав.

Наиболее оптимальным вариантом взыскания алиментов по мнению практических работников является взыскание в процентном отношении к заработку (доходу): 25% – на одного ребенка, 33% – на двух детей, 50% – на трех и более детей. Однако виды заработка (дохода), из которых производится удержание алиментов, определяются Правительством. Поскольку реально существует так называемая «безработица» предприятий, а значит, лица, обязанные платить алименты, становятся неплательщиками не по своей воле, поэтому на время простоя алименты на детей выплачиваются из средств Фонда социальной защиты с последующей компенсацией этих сумм предприятием. Если же работник, обязанный к уплате алиментов, по инициативе администрации отправляется в отпуск с сохранением 2/3 заработка, то с недопо-

лученной части заработка алименты взыскиваются в том же порядке. Эта норма введена в целях защиты интересов детей. Раздел предусматривает и взыскание с родителей средств на содержание детей, помещенных в детские интернатные учреждения на государственное обеспечение, в опеку, приемную семью. Взысканные средства перечисляются на счета этих учреждений, а взыскание алиментов прекращается по определению суда. За уклонение от уплаты средств на содержание ребенка виновное лицо несет ответственность такую же, как за уклонение от уплаты алиментов.

Глава, определяющая порядок усыновления, дополнена статьями, регламентирующими порядок выявления и учета детей, оставшихся без попечения родителей. Впервые закреплены принцип приоритетности воспитания детей в семье и формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, включая, помимо традиционных – усыновления, опеки и попечительства, детских интернатных учреждений, такие новые формы, как приемная семья, опекунская семья, патронатное воспитание. Что касается усыновления, то введен новый порядок, согласно которому усыновление производится судом по месту жительства ребенка или усыновителей. Усыновление детей иностранными гражданами производится Минским городским или областными судами. Интересы ребенка в этом процессе представляют органы опеки и попечительства, а при международном усыновлении – и Национальный центр усыновления. Учет детей, подлежащих усыновлению, и лиц, желающих усыновить детей, осуществляется органами опеки и попечительства и Национальным центром усыновления; посредническая деятельность по усыновлению детей не допускается. Кодекс четко определяет, что подлежат усыновлению дети, единственный (один) или оба родителя которых: умерли; лишены родительских прав; дали согласие на усыновление ребенка; признаны в судебном порядке недееспособными, безвестно отсутствующими или умершими; неизвестны.

Глава «Опека и попечительство» развивает и дополняет нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь в части установления опеки

и попечительства над несовершеннолетними детьми, оставшимися без попечения родителей.

Еще один новый раздел включен в Кодекс – «Охрана детства», нормы которого соответствуют Конвенции о правах ребенка. В разделе содержится определение возрастных границ: несовершеннолетние, малолетние, подростки; закреплены приоритет прав детей, равноправие детей независимо от происхождения, расовой, национальной и гражданской принадлежности, социального и имущественного положения, пола, языка и т. д., социальные и материальные права детей.

Раздел «Акты гражданского состояния» не был подвергнут каким-либо значительным изменениям, за исключением тех случаев, когда требовалось приведение этих норм в соответствие с Гражданским кодексом. А в настоящее время Министерством юстиции готовится Положение о порядке регистрации актов гражданского состояния в Республике Беларусь.

Раздел «Применение законодательства о браке и семье Республики Беларусь к иностранным гражданам и лицам без гражданства» определяет срок вступления в силу и содержит поручения соответствующим органам по приведению законодательства в соответствие с ним.

Заключение. Необходимо отметить, что с момента вступления в силу Кодекса о браке и семье Республики Беларусь в сентябре 1999 г. и до настоящего времени ведется значительная законодотворческая работа в обеспечении и развитии основных положений Кодекса, а также на уровне Президента и Правительства изданы многочисленные акты, направленные на правовую и материальную поддержку детства, молодежи, молодых семей и других важнейших социальных ценностей.

Литература

1. Нечаева, А. М. Семейное право / А. М. Нечаева. – М.: Наука, 1998
2. Якимович, В. Готовятся изменения в КоБС РБ / В. Якимович // Юстыцыя Беларусі. – 2004. – № 8.
3. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь. – Минск: Алмафёя, 2007.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

The article analyses the active law foreseeing administrative responsibility for offences in the field of the custom regulation. The comparative analysis of custom organs powers is conducted on realization of administrative responsibility on administrative code 2007 and administrative code 1984.

Введение. С декабря 1991 г. Республика Беларусь стала полноправным субъектом международного права и начала самостоятельно строить отношения с зарубежными странами в сфере экономических отношений.

Основная часть. Увеличивающиеся ежегодно объемы экспортно-импортных операций и несовершенство правового регулирования в этой сфере повлекли соответственно и многочисленные нарушения действующих правил, установленных таможенным законодательством. Это требовало принятия со стороны государства неотложных мер по пресечению подобных фактов, одной из которых стало совершенствование административной ответственности за правонарушения в сфере таможенной деятельности.

Законом от 3 февраля 1993 г. в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее КоАП) была образована специальная глава 14А «Административные правонарушения, посягающие на установленный порядок таможенного регулирования (административные таможенные правонарушения)» [1], в которой было 47 статей. Это была одна из самых объемных глав Особенной части КоАП по количеству статей, охраняющих общественные отношения в сфере таможенной деятельности.

Административная ответственность была установлена: во-первых, для общего субъекта, т. е. физически вменяемого гражданина Республики Беларусь, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, достигших шестнадцатилетнего возраста, за нарушение действующих таможенных правил; во-вторых, в санкциях статей главы 14А была установлена более жесткая ответственность в виде административного штрафа за нарушение таможенных правил специальным субъектом, т. е. должностным лицом при исполнении им своих должностных обязанностей [2].

Административная ответственность юридических лиц законодателем не была предусмотрена. Она получила свое развитие в многочисленных Указах и Декретах Президента Республики Беларусь [3].

Многолетняя административная практика показала, что обилие многочисленных нормативных актов с административными санкциями вызывали, во-первых, определенные затруднения по их применению у самих таможенных ор-

ганов, а, во-вторых, такая правоприменительная деятельность порождала многочисленные нарекания и у субъектов хозяйствования [4, с. 49]. Это свидетельствовало о необходимости совершенствования законодательства об административной ответственности, в том числе и за правонарушения в сфере таможенной деятельности.

И таким шагом стало введение в действие с 1 марта 2007 г. принципиально нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, а также Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее ПИКоАП).

В пункте втором статьи 1.1 действующего КоАП закреплено, что «настоящий Кодекс является единственным законом об административных правонарушениях, действующим на территории Республики Беларусь. Нормы других законодательных актов, предусматривающие административную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс» [4]. Поэтому принятие Кодексов было направлено, прежде всего, на дальнейшее совершенствование административной ответственности правонарушителей, а также на строгое соблюдение законности всеми участниками административно-деликтного процесса при реализации этого вида юридической ответственности.

Сравнивая ныне действующую главу 14 с упраздненной главой 14А Кодексов об административных правонарушениях, следует отметить, что количество статей, предусматривающих административную ответственность за правонарушения в сфере таможенной деятельности, стало значительно меньше [4, с. 61–62].

На наш взгляд, численное уменьшение составов административных правонарушений было обусловлено тем, что многие статьи бывшей главы 14А предусматривали ответственность за совершение таких противоправных действий, которые в действительности субъектами таможенной деятельности не совершались.

Поэтому законодатель при формировании в новом КоАПе главы 14 упразднил такие статьи и объединил другие по предмету регулирования, сократив таким образом их количество с 47 до 18.

Нововведением в этой главе стало то, что в 16 из 18 статей главы 14 КоАП субъектами административной ответственности стали индивидуальный предприниматель и юридическое

лицо. Особенность их ответственности регулируется статьей 4.8 КоАП. Так, часть первая этой статьи предусматривает привлечение к административной ответственности физического лица как индивидуального предпринимателя, «...если совершенное административное правонарушение связано с осуществляемой им предпринимательской деятельностью и прямо предусмотрено статьей Особенной части настоящего Кодекса. В этом случае привлечение индивидуального предпринимателя к административной ответственности исключает наложение на него административного взыскания, предусмотренного той же статьей Особенной части настоящего Кодекса для физического лица».

И совсем иной подход предусмотрен законодателем в вопросе административной ответственности за правонарушение, совершенное юридическим лицом. В таких случаях в соответствии с частью седьмой статьи 4.8 КоАП привлекаются к административной ответственности как юридическое лицо, так и само виновное должностное лицо [5, с. 31]. В нашем случае это правило распространяется и на субъектов правонарушений, совершенных в таможенной сфере.

Законодатель увеличил количество органов, уполномоченных составлять протоколы об административных таможенных правонарушениях с одного до двух. Это право, наряду с Государственным таможенным комитетом, в соответствии с частью первой пунктом 16 статьи 3.30 ПИКоАП получил еще и Комитет государственного контроля Республики Беларусь [4, с. 226].

Кроме того, сравнительный анализ процессуальной части старого КоАП и нового ПИКоАП показал, что значительно шире стала правоприменительная компетенция таможенных органов. Так, в соответствии со статьями 213 и 234-1 КоАП 1984 г. должностные лица таможенных органов уполномочены были составлять протоколы только по статьям одной главы 14А [5, с. 333]. В то же время пунктом 21 части первой статьи 3.30 ПИКоАП право составлять протоколы об административных правонарушениях предоставлено уполномоченным на то должностным лицам таможенных органов «...по статьям 11.44, 12.23, частям 1–3 статьи 12.27, статье 12.29, частям 1 и 2 статьи 12.30, статьям 13.10, 13.11, 14.1–14.18, частям 1 и 4 статьи 18.20, частям 1 и 2 статьи 23.23, статьям 24.3–24.6 КоАП», т. е. по статьям, которые содержатся в семи главах Особенной части [6]. Вместе с тем число взысканий за нарушение таможенных правил законодатель сократил с пяти до трех. Так, по ранее действовавшему Кодексу к субъекту административного таможенного правонарушения можно было применить следующие виды административных взысканий: штраф; конфискацию предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным

объектом административного таможенного правонарушения; взыскание стоимости товаров и транспортных средств, явившихся непосредственными объектами административного таможенного правонарушения; исправительные работы и административный арест.

Все эти вышеуказанные взыскания, содержащиеся в санкциях статей 193.1–193.18 КоАП, имели право налагать в соответствии со статьей 202 КоАП только суды. Таможенные органы, согласно статье 213 КоАП, были уполномочены рассматривать и налагать административные взыскания по статьям 193.19–193.47 КоАП, санкции которых состояли только из одного взыскания – административного штрафа, размеры которого варьировались в зависимости от вида субъекта.

Сейчас по новому законодательству рассматривать административные таможенные правонарушения в соответствии со статьями ПИКоАП уполномочены суды (ст. 3.2), органы Комитета государственного контроля Республики Беларусь (ст. 3.7) и таможенные органы (ст. 3.12).

Санкции в статьях главы 14 КоАП содержат только такие административные взыскания, как штраф и конфискация. Третье взыскание – «взыскание стоимости предмета административного правонарушения» применяется только в случаях, предусмотренных частью второй статьи 6.12 КоАП. Оно может быть наложено на лицо в случае отсутствия у последнего «...предметов, товаров и (или) транспортных средств, явившихся предметом административного правонарушения против порядка таможенного регулирования...».

Органы Комитета государственного контроля Республики Беларусь и таможенные органы уполномочены налагать на всех субъектов административных таможенных правонарушений такое административное взыскание, как штраф, и только суд имеет право налагать все три вышеперечисленные санкции.

Анализ правоприменительной деятельности за последние три года в сфере таможенного регулирования говорит об устойчивой тенденции роста числа выявленных правонарушений.

Так, по данным Государственного таможенного комитета Республики Беларусь (далее ГТК) в 2005 г. было выявлено 11 493 административных правонарушений, в 2006 г. их число увеличилось до 13 427. В истекшем году правоохранительный блок ГТК Республики Беларусь выявил более 15 000 нарушений действующего законодательства [6].

По нашему мнению, эти статистические данные свидетельствуют о том, что в главе 14 нового КоАП содержится оптимальное число административно-правовых норм, что позволяет, во-первых, более эффективно охранять от противоправных посягательств установленный

порядок таможенного регулирования, во-вторых, оперативно выявлять правонарушения, совершаемые в этой сфере различными субъектами административной ответственности.

Заключение. Таким образом, новое законодательство об административной ответственности позволило, на наш взгляд, во-первых, усовершенствовать административную деятельность правоприменительных органов по выявлению административных правонарушений в сфере таможенного регулирования, во-вторых, она уже принесла государству удвоенный экономический эффект [7].

В заключение сказанному следует отметить, что процесс перманентного совершенствования административной ответственности продолжается и дальше в соответствии с теми преобразованиями, происходящими в области таможенного регулирования.

Так, Законом Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 273-З уже подверглась редакции статья 14.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Соответствующие изменения внесены и в статью 3.12 ПИКоАП. Это свидетельствует о том, что своевременное внесение изменений в действующее административное законодательство позволяет взять под охрану все новые отноше-

ния, возникающие во внешнеэкономической сфере деятельности нашего государства.

Литература

1. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – № 10. – С. 98.

2. О неотложных мерах по защите потребительского рынка: Декрет Президента Респ. Беларусь, 4 сент. 1998 г., № 15 // Собр. декретов, указов Президента и постановлений Правительства Респ. Беларусь. – 1998. – № 26. – 1/2374; Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 115. – 1/1833; 2002. – № 9. – 1/3426.

3. О судебной практике по делам о контрабанде и об административных таможенных правонарушениях: постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 17 июня 1994 г., № 4 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 83. – 6/333; № 115. – 6/343.

4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. – Минск, 2007.

5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. – Минск, 2007.

6. Декларация on-line // Республика. – 2008. – 26 февраля.

7. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2007. – № 175. – 2/1370.

УДК 947.6 «1917»

М. Я. Сяменчык, дацэнт

АБ СТАНЕ ЗАКОННАСЦІ І ПРАВАПАРАДКУ НА БЕЛАРУСІ Ў КАНТЭКСЦЕ РЭВАЛЮЦЫЙНАГА АБНАЎЛЕННЯ РАСІЙСКАГА ГРАМАДСТВА Ў САКАВІКУ – КАСТРЫЧНІКУ 1917 ГОДА

The article dwells upon law and order situation in Belarus in the context of the Revolutionary renewal of Russian society in the period of March – October 1917. General estimation is given to the treatment of this question in scientific and training historical works. The author pays attention to constructive interactions between the Provisional Government, Petrograd Soviets and local Soviets during the establishing of new power bodies. Law and order state is characterized; main reasons for its deterioration are explained; the absence of anti-governmental activity before the October revolution in Belarus is concluded by the author as well.

Уводзіны. Партыйныя гісторыкі Беларусі абыходзілі пытанні аб станоўчых зменах, якія адбываліся ў краіне пасля краху самаўладдзя. Куды большая ўвага надавалася імі стыхійным выступленням народных мас як паказчыку наспявання чарговай рэвалюцыі. У 1997 г. вядомы расійскі навуковец У. П. Булдакоў у манаграфіі «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия» (М., 1997) паказаў прычыны, змест і разбуральныя наступствы такіх «выступленняў». Але, як вынікае з «Гісторыі Беларусі» пад рэдакцыяй прафесараў Я. К. Новіка і Г. С. Марцуля (Мінск, 2007), трактоўка гэтага пытання застаецца нязменнай. У той самы час ў азначаным творы не прыгадваецца канструктыўная дзейнасць Чарговага ўрада і яго мясцовых органаў, стан законнасці і правапарадку, што, акрамя іншага, перашкаджае асэнсаванню прычын наспявання палітычнага крызісу ў краіне, у тым ліку на Беларусі восенню 1917 г.

Асноўная частка. Як вядома, выступленні петраградскіх рабочых 25–27 лютага 1917 г., падтрыманыя салдатамі, прычыніліся да звяржэння і арышту царскага ўрада. Каб прадухіліць эскалацыю палітычнай напружанасці, перасекчы гвалт у дачыненні да афіцэраў і іншых службовых асоб, падпалы паліцэйскіх і судовых устаноў, Часовы камітэт Дзяржаўнай думы і Петраградскі Савет звярнуліся да насельніцтва і ўзброеных сіл краіны з заклікам да яднання, захавання парадку і спакою. Генералітэт ўсведамляў сваю адказнасць за баяздольнасць ўзброеных сіл і надаваў першаступенную ўвагу не лёсу манархіі, а абароне краіны. У выніку 2 сакавіка Мікалай II пасля перамоў з думскай дэлегацыяй і вышэйшым камандаваннем падпісаў два Маніфесты: аб сваім адрачэнні ад трона на карысць брата і аб зацвярджэнні новага кабінета міністраў на чале з Г. Я. Львовым. Варта

адзначыць, што гэты апошні царскі дакумент адыграў сваю станоўчую ролю ў легітымацыі Часовага ўрада.

Дэкларацыя кабінета міністраў, абнародаваная 3 сакавіка 1917 г., успрынялася грамадствам не толькі як праграмны дакумент, але і як правы акт. Абвешчаныя ў ёй правы і свабоды, палітычная амністыя, скасаванне корпусу жандараў, паліцыі і арганізацыя міліцыі сталі неадкладна, яшчэ да з’яўлення адмысловых цыркуляраў укараняцца ў жыццё. Усе кардынальныя палітычныя і эканамічныя пераўтварэнні ўскладаліся на Устаноўчы сход, а да часу яго склікання ўся вышэйшая выканаўчая і заканадаўчая ўлада канцэнтравалася ў асобе ўрада, названага Часовым. Такім чынам, грамадства набывала рэальныя шанцы рэфармавання палітычнай сістэмы, вырашэння ўсіх злободзённых праблем, пабудовы прававой дзяржавы мірным шляхам.

Фарміраваннем новых органаў аховы правапарадку заняліся адмысловыя грамадскія камітэты з апорай на гарнізонных вайскоўцаў і служачых арганізацый па абслугоўванні фронту. Пасля распараджэння губернскіх камісараў, прызначаных урадам замест губернатараў, былыя паліцэйскія і жандары мусілі перадаць міліцыянерам службовыя памяшканні, архівы і зброю. Здаралася, што па ініцыятыве грамадскіх камітэтаў (Бабруйск, Віцебск, Орша) жандары і гарадзкія падваргаліся арышту, але ў далейшым усе яны (прыдатныя да службы ў арміі) перадаваліся ў распараджэнне вайсковых начальнікаў [1, с. 26]. Да таго ж часу па загадзе ваеннага міністра А. Гучкова былі адпраўлены ў адстаўку «нядобранадзейныя» генералы. Пазбавіліся пасады і асобныя судовыя работнікі вышэйшага звяна [1, с. 30] Начальнікі віцебскага [2] і мінскага [3] губернскіх жандарскіх упраўленняў былі прыцягнуты да

следства па справах аб сваёй ранейшай дзейнасці, а начальнік аршанскай жандармерыі – за чарнасоценную агітацыю [4].

Варта заўважыць, што на Беларусі пагроза новаму ладу выявілася не з боку міфічных «ворагаў рэвалюцыі», а ў асобе анархічна настроеных груп вайскоўцаў. Так, 3 сакавіка на станцыі «Корсаўка» Рыга-Арлоўскай чыгункі салдаты «з чырвонымі на грудзях стужкамі» абстралялі афіцэраў [5, л. 4]. У той жа дзень у Рэжыцы група салдат, назваўшыся дэлегатамі з Петраграда, разграміла паліцэйскае ўпраўленне і вызваліла з турмы зняволеных [6, л. 19]. У Рагачоўскім павеце салдатамі было разрабавана шмат памешчыцкіх маёнткаў і яўрэйскіх лавак. Каб прыпыніць пагромшчыкаў, камандаванне накіравала супраць іх вайсковыя часці [7]. У сакавіку сялянскія правапарушэнні не былі характэрнымі для беларускай вёскі [8, с. 10].

Часовы ўрад і камандаванне ўсведамлялі небяспеку аслаблення ўлады. Невыпадкова адразу ж пасля таго, як у гарадах сфарміраваліся грамадскія камітэты, а ў губернскіх і павятовых цэнтрах пачалі дзейнічаць камісары, важнейшым напрамкам іх працы стала стварэнне атрадаў міліцыі і барацьба за строгае выкананне зноў прынятых законаў. З моманту свайго ўтварэння значную ролю ў падтрымцы правапарадку ў гарадах і мястэчках адыгрывалі Саветы рабочых і салдацкіх дэпутатаў. Высокая ступень арганізаванасці і палітычнай свядомасці жыхарства спрыяла захаванню законнасці. Менавіта гэтыя якасці дазволілі падаўляючай большасці рабочых яшчэ да склікання Устаноўчага схода ў межах існаваўшага заканадаўства дамагчыся 8-гадзіннага працоўнага дня, рэалізацыі дэмакратычных правоў і свабод.

У ліку першых крокаў Часовага ўрада па вырашэнні жыццёвых праблем грамадзян было абвешчана 25 сакавіка «хлебнай манополіі», у адпаведнасці з якой харчовыя прадукты з сялянскіх і памешчыцкіх гаспадарак мусілі прадавацца толькі дзяржаўным нарыхтоўчым службам. З той жа мэтай была выдадзена ўрадавая пастанова ад 11 красавіка «Аб ахове пасаваў». Звязаныя з ёй праблемы, у тым ліку рэгламентацыя ўзаемаадносін сялян з памешчыкамі адносна пуставаўшых участкаў, ускладаліся на рэарганізаваныя харчовыя камітэты. Перспектыва вырашэння аграрнага пытання Устаноўчым сходам ставіла ў парадак дня неабходнасць уліку ўсіх зямель і актуалізавала фарміраванне адмысловых зямельных камітэтаў [8, с. 13]. Гэтыя мерапрыемствы патрабавалі велізарнай колькасці работнікаў, з'арыентаваных на рэалізацыю не класаво-партыйных, а дзяржаўных і грамадскіх інтарэсаў. У ліку тых, хто першымі адгукнуўся на ўрадавыя захады, былі менавіта партыйныя дзеячы, найперш эсэры.

Пастанова ўрада аб выбарах усесаслоўных валасных выканаўчых камітэтаў, рэарганізацыі земскіх і гарадскіх самакіраванняў, нізавых харчовых і зямельных камітэтаў ва ўмовах надання ўсім грамадзянам роўных выбарчых правоў абумовіла вызначальную перавагу ў азначаных структурах прадстаўнікоў тых пластоў насельніцтва, якія традыцыйна займалі ніжэйшую прыступку ў сацыяльнай лесвіцы. З улікам салдацкай масы роля так званай «рэвалюцыйнай дэмакратыі» ў фарміраванні органаў дзяржаўнай улады рабілася вызначальнай. Парадак, заснаваны на прынцыпе абрання (а не прызначэння) работнікаў на кіруючыя пасады, стаў звычайнай з'явай. Да лета амаль усе камісары, хто заняў сваю пасаду, «перасеўшы» з крэсла старшыні земскай управы, былі пераабраны [1, с. 118–119]. Але калі крытэрыем вартасці кандыдата на губернскую або павятовую пасаду была яго кампетэнтнасць і адукацыя, то на ўзроўні воласці сімпатыі выбаршчыкаў выклікалі наяўнасць у абранніка домаўладання, добрай гаспадаркі, даверу грамады і г. д. Невыпадкова, што зыхадам пастаноў аб хлебнай манополіі, рацыянальным выкарыстанні пуставаўшых глебы і пашы, у іх ажыццяўленні па прычыне адвольнага тлумачэння мясцовымі работнікамі сталі назірацца маёмасныя правапарушэнні. Так, у маі сяляне Мінскай і Віленскай губерняў, успрыняўшы рэвалюцыю свайго з'езда па зямельным пытанні як законны акт, пачалі секчы лес памешчыкаў, пасвіць жывёлу на іх пашы і г. д. Такія ж з'явы сталі назірацца і на Магілёўшчыне пасля вяртання сялянскіх дэпутатаў з Усерасійскага з'езда Саветаў [9].

Асабліва актыўную ролю ў аграрнай сферы адыгрывалі эсэры, якія пераважалі ў адпаведных урадавых структурах – ад Міністэрства земляробства да валасных зямельных камітэтаў. Менавіта іх намаганнямі яшчэ да аб'явы даты склікання Устаноўчага схода азначаныя камітэты пачалі «браць на ўлік» памешчыцкую маёмасць, а фактычна карыстацца ёю, што выклікала негатыўную рэакцыю кадэцкіх міністраў. Гэтую пазіцыю па няўхільным захаванні існуючага заканадаўства да склікання Устаноўчага сходу ў пэўнай ступені падтрымлівалі правыя меншавікі і эсэры, а таксама народныя сацыялісты. У той самы час большавікі заклікалі да неадкладнай канфіскацыі памешчыцкай маёмасці і перадачы яе сялянам. А восенню заклікі сталі пераходзіць у практычную плоскасць, калі ў Барысаўскім павеце група салдат на чале з П. Голубам ажыццявіла каля 20 такіх канфіскацый [10, с. 344].

Парушэнні законнасці адбываліся і з боку непадкантрольных зямельным камітатам асобных сялянскіх грамад, якія па ўласнай ініцыятыве імкнуліся палепшыць свой дабрабыт за кошт чужой маёмасці. Менавіта гэтая катэго-

рыя сялянства лёгка ішла на кантакт з салдатамі і сумесна з імі дамагалася свайго [11, с. 122]. Як правіла, валасная і павятовая міліцыя была не ў стане прадухіліць такія правапарушэнні і не знаходзіла вінаватых. Аднак на вёсцы сталі ўзрастаць настроі беспакаранасці. Так, законы ваеннага часу, уведзеныя ў краіне на пачатку сусветнай вайны, пасля рэвалюцыі практычна не дзейнічалі. З заканадаўства былі выдалены артыкулы аб смяротнай кары і катарзе. Але нягледзячы на тое, што большасць законаў заставаліся нязменнымі, на практыцы іх выкарыстанне, да прыкладу, супраць парубшчыкаў лесу, было вельмі рэдка.

Варта адзначыць, што асноўная маса сялянства, згуртаваная традыцыямі абшчыны, у дасягненні сваіх інтарэсаў абаранялася, як правіла, на пастановы «сваёй» мясцовай улады, якія нярэдка разыходзіліся з урадавымі законамі. У выніку санкцыянаваную валаснымі выканаўчымі, харчовымі ці зямельнымі камітэтамі перадачу сялянам тых ці іншых угоддзяў памешчыкі ўспрымалі як захоп, анархію і г. д. і апеллявалі да вышэйшых інстанцый або ваеннага камандавання [1, с. 121]. На думку начальніка мінскай міліцыі М. Фрунзе, у маі – чэрвені прычынай непарадкаў у вёсцы з’яўлялася «адсутнасць у многіх месцах зямельных камітэтаў і якіх бы то ні было судоў...» [12]. Зусім невыпадкова таму бытавалі самасуды, пры якіх рабаўнікі збіваліся «да страты прытомнасці» [13].

Нізкая прававая культура вяскоўцаў асабліва выразна выявілася падчас земскіх выбараў, калі сяляне, абураныя незразумелай ім працэдурай тайнага галасавання, успрынятай ім як спроба абману, чынілі гвалт у адносінах членаў выбарчых камісій [1, с. 130].

Аб’ектыўна на проціпраўныя дзеянні сялян уплывала і непаздольная ўрадавая палітыка ў ажыццяўленні хлебнай манополіі, зусім нявыгаднай ім ва ўмовах няўстойлівых закупачных цэн і перабоў цэнтралізаваных паставак тавараў першай неабходнасці. У выніку восенню нават ва ўмовах цяжкага харчовага становішча сялянства зрабілася асноўным пастаўшчыком самагону вайскоўцам [1, с. 172] а яго аб’яцанні аб падтрымцы новага ладу і выкананні законаў выконваліся роўна ў той ступені, на колькі гэта спрыяла абшчыннаму і асабістаму дабрабыту.

Даволі супярэчлівае стаўленне да законнасці і правапарадку назіраліся і ва ўзброеных сілах. Са звяржэннем самаўладдзя і прыняццем прысягі Часоваму ўраду камандаванне адчувала патрэбу вайскоўцаў у абнаўленні армейскіх парадкаў, але яўна недаацаніла небяспеку зніжэння дысцыпліны. Так, у пачатку сакавіка ваенны міністр А. Гучкоў паспрабаваў ўсталяваць у арміі «таварыскія» адносіны праз скасаванне катэгорыі «ніжніх чыноў», а яго пераемнік А. Ке-

ранскі сваёй майскай «Дэкларацыяй правоў салдата і грамадзяніна» [4, с. 79] фактычна падарваў існаваўшую службовую субардынацыю. У выніку разлік урада на ўмацаванне дысцыпліны, адзінства салдат і афіцэраў і як асноўнай мэты – баяздольнасці «рэвалюцыйнай арміі» для працягу «абарончай» вайны, не спраўдзіўся. Дэмакратызацыя армейскага жыцця вылілася ў ліквідацыю поўнаўладдзя камандзіраў, у партыйнае (і міжпартыйнае) і службовае (паміж салдатамі і афіцэрамі) процістаянне, ахапіла фронт і тыл, ўзмацніла антыўрадавыя і антываенныя настроі.

Апошняя акалічнасць выразна адбілася на ўзрастанні колькасці дэзерціраў, барацьба з якімі зрабілася адной з буйнейшых праблем расійскага грамадства. Яе вырашэнне сіламі адных міліцыянераў было немагчымым, у тым ліку па прычыне іх малалікасці, распыленасці і слабай прафесійнай падрыхтоўкі. Невыпадкова таму да барацьбы з дэзерцірствам прыцягваліся цывільныя і вайсковыя ўлады, грамадскія арганізацыі, жыхары гарадоў і вёсак [14].

Узрастанне анархічных працэсаў у арміі і тыле, асабліва пасля правалу летняга наступлення і падзей у сталіцы 3–5 ліпеня, выклікалі прыняцце міністрам-старшынёй А. Керанскім пастаноў аб увядзенні ваенна-рэвалюцыйных судоў і смяротнай кары за пэўныя віды вайсковых злачынстваў [1, с. 148]. Але гэтыя захады плёну не прынеслі, наадварот, далі падставу да абвінавачвання ўрада ў контррэвалюцыйнасці. Карнілаўскі мяцеж канчаткова падарваў давер вайскоўцаў да ўрада і камандавання. Усе далейшыя звароты міністраў, савецкіх і партыйных (акрамя бальшавікоў) лідэраў да салдат з заклікамі да выканання «рэвалюцыйнага абавязку» станоўчага плёну не далі. Лозунг абарончай вайны канчаткова сябе дыскрэдытаваў і быў адкінуты. Вядома, што тая салдацкая маса, якая не падпарадкавалася камандзірам і не выконвала сваіх прамых функцый, ужо не магла быць гарантам дэмакратычных пераўтварэнняў. Яшчэ ў большай, чым у акопнікаў, ступень рэлажэння назіралася ў тылавых часцях.

Варта падкрэсліць, што на Беларусі прысутнасць салдат у гарадах і мястэчках, населеных большай часткай яўрэямі, не гарантвала апошнім поўнага спакою. Так, у сярэдзіне мая «падвыпіўшыя салдаты прыняліся граміць палац» Святаполк-Мірскага, а затым накіраваліся ў Мір з мэтай учынення яўрэйскага пагрому. Становішча выправіў салдацкі камітэт, які выклікаў у мястэчка ўвесь полк і тым уратаваў яго жыхароў [15]. У канцы ліпеня ў Калінкавічах салдаты ўчынілі пагром прывакзальных лавак, а «жыхары ў паніцы сталі ўцякаць у навакольныя вёскі» [16]. Пагроза пагромаў пастаянна прысутнічала ў Бабруйску, Віцебску, Гомелі. Восенню тутэйшыя жыхары з апорай на Саветы

стваралі атрады самааховы. Тым не менш 24–25 кастрычніка пагромы ўсё ж адбыліся ў Глыбокім, Рэчыцы, Ярэмічах (Навагрудскі пав.) [17].

Відавочна, што для ўзброеных людзей заканаў ужо не існавала. У кастрычніку – лістападзе з прычыны незадавальняючага забеспячэння арміі харчовымі прадуктамі, а таксама пад уздзеяннем рэвалюцыйных падзей у Петраградзе на Беларусі парушэнне правапарадку ў выглядзе захопаў панскай маёмасці, рабаўніцтва, гвалтаў набыло масавы характар. Як паведамляў начальнік штаба Заходняга фронту на адрац мінскага губернскага камісара, «...пераважна ў большасці гэтыя злачынствы творацца салдатамі ў раёнах размяшчэння войскаў» [18]. Такія ж прыкладна падзеі адбываліся на Віцебшчыне, з удзелам часцей Паўночнага фронту, а таксама ў «тылавой» Магілёўскай губерні.

Заклучэнне. Такім чынам, па меры палітызацыі грамадскага жыцця, пагаршэння эканамічнага становішча, зніжэння аўтарытэту Часовага ўрада і інш. законы гублялі сілу нават у сялянскім асяроддзі, якое традыцыйна вызначаліся сваёй законапаслухмянасцю. З лета – восені асноўная маса салдат ужо мала адпавядалі статусу абаронцы рэвалюцыі і кіравалася ўласнымі інтарэсамі. Тым не менш у азначаны перыяд на Беларусі не назіралася праяў «рэвалюцыйнага гвалту» або антыўрадавых акцый. Са свайго боку ўрадавыя органы таксама не мелі патрэбы ў каршчкіх акцыях, уласцівых першай рускай рэвалюцыі. Нават ліквідацыя карнілаўскай Стаўкі скончылася без адзінай ахвяры. Відавочна, што восенню на Беларусі прыкметы наспяваючага крызісу не закраналі палітычнай сферы, а адбыліся ў сялянскіх захопах панскай маёмасці, заняпадзе дысцыпліны вайскоўцаў і дэзерцірстве, яўрэйскіх пагромах. Характэрна, што асноўная маса жыхарства працягвала звязваць надзеі на лепшае выключна са скліканнем Устаноўчага схода.

Літаратура

1. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ, 2001. – Ч. I: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. – 200 с.

2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 2533. Воп. 1. Спр. 69. Л. 112. Спра-

вы Віцебскага каменданцкага упраўлення (1915–1917).

3. К делу минской окр яки // Новое варшавское утро. – 1917. – 2 мая. – С. 4.

4. Задержания // Оршанский вестник. – 1917. – 7 мар. – С. 2.

5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 6 2 2 Воп. 1. Справы канцылярыі Віцебскага губернскага камісара.

6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Воп. 3. Спр. 242. Л. 19. Справы Інстытута гісторыі партыі і сацыялістычнай рэвалюцыі пры ЦК КПБ.

7. Погромы // Известия Петроградского Совета. – 1917. – 7 апр. – С. 2.

8. Рьжанкоў, І. М. Сялянства Белар уіс ў вырашэнні грамадска-палітычных і эканамічных праблем (сакавік – кастрычнік 1917 г.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. / І. М. Рьжанкоў; Бел. дзярж. тэхнал. ун-т. – Мінск, 2006. – 24 с.

9. Аграрное движение // Народное слово. – 1917. – 20 июня. – С. 4.

10. В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте / Под ред. Н. А. Халипова, Н. М. Мешкова. – Минск: Гос изд-во БССР, 1957. – 372 с.

11. Смольянинов, М. М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. / М. М. Смольянинов. – Минск: «Наука і тэхніка», 1991. – 264 с.

12. Аграрное движение // Вестник минского губернского комиссариата. – 1917. – 17 июня. – С. 4.

13. Самосуды // Народное слово. – 1917. – 23 июня. – С. 3.

14. Аресты дезертиров // Вестник минского губернского комиссариата. – 1917. – 1 авг. – С. 4.

15. Разгром дворца Святополк-Мирского // Русское слово. – 1917. – 25 мая. – С. 4.

16. Убийство трех офицеров // Рабочая мысль. – 1917. – 28 июля. – С. 2.

17. Сяменчык, М. Я. Дэмакратызацыя грамадска-палітычнага жыцця і рэцыдывы антысемітызму на Беларусі (вясна – восень 1917 г.) / М. Я. Сяменчык // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2004. – Вып. XII. – С. 14; Разгром магазинов // Народное слово. – 1917. – 21 окт. – С. 4.

18. Телеграмма // Вестник минского губернского комиссариата. – 1917. – 15 нояб. – С. 4.

БЕЛОРУССКИЙ «ПАСЬЯНС» БОРИСА САВИНКОВА

The article gives a brief survey of the political activities of B. Savinkov, analyses his views on the solution of national questions, reveals his role in arranging antisoviet armed actions in Belarus in 1920–1921 and describes his connection with S. Bulak-Balahovich's detachments. The author speaks about unknown pages from the history of activities of Savinkov's "People's alliance for defence of Motherland and Freedom". In clause shows, how B.Savinkov's terrorist activity and its colleagues has been interrupted in Belarus. Savinkov's project to establish democracy by terror has resolutely been rejected the working people.

Введение. Среди известных политических деятелей прошлого особое внимание историков, публицистов привлекает фигура Бориса Савинкова. О его судьбе написано немало. Подавляющее большинство работ посвящено его террористической деятельности, борьбе против советской власти. Зачастую образ Б. Савинкова предстал в виде декадентствующего индивидуалиста, человека без идеалов и в политике, и в литературе. В последнее время судьба Б. Савинкова стала привлекать внимание своими сложными перипетиями, идеологическими зигзагами, смятениями и разочарованиями, терзавшими его душу, представлявшими многогранные воплощения трагической истории России первой четверти XX в. [1, 2, 3, 4].

Основная часть. Савинков Борис Викторович родился 19 января 1879 г. в Харькове. Сын варшавского судьи и известной писательницы в начале своего политического пути, после некоторых раздумий и исканий, стал на позиции Партии социалистов-революционеров. Он принял активное участие в деятельности ее Боевой организации. Соучастник убийства министра внутренних дел В. Плеве и великого князя Сергея Александровича, ряда других террористических актов Б. Савинков одно время разочаровался в партийной деятельности и сосредоточился на литературе. Но Февральскую революцию принял с воодушевлением и был назначен управляющим Военного министерства Временного правительства. Вскоре он убедился, что Временное правительство не в состоянии вывести страну из кризиса и его взоры обратились к военным, считавшим, что только путем диктатуры можно обеспечить политическое спокойствие и провести необходимые преобразования. Савинков поддержал генерала Л. Корнилова, за что под давлением левых сил был снят со всех постов, а 9 октября 1917 г. постановлением ЦК социалистов-революционеров исключен из партии. [5].

Октябрьскую революцию Савинков встретил враждебно. После ряда неудавшихся попыток организовать военные выступления против большевиков он в Москве весной 1918 г. создает «Союз защиты родины и свободы»,

провозгласившим борьбу за «единую и неделимую Россию», верность союзникам, незыблемость власти Учредительного собрания, передачу земли крестьянам. В эту организацию принимали всех, кто признавал указанную программу и давал клятву с оружием в руках бороться с большевиками. Однако вскоре савинковский «союз» был обезврежен чекистами. Его руководителю удалось скрыться. Вместе с оставшимися на свободе соратниками он организовал в июле 1918 г. мятежи в Ярославле, Рыбинске и Муроме. Мятежи были подавлены, однако савинковцы оставили свой кровавый «след» – от их рук погибли не только советские активисты, но и многие простые граждане [2, с. 173–174].

Тем не менее «заслуги» Б. Савинкова «по достоинству» были оценены адмиралом Колчаком. Верховный правитель Сибири назначил террориста своим представителем в Париже. Благодаря усилиям Б. Савинкова Колчаку из европейских стран потекли оружие, боеприпасы, продовольствие, обмундирование. Однако вскоре давний школьный друг Б. Савинкова Ю. Пилсудский предложил ему заняться «настоящим» делом – формированием так называемой «русской армии», которую польское руководство намеревалось использовать против советской власти в Беларуси. После недолгих колебаний Б. Савинков согласился.

Б. Савинков в 1918 г. в Варшаве создает Русский политический комитет. Другой деятель, мобилизованный Ю. Пилсудским, так называемый «начальник белорусского войска» Белорусской Народной Республики С. Булак-Балахович – Белорусский политический комитет, руководителем которого становится П. Алексюк. В его подчинении находились отряды «Зеленого дуба», созданные еще в 1919 г. Основу этой организации, как указывалось в отчете генерального штаба польской армии, «составляли банды дезертиров без определенного плана действий, однако с оттенком националистическим и антисоветским». Отряды «Зеленого дуба» в то время в своей деятельности руководствовались директивами разведывательного отдела генштаба польской армии.

Во главе «Зеленого дуба» стоял атаман «Деркач» (В. Адамович), который одновременно являлся и начальником «вооруженных сил» этой организации [6, с. 252].

По замыслу Пилсудского, Б. Савинков и С. Булак-Балахович должны были объединить эту разношерстную публику, обучить и подготовить для осуществления военных операций под эгидой Польши против Советской России и Советской Беларуси. Оба террориста рассчитывали привлечь на свою сторону ту часть крестьянства, которая была недовольна большевистской политикой «военного коммунизма», «коммунистическим чванством», исходящим от отдельных представителей новой советской бюрократии, а также многих солдат и офицеров, уставших от гражданской войны. Между тем у «батьки» (так называли С. Булак-Балаховича) и известного в прошлом эсеровского террориста сложились неприязненные отношения. Основанием для недовольства Б. Савинкова послужили грабительские действия балаховцев, хищения выделенного имущества, постоянные кутежи «национальных борцов». Однажды в разговоре с первым польским маршалом Б. Савинков назвал С. Булак-Балаховича бандитом. Ю. Пилсудский на это рассмеялся и ответил: «Да, бандит... Мы об этом знаем... Но у него нет гонора золотопогонных генералов, мечтающих возродить в России монархию... Он воюет с большевиками, поэтому мы его поддерживаем, пусть они будут хоть неграми, но если борются с советами, значит, они наши союзники». После этого разговора с Ю. Пилсудским Б. Савинков на страницах своей газеты «За свободу» не раз цитировал лозунг «Хоть с чертом, но против большевиков» [4, с. 8].

В октябре 1920 г. армия С. Булак-Балаховича, насчитывающая более 20 тыс. человек, двинулась в направлении Мозырь – Речица – Гомель. В ее составе находился и Савинков. 10 ноября балаховцы захватили Мозырь. Против балаховцев выступили регулярные части Красной Армии. После ожесточенных боев к 20 ноября основные силы балаховских банд были разгромлены. Спасаясь от окружения, остатки балаховской армии бежали к советско-польской границе. Они беспощадно убивали и грабили местное население. 174 разрушенных населенных пункта, 1100 человек убитых и 150 раненых – таков кровавый итог «освободительной миссии» Савинкова – Булак-Балаховича на территории Советской Беларуси осенью 1920 г. [6, с. 253].

После неудавшегося «похода» Савинков возглавил Русский эвакуационный комитет, который занимался оказанием материальной помощи интернированным в Польше 20 тысячам солдат и офицеров русской армии. Для новых

авантюр Савинков получил в начале 1921 г. от польского правительства 20 млн. долларов. Вскоре поступила очередная добавка в размере 15 млн. долларов [7]. На антисоветские авантюры польские паны не скупились.

Савинков вновь мысленно возвращается в Беларусь, к перипетиям мозырского «похода». Порой его мучают угрызения совести о кровавых злодеяниях, которым он пытается найти оправдание, задумывается об отношении местного населения к «освободителям». Результатом этих размышлений и оправданий стало появление очередного литературного опуса «Конь вороной», в котором Б. Савинков обыгрывает библейскую заповедь «Не убий». «Хищный зверь убьет, когда голод измучает его, человек – от усталости, от лени, от скуки. Такова жизнь. К чему же тогда покаяться? Для того, что бы люди, которые не посмеют убить и трепещут перед собственной смертью, празднословили о заповедях завета? Какой кошунственный балаган!» [8, с. 386]. Б. Савинкову чудится конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. Эти конь и всадник, взятые из Откровения Иоанна Богослова, видится ему всепрощением, дающим право насилия над людьми...

Тем не менее из памяти Савинкова не выходила его встреча с белорусским мужиком Степаном Егорычем, объяснившим, почему деревня не поддержала савинковцев и балаховцев. «Я гол, как сокол, и у меня паутина перед образами. Зато сам себе барин. А придут генералы, может быть, и я разживусь, да не хозяином в своей хате, а холуем в барском дворе», – философствовал Степан Егорыч. «Но ведь тебя же по-прежнему порют», – возражал Савинков. На что Егорыч привел свою логику: «Да кто порет-то? Ведь свои. Свой порет, фабричный или мужик... Мы их гадов, небось, одолеем. А бар, пожалуй, не одолеешь...» [8, с. 397–398]. Б. Савинков все чаще задумывается над тем, в чем же спасение России? Спасение генералов и бар? Спасение тех, кого с кровью выплюнул русский народ? Однозначного ответа на эти вопросы террорист так и не нашел.

После кровавого похода в Беларусь Б. Савинков не мог не задуматься и над национальными проблемами. Вместе со своими единомышленниками в 1921 г. выпускает специальный сборник статей по национальному вопросу. Основная мысль авторов выражена предельно ясно: до тех пор, пока в России правят коммунисты, нельзя говорить о самоопределении народов. Падение большевистского строя, по их мнению, неизбежно приведет к признанию независимости не только Эстонии, Латвии, но и Украины, Беларуси. Но Б. Савинков считал, что ввиду сложившихся веками хозяйственных и культурных связей эти народы по-

сле обретения своей независимости могут и должны объединиться в единый союз. Этот союз представляется Б. Савинкову то в виде «будущего Русско-Украинско-Белорусского (Славянского) государства», то «будущих Соединенных Штатов Востока Европы, построенных на началах «равноправного свободного договора» [9, с. 32].

У него были смутные представления, каким образом построить такой союз, каким должен быть союзный договор, ибо антибольшевистский синдром довлел над ним, вынуждал идти на сделки с крайними националистами. Главное для него – разрушить молодые советские республики, посеять хаос, разбудить межнациональные распри, ликвидировать коммунистическую власть, а там, дескать, посмотрим. Савинков скептически относился к федерации, полагая, что ни один из «окраинных» народов на нее не согласится. Поэтому будущий союз ему виделся на зыбкой федеративной основе.

Савинков не обошел вниманием и Беларусь, посвятив ей специальную статью. Здесь, считал автор, политические течения многочисленны и запутаны. Не способствует отчетливой постановке белорусского вопроса и междуособная вражда внутри белорусской интеллигенции. Поскольку было достигнуто соглашение между Русским и Белорусским политическими комитетами о совместных действиях, то Б. Савинков не мог ответить отрицательно на вопрос о независимости Беларуси. Не собираясь льстить белорусским национальным деятелям и дистанцируясь от идей монархической великодержавности, он писал: «Кто признает независимость Латвии, Эстонии, Грузии, Украины, тот должен неизбежно признать право на независимость и младшей ветви русского племени – народа белорусского. Третьего не дано» [9, с. 38]. Как видим, синдром «старшего брата» давал о себе знать. Вместе с тем Б. Савинков не разделял бытовавшее мнение у сторонников «единой и неделимой», что «белорусский язык – не язык, а исковерканное наречие русского».

Вновь возвращаясь к идее союза отделившихся от России народов, Б. Савинков обратил внимание на понимание белорусским народом тою, что насущнейшие экономические и политические интересы связывают его (народ) с Москвой. «Но белорусский народ желает сам распоряжаться судьбой своего государства, желает сам добровольно, без чьего бы то ни было понуждения, заключить с нами союз, либо отвергнуть его; признать свою связь с Россией, либо отвергнуть ее. Это желание законно. Более того, это желание не противоречит ни идее Российской государственности, ни правам великорусского народа» [9, с. 39]. Б. Са-

винков не сомневался, что в конце концов «независимые окраинные государства, в том числе и Белоруссия, в своих собственных интересах войдут в добровольное соглашение с Москвой». Но, разумеется, только без большевистской власти.

Подобные идеи Б. Савинков изложил и в статьях, опубликованных в газете «За свободу». Он старался уверить национальных деятелей, оказавшихся в эмиграции, что «Российская государственность не предполагает формирование единой и неделимой России, как не предполагает непременно формы федерации». Комментируя данные высказывания известного террориста, «Бюллетень Белорусского прессыбюро» (г. Рига) заметил: «Жаль, что Савинков, защищающий теперь право белорусского народа, сам в союзе с поляками способствовал разделу Белоруссии, пытаясь спасти белорусский народ с помощью Балаховича и Алексюка, навязывая белорусскому народу вождей, народом не признанных» [10].

Если отбросить антикоммунистическую риторику, то нетрудно все же увидеть немало рационального в рассуждениях Б. Савинкова: идея союза равноправных народов (можно спорить о предлагавшейся форме такого союза); учет исторически сложившихся экономических и культурных связей; стремление все же дистанцироваться от великодержавного шовинизма Деникина и Колчака. Здравый смысл брал порой верх даже у закоренелого террориста. Однако все идеи Савинкова должны были служить одному – объединению всех антибольшевистских сил и свержению советской власти. Для достижения этой цели он был не прочь разыграть и украинскую, и польскую, и русскую, и белорусскую карту.

Но Савинков не был бы Савинковым, если бы ограничился только благотворительной деятельностью или теоретическими изысканиями. Неумная жажда борьбы с большевизмом в нем не утихала. Он решил воссоздать свой разгромленный в 1918 г. «Союз защиты родины и свободы», добавив к этому названию слово «народный». В программе «Народного союза защиты родины и свободы» (НСЗРС), принятой в июне 1921 г., провозглашались старые цели: борьба против советской власти и коммунистов, передача власти Учредительному собранию. В программе были сформулированы и требования, рассчитанные на привлечение на свою сторону разных национальностей: «Мы признаем право на самоопределение за всеми народами... Мы твердо верим, что после свержения советской власти и установления народовластия все эти народы объединятся вокруг новой России в тесный союз, не стесняющий их интересы, но необходимый для их хозяйственного процветания» [11].

Савинковский НСЗРС стремился создать сеть своих филиалов по всей Беларуси. По линии НСЗРС на территории Польши шла подготовка как с целью заброски в Советскую Россию различных контрреволюционных групп, формировавшихся из числа эмигрантов, интернированных солдат, офицеров и пленных красноармейцев.

В Гомеле был создан Северо-Западный областной комитет НСЗРС, а в губерниях – губернские, районные, уездные и волостные комитеты. В итоге на 1 августа 1921 г. на территории Беларуси насчитывалось 41 банда общей численностью около 1500 человек [12]. Они занимались диверсионной деятельностью на железных дорогах, разрушением других объектов, организацией терактов против советских активистов. По указанию Б. Савинкова военный руководитель НСЗРС С. Павловский объединил все партизанские отряды Игуменского уезда в «Североминскую группу повстанческих отрядов». Эти и другие меры позволили активизировать вооруженные выступления. Если в марте – апреле 1921 г. было осуществлено 36 рейдов на советскую территорию, то в мае – 53, в июне – 52 [13, с. 22].

При этом страдали простые люди. Так, например, отрядом С. Павловского в районе города Полоцка был ограблен и пущен под откос пассажирский поезд, в районе Слуцка совершен налет на местечко Любань, где бандитами убито 20 мирных жителей, а местечко разграблено. В Пуховичах расстреляно 15 евреев, а с жителей взята крупная контрибуция. И таких примеров можно привести немало [4, с. 13]. Как правило, организации НСЗРС действовали зачастую вместе с балаховцами и группами «Зеленого дуба».

Вскоре чекистам удалось парализовать савинковские организации на территории Беларуси. Весомый вклад в разоблачение савинковских агентов и пресечение их враждебной деятельности внес сотрудник ВЧК А. Опперпут-Упелинц. Ему удалось внедриться в руководство Северо-Западного комитета и выполнять задания по дезинформации антисоветской эмиграции. В декабре 1920 г. он привез Б. Савинкову в Варшву портфель фальшивых «секретных» документов [4, с. 18]. Он трижды бывал в Варшаве, познакомился с Борисом и Виктором Савинковыми, другими руководителями НСЗРС. В результате умелых оперативных действий чекистов всего по делу Северо-Западного комитета НСЗРС было привлечено к ответственности 436 человек, из которых 230 человек были приговорены к различным мерам наказания [14].

Учитывая непрекращающиеся вылазки савинковских агентов, направляемых из-за рубежа, чекисты разработали операцию по ней-

трализации Б. Савинкова и его окружения. Была создана легенда, что в СССР активно действует нелегальная организация, которая нуждается в помощи Б. Савинкова. К операции «Синдикат-2» были привлечены белорусские чекисты. В итоге Савинков и его попутчики были арестованы в Минске 15 августа 1924 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Б. Савинкова к расстрелу. Но, учитывая полный отказ от какой бы то ни было борьбы с советской властью и его заявление о готовности честно служить трудовому народу, Президиум ЦИК СССР заменил Савинкову высшую меру наказания лишением свободы на 10 лет.

Сам же он считал, что признанием советской власти, своими покаянными письмами соратникам за рубеж заслуживал прощения. Б. Савинков не мог перенести, что оказался практически никому не нужным. 7 мая 1925 г. он передал письмо Ф. Дзержинскому, в котором снова просил освободить его из тюрьмы, а если это невозможно, то ответить ясно и прямо, чтобы в точности знать свое положение». Его трагический конец был предreshен. В этот же день он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна в тюремный двор.

Заключение. Как известно, в период кризиса, наступившего после первой российской революции, Б. Савинков написал творение «Конь Бледный», в котором откровенно поведал о своих разочарованиях экстремистской деятельностью террориста. В годы гражданской войны Б. Савинков, судя по всему, пережил то, что было сущностью его жизни. «И вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть, и ад следовал за ним». Мог ли он знать, что видения его героя окажутся пророческими? Эти апокалипсические слова – не только эпитафия книги, но и своеобразная характеристика политического пути Бориса Савинкова, террористическая деятельность которого была прервана в Беларуси. Белорусский «пасьянс» Б. Савинкова не сложился и оказался последним в его жизни. Савинковский проект установить демократию путем террора был решительно отвергнут трудовым народом.

Литература

1. Спиридович, А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. – 2-е изд. / А. И. Спиридович. – Петроград: Военная типография, 1918. – 623 с.
2. Голинков, Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.) / Д. Л. Голинков. – М.: Политиздат, 1975. – 703 с.
3. Дивул, Ю. Савинков Борис Викторович, он же Ропшин / Ю. Дивул // Савинков, Б. Воспоминания террориста. – М.: Новости, 1990. – С. 3–18.

4. Виноградов, В. Борис Савинков – противник большевиков / В. Виноградов, В. Сафонов // Борис Савинков на Лубянке: Документы. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 3–23.
5. Ерофеев, Н. Савинков Борис Викторович / Н. Ерофеев // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 544.
6. Сташкевич, Н. С. Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925) / Н. С. Сташкевич. – Минск: Университетское, 1985. – 304 с.
7. Национальный архив республики Беларусь (НА РБ). Ф. 60. Оп. 3. Д. 826. Л. 59.
8. Савинков, Б. Воспоминания террориста / Б. Савинков. – М.: Новости, 1990. – С. 386.
9. Савинков, Б. В. Статьи по национальному вопросу / Б. В. Савинков, Д. Б. Философов, В. В. Ульяницкий. – Варшава, 1921. – С. 32.
10. НА РБ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 29. Л. 23.
11. Центральный архив КГБ Республики Беларусь (ЦА КГБ РБ). Ф. 29. Оп. 1. Д. 8. Л. 121.
12. ЦА КГБ РБ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
13. Гудаў М. В. Узброеная барацьба на Беларусі ў 1921 г. / М. В. Гудаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 3. – С. 18–23.
14. ЦА КГБ РБ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 8. Л. 122.

В. Е. Козляков, профессор

КРОВАВЫЕ СТРОФЫ «ПОЭТИЧНОГО» ТЕРРОРИСТА (О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. БУЛАК-БАЛАХОВИЧА)

The article reveals the terrorist activities of S. Bulak-Balahovich, directed by Polish authorities, on the territory of Soviet Belorussia in 1919-1921, and shows his cooperation with B. Savinkov, a famous terrorist. The author comes to the conclusion that S. Bulak-Balahovich cannot be called "a fighter" for Freedom and Independence of Belarus. In Polish ruling circles and attempts to carry out anti-Soviet plans by means of the western circles also reveals. S. Bulak-Balahovich – the person who possessed certain intellectual abilities. But its own political ambitions obviously prevailed in ostentatious aspiration to serve the Native land.

Введение. В ходе демократизации общества некоторые историки и отдельные публицисты в жгучем желании побыстрее разобраться с так называемыми «белыми пятнами» в нашем прошлом постарались без всяких на то оснований реабилитировать довольно сомнительные персонажи. Логика этих «первооткрывателей» порой бывает довольно простой: если какой-то деятель занимал антисоветские позиции, участвовал в борьбе против коммунистов, то он автоматически объявлялся «борцом за свободу и независимость». С помощью подобной нехитрой эквилибристики, волею отдельных авторов, фашистские прихвостни, отпетые террористы, закоренелые авантюристы, содержавшиеся за счет западных «спонсоров», становятся национальными героями, «борцами против тоталитаризма», «песнярами беларускага Адраджэння».

Такое удивительное перевоплощение благодаря усилиям некоторых авторов произошло с образом Станислава Булак-Балаховича. Террорист, палач, каратель порой представлен современному читателю создателем белорусского войска, организатором гражданской власти на «освобожденных» территориях [1].

Кто же был на самом деле С. Булак-Балахович? И весом ли его вклад в строительство белорусского государства? Постараемся ответить на эти и другие вопросы.

Основная часть. Булак-Балахович Степан Никодимович родился 29 января 1883 г. в имении Мейшты Брагского уезда в семье повара, работавшего на пана-помещика. Окончил агрономическую школу. В 1905 г. пытался защищать крестьян от произвола помещиков, за что уже тогда его стали называть «батькой». С началом Первой мировой войны пошел добровольцем в русскую армию, где дослужился до штаб-ротмистра. Весной 1918 г. вступил в Красную Армию, однако быстро разочаровавшись в большевиках, вместе со своим полком перешел на сторону «белых», под командование Юденича. За взятие Пскова С. Булак-Балахович получил звание генерала. В августе 1919 г. генерал Юденич назначил С. Булак-Балаховича командиром 2 корпуса Северо-Западной армии. Вероятно, именно в этот пе-

риод у С. Булак-Балаховича возникла идея перейти на сторону деятелей БНР, создать белорусское войско.

Бытует версия, будто Юденичу не понравились левозэровские взгляды С. Булак-Балаховича и был отдан приказ «батьку» арестовать. Однако, по свидетельству К. Езавитова, шефа военной миссии БНР в Риге, главная причина размолвки была другой: Юденич не возражал против возвращения балаховцев в Беларусь, но не хотел отдавать им артиллерию и лошадей [2]. Ирония истории заключалась в том, что используя неудачи «белой» армии, С. Булак-Балахович арестовал Юденича и удерживал под стражей его до тех пор, пока не вмешалась английская миссия в Эстонии. Под нажимом англичан «батька» вынужден был Юденича отпустить [3].

Еще в ноябре 1919 г. С. Булак-Балахович установил контакт с миссиями БНР в Латвии и Эстонии. К. Езавитов в рапорте на имя председателя Рады министров БНР А. Луцкевича 6 ноября 1919 г. сообщал, что С. Булак-Балахович выразил готовность перейти на службу к белорусскому правительству, но для начала его отряду необходимо выделить 400 000 марок. «Калі б гэта справа ўдалася – мы б мелі Дзяржаву рэальна праз паўмесяца і мелі б «ваю» тэрыторыю, занятую «сваімі» войскамі», – доказывал К. Езавитов [4].

Одновременно представитель БНР при правительствах балтийских государств К. Душевский направил просьбу к правительству Эстонии выделить на содержание отряда С. Булак-Балаховича 10 000 000 эстонских марок в счет кредита, который правительство БНР обязалось погасить в течение 5 лет [5]. По свидетельству К. Езавитова, была достигнута договоренность с эстонским правительством о денежном и продовольственном содержании отряда до тех пор, пока правительство БНР не сможет взять его на содержание на себя. Однако эстонцы своих обещаний так и не выполнили. А вот США быстро откликнулись на просьбы К. Езавитова, и под видом помощи от американской миссии Красного креста в Риге балаховцы получили продовольствие, медикаменты, белье, одеяла [6].

Видимо, вдохновленный такими податками, С. Булак-Балахович в ноябре 1919 г. написал стихи «Покліч бацькі»:

Праз цёмныя хмары на чуждай старонцэ
Зірнула на нас цёпла-роднае сонцэ,
І гоман пачуў я з роднай стараны:
«Свабода калоціцца ў нашэ ваконцэ.
За бацькаўшчыну ўсталі яе ўсе сыны!»
Сынкі! А мы што жа!
Нам будзе нягожа,
Каб мы не пайшлі на падмогу!
Сьмялей, не аглядайцеся,
Хутчэй сабірайцеся
І будзем гатовы ў дарогу! [7].

Получив такую спонсорскую помощь, уже в марте 1920 г. отряд благополучно прибыл на оккупированную поляками территорию Беларуси. Тут по приказу Ю. Пилсудского он был включен в состав польской армии. А с июня 1920 г. отряд С. Булак-Балаховича уже вел боевые действия против Красной Армии в Полесье.

По замыслу Ю. Пилсудского, С. Булак-Балахович должен был действовать вместе с Б. Савинковым. Но между двумя деятелями сложились неприязненные отношения. Б. Савинков презрительно относился к С. Булак-Балаховичу, называя его «бандитом». В конце концов, не без давления со стороны польского руководства, между Б. Савинковым и С. Булак-Балаховичем 27 августа 1920 г. было заключено соглашение, согласно которому воинское соединение С. Булак-Балаховича политически подчинялось Б. Савинкову, а последний брал на себя обязательства «оказывать по мере возможности свое содействие улучшению снабжения всем необходимым соединению генерала». Кроме того, в соглашении особо подчеркивалось: «Соединение генерала Балаховича принимает программу всех русских соединений на польской территории, во главе которых стоит Б. В. Савинков: а) Учредительное собрание; б) земля народу; в) демократия; г) Союз народов (федерация)» [8].

В октябре 1920 г. «Русская добровольческая армия» под командованием С. Булак-Балаховича, насчитывающая более 20 тыс. человек, двинулась в направлении Мозырь – Речица – Гомель. В ее составе находился и Б. Савинков. Кроме савинковских требований в программе «Русской добровольческой армии» содержался призыв ко всем народам и странам, борющимся с большевизмом, «сплотиться в военную коалицию на поле брани и в политический союз, ни в чем не стесняющий их самостоятельных суверенных прав, для совместной борьбы как с большевиками, так и с монархизмом». Сразу после захвата территорий «освободителям» предписывалось без создания временного военного управления образовать местные учреди-

тельные собрания, которым передавалась вся полнота новой власти [9].

10 ноября 1920 г. балаховцы захватили Мозырь. Именно этот город стал «новым центром белорусской независимости». Проигнорировав соглашение с Б. Савинковым, С. Булак-Балахович объявил себя главнокомандующим всеми вооруженными силами на территории Беларуси. А затем было подписано новое соглашение между Б. Савинковым и С. Булак-Балаховичем о признании «Русской добровольческой армией» независимости Беларуси с последующим согласованием Учредительными собраниями Беларуси и России «окончательной формы взаимоотношений». «Батька» назначил П. Алексюка председателем своего правительства, а эмигрантские правительства В. Ластовского и А. Луцкевича, советское правительство в Минске объявил «свергнутыми» [10].

Против балаховцев выступили регулярные части Красной Армии. После ожесточенных боев к 20 ноября основные силы балаховских банд были разгромлены. Спасаясь от окружения, остатки балаховской армии бежали к советско-польской границе. Они беспощадно убивали и грабили местное население. По свидетельству очевидцев, отступая из Пинска, армия С. Балаховича оставила чудовищные следы грабежей, убийств, пыток невинных людей, изнасилования женщин. Например, после погрома в м. Мацки, где жило 175 евреев, осталось в живых лишь 19 человек, остальные 156 вырезаны [11].

Несмотря на потери, понесенные балаховцами во время так называемого «мозырского похода», польские круги не отказались от мысли использовать и в дальнейшем военные и организаторские способности генерала. С согласия польских властей в Западной Беларуси С. Булак-Балахович создал новые формирования. Финансирование и обеспечение этих сил проводилось через созданный Б. Савинковым в Варшаве «Русский эвакуационный комитет».

До весны 1921 г. только в Речицкой волости насчитывалось свыше 9 тыс. повстанцев. Однако вооруженные формирования оппозиции не смогли противостоять регулярной Красной Армии. Вот почему балаховцами и савинковцами была избрана тактика диверсий и рейдов на советскую территорию при сохранении баз дислокации в Западной Беларуси. Всего до марта 1921 г. на советскую территорию было осуществлено 40 налетов, из них 29 – балаховцами.

При нападении отряды разгоняли советы, убивали коммунистов, советских активистов. Главной целью этих налетов была дестабилизация ситуации в Советской Беларуси и акти-

визация крестьянского движения. Подтверждением этого является и география налетов – из 40 рейдов 30 были осуществлены на Мозырщину, где повстанческое движение было наиболее сильным. Захваченное балаховцами на государственных складах продовольствие частично раздавалось крестьянам. Подобные факты производили на последних определенное впечатление.

Для обострения ситуации использовались и антисемитская агитация и погромы. Осенью 1920 – зимой 1921 гг. отряды С. Балаховича организовали погромы во многих местечках и деревнях, их жертвами стали 7096 человек, из них – 1,1 тыс. убитыми [12].

Поддержка балаховцев со стороны некоторой части крестьянства объяснялась в первую очередь недовольством политикой военного коммунизма. Даже тогда, когда было объявлено, что продразверстка заменена продналогом, недоверие некоторых крестьян сохранялась, и действия балаховцев находили благодатную почву. Однако подавляющая часть крестьянства не принимала балаховские обещания, не мирилась с насилием и жестокостью.

Факты многочисленных бесчинств балаховцев признавали даже люди, не испытывавшие симпатии к большевикам. Военный прокурор в балаховских соединениях С. Лисовский в декабре 1920 г. в специальном рапорте докладывал: «Армия Балаховича представляет собой банду разбойников, которая переправляет награбленное золото. Чтобы занять какой-нибудь город, посылается армия, солдаты которой грабят и убивают. И лишь только после многочисленных погромов, два дня спустя, приезжает Балахович со своим штабом. После грабежа начинаются пьянки. Некоторые солдаты откровенно признаются, что вступили в армию только с целью скопить деньги. Что касается Балаховича, он позволяет грабить и говорит: «Им только остается, что грабить, иначе они отказались бы продвигаться вперед» [13].

Гневный протест против террористических выходок С. Булак-Балаховича выражали белорусские организации, действовавшие в эмиграции. Белорусское национально-политическое совещание (конференция), состоявшееся с участием многих белорусских организаций в Праге в сентябре, решительно осудило действия С. Булак-Балаховича, назвав его «узурпатором и авантюристом» [14].

Неудачи «мозырского» похода и последовавших за ним действий сузили возможности генерала. Тем более что в стычках с красноармейскими частями в 1921 г. погибли балаховские главари Короткевич, Семенец, Войцеховский и др. Сам С. Булак-Балахович, перебравшись в Польшу, одно время пребывал в смятении. Не случайно в августе 1922 г. он даже пытался тай-

но от своих единомышленников зондировать почву о возможности предоставления амнистии для него советским правительством [15]. Но, видимо, осознав тщетность своих надежд и то, что за содеянное нужно отвечать и вряд ли можно ожидать прощения, вновь вернулся на жесткие антисоветские позиции.

Потери балаховцев заставили 2-й отдел генштаба польской армии с 1922 г. постоянно и более тщательно готовить их отряды, действовавшие на территории Советской Беларуси, регулярным «вживанием в их состав постоянных сотрудников-агентов». Однако теперь главный упор делался не на организацию терактов или диверсий, а на выполнение заданий разведывательного характера. Долгое время балаховские группы оставались неуловимыми, поскольку, избегая прямых столкновений с красноармейскими частями, после выполнения конкретных заданий (отдельные теракты, сбор разведанных) уходили на зиму в Польшу. И уже в 1922, 1923, 1924 гг. наличие самостоятельных подпольных балаховских структур на территории Советской Беларуси не отмечалось [16].

Сам С. Булак-Балахович жил в Варшаве, однако его штаб-квартира находилась в Бресте. Кроме того, он владел предприятием по заготовке древесины и лесоразработкам в Беловежской пуще. Имел торговые и деловые связи с английскими фирмами. Вскоре С. Булак-Балахович был вновь востребован польскими властями, но теперь уже для «внутреннего употребления». Дело в том, что на территории Западной Беларуси стали действовать партизанские отряды, поддерживаемые советами. Кроме того, определенные проблемы для польских властей стали создавать послы (депутаты польского сейма) «Белорусского посольского клуба», куда входили 11 белорусских депутатов, главным образом, представители левых течений.

Созванный С. Булак-Балаховичем в Барановичах в августе 1924 г. съезд его организации принял к неукоснительному исполнению задачи, поставленные польскими властями: организовать антипартизанские отряды и выявлять лиц, критически настроенных против польских властей; принять все меры по дискредитации послов «Белорусского клуба»; обеспечить охрану тех митингов, на которых должны быть вынесены постановления, выражающие недоверие белорусским послам за их антипольскую деятельность. Кроме того, было решено установить слежку за белорусскими и украинскими послами (депутатами) сейма и сенаторами с целью своевременного принятия мер против их сбора материалов, дискредитировавших польские власти [17].

Однако подобные призывы успеха не приносили. По сведениям, поступившим из Грод-

ненского воеводства, «население не верит Булак-Балаховичу, а также белорусским организациям и польским властям» [18.] И было за что. Дело в том, что сам С. Булак-Балахович не церемонился со своими подданными. За малейшую провинность их пороли, избивали, а некоторых убивали прямо на месте. Причем сам генерал, по сведениям очевидцев, застрелил несколько человек, работавших на него в Беловежской пуще.

Но подобные рвения С. Булак-Балаховича были «по достоинству» оценены правящей элитой Польши. Когда Ю. Пилсудский готовил свой майский переворот 1926 г., он очень рассчитывал на генерала. И давний приятель первого польского маршала не подвел. В Варшаве накануне известный майских событий С. Булак-Балахович сосредоточил 800 вооруженных людей, готовых выполнить любой приказ Ю. Пилсудского. Говорили, что Ю. Пилсудский за эту помощь обещал генералу должность полесского воеводы, но обещания не сдержал. Разве что в качестве своеобразной компенсации С. Булак-Балаховичу дали возможность приобрести в районе г. Торуня земельный участок размером в 600 десятин [19].

С. Булак-Балахович неоднократно предлагал свои услуги польским властям в организации дальнейших провокаций против СССР. Но те уже проявляли сдержанность и старались обуздать ретивого генерала. Обострение не без того непростых отношений с СССР в то время не входило в планы польской элиты. Поэтому активность и назойливость С. Булак-Балаховича вызывала раздражение польских властей. С июня 1927 г. отношения между С. Булак-Балаховичем и польским правительством резко изменились и сделались натянутыми. Пилсудский отказался от поддержки балаховских организаций. Более того, польское руководство приказало С. Булак-Балаховичу и его организации сдать все имевшееся оружие, но генерал категорически отказался. По некоторым сведениям, С. Булак-Балахович как бы по собственной воле избрал в СССР районом восстания Псковскую область и уже предложил некоторым лицам отправиться туда для его подготовки [20].

Польское руководство поставило крест на замыслах С. Булак-Балаховича. Чтобы подсластить пилюлю, в том же июне 1927 г. С. Булак-Балаховичу как генералу резерва польской армии за время пребывания в резерве с 1921 по 1927 гг. было единовременно выплачено из польского казначейства 40 000 злотых [21]. Чтобы улажить общественно-политические амбиции генерала, поляки предложили ему в 1927 г. возглавить «Союз бывших участников восстаний в Польше», поставивший цель «поднять и укрепить народный дух». С. Булак-

Балахович надеялся, что «Союзу» удастся «развить польское дело в Литве и Беларуси до пределов, диктуемых интересами Речи Посполитой» [22]. Свои обиды С. Балахович постарался выразить в своеобразной поэтической форме:

Сябе самого цаню я ўмеру,
Кажу ад сэрца: ня тыгр, ня рысь,
Я больш падобны сабацы вернай.
Што называюць: Шарак ці Брысь.

...

І лаюць Брыся, чым як змога.
Ня хоча мякка ніхто глядзець,
А хутка будзе ізноў трывога.
Да ўстане шчэ раз стары мядзвездзь.
Як можа болей сабаку трэба,
Падобных Брысю пры баку мець.
Ня біць, ня ляць, а даць ім хлеба,
Слабых бо зломіць стары мядзвездзь [23].

В 1930-е годы С. Булак-Балахович несколько отошел от активной политической деятельности, предпочел заниматься публицистикой и литературой. Он даже издал сборник стихов на белорусском языке. Когда Гитлер 1 сентября 1939 г. напал на Польшу, С. Булак-Балахович посчитал, что негоже ему отсиживаться дома. Он во главе добровольческого отряда участвовал в обороне Варшавы. По одним сведениям, генерал погиб во время боев в сентябре 1939 г., по другим – погиб при невыясненных обстоятельствах.

Заключение. Станислав Булак-Балахович – фигура, разумеется, неординарная, обладавшая незаурядными интеллектуальными способностями. Но его собственные политические амбиции явно превалировали в показном стремлении служить родине. Народ для такого рода деятелей всегда является разменной монетой, объектом для манипуляций и экспериментов, среди которых террористические действия часто занимают далеко не последнее место. Поэтому идеализация подобных личностей, допускаемая порой отдельными публицистами, «презентация» их в качестве «пламенных борцов за демократию» выглядят довольно сомнительными.

Литература

1. Бяляцкі, А. Вершы генерала / А. Бяляцкі // Спадчына. – 1991. – № 6. – С. 16.
2. Центральный архив КГБ Республики Беларусь (ЦА КГБ РБ). Д. 31956-с. Л. 181.
3. Грыцкевіч, А. П. Булак-Балаховіч Станіслаў Нікадзімавіч / А. П. Грыцкевіч. – Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 2. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1994. – С. 121.
4. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. – Т. 1. Кн. 1. – Вільня – Нью-Ёрк – Менск – Прага: Беларускі інстытут навукі і мастацтва,

таварыства Беларускага пісьменства, 1998. – С. 479.

5. Там жа. – С. 518.

6. ЦА КГБ РБ. Д. 31956-с Л. 182, 186-187.

7. Булак-Балаховіч, С. Покліч бацькі / С. Булак-Балаховіч // Спадчына. – 1991. – № 6. – С. 17.

8. Борис Савинков на Лубянке. Документы. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 423.

9. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 60. Оп. 3. Д. 767. Л. 4.

10. Грыцкевіч, А. П. Булак-Балаховіча паход / А. П. Грыцкевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 2. – Мінск, Беларуская энцыклапедыя, 1994. – С. 122.

11. НА РБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 826. л. 13.

12. Гудаў, М. В. Узброеная барацьба на Беларусі ў 1921 г. / М. В. Гудаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 3. – С. 22.

13. Борис Савинков на Лубянке. Документы. – М.: РОССПЭИ, 2001. – С. 442.

14. Архивы БНР. – Т. 1. Кн. 2. – С. 1221.

15. ЦА КГБ РБ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 12. Л. 7.

16. Там же. – Д. 4. Л. 142.

17. Там же. – Д. 4. Л. 49.

18. Там же. – Д. 4. Л. 97–98.

19. Там же. – Д. 5. Л. 33.

20. Там же. – Д. 5. Л. 83.

21. Там же. – Д. 5. Л. 75.

22. Там же. – Д. 5. Л. 246-247.

23. Булак-Балаховіч С. Шарак ці Брысь / С. Булак-Балаховіч // Спадчына. – 1991. – № 6. – С. 17.

АФАРМЛЕННЕ АФІЦЫЙНА-КЛЕРЫКАЛЬНАГА НАКІРУНКУ У БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ Ё ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX СТ.

The article dwells upon the complex process of historical science development in the second half of the XIXth century. After the uprising suppressing in 1864 representatives of official clerical group were the first to study Belarusian history. In their works Belarus was considered to be an integral part of the Russian Empire; the history of Belarus from the very beginning to the times of incorporating its territory by the Russian Empire was believed to be the collapse period being characterized by tough Polish oppression. At dawn of the XXth century these ideas were argumentally disproved by representatives of liberal and democratic group in Belarusian historiography.

Уводзіны. У сярэдзіне XIX ст. у выніку развіцця капіталістычных адносін пачаўся працэс фарміравання беларускай нацыі. Гэты працэс праходзіў у даволі складаных умовах. Беларускае грамадства было расколата па канфесійным прызнаку. Сацыяльныя вярхі грамадства з'ўляліся ў асноўным католікамі і адносілі сябе да палякаў. У той жа час праваслаўе большасцю насельніцтва ўспрымалася як «руская вера» і таму праваслаўнае насельніцтва Беларусі аўтаматычна лічылася рускім. Такая сітуацыя, якую актыўна падтрымлівалі і каталіцкае, і праваслаўнае духавенства, не садзейнічала кансалідацыі беларускага этнасу і адмоўна адбівалася на развіцці этнічнай самасвядомасці беларускага народа. У такіх складаных умовах і адбываўся працэс фарміравання беларускай нацыянальнай гістарыяграфіі. У сярэдзіне XIX ст. гісторыя Беларусі па-ранейшаму заставалася слаба вывучанай. У беларускім і ва ўсім расійскім грамадстве існавалі самыя розныя погляды на мінулае краі. У першай палове XIX ст. вывучэннем Беларусі займаліся ў асноўным польскія гісторыкі, якія разглядалі беларускія землі як усходнепольскія з адпаведнымі гэтану погляду вынікамі. У гэты час з'яўляюцца працы Т. Нарбута, І. Лукашэвіча, А. Рыпінскага, у якіх гісторыя Беларусі паказваецца ў цеснай сувязі з гісторыяй Польшчы, як яе састаўная частка. Сітуацыя пачала змяняцца пасля падаўлення паўстання 1830–1831 гг., калі царскі ўрад павёў актыўнае наступленне на польскі ўплыў на Беларусі. У гэты час і пачаў фарміравацца афіцыйна-клерыкальны накірунак у беларускай гістарыяграфіі. Яго галоўнай задачай з'яўлялася абгрунтаваць і апраўдаць законнасць далучэння беларускіх зямель да расійскай імперыі і паказаць гістарычнае адзінства рускага, беларускага і ўкраінскага народаў. Канчаткова гэты накірунак сфарміраваўся ў другой палове XIX ст. пасля падаўлення паўстання 1863–1864 гг.

Асноўная частка. Паўстанне пад кіраўніцтвам К. Каліноўскага прымусіла расійскіх дзяржаўных і грамадскіх дзеячаў і расійскіх вучоных адкрыць для сябе Беларусь і «беларускае пытанне». Палітыка ўрада была накіравана на пераадольванне наступстваў польскага

ўплыву на беларускіх землях. Пры гэтым любя праявы беларускасці разглядаліся як вынік «польскай інтрыгі». У працах расійскіх гісторыкаў і ў афіцыйных матэрыялах амаль знікае назва Беларусь. Яна замяняецца назвай заходне-рускія губерні або Заходні край. Перад грамадскасцю востра паўсталі пытанні – што гэта за край і які народ яго насяляе. І адказаць на гэтыя пытанні было магчыма толькі звярнуўшыся да вывучэння беларускай гісторыі.

Першымі гэта зрабілі прадстаўнікі ўрадавага лагера. Іх уплыў на беларускую гістарыяграфію у 60–70-я гг. XIX ст. быў рашаючым. Значны ўплыў гэты накірунак аказваў і ў далейшым. Як вядома, галоўнай мэтай паўстання 1863–1864 гг. з'яўлялася адраджэння Рэчы Паспалітай у межах 1772 года. Гэты лозунг знайшоў шырокі водгук у еўрапейскіх краінах. У такіх умовах перад царскім урадам паўстала задача даказаць, што «заходні край» спрадвечна з'яўляецца краем рукам, у свой час сілай захваленым палякамі. Таму на абарону «рускай народнасці і ісконнай праваслаўнай веры» былі мабілізаваны ўсе адміністрацыйна-паліцэйскія, ідэалагічныя і навуковыя рэсурсы. Першай мерай царскага ўрада стала выданне ў 1863 і 1864 гг. пад эгідай міністэрства ўнутраных спраў і ваеннага ведамства двух гістарычных атласаў «Западнаго края». Гэтыя выданні выконвалі перш за ўсё палітычныя і прапагандысцкія задачы, а ўся гісторыя Беларусі да канца XVIII ст. разглядалася як перыяд «іновернага владычства». Аднак царскі ўрад у Пецярбургу і Віленскі генерал-губернатар М. Мураўёў разумелі, што толькі адміністрацыйнымі і прапагандысцкімі метадамі вырашыць пастаўленыя задачы немагчыма. Таму гісторыкам была дадзена мэта навукова даказаць, што Беларусь – гэта спрадвечна рускі край, насельніцтва якога падверглася паланізацыі ў часы Рэчы Паспалітай. Выкананне гэтай задачы ўсклалі на прадстаўнікоў афіцыйна-клерыкальнага накірунку гістарыяграфіі Беларусі, якія ў сваіх працах развівалі тэзісы аб натуральнасці і законнасці дзяржаўнага «уз'яднання» беларускіх і літоўскіх зямель з расійскай імперыяй, аб непрымусовым «уз'яднанні» уніятаў з праваслаўнай царквой на саборы

1839 г. у Полацку, аб паўстанні 1863–1864 гг. як бунце польскіх памешчыкаў, якія спужаліся, што пасля адмены прыгоннага права беларускія сяляне схіляцца ў бок падтрымкі расійскіх улад. Гэтыя гістарычныя погляды прапагандаваліся пад дэвізам «За умацаванне ў заходным краі рускіх гістарычных начал» [1, с. 175].

Актыўнымі праваднікамі гэтай палітыкі ў Беларусі стала Віленская навучальная акруга і падначаленая ёй Віленская археаграфічная камісія, якая разгарнула актыўную дзейнасць па выданні дакументаў, што тычаліся гісторыі Беларусі, Літвы і Украіны. Пры падборы матэрыялаў для публікацый члены камісіі кіраваліся наступнымі думкамі: а) паказаць неабгрунтаванасць польскіх прэтэнзій на гэтыя тэрыторыі; б) паказаць праваслаўнае паходжанне шматлікіх дваранскіх радоў Паўднёва-Захадняга краю, якія толькі пазней сталі каталіцкімі, а значыць і польскімі, і тым самым паказаць рускую аснову Правабярэжнай Украіны і Беларусі; в) даказаць, што Заходні край ніколі не быў шчаслівым пад польскай уладай і толькі дзякуючы ўз'яднанню з Расіяй ён вылечыў усе свае раны і атрымаў магчымасць для далейшага гістарычна-палітычнага існавання. Гэтыя задачы Віленская археаграфічная камісія паслядоўна выконвала на працягу ўсіх гадоў сваёй дзейнасці. Усяго было выдадзена 49 тамоў гістарычных крыніц. Аднак яўная тэндэнцыянасць пры падборы матэрыялаў і даволі нізкі археаграфічны ўзровень выданняў прывялі да таго, што яны не знайшлі прызнання сярод сур'ёзных гісторыкаў і не аказалі эфектыўнага ўздзеяння на грамадкасць.

Другім важным цэнтрам выдавецкай дзейнасці на тэрыторыі Беларусі ў гэты перыяд з'яўляўся Віцебскі цэнтральны архіў старажытных актаў, супрацоўнікі якога апрацавалі і выдалі цэлы шэраг матэрыялаў па гісторыі Віцебшчыны і Магілёўшчыны часоў Вялікага княства Літоўскага.

Вялікую гісторыка-краязнаўчую працу ў Беларусі ў другой палове XIX ст. вялі губернска-статычныя камітэты. У цеснай сувязі з навуковымі цэнтрамі імперыі камітэты праводзілі актыўную працу па зборы і захаванні архіўных матэрыялаў, помнікаў пісьменства і іншых гістарычных крыніц, складалі археалагічныя карты губерняў, стваралі мясцовыя музеі. Вынікам такой працы стала, напрыклад, выданне комплекснага апісання Магілёўскай губерні, а таксама гісторыка-геаграфічныя і гісторыка-статыстычныя апісанні шматлікіх беларускіх гарадоў. Аднак нягледзячы на грунтоўнасць і гістарычную каштоўнасць яны выконвалі акрамя іншага і палітычную задачу – паказаць прыніжаны стан гэтых тэрыторый пад польскай уладай і іх ролю пасля далучэння да Расіі. У выніку дзейнасць Віленскай археаграфічнай

камісіі, Віленскага цэнтральнага архіва старажытных актаў і іншых гісторыка-краязнаўчых цэнтраў Беларусі таго перыяда, якія адстойвалі кансерватыўныя і клерыкальныя погляды на мінулае і сучаснае края, садзейнічала фарміраванню і развіццю ў беларускай гістарыяграфіі ідэалогіі «заходнерусізму».

Прадстаўнікі кансерватыўнага накірунку ў «заходнерусізме» згуртаваліся вакол часопіса «Вестник Западной России», які выдаваўся ў 60–70-х гг. XIX ст. у Вільні пад рэдакцыяй К. Гаворскага. Кожны нумар «Вестника» складаўся з чатырох раздзелаў. Першы раздзел прысвячаўся старажытнай гісторыі Беларусі і Украіны. Тут друкаваліся ў асноўным дакументы па гісторыі праваслаўнай царквы, па барацьбе праваслаўя з каталіцызмам і іншыя архіўныя матэрыялы, якія сталі даступнымі дзякуючы дзейнасці Віленскай і Кіеўскай археаграфічных камісій. Другі раздзел складалі непасрэдна артыкулы супрацоўнікаў «Вестника» на гістарычныя тэмы. У трэцім раздзеле змяшчаліся матэрыялы, якія тычыліся актуальных пытанняў грамадскага і палітычнага жыцця краю. У асноўным публікацыі былі прысвечаны барацьбе з польскім і каталіцкім уплывам на беларускіх землях і палеміцы з тагачаснай прагрэсіўнай прэсай. І, нарэшце, у чацвёртым раздзеле змяшчаліся літаратурныя творы той жа самай тэматыкі. Ужо ў першым нумары рэдакцыя заявіла, што ставіць сваёй галоўнай мэтай барацьбу з «сепаратызмам, які імкнецца парушыць непадзельнасць Расіі, змаганне за адзіную рускую народнасць» [2, с. 23]. У адпаведнасці з гэтымі мэтамі «Вестник» на сваіх старонках усхваляў усё, што служыла справе русіфікацыі краю. Усе публікацыі мелі ярка выражаны тэндэнцыйны характар. К. Гаворскі і яго прыхільнікі даказвалі, што існуе адзіны рускі народ, а ўсе этнічныя асаблівасці беларусаў тлумачылі вынікам польска-каталіцкай экспансіі. Таму гэтыя асаблівасці неабходна як мага хутчэй знішчыць для аднаўлення «спрадвечна рускага характару краю». Аднак крайне рэакцыйны характар выдання і асабістыя якасці яго рэдактара выклікалі незадавальненне нават часткі расійскіх чыноўнікаў і рабілі яго непапулярным сярод насельніцтва краю. Да таго ж у канцы 60-х – пачатку 70-х гг. пазіцыя «Вестника» стала разыходзіцца з пазіцыяй паслямураўёўскай адміністрацыі Заходняга края. У выніку часопіс перастаў атрымоўваць фінансавую дапамогу і ў хуткім часе спыніў сваю дзейнасць.

Найбольш паслядоўным прадстаўніком ліберальнага накірунку ў «заходнерусізме» стаў прафесар Пецябургскай духоўнай акадэміі, ураджэнец Гродзеншчыны М. Каяловіч.

У аснове канцэпцыі гісторыі Беларусі М. Каяловіча знаходзілася ідэя аб вяршэнстве праваслаўя над усімі іншымі рэлігіямі. У сваіх

працах вучоны развіваў тэзіс аб адзінстве інтарэсаў рускага народа, да якога ён адносіў беларусаў і украінцаў. Усю гісторыю Беларусі М. Каяловіч па сутнасці зводзіў да нацыянальна-кафэнсійнага пытання, якое ён вырашаў з пазіцыі славянафільства. Найбольш паслядоўна канцэпцыя Каяловіча выкладзена у яго працы «Лекции по истории Западной России», якая была выдадзена ў 1864 г., а таксама «Чтениях по истории Западной России», якія выйшлі ў 1884 г. Да Заходняй Расіі М. Каяловіч адносіў Украіну, Беларусь і Літву, якія раней уваходзілі ў склад Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай. У якасці галоўнага фактара, які вызначаўся ў гісторыі Заходняй Расіі, гісторык назваў барацьбу паміж Расіяй і Польшчай за ўплыў ў краі. Вучоны падкрэсліваў, што Польскі ўплыў у эпоху феадалізму меў вельмі цяжкія наступствы. Ён садзейнічаў знішчэнню старажытнарускіх дэмакратычных традыцый у грамадскім жыцці, прывёў да нацыянальнай і рэлігійнай дыскрымінацыі мясцовага насельніцтва. Таму падзеі, звязаныя з падзеламі Рэчы Паспалітай, М. Каяловіч ацэньваў як акт гістарычнай справядлівасці, як уз'яднанне спрадвечных пачаткаў Заходняй і Усходняй Русі [3, с. 196]. Праваслаўная рэлігія і царква аб'яшчаюцца ў гісторыі Заходняй Русі галоўнымі цывілізацыйнымі сіламі. Згодна з гэтай пазіцыяй антыфеадальныя выступленні ў XVII–XVIII стст. гісторык разглядае як выступленні заходнярускага народа ў абарону праваслаўнай веры. Пры гэтым поўнаасцю ігнараваліся сацыяльна-эканамічныя прычыны гэтых выступленняў.

Канцэпцыя М. Каяловіча ў сувязі з яе яўнай тэндэнцыянасцю выклікала адмоўную ацэнку з боку расійскай ліберальнай і дэмакратычнай гістарыяграфіі. Так, У. І. Пячэта назваў «Чтения по истории Западной России» цудоўным прыкладам таго, як нятрэба вывучаць гістарычныя з'явы [4, с. 201]. Асноўныя палажэнні М. Каяловіча былі абгрунтаваны абвергнуты ўжо ў 80–90-х гг. XX ст. прадстаўнікамі ліберальнага накірунку ў айчыннай гістарыяграфіі – У. Антановічам і яго вучнямі ў Кіеўскім універсітэце, М. Любаўскім і яго вучнямі ў Маскоўскім універсітэце і інш.

Канцэпцыя М. Каяловіча працягвала існаваць і развівацца ў працах яго вучняў і аднадумцаў. Засвоіўшы ад свайго настаўніка ідэі

вялікадзяржаўя і манархізму, яны развівалі асноўныя тэзісы М. Каяловіча ў канцы XIX – пачатку XX ст. Аднак, нягледзячы на падтрымку з боку кіруючых колаў, якія разглядалі канцэпцыю М. Каяловіча і яго паслядоўнікаў як навуковую аргументацыю і абгрунтаванне русіфікатарскай палітыкі ў Беларусі, накірунак ужо не мог занямаць вядучыя пазіцыі ў гістарычнай навуцы. У канцы XIX – пачатку XX ст. вывучэннем Беларусі актыўна заняліся прадстаўнікі беларускай дэмакратычнай інтэлігенцыі, якія павялі барацьбу супраць афіцыйна-манархічнай вялікадзяржаўнай трактоўкі гісторыі Беларусі.

Заклучэнне. Такім чынам, у другой палове XIX ст. пачынаецца працэс фарміравання беларускай гістарыяграфіі. Ён праходзіў у даволі складаных умовах. Фарміравання беларускай нацыі замаруджвалася сацыяльным і нацыянальным гнётам з боку расійскіх улад, якія наогул адмаўлялі беларусам у праве на самастойнае існаванне. У выніку першымі да вывучэння гісторыі Беларусі звярнуліся прадстаўнікі афіцыйна-клерыкальнага лагера. У сваіх працах яны абгрунтавалі ідэі аб існаванні адзінага «рускага» народа і ўсе асаблівасці беларусаў тлумачылі польскім уплывам. Уся гісторыя Беларусі да ўключэння яе ў склад Расійскай імперыі разглядалася як перыяд цемры і жабрацтва. І толькі ў складзе Расіі беларусы і ў р'яны атрымалі магчымасць пераадоліць усе цяжкасці і зноў аб'яднацца з брацкім рускім народам. Тым самым беларусам па сутнасці адмаўлялася ў праве на самастойнае палітычнае існаванне. Аднак у канцы XIX – пачатку XX ст. гэтыя погляды былі навукова абвергнуты ў працах прадстаўнікоў беларускай ліберальнай і нацыянальнай гістарыяграфіі.

Літаратура

1. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. – Мінск, 1994.
2. Цвікевіч, А. «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадзянскай мыслі на Беларусі ў XIX – п. XX в. / А. Цвікевіч. – Мінск, 1993.
3. Каялович, М. О. Лекции по истории Западной России / М. О. Каялович. – СПб., 1864.
4. Карев, Д. В. Белорусская и украинская историография к. XVIII – н. XX стст. / Д. В. Карев. – Вильнюс, 2007.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ КАДРОВОГО ВОПРОСА В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

The article analyses the main approaches to the problem of the personnel in the system of public education in Belarus in the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century. On the one hand, it reveals the content of «the protective doctrine of education» aimed at preventing the development of public education and training the personnel; and on the other hand, it outlines the views of progressive teachers on reforming the system of public education.

Введение. Развитие новых общественно-экономических отношений в России, вызванных буржуазными реформами 60–70 гг. XIX в., на повестку дня поставило задачу широкого развития народного образования. Наиболее острой в этой связи являлась кадровая проблема, без решения которой невозможна была серьезная реорганизация школьной системы. Политика царского правительства в сфере народного образования характеризовалась двойственностью и непоследовательностью. Одной из главных и постоянных забот министерских чиновников было отсечение из учебных программ всего того, что могло содействовать действительному просвещению народа и пробудить его выйти из патриархального состояния. В темноте и неграмотности подданных царизм видел надежную гарантию своего самосохранения. Вместе с тем, экономическая и культурная отсталость страны побуждали прогрессивно настроенных ученых, писателей, учителей и общественных деятелей глубоко и серьезно заниматься проблемами народного образования и педагогики.

Основная часть. Реакционная школьная политика всячески сдерживала подготовку учительских кадров. Особенно активно правящая бюрократия и высшее духовенство выступали против подготовки народных учителей. Орган Московской духовной академии с открытым цинизмом писал: «Если хотите создать среди самого народа новый класс людей, презирающих народ и ненавидимых народом, класс людей, озлобленных и завистливых; если хотите новый элемент государственного беспорядка – создайте класс сельских учителей» [1, с. 131].

Еще более радикально высказывался Пуришкевич: «Чтобы не было в России революции и укреплялась православная вера, гнать учителей и на их место назначать солдат» [2, с. 301]. Подобные мысли впитала доктрина «охранительного просвещения» графа Уварова, какой она представлялась на низшем, народном уровне.

В России до начала 60-х годов XIX в. не было не только хорошо подготовленных учителей, но даже и народного образования в истинном смысле этого слова. Практически все

должности учителей были заняты лицами духовного сословия или выходцами из образованных крестьян и мещан, «тех грамотеев, которые были в деревне под руками, таким образом, допуская в школы людей без всякой педагогической подготовки, требуя от них только хороших моральных качеств» [3, с. 336].

По подсчетам известного педагога В. Золотова, который в 1864 г. посетил ряд уездов Могилевской губернии, в ее 124 школах учили: из духовенства – 14 человек, причетники – 21, волостные писари – 25, дворяне – 6, отставные солдаты – 6, семинаристы – 1, крестьяне и мещане – 51, которые, «пользуясь общим стремлением народа к образованию, признали учительский труд очень полезным для себя ремеслом» [4, с. 3]. Такие преподаватели только временно могли удовлетворить самые минимальные потребности людей в образовании.

В Беларуси укоренялась государственная модель подготовки учителей, сформулированная в официальных документах и педагогических трудах охранительно-пропагандистской направленностью. Основной задачей учителей считалось проведение государственного курса в процессе своей профессиональной деятельности путем выполнения строго фиксированных обязанностей. Согласно этой модели, содержание педагогического образования должно опираться на такие социально-политические и духовные ценности, как самодержавие, православие, народность. Не желая проводить серьезные и решительные шаги, чтобы поднять народное образование, правительство не собиралось тратить необходимые на этот предмет средства.

В год открытия первой в империи Молодеченской семинарии уже было заявлено, что система семинарий обходится очень дорого. Появились рекомендации открывать однодичные педагогические курсы. Многие предложения решения «кадрового голода» просто не выдерживали никакой критики: с целью избежать больших затрат на подготовку учителей, обучение способных детей вели в народных школах, чтобы «из самих крестьян православной веры могли выходить учителя народных училищ и волостные писари» [5, с. 328].

В 1866 г. такую же мысль поддержал и инспектор Слунский на заседании училищного совета Витебской губернии. Он предлагал создать «образцовые училища», которые бы служили чем-то вроде семинарий. Причем «подготовленный учитель не должен представлять, что ему дается какое-то новое звание, или он перестает быть крестьянином», «рублей за 50, за бочки полторы хлеба и разрешение пользоваться столом вместе с детьми такой специальный учитель с охотой будет работать» [6, с. 135–136].

В 1880-е гг. в сфере народного образования не только государственные чиновники, но и многие общественные деятели пытались сделать процесс обучения более дешевым. Им казалось, что тратить на образование народа по 9,16 коп. на душу населения и учить его в школах со средним бюджетом 270,4 руб. – это роскошь. Поэтому дело образования народа на основе «хорошей дорогой школы» было неосуществимой задумкой. Предлагали широко использовать в народе школы письменности, в которых учительствовали «солдаты, пастухи и иные грамотеи» [7, с. 58].

Сторонники дешевой школы и подготовки учителей нашли опору в церковной православной школе. С начала 1880-х она начала занимать воинственное положение противовеса светской школе. Св. Синод выступил с критикой учительских семинарий и попыток правительства привлечь крестьян в народные училища («высокий» оклад – 150 руб. в год, бесплатная квартира и отопление, намерение создать пенсионную кассу, права государственной службы, освобождение от многих обязанностей и телесных наказаний). Духовное ведомство считало данные льготы дорогим и ненужным подарком, советовала «не вытягивать народных учителей из их среды ... чтобы еще больше не расплодить и без того уже большого и бесполезного класса чиновников». Синод выступал за то, чтобы предоставить духовенству в министерских и народных школах «законное и натуральное первенство». Перевес священника-учителя видели в том, что его не надо было приобщать к жизни в деревне, так как он там жил и работал в своем приходе. Деньги, которые отпускались на заработок учителю, были бы для него «настоящим благоденствием», удвоив доход, что бы «переполнило бы их самой глубокой признательностью к правительству». Не нужно было бы и определять «какой-то правовой статус», ибо роль священника в приходе и отношение к нему местного населения как к духовному пастырю давно установились.

И последнее, что считалось самым главным: при учителе-батюшке никто бы не отвлекался от занятий, не выходил со своего прежнего положения, не обременял бы общество податями и свободой от них [8; с. 39–40, 44].

При назначении на должность учителя кандидаты проходили определенную проверку. Право преподавать имели как лица духовного сана, так и светские. Но первые обладали этим правом, не подтверждая свою компетентность и благонадежность, а светские должны были получить такое. По министерскому указу 1879 г. для допуска на должность учителя нужно было разрешение от губернаторов. Из их канцелярий в дирекции народных училищ высылались свидетельства о политической благонадежности. При подборе учительского корпуса политическая лояльность и поддержка власти была более серьезным аргументом, чем уровень профессиональной подготовки.

Учителей из местных жителей, которые были бы благонадежными, православными (это условие также являлось одним из ключевых) и хорошо знали русский язык, было мало. Определенный вариант решения этой проблемы виделся в привлечении для преподавания лиц из центральных губерний России, «из числа окончивших и не окончивших духовные семинарии».

Уже упомянутый выше В. Золотов открыто критиковал такой подход. Он ставил вопрос: «Какое же будет положение человека без практики в жизни, оторванного от родного места и закинутого в одиночество в край, совсем для него новый, в круг людей, с которыми на первых порах тяжело будет даже объясниться?.. На такое добровольное изгнание может заставить или страшная бедность, или надежда на авось, или искренне миссионерское увлечение делом» [9, с. 8].

Как показало время, желающих было немного. Выходцы из России, которые приехали в Беларусь, получали свое назначение в основном в городских училищах. Параллельно по политическим мотивам с учительских должностей увольняли всех поляков.

Как отмечал известный педагог И. Губкин, в дореволюционной России на подготовку народного учителя установилось два основных взгляда, из которых логически вытекают все требования, предъявляемые к его деятельности в школе. Согласно одному из них, учитель должен обладать небольшим запасом прочно усвоенных знаний, по объему и содержанию своему мало рознящихся от курса той школы, где ему придется преподавать, и техническими приемами самого преподавания, т. е. образование кандидата на учительскую должность ограничивалось прочно усвоенным курсом элементарной школы.

Главная задача учительских семинарий заключалась, по сути, в том, чтобы «путем теоретического обучения и практических упражнений в преподавании у учреждаемых при семинариях школах приготовить учительских кан-

дидатов к простому и плодотворному преподаванию религии, чтения, отечественного языка, письма, счета, пения, отечество- и естествоведения». При этом науки, не имеющие непосредственной связи с прямым назначением семинарии, хотя и признавались желательными и полезными, но не необходимыми для народных учителей. Семинария вполне достигала своей цели, «если разумным преподаванием элементарных знаний могла развить в своих питомцах любовь и способность к дальнейшему самообразованию». Согласно этому, учебный материал элементарной школы служил главным предметом научных занятий в семинариях.

Таким образом, специально-педагогическая подготовка в открытых правительством учительских семинариях и также на педагогических курсах сводилась «к выучке приемов преподавания и практического знакомства с постановкой учебного дела в народной школе, что при отсутствии теоретических познаний по педагогическим наукам придавало означенной подготовке характер ремесленной выучки, а в будущем учителе заставляло видеть не идейного воспитателя подрастающих поколений, а школьного дел мастера» [10, с. 102–103].

Сторонники второй точки зрения утверждали, что учитель должен быть всесторонне развитым человеком, с достаточно широким общим и основательным научно-педагогическим образованием, потому что целью школы в данном случае является всестороннее гармоническое развитие человека, «центр тяжести – в личности ученика; учитель, школа, книжка и сами знания – средства для всестороннего развития человека».

На эти задачи указал еще в XVII в. великий педагог Ян Амос Каменский: «Все учение есть средство к нравственному возвышению человека. Школа должна сообщить молодому поколению то, что просветляет рассудок, направляет волю и постоянно возбуждает совесть, дабы рассудок сделался прозорливым, волю непогрешимую в выборе, а совесть постоянно деятельною. Только такая школа в силах создать народу разумное и счастливое будущее в его сынах и дочерях» [11, с. 114].

Талантливым поборником идеи воспитывающего обучения в применении ее к народной школе был известный педагог-рационалист С. И. Миропольский. Он считал, что выполнение новых задач, стоящих перед народной школой, требует от учителя не одного твердого и отчетливого знания курса элементарной школы, не одной механической выучки ремеслу обучения читать, писать и считать, не одного беспрекословного исполнения чужих предписаний – всех этих данных будет недостаточно, как бы ни был усерден, прилежен, скром и исполнителен учитель.

Выдвижение новых задач одновременно требует учителей иного типа. Для того, чтобы деятельность учителя в школе была вполне продуктивной, а главное – творческой, одного общего образования, которое хоть и имеет огромное значение, ему недостаточно. Педагогически рационалисты того времени подчеркивали, что учитель одновременно должен быть еще и педагогически образованным. Это качество «учащего» обусловлено необходимостью глубокого и тщательного изучения как специальных предметов преподавания, так и знакомства с педагогикой, психологией, антропологией и др., руководством гуманистическими и демократическими принципами. Исходя из этого, учебные заведения, цель которых подготовка молодых людей к учительской деятельности, должны стоять на высоте этих требований [12, с. 3–4].

Существование этих взглядов обусловлено двойным воззрением на цели и задачи народного образования. Возникновение таких воззрений обычно совпадает с теми историческими моментами, когда народ в лице наиболее развитой и образованной части своих сограждан, осознавая всю важность народного образования в жизни государства, начинает стремиться к широкому распространению его в массах. В этих случаях правительство данной страны, разделяя убеждения передовой части общества в огромном значении просвещения, как правило, берет на себя руководство этим новым фактором народной жизни. К этому побуждает его, главным образом, желание придать народному образованию направление, соответствующее его политическим воззрениям.

Опыт истории убеждает нас, что почти все правительства того времени свою задачу в деле распространения народного образования понимали ограничительно, мирясь с ним как с неизбежным злом. С одной стороны, они стремились задержать правильное и прогрессивное развитие школьной сети в стране, с другой – старались сузить саму цель и задачу народной школы. Последней предписывалось воспитывать молодое поколение в духе господствующих в данное время религиозных и политических воззрений и сообщать ему некоторые элементарные знания и умения, полезные в практической, повседневной жизни.

В педагогических исканиях прогрессивной русской интеллигенции (Н. И. Новикова, Н. Ф. Бунакова, С. А. Рачинского, В. А. Золотова, Н. И. Пирогова и др.) постепенно определяется острая социальная направленность, находит яркое выражение идея народности, необходимость формирования у молодого поколения гражданского самосознания и патриотизма.

По-новому подошел к вопросам образования и воспитания К. Д. Ушинский: их задачи,

которые формулируются в уставах и программах, должны быть глубоко осознаны и превращены в нравственные убеждения самими преподавателями. По глубокой уверенности многих деятелей народного образования, ни хорошие планы и программы, ни современные здания учебных заведений и избыток материальных средств – ничто не может заменить одухотворяющего начала школы – учителя. «При всех своих образовательных средствах школа останется мертвой, если душа ее – учитель не будет согрет дыханием новой жизни» [13, с. 373]. Трудно не согласиться, что общественная роль учителя очень велика: он не только является транслятором знаний, но и персонифицирует в своей личности, поведении и отношениях с его окружением духовные и моральные ценности.

Передовая общественность выступала за свободу доступа в ряды учителей, оценку кандидатов по таланту, а не по данным полицейского надзора, высокую теоретическую и практическую подготовку педагогических кадров, свободу деятельности в стенах школы, уничтожение мертвящей бюрократической регламентации и чиновничьего духа.

Заключение. Таким образом, политика правительства в Беларуси в отношении учителей протекла так, чтобы сформировать соответствующего «идеального» труженика в народном образовании. Идеал представлялся российскому школьному руководству в виде толерантного, скромного, незаметного труженика, который бы хорошо осознавал важность учительского долга и преданно служил церкви и царскому престолу. Но жизнь внесла свои коррективы. Революционные события пробудили сознание и ответственность за судьбу народного просвещения в среде передовых и прогрессивно настроенных учителей. Развернулось широкое общественно-педагогическое движение за реформирование всей системы народного образования на демократических началах.

Литература

1. Паначин, Ф. Г. Педагогическое образование в России / Ф. Г. Паначин. – М.: Педагогика, 1979. – 215 с.
2. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост. Э. К. Дорашкевич и др. – М.: Педагогика, 1986. – 462 с.
3. Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884–1909). – СПб.: Синод.тип., 1900. – 686 с.
4. Золотов, В. Записка о сельской грамотности в Могилевской губернии / В. Золотов. – СПб., 1864. – 45 с.
5. Корнилов, И. Русское дело в Северо-Западном крае / И. Корнилов. – СПб.: Тип. А. Суворина, 1908. – Вып. 1. – 504 с.
6. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2507. Оп. 1. Д. 878.
7. Фальборк, Г. Народное образование в России. Исторический очерк / Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. – СПб.: Из-во Попова, Б.Г. – 264 с.
8. Записка о народных училищах. – СПб.: Синод. Тип., 1882. – 48 с.
9. Золотов, В. Записка о сельской грамотности в Могилевской губернии / В. Золотов. – СПб., 1864. – 45 с.
10. Губкин, И. Образовательная и педагогическая подготовка народного учителя / И. Губкин // Русская школа. – 1906. – № 4. – С. 98–116.
11. Митюр св, Б. Н. Ян Амос Каменский и Белорусия / Б. Н. Митюр св // Адукацыя і выхаванне. – 1996. – № 2. – С. 114–124.
12. Миропольский, С. И. Идея воспитания в применении к народной школе / С. И. Миропольский // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1871. – № 1–2. – С. 3–17.
13. Ушинский, К. Д. Избранные произведения / К. Д. Ушинский. – М.: Педагогика, 1968. – 496 с.

ЭСТЭТЫКА МАДЭРНИЗМУ І ТРАДЫЦЫЯ Ў БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ ПЧАТКУ ХХ СТ.

The article reveals specific features of the cultural developments and changes caused by creative unity of archatypical principles of Belarusian national literature and the fine arts with trends of vanguard aesthetics. Art modernization analysis illustrates historical dynamics of culture studies movement under conditions of industrial society forming and Belarusian national liberation movement development.

Уводзіны. Генэзіс беларускай культуры абумоўлены шэрагам фактараў, у ліку якіх геапалітычны, этнаканфесійны, дзяржаўны, цывілізацыйны. Яны вызначылі сацыякультурную прастору Беларусі як зону культурнага дыялога і складвання лакальных цывілізацыйных характарыстык. На думку даследчыкаў беларуская культура адносіцца да тыпу адкрытых, а яе спецыфіку вызначаюць этнаграфічнасць, ярка выяўлены кансерватызм светапогляду і прыярытэт свойскасці над ідэалагічнымі сувязямі, эмацыянальная стрыманасць і паўтанальнасць традыцыйнай эстэтыкі. Пры гэтым гістарычная дынаміка культурных працэсаў адлюстравала актыўную дыфузію і пластыку формаў мыслення, схільнасць да займенняў, да натуральнай арганічна-эвалюцыйнай унутранай перабудовы.

Адпаведныя працэсы былі ярка прадстаўлены культуралагічнымі рухамі пачатку ХХ ст., якія грунтаваліся на культурным самаўсведамленні, самаідэнтыфікацыі беларусаў, на спасціжэнні ўласных унутраных сэнсаў быцця ў іх агульначалавечым вымярэнні. Гэта быў час актыўнага фарміравання беларускай нацыі, складвання нацыянальнай інтэлігенцыі з народнымі каранямі, абуджэння нацыянальнага жыцця і рэвалюцыйнага змагання з усімі праявамі сацыяльнага і нацыянальнага прыгнёту.

Асноўная частка. Дынамізм сацыяльных працэсаў, звязаных з капіталістычнай мадэрнізацыяй форм гаспадарання, усталяванне навуковага светапогляду і структурная перабудова грамадства істотна ўплывалі на эстэтычна-мастацкае афармленне культурнай прасторы. У пачатку ХХ ст. назіралася і сінкрэтычнае, і эклектычнае спалучэнне фальклорных вытокаў, беларускіх культурных архетыпаў, традыцыйных выразных мастацкіх форм з новымі стылявымі накірункамі, выяўленчымі прыёмамі, метадамі. Такое спалучэнне традыцыі і эстэтыкі мадэрнізму ў рознай ступені закранула ўсе сферы беларускага мастацтва, вылівалася ў дыскусійнасць, эксперыментатарства, духоўную актыўнасць. Найперш тэарэтычную абгрунтаванасць і практычнае ўвасабленне новы ідэйна-мастацкі рух набывае ў беларускай паэзіі, якую ў У. Самойла (Суліма) у знакамітым

філасофскім трактаце называе фактарам, што тварыў энергію беларускай нацыянальнай кансалідацыі, узгадваў народнае пачуццё сілы [1]. Станаўленне новай адраджэнскай паэтычнай беларускай мадэлі ў другой палове ХІХ ст. звязана ў першую чаргу з усплескам аўтарскай духоўнай паэзіі, стылёва блізкай да эпічнай народнай духоўнай паэзіі, да трэнавай стылістыкі і барочнага ідэалагічнага «сармацкага» комплексу беларускай літаратуры ХVІІ ст. Пры гэтым яна насычаецца сімволікай, звязанай са стваральнай земляробчай працай па адраджэнні нівы занябанай Бацькаўшчыны.

Пачатак ХХ ст. быў пазначаны нараджэннем авангардных мадэляў мастацкага светаўспрыняцця, якія выступілі ірацыянальным «адказам» на рацыянальнасць, пазнавальнасць і дэ-тэрмінізм рэалістычнай і пазітывісцкай канцэпцыі свету і метадаў мастацкага выяўлення рэчаіснасці. Пераплаўляючы ў новай гісторыка-культурнай сітуацыі элементы барочнай і рамантычнай эстэтыкі, мадэрнізм зноў выказваў прыхільнасць да таямнічасці і містыкі, да гратэску, парадаксальнасці, да заглыбленасці ў патаемны свет душы і пачуццяў. Пэўным чынам наватарскія плыні адбіліся ў адраджэнчаскім неарамантызме Янкі Купалы.

Адмысловым прыёмам купалаўскай паэтыкі з'яўляецца «гістарычная інверсія», якая ўзбуўняла мастацкую ідэю да сімвала, міфалагізавала яе, давала паэтычнаму слову ўзнёслаць і змагарны дух. Драматычная паэма «Сон на кургане» арганічна ўпісвалася ў сімвалісцкую плынь еўрапейскага мадэрнізму, узнаўляючы пераемную сувязь з суб'ектыўна-ідэалізаванымі інтэрпрэтацыямі свету і быцця, уласцівымі ў свой час рамантызму. А яго паэма «На куццю» – твор, пазначаны містычна-рамантычнымі рысамі. Містыцызм як філасофія «абуджэння душы» быў характэрнай рысай новай еўрапейскай літаратуры на злome ХІХ і ХХ стст. Але Купала зрабіў свой акцэнт у карыстанні містычнымі сродкамі паэтыкі: філасофія «абуджэння душы» для яго найперш крышталізуецца як філасофія «абуджэння нацыі» [2].

Рэпрэзентацыю маладой беларускай літаратуры як новай еўрапейскай з'явы правёў нашаніўскі творчы асяродак. У гэтым жа згуртаванні прайшла вядомая дыскусія, падчас якой В. Лас-

тоўскі як адзін з яе ініцыятараў намагаўся вывесці паэзію на іншыя эстэтычныя абсягі, паставіць у цэнтр эстэтычнай мадэлі не «нядолю», а «красу». В. Ластоўскі – свядомы прыхільнік эстэтычнага «краснага», а не «псеўданароднага» спрошчанага пісьменства. Па сутнасці гэта была дыскусія аб суадносінах у мастацтве рэалістычных прынцыпаў і рафінаваных мадэрнісцкіх эстэтычных густаў. Еўрапейскі паэтычны кантэкст патрабаваў, каб у літаратуры тварылася высокім духам новая рэчаіснасць, а не толькі адлюстроўвалася непрыгляднасць і гістарычная праўдзівасць аб мінулым. Да таго ж, каб стаць упоруч з тагачаснымі еўрапейскімі літаратурнымі плынямі, групамі і школамі, беларускаму літаратурнаму руху не хапала менавіта маніфестацыі, дэкларацыйнай праграмы, дыскусійнасці.

Сучасныя даследчыкі нашаніўскай паэзіі адзначаюць яе шматстайныя форматворныя літаратурныя пошукі, спробы абнаўлення паэтыкі, выпрацоўкі новага сугучнага часу стылю, у аснове якіх знаходзіліся рэалістычныя і рамантычныя тэндэнцыі, пераплецення з эстэтыкай мадэрнізму. На думку В. А. Максімовіча, Л. К. Тарасюка, І. Э. Багдановіча ў якасці літаратурна-эстэтычнага фактару беларуская паэзія нашаніўскага кругабегу распрацавала свае версіі тагачасных еўрапейскіх плыняў, творча выкарыстаўшы вопыт сімвалізму, «кларызм» акмеістаў, паэтыку эфектаў, уражанняў і адценняў, распрацаваную імпрэсіяністамі, таксама былі выпрабаванымі і некаторыя прыёмы дэкадансу як «ультра-рэалізму» ў сэнсе распрацоўкі матыву эратычнай абнашчанаасці, так званага «нацюрызму» [3]. А даследчык беларускага сімвалізму П. Васючэнка па-свойму звяртае ўвагу на пераплеценасць традыцыйных і авангардных рыс у феномене нашаніўства. «У Беларусі падчас «нашаніўства» не была зроблена спроба стварыць згуртаванне, якое аб'ядноўвала б творцаў-эксперыментатараў, аднак у складзе рэдакцыі «Наша ніва» узнікла група «парнаснакаў» з адметнымі эстэтычнымі поглядамі. Адны з «нашаніўцаў» актыўна ўспрымалі творчы досвед сімвалізму і перапрацоўвалі яго, іншыя адмоўна ці нават ваяўніча ставіліся да праяў «дэкадэншчыны». Адраджэнскі ідэал, «нацыянальны эрас» лучыў усіх – ад «верленіста» М. Багдановіча да нацыянал-камуніста Цішкі Гартнага» [4].

Адной з праяў новай эстэтыкі выступаў ідэйна-мастацкі рух мадэрна. Само паняцце несла сэнс актуалізацыі духу часу. Мадэрн выказаў імкненне да ўтварэння адзінага сінтэтычнага стылю, які б аб'яднаў усе віды мастацтва, выяўленчыя традыцыі Усходу і Захаду, аднак пры гэтым змог бы адлюстраваць своеасабліва сучаснай культуры. Галоўнай мэтай руху мадэрна стала пераўтварэнне і ўзвышэнне срод-

камі мастацтва паўсядзённага жыцця чалавека праз фарміраванне эстэтычнага арганізаванага гарадскога асяроддзя і прыгажосць прадметаў паўсядзённага ўжытку.

Новыя эстэтычныя погляды прывялі да захаплення стылізацыяй і пашырэння рэтраспектыўнага (эклектычнага) кірунку архітэктуры Беларусі. Сферай пашырэння эклектыкі былі найперш будынкі масавага прызначэння, якія з сярэдзіны XIV ст. шмат у чым пачынаюць фарміраваць новае мастацкае аблічча гарадоў. Асноўны ўпор робіцца на вонкавую дэкаратыўнасць фасадаў пры адвольным спалучэнні ў будынках формы готыкі, рэнесансу і барока. Навучальныя ўстановы і банкі звычайна афармляліся пад рэнесанс, тэатры – пад барока, касцёлы – пад готыку. Праблема нацыянальнай самабытнасці беларускай архітэктуры вырашалася шляхам насычэння шматлікімі этнаграфічнымі і археалагічнымі дэталямі. Для вонкавага аздаблення будынкаў шырока выкарыстоўвалі элементы беларускага мастацтва кавальства (кранштэйны, краты, агароджы).

З канцы XIX ст. на рэтраспектыўна-эклектычным фоне развіваюцца стылі мадэрн і неакласіцызм. Засваенне ў архітэктуры стылю мадэрн павысіла цікаўнасць да дэкаратыўнай керамікі. Вытворчасць буйных маёлікавых архітэктурных дэталей (піястраў, карнізаў, кранштэйнаў, ліштваў) была разгорнута на керамічных заводах у Копысі, Барысаве, Віцебску, Магілёве. Прыкладамі ўмелага выкарыстання паліхромнай керамікі ў беларускім дойлідстве з'яўляюцца Мірская капліца, будынкі Віцебскага і Магілёўскага пазямельна-сялянскага банкаў, будынак атэля «Еўропа» ў Мінску.

У канструкцыйным сэнсе мадэрн на Беларусі развіваўся 2 шляхамі: 1) з арыентацыяй на готыку, на асэнсаванне яе канструкцыйных і форматворчых прынцыпаў; 2) з рамантычнай арыентацыяй на нацыянальныя традыцыі ранняга сярэднявечча. Адметнай рысай ранняга беларускага мадэрна з'яўлялася дэманстратыўнае адмаўленне ад механічных копіяў гістарычных архітэктурных форм, асабліва ўвага да дэкаратыўна-пластычнага афармлення збудаванняў. У перыяд сталага мадэрна (1907–1917 гг.) усталявалася больш трывалая сувязь паміж архітэктурай і функцыяй будынка. Дзея дасягнення мастацкай выразнасці шырока выкарыстоўвалася нацыянальная практыка прымянення дзікага каменю, валуноў, жвіру або галькі пры спалучэнні з тэхнікай цаглянай муроўкі, гладкай або фактурнай атынкаўкі паверхні. Гэта давала магчымасць ствараць яркія каларыстычныя кампазіцыі.

Уздзеянне эстэтыкі мадэрна прывяло да пашырэння неакласіцызму і фарміравання канцэпцыі беларускага неакласіцызму, мастацка-стылявое ўвасабленне якога адзначана ў гра-

мадскай архітэктурны Мінска, забудовах вуліц у Пінску, Гродне, Віцебску.

Трэба зазначыць, што творчыя пошукі архітэктараў па спалучэнні новых кампазіцыйных прыёмаў і форм з элементамі шматлікіх стыляў прыводзілі і да эстэтычных няўдач. Пры пераасэнсаванні архітэктурнай беларускай спадчыны нацыянальная самабытнасць таксама выяўлялася не заўсёды адназначна. Не валодаючы належным запасам гістарычна-мастацкіх ведаў нацыянальнай культуры, некаторыя інтэрпрэтатары не праводзілі межаў паміж беларускай, польскай і рускай архітэктурнымі культурамі. І усё ж гэта быў рух эстэтычнага эксперыментатарства, які спрабаваў злучыць наватарства індустрыяльнага грамадства і мастацкую традыцыю.

Выяўленчае мастацтва разглядаемага перыяду вызначалася багаццем жанраў, стыляў, высокай тэхнікай, звяртаннем да міжнацыянальных эстэтычных каштоўнасцей. Мастакі засвоілі нацюрморт, гарадскі пейзаж, літаграфію, развівалі гістарычны жанр. Папярэдняя тэндэнцыя творчых пошукаў у сферы жывапісу было імкненне пазбавіцца ад акадэмічнага дыктату, паглыбленне ў этнаграфію, быт чалавека і намаганне зазірнуць у яго унутраны свет, якія стымулявала эстэтыка рамантызму. А дух творчай свабоды выходзіла школа жывапісу пры Віленскім універсітэце.

3 другой паловы XIX – у пачатку XX стст. пераважным накірункам мастацкай культуры Беларусі становіцца рэалізм. У рэалістычнай манеры паспяхова працавалі такія знакамтыя і вядомыя беларускія мастакі, як А. Гараўскі, Н. Селівановіч, К. Альхімовіч, Н. Орда і іншыя. Рэалізм жывапісу быў цесна звязаны з рэвалюцыйна-дэмакратычнай эстэтыкай, якая арыентавалася на выхаванне годнай асобы і сацыяльную перабудову грамадства ў адпаведнасці з высакароднымі гуманістычнымі ідэаламі. Таму мастацкія творы часта набывалі сацыяльна-завастаную тэматычнасць, адлюстроўвалі складанае сацыяльнае становішча герояў і іх псіхалагічны настрой.

Пад уплывам ідэйных пастулатаў мадэрна і маніфестаў авангардызму беларускі жывапіс распачынае сваё мастацкае пераўтварэнне асобы і стварэнне больш дасканалых форм жыцця. У гэтых намаганнях ідзе станаўленне камунікацыі і сімбіёза памежных нацыянальных мастацкіх традыцый, стылістычнае наватарства. Асабліва плённа працуюць у такім накірунку Ю. Пэн, В. Бялініцкі-Біруля, Ф. Рушчыц, Я. Кругер, Л. Альпяровіч, Я. Драздовіч, К. Каганец, С. Жукоўскі. Ажыўленню мастацкага жыцця садзейнічалі разнастайныя выставы выяўленчага мастацтва. З 1890 па 1917 гг. у Мінску прайшлі 10 выстаў, у якіх бралі ўдзел беларускія, рускія і польскія майстры пэндзала.

Можна зазначыць, што беларускі жывапіс на пачатку XX ст., як і беларускую літаратуру, хвалявалі агульны стан грамадства ў пошуку сэнсу жыцця і лёс беларускага народа ў складзе сусветнай супольнасці. Пры гэтым выпрабаваліся розныя філасофскія сутнасныя мадэлі, нават сусветная духоўная драма багаторыцтва і богаадступніцтва, якія ўвасаблялі формы духоўнага самавызвалення. Аднак мадэрнісцкі варыянт свабоды ад усяго як крайняя форма эстэтыкі свайго ўвасаблення на рубяжы XIX–XX стст. на Беларусі не знаходзіў. Мастацкая мадэрнізацыя была натуральнай і поўнаватарскай з'явай, падчас якой мадэляваўся свой беларускі канцэпт свабоды. Ён быў генетычна звязаны з нацыянальнай рысай свабодалюбінасці, з паэтызацыяй звыклых рэалій-сімвалаў роднага, айчыннага краю і яго гістарычнай мінуўшчынай.

Эстэтыка мадэрнізму і новыя мастацкія рухі па-свойму паўплывалі на тэатральна-музыкальную культуру і дэкаратыўна-прыкладное мастацтва Беларусі. Так, у прыватнасці, можна на прыкладзе змен у форматворчых працэсах на прадпрыемствах па вырабу шкла прасачыць зараджэнне такой новай формы эстэтычнай дзейнасці як дызайн. Гэта было адзначана у 1910 г. на міжнароднай выставе ў Парыжы, калі вырабы крышталёвай фабрыкі «Барысаў» былі ўзнагароджаны залатым медалём.

Заклучэнне. У цэлым з др уой паловы XIX ст. ішла хваля беларускага адраджэння, дадатковы імпульс якой прыдалі рэвалюцыйныя падзеі 1905–1907 гг. На пярэднім рубяжы адраджэння знаходзілася беларуская культура, якая прыняла на сябе нацыятворчыя функцыі. Характар культурных зрухаў і перамен у многім вызначылі пераплаценне традыцыйнай і авангарднай эстэтыкі, якое стымулявала дынамізм, надавала нацыянальную каларытнасць і замацоўвала культурную самастойнасць беларускай вызваленчай барацьбы.

Літаратура

1. Суліма. Гэтым пераможаш (нарысы крытычнага аптымізму) // Заходняя Беларусь. – Віленья, 1924. – С. 24.
2. Багдановіч, І. Э. Авангард і тры дзеці / І. Э. Багдановіч. – Мінск, 2001. – С. 150–169.
3. Максімовіч, В. А. Ідэйна-эстэтычныя асновы беларускага мадэрнізму / В. А. Максімовіч. – Мінск, 1998; Тарасюк Л. К. Мастацкія кірункі і плыні ў беларускай паэзіі XIX – пачатку XX ст. / Л. К. Тарасюк. – Мінск, 1999; Багдановіч, І. Э. Авангард і традыцыя / І. Э. Багдановіч. – Мінск, 2001.
4. Васючэнка, П. Славянскі сімвалізм: нацыянальна-адметнае і агульнае. Даклад на XII Міжнародны з'езд славістаў / П. Васючэнка. – Мінск, 1998. – С. 3.

РЭВАЛЮЦЫЯ 1905–1907 ГГ. І ІНТЭЛІГЕНЦЫЯ БЕЛАРУСІ

Growth and activization of the intellectuals of Belarus during the revolution of 1905–1907. The revolution of 1905–1907 resulted from complex and contradictional post-reform Russia development process assisted national liberation movement of empire nations. Vanguard for that time social and democratic ideas possessed minds of intellectuals first of all. Educated young people founded political, cultural and education societies, associations, parties, carried out agitation, fought for national theatre, published newspapers, books and leaflets in native languages.

Уводзіны. Рэформы другой паловы XIX ст. паскорылі развіццё капіталізму ў царскай Расіі. Прамысловасць, сельская гаспадарка, адукацыя, культура, зарыентаваныя на еўрапейскія стандарты, узыходзілі на ўсё новыя вышыні. Іншыя рэаліі патрабавалі шмат адукаваных людзей. Айчынныя універсітэты не толькі рыхтавалі спецыялістаў вышэйшай кваліфікацыі, але прыцягвалі новыя еўрапейскія ідэі і, найперш, марксізм.

Грувасткая, кансерватыўная, са многімі перажыткамі мінулага, дзяржаўная сістэма імперыі была не ў стане эфектыўна выкарыстаць перавагі машыннай вытворчасці, вырашыць набапалы палітычныя, сацыяльна-класавыя, нацыянальныя праблемы.

Менавіта расійская інтэлігенцыя найбольш адэкватна ўспрымала супярэчнасці развіцця капіталізму, актыўна шукала шляхі да гарманізацыі класавых, сааслоўных, рэлігійных, нацыянальных адносін. Пэўная яе частка захапілася марксізмам і на яго аснове пачала ствараць рэвалюцыйныя арганізацыі, пры дапамозе якіх планавала ліквідаваць існуючую ўладу і пабудаваць справядлівае грамадства.

Палітычная эліта Расійскай дзяржавы аказалася няздольнай папярэдзіць збыдненне насельніцтва, голад, бяспраўе і пры гэтым пачала вайну з Японіяй. Ігнараванне інтарэсаў абяздоленых, жахлівых ахвяраў ваеннага канфлікту падштурхнулі крываваму рэвалюцыю. Пасля студзеньскіх падзей 1905 г. у Пецярбургу яна ахапіла ўсю імперыю: ад яе прамысловых цэнтраў да нацыянальных ускраін.

Абуджэнне закранула і Беларусь. Выпускнікі расійскіх, еўрапейскіх універсітэтаў, вяртаючыся на Радзіму, прыносілі ў грамадскую свядомасць новыя ідэі, стваралі палітычныя партыі, гурткі. Нацыянальна-вызваленчы рух становіўся найважнейшай задачай усіх рэвалюцыйных сіл краіны.

Асноўная частка. Першапраходцамі ў беларускім нацыянальна-вызваленчым руху ў пачатку XX ст. сталі браты Іван і Антон Луцкевічы. Закончылі Мінскую гімназію. Вучыліся ў Пецярбургскім універсітэце, які прыцягваў здольную моладзь з розных рэгіёнаў імперыі. Сярод студэнтаў мацнелі рэвалюцыйныя настроі, дзейнічалі зямляцтвы, культурна-

асветныя арганізацыі, расла зацікаўленасць палітыкай.

Аднадумцам Луцкевічаў стаў Вацлаў Іваноўскі, студэнт тэхналагічнага інстытута. Вынікам іх творчага пабрацімства з’явіўся «Гурток беларускай народнай асветы», задачай якога стала друкаванне беларускіх кніжак і стварэнне беларускай школы [1].

Паступова Беларускі рух пашыраецца і ўсё больш палітызуецца. У 1903 г. з нацыянальных гурткоў гімназічнай, студэнцкай моладзі Мінска, Вільні, Пецярбурга арганізуецца Беларускай сацыялістычная грамада. Заснавальнікамі яе былі Іван і Антон Луцкевічы, Вацлаў Іваноўскі, Аляксандр Уласаў, Алесь Бурбіс і інш.

Кожны з заснавальнікаў прынёс у партыю сваё разуменне беларускай ідэі, свой вопыт, сваё бачанне перспектывы нацыянальнага адраджэння. Дзейнасць грамады напярэдадні і ў час рэвалюцыі пры нязначных матэрыяльных магчымасцях патрабавала самаахвярнасці.

Ужо ў першай палове 1905 г., калі рэвалюцыя мела заўважныя поспехі, БСГ павышае свой аўтарытэт, становіцца прыкметнай палітычнай сілай. Яна расце колькасна, фарміруе сваю структуру, праводзіць агітацыйную работу, скіроўвае сялянскія стыхійныя выступленні ў арганізацыйнае русла, стварае сваю друкарню ў Мінску [2].

Большасць членаў першай беларускай палітычнай партыі былі неардынарныя асобы з высокім узроўнем інтэлекту, незвычайным нацыянальным пачуццём, адданымі любімай ім Беларусі, усебакова адоранымі людзьмі. Іван Луцкевіч – палітык, археолаг, этнограф, публіцыст. Антон Луцкевіч – палітычны і грамадскі дзеяч, гісторык, публіцыст, крытык [3].

Аляксандр Уласаў – грамадскі і культурны дзеяч, выдавец, публіцыст. Вучыўся ў духоўнай семінарыі, скончыў рэальнае вучылішча, атрымаў дыплом політэхнічнага інстытута ў Рызе. У час рэвалюцыі 1905–1907 гг. арганізоўваў забастоўкі, прымаў удзел у нелегальным настаўніцкім з’ездзе. Распрацоўваў аграрную частку праграмы БСГ на II з’езд (1906 г.). Адзін з заснавальнікаў газет «Наша доля» і «Наша ніва». Сын паштовага служачага, небагатага шляхціча, рускі па паходжанню стаў адным з яркіх інтэлектуалаў беларускага адраджэння. За што і пазбавілі яго жыцця ў 1941 г. [4].

Гераізм і трагедыя паўстанцаў 1863–1864 г. жылі ў памяці многіх беларусаў, давалі ім сілу для змагання. Карусь Каганец (сапраўднае прозвішча Казімір Карлавіч Кастравіцкі) нарадзіўся ў 1868 г. у Табольску ў сям’і ссыльнага. Яго бацька паходзіў з даўняга баярскага роду і быў раднёю Міхаіла-Апалінарыя Кастравіцкага, дзеда вядомага французскага паэта Гійома Апалінэра. Калі сыну Казіміру споўнілася чатыры гады, Кастравіцкія вярнуліся на радзіму. Вучыўся ў Мінскім гарадскім вучылішчы, скульптурным майстэрствам авалодваў у Маскве і Пецярбургу. Прымаў удзел у стварэнні БСГ, распрацоўчы яе праграмы. У сакавіку 1905 г. удзельнічаў у рабоце 1-га сялянскага з’езда Беларусі [5].

Актыўны ўдзел у рэвалюцыйных падзеях прыняла Цётка (Пашкевіч Алаіза Сцяпанаўна). Яркая постаць у гісторыі нашага народа, інтэлігентка ў першым пакаленні. Дзяўчынка з правінцыі з незвычайнай настойлівасцю, пераадоўляючы матэрыяльныя цяжкасці, імкнулася да асветы. Скончыла 7-класнае вучылішча ў Вільні, у 1902–1904 г. вучылася на курсах П. Лесгафта, у 1904 г. здала эктэрнам экзамены за курс Аляксандраўскай жаночай гімназіі ў Пецярбургу. Адна з заснавальніц і кіраўнікоў БСГ. Асабліва вядомымі былі яе рэвалюцыйныя вершы, якія ведала на памяць ледзьве не ўся працоўная Вільня. Твор «Хрэст на свабоду» друкаваўся ў дзесятках тысяч экзэмпляраў. Зімой 1905 г. удзельнічала ў рэвалюцыйных маніфестацыях ў Вільні [6].

17 кастрычніка 1905 г. цар Мікалай II адмяніў забароны, якія тармазілі развіццё нацыянальных моў у Расійскай імперыі, і абвясціў свабоды слова, сходаў, саюзаў. Для грамадска-палітычных структур у Беларусі з’явіліся рэальныя магчымасці пашыраць свае ідэі ў народзе.

1 верасня 1906 г. у Вільні з’явілася першая легальная беларуская газета «Наша доля». Тыраж яе быў 10 тыс. экзэмпляраў. Газета выклікала сенсацыю і вялікую цікавасць. За два дні ў Вільні было прададзена 3 тысячы экзэмпляраў, 5 тысяч трапіла ў правінцыю, а рэшту канфіскавала паліцыя. Чарговыя нумары выдання таксама канфіскавалі з прычыны радыкалізму прапагандаваных на яго старонках поглядаў на грамадскія справы [7].

Новы беларускі штотыднёвік «Наша ніва», каб пазбегнуць рэпрэсій, быў скіраваны на прапаганду асветы, распаўсюджванне разнастайнай інфармацыі. Газета дала пачатак сапраўднаму рэнесансу інтэлектуальнага жыцця ў Беларусі, стымулявала творчасць цэлай плеяды пісьменнікаў беларускага адраджэння – Янкі Купалы, Якуба Коласа, Максіма Багдановіча, Алеся Гаруна і інш.

Штотыднёвік стаў найбольш значным асяродкам беларускага нацыянальнага жыцця.

У рэдакцыі працавалі выдатныя беларускія літаратары, палітычныя дзеячы. Іх творчасць даходзіла ва ўсе куткі Беларусі і за яе межы. Беларуская ідэя, дзякуючы «Наша ніве», перастала быць элітарнай з’явай і становілася паўсюднай.

Найбольш значнай групай інтэлігенцыі ў рэвалюцыйных падзеях былі настаўнікі. Рэвалюцыя паказала, што яны, як грамадска-палітычная сіла, арганічна звязаны з народам, найперш з сялянствам. Сваёй адукаванасцю, дасведчанасцю настаўнікі мелі на сялян вялікі ўплыў.

9–10 ліпеня 1906 г. у вёсцы Мікалаеўшчына Мінскага павета адбыўся з’езд настаўнікаў Мінскай губерні. Арганізатарамі з’езда былі Якуб Колас, Аляксандр Сянкевіч. Да іх пр’ехалі з розных школ Беларусі Янка Маўр, А. Райскі, Н. Янкоўскі і інш.

Удзельнікі з’езда былі арыштаваны паліцыяй, пазбаўлены пасады і больш за 2 гады знаходзіліся пад следствам. Часовае бюро працягвала сваю нелегальную дзейнасць [8]. Якуб Колас быў асуджаны на 3 гады турмы, яго зямляк Аляксандр Сянкевіч паспеў эміграваць у ЗША. Янка Маўр доўгі час знаходзіўся пад наглядам паліцыі.

Пра неардынарнасць дэлегатаў з’езда сведчыць іх далейшы жыццёвы шлях. Якуб Колас, як вядома, стаў класікам беларускай літаратуры. Янка Маўр, рускі па нараджэнню і выхаванню, унёс немалы ўклад у беларускую літаратуру. Аляксандр Сянкевіч працаваў на розных прадпрыемствах ЗША, уключыўся ў рэвалюцыйную дзейнасць рабочых-эмігрантаў, стаў членам сацыялістычнай партыі, супрацоўнічаў у рэвалюцыйнай прэсе, скончыў медыцынскі факультэт Мэрылендскага ўніверсітэта. У 1917 г. праз Японію трапіў на Далёкі Усход, дзе ўдзельнічаў у партызанскім руху. З 1921 г. нарком аховы здароўя БССР, займаў розныя партыйныя, дзяржаўныя пасады, выкладаў у БДУ. Нейкі час працаваў у Маскве. Высокаадукаваны, вопытны работнік з шырокім дыяпазонам прафесійнай падрыхтоўкі, з марксісцкім светапоглядам быў расстраляны ў Мінску 29 чэрвеня 1938 г. [9].

Рэвалюцыйны ўздым стварыў умовы для духоўнага распыгоньвання народных мас і абумовіў з’яўленне творчых асоб у розных жанрах мастацтва.

На пачатку стагоддзя прыйшоў у мастацтва Язэп Драздовіч, юнак са шматдзетнай сялянскай сям’і. Пачынаў ён у 1906 г. у Віленскай рысавальнай школе І. Трутнева.

Лёс Драздовіча быццам паўтараў лёс яго Радзімы. Галодныя гады вучобы, беднасць, бяспраўе. Мастак імкнуўся паказаць гераічнае, прыгожае, светлае роднага краю. Тэматычны дыяпазон яго творчасці надзвычай шырокі. Карціны «Бежанцы», «Крэва», «Навагрудак», «Ліда», «Мір», «Гальшаны», партрэты Усяслава Чарадзея, Францыска Скарыны [10].

Уплыў рэвалюцыйных ідэй на развіццё грамадска-палітычнай актыўнасці беларусаў выклікала імкненне інтэлігенцыі да стварэння нацыянальнага тэатра. У той час па ўсёй Беларусі ўзніклі культурна-асветніцкія гурткі, у якіх аматары ставілі спектаклі, чыталі вершы і ўпятай вялі рэвалюцыйную прапаганду. Першай спробай арганізаваць беларускі народны тэатр стаў спектакль вясной 1906 г. у Пятроўшчыне пад Мінскам, які быў пастаўлены на беларускай мове па п'есе украінскага пісьменніка М. Крапіўніцкага «Па рэвізіі». Дзеянне выклікала захапленне гледачоў.

Царскія ўлады бачылі крамолу ў гэтай культурнай працы. Паліцыя забараніла дзейнасць першага тэатральнага калектыву, праследавала любую іншую працу нацыянальных гурткоў.

У такіх умовах пачынаў творчую дзейнасць таленавіты артыст, рэжысёр, адзін з заснавальнікаў беларускага прафесійнага тэатра Фларыян Ждановіч. Скончыў Мінскае рэальнае вучылішча, атрымаў дыплом Драматычнай школы ў Варшаве. Некалькі год працаваў у польскіх тэатрах.

З 1907 г. ён настойліва шукае шляхі да стварэння беларускага тэатра. Пераадольваючы забарону ўлад выступаць публічна на роднай мове, чытае вершы беларускіх паэтаў, сустракаючы шчырую падтрымку слухачоў. Арганізуе беларускую праграму пад назвай «Беларускі кірмаш» і паказвае яе мінчанам. Адначасова збірае драматычны калектыв і ставіць спектаклі на беларускай мове.

Справу Ф. Ждановіча працягваў І. Буйніцкі, які сфарміраваў Першую беларускую трупу, а пасля Народны беларускі тэатр у мястэчку Клёнікі Гродзенскай губерні. Такія ж калектывы існавалі ў Давыд-Гарадку, Слуцку і іншых пасёлках [11].

У бурныя рэвалюцыйныя часы пачынаўся творчы ўзлёт таленавітага артыста, рэжысёра, драматурга, мастака, музыканта Уладзіслава Галубка. Паходзіў з сям'і чыгуначніка. Пасля дачаснай смерці бацькі мусіў спыніць вучобу ў гарадскім вучылішчы і пайсці працаваць. Вучыўся ў вольны ад работы час, выпускныя экзамены за вучылішча здаваў экстрэнам. Удзельнічаў у драматычных гуртках у якасці акцёра. Займаўся атлетыкай у спартыўных таварыствах. Пачынае вучыцца музыцы, жывапісу, наведвае мастацкія выставы ў Маскве і Пецярбургу. Друкуе ў 1906 г. у «Нашай ніве» сваё першае апавяданне «На вяселле». З таго часу ён супрацоўнічае як пісьменнік у «Нашай ніве», «Маладой Беларусі» і іншых друкаваных беларускіх органах. Пазней выходзіць яго зборнік «Апавяданні».

У гэты ж час прымае актыўна ўдзел у падпольным гуртку РСДРП, які існаваў пры чыгуначным вузле Мінска. Стаў першым народным артыстам савецкай Беларусі. Расстраляны ў 1937 г. [12].

Заклучэнне. Абмежаваны аналіз заяўленай праблемы не дае магчымасці раскрыць маштабы складанай узаемасувязі рэвалюцыйных працэсаў і дзейнасці нацыянальнай інтэлігенцыі, якая ў сваёй большасці ўпершыню змагла ўсвадоміць сябе часткай свайго абяздоленага народа і зрабіць пэўныя захады, каб узяць яго на больш высокі ўзровень палітычнай, культурнай і нацыянальнай свядомасці.

Літаратура

1. Луцкевіч, А. І. За дваццаць пяць гадоў (1903–1928) / А. І. Луцкевіч. – Мінск, 1991. – С. 8.
2. Кароль, А. Ля вытокаў Беларускай сацыял-дэмакратыі / А. Кароль // Беларускае мінуўшчына. – 1996. – № 5. – С. 14.
3. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1997. – Т. 4. – С. 402, 404.
4. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 2003. – Т. 6, кніга I. – С. 578; Уласаў, А. Дні жыцця / А. Уласаў // Гісторыка-літаратурны зборнік. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. – С. 145.
5. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1996. – Т. 3. – С. 521; Каганец Карусь. Творы / Карусь Каганец. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1979. – С. 5–7.
6. Луцкевіч, А. І. За дваццаць пяць гадоў (1903–1928) / А. І. Луцкевіч. – Мінск, 1991. – С. 19; Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 2003. – Т. 6, кніга II. – С. 11.
7. Мірановіч, Я. Найноўшая гісторыя Беларусі / Я. Мірановіч. – Санкт-Пецярбург, 2003. – С. 20.
8. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1997. – Т. 4. – С. 440
9. Іофе, Э. Адзін у чатырох іпастасях / Э. Іофе // Беларускае мінуўшчына. – 1997. – № 6. – С. 55–56.
10. Ліс, А. Вечны вандроўнік / А. Ліс. – Мінск: Юнацтва, 1984. – С. 4–5, 13–15.
11. Слова пра майстроў сцэны. – Мінск: Беларусь, 1967. – С. 21–23; Атрошчанка, А. Фларыям Ждановіч / А. Атрошчанка. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1976. – С. 6–9.
12. Адхінуўшы заслону часу... Успаміны пра Уладзіслава Галубка / пад рэд. Л. Аляксандраўскай. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1979. – С. 3–6.

ЗАКЛЮЧНЫ ЭТАП ФАРМИРАВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫІ І ДЗЯРЖАЎНАСЦІ Ў СВЯТЛЕ ТЭОРЫІ МАДЭРНІЗАЦЫІ

The final stage of Belarusian statehood formation is regarded in the article. The attempt to determine its chronological limits using the modernization theory's approach has been made. The author is trying to define the degree of Belarusian ethnos preparedness for state formation's realization through the indices of urbanization, literacy level, abundance of the print media, and industrial concentration. The attempt to outline the objective difficulties the Belarusian nation was confronted by in process of its formation is being made.

Уводзіны. У канцы XIX – пачатку XX ст. беларуская нацыя ўступае ў апошнюю стадыю свайго фарміравання, якая характарызуецца пачаткам палітычнай барацьбы за нацыянальнае самавызначэнне. Беларускі нацыянальны рух, які склаўся да гэтага часу, змог прапанаваць некаторыя рашэнні дадзенай праблемы.

На пэўную запаволенасць у працэсе фарміравання беларускай нацыі і беларускага нацыянальнага руху ў пывалі вядомыя фактары як аб'ектыўнага, так і суб'ектыўнага характару, сярод якіх можна вылучыць: наяўнасць нявырашаных эканамічных праблем (у першую чаргу аграрнага голаду); незавершанасць класавай і сацыяльнай дыферэнцыяцыі беларускага грамадства; вайсковыя дзеянні на тэрыторыі Беларусі і выкліканае гэтым бежанства; адсутнасць сістэмы вышэйшай адукацыі і неабходных кадраў. Акрамя таго, прадстаўнікі беларускага нацыянальнага руху адчувалі пэўнае супрацьдзеянне, якое выяўлялася ў неўспрыманні яго як самастойнай з'явы. Часам даходзіла да адмаўлення факта існавання беларускай нацыі. Таму беларускай інтэлігенцыі, якая ўсклала на сябе выпрацоўку і здзяйсненне ў жыцці ідэі беларускай дзяржаўнасці, давялося дзейнічаць у надзвычайна цяжкіх умовах.

Таксама трэба зазначыць, што па сутнасці класічны марксізм не выпрацаваў уласнай тэорыі нацыі і нацыянальнага пытання, паколькі, зыходзячы з яго пастулатаў, у гэтым і не было патрэбы. Марксізм прапаноўваў ва ўмовах крызісу тоеснасці, выкліканага распадам традыцыйнага грамадства, ажыццяўляць сацыяльную кансалідацыю не на нацыянальнай, а на класавай аснове. Але большавікі, якія першыя на практыцы зрабілі спробу ажыццяўлення камуністычнага ідэалу, сутыкнуліся з моцнымі нацыянальнымі рухамі народаў былой Расійскай імперыі і былі вымушаны лічыцца з імі. Больш таго, убачыўшы ў іх значную рэвалюцыйную сілу, яны паспрабавалі прытасаваць іх для сваіх палітычных мэт. Распрацоўка ідэалагічных палажэнняў ажыццяўлялася па ходу палітычнай барацьбы і часам на сіла супярэчлівы характар. Асноўныя ж тэарэтычныя напрацоўкі ў гэтай галіне ўзніклі пазней і зыходзілі ўжо з практыкі, якая склалася раней.

Таму вельмі цікава было б прасачыць, як гэтая праблематыка разглядаецца ў замежнай гістарыяграфіі. У дадзеным выступе мне б хацелася засяродзіцца на прымянімасці вылучаных мадэлей нацыятворчых працэсаў і нацый у заходняй навуцы.

Асноўная частка. Пасля ўсплёску цікавасці да праблем фарміравання нацый у перыяд рамантызму XIX ст. і перыяду ўтварэння нацыянальных дзяржаў цікавасць да гэтага пытання значна зніжаецца, нават, можна зазначыць, зыходзіць да нуля.

Пасля жахаў II Сусветнай вайны, выкліканай нацызмам, і разгортвання нацыянальна-вызваленчай барацьбы ў краінах Азіі і Афрыцы ў свеце зноў уздымаецца цікавасць да пытанняў аб утварэнні нацый і нацыянальных дзяржаўнасцей.

Сярод асноўных накірункаў сучаснасці можна вылучыць два: «мадэрнізацыйны» і «постмадэрнізацыйны».

Заснавальнікам першага фактычна з'яўляецца Карл Дойч, які працаваў у 50–60 гг. XX ст. у Мічыганскім Тэхналагічным Інстытуце і на тэорыю якога моцны ўплыў аказала кібернетыка. (Падрабязней з ёй можна азнаёміцца ў працы: Deutch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control N.Y., 1963).

Тэорыя мадэрнізацыі прапануе даволі гнуткую канструкцыю. Яна па сутнасці ўяўляе сабой метадалагічны накірунак як эканамічнай, так і палітычнай накіраванасці, але ў адрозненне ад марксізму разглядае нацыянальную дзяржаву як адно з ключавых сваіх паняццяў.

Фактычна, менавіта нацыянальная дзяржаўнасць разглядалася прадстаўнікамі дадзенага накірунку як галоўны сродак ажыццяўлення мадэрнізацыі і стварэння новага грамадства [1]. Таму ідэйная барацьба вакол неабходнасці яе стварэння і бачанне яе сутнасці мелі надзвычайна важны характар у працэсе яе фарміравання.

Трэба зазначыць, што сама тэорыя мадэрнізацыі не з'яўляецца нечым адзіным, а ўяўляе сабой хутчэй метадалагічны накірунак, у якім працуюць даследчыкі. Сам працэс мадэрнізацыі ахоплівае даволі значны па памеры адрэзак часу і таму, на наш погляд, неабходна высветліць этап, на якім знаходзілася Беларусь ў пачатку XX ст.

Тут можна ўзгадаць класіфікацыі расійскага даследчыка М. Ф. Ільіна і чэшскага даследчыка М. Гроха. Так, М. Ф. Ільін зыходзіць з функцыянальнага боку працэсу мадэрнізацыі і прапануе вылучаць наступныя яго фазы: Ранні Мадэрн, Сярэдняе Мадэрн і Сталы Мадэрн. Пры гэтым пад Раннім Мадэрнам ён разумее фазу палітычнага развіцця, якая ўключае ў сябе станаўленне суверэннай нацыянальнай дзяржавы (Nation-State) і зараджэнне грамадзянскай супольнасці [2].

М. Грох, даследуючы нацыянальныя рухі так званых сялянскіх ці малых народаў, вызначае іх наступныя фазы: акадэмічную, культурна-асветніцкую і палітычную.

Такім чынам, у функцыянальным плане Беларусь знаходзілася ў фазе Ранняга Мадэрна, а ў плане развіцця нацыянальнага руху – у стане пераходу ад культурна-асветніцкай у палітычную фазу [3].

Але трэба заўважыць, што працэсы мадэрнізацыі і ўтварэння нацыянальнай дзяржаўнасці адбываліся не ў вакууме. Беларускі нацыянальны рух меў перад сабой прыклады іншых нацыянальных рухаў. Як заўважыў Б. Андэрсан, «нацыя аказалася вынаходніцтвам, на якое немагчыма было атрымаць патэнт» [4]. Акрамя таго, пры разглядзе падзей 20-х гг. XX ст. трэба ўлічваць і заўвагу французскага сацыёлага А. Турэна, што ў СССР ажыццяўлялася не мадэрнізацыя, а контрмадэрнізацыя, г. зн. варыянт мадэрнізацыі не па заходняму ўзору.

Падсумоўваючы вышэй сказанае, можна вызначыць наступны метадалагічны накірунак аналізу развіцця беларускай дзяржаўнасці і звязанай з ёй ідэалагічнай барацьбы. У пачатку XX ст. ў Беларусі пачаўся працэс мадэрнізацыі, а паколькі яна адносілася да рэгіёну «другаснай мадэрнізацыі», то развіццё тут адбывалася не па класічнай мадэлі. У сваю чаргу, гэтая выклікала пэўную ідэалагічную барацьбу вакол шляхоў дасягнення грамадскага прагрэсу. Таму, на нашу думку, усе ідэалагічныя плыні, якія вылучалі ў якасці праграмага патрабавання стварэння беларускай дзяржаўнасці ці аўтаноміі, можна разглядаць як роднасныя з’явы, якія ставілі сваёй мэтай пераход Беларусі ад традыцыйнага грамадства да індустрыяльнага.

Засяродзімся больш падрабязней на поглядах К. Дойча. З яго пункту гледжання нацыя – гэта своеасаблівыя згусткі інфармацыі, дзе абмен інфармацыяй унутры значна вышэй чым са знешнімі сістэмамі.

Нацыя, на яго думку, з’яўляецца прадуктам мадэрнізацыі, гэта значыць, пераходу ад грамадства традыцыйнага да індустрыяльнага. Ступень актыўнасці нацыі залежыць ад ступені мабілізацыі ў працэсе нацыятварэння, якую ён прапануе вымяраць зыходзячы з наступных крытэрыяў:

1) колькасць грамадзян; 2) колькасць чытаючых раз на тыдзень газету; 3) колькасць занятых у вытворчасці з колькасцю работнікаў больш як 5 чалавек; 4) колькасць гарадскога насельніцтва ці ступені урбанізацыі.

Прааналізуем працэс утварэння беларускай нацыі зыходзячы з прапанаванай шкалы, ўзяўшы за маркер дасягнення 50% паказчыкаў па дадзеных пунктах. Але трэба адразу заўважыць, што дадзеныя паказчыкі маюць умоўны характар, асабліва гэта тычыцца ступені урбанізацыі грамадства, пра што будзе сказана далей.

Што тычыцца колькасці пісьменных, то ў БССР іх налічвалася, паводле няпоўных дадзеных перапісу 1926 г., ва ўзросце ад 9 да 49 гадоў 53,1% , на 1939 гэты паказчык склаў ужо 78,9%, пры гэтым колькасць пісьменных жанчын узрасла з 35,8 да 68%. У Заходняй Беларусі на 1931 г. колькасць пісьменных складала 57%, але па Палескаму Ваяводству яна ледзь дасягала 50%. Падсумоўваючы можам зазначыць, што на пачатку 30-х гг. колькасць пісьменных у Беларусі перавысіла паказчык ў 50%. [5]

Такім чынам можна зрабіць выснову, што па наяўнасці пісьменнага насельніцтва Беларусь у другой палове 20-х гг. XX ст. дасягнула ўзроўню, які дазваляў успрыняць нацыянальную ідэю ў поўным аб’ёме. Палітыка беларусізацыі і дзяржаўна-нацыянальнае самавызначэнне беларусаў, якія адбываліся ў той час на савецкай аснове, адкрывалі ў справе нацыянальнай кансалідацыі беларускай нацыі значныя перспектывы. Але меўся і шэраг неспрыяльных для дадзенага працэсу абставін. У першую чаргу гэта раз’яднанець беларускага этнасу ў межах розных краін пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавору і працэс згортвання беларусізацыі і дэмакратызацыі грамадскага жыцця, які пачаўся ў той час у БССР.

Што тычыцца друку, то больш падрабязна з данымі можна пазнаёміцца, звярнуўшыся да прац «Друк Беларускай ССР. 1918–1965» [6] і «Друк Беларускай ССР. 1918–1980» [7]. З агульнага зазначым, што ў 1940 г. выходзіла 252 газеты, з іх 178 на беларускай мове. У Заходняй Беларусі колькасць выданняў дасягала 233 найменняў перыёдыкі, але яны непараўнальна саступалі па тыражы. На жаль, дакладныя даныя тут атрымаць цяжка, калі ўвогуле магчыма. Таксама трэба зазначыць, што польскі ўрад фактычна распачаў барацьбу з беларускім друкам, напрыклад, з 1921 па 1927 г. у Заходняй Беларусі былі закрыты 22 газеты. Мала якім беларускім перыядычным выданням удавалася выходзіць болей чым год.

Але з улікам таго, што ў тых умовах адну газету звычайна чытала 5–10 чалавек, а часам і болей, можна зазначыць, што ўзровень распаўсюджвання перыядычнага друку (па меншай меры ў БССР) напрыканцы 20-х – пачатку 30-х гг.

XX ст. быў дастаткова высокім для завяршэння фарміравання беларускай нацыі.

Пераходзячы да праблемы канцэнтрацыі працаўнікоў, адразу трэба звярнуць увагу на тое, што хаця да 1939 г. у БССР дробная вытворчасць амаль знікла і пераважную частку індустрыяльных рабочых складалі тыя, хто працаваў на буйных і сярэдніх прадпрыемствах, удзельная вага рабочых складала толькі 21,9% працэнтаў насельніцтва.

Што тычыцца Заходняй Беларусі, то на 1931 г. усяго тут было занята 86 тыс. рабочых, з іх у прамысловасці – 38 тыс. Але пры гэтым трэба адзначыць, што на той жа 1931 г. тут налічвалася 46,5 тыс. рамеснікаў. Як бачым, колькасць рамеснікаў на пачатак 30-х гг. перавышала колькасць рабочых занятых у прамысловасці, а гэта сведчыць аб тым, што працэс індустрыялізацыі яшчэ не завяршыўся. Таксама трэба ўлічваць і той факт, што працэс урбанізацыі Заходняй Беларусі адбываўся даволі марудна, дзе гарадское насельніцтва складала толькі каля 15% (у той час як у Польшчы, у сярэднім, 27% насельніцтва) і заставаўся фактычна нязменным на працягу ўсяго часу яе існавання.

Тут мы падыходзім да самай складанай часткі аналізу працэсу ўтварэння беларускай нацыі – урбанізацыі. Справа ў тым, што доля гарадскога насельніцтва дасягнула 50% толькі ў 1975–1976 гг., пры гэтым тэмпы выглядаюць так: 1897 г. – 13%, 1926 – 17%, 1939 – 20,8%, 1959 – 30,5%, 1970 – 43,3%, 1979 – 54,9%, 1989 – 69,3%. Рост дасягаўся пераважна за кошт сельскіх жыхароў. Асабліва імкліва павялічвалі сваё насельніцтва буйныя гарады.

Але вядомы сацыёлаг і географ Д. Джыбс зазначае, што пераход ад аграрнай да індустрыяльнай стадыі ў развіцці грамадства адбываецца пры дасягненні ўзроўню ўрбанізацыі ў 20% і вызначае ўрбанізацыю ў 20–40% як другую яе стадыю, якая сведчыць пра пераход да мадэрнізаванага грамадства. У такім выпадку калі разглядаць прыведзеныя вышэй лічбы, то неабходны ўзровень гарадскога насельніцт-

ва быў дасягнуты ў 1939 г., што адбываецца крыху са спазненнем чым у выпадку з іншымі паказчыкамі.

Заклучэнне. Такім чынам, на падставе метадыкі Дойча можна прыйсці да высновы, што пераважная колькасць перадумоў, якія неабходны для завяршэння працэсу фарміравання беларускай мадэрнай нацыі, склалася ў другой палове 20-х гг. XX ст., а канчаткова – напрыканцы 30-х гг. Акрамя гэтага, аб’яднанне этнічнай тэрыторыі Беларусі ў 1939 г. можна было б разглядаць у якасці фіналу дадзенага працэсу.

Але ёсць абставіны, якія нельга не ўлічыць пры аналізе дадзенага працэсу. Па-першае, аб’яднанне этнічнай тэрыторыі адбывалася ва ўмовах II Сусветнай вайны, па завяршэнні якой Беларусь была адкінута на некалькі дзесяцігоддзяў назад.

Па-другое, як лічыў Дойч, нацыі з’яўляюцца пераважна са з’яўленнем нацыянальнай дзяржавы, паколькі дзяржава валодае сістэмай прымусу і сістэмай адукацыі, хаця ён дапускаў магчымасць лічыць некаторыя народы нацыямі і да утварэння нацыянальнай дзяржаўнасці. Такім чынам, шэраг пытанняў працягвае заставацца дыскусійнымі.

Літаратура

1. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991.
2. Ильин М. В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости / М. В. Ильин. – М., 2000.
3. Hroch M. Evropska narodni bnuti v 19 stoleti / M. Hroch. – Praga, 1986.
4. Андерсен Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсен. – М., 2001.
5. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / редкал.: М. П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2006 (выданне працягваецца). – Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. – 2006.
6. Друк Беларускай ССР. 1918–1965: ст. зб. – Мінск, 1967.
7. Друк Беларускай ССР. 1918–1980: ст. зб. – Мінск, 1983.

ГАЛОЎНЫ І ГУБЕРНСКІЯ ЗЯМЕЛЬНЫЯ КАМІТЭТЫ НА ПАЧАТКОВЫМ ЭТАПЕ ПАДРЫХТОЎКІ АГРАРНАЙ РЭФОРМЫ: ПА МАТЭРЫЯЛАХ БЕЛАРУСІ

In the article the problem of activity of Main and province landed committees lights up for preparations of agrarian reform on the initial stage of development of February revolution, on materials of the Byelorussian provinces. Importance and ambiguousness of agrarian question is shown in the context of decision of food problem, victory completion of war with the German empire, fight of social and political organizations, aspiration of peasant population of Russia to improve the financial position.

Уводзіны. Праблему падрыхтоўкі Часовым урадам аграрнай рэформы і яе асаблівасці на Беларусі часткова закраналі савецкія гісторыкі: Ф. А. Зеляноўскі, І. М. Ігнаценка, В. І. Кастрыкін. На сучасным этапе развіцця айчыннай гістарыяграфіі не з'явілася ніводнага грунтоўнага даследавання па такой важнай аграрнай тэматыцы перыяду 1917 г.

Асноўная частка. Пасля звяржэння самадзяржаўя патрэба ў ажыццяўленні аграрнай рэформы падмацоўвалася неабходнасцю пашырэння сацыяльнай апоры новага ладу. Але Часовы ўрад, зыходзячы з небяспекі пагаршэння харчовай сітуацыі ў краіне і зніжэння баяздольнасці расійскай арміі, якая магла ўзнікнуць ужо вясной, пад час перадзелу зямель, абмежаваўся агульнай заявай аб вырашэнні гэтага пытання Устаноўчым сходам. Такая пазіцыя кабінета Г. Я. Львова была падтрымана Петраградскім Саветам, Усерасійскім Сялянскім саюзам і іншымі арганізацыямі, у тым ліку на Беларусі. Агульнымі намаганнямі ўрадавых, земскіх, грамадска-палітычных і іншых структур сялянству была растлумачана перспектыва вырашэння аграрнай рэформы, а таксама акрэслена кола яго абавязкаў у напрамку пераадолення харчовага крызісу і рэалізацыі дзяржаўнай манаполіі на хлебнарыхтоўкі.

Міністэрства земляробства ўзначаліў А. І. Шынгароў, па партыйнай прыналежнасці кадэт. Бліжэйшымі супрацоўнікамі ім былі запрошаны «выключна эсэры» [1, с. 115]. Важным крокам Часовага ўрада ў сферы аграрнай палітыкі стала яго пастанова ад 17 сакавіка аб перадачы ў распараджэнне міністэрства земляробства ўдзельных і кабінецкіх зямель. З гэтай нагоды Часовы ўрад у сваім звароце ад 19 сакавіка прызнаваў падзел зямельнага фонду краіны і вырашэнне нястачы зямлі ў вяскоўцаў як «самую сур'ёзную сацыяльна-эканамічную задачу» і таму ставіў мэтай «найхутчэйшае выкананне падрыхтоўчых работ» у гэтым накірунку [2]. Земляробы запэўніваліся ў абавязковым ажыццяўленні зямельнай рэформы пасля склікання Устаноўчага сходу, а да таго часу заклікаліся ўстрымацца ад гвалтоўных захопаў. Натуральна, што пераход азначаных зямель да дзяржавы істотна не паляпшаў гаспадарчага становішча

сялян, затое ўзмацняў іх спадзяванні на ажыццяўленне аграрнай рэформы і, адпаведна, стымуляваў удзел у забеспячэнні прадуктамі арміі і горада.

Клопатам аб пераадоленні харчовага крызісу ва ўсерасійскім маштабе была прасякнута наступная пастанова Часовага ўрада ад 11 красавіка, якая скіроўвалася на ашчаднае выкарыстанне пашы і прадухіленне скарачэння пасяўных плошчаў пад ураджай яравых 1917 г. Але, у адрозненне ад пастановы аб удзельных і кабінецкіх землях, прынятае кабінетам міністраў «Палажэнне аб ахове пасеваў» істотным чынам закранала інтарэсы ўсіх асоб, занятых у сельскагаспадарчай сферы. У прыватнасці, азначаная пастанова пазбаўляла ўласнікаў і арандатараў правоў на незасеяную пашу і перадавала яе ў распараджэнне харчовых камітэтаў. Відавочна, што ва ўмовах дэмакратызацыі органаў кіравання, у тым ліку азначаных камітэтаў, сяляне набывалі рэальныя шанцы для паляпшэння свайго становішча праз меўшыя адбыцця перамены ў формах землекарыстання.

Разам з тым урад усведамляў, што яго імкненне сканцэнтраваць усю ўвагу асноўнай масы земляробаў на вырашэнне харчовай праблемы без адпаведных зрухаў у сферы падрыхтоўкі да аграрнай рэформы не магло быць дзейсным і доўгачасовым ужо таму, што сяляне ў меншай (з іншых пластоў насельніцтва імперыі) ступені адчувалі недахоп прадуктаў харчавання, таму і кола іх інтарэсаў у першую чаргу і непазбежна «замыкалася» на зямлі. У гэтай сувязі з вялікай доляй упэўненасці можна сцвярджаць, што кабінет міністраў, і Міністэрства земляробства у прыватнасці, пайшлі на ўтварэнне зямельных камітэтаў для таго, каб накіраваць наспеўшы сялянскі аграрны рух у кантралюемае рэчышча пад лозунгам падрыхтоўкі да аграрнай рэформы, вядома ж, у суправаджэнні адпаведнай агітацыйна-прапагандысцкай кампаніі. У гэтым сэнсе першы крок да яе (рэформы) увасобіўся ў праекце азначанага міністэрства ад 21 красавіка аб заснаванні зямельных камітэтаў (галоўнага, губернскіх, павятовых, валасных), якім даручалася «распрацоўка неадкладных мер для вырашэння зямельнага пытання Устаноўчым сходам». Як паведамлялася ў адозве за подпісам

Г. Львова і А. Шынгарова, на зямельныя камітэты «ўскладаецца збіранне звестак аб мясцовых зямельных парадках і зямельных патрэбах насельніцтва і на працягу пераходнага часу да правядзення зямельнай рэформы ва Устаноўчым сходзе – рашэнне спрэчак і непаразуменняў па зямельных справах» [3, с. 855].

Утварэнне Галоўнага зямельнага камітэта адбылося 19 мая, як заяўлялася ў адмысловай з гэтай нагоды дэкларацыі, «у адпаведнасці з новымі патрэбамі нашай эканомікі, з пажаданнямі большасці сялян і праграмамі ўсіх дэмакратычных партый краіны асноўным прынцыпам маючай адбыцца зямельнай рэформы павінна стаць перадача ўсёй апрацоўваемай зямлі тым, хто яе апрацоўвае» [4, с. 157]. У склад камітэта ўваходзілі: міністр земляробства А. І. Шынгароў (з канца мая В. М. Чарноў) і яго таварышы (у тым ліку эсэр П. А. Віхляеў), старшыня А. С. Поснікаў (прагрэсіст), таварыш старшыні С. А. Маслаў (эсэр), 24 члены, кіраўнік спраў; па адным прадстаўніку ад губернскіх зямельных камітэтаў, шэсць – ад Усерасійскіх Сялянскага саюза і Савета сялянскіх дэпутатаў, тры – ад Часовага камітэта Дзяржаўнай думы, Усерасійскага Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў, Кааператыўнага Саюза, адзінаццаць – ад партый, пяць – ад буйнейшых навуковых эканамічных таварыстваў і інш. З іх да эсэраў належала 6 чалавек, энэсаў і «трудоўнікаў» – 14, сацыял-дэмакратаў – 5, кадэтаў – 17, прагрэсістаў – 4, акцыябрыстаў і правей за іх – 14 [5].

Наогул, усе ўплывовыя сілы краіны, за выключэннем бальшавікоў, выказалі надзвычайную зацікаўленасць у працы камітэта. Нават у яго рабочым органе – Савеце, замест запланаваных 12 было задзейнічана больш за 60 чалавек. Паводле ўспамінаў аднаго з яго членаў – кадэта С. І. Шыдлоўскага, «настрой панаваў у камітэце чыста эсэраўскі; у яго складзе знаходзілася некалькі членаў гэтай партыі... былі сяляне, партыйная прыналежнасць якіх невядомая мне, але моцна аб'яднаныя моцным жаданнем пажывіцца дарма чужым дабром» [6, с. 124]. Губернскім і павятовым зямельным камітэтам, пры ўмове іх пагаднення з мясцовымі ўрадавымі органамі, ставілася ў абавязак вырашэнне зямельных спрэчак. Значная роля ў тым адводзілася прымірэнчым камерам, ствараемым з іх удзелам. З дазволу Галоўнага губернскага і павятовага зямельнага камітэты сумесна з харчовымі мелі права распараджацца прыватнай зямельнай і сельскагаспадарчай маёмасцю.

Меркавалася, што ў губернскія зямельныя камітэты павінны ўваходзіць па чатыры члены ад губернскага і па адным ад гарадскога выканаўчага камітэта (да моманту арганізацыі дэмакратычна абраных губернскіх земскіх гласных і гарадскіх дум), па адным прадстаўніку ад павятовых зямельных камітэтаў, па тры – ад

эканамічных аддзелаў губернскай земскай управы, па адным – ад акруговага суда, упаўнаважаны ад міністра земляробства і некалькі асоб з правам дарадчага голаса па запрашэнню старшыні. Прынцып фарміравання павятовага зямельнага камітэта нагадваў губернскі. Тут мусілі засядаць прадстаўнікі павятовага і гарадскога выканаўчага камітэта (да моманту арганізацыі дэмакратычна абраных губернскіх земскіх гласных і гарадскіх дум), валасных зямельных камітэтаў, земскія работнікі, міравы суддзя і некалькі асоб з правам дарадчага голаса па запрашэнню старшыні. Нарэшце, валасны зямельны камітэт намячаўся ў складзе пяці работнікаў і трох намеснікаў, але да ўвядзення валаснога земства парадак выбараў членаў вызначаўся павятовым зямельным камітэтам. 24 мая на першым пасяджэнні Галоўнага зямельнага камітэта асноўнай задачай прызнавалася даследаванне зямельнай плошчы, якая падлягала пераходу «працоўнаму насельніцтву». Такім чынам, нягледзячы на прысутнасць у камітэце ўплывовага кола прыхільнікаў ліберальнага (праз захаванне інстытута прыватнай уласнасці) шляху вырашэння аграрнага пытання, думка аб перадачы зямлі тым, хто яе апрацоўваў, выглядала бяспрэчнай.

На Беларусі, як і ў цэлым па Расіі, вядучую ролю ў стварэнні зямельных камітэтаў адыгралі ўрадавыя структуры. Меркавалася, што губернскі зямельны камітэт будзе складацца з прадстаўнікоў камісарыята і павятовых зямельных камітэтаў. 3 гэтай нагоды 2 красавіка Савет пры Віцебскім губернскім камісары вылучыў са свайго складу 4 прадстаўнікоў і накіраваў адпаведныя тэлеграмы з прадпісаннем абраць павятовага зямельнага камітэты. На пачатку чэрвеня зноў створаны губернскі зямельны камітэт узначаліў А. А. Драздзецкі. Ён жа на першым сялянскім з'ездзе быў абраны старшынёй выканкама губернскага Савета.

Такім чынам, заклапочанасць віцебскіх сялян лёсам аграрнага пытання перадвызначала іх вялікую ўвагу да дзейнасці зямельных камітэтаў. Характэрна, што ў чэрвені дзейнасць губернскага зямельнага камітэта атрымала высокую ацэнку. Паводле слоў члена Галоўнага зямельнага камітэта Кірычэнкі, «можна быць спакойным за вырашэнне зямельнага пытання, калі ён будзе па ўсёй Расіі знаходзіцца ў такіх руках, у якіх ён знаходзіцца ў Віцебску» [7, арк. 9].

У другой палове мая адпаведныя захады прадпрыняў губернскі выканкам Міншчыны, які вылучыў у гу ёр вкі зямельны камітэт П. А. Еўстратава, П. В. Іванова (служачы УЗС), Р. А. Скірмунта (землеўласнік) і С. С. Юрыса (сялянін Навагрудскага пав.). Утварэнне камітэта планавалася завяршыць 14 чэрвеня на адмысловым з'ездзе, але сялянскія дэлегаты выступілі супраць удзелу ў ім «памешчыкаў і інтэлігентаў». Акрамя таго, яны былі заклапочаны

слабым прадстаўніцтвам «працоўнага элементу». Урэшце, толькі ў ліпені камітэт быў абраны. На кіруючую пасаду прэтэндавалі старшыня сялянскага Савета Мінскай і Віленскай губ. М. А. Міхайлаў і член Камітэта грамадскай бяспекі С. П. Кавалік, але выбаршчыкі выказаліся за апошняга. 5 ліпеня ў мэтах «дэмакратызацыі губернскага зямельнага камітэта» ў яго былі дэлегаваны 2 прадстаўнікі ад Мінскага Савета рабочых, салдацкіх і Савета сялянскіх дэпутатаў – М. А. Міхайлаў і Маронка [8, с. 447].

Як і паўсюдна, у арганізацыі зямельнага камітэта Віленска-Ковенскай губ. вызначальную ролю адыгрывалі ўрадавыя сілы, у прыватнасці, губернскі камісар В. С. Балай. Так, 4 чэрвеня скліканы ім губернскі з'езд сялянскіх дэпутатаў стварыў зямельны камітэт. У далейшым сялянскія дэпутаты выказваліся за папаўненне складу зямельных камітэтаў прадстаўнікамі ад Савета сялянскіх, рабочых і салдацкіх дэпутатаў і палітычных партый. Мала таго, названыя дэпутаты настойліва патрабавалі ўключыць 7 прадстаўнікоў ад Савета сялянскіх дэпутатаў у Галоўны зямельны камітэт.

Заснаванню Магілёўскага губернскага зямельнага камітэта папярэднічала нарада 17 мая, арганізаваная памочнікам губернскага камісара Р. І. Пеўзнерам, з удзелам прадстаўнікоў мясцовых «арганізацый сацыялістычных партыйных груп», а таксама Саветаў, саюзаў салдат і афіцэраў, настаўнікаў, аграномаў, статыстыкаў і інш. Запрошаныя азначылі сваёй задачай выпрацоўку варыянтаў аграрнай рэформы і прызналі пажаданым перадаць у бліжэйшы час усю зямельную ўласнасць у распараджэнне зямельных камітэтаў [9, арк. 38]. Актыўнасць левых партый на гэтай нарадзе істотна адбілася 15–17 чэрвеня на рашэннях сходу з нагоды стварэння губернскага зямельнага камітэта (старшыня Р. І. Пеўзнер). Так, на ім былі прыняты «прынцыповыя рашэнні» аб надзяленні зямельных камітэтаў правам перагляду ўсіх пазямельных дагавораў, усталявання памераў арэнднай платы, размеркавання зямлі паміж «працоўным насельніцтвам», якое адчувала ў ёй вострую патрэбу. У некаторых момантах названыя «рашэнні» адбіліся ў зацверджаным «Наказе па выкарыстанні «Палажэння аб зямельных камітэтах». Сфера дзейнасці губернскага і павятовых камітэтаў, у параўнанні з зафіксаванымі ў пастанове ад 21 красавіка палажэннямі, пашыралася. Напрыклад, у пытаннях ажыццяўлення кантролю за купляй і продажам зямель, эксплуатацыяй леса, усталяваннем парадку ўзносу за арэнду зямельных і лясных угоддзяў. Кампетэнцыя валасных зямельных камітэтаў раскрывалася ў трох пунктах: вырашэнне зямельных спрэчак (у межах дзеючых законаў); заснаванне прымірэнчых камер; правядзенне пастановаў цэнтральнай улады, губер-

нскага і павятовых зямельных камітэтаў. Вынікам з'езда стала абранне ўправы губернскага зямельнага камітэта ў складзе П. М. Воранава (старшыня), М. П. Пржыбішэўскага, Ф. Фядотава і Д. М. Ясянкова. У якасці прадстаўнікоў у Галоўны зямельны камітэт былі абраны А. Ц. Вазіла і Р. І. Пеўзнер [10, арк. 19].

З цягам часу на Беларусі, як і паўсюдна, пачалі ўтварацца павятовыя і валасныя зямельныя камітэты. Прынцып стварэння першых нагадваў губернскі. Характэрнай рысай валасных камітэтаў з'яўляўся іх пераважна сялянскі склад. Прыступаючы да фарміравання зямельных камітэтаў, якім належала практычнае ажыццяўленне рэформы, Часовы ўрад абпіраўся на ўкаранёнае ў грамадскую свядомасць палажэнне аб недапушчальнасці замахаў на зямельную ўласнасць да Устаноўчага сходу. У пэўным сэнсе тыя ж мэты праследавалі і арганізатары майскага Усерасійскага сялянскага з'езда, які ў ліку іншых рэзалюцый прыняў «Пастанову па зямельным пытанні». Як адзначалася ў дакуменце, «ад гэтага часу не толькі канчатковае вырашэнне зямельнага пытання ва Устаноўчым сходзе, але і ўся справа падрыхтоўкі гэтага пытання ў цэнтры і на месцах працаю мясцовых і Галоўнага зямельнага камітэтаў пераходзіць у рукі самога працоўнага насельніцтва» [11, арк. 6].

У дадзеным выпадку, насуперак палітыцы Часовага ўрада, статус зямельных камітэтаў значна павышаўся, а само аграрнае пытанне ў большай ступені пераводзілася з тэарэтычнай плоскасці ў практычную: па-першае, зямельныя камітэты набывалі велізарныя паўнамоцтвы і фактычна выходзілі з-пад кантролю губернскіх і павятовых камісарыятаў Часовага ўрада. А падругое, азначаныя зямельныя органы мусілі ператварыцца ў інструмент класавай (сялянскай) і партыйнай (эсэраўскай), а не дзяржаўнай палітыкі. У значнай ступені таму паспрыяла змена ва ўрадзе: замест кадэта А. І. Шынгарова, які ў свой час «надзвычай неахвотна прыняў пасаду міністра земляробства», яе заняў эсэраўскі лідэр В. М. Чарноў. Як сведчыць С. І. Шыдлоўскі, «замена на міністэрскай пасадзе Шынгарова Чарновым ніяк не адбілася на рабоце Галоўнага зямельнага камітэта. Шынгароў ніколі яго не наведваў, Чарноў – крайне рэдка, дзеячы ў ім як былі эсэры, так і засталіся» [12, с. 124].

30 мая новым міністрам была выдадзена пастанова, якая прыпыніла выхад вяскоўцаў на хутары і скасавала землеўладкавальныя камісіі, якія былі створаны ў свой час у межах аграрнай рэформы П. А. Сталыпіна. Тым самым эсэрамі быў здзеснены чарговы крок да ажыццяўлення свайго праграмага палажэння аб ліквідацыі прыватнага землеўладання. Натуральна, што лёс будучай рэформы цікавіў усе колы расійскага грамадства.

Так, Петраградскі аддзел Лігі аграрных рэформ заняўся скліканнем на 23–25 чэрвеня II Усерасійскага з’езда «ў мэтах падвергнуць усебаковаму арганізаванаму абмеркаванню асноўных пытанняў маючай адбыцця аграрнай рэформы», і таму разаслаў запрашэнні на адрас губернскіх земскіх упраў. Гэтая ж праблема пастаянна разглядалася на пасяджэннях Усерасійскага саюза землеўласнікаў. Што датычыць прынятых праграмных палажэнняў, то паўсюдна саюз імкнуўся абгрунтаваць неабходнасць аб’яднання ўласнікаў без саслоўных і канфесійных адрозненняў, незалежна ад колькасці зямлі і палітычных поглядаў.

Ход падрыхтоўкі да ажыццяўлення аграрнага пытання сустракаў істотныя перашкоды. Паводле газеты «Воля народа» ад 2 ліпеня, на II сесіі Усерасійскага з’езда зямельных камітэтаў аграрная палітыка міністэрства земляробства была ахарактарызавана як «недастаткова энергічная».

25 жніўня на III сесіі Галоўнага камітэта В. М. Чарноў мусіў канстатаваць наяўнасць партыйна-класавага ўціску на зямельныя камітэты. «Праца камітэтаў цяжкая тым, – казаў ён у сваім выступленні – што ім даводзіцца быць паміж двух агнёў: з аднаго боку крычаць «дай усё!», а з другога – «нічога!» [13].

Заклучэнне. Такім чынам, у першыя месяцы Лютаўскай рэвалюцыі расійскае грамадства, у тым ліку сяляне беларускіх губерняў, прынялі абгрунтаванні Часовага ўрада аб небяспечанасці паскоранага правядзення аграрнай рэформы. Але па меры палітызацыі грамадскага жыцця і пагаршэння эканамічнага становішча ў краіне стваралася пагроза для нармальнай падрыхтоўкі аграрнай рэформы.

Адной з асноўных прычынаў запавольвання гэтага працэсу на ўзроўні Міністэрства земляробства і Галоўнага зямельнага камітэта з’яўлялася процідзеянне з боку кадэцкіх міністраў у ажыццяўленні асноўнага патрабавання сялянскіх з’ездаў аб наданні зямельным камітэтам яшчэ да склікання Устаноўчага сходу большых паўнамоцтваў у галіне распараджэння, у тым ліку размеркавання памешчыцкай, царкоўнай і іншай зямлэй.

Літаратура

1. Шидловский, С. И. Воспоминания / С. И. Шидловский // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г.: сборник / Сост., послесл., примеч. С. М. Исхакова. – М.: Книга, 1991. – 639 с.
2. Вестник Минского губернского комиссариата. – 1917. – № 14.
3. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. За первую половину 1917 года. – Петроград: Сенатская типография, 1917. – 855 с.
4. Керенский, А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары / А. Ф. Керенский. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
5. Веселовский, Б. Главный земельный комитет / Б. Веселовский // Русское слово. – 1917. – 24 мая. – С. 1.
6. Шидловский, С. И. Воспоминания / С. И. Шидловский // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г.: сборник / Сост., послесл., примеч. С. М. Исхакова. – М.: Книга, 1991. – 639 с.
7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 628. Гарадоцкі павятовы зямельны камітэт Віцебскай губерні. Воп. 1. Спр. 3.
8. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы: в 2-х т. Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль – октябрь 1917 г.) / Редкол.: Г. С. Горбунов, Ф. А. Новиков, М. С. Кравченко и др. – Минск: Госиздат БССР, 1957. – Т. 1. – 1008 с.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей НГАБ). Ф. 2679. Быхаўскі павятовы зямельны камітэт. Воп. 1. Спр. 5.
10. НГАБ. Ф. 2679. Быхаўскі павятовы зямельны камітэт. Воп. 1. Спр. 5.
11. НГАБ. Ф. 2090. Рагачоўская павятовая зямельная ўправа. Воп. 1. Спр. 2.
12. Шидловский, С. И. Воспоминания / С. И. Шидловский // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г.: сборник / Сост., послесл., примеч. С. М. Исхакова. – М.: Книга, 1991. – 639 с.
13. Съезд представителей земельных комитетов // Народное слово. – 1917. – 27 август. – С. 4.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР, КГБ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР И МВД СССР, ДИСЛОЦИРОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БССР (1920–1991 ГГ.)

The article analyses educational and scientific-research activities in the field of the new and latest history of foreign countries at higher educational institutions of the Ministry of Defence of the USSR, of the Committee of State Security under the Council of Ministers of the USSR, and of the Ministry of Home Affairs of the USSR located on the territory of the BSSR in 1920–1991: United Belarussian Military School, Minsk Higher Engineering Zenithal-Rocket School, Minsk Higher Military-Political School, Minsk Higher School of the Ministry of Home Affairs of the USSR, Minsk Higher Courses of the Committee of State Security of the USSR.

Введение. Большой интерес в сфере изучения деятельности научных центров в области исторических исследований представляет тема преподавания и научного исследования новой и новейшей истории зарубежных стран в высших учебных заведениях Министерства обороны СССР, Комитета государственной безопасности и МВД СССР, дислоцированных на территории БССР в 1920–1991 гг. Данные проблемы в настоящее время в отечественной историографии практически не разработаны.

Основная часть. Первое военное учебное заведение в Советской Беларуси, краткосрочные 81-е пехотные курсы командного состава, позднее Минские пехотные курсы РККА, было сформировано в 1921 г. в Минске. В 1924 г. на их базе была организована 7-я Объединенная военная школа имени ЦИК БССР (ОБВШ) с трехгодичным сроком обучения [1, с. 26].

ОБВШ было известное в то время военное учебное заведение. На его трех отделениях готовились командиры для кавалерии, артиллерии и пехоты. В школе почти треть учебного времени отводилась на общеобразовательные предметы: история, география, белорусский язык и литература, физика, марксизм-ленинизм и пр. В перечень военных дисциплин входили: история Гражданской войны, военное искусство, тактика, огневая подготовка и иные. Однако отдельный курс зарубежной истории, наподобие зарубежного военного искусства, в ней не читался, соответственно не проводились и научные исследования. В Минске лишь издавались редкие книги по военно-исторической тематике типа: Н. Кржановский «Польские салдат» (Минск, 1928) или Р. Почтэр «Узброенныя сілы Польшчы і Латвіі» (Минск, 1929). Не изменилась ситуация и в 1937 г., когда ОБВШ была преобразована в Минское военное пехотное училище имени М. И. Калинина (МВПУ).

14 ноября 1938 г., согласно Постановлению ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды» в Военно-политической академии (Москва) была введена новая учебная дисциплина «История войн и военного искусства», препода-

вание которой поручалось вновь образованной специальной кафедре. Это стало началом изучения в СССР зарубежной военной истории. Но данное событие не оказало никакого влияния на активизацию изучения зарубежной военной истории в МВПУ. 28 марта 1941 г. училище переформировано в бронетанковое.

Однако, на наш взгляд, если бы даже Минское военное училище и осталось пехотным, это бы вряд ли изменило ситуацию. По мнению российского исследователя А. Смирнова общий образовательный уровень командиров РККА в 1930-е гг. был крайне низок. Так, в 1929 г. у 90,8% курсантов пехотных школ было лишь начальное образование или не было вовсе никакого. На январь 1932 г. начальное образование было у 79,1% курсантов военных школ, на январь 1936 г. – 68,5% [2, с. 14]. В области истории курсантам важнее было дать хотя бы основы исторических знаний в объеме обычного школьного курса.

Кроме ОБВШ, в Белорусском (позднее Западном особом) военном округе с 4 ноября 1926 г. функционировала военная кафедра Белорусского государственного университета. Составным элементом военной подготовки в нем была: теория военного дела. Начиная с 1936 г. основной формой работы со студентами на военной кафедре были практические занятия в аудиториях, тире и в поле. Курс зарубежной военной истории не преподавался.

В послевоенный период определенная, но крайне незначительная по объемам образовательная и исследовательская деятельность в области всеобщей истории проводилась в высших учебных заведениях и военных кафедрах Министерства обороны СССР, дислоцированных на территории БССР.

Согласно постановлению Совета Министров СССР в соответствии с директивой Военного Министра Союза ССР и командующего войсками ПВО страны от 3 и 7 февраля 1953 г. было сформировано Гомельское высшее инженерное радиотехническое училище. В августе 1954 г. училище было передислоцировано в Минск, и

стало именоваться – Минское высшее инженерное радиотехническое училище ПВО, с 1968 г. – Минское высшее инженерное зенитно-ракетное училище войск ПВО (МВИЗРУ ПВО). В 1992 г. оно было преобразовано в Минское высшее военное инженерное училище (МВВИУ). В училище на высоком уровне проводились научные исследования в области военно-технических наук [3, с. 411]. Что касается военной истории, то она проблемно преподавалась лишь в рамках курса истории КПСС. На кафедре тактики преподавался курс «История войн и военного искусства», охватывавший общие вопросы отечественной и зарубежной военной истории с Древнего мира до современности.

В Минске дислоцировалось и высшее военно-политическое общевойсковое училище (МВВПОУ), сформированное 10 мая 1980 г. согласно постановлению Совета Министров СССР от 18 августа 1979 г. на базе 11-х Центральные курсы усовершенствования политического состава. Создание училища было продиктовано главным образом необходимостью подготовки офицеров-политработников для армий ряда государств, с которыми Советский Союз сотрудничал в военной области. Так, на 1990 г. в Минском ВВПОУ обучалось 585 курсантов из 5 социалистических и 15 развивающихся государств.

Исходя из специфики службы офицера-политработника, большая часть учебного времени отводилось на изучение общественных наук и военных дисциплин. В рамках изучения исторических наук курсанты слушали курсы истории КПСС, истории СССР, истории международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, международные отношения и внешнюю политику СССР [4, с. 124]. Кафедра истории КПСС, сформированная с апреля 1980 г., была ведущей в области исторических наук в училище. Ее преподаватели читали курсы истории СССР, истории КПСС, а для подготовительного курса иностранного факультета – «Курс Советский Союз». Начальником кафедры в 1980 г. был назначен полковник А. А. Пискунов, кандидат исторических наук, доцент. С мая 1985 г. кафедру возглавлял полковник И. М. Буянов, кандидат исторических наук, доцент. С октября 1990 г. ей руководил полковник А. И. Зюзин, кандидат исторических наук, доцент. В училище велась научно-исследовательская работа, направленная на разработку актуальных проблем общественных наук, военной теории и практики партийно-политической работы, создание научных трудов и учебных пособий. Выпускники Минского ВВПОУ, кроме военной специальности политработника, должны были получить гражданскую специальность «учитель истории средней школы». Однако вопросам

всеобщей истории в этих курсах, кроме как проблемам внешней политики СССР, внимания уделялось недостаточно.

Научными исследованиями на кафедре истории КПСС училища практически никто не занимался, за исключением преподавателя ст. лейтенанта А. А. Урбановича, защитившего в 1993 г. кандидатскую диссертацию на «невоенную» тему «Тактика политических партий Белоруссии в период подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание (март 1917 – январь 1918 гг.)». Отдельные вопросы всеобщей истории обзорно в объеме 20–30 часов рассматривались в курсе «Истории войн и военного искусства», преподававшегося на кафедре тактики.

В октябре 1991 г. в связи с деполитизацией Вооруженных Сил МВВПОУ преобразовано в Минское высшее военно-педагогическое общевойсковое училище, а 3 июня 1992 г. – в Минское высшее военно-командное училище.

Военные кафедры были частью ВС СССР и функционировали в самых различных вузах БССР. Однако единственным вузом в БССР, в котором проходили подготовку историки и имелась военная кафедра, был БГУ. Историки обучались по специальности «командир мотострелкового взвода». Среди изучаемых ими спецпредметов наиболее близок к нашей теме учебный курс «Вооруженные силы иностранных государств», но курсы, которые читал преподаватель этой дисциплины, были исключительно по структуре, тактике и вооружению армий основных капиталистических стран. В итоге даже на военной кафедре ведущего вуза республики не преподавалась и не изучалась зарубежная военная история.

Военная кафедра Минского государственного педагогического института иностранных языков (МГПИИЯ), открывшаяся в 1973 г., занимала особое место в системе подготовки офицеров запаса. Специфика вуза требовала сделать предметом обучения именно зарубежные страны. Однако сотрудники кафедры, кадровые офицеры, сосредоточились на подготовке методических указаний. Так, офицер В. В. Бочков разработал методичку для студентов 4 курса «Идеологическая обработка личного состава вооруженных сил США», А. М. Катлунин – «Идеологическая обработка личного состава вооруженных сил Франции», Ю. А. Мальков – «Идеологическая обработка личного состава вооруженных сил Испании» [5, с. 92–93]. Отдельные офицеры работали над диссертациями. Так, в первой половине 1980-х гг. майор Л. Д. Гренкевич исследовал тему «Критика основных фальсификаторских концепций новейшей англо-американской буржуазной историографии советского партизанского движения в 1941–1944 гг.».

В высших учебных заведениях Министерства обороны СССР на территории Беларуси практически не проводилось исследований в области зарубежной истории. Это положение было отголоском общей ситуации в этой сфере в масштабах Вооруженных Сил СССР. Так, в Постановлении пленарного заседания Научного совета по координации исследований военной истории, прошедшего 28 марта 1984 г. в Москве, отмечалось, что «наибольшее количество трудов (50%) разработано по проблемам истории второй мировой войны и Великой Отечественной войны», но вместе с тем «недостаточное внимание уделяется разработке проблем послевоенного периода, особенно таких как: строительство и подготовка Вооруженных Сил и армий стран социалистического содружества; развитие вооруженных сил основных империалистических государств; военное искусство в локальных войнах и военных конфликтах; международный терроризм США и его проявление в XX веке, интервенционистские действия империалистических держав в новейшее время; конкретные проблемы зарубежной военной истории капиталистических и развивающихся стран. Требуют более глубокого изучения история развития вооруженных сил и военного искусства США, Англии, Франции, Германии, Японии, Италии во второй мировой войне». В конце 1984 г. констатировался низкий уровень исследований в области зарубежной военной истории в целом в СССР. В последующие годы начавшийся системный кризис не позволил выполнить поставленные задачи. В соответствии с Координационным планом научно-исследовательских работ по военной истории на 1981–1985 гг., в который было включено 293 темы, в т. ч. 29 тем по истории войн, военного строительства и военного искусства зарубежных стран, белорусские военные историки из института истории АН БССР разрабатывали темы истории Великой Отечественной войны и партизанского движения, критики западногерманской историографии истории партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны; Гродненского государственного университета – белорусской военной истории эпохи средневековья; МВИЗРУ – проблем военного строительства в СССР, военная кафедра МГПИИЯ – критики англо-американской историографии истории партизанского движения в Беларуси, всего 8 индивидуальных тем. Из них лишь исследование зарубежной историографии можно в некоей мере отнести к вопросам всеобщей истории, да и то лишь один ее исследователь был военным служащим и служил на военной кафедре.

Известный российский военный историк генерал-полковник М. Гареев отмечал: «Большое значение имеет более основательное, глу-

бокое изучение командным составом военной истории... Однако, к сожалению, военно-историческая подготовка офицерских кадров явно недооценивается. В советских военных вузах, особенно в училищах, изучение военной истории стало крайне недостаточным и примитивным. На изучение военной истории в военных училищах отводилось – 0,5% учебного времени» [6, с. 42].

В мае 1958 г. было образовано Минское отделение факультета заочного обучения Высшей школы МВД. Здесь обучались руководящие работники органов внутренних дел Белорусской ССР, республик Советской Прибалтики, Смоленской и Калининградской областей РСФСР. В соответствии с поручением Совета Министров СССР от 20 июля 1964 г. отделение было преобразовано в Минский очно-заочный факультет (О-ЗФ). После преобразования в сентябре 1973 г. Высшей школы МВД СССР в Академию МВД СССР Минский О-ЗФ стал функционировать как Минский факультет Московского филиала юридического заочного обучения при Академии МВД СССР. Постановлением Совета Министров СССР от 29 октября 1975 г. и изданным в соответствии с ним приказом МВД СССР от 9 декабря 1975 г. на базе Минского факультета 1 января 1976 г. была образована Минская высшая школа МВД СССР. Сразу был взят курс на приближение всей системы обучения к непосредственной деятельности практических органов [7, с. 142]. В апреле 1992 г. на базе МВШ МВД СССР была создана Академия милиции Республики Беларусь. Что касается преподавания и исследования проблем всеобщей истории, то этого в МВШ не проводилось.

Особое положение занимало закрытое учебное заведение КГБ СССР – Минские высшие курсы КГБ СССР. Приказом министра государственной безопасности СССР от 27 декабря 1946 г. во Львове была создана специальная школа № 302 по подготовке оперативного состава для органов госбезопасности (контрразведка) [8, с. 286]. Срок обучения составлял 2 года, однако учитывая реальный низкий уровень общей подготовки курсантов (многие имели лишь 7 классов школы) в учебном процессе, наряду со специальными дисциплинами, значительное место занимали общеобразовательные предметы, которые вели преподаватели Львовского университета. В 1954 г. школа передислоцирована в Могилев, где с 1956 г. она начала подготовку оперативных работников на базе высшего образования, а в 1957–1960 гг. осуществляла подготовку сотрудников со знанием иностранного языка. В школе готовили кадры для территориальных органов государственной безопасности, поэтому изучению зарубежной истории (кроме деятельности противоборст-

вующих спецслужб) в нем не уделялось внимания, а преподавались лишь так называемые дисциплины общественно-политического цикла.

В 1961 г. школа была переведена в Минск, что существенно улучшило условия обучения курсантов. Распоряжением Совета Министров СССР от 18 сентября 1964 г. Минская специальная школа была реорганизована в Высшие курсы КГБ при СМ СССР (МВК КГБ) с годичным сроком обучения на базе высшего образования. В этот период начала проводится научно-исследовательская работа, но только в области права и специальных дисциплин. В июле 1976 г. в целях дальнейшего улучшения качества подготовки и переподготовки кадров на Высших курсах вместо циклов были организованы кафедры, которые возглавили кандидаты наук. Их создание позволило развернуть научно-исследовательскую работу. Курсы давали специальное (чекистское), юридическое и среднее военное образование. Среди юридических дисциплин определенное внимание уделялось международному праву. В цикле гуманитарных дисциплин важное место занимали вопросы современной международной обстановки и политики, читаемые в курсе лекций истории КПСС и научного коммунизма, история органов безопасности СССР. Однако срок обучения и количество часов, отводимых на изучение международных проблем было мало. Так, в аналогичной Московской Высшей Краснознаменной школе КГБ слушатели-контрразведчики в течение 3 лет изучали историю КПСС, марксистско-ленинскую философию, политическую экономию, научный коммунизм, историю учений о государстве и праве (новый и новейший периоды) историю государства и права зарубежных стран, государственное право зарубежных социалистических и буржуазных стран, международное право [8, с. 61].

В 1988 г. открылся качественно новый этап в деятельности учебного заведения. Курсы перешли на полуторагодичную подготовку оперативных работников подразделений контрразведки. С этого времени профессорско-преподавательский состав Высших курсов более активно включился в научный обмен с коллегами из «гражданских» вузов и научно-исследовательских учреждений СССР. Так, с 1989 г. заместителем начальника курсов по научной работе и одновременно начальником специальной кафедры был У. Р. Латыпов, защитивший в 1988 г. в Москве кандидатскую диссертацию в области международного права на тему «Международно-правовая борьба с государственным терроризмом». Однако на Минских Высших курсах, вследствие специфиче-

ских задач, выполняемых территориальными (внутренними) органами госбезопасности СССР, и практической направленности обучения, а также смежных проблем, связанных с международным правом и современной международной обстановкой и необходимостью марксистско-ленинского воспитания молодых чекистов, преподавание и исследование тем всеобщей истории не происходило. После обретения Республикой Беларусь суверенитета по решению Верховного Совета Высшие курсы КГБ СССР в январе 1992 г. стали Высшими курсами КГБ Республики Беларусь.

Заключение. Таким образом, в высших учебных заведениях и военных кафедрах Министерства обороны СССР, КГБ СССР и МВД СССР, дислоцированных на территории БССР в 1920–1991 гг., общие и специфические вопросы новой и новейшей истории зарубежных стран преподавались в крайне незначительном объеме и, вследствие этого, данная область знаний не стала объектом научных исследований, как, в хорошо обеспеченных кадрами и источниками военных и специальных учебных заведения Москвы или Киева.

Литература

1. Герасімаў, В. М. Аб'яднаная Беларуска вайсковая школа імя ЦВК БССР / Герасімаў В. М. // Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: Экаперспектыва, 1993. – Т. 1. – С. 26.
2. Смирнов, А. Большие маневры / А. Смирнов // Родина. – 2000. – № 4. – С. 12–17.
3. Мінскае вышэйшае ваеннае інжынернае вучылішча // Беларуска энцыклапедыя: у 18 т. – Мінск: Беларуска энцыклапедыя, 2000. – Т. 10. – С. 411.
4. Гусев, Н. Н. Высшие военно-политические училища / Н. Н. Гусев // Советская военная энциклопедия: в 8 т. – М.: Воениздат, 1980. – Т. 2. – С. 124.
5. Отчет о работе института и положение 1975/1976 уч.г. // Национальный Архив Республики Беларусь. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 798.
6. Гареев, М. Военная история / М. Гареев // Новая и новейшая история. – 1992. – № 1. – С. 41–46.
7. Чепиков, Н. П. Восхождение. История Академии МВД Республики Беларусь в событиях и лицах: учеб. пособие / Н. П. Чепиков. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1998. – 232 с.
8. Щит и меч Отечества / В. И. Дементей [и др.]; под общ. ред. В. И. Дементя. – Минск: Общественный пресс-центр Дома прессы, 2006. – 340 с.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В МИНСКОЙ ВЫСШЕЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЕ ПРИ ЦК КПБ (1944–1991 ГГ.)

The article analyses research and educational activities in the field of the new and latest history of foreign countries at Minsk Higher Party School under the Central Committee of the Communist Party of Belarus in 1944–1991. It reveals the activities of the departments of history. Theory and practice of modern international communist working-class and national-liberation movement. World revolutionary process. International economic and political relations. The article dwells upon the work of such specialists as L. Shneerson, E. Pozdnyak, N. Rozin, G. Chernushchenko, A. Chelyadinsky, A. Rozanov and others.

Введение. Необходимость изучения деятельности белорусских исследовательских центров в области истории бесспорна. В этой связи представляет несомненный научный интерес анализ работы историков Минской высшей партийной школы в 1944–1991 гг. В статье речь пойдет в первую очередь о преподавании и изучении всеобщей истории. Даная тема до настоящего времени не являлась объектом непосредственного историографического анализа, присутствуют лишь небольшие статьи общего характера о деятельности партийной школы.

Основная часть. Партийная школа при ЦК КП(б)Б была организована 26 сентября 1944 г. для подготовки партийных, советских и комсомольских кадров. 1 октября 1944 г. Приказом № 1 в штат Партийной школы и школы пропагандистов при ЦК КП(б)Б был зачислен ее первый преподаватель истории Г. А. Левин, преподаватель истории ВКП(б). Он же стал и первым заведующим кафедрой истории ВКП(б). В том же году пришел еще один специалист по истории СССР.

17 мая 1945 г. Приказом № 76 в партшколе была создана кафедра истории, и ее заведующим стал старший преподаватель В. И. Розин, специализировавшийся по новой истории. В июне на кафедру пришел преподаватель истории СССР Н. Н. Суша. С 1 января 1946 г. партийная школа была переименована в Республиканскую партшколу при ЦК КП(б)Б (РПШ). По решению руководства РПШ с весны 1946 г. началось усиление преподавания всеобщей истории на кафедре истории. С 4 апреля на кафедру принят для чтения курса древней и средневековой истории преподаватель из Белгосуниверситета Г. М. Лившиц. В августе 1946 г. был назначен новый заведующий кафедры Е. И. Корнейчик, специалист по истории СССР. Под его началом в это время работало 8 человек. Из них, после прихода с 1 ноября на кафедру совместителя – завкафедры Новой истории БГУ Л. М. Шнеерсона, преподавателей по курсам всеобщей истории стало трое Г. М. Лившиц, Л. М. Шнеерсон и В. И. Розин. С 1 декабря с появлением в коллективе известного специалиста в области но-

вейшей истории Э. М. Поздняка это направление еще более усилилось.

1947/48 учебный год прошел под влиянием постановления ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1947 г. «О недостатках в работе Республиканской партийной школы при ЦК КП(б)Б». В первую очередь в сфере «оживления работы кафедр», улучшения преподавательского состава и «повышения идейно-теоретического уровня лекций и семинаров». Одним из результатов реализации постановления была замена заведующего на кандидата исторических наук А. И. Воронова, специалиста по белорусской истории.

Нужно отметить, что кафедра истории объединяла историков СССР, всеобщей истории и истории международных отношений и являлась на тот момент вторым в БССР после кафедры новой истории БГУ исследовательским центром в сфере международных отношений. Однако то, что трое из пяти специалистов по всеобщей истории на кафедре были совместителями, ее значительно ослабляло. Лишь В. И. Розин был штатным преподавателем и писал кандидатскую диссертацию на тему «Перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую», а также П. М. Ермолаев, пришедший в РПШ после окончания БГУ в 1946 г. Историю международных отношений преподавал С. С. Галилов, заведующий лекторской группой ЦК КПБ(б). В июле 1948 г. в Москву для сдачи вступительных экзаменов в Академию общественных наук ВКП(б) был направлен В. И. Розин, вскоре поступивший и начавший там обучение.

Кафедра не стояла в стороне от идейно-теоретических проблем того времени. Так, одно из ее специальных заседаний было посвящено обсуждению «задач советских историков в области борьбы с буржуазным объективизмом и космополитизмом в исторической науке». Но как отмечалось в отчете кафедры, «нир развивается слабо». Из штатных преподавателей научной работой занимались лишь Воронова и В. И. Розин [1].

На сентябрь 1949 г. на кафедре истории работало 9 человек, в т. ч. преподавали всеобщую

историю: Г. М. Лившиц – древнюю и средневековую, Л. М. Шнеерсон – новую и историю международных отношений, а также И. М. Ермолаев – новую историю. Кроме того, с 20 августа 1949 г. лектором-почасовиком на кафедру был приглашен доцент БГУ Г. М. Трухнов, известный историк-германист. С этого года на 9-месячных курсах при партшколе начал читаться учебный курс «Внешняя политика СССР и современное международное положение», который вели Л. С. Гилилов и Э. М. Поздняк [2]. В марте 1951 г. на почасовой основе в качестве лектора по всеобщей истории был приглашен А. И. Козлов, научный сотрудник из Института истории АН БССР.

С 1951/52 учебного года кафедра начала преимущественно заниматься вопросами новейшей истории и международных отношений. Из 10 человек 7 преподавали эти курсы: Г. М. Лившиц, Л. М. Шнеерсон, П. М. Ермолаев и новый преподаватель, по совместительству завкабинетов марксизма-ленинизма Н. И. Лебедев – различные периоды всеобщей истории, а Л. С. Гилилов, Э. М. Поздняк и Короткевич – внешнюю политику СССР.

С сентября 1952 г. работы историкам прибавилось, так как с этого года РПШ переходила на трехлетний период обучения. На кафедре лекции по всеобщей истории начал читать совместитель кандидат исторических наук Вересов [3].

С марта 1954 г., в связи с уходом Вороновой в докторантуру, кафедру возглавил Э. М. Поздняк [4]. В этом году лекции по новой истории также читал Абрамов.

С 1954/55 учебного года количество часов по всеобщей истории значительно уменьшилось, трансформировались некоторым образом и сами учебные дисциплины – их стало две: всеобщая история на 1-м курсе и внешняя политика СССР на 2-м. Особое внимание было обращено на историю и современные положения стран Востока, особенно КНР. Курсы читали уже только штатные преподаватели кандидаты исторических наук: завкафедрой Э. М. Поздняк – внешнюю политику, а всеобщую историю – В. И. Розин, окончивший АОН при ЦК КПСС, и преподаватель П. М. Ермолаев.

С 1956/57 учебного года началась подготовка по четырехгодичной программе. Произошли серьезные изменения и в работе кафедры, которой с осени 1955 г. вновь руководила Воронова. Она была переименована в кафедру исторических наук, а всеобщая история была изъята из учебной программы. Теперь для 1-го и 2-го курсов читались курсы истории СССР и истории международного рабочего и национально-освободительного движения (ИМКД и НОД). Да и сама кафедра численно была сокращена. Там работали только 5 штатных со-

трудников, в т. ч. курс истории международного рабочего движения читали – В. И. Розин и Э. М. Поздняк [5].

С 15 июля 1957 г. РПШ была переименована в Минскую четырехгодичную партийную школу при ЦК КПБ и с 4 января 1958 г. стала именоваться Минской высшей партийной школой при ЦК КПБ (ВПШ) и находилась таком статусе до 31 октября 1990 г.

Необходимо отметить, что, несмотря на постоянное развитие кафедры, научно-исследовательская работа для ее преподавателей оставалась все же на втором плане, они работали главным образом над отработкой лекций, подготовкой научных докладов на кафедре, на научных сессиях Совета школы и по своим индивидуальным планам. В том году был издан первый выпуск «Ученых записок» и завершена редакционная работа над вторым выпуском.

В 1958/59 учебном году кафедра продолжала работу в прежнем проблемном поле. Преподаватели за прошедший год подготовили следующие публикации: Э. М. Поздняк – «XXI съезд КПСС о дальнейшем укреплении и развитии мировой социалистической системы», В. И. Розин «От Манифеста Коммунистической партии до Декларации коммунистических и рабочих партий социалистических стран 1957 г.» [6].

С осени 1959 г. количество часов на преподавание курса «История международного рабочего и национально-освободительного движения» было увеличено, и кафедре потребовался дополнительный преподаватель по этой дисциплине. С 1 сентября 1960 г. в помощь к Э. М. Поздняку и В. И. Розину пришел преподаватель истории международных движений Г. А. Чернущенко, закрывший свободные часы [7]. В 1961/62 учебном году впервые в истории кафедры была опубликована научная работа по всеобщей истории – брошюра «Национально-освободительное движение народов Африки» за авторством Г. А. Чернущенко.

27 августа 1962 г. кафедра исторических наук приказом директора школы № 138 была переименована в кафедру «Теории и тактики современного международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения». Этим же приказом Воронова была освобождена от должности заведующей, им стал Э. М. Поздняк [8]. На кафедре остались трое преподавателей из прежнего состава – Э. М. Поздняк, В. И. Розин и Г. А. Чернущенко. Для активизации работы по новой проблематике Э. М. Поздняк подготовил тексты и статистический материал к альбому «Мировая система социализма», изданному в Минске в 1963 г., Г. А. Чернущенко начал работу по теме «Национально-освободительное движение в Африке на современном этапе», а Розин продолжал иссле-

довать тему «Борьба за демократию – это составная часть борьбы за социализм» [9].

В этот период сотрудники начали активнее заниматься наукой. Вскоре на ежегодной научной сессии Совета школы ими был сделан ряд сообщений: Э. М. Поздняк – «Некоторые вопросы стратегии и тактики коммунистических партий империалистических стран», В. И. Розин – «О соотношении социалистических и демократических задач рабочего класса», Г. А. Чернушенко – «Рабочее и коммунистическое движение в Странах Африки». Он же завершал в этом году работу над своей африканской темой, посвященной проблемам Ганы, Гвинеи и Мали [10].

С осени 1965 г. на кафедре работало уже 4 сотрудника, в т. ч. один совместитель. В этом году Э. М. Поздняк выступил с докладом на научной сессии Института истории партии при ЦК КПБ на тему «Международное значение русской революции 1905 г.», а также на правах рукописи опубликовал брошюру «Германской Демократической Республике – 16 лет». Но, несмотря на это, в годовом отчете было отмечено, что «наиболее серьезным недостатком в работе кафедры является слабая научно-исследовательская работа ее членов» [11]. С 21 августа 1968 г. на кафедру пришел ст. преподаватель Я. Ш. Бейлинсон, не имевший ученой степени, еще через год, с августа 1969 г., коллектив кафедры пополнился кандидатом исторических наук, доцентом Н. Г. Лобатенко. В июне 1972 г. на кафедру пришел кандидат исторических наук Н. Т. Иванов, выпускник Минского пединститута 1951 г.

В 1976/77 учебном году на кафедру, именованную уже «Международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения» (МК и НОД) был принят кандидат исторических наук А. А. Челядинский. Одновременно с этим был уволен Бейлинсон и на кафедре стали работать только остепененные преподаватели. В следующем году Поздняк опубликовал монографию «КПСС в борьбе за мир».

С начала 1980-х гг. на кафедре работало 4 преподавателя Лобатенко: (заведующий), Иванов (политическая и экономическая карта мира), с 1982 г. этот курс читал совместитель В. А. Божанов, Э. М. Поздняк (МО и ВП СССР), А. А. Челядинский (МКД) и В. И. Розин (МКиНОД) [12]. Отметим, что В. И. Розин, преподавая НОД, был одним из немногих белорусских специалистов в области истории Азии и Африки. В мае 1984 г. умер завкафедрой Лобатенко. На кафедре остались В. И. Розин, А. А. Челядинский и пришедший в этом году ст. преподаватель В. А. Божанов. В этот период на кафедре работало максимальное количество совместителей, чем на любой другой кафедре школы – 31%.

С осени 1984 г. заведующим кафедры был назначен латиноамериканист А. А. Челядинский, вскоре опубликовавший монографию «Латиноамериканский фашизм сегодня». Вместе с ним трудились В. А. Божанов, В. И. Розин (0,5 ставки) и пришедший из БГУ доцент, кандидат философских наук В. А. Жагора. Но уже в следующем году вместо В. А. Божанова и В. И. Розина работали кандидат исторических наук В. В. Кузьминов и кандидат философских наук В. Н. Ухванов, они вели курс «Международного коммунистического движения», а с 1986 г. на кафедру прибыл новый преподаватель из БГУ кандидат философских наук А. А. Розанов, вскоре опубликовавший монографию «Антикоммунизм на службе милитаризма».

Необходимо отметить, что не все специалисты в области международных отношений и зарубежной истории, трудившиеся в школе, работали на кафедре МКД. К примеру, в 1987 г. на кафедру истории КПСС из аппарата советского посольства в Варшаве прибыл кандидат исторических наук Л. В. Лойко, а на кафедру философии из аппарата МИД СССР – кандидат философских наук А. М. Байчоров.

Процесс «Перестройки», начавшийся с 1986 г., оказал значительно влияние на деятельность кафедры. С 1987 г. она была переименована в кафедру «Мирового революционного процесса», а ее состав полностью обновился. Заведующим стал В. И. Адамушко, вместе с ним преподавал курс «Мировое коммунистическое движение» и С. В. Шаврук [13]. В следующем учебном году трансформации кафедры продолжились. Она вновь была переименована в кафедру «Мировой политики и международной деятельности КПСС». Любопытно, что в годовом отчете школы предлагалось, исходя из сложившихся условий, переименовать ее в кафедру «Международных экономических и культурных связей». С этого года обществоведческие кафедры школы работали по НИР «Исследования по целевой программе № 2 – «Совершенствование партийного руководства идейно-воспитательной работой в производственном коллективе». Хотя преподаватели продолжали исследования и по своим индивидуальным темам. К примеру, Розанов изучал «Проблемы разоружения и борьбы идей», а также участвовал в подготовке коллективной монографии «Мировое коммунистическое движение на современном этапе».

В условиях так называемой «углубленной перестройки» кафедра и ее учебные курсы, как и в целом структура и учебный процесс в ВПШ, трансформируется в поисках приемлемой модели существования. В результате постановлением Ученого Совета школы от 4 ян-

варя 1990 г. Минская ВПШ была преобразована в Белорусский институт политологии и социального управления КПБ.

С начала 1990/91 учебного года кафедра мировой политики и международной деятельности КПСС, по мнению руководства института, выпадала из концепции его развития и если и должна была существовать, то под иным наименованием, к примеру, кафедра «Международных экономических и политических отношений». Но исходя из того, что ее тематика в основном дублировалась на иных кафедрах, к примеру, «Истории КПСС», то ее существование считалось нецелесообразным.

К 1991 г. кафедра фактически уже не действовала. Все ее преподаватели были переведены на иные кафедры института и основной кафедрой, где концентрировалось наибольшее количество специалистов по международному коммунистическому движению, стала кафедра «Истории КПСС и политической истории» под руководством Я. С. Павлова. На этой кафедре читались различные темы из проблематики прежней кафедры: Коммунистическое движение в мировой истории; История парламентской демократии; История международных отношений; История мировой социалистической системы [14].

После приостановления деятельности КПБ на территории Беларуси, 24 апреля 1992 г. деятельность партийного института была прекращена, а бывшие преподаватели-международники в основном перешли на отделение международных отношений исторического факультета БГУ.

Заключение. Таким образом, Минская высшая партийная школа в послевоенный период сумела сформироваться из узкоспециализированного учебного заведения в крупный по республиканским меркам центр изучения всеобщей истории, специализируясь в сфере международных отношений и международного коммунистического и рабочего движения

Литература

1. Отчеты о работе Республиканской партийной школы при ЦК КП(б)Б за 1947–1948, 1948–1949 // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 580. Оп. 4. Д. 1. Л. 153, 2, 72, 109.

2. Приказы Республиканской партийной школы при ЦК КП(б)Б. 4 января – 30 декабря 1947 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 580. Оп. 4. Д. 12. Л. 197, 168.

3. Приказы Республиканской партийной школы при ЦК КП(б)Б. 2 января 1951 – 31 декабря 1952 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 580. Оп. 4. Д. 32. Л. 463–464.

4. Отчеты о работе Республиканской партийной школы при ЦК КПБ за 1952–1963 учебный год // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 580. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

5. Отчет о работе Минской четырехгодичной партийной школы за 1956–1957 учебный год // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 580. Оп. 1. Д. 10. Л. 73.

6. Отчет о работе Минской ВПШ за 1958–1959 учебный год. Ф. 580. Оп. 1. Д. 14. Л. 40.

7. Отчеты о работе Минской ВПШ за 1960–1961 учебный год // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 580. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.

8. Приказы Минской ВПШ. 5 января – 30 декабря 1962 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 580. Оп. 4. Д. 105. Л. 204–205.

9. Приказы Республиканской партийной школы при ЦК КП(б)Б. 3 января 1949 – 28 декабря 1950 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 580. Оп. 4. Д. 22. Л. 19.

10. Лицевые счета административно-хозяйственного персонала и преподавателей 1949 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 580. Оп. 4. Д. 25. Л. 47–48.

11. Лицевые счета преподавателей и административно-хозяйственных работников 1951 год // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 580. Оп. 4. Д. 31. Л. 82–83.

12. Лицевые счета слушателей. Сентябрь 1957 – июль 1961 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 580. Оп. 4. Д. 67. Л. 72

13. Приказы Минской ВПШ. 4 января – 13 декабря 1961 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 580. Оп. 4. Д. 99. Л. 62

14. Приказы Минской ВПШ. 5 января – 30 декабря 1962 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 580. Оп. 4. Д. 105. Л. 53.

АСВЯТЛЕННЕ ЖЫЦЦЯ БЕЛАРУСКАЙ І УКРАЇНСКАЙ ДЫЯСПАР НА СТАРОНКАХ БЕЛАРУСКАЙ ЭМІГРАЦЫЙКАЙ ПЕРЫЁДЫКІ

The Belarusian diasporan press devoted attention to Ukrainians. Among the numerous aspects of Belarusian diasporan life, one that will undoubtedly receive considerable attention from researchers is cultural ties of Belarusian and Ukrainian emigrants. The spiritual base of the national selfdetermination, manifestation of identity became the social, political, educational, scientific organizations, national mass media, cultural centers and churches created by Belarusians and Ukrainians. The post-war period was the time of the "cold war" in the world, therefore the influence of press on the public opinion became important in the information war. The main topic of those periodicals was anti-communism. The research is based on materials of Belarusian emigrant press.

Уводзіны. Перыядычныя выданні беларускай дыяспары з'яўляюцца адной з асноўных гістарычных крыніц па гісторыі эміграцыі. Менавіта на старонках газет і часопісаў можна прасачыць развіццё палітычных плыняў за мяжой, грамадскіх аб'яднанняў, культурных асяродкаў і шматлікія іншыя моманты штодзённага жыцця нашых суайчыннікаў у розных краінах свету. У гісторыі XX ст. можна вылучыць шэраг палітычных і эканамічных эміграцыйных хваляў беларускага і ўкраінскага народа, аналіз якіх дазволіць зрабіць высновы пра ролі перыядычных выданняў эмігрантаў.

Асноўная частка. Прэса беларускай эміграцыі з'яўляецца важнай крыніцай па даследаванні палітычных, культурных, адукацыйных, эканамічных і рэлігійных кантактаў беларусаў з іншымі народамі ў замежжы. І трэба заўважыць, што культурныя сувязі беларускай і ўкраінскай дыяспар заўсёды былі і застаюцца шчыльнымі. І на гэта ёсць шэраг прычын: агульная гісторыя, роднасць моваў, падобныя культурныя традыцыі і палітычныя погляды. Самі беларускія эмігранты пра ўкраінцаў пісалі наступным чынам: «Сярод беларусаў і ўкраінцаў, як у краі, так і на эміграцыі, існуе крывёй замацаванае братэрства, калі абодва народы не называць сябе інакш, як гэта часта бывае – «браты ўкраінцы» й «браты беларусы» [1].

Гісторыя развіцця перыядычных выданняў беларускай эміграцыі распачалася на пачатку XX ст. Развіццё прэсы дыяспары неабходна звязць з эміграцыйнымі хвалямі. Першая хваля беларускай эміграцыі на пачатку XX ст. была эканамічнай. Людзі выязджалі за мяжу, каб шукаць там лепшай долі. Эканамічная эміграцыя ў адзрозненні ад палітычнай дазваляе новым жыхарам краіны вельмі хутка адаптавацца ў новай краіне, беларускія эмігранты на пачатку XX ст. ў большасці не трымаліся за свае карані, не захоўвалі культурную адметнасць. Амерыканскі вучоны Морыс Дэйві піша: «Амерыканскія статыстыкі не бачаць адрозненняў паміж вялікаросамі, беларусамі і маларосамі, але ёсць падставы меркаваць, што вялікаросы пераважалі ў расійскай эміграцыі да 1905 г.,

тым часам, як пасля гэтага пачалі ў большай колькасці эміграваць украінцы і беларусы» [2].

Да пачатку Першай сусветнай вайны беларусы і ўкраінцы выязджалі за мяжу зарабіць грошай, стварыць сабе лепшыя ўмовы жыцця. Як правіла, радзіму пакідалі сяляне, большасць з якіх – збядзелыя. У перыяд масавага выезда сялян кошты на гаспадарку падалі, часта іх спецыяльна збівалі, таму асноўнай праблемай для эмігрантаў быў пошук грошаў для ад'езда, на аплату паслуг агенству па афармленні дакументаў.

Наступная хваля эміграцыі пачалася пасля заканчэння Першай сусветнай вайны і з'яўлялася палітычнай. Радзіму пакідалі ўсе тыя, хто веў барацьбу супраць усталявання савецкай улады. Асноўная частка беларусаў і ўкраінцаў абаснаваліся ў Чэхіі, Аўстрыі, Германіі, Францыі, ЗША, Канадзе, Румыніі і Балгарыі. Сярод эмігрантаў былі фактычна ўсе слаі насельніцтва, прычым на Захад выязджалі не толькі зможныя беларусы і ўкраінцы, але і збядзелая частка грамадства.

Працэс афармлення палітычных цэнтраў украінцаў і беларусаў на пачатку стагоддзя адбываўся паступова. Гісторыя развіцця ўкраінскай прэсы эміграцыі пачынаецца значна раней за стварэнне беларускіх эмігранцкіх газет і часопісаў. Адныя з першых перыядычных выданняў украінскай дыяспары сведчаць пра сувязь паміж эмігрантамі розных народаў. Украінскі друк упершыню пачаў публікаваць матэрыялы пра супрацоўніцтва з беларусамі ў 1897 годзе. Першы ўкраінскі каляндар у ЗША паведамляў: «Беларусы пачалі прыбываць у Злучаныя Штаты з заходніх губерняў Расіі пазней за славакаў і русінаў. Беларусы ў сваёй большасці былі праваслаўнай веры» [3]. Дадзеная заўвага сведчыць не толькі пра канстатацыю прысутнасці беларусаў за мяжой, але і пра ўвагу да ўкраінскай эміграцыі.

Адным з першых часопісаў, які выдаваўся ў Злучаных Штатах, стаў часопіс-праграма «Амерыканскі беларус». Выданне выходзіла ў 1930 г. у Чыкага. На старонках «Амерыканскага беларуса» апублікавана інфармацыя пра супрацоўніц-

тва беларусаў і ўкраінцаў. Часопіс здзіўляе шматлікаю рэкламаю, ёсць інфармацыя пра беларуска-ўкраінскі банк, матэрыял пра месца сустрэчы беларусаў з украінцамі. Дадзеныя абвесткі дазваляюць зрабіць выснову пра існаванне агульнага бізнесу паміж беларусамі і ўкраінцамі за мяжой на пачатку ХХ ст.

Усталяванне таталітарнага рэжыму ў Саветкім Саюзе непасрэдна паўплывала на эміграцыю. З канца 20-х гг. яна фактычна была спынена. Магчымаць пераехаць у іншую краіну сусвету заставалася толькі ў жыхароў Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны да 1939 года. З дадзенай тэрыторыі большасць эмігрантаў выязджала па эканамічных прычынах, у асноўным эміграцыя была працоўнай і сялянскай.

Другая сусветная вайна паклала пачатак новай хвалі эміграцыі, якую даследчыкі называюць палітычнай. Прэса эміграцыі пасля вайны мела не толькі інфармацыйны характар, але і аб'ядноўвала эміграцыю, кансалідавала дыяспару. Асаблівасцю тэматыкі пасляваеннай прэсы беларускай і ўкраінскай эміграцыі стаў апантанты антысаветызм. Відавочна, што выдаўцы часопісаў і газет за мяжой – гэта людзі, якія раней супрацоўнічалі з акупантамі, а пасля вайны – з заходнімі спецслужбамі. Іх палітычная дзейнасць арганічна ўпісалася ў тую «халодную вайну», якую ў пасляваенныя гады вялі краіны Захаду супраць СССР.

Разам з тым, акрамя грамадска-палітычных артыкулаў на старонках перыёдыкі размяшчаўся матэрыял пра культурнае, адукацыйнае, рэлігійнае жыццё эміграцыі. Беларуская эмігранцкая перыёдыка з'яўляецца важнай гістарычнай крыніцай па гісторыі беларускай эміграцыі. Прэса беларускай дыяспары сведчыць пра цыклы дакладаў і выступленняў украінцаў і беларусаў пра сваю Бацькаўшчыну. Напрыклад, артыкул «Рэфэрат аб Украіне для Беларусі» [4] распавядае пра выступленне перад беларусамі прадстаўніка Саюза Украінцаў Брытаніі М. Семчышына. У матэрыяле пазначаецца, што дадзены ўкраінска-беларускі вечар з'яўляецца другім з запланаванага цыклу мерапрыемстваў, прысвечаных узаемнаму збліжэнню дыяспар.

Пра культурнае ўзаемадзеянне за мяжой прадстаўнікоў розных дыяспар напісана ў артыкуле «Беларусы, украінцы, летувісы – за адно», выдадзеным ў газеце «Бацькаўшчына». Матэрыял прысвечаны апісанню святкавання ў г. Вангене (французская акупацыйная зона Германіі) 85-х угодкаў паўстання 1863 г. і 110-х угодкаў з дня нараджэння К. Каліноўскага. Дадзены артыкул з'яўляецца тыповым, на старонках эміграцыйнай прэсы дастаткова шмат інфармацыі пра разнастайныя мерапрыемствы, якія аб'ядноўвалі эмігрантаў і апісвалі агульную беларускую і ўкраінскую гістарычную

спадчыну. Аўтар, які падпісаўся псеўданімам Госць, пазначыў: «Прадстаўнік старэйшага беларускага пакалення ў сваёй прамове выявіў супольны шлях змагання Беларусі і Украінцаў, успомніўшы працы прафесара Кіеўскага Універсітэту Украінца Грушэўскага, ягоную «Гісторыю Украінскага Народу», і Беларусі, таксама прафесара-гісторыка таго-ж універсітэту, Даўнара-Запольскага зь ягонымі «Асновамі дзяржаўнасці Беларусі» [5].

Пра жыццё ўкраінскай дыяспары беларускія эмігранты пісалі часцей і больш падрабязна, чым пра іншыя народы. З матэрыялаў можна зрабіць выснову, што беларусы прымалі актыўны ўдзел у нацыянальных святах украінцаў, палітычных і культурных мерапрыемствах. Напрыклад, у артыкуле «На сустрэчы Украінцаў Амерыкі» [6] распавядаецца пра штогадовую сустрэчу ўкраінцаў Паўночнай Амерыкі, на якую ў якасці гасцей запрасілі беларусаў.

Часта матэрыялы газет і часопісаў мелі інфармацыйны характар, публікаваліся абвесткі. Матэрыял «Памятнік Тарасу Шаўчэнку ў Вашынгтоне» распавядае, што плануецца ўрачыста адкрыццё помніка ўкраінскаму паэту. Рэдакцыя газеты «Беларус» звяртаецца да чытачоў з прапановай прыняць актыўны ўдзел ва ўрачыстасцях ўкраінцаў: «Вельмі пажадана, каб і Беларусы, асабліва тыя, што жывуць у Вашынгтоне й аколіцах, прынялі ўдзел ва ўрачыстасцях адкрыцця памятніка Тарасу Шаўчэнку» [7]. Такія абвесткі дапамагалі эмігрантам не толькі падтрымаць украінскія сяброў, але і кансалідаваць беларускую дыяспару.

Не толькі беларускія эмігранты на старонках сваёй перыёдыкі шмат пісалі пра дзейнасць украінскай дыяспары, але і ўкраінцы шмат увагі ў сваіх матэрыялах аддавалі беларусам. Эмігрант і даследчык гісторыі беларускай эміграцыі Вітаўт Кіпель у сваёй кнізе «Беларусы ў ЗША» пазначае: «Было шмат выпадкаў, калі ўкраінцы запрашалі беларусаў узяць удзел у іхніх палітычных мітынгх і культурных імпрэзах. Часам беларусы бралі ў іх удзел, аднак большыня беларускіх імігрантаў, на жаль, была тады яшчэ не гатовая выйсці на палітычную арэну й не заўсёды адказвала на гэтыя запрашэнні» [8]. В. Кіпель падкрэслівае, што ўкраінцы на старонках сваёй перыёдыкі часта спецыяльна вялі рубрыку «З беларускага жыцця», бо ведалі, што іх газеты і часопісы чытаюць шматлікія беларусы.

На старонках перыядычных выданняў беларускія эмігранты выключна станоўча пісалі пра дзейнасць антысавецкага падполля на тэрыторыі Беларусі, асабліва шмат матэрыялаў прысвечана асвятленню дзейнасці ўкраінскіх нацыяналістаў.

Антысавецкае падполле Арганізацыі Украінскіх Нацыяналістаў на тэрыторыі БССР у пасляваенны перыяд прадстаўляла сабой шма-

тузроўневую структуру, асноўнымі элементамі якой былі замежныя кіруючыя цэнтры, арганізацыйна-тэрытарыяльныя адзінкі і ўзброеныя фарміраванні Украінскай Паўстанскай Арміі [9]. Формы і метады дзейнасці Арганізацыі Украінскіх Нацыяналістаў спалучалі дыверсіі і тэрор у адносінах да прадстаўнікоў савецкай улады і мясцовых актывістаў па прапагандысцкай і агітацыйнай рабоце. Асабліва актыўна дзейнасць антысавецкага падполля на тэрыторыі Беларусі была разгорнута на Палессі. Нягледзячы на мерапрыемствы органаў дзяржаўнай бяспекі і ўнутраных спраў БССР, атрады Арганізацыі Украінскіх Нацыяналістаў дзейнічалі да сярэдзіны 1950-х гг.

Праграмныя дакументы антысавецкага ўкраінскага падполля рабілі акцэнт на барацьбе супраць СССР і заклікалі да пабудовы ўкраінскай незалежнай дзяржавы. Менавіта антысавецкі кірунак дзейнасці ўкраінскіх нацыяналістаў цікавіў выдаўцоў беларускай перыёдыкі.

Напрыклад, артыкул «Гутарка з Камандзірам УПА» выключна станоўча ацэньвае дзейнасць арганізацыі. Інтэрв'ю для газеты «Бацькаўшчына» падрыхтаваў У. Курыловіч. Прозвішча камандзіра УПА спецыяльна не называецца, у артыкуле толькі пазначаецца, што ён нядаўна прыбыў у Германію з Бацькаўшчыны разам з групай украінскіх паўстанцаў, а цяпер знаходзіцца ў Мюнхене. Зразумела, што сапраўдныя імёны ўкраінцаў не падаюцца ў выданні з мэтай бяспекі.

Камандзір у інтэрв'ю распавядае пра свой рух, сувязь з беларусамі, падкрэслівае станоўчае стаўленне беларусаў да ўкраінцаў: «Беларускае насельніцтва адносілася да нас вельмі прыхільна. Яно вельмі цікавілася нашым змаганнем, пыталася нас, калі мы ўжо канчаткова зьнішчым бальшавікоў, давала нам ахвотна ўсялякія інфармацыі й наагул памагала, чым магло» [10].

Беларускія эмігранты актыўна пісалі пра навіны, звязаныя з дзейнасцю антысавецкіх украінскіх фарміраванняў, змены ў кіраўніцтве, праведзеныя мерапрыемствы. Артыкул «Сьмерць Змагара за вызваленне Украіны» распавядае пра гібель аднаго з кіраўнікоў Украінскай Паўстанскай Арміі генерала Тараса Чупрынкі. У матэрыяле пазначаецца, што месца кіраўніка фарміраванняў УПА пасля смерці Т. Чупрынкі заняў палкоўнік Васіль Коваль. У газеце рэдакцыя выказвае спачуванне ўсяму ўкраінскаму народу і падкрэслівае палітычную сувязь беларусаў і ўкраінцаў на эміграцыі: «Страта генерала Чупрынкі – гэта страта ня толькі Украінскага Народу, але й усіх волялюбівых народаў, што знаходзяцца ў бальшавіцкай няволі й змагаюцца за сваё вызваленне. Таму ёсць гэта таксама стратай і для Беларускага

Народу, які, падобна, як Народ Украінскі, бесперапынна змагаецца з адным і тым самым ворагам за сваё вызваленне й дзяржаўную незалежнасць» [11]. Беларускія эмігранты на старонках сваёй прэсы выключна рамантычна і гераічна малююць вобраз украінскіх нацыяналістаў.

Палітычныя абвастрэнні падчас «халоднай вайны» дазволілі выкарыстоўваць прадстаўнікоў разнастайных антысавецкіх арганізацый у якасці аднаго з фактараў дэстабілізацыі сітуацыі ў Савецкім Саюзе. Многія эмігранцкія выданні, якія прытрымліваліся антысавецкай ідэяна-палітычнай накіраванасці, прымалі ў гэтай вайне актыўны ўдзел. На старонках беларускамоўных эмігранцкіх перыядычных выданняў можна прасачыць развіццё ідэалагічных устаноў для чытачоў, бо менавіта прэса павінна была адыграць асноўную ролю ў фарміраванні вобраза ворага – Савецкай краіны. Пасля разгрому Германіі шматлікія беларускія эмігранты з ліку ўдзельнікаў калабаранцкіх партый і арганізацый сталі сферай пільнай увагі разведак краінамі Захаду. Заходнім спецслужбам было нескладана маніпуляваць лёсамі эмігрантаў, завербаваць іх было лёгка, бо людзі баяліся выкрыцця іх мінулага, пакарання за супрацоўніцтва з немцамі.

Эмігранцкія перыядычныя выданні з нумара ў нумар намагаліся пераконваць чытачоў у антысавецкіх меркаваннях, часта паднімалася нацыянальнае пытанне. Пры гэтым неабходна адзначыць, што палітычная крытыка на старонках прэсы была выключна аднабаковая, нельга казаць пра аб'ектыўныя погляды аўтараў прэсы эмігрантаў, бо яны не ўспаміналі пра негатыўныя моманты дзейнасці ўрадаў заходніх краін, а бясконца ганьбілі абсалютна ўсе бакі жыцця ў Савецкім Саюзе. Пра тое, што гэта прэса была палітычнай замовай заходніх спецслужбаў, сведчыць відавочная аднабаковасць поглядаў, ідэалізацыя заходняга ладу жыцця і палітыкі.

Прадстаўнікі беларускай дыяспары неаднаразова публікавалі матэрыялы па этнаграфічных межах Беларусі. Асабліваю цікавасць выклікала Палессе, бо дадзены рэгіён вылучаецца сваёй адметнасцю, а мяжа паміж БССР і УССР мела ўмоўнае значэнне ў Савецкім Саюзе. Аднак эмігранты лічылі, што тэрыторыя беларускага Палесся на самой справе значна большая. У адным са шматлікіх артыкулаў пра асаблівасці рэгіёна «Беларуская Гомельшчына» аўтар В. Верасень намагаецца вылучыць этнаграфічныя межы ўкраінскай і беларускай мовы. На думку аўтара, паўночная Чарнігаўшчына тыпова беларуская, бо мова дадзенага рэгіёна адрозніваецца ад мовы паўднёнай Чарнігаўшчыны, дзе яна менш падобная на беларускую: «Калі аўтар гэтых радкоў сваім часам жыў на Дняпры, дзе сустракаюцца цяпер межы БССР і

УССР, дык яму часта даводзілася перакладаць акалічнаму жыхарству ўрадавыя паперы з украінскае мовы, якая была незразумелай, у беларускую мову, якой жыхары гавораць штодзёна» [12]. Неабходна адзначыць, што ўкраінцы на старонках прэсы сваёй дыяспары таксама ўздымалі пытанні межаў, а частку тэрыторыі БССР яны лічылі ўкраінскай. Аўтар артыкула «Беларускае Палесьсе» слухна пазначае: «На поўдні за Прыпяцям прыз суседзства з украінцамі і прыз іхняе ўплывы паляшукі набылі колькі асаблівых этнаграфічных рысаў і становяць крыху адрозны ад сярэня- і паўночна-беларускага тыпу характар» [13]. Сапраўды, Палессе спалучае рысы беларускай і ўкраінскай культуры, з'яўляецца адметным памежным рэгіёнам.

Наступная хваля эміграцыі ў Савецкім Саюзе пачалася ў 1967 г., калі дазволілі выезд з СССР без захавання грамадзянства для шматлікіх катэгорый насельніцтва: яўрэяў, армян, немцаў. Дадзеная хваля савецкай эміграцыі вельмі нязначна папоўніла беларускую і ўкраінскую дыяспару, таму нацыянальнай яе назваць нельга.

Пасля распаду Савецкага Саюза і станаўлення незалежных дзяржаў на Захад з Рэспублікі Беларусь і Украіны пачалі выязджаць у асноўным маладыя людзі па эканамічных прычынах, частка з якіх на радзіму не вярнулася. Дадзены працэс працягваецца ў XXI ст. Эканамічныя матывы для эміграцыі насельніцтва краіны негатыўныя менавіта тым, што некаторыя ініцыятыўныя і таленавітыя грамадзяне дзяржавы намагаюцца будаваць сваё жыццё далёка ад Бацькаўшчыны.

Роля перыядычных выданняў эміграцыі ў апошнія дзесяцігоддзі XX ст. змянілася. Паменшылася патрэба ў газетах і часопісах дыяспары з распаўсюджваннем тэлебачання. З'яўленне Інтэрнет-рэсурса таксама непасрэдна паўплывала на развіццё прэсы за мяжой і значна зменшыла яе ўплыў.

Заклучэнне. Можна зрабіць выснову, што характарыстыкі эміграцыйных хваляў беларускага і ўкраінскага народаў у XX ст. маюць агульныя рысы і асаблівасці. Часта супадаюць прычыны фарміраванняў хваляў, змены сацыяльнага складу дыяспар. Матэрыялы беларускай эмігранцкай перыёдыкі дазваляюць зрабіць выснову пра цеснае культурнае, палітычнае, эканамічнае супрацоўніцтва беларусаў і украінцаў за мяжой Бацькаўшчыны.

Літаратура

1. Украінцы й Вільня // Бацькаўшчына. – 1949. – № 12. – С. 1.
2. Кіпель, В. Беларусь ў ЗША / В. Кіпель. – Мінск: Беларусь, 1993. – С. 14.
3. Кіпель, В. Беларусь ў ЗША / В. Кіпель. – Мінск: Беларусь, 1993. – С. 25.
4. Рэфэрат аб Украіне для Беларусаў // Бацькаўшчына. – 1949. – № 15. – С. 4.
5. Беларусь, украінцы, летувісы – за адно // Бацькаўшчына. – 1948. – № 6. – С. 4.
6. На сустрэчы Украінцаў Амэрыкі // Беларус. – 1963. – № 80. – С. 4.
7. Памятнік Тарасу Шаўчэнку ў Вашынгтоне // Беларус. – 1964. – № 87. – С. 1.
8. Кіпель, В. Беларусь ў ЗША / В. Кіпель. – Мінск: Беларусь, 1993. – С. 276.
9. Валахановіч, І. А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. / И. А. Валаханович. – Минск: БГУ, 2002. – С. 116.
10. Курьловіч, У. Гутарка з Камандзірам УПА / У. Курьловіч // Бацькаўшчына. – 1949. – № 7. – С. 2.
11. Сьмерць Змагара за вызваленне Украіны // Бацькаўшчына. – 1950. – № 64. – С. 3.
12. Верасень, В. Беларуская Гомельшчына / В. Верасень // Бацькаўшчына. – 1948. – № 17. – С. 3.
13. Караткевіч, М. Беларускае Палесьсе / М. Караткевіч // Палесьсе. – 1955. – № 1. – С. 10.

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Successful reforming of any state largely depends on active participation of the youth in this process. The article dwells upon some directions of state support of the youth which will lead to creating conditions for development of potentials of the youth in building strong and prospering Belarus. Protection of the youth is one of the main directions of our state and President policy. Belarus is the country of distinctly stated youth policy which main directions are defined by the Belarusian Youth Republican programme (2006–2010) and are being realized successfully.

Введение. Молодежь – это один из скрытых ресурсов общества, от мобилизации которых зависит его жизнеспособность. Очевидно, что успешное реформирование государства возможно только при активном участии молодежи. Это требует новых подходов к разработке и осуществлению молодежной политики.

Основная часть. В связи с этим возникает необходимость периодического исследования молодежи, сбора достоверной информации о ее жизни, потребностях и интересах. Только на основе объективных данных о положении молодежи может быть осуществлена молодежная политика.

Именно молодежь в сложившейся социально-экономической обстановке является наиболее незащищенной и подверженной различным радикальным и экстремистским идеям. Поэтому есть смысл говорить о необходимости воздействия на молодое поколение с целью формирования физически и морально развитого индивида.

Общества делятся на статичные и динамические. Статичные общества, которые развиваются постепенно при медленном типе изменений, опираются главным образом на опыт старших поколений. Они сопротивляются реализации скрытых возможностей молодежи. Образование в таких обществах сосредоточено на передаче традиций. Такое общество сознательно пренебрегает жизненными духовными резервами молодежи, поскольку не намерено нарушать существующие традиции.

В противоположность им динамические общества, стремящиеся к новым возможностям, независимо от господствующей в них социальной или политической философии, опираются главным образом на сотрудничество с молодежью.

Республика Беларусь, несомненно, относится к динамическим обществам, и забота о молодом поколении всегда была и остается одним из приоритетных направлений политики государства. Подтверждением этого является принятие в 2006 г. сразу трех основополагающих документов, которые определяют главные направления государственной политики в области поддержки семьи, детей и молодежи. Это такие программы, как «Дети Беларуси», «Молодежь Беларуси», «Молодые таланты Беларуси».

Основной целью республиканской программы «Молодежь Беларуси» на 2006–2010 гг. является развитие потенциала молодых граждан для их самореализации и участия в создании сильной и процветающей Беларуси через создание оптимальных социально-экономических, правовых и организационных условий.

Для реализации этой программы ставятся следующие задачи:

- повышение образовательного уровня молодежи, ее готовности к труду;
- патриотическое воспитание, формирование правовой и политической культуры;
- улучшение условий для активного и эффективного участия молодежи в социально-экономической жизни общества;
- совершенствование позитивных молодежных инициатив, соответствующих идеологии белорусского государства;
- формирование здорового образа жизни, укрепление здоровья молодежи;
- совершенствование системы социальной защиты молодежи.

Ошибочно утверждать, что молодежь прогрессивна по своей природе. Ведь консервативные и реакционные движения могут также увлечь молодежь. Молодежь ни прогрессивна, ни консервативна по своей природе – она потенциально, готовая к любому начинанию. Быть молодым означает стоять на краю общества, быть во многих отношениях аутсайдером. И можно утверждать, что подросток, юноша – эта та общественная сила, которая может осуществить различные начинания, потому что он не воспринимает установленный порядок как нечто само собой разумеющееся и не обладает закрепленными законом интересами ни экономического, ни духовного характера. Отсюда – необходимость политической социализации молодежи.

Программа «Молодежь Беларуси» как раз и направлена на то, чтобы начинания, осуществляемые молодыми, носили конструктивный характер. Цель определяет две взаимосвязанные задачи: создание объективных условий для цивилизованного социального становления и развития подрастающего поколения (как объекта молодежной политики); создание благоприятных условий для инновационной, само-

стоятельной деятельности молодежи в различных сферах общества и в интересах самого общества, а также практической отработки новых общественных отношений и форм жизнедеятельности молодежи (как субъектов политики).

Можно утверждать, что государственная молодежная политика – это интегрирование отдельных программ и проектов, касающихся молодежи, в единое целое при усилении регулирующей роли современного государства.

В этой связи следует отметить, что за последние пять лет в республике наметилась устойчивая тенденция роста расходов на образование: если в 2005 г. расходы на образование составили 7% от ВВП, то в 2006г. увеличены по сравнению с 2005 г. на 18%.

Ежегодно ВУЗы республики выпускают свыше 50 тыс. специалистов с высшим образованием, в их числе более 30 тыс. чел. – выпускники дневной формы обучения (2/3 из них получили образование за счет бюджетных средств).

Система стипендиального обеспечения студентов и учащихся в республике включает в себя именные, учебные, социальные, специальные стипендии, а также стипендии Президента РБ. Кроме того, студенты дневной формы обучения, получающие первое высшее образование на платной основе, имеют право на получение кредита на льготных условиях.

Развивается система грантовой поддержки талантливой молодежи. В настоящее время около 35% студентов активно включены в научно-инновационную деятельность.

Одной из функций государства является регулирование занятости, устранение негативных последствий безработицы, существующих и в молодежной среде. В частности, в каждом городе или районе созданы центры занятости, которые выполняют следующие функции: выплачивают пособия по безработице, помогают безработным найти работу, ведут переобучение новым, пользующимся спросом профессиям, оказывают психологическую помощь.

Не может не настораживать все усиливающаяся тенденция ухудшения состояния здоровья детей и подростков. Растущее поколение менее здорово физически и психологически, что и обусловило выработку одного из важ-

нейших направлений государственной молодежной программы – формирование здорового образа жизни, укрепление здоровья молодежи. В этой связи стоит отметить направленность на занятия физкультурой и спортом во всех учебных учреждениях, сооружение оздоровительных и спортивных комплексов и т. д., а главное – проведение соответствующей идеологической политики в этом направлении.

Проявление такой тенденции, как падение социальной ценности труда, предпочтение в трудовой мотивации не содержательному труду, а труду, направленному на получение материальной выгоды, – это делает актуальным направленность на улучшение условий для активного и эффективного участия молодежи в социально-экономической жизни общества.

Молодежь, как особая социальная группа, постоянно находится в фокусе исследований социологов, поскольку именно она является чутким индикатором происходящих перемен и определяет в целом потенциал развития общества. От того, насколько изучен мир ценностей современной молодежи, ее установки, жизненные планы, во многом зависит эффективность разрабатываемых мероприятий.

В повседневной практике управления молодежную политику часто понимают не иначе, как определенные расходы на молодежь, как «содержание» молодежи. Это неверная точка зрения. Безусловно, наиболее значимые молодежные программы, касающиеся охраны здоровья, образования, необходимо финансировать. Не обойтись без расходов и на те социальные группы, которые сами себя не в состоянии прокормить (инвалиды, сироты).

Однако большей части молодежи нужны скорее не инвестиции, не материальная помощь, а определенные авансы для жизненного старта. Поэтому основным принципом государственного отношения должен быть принцип кредита доверия и определенной финансовой поддержки.

Заключение. Беларусь является одной из немногих стран на постсоветском пространстве, где четко сформулирована и проводится государственная молодежная политика. Защита интересов молодежи – это одно из приоритетных направлений президентского курса.

ЭВАЛЮЦЫЯ ПАЛІТЫКІ САМАДЗЯРЖАЎЯ Ў ДАЧЫНЕННІ ДА ВЫШЭЙШАГА САСЛОЎЯ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ.

The article deals with the situation in the sphere of the Russian empire authorities policy in Belarus which was referred at higher groups of society. On the basis of archival sources and scientific researchs this diverse politics of central and local government are researched. This process was slow evolution to strict and drastic measures for local nobility. The main reasons of this was urge towards limitations of poor nobility amount in western gyubernies and also wish for destruction of old traditions.

Уводзіны. Статус спадчыннага двараніна Расійскай імперыі стаў для шляхты былой Рэчы Паспалітай адзіным шляхам выратаваць і захаваць сваё адметнае становішча ў сацыяльнай структуры грамадства пасля далучэння Беларусі і правабярэжнай Украіны да Расіі. Гэтае імкненне было натуральным у агульным кантэксце мерапрыемстваў царскага ўрада па ўладкаванні заходніх губерняў. Адрозна заўважым, што мерапрыемствы, якія планавалі правесці на гэтых тэрыторыях, далёка не заўсёды былі рэалізаваны на практыцы, а таксама відавочны пэўныя ваганні ўрада па шляхецкім пытанні.

Пры даследаванні гэтай праблемы нельга не звярнуць увагу на працы такіх гісторыкаў як Д. Бавуа [1], В. Шандра [2], С. Лісенка [3].

Асноўная частка. Нягледзячы на выданне ў 1785 г. «Жалаваннай граматы дваранству», масавая легітымацыя дваранскіх правоў шляхты заходніх губерняў не праводзілася каля 10 гадоў. Справа ў тым, што толькі ў 1797 г. быў падпісаны апошні трактат паміж Расіяй, Прусіяй і Аўстрыяй, паводле якога Расійская імперыя замацавала за сабою Літву, Заходнюю Беларусь, Валынь, Падолле, Кіеўшчыну. Палажэнні гэтай канвенцыі мелі вялікі ўплыў на палітыку ўладаў Расійскай імперыі на адзначаных тэрыторыях. Акрамя таго, гэтая канвенцыя ліквідавала польскае падданства, што адкрывала «перспектыву прыцягнення расійскім урадам на службу велізарнай колькасці насельніцтва» [3, с. 12].

Гэтая праблема (інкарпарацыя шляхты ў сацыяльную структуру Расійскай імперыі) вырашалася на працягу больш чым паўстагоддзя. Менавіта па гэтай прычыне праводзілася рэвізія 1795 г. і прымаўся цэлы шэраг законаў канца XVIII ст. Нягледзячы на тое, што імператар Павел I і скасаваў дзеянне дваранскай граматы, ён таксама спрабаваў адшукаць «ідэальнае рашэнне» для шляхты. У прыватнасці, у 1797 г. Павел I пісаў аб гэтай групе насельніцтва: «Я всего пристойней нахожу, определять их в армейские полки унтер-офицерами, а тем, которые из них и поведением, и видом отличаются, присылать в Петербург для помещения в конную Гвардию, в Лейб-Гусарские эскадроны и даже в Кавалергардский корпус; сим образом доставится им не только способ к содержанию в жизни, но и к выгодному продолжению оной» [4 с. 524]. У гэ-

тым кантэксце перад урадам паўстаў шэраг праблем:

– шляхта складала значную частку насельніцтва на тэрыторыях былой Рэчы Паспалітай, а захаванне яе прывілеяў вяло да памяншэння падатковых паступленняў з гэтых правінцый;

– шляхта, у выпадку прызнання за ёй правоў расійскага дваранства, стварала велізарны дысбаланс размяшчэння гэтага прывілеяванага стану па тэрыторыях;

– існаванне шляхты магло мець разбуральны ўплыў на сацыяльную структуру Расійскай імперыі, у якой статус кожнага вызначаўся наяўнасцю ці адсутнасцю маёнткаў з прыгоннымі;

– культурная, рэлігійная і маёмасная адметнасць шляхты ўспрымалася як патэнцыйная пагроза, якая асацыяравалася з жаданнем аднавіць польскую дзяржаўнасць.

Аднак актывізацыя ўрадавых дзеянняў у вырашэнні шляхецкага пытання прыпадае на 1800 г., калі быў выдадзены шэраг указаў, якія вызначалі напрамкі гэтага працэсу. Прычынай такой актывізацыі стала данясенне імператару стацкага саветніка Катлубіцкага аб велізарнейшых стратах казны па заходніх губернях. Згодна з гэтым дакументам, шляхта магла стаць адной з фіскальных крыніц, даючы казне да двух мільёнаў рублёў [3, с. 24]. Але ўступленне на прастол Аляксандра I змяніла сітуацыю ў заканадаўстве аб дваранстве. Адзіным заканадаўчым актам ў гэтай сферы, які працягваў дзейнічаць, быў указ аб стварэнні і публікацыі Агульнага гербоўніка. Аднаўленне «Жалаваннай граматы дваранству» адзначылася масавым прызнаннем шляхты ў спадчынным дваранстве на працягу 1801–1804 гг., аб чым сведчаць як нашыя назіранні паводле матэрыялаў Віленскага генерал-губернатарства, так і сцвярджэнні іншых даследчыкаў па матэрыялах Кіеўскага генерал-губернатарства. У гэтым працэсе праявіліся і агульныя для заходніх губерняў асаблівасці. Найперш неабходна ўзгадаць, што тагачаснае заканадаўства прызнавала 15 бяспрэчных доказаў спадчыннага дваранства. Не называючы іх адначасна, што працэс легітымацыі шляхты выявіўся не такім дасканалым, як яго хацелі бачыць у Санкт-Пецярбурзе. Масавым сюжэтам стала прызнанне дваранскіх правоў на падставе толькі другарадных дакументаў (сведчанні іншых асоб,

арэндадаўцаў, метрычных запісаў і г. д.). Але нават такія прызнанні ў дваранстве губернскімі дэпутацкімі сходамі не маглі хутка вырашыць шляхецкае пытанне. Мясцовым чыноўнікам было зразумела, што ў вызначаны тэрмін немагчыма правесці праверку правоў кожнага, хто прэтэндаваў на статус спадчыннага двараніна Расійскай імперыі. З гэтай нагоды ў верасні 1803 г. маршалак Літоўска-Віленскай губерні Міхал-Геранім Бржастоўскі падаў міністру ўнутраных спраў графу В. Качубею рапарт пра неабходнасць «облегчыць способы в отыскании дворянства убогой шляхте» [5, с. 6]. Падобныя дакументы з'явіліся і ва ўкраінскіх губернях (на імя ваеннага губернатара Аляксандра Тормасава). У выніку тэрмін пацверджання дваранскіх правоў падаўжаўся не адзін раз на працягу ўсёй першай трэці XIX ст. Неабходна заўважыць, што ў 1800-х гг. дробная шляхта ў свядомасці імперскіх чыноўнікаў належала да самабытных этнічна-сацыяльных груп, як, напрыклад, яўрэі [3, с. 32]. Існаванне такой катэгорыі насельніцтва афіцыйныя законатворцы нават спрабавалі растлумачыць праз мадэліраванне такой з'явы, якая пазней будзе акрэслена як «безмерное размножение сомнительных русских дворян, в которых спешили превращать шляхту» [3, с. 33]. Сцвярджалася, што ў выніку такой сітуацыі шмат асоб недваранскага паходжання выдавалі сябе за шляхту. Імі былі мяшчане, вольныя асобы, зафіксаваныя ў такім стане ў рэвізіі 1795 г., дваровыя людзі з сялян, якія ведалі польскую мову, выхадцы з Галіцыі, Варшаўскага княства нерадавітага паходжання, а таксама дэзерціры з расійскай арміі, якія змянілі сваё прозвішча [9]. На карысць гэтага меркавання гаворыць і з'яўленне ў 1808 г. праекта палажэння «Аб шляхце». Праўда, непадпісанае Аляксандрам I гэтага палажэння сведчыла аб паступовым павароце ўрада ад прызнання шляхты асобнай сацыяльнай групай, статус якой мог быць вызначаны спецыяльным законам, да пакідання праблемы нявырашанай на няпэўны тэрмін. Паміж фіксацыяй сацыяльнай самабытнасці шляхты і павольным дрэйфам у бок яе легітымацыі было абрана апошняе. Сярод крыніц адзначанай самабытнасці дробнай шляхты было разуменне «благородного» дваранства як уладальнікаў маёнткаў з прыгоннымі, чым гэтая група шляхты не вызначалася.

Урад нават пайшоў на пашырэнне практыкі напалегалічных прызнанняў у дваранстве прадстаўнікоў шляхты, хаця збіраў звесткі пра парушэнні. Напрыклад, у 1818 г. стала вядома, што дваранскі дэпутацкі сход прыняў станоўчае рашэнне аб легітымацыі Урбановічаў з Лідскага павета, якія паводле рэвізій 1795 і 1811 гг. былі запісаны ў лік сялян князя Радзівіла, а таксама Кеткоўскіх, якія не мелі ніякіх дакументальных доказаў шляхецтва [6, л. 7].

Акрамя таго, шляхецкая ментальнасць была неаддзельная ад таго сімвалу шляхецкага самакіравання, які ў ёй менш выклікаў даверу, але які баранілі як святую рэліквію часоў «залатой вольнасці». Дзяку юны петыцыям да Паўла I і Аляксандра I шляхце ў Расійскай імперыі ўдалося зберагчы тыя формы (ліквідаваныя ў аўстрыйскай і прускай частках), якія без цяжкасцяў былі прыстасаваныя да структур расійскага дваранства.

Сама ж канцэпцыя расійскага дваранства базіравалася на паняцці службы [1, с. 33-4.] Яна магла быць адміністрацыйнай ці ваеннай. Таму ў мікалаеўскую эпоху праявіліся іншыя асаблівасці атрымання шляхтай статусу дваранаў. Яшчэ на працягу 1827–1829 гг. кіеўскі вайсковы губернатар Пётр Жалтухін звяртаўся да Камітэту Міністраў з прапановай аб правядзенні больш жорсткай палітыкі ў адносінах да шляхты. Ён называў памылкаю шырокую інкарпарацыю шляхты ў расійскае дваранства, паколькі, знаходзячыся непасрэдна ў цэнтры падзей, разумёў, што прызнанне вялікай колькасці шляхты дваранамі будзе перашкаджаць рэалізацыі палітыкі царызму на гэтых тэрыторыях [3, с. 36].

Хрэстаматыйным для шляхецкага пытання стала важнасць закона ад 19 кастрычніка 1831 г. Цікава, што ініцыятарам ягонага выдання стала міністэрства фінансаў [1, с. 54]. Можна дапусціць, аднак, што не гэта паслужыла ўсё ж асноўнай прычынаю з'яўлення дадзенага дакумента. У сваю чаргу рэакцыяй Дваранскіх дэпутацкіх сходаў на яго была вялікая колькасць легітымацый.

Не менш важным стаў указ Сената ад 11 кастрычніка 1832 г. «О разделении на три разряда людей, принадлежащих к сословию бывшей шляхты» [7, с. 836]. Гэтым дакументам шляхта падзялялася на наступныя катэгорыі:

- дваране, як зацверджаныя, так і не зацверджаныя, але якія валодалі населенымі маёнткамі і сялянамі без зямлі або прыгоннымі і дваровымі людзьмі;

- дваране, зацверджаныя Дваранскім дэпутацкім сходам, але якія не валодалі населенымі маёнткамі;

- шляхціцы незацверджаныя, якія не валодалі населенымі маёнткамі.

У гэтым жа ўказе забаранялася выдаваць пасведчанні на дваранства без зацвярджэння Герольдыяй.

Цалкам відавочна, што толькі дваране 1-га разраду мелі ўсе шанцы ў далейшым зберагчы сваё прывілеяванае становішча. Дваране 2-га разраду мелі сумніўныя перспектывы, паколькі гэтая група выглядала вельмі недваранскаю ў вачах улады.

У 1830-я гг. праявілася і пэўнае разбурэнне карпаратыўнасці шляхты. Калі, па сведчанні Д. Бовуа, да 1830 г. «беззямельныя шляхцічы вя-

лі жыццё паводле даўняй шляхецкай салідарнасці, гэтыя маленькія людзі жывуць больш-менш у арбіце і з ласкі багатых, арэндуючы і асабістымі рукамі апрацоўваючы надзел зямлі, жывучы ў хаце, якая не заўсёды ім належыць, і выконваючы разнастайныя дробныя функцыі, якія, аднак, дазваляюць ім захоўваць пачуццё годнасці» [1, с. 157], то ў 1830-х гг. з'яўляюцца выпадкі запісання чыншавай шляхты буйнымі памешчыкамі ў стан сялянаў. Гэтай з'явы, названай польскімі даследчыкамі дэкласцыяй, імкнуліся пазбегнуць усе. Тадэвуш Краўчак пісаў пра гэта наступнае: «Антаганізм шляхецка-сялянскі праяўляўся на кожным кроку. Рознымі спосабамі бараніліся ад ураўнання з сялянамі» [8, с. 251].

Найбольшай жа перашкодай для атрымання статусу спадчыннага двараніна для шляхты стала дзейнасць Цэнтральнай рэвізійнай камісіі на працягу 1840–1844 гг., якая прывяла да вялікай колькасці дэкласцыі, асабліва на Правабярэжжы. Менавіта гэты рэгіён Расійскай імперыі стаў месцам расправы над шляхецкай карпарацыяй былой Рэчы Паспалітай. Паводле падлікаў Д. Бавуа, ў 1840–1844 гг. у заходніх ўкраінскіх губернях было дэкласавана (г. зн. выключана са шляхецкага і дваранскага стану) 19 638 сямей. Прычым сярод гэтай колькасці амаль 11 тыс. сямей былі запісаны ў падатныя станы без праверкі дакументаў [1, с. 180]. Такія вынікі дзейнасці рэвізійнай камісіі можна звязаць з дзейнасцю Дз. Г. Бібікава, які на пасадзе кіеўскага генерал-губернатора дамагаўся «зліцця Заходняга рускага краю са старажытнай айчынай прыродных яго жыхароў» [9, с. 27]. Менавіта гэты чыноўнік у справаздачы 12 чэрвеня 1843 г. сцвярджаў, што на 541 прызнаную ў дваранскім статусе асобу прыпадае 79 069 чалавек, якія выключаны са стану шляхты і запісаны ў аднадворцы [1, с. 181].

Заклучэнне. Такім чынам, менавіта перыяд 1831–1845 гг. стаў пераломным момантам у становішчы шляхты. Новае заключалася найперш у неабходнасці шукаць сваё месца ў сацыяльнай структуры Расійскай імперыі калі не праз губернскі дваранскі сход, то праз іншыя

шляхі. А перыяд да 1830 г. быў для шляхты перыядам, калі, нягледзячы на падзелы Рэчы Паспалітай, мала што змянілася ў яе становішчы.

Літаратура

1. Бовуа, Д. Шляхтич, крипак і рэвізор: Польска шляхта між царызмом та украінскімі масамі (1831–1863) / Д. Бовуа / Переклад з французькай Зоі Борисюк. – Київ: ІНТЕЛ, 1996. – 415 с.

2. Шандра, В. Київське генерал-губернаторство 1832–1914 рр. Історія створення та діяльності, архівний комплекс і його інформативний потенціал / В. Шандра. – Київ, 1999. – 312 с.

3. Лисенко, С. Правобережна шляхта, кінець XVIII – перша половина XIX ст. / С. Лисенко, Е. Чернецький. – Біла Церква: ТОСК, 2002. – 391 с.

4. О сформировании полка из татар, поселенных в новых провинциях, под названием Пинского, и об определении бедных шляхтичей в армейские полки унтер-офицерами. 1797 Апреля 3. Именной, данный Генералу от Инфантерии Философу // Полное собрание законов Российской империи. – Т. XXIV. – 6.11.1796–1789. – СПб., 1830. – № 17903. – С. 524.

5. Неупокоев, В. И. Преобразование беспоместной шляхты в Литве в податное сословие однодворцев и граждан (вторая треть XIX в.) / В. И. Неупокоев // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. – Москва: Наука, 1974. – С. 5–6.

6. Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў (ЛДГА). Ф. 391. Воп. 5. Спр. 289.

7. О разделении на три разряда людей, принадлежащих к сословию бывшей шляхты // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе – Т. VII. – 1832. – СПб., 1833. – № 5746. – С. 836–837.

8. Krawczak, T. W szlacheckim zaścianku / T. Krawczak. – Warszawa-Siedlce: SONOR LTD, 1993. – 436 s.

9. Чапко, В. У. Бібікавы / В. У. Чапко // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 2: Беліцк – Гімн. – Мінск: БелЭн, 1994. – 537 с.

МЕСТО И РОЛЬ АГРЕССИИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА (ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ОБЗОР)

The article presents some views, mainly those of philosophers, on determining the factors evoking aggression in the society. Priority is given to the intellectual factor: growth and development of human mind – scientific knowledge, world outlook and religious beliefs. The article analyses historical relationships of forms of values and levels of thinking. The higher the level of knowledge, the higher moral culture and the lower possibilities for aggression.

Введение. Проблема места и роли агрессии в истории развития человеческой мысли всегда привлекала к себе внимание исследователей. Однако как показывает анализ результатов некоторых исследований по данной проблеме, в философии трудно выделить какую-либо общую концептуальную основу во взглядах на нее, что, в свою очередь, создает определенные трудности для их систематизации и обобщения.

Основная часть. *Древний мир.* Самые первые взгляды о роли агрессии в развитии общества представлены в творчестве древних поэтов, историков и драматургов. Эти взгляды носили в основном мифологический характер и были связаны с фатальным отношением к злу. Агрессия и насилие осуждались, но принимались как воля богов.

Взгляды о природе агрессии и зла представлены также у древнегреческих философов. Среди них следует выделить несколько точек зрения на проблему. *Первая* рассматривает феномен агрессии онтологически, как результат деятельности «Космоса», в котором закон борьбы противоположностей является определяющим. Впервые эту идею сформулировал Гераклит, утверждающий, что «противоречие – отец и мать всего сущего», а агрессия как ее разновидность.

Вторая точка зрения исходила из признания биологической (врожденной) агрессивности людей по отношению друг к другу. Так, римскому философу Иосифу Плавту приписывается изречение, что «человек человеку – волк». В XVI в. Оно было подхвачено Т. Гоббсом и до настоящего времени служит основополагающим принципом учений о врожденных агрессивных инстинктах человека.

Своеобразная трактовка проблемы агрессии представлена у другого древнегреческого мыслителя Платона Афинского (427–347 гг. до н. э.). Философ рассматривал агрессию как составную часть политики, где миру сверхчувственных, неизменных и вечных идей (Платон называл его «истинное бытие») противостоит изменчивая и преходящая сфера чувственных вещей (мир «становления»).

Для Платона основным способом понимания агрессии было ее выделение из чувственно-материального, вещественного начала и проти-

вопоставления этому «хаотическому» началу светлой и вечной души «Космоса». Почти все античные философы придерживались концепции, характеризующейся коренным преимуществом души перед телом в ее способности к познанию. Именно она дала ключ к еще одному своеобразному пониманию феномена агрессии – через отождествление его с незнанием, невежеством. Такое толкование проблемы было, по тем временам, заметным шагом на пути к демифологизации агрессии. Такого мнения придерживался Сократ (470–399 гг. до н.э.).

Рационалистическая мораль Сократа построена на принципе единства знания и добродетели. Люди агрессивны вследствие причастности к какому-либо пороку – невежеству, безрассудству, нечестивости, несправедливости либо трусости. Всякая добродетель (доброе дело, поступок) основана на знании, а агрессия (злой поступок) проистекает из невежества.

Таким образом, у мыслителей древнего мира понимание причин и исторической роли агрессии еще очень наивно и носит в основном мифологический и религиозный характер. Но вместе с тем уже есть и зачатки их «научного» (рационального) понимания. При этом просматриваются два подхода к оценке роли агрессии в истории: одобряющий и осуждающий. Для большинства философов этого периода истории весьма характерно понимание агрессии как фатальной необходимости, даже если оно осуждалось как явное зло.

Средневековье. Пришедшее на смену Древнему миру Средневековье на длительное время установило господство религиозной догматики, в рамках которой развивались и все воззрения на проблему агрессии, насилия и зла.

Самым распространённым в средние века было теологическое учение Святого Аврелия Августина (354–430 гг.), утверждавшее, что природа зла и агрессии в первородном грехе человеческом [1, с. 71].

Первородный грех выражается, в первую очередь, в активном стремлении к злу либо словом (вербальная агрессия), либо поступком (физическая агрессия).

Идея человеческой природы, испорченной первородным грехом, задавала парадигму для христианской культуры от Августина до наших

современников. Чтобы быть нравственно чистой, личность, окунаясь в житейский поток, бесспорно должна придерживаться определенных принципов, оставаться устойчивой и тождественной себе. Мечта людей о вечном, о совершенном и прекрасном мировом порядке далеко превзошла возможности рассудочной логики, и поэтому необходимость согласования идеи совершенного Бога с фактом наличия зла и агрессии в мире потребовала огромных усилий средневековых теологов. Из решения этой проблемы возникло оправдание Бога за наличие в мире зло. Сложилось несколько вариантов богооправдания. Агустин, например, усмотрел разрешение этой проблемы в допущении, что зло является своего рода видимостью, которая имеет отрицательное значение только сама по себе или с ограниченной человеческой точки зрения, а с точки зрения вечности, наоборот, является благом.

Согласно этой логике, нравственный порок и грех, будучи злом сами по себе, существуют только для того, чтобы укрепить веру и добродетель. Если устранить все случаи зла, учит Фома Аквинский, то в мире не доставало бы многих благ.

Эпоха Возрождения. Весьма противоречиво и неоднозначно относилась к агрессии и насилию мировоззренческая мысль эпохи Возрождения. С одной стороны, эта эпоха выдвинула идею гуманизма как высшей ценности и главного достояния всей духовной культуры человечества. С другой же стороны, породила стремление к экспансии, открытию и завоеванию новых земель, авантюристическим предприятиям, предполагающим использование насильственных средств.

Заметной фигурой эпохи предстает Н. Макиавелли (1469–1527 гг.), флорентийский общественный деятель и теоретик насилия. В своих произведениях он обосновывает главные движущие силы деятельности людей: эгоизм, стремление к обладанию с помощью силы. Он считал, что правитель государства имеет право использовать в своих целях любые средства, в т. ч. обман и насилие. «Заставить верить силою» – основной политический принцип Макиавелли. Такая мировоззренческая позиция Макиавелли вполне определяла социальный дух того времени.

В эпоху Возрождения постепенно формировалось более глубокое понимание причин и исторической роли агрессии, которое вплоть до первой трети XIX в. поддерживалось подавляющим большинством ведущих мыслителей. Так, многие взгляды на вооруженное насилие были связаны с ответной реакцией на разрушительные войны того времени и надеждами на будущее «царство разума». Войны есть первопричины всех зол и являются средством наси-

лия человечества. Причины их надо искать в упадке морали и разума.

Новое Время (XVII в.). Если рассматривать этот период, то видное место здесь занимает Т. Гоббс (1588–1679 гг.). Гоббс рассматривал насилие как естественное, «нормальное» состояние развития человеческого общества. Он считал, что природа агрессивности заключается в природе человека. Соперничество, недоверие и любовь к славе составляют основу агрессивного поведения людей. Это происходит, по мнению философа, потому, что люди не могут пользоваться своей личной свободой, и что им нужна общая власть, держащая всех в страхе.

Немецкий философ Лейбниц (1646–1716 гг.) придерживался гуманистических взглядов на природу агрессии.

Главным аргументом у него была идея несоответствия между значением какого-либо конкретного положения вещей для человека и значения его для мира в целом. Мир, созданный Богом, совершенен, по Лейбницу, настолько, насколько вообще может быть совершенным творение, причем не только в физическом, но и в нравственном отношении. Если добродетельные люди в этом мире вынуждены страдать от насилия и агрессии, то только потому, что это является кратчайшим путем к добру и совершенству.

Эпоха Просвещения (XVIII в.). Эпоха Просвещения отображена в трудах таких просветителей, как Ж. Вольтера, Д. Дидро, Ж. Ж. Руссо. Противоречивый характер эпохи – это результат наличия и борьбы в ней абсолютно противоположных философских взглядов по основополагающим проблемам развития общества, где агрессия играет не последнюю роль.

Одной из таких концепций эпохи Просвещения является представление о природе зла и насилия как результате «отпадения части от целого». В зависимости от того, какое целое полагалось в качестве основы порядка и гармонии, концепции зла подразделялись на космологические, психологические и социологические.

В космологических концепциях зло объяснялось как отступление от космического порядка, когда некоторая часть мирового целого по каким-то причинам выпадает из единого строя и начинает действовать обособленно, во вред себе и другим.

В психологических концепциях за основу взята гармония человеческой души, ее содержание или функция противопоставляет себя душе как целому.

Понимание агрессивности зла как дисгармоничного состояния души прослеживается в философии Ф. Шиллера (1759–1805 гг.), у которого агрессивное зло порождается тем, что люди теряют свой человеческий образ. Ущербный человек, по мнению философа, не может ни радоваться жизни, ни быть добродетельным.

В основу социологических концепций агрессии в эпоху Просвещения положено представление об идеальном общественном порядке, о цельности и совершенности социального бытия. Источник зла усматривается в какой-либо части общества (государства), противопоставляющей себя целому. Когда какая-либо группа людей или личность отстаивает свои интересы, отличные от интересов всего общества, она впадает во зло и грозит обществу возбуждением и беспорядком. Задача общества: на насилие отдельной части ответить насилием целого.

Таким образом, передовые мыслители этого периода единодушно усматривали причины агрессии и насилия в человеческой натуре, государственном устройстве и выступали за их искоренение.

Немецкая философия. Противоречивость, свойственная мировоззрению представителей этой философии, нашла свое выражение в неоднозначности их отношения к агрессии и насилию.

К середине XIX в. вопрос о роли агрессии и насилия в истории выделился в особую философскую проблему, разрешить которую пытался Г.-Ф. В. Гегель. Его Абсолютная идея пользуется насилием как орудием прогресса. В этом смысле насильственные революции и войны как бы заложены в «генетический код» развития общества. Абсолютная идея в определенные периоды исторического развития сосредотачивается в личностях великих полководцев-завоевателей А. Македонского, Ю. Цезаря, Наполеона Бонапарта.

Обострение внутренних социально-экономических противоречий стран Запада привели к тому, что у целого ряда мыслителей второй половины XIX в. сформировались убежденность в несостоятельности идеалов гуманизма и взгляд на насилие как на универсальный закон бытия природы и общества. В этот период стали возвеличивать насилие, агрессию и жестокость.

У истоков идеологии абсолютизации агрессии и насилия стоит немецкий философ Фридрих Ницше (1844–1900 гг.). В его мировоззрении воплотились неудовлетворенность настоящим и интуитивное прозрение мрачного будущего. Давая оценку концепции Ницше, немецкий философ Петцольд отметил, что «никто и никогда так откровенно не возводил в идеал варварское и бесчеловечное» [2, с. 85]. Ницше рассматривал феномен агрессии как неотъемлемый атрибут жизни, придавая ему глубокий онтологический смысл.

Ницше выводит насилие и агрессию за рамки общепринятых характеристик, констатируя их субъективность и относительность. Для Ницше насилие – естественное, положительное состояние бытия.

Многие философы начала XX в., интерпретируя идеи крупнейших естествоиспытателей,

утверждали, что агрессия, выраженная в такой экстремальной форме, как война, является вечным злом, так как оно есть лишь воплощение космического и общепланетарного порядка вещей.

Голландский философ Г. Штейнметц в своей работе «Философия войны» показывает роль вооруженной агрессии в качестве ведущего фактора истории, стимулятора всей человеческой деятельности. «Никакая победа над природой не может в такой мере вдохновить человека к крайнему напряжению сил, как мысль о победе над человеком» [3, с. 79].

Определенную известность в начале XX в. получила также концепция, выдвинутая американским философом У. Джеймсом. Он считал, что агрессивность, воинственность человека – это врожденные качества, и изменить их невозможно. Им просто надо «дать выход» в таких формах деятельности людей, где они бы смогли испытывать опасность, проявлять смелость. Таким образом, немецкая философия XIX – начала XX вв. являлась выразителем тех социальных условий, которые характеризовались утверждением ценностей технокультуры.

Новая эпоха. В 20–30 гг. XX в. обращают на себя внимание ряд фундаментальных философских работ, где проблеме агрессии уделено должное внимание. Наиболее известна книга русского религиозного философа И. А. Ильина (1883–1954 гг.) «О сопротивлении злу силою».

Главной причиной всех бед, постигших страну, полагал Ильин, был кризис духовной культуры нации. Проблему зла и агрессии Ильин разрешает с выяснения их «местонахождения». «Зло начинается там, где начинается человек, и при том именно не человеческое тело, во всех состояниях и проявлениях как таковых, а человеческий душевно-духовный мир – это истинное «местонахождение» добра и зла», – утверждал философ [4, с. 13].

В своем труде русский мыслитель уделяет внимание вопросу о необходимости применения силы в борьбе со злом. В то же время Ильин утверждает, что сопротивляясь злу силою, человек сам в какой-то мере «творит зло».

В 30–40 гг. XX в. большой интерес вызвали концепции философов А. Бергсона и З. Фрейда, обосновывающие идеи «вечности» насилия. А. Бергсон создавал идеал открытого общества, которое должно объединить все человечество на основе любви, взаимной симпатии, возникающей из «духовного порыва». Бергсон отмечал, что такие обстоятельства, как перенаселение, индустриализация и другие явления общественной жизни делают насилие и агрессию вечным и неизбежным.

Не менее значительный вклад в анализ инстинктивной природы агрессии внес другой известный ученый Зигмунд Фрейд (1856–1939 гг.),

который считал, что корни всех наблюдающихся проявлений агрессии следует искать в индивидуальной психологии людей, во внутреннем, субъективном мире личности. Детерминирующим фактором человеческого поведения выступают бессознательные врожденные инстинкты и иррациональные влечения человека. Фрейд конструирует модель для проявления агрессивности взрослого человека, феномена насилия в целом: «Склонность к агрессивному поведению является неистребимым инстинктом человеческой природы... Эволюция цивилизации есть по сути дела, непрерывный процесс внутренней борьбы между инстинктами сохранения и воспроизводства жизни и инстинктом агрессии и истребления» [5, с. 120].

Существуют теории, где в основу понимания причин агрессии и насилия положена эволюция и столкновение духовных общностей («культур» или «цивилизаций»). Одной из таких теорий, объясняющей роль агрессии в жизни человечества, является концепция социолога Питирима Сорокина (1889–1968 гг.). Главная его мысль в том, что все социальное движение протекает под действием комплекса духовных факторов, называемых культур-системами. Таковых культур-систем пять: язык, наука, религия, искусство, этика. Их сумма составляет «социокультурную суперсистему», выступающую движущей силой общественного процесса.

Агрессия и насилие – это часть суперсистемы. Причины насилия П. Сорокин видит в тенденциях культурного развития, в столкновении культур при переходе от одной системы культуры к другой [6, с. 40].

В книге «Основные тенденции нашего времени» Сорокин уделяет много внимания изучению природы агрессии. «В XX веке, – пишет он, – мощное материалистическое здание западного человека начало быстро разрушаться, крошиться. Развилась дезинтеграция

морали, права, контроля и управления жизнью людей ... Индивидуумы и коллективы охватывает неограниченный эгоизм, борьба за существование интенсифицируется, сила становится правом, а войны, кровавые революции, преступления и другие формы межчеловеческих раздоров и разврата возрастают в беспрецедентном масштабе. Так было во все большие переходные периоды от одной социокультурной суперсистемы к другой, так это есть и в настоящем столетии ...» [7, с. 141].

Закключение. Таковы наиболее общие взгляды на роль агрессии и насилия в истории развития общества. В той или иной форме они сохранились и сегодня. Наше время ни в чем так не нуждается, как в духовной культуре. Главная причина проявления агрессии и насилия в обществе – это кризис ее духовности. Преодолеть этот кризис необходимо. Следует обратиться к знаниям и духовному достоянию человеческой мысли, что, в свою очередь, должно привести к творческим, нравственным поступкам и совершенствованию самого общества.

Литература

1. Кинг, М. Л. Паломничество к ненасилию / М. Л. Кинг // Этическая мысль – Под ред. А. А. Гусейнова. – М.: Республика, 1992.
2. Замкова, В. И. Проблема насилия в доядерный и ядерный век / В. И. Замкова // Социально-политические науки. – М., 1990. – № 7.
3. Рыбкин, Е. И. О причинах и роли войн в истории / Е. И. Рыбкин. – М., 1979.
4. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М.: Республика, 1993.
5. Рыбкин, Е. И. О причинах и роли войн в истории / Е. И. Рыбкин. – М., 1979.
6. Сорокин, П. Философия голода / П. Сорокин // Новое время. – М., 1992. – № 3.
7. Рыбкин, Е. И. О причинах и роли войн в истории / Е. И. Рыбкин. – М., 1979.

АСАБЛІВАСЦІ РАЗВІЦЦЯ ЮВЕЛІРНАГА МАСТАЦТВА Ў СТАРАЖЫТНЫХ ГАРАДАХ БЕЛАРУСІ

The article dwells upon the main trends in development of jewelry arts in ancient Belarusian towns. The analysis is based on investigations of Belarusian archaeologists, historians and linguists describing ancient crafts, including jewelry arts and its assortment, character and technology. The author makes an attempt to summarize the material and to give an integrated view of development and peculiarities of jewelry arts in Belarus in the Middle Age.

Уводзіны. Цікавасць кожнага цівілізаванага грамадства да свайго мінулага – абавязковы закон развіцця. Сувязь з мінулым у яго духоўным і матэрыяльным увасабленні магчыма прасачыць, звярнуўшыся да помнікаў ювелірнага мастацтва, яго развіцця ў канкрэтны гістарычны перыяд.

Асноўная частка. Сведчанняў аб ювелірным мастацтве Беларусі XI–XIII стст. няшмат, і яны носяць фрагментарны характар. Гэта ў асноўным матэрыял, прысвечаны вывучэнню касцюма насельніцтва розных рэгіёнаў Беларусі. Значны ўклад у рэканструяванні традыцыйнага касцюма і аксесуараў да яго ўнеслі даследчыкі Л. У. Дучыц, В. М. Бялявіна, Л. В. Ракава, Г. В. Ласкавы. Каштоўныя звесткі пра мастацкую апрацоўку металаў у старажытных гарадах Беларусі ўтрымліваюць працы археолагаў П. Ф. Лысенкі, Г. В. Штыхава, Э. М. Загарульскага, Т. С. Бубенька і інш. Пры вывучэнні ювелірнай справы XI–XIII стст. значную ролю набываюць працы беларускіх мастацтвазнаўцаў Я. М. Сахуты, Б. А. Лазукі, Г. А. Барвенавай.

Разам з тым задача цэласнага вывучэння ювелірнага мастацтва Беларусі з'яўляецца надзвычайна важнай і актуальнай.

Ювелірнае мастацтва – адзін з найстаражытнейшых і шырока распаўсюджаных відаў дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва; выраб мастацкіх рэчаў з каштоўных, а таксама з іншых каляровых металаў у спалучэнні з каштоўнымі камянямі, жэмчугам, шклом, бурштынам, перламутрам, косцю і інш. На тэрыторыі Беларусі вырабы з металу з'явіліся досыць даўно – у пачатку 2-га тысячагоддзя да н. э., у часы бронзавага веку, азнаменаванага з'яўленнем медных і бронзавых рэчаў. Рэдкі і прыгожы матэрыял выкарыстоўваўся галоўным чынам для вырабу ювелірных упрыгажэнняў. Далейшае развіццё ювелірнай справы звязана з пашырэннем дзяпазону матэрыялаў, якія апрацоўваліся майстрамі, знаёмствам з рознымі тэхнічнымі прыёмамі, павелічэннем асартыменту вырабаў.

Матэрыялы гістарычных крыніц сведчаць, што буйныя гарады Беларусі ў XI–XIII стст. становяцца цэнтрамі рамесніцкай вытворчасці, дзе мастацкая апрацоўка металаў займае адно з вядучых месц. Большасць знаходак звязана з інтэнсіўным развіццём кавальскага рамяства.

Гарадскія майстры, што абслугоўвалі патрэбы феадалаў і царквы, павінны былі пастаянна ўдасканальваць сваё майстэрства, актыўна засвойваць тэхналагічныя дасягненні суседзяў. Дзякуючы паступленню вырабаў і сыравіны з-за мяжы, што траплялі гандлёвымі шляхамі, яны мелі магчымасць знаёмства з новымі ўзорамі і тэхнічнымі прыёмамі. Актывізацыі рамяства спрыяў і рынак, на які пачынаюць працаваць многія гарадскія майстры.

Асартымент ювелірных вырабаў уражвае багаццем і разнастайнасцю. Раскопкі ў Мінску, Віцебску, Полацку, Тураве, Ваўкавыску, Пінску і іншых гарадах Беларусі далі шматлікія знаходкі вырабаў ювелірнага мастацтва.

Сярод іх жаночыя ўпрыгажэнні (галаўныя ўпрыгажэнні – колты, скроневыя колцы, завушніцы; нагрудныя прывескі – лунніцы, конікі, амулеты-змеевікі, манетападобныя прывескі, шыйныя грыўні, фібулы, шпількі, пацеркі; упрыгажэнні рук – пярсцёнкі і бранзалеты); паясныя спражкі і накладкі, гузікі, ланцужкі і іншыя аксесуары касцюма; прадметы рэлігійнага культу (нацельныя крыжыкі, энкаліпіёны, абразкі, лыжачкі для прычашчэння, лампадка, фрагменты хорасаў і падсвечнікаў, абломкі званоў).

Пры ўсёй агульнасці культуры Старажытнай Русі на тэрыторыі сучаснай Беларусі яна мела спецыфіку. Найбольш яскрава гэта выявілася ў матэрыяльнай і духоўнай культуры Полацкай зямлі. У Полацку квітнела высокая раннефеадальная культура, развівалася пісьменства, вялося летапісанне, шырока распаўсюджваліся рамёствы – ганчарнае, кастарэзнае, дрэваапрацоўчае, гарбарна-шавецкае, кавальскае, ювелірнае.

Пра ступень развіцця металаапрацоўчага рамяства старажытнага Полацка можна меркаваць па вырабах з чорнага металу, шматлікіх знаходках прыладаў працы, знойдзенных у слоі канца X–XIII ст.: клешчы, малаткі, кавадлы, зубілы, прабойнікі. У старажытных гарадах Беларусі шырока была распаўсюджана ліцейная справа. Полацкім рамеснікам быў знаёмы складаны прыём адліўкі пушчэлых упрыгажэнняў. Некаторыя формы выкананы з такой стараннасцю, што самі па сабе з'яўляюцца выдатнымі ўзорамі прыкладнога мастацтва. Майстры ювелірнай справы ў гарадах валодалі акрамя

ліцця іншымі прыёмамі апрацоўкі каляровых і высокародных металаў – каваннем, чаканкай, гравіраваннем, цісненнем, штампаваннем, валачэннем дроту, сканнем, чарненнем і зярненнем. Па меркаванні даследчыкаў, ёсць высновы лічыць, што ў Полацку была наладжана вытворчасць перагародчатых эмалей.

У горадзе вырабляліся як высокамастацкія творы з золата і серабра па заказах феодалаў і вышэйшага духавенства, так і танныя ўпрыгажэнні з каляровых металаў і іх сплаваў. Пры археалагічных раскопках знойдзены шматлікія вырабы ювелірнага мастацтва: скроневыя колцы, нагрудныя спражкі, манетападобныя прывескі, ланцужкі, пярсцёнкі, бранзалеты, прадметы рэлігійнага культу.

Рэдкай знаходкай з’яўляецца знойдзены ў слоі пачатку XIII ст. фрагмент залатога вырабу, аздоблены перагародчатой эмаллю трох колераў – сіняга, белага, чырвонага [1, с. 18]. У Полацку знойдзены два бронзавыя пярсцёнкі мяжы XII–XIII стст. са шклянатымі ўстаўкамі, а ў слоі першай паловы XIII ст. – білонавы пазалочаны пярсцёнак-пячатка з шасцівугольным шчыткам, на якім выгравіравана выява птушкі з распасцёртымі крыламі [2, с. 395].

У Полацкай зямлі паўмесячніцы (лунніцы) знойдзены ў Копысі, Мінску, Друцку, плоскія стылізаваныя фігуркі жывёлін – канькі, распаўсюджаныя ў курганах часцей за ўсё смаленскіх крывічоў, сустрэліся ў Віцебску, Лукомлі, Мінску, Лагойску, Браславе, на паселішчы на Менцы [2, с. 478]. На думку даследчыкаў, характар гэтых упрыгажэнняў-амулетаў даволі ўстойлівы, хаця яны стылістычна не зусім аднатыповыя.

Звяртае ўвагу значная колькасць у жаночым убранні манетападобных прывесак з салярнай сімволікай, што добра пацвярджаюць матэрыялы з Полацку. Трэба адзначыць, што ў арнаментыке ўпрыгажэнняў XIII ст. назіраецца мноства язычніцкай сімволікі. Асабліваю цікавасць мае форма для адліўкі прывесак з узорам, бліжэй да кветкі з 12 пялёсткамі (лічба 12 у славян лічылася свяшчэннай) [1, с. 18]. Гэты ўзор уяўляў сабой сімвалічную выяву сонца з яго 12 месяцамі і, відаць, перадаваў думку аб залежнасці ўсяго існуючага на зямлі ад сонечнага цяпла і святла, ад змены пары года. Падобны арнамент увабляў комплекс касмічных вераванняў старажытных славян. Сімвалы сонца адыгрывалі магічную ролю абярэгаў. Ювелірныя вырабы, якія служылі амулетамі, не зніклі ў перыяд хрысціянства, а дапоўніліся новымі відамі. У творах мастацкай апрацоўкі металаў прасочваецца гістарычная і семантычная пераемнасць хрысціянскіх абярэгаў ад язычніцкіх.

Шэдэўрам тагачаснага эмальернага ювелірнага мастацтва з’яўляецца крыж, выраблены полацкім майстрам Лазарам Богшай у 1161 г. па заказе полацкай князеўны Ефрасінні. Крыж

выконваў ролю каўчэга для захавання хрысціянскіх рэліквій. Яго асновай было кіпарысавае дрэва. Звер х уі знізу твор закрывалі залатыя пласціны, аздобленыя каштоўнымі камянямі, арнаментальнымі кампазіцыямі і абразкамі, якія былі выкананы ў тэхніцы перагародкавай эмалі [1, с. 38]. Па майстэрстве выканання ювелірны выраб Лазара Богшы не саступаў лепшым візантыйскім узорам, вырабленым у гэтай найтанчэйшай тэхніцы. Шасціканцовы крыж меў вышыню каля 52 см, пасярэдзіне ў квадратных падпісаных гнёздах знаходзіліся рэліквіі. Яго бакі былі абкладзены срэбнымі з пазалотай пласцінамі, выкананымі ў тэхніцы ціснення. Твор быў абведзены шнурком перлаў. Крыж Ефрасінні Полацкай з’яўляецца не толькі выдатным творам дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва, дзе мае месца спалучэнне ўсіх вядомых на той час відаў мастацкай апрацоўкі металаў, але і каштоўным помнікам старажытнабеларускага пісьменства. У першым надпісе паведамляецца аб годзе стварэння святыні, кошце матэрыялаў і працы, у другім жа запісаны праклён таму, хто знясе выраб са Спаскай царквы, якой падаравала яго Ефрасіння.

Створаны ў XII ст. крыж Ефрасінні Полацкай з’яўляецца выдатным узорам мастацкай дзейнасці нашых продкаў.

Віцебск па праву адносіцца да старажытных культурных, эканамічных і палітычных цэнтраў беларускай зямлі. У гісторыі раннесярэднявковай мастацкай культуры Віцебска вылучаюцца два па ўзроўню развіцця і ступені значнасці перыяды. Першы (у межах IX–XI стст.) звязаны з фарміраваннем горада на месцы Верхняга, з’яўленнем паселішч на месцы Ніжняга замкаў і нараджэннем уласна віцебскага мастацтва. У светапоглядзе дадзенага перыяду пануе дуалізм – язычніцтва і хрысціянства, традыцыі духоўнага жыцця сялянскай абшчыны, у народнай творчасці – міфалагічныя ўяўленні. Другі перыяд (XII–XIII стст.), які ўяўляе цікавасць у дадзеным выпадку, з’яўляецца часам найбольшага росквіту мастацкай культуры, часам значнага перагляду выразных магчымасцей мастацтва. Складваецца гарадская культура, дзе вызначальнае месца адводзіцца распаўсюджванню на славянскіх землях хрысціянства, вялікакняжыцкай уладзе, развіццю інтэрнацыянальных сувязей [3, с. 15].

Трэба адзначыць, што мастацкая культура Віцебска (а ў далейшым і Віцебскага княства) фарміруецца як з мастацтва царкоўнага, так і з народнай мастацкай творчасці.

Матэрыялы археалагічных раскопак, архіўныя і друкаваныя крыніцы сведчаць, што ў старажытным Віцебску развіваліся разнастайныя мастацкія рамёствы: ганчарства, ткацтва, мастацкая апрацоўка дрэва, косці і металу. Мерай прагрэсу ў развіцці дэкаратыўна-прыкладнога

мастацтва з'яўляецца пашырэнне колькасці рамесніцкіх спецыяльнасцей. У Віцебску (як і ў іншых беларускіх гарадах) у сярэдзіне XIII ст. іх налічвалася каля 60 (Б. А. Рыбакоў).

Вядучае месца сярод іх займала ювелірная справа, аб чым сведчаць знойдзеныя прылады працы і гатовыя творы майстэрства ювеліраў. Вырабы віцебскіх майстроў даюць магчымасць гаварыць аб тонкім мастацкім гусце, добрым разуменні ўласцівасцей матэрыялаў, высокім валоданні тэхнікай.

Даследчык Т. С. Бубенька прыводзіць пераканаўчыя доказы, што прадукцыя майстроў ювелірнай справы Віцебска належыць да агульнаславянскага тыпу [4, с. 50]. Віцебскія прывескі падзяляюцца на чатыры групы: лунніцы, зааморфныя і манетападобныя, чацвёртая група аб'ядноўвае прывескі тыпу бразготак, лапчастых, трапецападобных, язычковых, якія выкарыстоўваліся для стварэння шумавога эфекту. З іншых відаў упрыгажэнняў сярод гараджан былі распаўсюджаны пярэсценкі і бранзалеты (дротавыя, вітыя, кручаныя, пласцінчатыя і лодкападобныя).

Складанай часткай мноства караляў з'яўляліся ланцужкі: бронзавыя плеченыя малога дыяметра сячэння (X ст.) і ланцужкі з вузкіх палосак волава (XII – першая палова XIII ст.). Сярод рэчаў касцюма трэба ўзгадаць спіралекольцавыя фібулы прамавугольнага, круглага і трохвугольнага сячэння, фрагменты зоркападобнай шпількі, гузікі, нашыўныя бляшкі і гэтак далей. Цікаваць уяўляюць таксама залаты драцяны пярэсценак рамбічнага сячэння з разамкнутымі канцамі вагой 22,35 г, крыж з выявай вялікамучаніка Мікалая, бронзавыя накладкі да скураной сумкі і інш [3, с. 29].

У асобную групу вылучаюцца прадметы хрысціянскага культу: трохп'ялёсткавыя прывескі з крыжападобнымі канцамі, з круглым завяршэннем лопасцей і іншых форм.

Дзякуючы рэнтгенаметрычнаму метаду вызначана, што часцей за ўсё віцебскія ювеліры выкарыстоўвалі сплавы алавяністай бронзы і свінцова-алавяністыя сплавы, хоць ім была вядома і апрацоўка чыстых золата і серабра [3, с. 29]. Вырабы, адлітыя са сплаваў серабра з волавам, амаль не адрозніваліся ад сапраўднага серабра. Даволі цікава і тое, што ва ўсе колеры майстры-ювеліры ўносілі рэальны сэнс. Напрыклад, сярэбраныя лунніцы сваёй бліскучасцю паўтаралі бляск і прыгажосць маладога месяца. Бронза перадавала сваімі залатымі адлівамі шэраць коней і пярэ птушак, вобраз чалавека і святло месяца і гэтак далей.

Віцебскія майстры добра адчуваюць магчымасці тэхнікі і стылю, пачынаюць шырока засвойваць, інтэрпрэтаваць і перапрацоўваць на свой лад узоры не толькі візантыйскага, але і заходнееўрапейскага мастацтва.

Вырабы з каляровых металаў сустракаюцца амаль ва ўсіх старажытных гарадах Беларусі, і Тураўская зямля не з'яўляецца выключэннем. Пра існаванне вытворчасці ювелірных упрыгажэнняў і прадметаў рэлігійнага культу сведчаць знаходкі разнастайных ювелірных вырабаў, неабходнай для іх узнікнення сыравіны і прылады працы майстроў.

Археалагічныя матэрыялы даюць магчымасць меркаваць, што ювелірнае рамяство больш за ўсё было прадстаўлена ў Тураве. У горадзе існаваў найбольш развіты попыт на ювелірныя вырабы сярод прадстаўнікоў феадальных вярхоў і найбольш забяспечаны збыт твораў мясцовых майстроў.

Асаблівае значэнне маюць некаторыя віды жаночых упрыгажэнняў, уласцівыя пэўным усходнеславянскім плямёнам. Іх распаўсюджванне дазваляе даследчыкам удакладніць тэрыторыю рассялення і межы плямён. У кожнай славянскай зямлі існавалі свае этнаграфічныя адрозненні ў стылі і малюнку жаночых упрыгажэнняў, па якім археолагі даволі дакладна вызначаюць межы зямель радзімічаў, крывічоў, дрыгавічоў. Так амаль кожны тып скраювых колцаў, што прымацоўваліся да галаўнога ўбору або ўпляталіся ў валасы, з'яўляецца надзейнай этнавызначальнай прыкметай аднаго з усходнеславянскіх плямёнаў. Крывічанкам былі ўласцівыя драцяныя бранзалетападобныя колцы, радзімічанкам – сяміпрамянёвыя, дрыгавічанкам – пярэсценкападобныя з ажурнымі ці зярнёнымі пацеркамі [5, с. 18].

Адно з найбольш распаўсюджаных у дрыгавічоў жаночых упрыгажэнняў – шклянныя пацеркі. Разнастайнасць вырабаў па форме і колеру надзвычайна вялікая. Шклянныя пазалочаныя і пасярэбраныя пацеркі шырока распаўсюджаны на тэрыторыі ўсіх усходнеславянскіх плямёнаў. Пры вырабе такіх упрыгажэнняў на шклянную аснову накладвалася тонкая металічная фольга, на якую наносіўся пласт празрыстага шкла. Па форме яны бываюць цыліндрычныя, бочкападобныя, рэбраватыя і інш. Пацеркі дадзенага віду сустракаюцца па ўсёй тэрыторыі дрыгавічоў [6, с. 63].

Аблюбаванымі жаночымі ўпрыгажэннямі былі бранзалеты і пярэсценкі, разнастайныя па форме і матэрыялу, аздабленні касцюма – фібулы, шпількі, спражкі, гузікі. Менавіта аздабленні касцюма складаюць значную частку ювелірных вырабаў і даволі часта сустракаюцца ў помніках Тураўскай зямлі.

Асобную групу ювелірных вырабаў складаюць прадметы рэлігійнага культу. Уплыў хрысціянства распаўсюдзіўся і на творы дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва. Пры археалагічных раскопках старажытных гарадоў Тураўскай зямлі сустракаліся розныя прадметы хрысціянскага культу. Даволі часта іх выраблялі з каля-

ровых металаў, выкарыстоўваючы дэкаратыўную прывабнасць медзі і бронзы і тэхналагічныя якасці свінцу. У Тураве і Бярэсце знойдзены па-мастацку аздобленыя крыжы-энкаліпіёны, у Тураве – свінцовыя абразкі-ўстаўкі ад напастольнага крыжа, у Бярэсце – дыскападобны абразок-змеявік з выявай Багародзіцы Благавешчання і свінцовы аднабаковы абразок Багародзіцы Аранты, свінцовая падвесная пячатка з выявай св. Дзімітра і Салунскага і св. Давіда, ніжняя частка бронзавай кадзільніцы, бронзавая лыжачка для прычашчэння і гэтак далей [6, с. 235].

Высокамастацкая апрацоўка вырабаў мясцовых ювеліраў з’яўляецца важкім сведчаннем культурнага жыцця ў дадзеным рэгіёне.

Заклучэнне. У старажытных гарадах Беларусі імкліва ішло наперад развіццё жыцця ва ўсіх яго праявах – эканамічнай, сацыяльнай, палітычнай, культурнай. Менавіта ў гарадах былі засяроджаны вышэйшыя дасягненні і вынікі культурнага развіцця грамадства. Разнастайнай паводле формы і багатай па зместу з’яўляецца ювелірная справа Беларусі XI–XIII стст.

У дадзены перыяд атрымліваюць распаўсюджанне спецыфічныя гарадскія ўпрыгажэнні: колты, пуштацелыя арнаментаваныя пацеркі, шырокія створчатыя бранзалеты і іншыя вырабы ювелірнай справы. Яны адрозніваюцца шматлікімі формамі і выявамі, на творах сустракаюцца раслінны, геаметрычны, тэраталагічны арнаменты, што дазваляе меркаваць пра высокі ўзровень майстэрства беларускіх рамеснікаў. Засвойваючы мастацкія дасягненні блізкаў-

сходніх і заходнееўрапейскіх майстроў, беларускія ювеліры ў адпаведнасці з мясцовымі густамі і традыцыямі давалі арыгінальныя, непаўторныя, нацыянальна адметныя творы.

Ювелірныя вырабы адлюстроўвалі здабыткі мастацкага жыцця нашых продкаў, спалучалі ў сябе ўтылітарныя, эстэтычныя, сімваліка-абрадавыя функцыі, што мае для нашчадкаў велізарную гісторыка-культурную каштоўнасць.

Літаратура

1. Штыхов, Г. В. Древнейшие города Белоруссии / Г. В. Штыхов, П. Ф. Лысенко. – Минск: Наука и техника, 1966. – 83 с.

2. Археалогія Беларусі: у 4 т. – Мінск: Беларуская навука, 2000–2001. – Т. 3: Сярэдняковы перыяд (IX–XIII стст.) / П. Ф. Лысенка (рэд.) [і інш.]. – 2000. – 556 с.; Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко (рэд.) [і інш.]. – 2001. – 559 с.

3. Русецкий, А. В. Художественная культура Витебска с древности до 1917 года / А. В. Русецкий, Ю. А. Русецкий. – Минск: Бел. энциклопедия, 2001. – 286 с.

4. Бубенько, Т. С. История и материальная культура Витебска (X–XIII вв.) / Т. С. Бубенько [и др.]. – Витебск: УО ВГУ им. П. М. Машилова, 2003. – 150 с.

5. Дучыц, Л. У. Касцюм жыхароў Беларусі IX–XIII стст.: (паводле археалагічных звестак). – Мінск: Беларуская навука, 2001. – 80 с.

6. Лысенко, П. Ф. Туровская земля IX–XIII вв. / П. Ф. Лысенко. – Минск: Белорусская наука, 2001. – 268 с.

О. А. Матусевич, аспирантка

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ II РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

The methodological and the institutional conditions of the development of the Polish historiography after The World War I are examined in the article. The author analyzes the changes of methodology and the formation of an infrastructure of the historical science, also the influence of these changes on intensity of studying of the Belarusian political parties of the interwar Poland on subjects of historians' interest and the research depth. The activity of the basic centers of the history studying of the Belarusian minority is presented in the article (Institute of researches of the ethnic questions in the interwar period, the Department of a party history of Central Committee PUWP during PPR, the Belarusian historical society at the present state) and the evolution of polish historical science methodology.

Введение. Историческая наука во многом определяется политико-идеологическими рамками общества и уровнем развития гуманитарного знания, что находит свое отражение в формировании структуры научно-исследовательских учреждений и в используемой методологии. Такая историческая и социальная обусловленность науки четко проявилась в институализации и методологических подходах польской историографии. В статье автор попробовала представить институциональные и методологические условия развития польской исторической науки, в которых проходило изучение белорусских политических партий II Речи Посполитой. Подобный анализ впервые предпринимается в отечественной историографии. Среди польских ученых, обратившихся к проблеме исследования методологии и форм функционирования польской исторической науки в XX в., необходимо отметить работы А. Ф. Грабского, Е. Матерницкого, Р. Стобецкого, которые дают общую картину развития польской историографии. Некоторые аспекты, характеризующие непосредственно изучение Западной Беларуси, представлены в статье З. Томчонек. М. Борута в своей публикации обратился к деятельности Института исследования национальных вопросов. Косвенно эта проблема затрагивается в работах М. Корната и Э. Майа [1].

Основная часть. В польской историографии можно выделить три периода: времен II Речи Посполитой (20–30 гг.), послевоенной Польши (середина 40-х – 80-е гг.) и III Речи Посполитой.

Создание независимого польского государства ознаменовало начало нового периода в развитии польской исторической науки. Общество возлагало надежды на историков в обосновании польской государственности и новой территории страны. Перед исторической наукой была поставлена задача подтверждения польского присоединенных территорий, что потребовало научных исследований, для реализации которых создавались специализированные научные учреждения.

В частности, в декабре 1921 г. был основан Институт исследования национальных вопросов (Instytut Badań Spraw Narodowościowych). Перед Институтом была поставлена задача «предоставления необходимых материалов государственным и общественным учреждениям в стране и за границей, создания условий миролюбивого сожительства национальностей входящих в состав Речи Посполитой» [2]. Его деятельность включала в себя создание архива, библиотеки и издание на польском языке двумесечника «Sprawy Narodowościowe» и квартальника на французском языке, а также неперидических изданий, посвященных проблематике нацменьшинств. С 1930 г. в Институте была предусмотрена стипендия для студентов, финансируемая МИДом. Также в 1931 г. были организованы годовые курсы для студентов. Работа Института проходила в трех секциях, которые делились на комиссии. Комиссии в свою очередь состояли из подкомиссии, которые работали над культурными, политическими, экономическими, демографическими и др. аспектами развития меньшинств. Исследования белорусского национального меньшинства проводились во второй секции, занимавшейся внутривосточными проблемами, в литовско-белорусской комиссии (во главе с С. Выслоухом), которая находилась в Вильно [3].

В межвоенный период наблюдалось активное развитие инфраструктуры польской исторической науки. Развивались старые научные центры, появлялись новые (университет в Варшаве и Познани). Интенсивно развивалась деятельность научно-исследовательских обществ, которые часто специализировались в узких тематиках: Восточный институт, Научный эмиграционный институт, Польское товарищество исследования Восточной Европы и Ближнего Востока, Балтийский институт, Еврейский научный институт, Украинский научный институт и др. Отмечалась активизация издательской деятельности.

Воплощение идеи «культурного пробуждения провинции», которая была очень популярна

в восточной части Польши, имело свои особенности и трудности. В воеводствах, заселенных преимущественно белорусами, отсутствовали научные центры и университеты. По этой причине исследования проводились не систематически и в основном не профессионалами, что, конечно, сказывалось на их масштабах и качестве. Проявлением в историографии регионально-го движения было увеличение количества региональных научно-публицистических изданий. На восточных кресах таким изданием был белостокский журнал «Przegląd Kresowy» [4].

Что касается изменения методологических оснований исторических исследований, то их нельзя назвать значительными. В польской историографии и после окончания первой мировой войны сохранили свои позиции модернистические и неоромантические тенденции. Новым в межвоенной польской исторической науке было обращение к таким направлениям исследований как: экономическая история, история костела, исследования развития общественных движений.

В это время происходит борьба между сторонниками исторического объективизма и теми, кто выступал за выполнение историками задач, поставленных перед ними обществом и политическими реалиями. При чем позиции последних заметно усиливаются после прихода к власти Ю. Пилсудского, особенно в тридцатые годы.

Научные издания межвоенного периода представлены несколькими типами работ. К первому типу относятся публикации оправдывающие присоединение восточных территорий, доказывающие польский характер этих земель и обоснованность политики инкорпорации и ассимиляции и рассматривающие национальные политические движения исключительно как проявления сепаратизма, а также анализирующие проблему национальных меньшинств с точки зрения безопасности польского государства [5]. Второй тип представлен работами справочного характера, которые изобилуют статистическими данными и не содержат каких-либо выводов и оценок [6]. Третий – это издания, основанные на серьезном научном анализе, в которых делается попытка найти предпосылки белорусского национального движения и проследить его развитие [7]. Необходимо отметить, что и в таких работах авторы, несмотря на заявление об использовании объективных научных методов и беспристрастности, не всегда придерживались этого принципа и в итоге сводили свою работу к оценочным суждениям, которые явно характеризуют их негативное отношение к проявлениям политической активности представителями национальных меньшинств [8].

Следующий этап в развитии польской историографии ознаменовался более значительными

переменами. Вторая мировая война принесла огромные человеческие и материальные потери. Было уничтожено большое количество архивов, библиотек. Невосполнимый ущерб был нанесен кадровому составу польской исторической науки.

Первые послевоенные годы характеризуются методологическим плюрализмом, возобновлением деятельности старых научных центров и созданием новых (университеты в Люблине, Лодзи, Вроцлаве, Торуне). Происходит переориентация от индивидуализма, свойственного политической истории, к исследованию массовых и повторяющихся процессов. На этом фоне происходит повышение интереса к экономической истории и истории общественных движений.

Большое внимание уделялось проблеме территориальных изменений, исследования в этой области приобрели ярко выраженную политическую окраску, продиктованную изменениями геополитической обстановки. Новый подход должен был выражать если не дружественное, то лояльное отношение к советскому соседу, что привело к стремлению историков избегать темы спорных территорий в своей научной деятельности. Сложившаяся ситуация негативно сказалась на интенсивности исследований истории Западной Беларуси, особенно ее политических аспектов, и привела к их почти полному прекращению.

Конец 40-х – первая половина 50-х гг. сопровождалась попытками навязать польскому историческому сообществу сталинскую модель науки и новую методологию, в основе которой лежали идеи исторического материализма. Были внесены изменения в организационную структуру исторической науки, в результате которых в 1953 г. был создан Институт истории Польской академии наук. В 1955 г. был образован Отдел новейшей истории, который занимался изучением межвоенной Польши. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в результате реорганизации Института истории появилась Лаборатория истории II Речи Посполитой. Однако ни одно из этих подразделений не занималось изучением белорусского национального меньшинства. С созданием Академии наук плюрализм организационных форм исторической науки был заменен централизованной, иерархической системой, что повышало подконтрольность исторических исследований. Опубликование результатов этих исследований также строго контролировалось органами цензуры. Научные контакты со странами запада были сведены до минимума. К наиболее оппозиционным историкам применялись репрессии. «Формы репрессий были разные – от увольнения с работы до арестов, хотя последние, как правило, не связывали непосредственно с научной деятельностью» [9].

Однако марксистская методология не нашла большого количества сторонников, что подтверждается результатами состоявшейся в 1952 г. методологической конференции польских историков в Отвоцке [10]. При изучении политических событий по-прежнему были сильны позиции индивидуалистичного историзма, в области общественно-экономических исследований активно использовались методы французской школы «Annales». Марксистская теория была представлена двумя течениями: ревизионистским и ортодоксальным. Последнее из них наиболее ярко выражалось в официальной историографии. Партийные структуры исторической науки не смогли занять доминирующего положения. Количество партийных историков также было невелико, и они не имели большого влияния в польском историческом сообществе [11].

Осознание того, что объективное освещение некоторых тем в существующих условиях невозможно, приводило к сужению спектра рассматриваемых проблем и «погружению историков в глубь веков». Историки, занимающиеся изучением истории от древнейших времен до XX в., были свободны в выборе тем и своих суждениях. Противоположная ситуация была в отношении новейшей истории. Р. Стобецки выделил три категории проблем, исследование которых сталкивалось с препятствиями: история предшественников правящего политического лагеря, политическая история, история польско-советских отношений. История общественных движений и политических партий относилась к компетенции партийных структур исторической науки. Долгое время эта тема была монополизирована Отделом истории партии при ЦК ПОРП (Центральный Комитет Польской объединенной рабочей партии), который позже преобразовали в Институт истории партии. Был затруднен доступ к источниковой базе, поскольку партийные архивы были закрыты. Жесткий контроль над политической историей новейшего времени привел к изменению в языке, которым оперировали в исторических работах. Как отмечает Р. Стобецки, «это был язык, создающий действительность, вместо того чтобы ее описывать и объяснять» [12].

Ввиду наличия подобной монополии основная масса работ по истории Западной Беларуси была посвящена истории КПЗБ и организаций с ней связанных, а также развитию рабочего движения [13].

В 90-х гг. начался новый этап в развитии польской историографии и изучении истории Западной Беларуси, который открыл больше возможностей доступа к архивным материалам и результатам научных исследований историков соседних государств. В этот период изучение деятельности белорусских политических

партий межвоенной Польши представлено двумя центрами: Гданьском, где работает К. Гомулка, и Белостоком, который является культурным и политическим центром белорусского национального меньшинства в современной Польше.

Особое место в изучении истории Западной Беларуси занимает Белорусское историческое общество (Białoruskie Towarzystwo Historyczne), созданное в 1993 г. историками белорусской национальности, проживающими в Польше. К заслугам этой организации можно отнести издание книг, посвященных истории белорусов, и журнала «Белорусский исторический сборник» (Białoruskie Zeszyty Historyczne), почти каждый номер которого содержит материалы по развитию белорусского национального меньшинства во II Речи Посполитой.

Отметим, что в начале 90-х гг. прослеживалась тенденция к идеализации истории межвоенной Польши, культивировался миф о национальной солидарности [14]. Однако на данный момент польские историки все больше отходят от этих стереотипов. Характерными для этого периода являются расширение тематики публикаций, появляются работы о партиях различных направлений, а также исследования, посвященные анализу политического фона, на котором развивалось белорусское национальное движение [15].

Выводы. Польская историография в своем развитии в XX в. прошла несколько этапов, каждый из которых характеризуется переменами в методологии и инфраструктуре исторической науки. Эти изменения отражались на интенсивности изучения деятельности белорусских политических партий II Речи Посполитой, на спектре заинтересований историков и глубине исследований.

Литература

1. Tomczonek, Z. Badania nad Kresami Północno-Wschodnimi Drugiej Rzeczypospolitej w polskiej historiografii // *Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku* / red. K. Buchowski, W. Śleszyński. – Białystok: PRYMAT, 2003. – С. 16–25; Boruta, M. Instytut Badań Spraw Narodowościowych (1921–1939). Z dziejów polskich badań naukowych nad problematyką etniczną // *Przegląd Polonijny*, 1985, z. XI. – С. 63–79; Kornat, M. Bolszewizm, totalitaryzm, rewolucja, Rosja: początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918–1939). – Kraków: «Księgarnia Akademicka», 2003; Maj, E. P. Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926–1939. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2007.
2. *Nauka Polska*, 1925, t. 5. – С. 419.
3. *Sprawy narodowościowe, 1927* 3. – С. 328.

4. Sadowski, A. Problematyka historyczna na łamach Białostockiego «Przeglądu Kresowego» // Środowiska historyczne II Rzeczypospolitej: materiały konferencji naukowych w Cedzenie i Białymstoku w 1986 i 1987. Cz. II / pod red. Jerzy Maternickiego. – Warszawa: Centralny Ośrodek Metodyczny Studiów Nauk Politycznych, 1987. – C. 212.
5. Bartoszewicz, J. Znaczenie polityczne Kresów Wschodnich dla Polski. – Warszawa: Towarzystwo Wydawnicze Patria, 1924; Dreszer, Z. Sprawa mniejszości narodowych w Polsce a program państwowy Demokracji. – Warszawa: «Droga», 1926; Korniecki, J. Szkolnictwo dla mniejszości narodowych w Polsce. – Warszawa: Nakładem Księgarni Perzyński, 1929; Elski, St. Sprawa Białoruska. Zarys historyczny. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1931.
6. Bełcikowska, A. Stronność i związki polityczne w Polsce. – Warszawa: «Dom Książki Polskiej», 1925.
7. Srokowski, K. Sprawa narodowościowa na Kresach Wschodnich. – Kraków: [s.n.], 1924; Wyślouch, S. Rola KPZB w ruchu narodowym Białorusinów w Polsce. – Wilno: «Znicz», 1933.
8. Urbański, Z. Mniejszości narodowe w Polsce. – Warszawa: «Mniejszości narodowe», 1932.
9. Stobiecki, R. Historiografia PRL. Ani dobra, ani mądra, ani piękna... ale skomplikowana. Studia i szkice. – Warszawa: TRIO, 2007. – C. 157.
10. Горизонтов, Е. Л. «Методологический переворот» в польской историографии рубежа 40–50-х гг. и советская историческая наука // W kręgu historii, historiografii i polityki / red. A. Barszczewska-Krupa. – Łódź: Wydaw. Uniw. Łódzkiego, 1997. – C. 125
11. Grabski, A. F. Zarys historii historiografii polskiej. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2006. – C. 199.
12. Stobiecki, R. Między kontynuacją a dyskontynuacją. Kilka uwag na temat powojennych dziejów polskiej nauki historycznej // Metodologiczne problemy syntezy historii historiografii polskiej: materiały z konferencji naukowej (Rzeszów, 26–27 września 1996 r.) / red. Jerzy Maternicki. – Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1998. – C. 277–278.
13. Bergman, A. Komunistyczna Partia Zachodniej Białorusi w latach 1924–1928 // Rocznik Białostocki. T. VII. – Białystok: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1967. – C. 35–72; Bergman, A., Korniluk, M. Z działalności ruchu komunistycznego w Białymstoku w latach 1923–1938 // Studia i materiały do dziejów miasta Białegostoku / pod red. J. Antoniewicza, J. Joka. T.1. – Białystok: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. – C. 251–283; Joka, J. Z dziejów walk klasowych proletariatu Białegostoku w latach 1918–1939 // Studia i materiały do dziejów miasta Białegostoku / pod red. J. Antoniewicza, J. Joka. T.1. – Białystok: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. – C. 285–351; Bergman, A. Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984.
14. Grinberg, D. Uwagi o niektórych tendencjach najnowszej historiografii polskiej: klisze i stereotypy w ujęciach dziejów najnowszych // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów w XX wieku / red. K. Buchowski, W. Śleszyński. – Białystok: PRYMAT, 2003. – C. 9–15.
15. Gomółka, K. Białorusini w II Rzeczypospolitej. – Gdańsk: Wydawnictwo Politechniki Gdańskiej, 1992; Gomółka, K. Polskie ugrupowania polityczne wobec kwestii Białoruskiej 1918 – 1922. – Warszawa: Universitas, 1989; Gomółka, K. Białoruskie partie i organizacje prorządowe w II RP / Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1997, №7. – C. 63–73; Gomółka, K. Polityka rządów polskich wobec mniejszości białoruskiej w latach 1918–1939 / Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1995, №2. – C. 106–120; Mironowicz, E. Politycy i społeczeństwo białoruskie II RP wobec idei własnego państwa / Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1998, №9. – C. 50–58; Śleszyński, W. Obóz odosobnienia w Berezie Kartuskiej 1934–1939 rr. – Białystok: Benkowski, 2003; Śleszyński, W. Walka instytucji państwowych z białoruską działalnością dywersyjną 1920–1925. – Białystok: Polskie Towarzystwo Historyczne, 2005; Kurkiewicz, M. Sprawy białoruskie w polityce rządu Władysława Grabskiego. – Warszawa: Neriton, 2005.

П. И. Александрович, доцент

СЕМЬЯ КАК ВАЖНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

The article reveals the role of the family as the main factor of regulating the behaviour of students. It dwells upon advantages and merits of family education (positive example of parents, possibility to consider individual features of children, spiritual unity, succession of life experience etc.), functions of the family and factors determined by educational possibilities of parents.

Введение. «Семья – очень важное, очень ответственное дело человека. Семья приносит полноту жизни, семья приносит счастье, но каждая семья, в особенности жизни общества, является, прежде всего, большим делом, имеющим государственное значение» А. С. Макаренко.

Семья – это та среда, в которой происходит первичная социализация ребенка, это окружение наиболее близких каждому человеку людей, благодаря которым он впервые познает добро и зло. Благо для семье человек в прямом смысле становится человеком, придя в этот мир.

Семья – это социокультурный феномен, играющий особую роль в социальной подготовке подрастающего поколения к жизни в обществе. В ней человек рождается и формируется как личность, перенимая культуру этой семьи, а через нее и общества (среды жизнедеятельности).

Семейное воспитание – это воспитание детей, осуществляемое родителями или лицами, их заменяющими (родственниками, опекунами).

Основная часть. Семейное воспитание имеет ряд преимуществ и достоинств – это:

- повседневность контактов воспитателей и воспитуемого;
- эмоциональная и морально-психологическая устойчивость родительского воздействия;
- положительный пример взрослых;
- возможность учета психического склада каждого ребенка и индивидуальный подход к нему;
- развитие у малолетних чуткости и душевности через эмоциональную доброту и отзывчивость старших;
- духовная связь и нравственная преемственность жизненного опыта поколений;
- мощь родительского авторитета, заложенные в семье возможности для нравственного возвышения личности, воспитания у каждого ее члена добропорядочности, трудолюбия, фамильной чести;
- использование обычаев, традиций для созидания высокой нравственной культуры, исключая националистические, религиозные и расовые перегородки между людьми и народами;

– прочность ценностно-мировоззренческих установок, отчего дома, семьи. Обстановка в семье – это та среда, где прежде всего формируются основы мировоззрения растущего человека. С раннего детства ребенок именно в семье, в той обстановке, в которой он живет, развивается и воспитывается, усваивает то, какими должны быть отношения между людьми (мужчины к женщине, взрослых к детям, детей к взрослым), знакомится с основами культуры общения и поведения, проведения досуга и пр. Одновременно в семье формируется будущий семьянин, человек, создающий, укрепляющий и реализующий потенциал семьи в соответствии с ее социальным предназначением.

Основными функциями семьи являются:

- репродуктивная – продолжение рода;
- социализация – естественное усвоение социального опыта и становления на этой основе человека к жизни в обществе;
- воспитательная;
- рекреативная – взаимная моральная и материальная поддержка;
- коммуникативная – общение, т. е. в ней осуществляется изначальная подготовка растущего человека к жизни в обществе.

На формирующуюся личность в семье оказывают влияние многочисленные факторы, каждый из которых имеет свои особые социально-педагогические возможности. К основным факторам, оказывающим существенное влияние на ребенка, относят:

- Субкультурные – факторы, обусловленные субкультурным своеобразием семьи:
  - состав семьи (полная или неполная; расширенная, состоящая, по крайней мере из двух взрослых пар, обычно представителей двух поколений; преимущественно женский или мужской состав);
  - кровнородственные связи членов семьи, определяющие ее своеобразие (родительская или приемная семья, семья второго (третьего) брака; семья риска);
  - жизненные условия, в том числе и материальные, для развития и воспитания детей;
  - морально-психологический климат семьи (его своеобразие) – фон, определенный ее социальными ценностями, на котором формируется личность растущего человека.

Факторы, обусловленные воспитательными возможностями родителей. Они отражают возможность членов семьи в передаче (формировании) культуры подростку: собственный опыт семейного воспитания; уровень образования и личная культура родителей; родительская любовь; авторитетность родителей; отношение родителей к воспитанию ребенка.

Факторы, обусловленные непосредственной воспитательной деятельностью родителей:

- уход за ребенком, его педагогическая целесообразность для укрепления здоровья, умственного и нравственного развития;

- умение создавать условия для стимулирования направленного развития и воспитания ребенка;

- управление интересами ребенка с помощью бесед, рассказов, литературы, обсуждения книг, телепередач;

- воспитание избирательности в отношении к среде, людям;

- создание наиболее целесообразных условий взаимодействия подростка со сверстниками и другими людьми;

- динамизм воспитания с учетом индивидуальности подростка, достигнутых результатов, средовых условий;

- приобщение к труду, самообслуживанию;

- своеобразие ребенка (поздний, единственный, проблемный, с особыми нуждами);

- особенности положения детей в семье (рождение второго, одного пола, малая или большая разница в возрасте, дети от разных браков и т. д.)

Воспитание ребенка в семье формирует основы социальности человека, становления его как личности, развития индивидуальности. На воспитание значительное влияние оказывают взаимоотношения и авторитет родителей, их уровень образованности и культуры.

Семейные взаимоотношения – субъективно переживаемые взаимосвязи между членами семьи, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний на личностном уровне в ходе совместной жизнедеятельности и общения. Они определяют эмоциональные и деловые отношения в семье, ее микроклимат.

Семья является первичным институтом социализации, обладающим необычайно широким диапазоном воздействия на личность и испытывающим определенное влияние различных институтов воспитания. Именно в семье начинается складываться жизненный опыт человека, формируются его моральные ценности, потребности, интересы, усваиваются социальные нормы и культурные традиции общества. Семья может решить проблему социализации личности и сделать каждого из ее членов счастливым.

Социальные отношения, сложившиеся в семье, в основном определяют дальнейшее развитие личности человека.

Таким образом, влияние семьи на молодежь зависит от ряда данных, ее характеризующих: места проживания (город, село, хутор); состава и наличия в ней представителей старшего поколения (дяди, тети, бабушки, дедушки, прабабушки, прадедушки); образовательного уровня членов семьи, ценностных ориентации, достатка.

Семью конца XX – начала XXI вв. отличает от семьи XIX – начала XX вв. сокращение численного состава, ограничение трудового участия детей в жизни семьи, отделение молодых от старшего поколения. Все эти факторы снижают воспитательную роль семьи, ослабляют ее воспитательный потенциал. Неустойчивость семьи, падение престижа семейных традиций и ценностей также неблагоприятно сказываются на воспитании детей.

Поэтому семье необходима помощь со стороны воспитательных учреждений. Необходимость особого внимания к проблемам семьи во многом обусловлена возрастными особенностями подростка – оно совпадает с периодом социализации личности. В этот период во первых, велика зависимость юношей и девушек от семьи, в которой удовлетворяется значительная часть их потребностей (материально-бытовых, в эмоциональной поддержке, любви, симпатии). Неудовлетворение этих потребностей в семье, естественно, порождает скрытую и явную неудовлетворенность, напряжение, тревогу. Во-вторых, велика роль семьи в осуществлении контроля за поведением юношей и девушек. Ряд психологических механизмов, необходимых для самостоятельного поведения как взрослого члена общества, находится в стадии формирования. Если семья не способна выполнить по отношению к юношам и девушкам функцию контроля, то это ведет не только к нарушениям в поведении, но и к нарушениям в развитии личности.

В-третьих, в данный период жизни молодежь вступает в этап интенсивного овладения социальными ролями взрослого человека, расширяется круг общения, возрастает интерес к неформальным группам. Все это происходит в условиях бурных физиологических, психологических и социальных изменений в характере. В это время они нуждаются в «направляющей и консультирующей» помощи семьи.

Заключение. «Единственно прочной основой, на которой должны строиться образование народа, национальная культура, является материнское и отцовское сердца. Посредством невинности, истины, силы и чистоты своей любви

они воспламеняют в детях веру любви, дающую возможность объединить все их умственные и физические силы для послушания в любви и деятельности в послушании. Святыня семейного очага является тем местом, где сама природа направляет, осуществляет и обеспечивает равновесие в развитии человеческих сил. Именно сюда должно быть направлено воздействие искусства воспитания, если оно призвано стать общенациональным делом,

приносить действительную пользу народу и в своем воспитательном воздействии приводить в соответствие внешнюю сторону человеческих знаний, умений и деятельности с внутренней сущностью человеческой природы...» – говорил И. Г. Песталоцци в 1818 году, в день, когда ему минуло 72 года, перед сотрудниками и воспитанниками института. Эти слова о семейном воспитании, произнесенные почти два века назад, не потеряли актуальности и сегодня.

САВЕЦКАЯ І СУЧАСНАЯ РАСІЙСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПА ТЭМЕ ЛЮТАЎСКАЙ І КАСТРЫЧНІЦКАЙ РЭВАЛЮЦЫЙ 1917 г.

The article contains soviet and russian historiographical materials about Revolutions of 1917. The periods of historiographical development in USSR and Russian federation are described. The most important works on the topic their authors and conceptions are described. Scientific works dedicated to the Revolution of 1917 their powerful and weak points are marked.

Уводзіны. За доўгі час існавання савецкай дзяржавы ўсе тэмы, нейкім чынам звязаныя з падзеямі рэвалюцыйнага 1917 г., мелі надзвычайную важнасць і знаходзіліся пад пільнай увагай даследчыкаў. Стаўленне да падзей рэвалюцый 1917 г. адлюстроўвала ўсе змены ў савецкай гістарычнай навуцы.

Зараз айчынныя і замежныя гісторыкі разглядаюць Кастрычнік 1917 г. хутчэй не як выпадковую з'яву і не як бальшавіцкі пераворот, але як лагічнае, унутрана абумоўленае, сацыяльна-палітычнае дзеянне. Таму яго не толькі магчыма, але і патрэбна разглядаць не адасоблена, а ў агульным рэальным падзеі, якія папярэднічалі рэвалюцыйным працэсам 1917 г., і бачыць у складанні савецкай палітычнай сістэмы не толькі кастрычніцкія, але і лютаўскія карані.

Сэнс таго, што адбылося ў кастрычніку 1917 г., найбольш яскрава праяўляецца не ў жорсткай класавай барацьбе, як лічылася дзесяцігоддзямі, а ў лёсе дэмакратычнай альтэрнатывы, якая бадай што ўпершыню гэтак магутна праявіла сябе на расійскай прасторы пасля краху царызму. Рэвалюцыйная дэмакратыя ў тыя лёсавызначальныя часы фактычна была па-за канкурэнцыяй, бо мела рэальную сацыяльную падтрымку грамадства, а сацыялістычныя ідэі існавалі ў даволі размытым выглядзе і валодалі масамі як стыхійны выбух.

У гэтых абставінах надзвычай важным бачыцца зварот увагі да пытанняў, што тычацца змен у механізме дзяржаўнай машыны. Адным з найбольш важных складальнікаў падзей рэвалюцыйных часоў з'яўляецца комплекс праблем, звязаных з механізмам кіравання дзяржавай. Менавіта пераход ад самаўладдзя да дэмакратыі і пасля да дыктатуры пралетарыяту, канструкцыя сістэмы ўлады на месцах і ў цэнтры асаблівае функцыянавання органаў улады на Беларусі, іх суіснаванне на дадзеным этапе патрабуюць дасканалы вывучэння, бо доўгі час заставаліся другараднымі, саступаючы па важнасці палітычнаму напаўненню тых падзей.

Асноўная частка. Асновы вывучэння праблемы былі закладзеныя ў перыяд 1920-х гадоў. Найперш, пачалося вывучэнне праблемы ўтварэння Саветаў як органаў улады, іх пераўтварэння ў дзяржаўную сістэму, паслядоўнасці, храналагічных межаў гэтага працэсу [1].

У падобных працах вывучаўся працэс развіцця і ўмацавання Саветаў як органаў дыктатуры пралетарыяту і працэс складання розных дзяржаўных органаў Савецкай Расіі, а таксама іншыя пытанні, што разглядаліся найперш як праблемы класавай барацьбы і інструмент палітычнай барацьбы за ўладу.

Працы 1930-х – першай паловы 1950-х гг. па змесце ў сваёй пераважнай большасці з'яўляліся творамі ідэалагічнымі, г. зн. вырашалі задачы ідэянага забеспячэння кіравання савецкім грамадствам. У той жа час важнай з'явай было тое, што адбывалася паступовае авалоданне і пераход у гістарычных працах да паслядоўных навуковых форм, што стала першым і неабходным крокам на шляху стварэння прадумоваў навуковага вывучэння станаўлення савецкай палітычнай сістэмы.

З сярэдзіны 50-х гг. з'яўляюцца новыя магчымасці вывучэння элементаў палітычнай сістэмы савецкага грамадства. Грамадская атмасфера ў СССР, якая пазней атрымала назву «адлігі», стварыла прадумовы для адноснага плюралізму ў разглядзе савецкага грамадства і дзяржавы. Гэта выклікала пэўнае пераасэнсаванне папярэдняй палітычнай практыкі і дало магчымасць крытычна ацэньваць некаторыя яе элементы.

У гэты час павялічваецца ўвага гісторыкаў да Кастрычніцкай рэвалюцыі, а таксама да перыядаў, што папярэднічалі і ішлі за ёй. Асноўную ўвагу ў гэтым прыцягвалі першыя гады савецкай улады і грамадзянскай вайны [2].

Тады ж упершыню пачынаецца вывучэнне такіх аспектаў станаўлення савецкай палітычнай сістэмы, як змест, храналагічныя і тэрытарыяльныя межы, злом старога дзяржаўнага апарату, а таксама Лютаўская рэвалюцыя і розныя яе аспекты як прадумовы Кастрычніцкай рэвалюцыі [3].

Напрыканцы 50-х гг. у савецкай гістарыяграфіі пачынаецца пераход ад партыйнай публіцыстыкі да навукова-публіцыстычных прац. Узрастанню элементаў навуковага аналізу ў вывучэнні гісторыі СССР спрыяў больш шырокі доступ даследчыкаў да гістарычных архіваў. На гэтай глебе, звяртаючыся да тэмы Кастрычніцкай рэвалюцыі, гісторыкі імкнуліся паказаць яе супрацьлегласць палітычнай практыцы культуры асобы [4]. У другой палове 1950-х – пачатку 1960-х гг. дастаткова шырокае распаў-

сюджванне атрымлівае вывучэнне недзяржаўных элементаў палітычнай сістэмы савецкага грамадства. У прыватнасці, з'яўляецца навукова цікавасць да іншых партый, якія ўсе ж разглядаюцца як неўласцівы і непатрэбны элемент палітычнай сістэмы Савецкай Расіі. Гэтак пасля дзесяцігоддзяў маўчання з'явілася першае даследаванне па гісторыі небальшавіцкай партыі [5].

Назіраецца колькасны рост прац і па грамадскіх, грамадска-палітычных аб'яднаннях і працэсе іх фарміравання ў перыяд Кастрычніцкай рэвалюцыі, грамадзянскай вайны і ў перыяд пачатку мірнага сацыяльна-эканамічнага будаўніцтва [6].

Характарызуючы гістарыяграфію сярэдзіны 1950-х – сярэдзіны 1960-х гг., можна адзначыць, што ў гэты перыяд быў зроблены сур'ёзны крок у даследаванні розных аспектаў станаўлення савецкай палітычнай сістэмы. Дзякуючы пашырэнню базы крыніц за кошт актыўнага выкарыстання рэгіянальных і рэспубліканскіх архіваў быў створаны шэраг абагульняючых навукова-папулярных прац па гісторыі пэўных рэгіёнаў, абласных і рэспубліканскіх арганізацый партый, працягвалася вывучэнне асобных перыядаў станаўлення новай грамадска-палітычнай сістэмы [7]. Адбыўся колькасны рост даследаванняў па праблеме ўсталявання савецкай дзяржавы, яе асобных органаў: апарату кіравання, войска, суда і органаў дзяржаўнай бяспекі. Вырасла колькасць манаграфічнай літаратуры, змяніліся якасць і характар прац [8]. Цэлы шэраг прац быў прысвечаны складванню і функцыянаванню вышэйшых органаў дзяржаўнага кіравання, іх эвалюцыі пад час рэвалюцыі, грамадзянскай вайны і пачатку мірнага сацыялістычнага будаўніцтва [9]. Заўважнай падзеяй гэтага гістарыяграфічнага перыяду стаў выхад у канцы 70-х гг. абагульняючай працы І. Мінца «Гісторыя Вялікага Кастрычніка», якая стала своеасаблівым падсумаваннем вывучэння праблем Кастрычніцкай рэвалюцыі савецкай гістарыяграфіяй [10].

Такім чынам, даследаванні другой паловы 1960-х – першай паловы 1980-х гг. ахапілі большасць аспектаў станаўлення і функцыянавання савецкай сістэмы, застаючыся пры гэтым ў межах ідэалагічнай манополіі КПСС і вымушана акцэнтуючы ўвагу часам не столькі на навуковых, колькі на ідэйна-палітычных праблемах.

Навейшая гістарыяграфія (з канца 80-х гг. да сучаснасці) пытання станаўлення палітычнай сістэмы Расіі на лёсавызначальнай мяжы 1917 г. мае шэраг асаблівасцей развіцця. Першая – яна развівалася ў працэсе сацыяльнай трансфармацыі савецкага грамадства. Другая – калі да 1991 г. яна існавала фактычна ў межах адзінай пануючай тэарэтыка-канцэптуальнай парадыхмы, то пасля 1991 г. адбываецца ўзбага-

чэнне гістарычнай навукі адразу ўсімі існуючымі канцэпцыямі гістарычнага развіцця.

У развіцці навейшай гістарыяграфіі можна вылучыць два этапы: з канца 80-х па сярэдзіну 1990-х гг. і з сярэдзіны да нашага часу. Прычым храналагічную мяжу паміж гэтымі этапамі можна правесці, звяртаючы ўвагу на адсутнасць (пасля, адпаведна, наяўнасць) ідэалагічнага кантролю з боку дзяржавы.

На першым этапе, безумоўна, можна адзначыць пашырэнне прадмета вывучэння, увагі да г. зв. «фігур змоўчвання», г. зн. да шэрагу палітычных падзей і асоб рэвалюцыйнага часу ў Расіі. Выяўленыя факты супрацьпастаўляліся міфалагізаванай афіцыйнай гісторыі КПСС і савецкага грамадства. Гэтыя працэсы найбольш заўважна ішлі, найперш, на старонках газетнага друку і літаратурна-мастацкіх часопісаў. Такім чынам, якасныя змены ў гістарыяграфіі гісторыі СССР у гэты перыяд супалі са зменамі ў грамадскай свядомасці савецкага народа, хаця трэба адзначыць, што адыход ад традыцыйных падыходаў даваўся вельмі нялёгка. Так, прыкладам можа быць абароненая ў 1992 г. расійскім даследчыкам С. А. Агапцовым кандыдацкая дысертацыя «Станаўленне партыйна-дзяржаўнай сістэмы ўлады: (Гісторыка-палітычны аналіз. Кастрычнік 1917–1924 гг.)» [11]. У працы разглядаюцца два асноўныя працэсы: зацвярджэнне канцэпцыі дыктатуры партыі як вынік палітычных дыскусій аб узаемаадносінах Саветаў і кіруючай партыі; фарміраванне рэжыму партыйнай улады як вынік зацвярджэння канцэпцыі дыктатуры партыі і складвання механізму правядзення партыйнай палітыкі ў дзяржаўных органах. Такая логіка даследавання па сутнасці паўтарае логіку большасці прац папярэдняга перыяду, заўважна змяняецца толькі ацэнка з пазітыўнай на негатыўную. Адзначым, «што такога кшталту тлумачэнні не даюць ніякага разумення працэсу. Для таго каб зразумець гэты працэс, неабходна ачысціць яго ад тых ідэалагічных абалонак, у якіх яго ўспрымалі сучаснікі» [12, с. 229].

Навейшы перыяд расійскай гістарыяграфіі прынёс ў вывучэнне савецкага грамадства і гісторыі яго ўсталявання шэраг новых для яе канцэпцый. Гэта, найперш, «цывілізацыйны падыход» і «канцэпцыя мадэрнізацыі». Яны дазволілі пачаць разгляд праблем гістарычнага развіцця расійскага (і пасля савецкага) грамадства ў больш шырокім кантэксце сусветнай гісторыі. Пры гэтым канцэпцыі разглядаюць істотна інакш ход гістарычнага працэсу, чым, напрыклад, фармацыйная тэорыя, што дазваляе ім аналізаваць тую частку гістарычнай рэальнасці, якая раней не трапляла пад увагу даследчыкаў [13].

Такім чынам, новы перыяд гістарыяграфіі звязваецца з ліберальнымі зменамі, якія распачаліся ў пачатку 1990-х гг., пад іх уплывам вы-

значылася тэндэнцыя да перагляду агульных фундаментальных палажэнняў, што знаходзілі асноўныя тэарэтыка-метадалагічныя характарыстыкі разглядаемага перыяду [14], а таксама распарацоўку прынцыпова новага накірунку даследаванняў, звязанага з вывучэннем рэпрэсіўнай палітыкі савецкай дзяржавы і гісторыі супраціўлення рэжыму [15].

З сярэдзіны 1990-х гг. пачынаецца новы этап сучаснай расійскай гістарыяграфіі. Асобна трэба вылучыць выхад у 1996 г. манаграфіі Е. Г. Гімпельсона «Фарміраванне савецкай палітычнай сістэмы. 1917–1923 гг.». Гэта першая ў савецкай і расійскай гістарыяграфіі спроба пастаноўкі і вырашэння праблемы апісання станаўлення ўсёй савецкай палітычнай сістэмы, а не асобных яе частак.

У азначаны час даследчыкі праяўляюць заўважную цікавасць да пытання кампрамісу бальшавікоў і іншых партый сацыялістычнай арыентацыі, спрабуюць усебакова разгледзець матывы палітычнай дзейнасці небальшавіцкіх рэвалюцыйных сіл [16]. Таксама ў асобны блок можна вылучыць працы, што закранулі аспекты нацыянальнага будаўніцтва народаў Расіі [17].

Адзначым, што за апошнія гады цікавасць гісторыкаў Расійскай Федэрацыі да кола пытанняў, звязаных з рэвалюцыямі 1917 г., не толькі не саслабела, але нават ўмацавалася. Асабліва гэта стала тое, што значную ўвагу пачалі надаваць ужо не столькі палітычнаму напаўненню падзей, колькі асобным аспектам дзяржаўнага будаўніцтва краіны, працы устаноў і органаў улады, узаемаадносін паміж дзяржавай і іншымі інстытутамі, групамі насельніцтва, развіццю самакіравання, прычым не толькі ў цэнтры, але і на месцах [18].

Як на першым, гэтак і на другім этапе развіцця сучаснай расійскай гістарыяграфіі фактычна адсутнічаюць працы, дзе б меў месца хоць нейкі грунтоўны разгляд падзей 1917 г. на Беларусі ў сувязі з трансфармацыяй дзяржаўнага апарату пад час рэвалюцыі 1917 г. Прытым што сучасная расійская гістарыяграфія традыцыйна разглядае беларускія губерні Расійскай імперыі як неад’емную частку краіны ў перыяд рэвалюцыі 1917 г. У той жа час заўважнай тэндэнцыяй гэтага гістарыяграфічнага перыяду з’яўляецца тое, што вялікая колькасць прац разглядае пастаўленыя пытанні менавіта ў межах пэўнага рэгіёна (часам асобных губерняў Расійскай імперыі) [19].

У такіх умовах неабходна нагадаць яшчэ раз, што ні ў РСФСР, ні у сучаснай Расіі фундаментальных прац, якія б раскрывалі ўсе механізмы дзеяння органаў улады трох палітычных сістэм (самадзяржаўнай, дэмакратычнай, бальшавіцкай), іх узаемаадносін, асабліва і характар у 1917 г. на Беларусі, не было. А важ-

насць даследавання гэтай тэмы, як і яе навуковая вартасць, не падлягаюць сумненню, бо беларускія губерні ў 1917 г. знаходзіліся далёка не ў баку ад агульнадзяржаўных падзей, а ўлічваючы ўмовы прыфрантавой тэрыторыі, асабліва ў ваеннага часу, нацыянальныя аспекты, падзеі трансфармацыі ўлады на Беларусі 1917 г. выглядаюць, бясспрэчна, важнымі для асэнсавання агульнай карціны пераломнага этапу ў жыцці нашага народа.

Літаратура

1. Ананов, И. Н. Местные органы Советской власти / И. Н. Ананов. – М.; Л., 1925. – 170 с.; Большаков, А. М. Деревня 1917–1927 гг. / А. М. Большаков. – М., 1927. – 135 с.; Быховский, Н. Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов 1917 г. / А. И. Быховский. – М., 1929. – 243 с.; Владимирский, М. Ф. Организация Советской власти на местах / М. Ф. Владимирский. – М., 1921. – 162 с.
2. Герасимюк, В. Р. Начало социалистической революции в деревне в 1917–1918 гг. / Герасимюк В. Р. – М., 1958. – 265 с.; Гимпельсон, Е. Г. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 – июнь 1918 гг.) / Е. Г. Гимпельсон. – М., 1958. – 305 с.; История гражданской войны в СССР. 1917–1922: в 5 т. Т. 3–5. – М., 1958–1960. – Т. 3: Упрочение Советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны (ноябрь 1917 г. – март 1919 г.). 1958 – 405 с.; Калинин, Г. С. Великая Октябрьская социалистическая революция и создание Советского государства / Г. С. Калинин. – М., 1959. – 232 с.; Морозов, Б. М. Создание и укрепление советского государственного аппарата (ноябрь 1917 – март 1918 гг.) / Б. М. Морозов. – М., 1957. – 218 с.
3. Абрамов, П. Н. Советское строительство на селе в докомбедовский период / П. Н. Абрамов // Вопросы истории КПСС. 1960. – № 6. – С. 102–108; Абрамов, П. Н. Волостные земства / П. Н. Абрамов // Исторические записки. М.: Наука, 1961. – № 69. – С. 56–70; Волобуев, П. В. Экономическая политика Временного правительства / П. В. Волобуев. – М., 1962. – 321 с.; Токарев, Ю. С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март – октябрь 1917 г.) / Ю. С. Токарев. – М.; Л., 1965. – 218 с.
4. Калинин, Г. С. Великая Октябрьская социалистическая революция и создание Советского государства / Г. С. Калинин. – М., 1959. – 308 с.; Клопов, Э. В. Ленин в Смольном / Э. В. Клопов. – М., 1965. – 190 с.; Федоров, К. Г. ВЦИК в первые годы Советской власти. 1917–1920 гг. / К. Г. Федоров. – М., 1957. – 270 с.
5. Гусев, К. В. Крах партии левых эсеров / К. В. Гусев. – М., 1963. – 305 с.

6. Дробижев, В. З. Борьба русской буржуазии против национализации промышленности в 1917–1920 гг. / В. З. Дробижев // Истор. зап. Т. 68. – М., 1961. – 345 с.; История профессионального движения в СССР. – М., 1961. – 410 с.; Грифонов, И. Я. Из истории борьбы Коммунистической партии против сменовеховства / И. Я. Грифонов // История СССР. – М., 1959. – № 3. – С. 36–50; Федюкин, С. А. Советская власть и буржуазные специалисты / С. А. Федюкин. – М., 1965. – 258 с.
7. Агалаков, В. Т. Советы Сибири: 1917–1918 гг. / В. Т. Агалаков. – Новосибирск. 1978. – 378 с.; Андреев, Е. Я. Партия большевиков и Советы в первые месяцы диктатуры пролетариата: На материалах Центральной России / Е. Я. Андреев. – Ростов-на-Дону, 1975. – 314 с.; Андрианов, И. А. Восстановление Советской власти и укрепление ее аппарата в Татарии (1918–1920 гг.) / И. А. Андрианов. – Казань, 1962. – 214 с.; Гимпельсон, В. Г. Советы в годы интервенции и гражданской войны / В. Г. Гимпельсон. – М., 1968. – 190 с.
8. Гимпельсон, Е. Г. Рабочий класс в управлении Советским государством / Е. Г. Гимпельсон. – М., 1982. – 260 с.; История государства и права СССР: в 2 ч. Ч. 2. Советский период. – М., 1981. – 380 с.; История Советского государства и права: в 3 т. Т. 1–3. – М., 1968–1985; Токарев, Ю. С. Роль Советов в судебном строительстве (октябрь 1917 – июнь 1918 гг.) / Ю. С. Токарев // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти: сб. ст. – Л., 1973. – С. 67 – 76.
9. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. – М.; Л., 1978. – 216 с.; Клеандрова, В. М. Организация и формы деятельности ВЦИК (1917–1924 гг.) / В. М. Клеандрова. – М., 1968. – 128 с.; Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти: сб. ст. – Л., 1973. – С. 213–224; Разгон, А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата / А. И. Разгон. – М., 1977. – 272 с.; Хесин, С. С. Становление пролетарской Диктатуры в России. Вопросы установления Советской власти и складывания пролетарской государственной системы (ноябрь 1917 – март 1918 гг.) / С. С. Хесин. – М., 1975. – 340 с.
10. Минц, И. И. История Великого Октября: в 3 т. / И. И. Минц. 2-е изд. – М., 1977–1979.
11. Агапцов, С. А. Становление партийно-государственной системы власти: (Истор.-полит. анализ, октябрь 1917–1924 гг.): дис. канд. ист. наук / С. А. Агапцов. – М., 1992. – 201 с.
12. Бордюгов, Г. А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. – М., 1992. – 229 с.
13. Семенникова, Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций / Л. И. Семенникова. – М., 1995. – 310 с.
14. Гимпельсон, Е. Г. Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. / Е. Г. Гимпельсон. – М., 1995. – 240 с.; Павлюченков, С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы / С. А. Павлюченков. – М., 1997; Шишкин, В. А. Власть, политика, экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.) / В. А. Шишкин. – СПб., 1997. – 212 с.
15. Данилов, А. А. История инакомыслия в России. Советский период / А. А. Данилов. – Уфа, 1995. – 370 с.
16. Шистер, А. Г. Была ли альтернатива вооруженному восстанию? / А. Г. Шистер // Отечественная история. – М., 1990. № 4. – С. 134–145.; Коржихина, Т. П. Первый правительственный кризис / Т. П. Коржихина // Историки отвечают на вопросы. – М., 1990. – С. 229–244.
17. Национальная политика СССР в 1920-е гг. – М., 1996. – 368 с.; Ананичук, В. Я. Закавказье и Северный Кавказ: истоки конфликтности и политика России / В. Я. Ананичук. – М., 1997. – 240 с.
18. Бабкин, М. А. Свержение монархии в России в 1917 г. и православная церковь: дис. канд. ист. наук. / М. А. Бабкин. – М., 2003. – 130 с.; Габисов, А. Г. История политических событий 1917–1920 гг. в национальных республиках Северного Кавказа: дис. канд. ист. наук / А. Г. Габисов. – Владикавказ, 2003. – 140 с.; Пурисова, Г. Ф. Исторический опыт земского самоуправления в России 1866–1918 гг.: дис. канд. ист. наук / Г. Ф. Пурисова. – М., 1996. – 135 с.
19. Оськин, М. В. Государственная власть и крестьянство России в войне и революции: 1914 – октябрь 1917 гг. По материалам черноземных губерний: дис. канд. ист. наук / М. В. Оськин. – М., 2003. – 135 с.; Зигангирова, Г. Р. Система органов местного самоуправления в Казанской губернии в с. XIX – в нач. XX вв.: организация и место в общественно-политической жизни: дис. канд. ист. наук / Г. Р. Зигангирова. – Казань; 2003. – 140 с.; Севастьянов, С. А. Земское самоуправление в Уфимской губернии 1874–1917 гг.: дис. канд. ист. наук / С. А. Севастьянов. – Уфа, 2005. – 130 с.

ПАДЗЕІ ЛЮТАЎСКАЙ РЭВАЛЮЦЫІ Ў ВУЧЭБНАЙ ЛІТАРАТУРЫ ДЛЯ ВНУ

The article dwells upon the February revolution's main events which are reflected in learning aids for higher educational institutions. The theoretical level and methodology of expounding questions of the February Revolution progress in "History of Belarus" textbook edited by Pr. Ya. Novik and Pr. G. Martsul. Numerous inaccuracies and doubtful facts given there are stated; the reasons for them are the lack of necessary authors' qualification, their ignoring the latest achievements in this field and applying Marxist-Leninist methodology along with the party (the CPSS) literature.

Уводзіны. У выніку працы ўдзельнікаў «круглага стала» пад назвай «Расійскія рэвалюцыі 1917 года ў лёсе Беларусі», які адбыўся 19 верасня 2007 г. у Інстытуце гісторыі НАН Беларусі, у ліку іншага было вырашана абмеркаваць праблему «як неабходна адлюстроўваць рэвалюцыйныя падзеі на старонках падручнікаў і дапаможнікаў для вучняў агульнаадукацыйных школ і студэнтаў ВНУ» [1, с. 16] З гэтай нагоды лічым неабходным выказаць заўвагі па тым, як падзеі Лютаўскай рэвалюцыі асветлены ў «Гісторыі Беларусі» пад рэдакцыяй Я. К. Новака і Г. С. Марцуля [2, 3].

Асноўная частка. У парушэнне храналагічнага прынцыпу і насуперак здароваму сэнсу гэты матэрыял змешчаны ў дзвюх частках падручніка, прычым пад рознымі назвамі. Яго варта было б пачаць з характарыстыкі становішча ў краіне напярэдадні краху самаўладдзя. Інакш названыя прычыны рэвалюцыі – «класавыя супярэчнасці, цяжкае ваеннае становішча» – не выглядаюць пераканаўчымі, бо такія ж цяжкасці перажывалі многія краіны – удзельніцы вайны. Няма падстаў гаварыць і пра «масавыя выступленні супраць царызму, буржуазіі і рэакцыйнай ваеншчыны» [2, с. 364]. Заўважым, што ў пачатку 1917 года аўтарытарны рэжым яшчэ дастаткова дзейсна выяўляў сябе, у тым ліку на Беларусі. Мае рацыю Я. І. Трашчанок, калі піша, што «фатальнай непазбежнасці рэвалюцыйнага выбуху ў Расіі не існавала» [4, с. 18] і ён з'явіўся поўнай нечаканасцю для ўсіх. Таму ролі ўсяго нарэда ў рэвалюцыі не варта перабольшваць. На справе крах самаўладдзя быў перадвызначаны перамогай узброенага паўстання ў сталіцы. Не апошняю ролю ў лёсе манархія адыграў сам Мікалай II, слабавольны, дыскрэдытаваны распуціншчынай, дэмаралізаваны здрадай акружэння і г. д. Дарэчы, яго апошнім указам адбылося зацвярджэнне кабінета міністраў на чале з Г. Я. Львовым. З абвясчэннем 3 сакавіка Дэкларацыі Часовага ўрада ўся грамадскасць безумоўна прыняла перамены ва ўладзе і згуртавалася вакол яго як гаранта дэмакратычных пераўтварэнняў.

Прыняць тэзіс, быццам «меншавіцка-эсэраўскае кіраўніцтва Саветамі баялася ўзяць уладу ў свае рукі, пайшло на змову з буржуазіяй, і ў выніку быў створаны Часовы буржуаз-

ны ўрад», значыць кінуць цень на ўсе «непралетарскія» партыі, меўшыя дачыненне да стварэння і дзейнасці вышэйшага органа ўлады. Мяркуем, такая аўтарская ўстаноўка не спрыяе асэнсаванню студэнтамі аб'ектыўнай неабходнасці супрацоўніцтва ўсіх, як тады казалі, «жывых сіл» па ўмацаванні новага ладу.

Назваць Саветы органамі ўлады, як гэта робяць аўтары [2, с. 364], няма падстаў. На гэты факт, а таксама на беспрадметнасць размоў аб «двоеўладдзі», даўно ўказвалі гісторыкі, у тым ліку П. Ц. Петрыкаў [5, с. 85].

Беспадстаўна атаясамліваць загады ваеннага камандавання з дзейнасцю «ворагаў рэвалюцыі» [2, с. 365], бо гвалтоўныя акцыі «агітатараў» і «рэвалюцыйных салдат» у Рэжыцы, Гарадку, Рагачоўскім пав. патрабавалі адэкватных захадаў. Галоўнакамандуючы Заходнім фронтам таксама нічым не выявіў сваёй варожасці рэвалюцыі і нават прыняў парад у Мінску пасля прысягі салдат Часоваму ўраду [6, с. 14].

Так жа беспадстаўна пісаць аб планах мінскіх бальшавікоў 1–2 сакавіка «мабілізаваць усе сілы, каб падтрымаць піцёрскіх рабочых і салдат» [2, с. 336], бо ў тым ужо не было патрэбы. Звесткі аб «баявых дружынах мінскіх рабочых», якія «2 сакавіка вызвалілі з турмы 400 палітычных зняволеных», няпраўда. Такой іх колькасці не магло быць па ўсёй Беларусі. У мінскай турме знаходзілася 753 вязняў, з якіх толькі 24 – «адміністрацыйных» [7], і іх вызваленне адбывалася не «баявымі дружынамі», а зусім законна і арганізавана.

У адпаведнасці з партыйнай традыцыяй аўтары пачынаюць асвятленне рэвалюцыйных перамен са стварэння Саветаў. Варта толькі ўдакладніць, што адзіны Віцебскі Савет так і не быў створаны, а Магілёўскія Саветы рабочых і салдацкіх дэпутатаў аб'ядналіся недзе ў 20-х чыслах сакавіка [8, с. 36]. Характэрна, што ў гэтай частцы тэкста ўжо ні словам не прыгадваецца ні аб двоеўладдзі, ні аб Саветах як органах улады. Мала таго, як вынікае з тэксту, яны па волі эсэра-меншавіцкага кіраўніцтва «фактычна падпарадкоўваліся органам Часовага ўрада» [2, с. 367] На справе, разглядаючы сябе органамі «рэвалюцыйнай дэмакратыі», закліканымі стаяць на абароне новага ладу і ў яго асобе Часовага ўрада, Саветы скіроўвалі сваю энергію

на ажыццяўленне ў межах існаваўшага заканадаўства інтарэсаў працоўных і салдат, падтрымку Петраградскага, а пазней – Усерасійскага Саветаў.

Ведучы гаворку пра ўсталяванне новай улады ў краіне, у тым ліку на Беларусі, правільна пачынаць яе з асвятлення арганізацыі камітэтаў грамадскай бяспекі, якія ставілі на мэце захаванне парадку ў гарадах, мястэчках, а не імкнуліся «звузіць размах народнай рэвалюцыі» [2, с. 367]. Дарэчы, у мінскім камітэце не было прадстаўніцтва ад «згодніцкіх партый», «буржуазіі і памешчыкаў». У яго былі дэлегаваны прадстаўнікі ўрадавых, земскіх, думскіх, грамадскіх устаноў, канфесій і нацыянальных пластоў [8, с. 27].

З моманту ўтварэння склад органаў Часовага ўрада не заставаўся нязменным. Прычым роля Саветаў у гэтым была калі не галоўнай, то вельмі значнай, аб чым сведчыць, у прыватнасці, ахіленне ад пасад 2 губернскіх (віцебскага і магілёўскага), а таксама мноства павятовых камісараў. Іх абранне на гэтыя пасады стала адметнай з’явай, уласцівай дэмакратычнаму ладу.

У асвятленні аўтараў дзейнасць рабочых у сакавіку выглядае даволі сціплай, а ў другой частцы падручніка ўжо сцвярджаецца, быццам «на чале барацьбы за развіццё рэвалюцыі стаяў рабочы клас» [3, с. 12]. Тое, што рабочы клас «*прымаў (курсіў наш – М. С.)* удзел у арганізацыі Саветаў, народнай міліцыі, узброеных дружын», зусім не значыць, што ён стаяў «на чале барацьбы за развіццё рэвалюцыі». Гэты тэзіс слаба аргументаваны яшчэ і таму, што, па-першае, ніякай неабходнасці ў азначанай «барацьбе» не існавала. Па-другое, яшчэ вясной на большасці прадпрыемстваў была рэалізавана асноўная мэта рабочых – 8-гадзінны працоўны дзень [8, с. 90].

Заўважым, што Саветы рабочых дэпутатаў і прафсаюзы адстойвалі эканамічныя інтарэсы працоўных з дапамогай прыміральных камер і толькі ў крайніх выпадках скарыстоўвалі забастоўкі. Фабрычна-заводскія камітэты распаўсюджвання на Беларусі не мелі і прыкметнай ролі ў рабочым руху не адыгрывалі.

Арганізацыя сялянства пачалася не «па ініцыятыве бальшавікоў» [2, с. 368]. 23 сакавіка быў выбраны не «сялянскі камітэт Мінскай губерні», а камітэт Сялянскага саюза [8, с. 40]. Акцэнтаванне ўвагі на эсэраўскім кіраўніцтве сялянскімі арганізацыямі не заўсёды мае сэнс. Настроі і паводзіны сялянства не выходзілі за межы гаспадарчых інтарэсаў і не звязваліся з палітыкай.

Дэмакратызацыя армейскага жыцця пачалася з загаду ваеннага міністра А. Гучкова аб скасаванні катэгорыі «ніжніх чыноў». Але «салдаты ўраўноўваліся ў правах з усімі грамадзянамі краіны» не ў сакавіку, а ў маі, пасля Дэк-

ларацыі, падпісанай чарговым ваенным міністрам [8, с. 79]. Інфармацыя аб Франтавым з’ездзе выглядае ўзважанай, пазбаўленай тэндэнцыйнасці, і пераконвае ў вызначальнай ролі вайскоўцаў, а не рабочых ва ўсталяванні новага ладу на Беларусі.

Як вынікае з назвы главы I другой часткі падручніка «Беларусь пасля Лютаўскай рэвалюцыі. Устанаўленне Савецкай улады ў Беларусі», аўтары традыцыйна адводзяць ёй (рэвалюцыі) вельмі сціплае месца «пралого Кастрычніка» [2, с. 363]. Разважанні наконт «альтэрнатыў грамадска-палітычнага развіцця» – не болей, чым спроба лішні раз паказаць непазбежнасць сацыялістычнай рэвалюцыі. Адсюль – усе «прэтэнзіі» да «буржуазнага Часовага ўрада». У іх падмацаванне выкарыстана, акрамя іншага, замоўчванне станоўчых крокаў па вырашэнні харчовай праблемы (хлебная манаполія), прадухіленні аграрнага руху (харчовыя і зямельныя камітэты), скасаванні дыскрымінацыйных законаў у дычыненні яўрэяў, наданні гарантый палякам на адраджэнне іх дзяржаўнасці і іншае.

Нельга пагадзіцца і з ацэнкай партый эсэраў і меншавікоў як дробнабуржуазных, а выказаны тэзіс, быццам разам з буржуазнымі партыямі яны «падтрымлівалі ідэю адзінай і непадзельнай Расіі» [3, с. 8, 10], з арсеналаў самага задубянелага сталінізму.

Варта адзначыць, што асобныя аспекты тэмы грунтуюцца на агульнапрызнаных палажэннях і асаблівых пярэчанняў не выклікаюць. Гэта невыпадкова, бо, да прыкладу, характарызуючы беларускі рух, аўтары абапіраліся на «Энцыклапедыю гісторыі Беларусі». Але і т у іх «*во ры*» падыхо д выявіўся ў расстаноўцы класавых акцэнтаў. Каб падкрэсліць «правізну» ўдзельнікаў з’езда «беларускіх дзеячаў», ініцыятарам яго склікання называецца БНПС, якая ўтварылася толькі ў маі. Акрамя таго, асноўным вынікам беларускага руху падаецца раскол на правую і левую плыні, хаця факт утварэння ВБР і праграма яе дзейнасці сведчаць аб зваротным. Нарэшце, такая выснова не стасуецца з загаловам «Уздым беларускага руху».

У шэрагу выпадкаў словы аб ўзрастанні ўплыву бальшавікоў не падмацоўваюцца фактамі. Тэзіс аб іх «вялікай увазе згуртаванню пралетарыяту» [3, с. 12] з галіны фантазій, паколькі сам пратэтарыйт, як вынікае з выступлення А. Мяснікова на VI з’ездзе РСДРП(б), меў іншыя ідэйныя і палітычныя арыенціры [8, с. 65]. Дададзім, што гомельскія бальшавікі не былі ў аб’яднанай арганізацыі» [3, с. 12], а магілёўскія і многія іншыя заставаліся ў ёй да кастрычніка [8, с. 64].

У асвятленні праблемы вайны і міру аўтарам таксама варта было б часцей абапірацца на

факты, а не галаслоўна заяўляць, быццам з захопніцкімі мэтамі, «а таксама для задушэння рэвалюцыйнага руху», Часовы ўрад вырашыў працягваць імперыялістычную вайну «да пераможнага канца» [3, с. 14]. Відавочна, такія ж мэты праследаваў і кааліцыйны ўрад пасля адстаўкі П. Мілюкова? Пэўна ж не. Ідэя актыўных баявых дзеянняў рускай арміі мела на мэце прымусіць праціўніка пайсці на мірныя перагаворы. Наколькі лозунг легняга наступлення быў папулярным на Беларусі – сведчаць рэзалюцыі Франтавога камітэта, сялянскіх з'ездаў, а таксама масавыя маніфестацыі 18 чэрвеня, якія прайшлі ў гарадах Беларусі не «пад бальшавіцкімі» [3, с. 14], а пад наступальніцкімі лозунгамі [7, с. 135].

У Часовага ўрада былі падставы лічыць бальшавікоў віноўнікамі правала наступлення, але асноўнай прычынай ліпеньскага крызісу стаў выхад кадэтаў з урада ў знак пратэсту супраць палітыкі А. Керанскага ва ўкраінскім пытанні. У той самы час памылкова заяўляць, што ў выніку разгону «мірнай дэманстрацыі», якая адбывалася пад лозунгам пераходу ўлады Саветам, «буржуазія атрымала ўсю паўнату ўлады». Інакш ёй не спатрэбілася б «развязаць грамадзянскую вайну, каб узброеным шляхам задушыць рэвалюцыю» [3, с. 14].

Партыйна-класавы падыход не дазволіў аўтарам разабрацца і ў мэтах склікання Дзяржаўнай нарады. Нягледзячы на самае шырокае прадстаўніцтва на ёй грамадскіх, партыйных, дзяржаўных і многіх іншых арганізацый і структур, зацікаўленых у стабілізацыі становішча ў краіне і на франтах, гэты форум характарызуецца выключна негатыўна. Рэзалюцыя падаўляючай большасці яго ўдзельнікаў, прынятая ў канструктыўным рэчышчы, нічым не даказвае таго, што заправіламі нарады была буржуазія. Галаслоўнымі з'яўляюцца сцвярджэнні, быццам удзельнікі нарады падтрымалі прапанаваную Карнілавым «праграму дзеянняў контррэвалюцыі», надзялілі «буржуазны ўрад надзвычайнымі паўнамоцтвамі» [3, с. 14–15]. Далейшы ход падзей (выступленне Карнілава) абвяргае гэта, паколькі ўся грамадскасць Расіі выступіла ў абарону дэмакратыі і «буржуазнага Часовага ўрада». На Беларусі нават кадэты адмежаваліся ад мяцежнікаў, а суадносіны сіл склаліся такім чынам, што мяцеж быў падаўлены без адзінага стрэлу. Звесткі аўтараў пра «штаб рэвалюцыйных сіл на чале з М. Фрунзе» [3, с. 15] памылковыя ў прынцыпе. Усе «рэвалюцыйныя сілы» ўзначальваў Часовы рэвалюцыйны камітэт на чале з эсэрам палкоўнікам А. Каратковым [9, с. 3–12].

Аўтары канстатуюць факт узростання аўтарытэту бальшавікоў пасля карнілаўшчыны і звязваюць з ім «далейшым развіццём рэвалюцыі». Усе разважанні пра падкопы буржуазіі,

імкненне прыхваць «да ўсталявання дыктатуры» [3, с. 17], пра «выбар – улада Саветам ці дыктатура контррэвалюцыйнай буржуазіі» – не больш, чым лозунгі бальшавікоў на выбарах ва Устаноўчы сход. На справе, пасля разгрому карнілаўскага выступлення, калі армія канчаткова выйшла з-пад кантролю генералаў і афіцэраў, спадзяванні прыхваць сіл на фарміраванне моцнай улады зніклі канчаткова. Гэтую, дарэчы, акалічнасць у ліку іншых і выкарысталі бальшавікі, якія пад выглядам барацьбы з контррэвалюцыйнай разгарнулі падрыхтоўку ўзброенага паўстання.

Пафасныя сентэнцыі, быццам «барацьба народных мас супраць буржуазіі дасягнула небывалага размаху», а «ў цэнтры яе стаяў пралетарыят – авангард рэвалюцыі»; быццам выступленні рабочых насілі «пераважна палітычны характар» – з жанру белетрыстыкі. У іх – ні слова праўды. На справе за паслялютаўскі час на Беларусі не адбылося ніводнага выступлення працоўных пад антыўрадавымі лозунгамі [8, с. 90, 170].

У абгрунтаванні тэзісу аб тым, што «барацьба сялянства за зямлю» набыла «агульнанацыянальнае палітычнае значэнне», даецца статыстыка разгромаў памешчыцкіх двароў. Мяркуем, што разгромы не маюць прамога дачынення да палітыкі. Інакш цяжка растлумачыць, чаму яны працягваліся нават пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі. Да таго ж, не мог «у кастрычніку сялянскі рух ахапіць 40 паветаў Беларусі», бо іх было толькі 34 [3, с. 16].

Сяляне і рабочыя выступалі паасобку і ніякай «агульнай плыні рэвалюцыйнага руху Беларусі» ствараць не маглі. Па той жа прычыне да яе не маглі далучыцца салдаты Заходняга фронту, занятыя «выступленнямі супраць вайны», дэзерцірствам, братаваннямі з немцамі. На гэтым фоне тэзіс, быццам «дэкастрычніка 1917 г. выступленні пралетарыяту, сялянства Беларусі і салдат Заходняга фронту згуртаваліся ў адзіную плынь, была створана армія сацыялістычнай рэвалюцыі», гучыць непераканаўча.

Аўтары выключна негатыўна характарызуюць ролю Часовага ўрада пасля Лютаўскай рэвалюцыі, які не браў на сябе вырашэнне задач кардынальнай значнасці (дзяржаўнага ўладкавання, зямельнага, рабочага, нацыянальнага і іншых пытанняў), бо яны з'яўляліся прэрагатываю Устаноўчага сходу. Усё іншае, якое патрабавала неадкладнага вырашэння – скасавання рудыментаў самаўладдзя ў заканадаўстве і сістэме дзяржаўнага кіравання, дэмакратызацыі грамадскага жыцця, рэалізацыі харчовых праграм, утварэння зямельных камітэтаў для падрыхтоўкі аграрнай рэформы – гэтыя захады з большай ці меншай ступенню паспяховасці выконваліся. І нельга сказаць, што час дэмакратыі

тычнага рэфармавання грамадства і эканомікі сябе вычарпаў, бо апошніяе слова заставалася за Устаноўчым сходам.

Заклучэнне. На нашу думку, разгледжаныя матэрыялы з гісторыі Лютаўскай рэвалюцыі на Беларусі не адпавядаюць заяўленаму статусу падручніка. Іх недарэчная структура, адсутнасць выразнага прынцыпу асвятлення падзей, вузкае кола дзеючых асоб і іншыя хібы сведчаць пра адсутнасць у прафесараў Я. К. Новіка і Г. С. Марцуля спецыяльных ведаў. Таму, відавочна, аўтары замясцілі сваю трактоўку рэвалюцыйных падзей на Беларусі на «старой добрай» марксісцка-ленінскай метадалогіі з выкарыстаннем апрабаваных твораў, дзе прынцып партыйнасці прызнаецца найпершым і абавязковым для ўсіх астатніх. Такі «навуковы» падыход дазволіў ім пазбегнуць нязручных пытанняў і абысці сучасныя навуковыя працы. У выніку з-пад прафесарскіх пер'яў выйшаў фрагмент гісторыі КПСС, стылізаваны пад гісторыю Беларусі часоў Лютаўскай рэвалюцыі, і таму няма сэнсу шукаць у ім аб'ектыўнай інфармацыі.

У выхаваўчым плане гэты твор прасякнуты ідэямі адной партыі, якія карэнным чынам разыходзяцца з задачамі выхавання ў моладзі ўласцівай беларусам талерантнасці, сацыяльнага міру, павягі да дэмакратычных свабод і агульначалавечых каштоўнасцей.

Такія ж хібы ўласцівы вучэбнаму дапаможніку І. І. Коўкеля, у значнай ступені – П. Г. Чыгрынава, у асобных момантах – П. І. Брыгадзіна [10]. Шляхі іх перадолення – у выкарыстанні навуковых падыходаў, разнастайных метадаў і сучаснай літаратуры, павышэнні прафесійнага ўзроўню аўтараў.

Літаратура

1. Расійскія рэвалюцыі 1917 года ў лёсе Беларусі (матэрыялы «круглага стала», які адбыўся 19 верасня 2007 г. у Інстытуце гісторыі НАН Беларусі) // Беларускі гістарычны часопіс, 2008 – № 1. – С. 15.

2. Гісторыя Беларусі: у 2 ч. Ч. 1. Ад старажытных часоў – па люты 1917 г.: падруч. / Я. К. Новік [і інш.]; пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск: Выш. шк., 2007. – 398 с.

3. Гісторыя Беларусі: у 2 ч. Ч. 2. Люты 1917 г. – 2006: падруч. / Я. К. Новік [і інш.]; пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск: Выш. шк., 2007. – 445 с.

4. История Беларуси: учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования: в 2 ч. Ч. 2 / Я. И. Трещенок [и др.]; под ред. Я. И. Трещенка. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. – 310 с.

5. Петрыкоў П. Т. Очерки новейшей историографии (1990-е – начало 2000-х гг.) / П. Т. Петрыков. – Минск: Белорус. наука, 2007. – 292 с.

6. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё ў Мінску (сакавік – кастрычнік 1917 г.). Вучэбны дапам. па курсе «Гісторыя Беларусі» / М. Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ, 1994. – 112 с.

7. В губернской тюрьме // Новое варшавское утро. – 1917. – 22 фев. – С. 3.

8. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 г.): у 2 ч. Ч. I. Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму / М. Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ, 2001. – 200 с.

9. Сяменчык, М. Я. Керанскі супраць Карнілава: чья перамога? // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 8.

10. Ковкель, И. И. История Беларуси: с древнейших времен и до нашего времени / И. И. Ковкель, Э. С. Яремусик. – 6-е изд. – Минск: Аверсэв, 2006. – 605 с.; Чигринов, П. Г. Очерки истории Беларуси: учеб. пособие / П. Г. Чигринов. – 3-е изд., испр. – Минск: Выш. шк., 2007. – 463 с.; Бригадин, П. И. История Беларуси в контексте европейской истории: курс лекций / П. И. Бригадин. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 336 с.

С. М. Восович, кандидат исторических наук

СОСТАВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЕПАРХИЙ И ЛЕТОПИСЕЙ ЦЕРКВЕЙ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

The author research composition parish-historical description of eparchy and church chronicle in Belarus in the period of time from the secondary part of the XIXth century till the beginning of the XXth century. The author makes the conclusion that church-historical research has achieved great progress at the beginning of the XXth century in Grodno and Minsk eparchies. As a result, historical-archeological committees were set up there, which carried out historical, archeological and ethnographical investigations. Grodno church-archeological committee was opened in 1904, Minsk church historical-archeological committee was founded in 1908.

Введение. В отечественной исторической науке недостаточно изучено составление церковно-исторического описания епархий и летописей церквей в Беларуси в 1861–1914 гг. В работах И. В. Гребенчука, А. А. Гужеловского приводятся лишь отдельные сведения о деятельности церковных археологических комитетов [1; 2]. Наиболее проработанной рассматриваемая тема оказалась в исследованиях В. Н. Черепицы [3]. Однако гродненский историк исследовал ее применительно к Гродненской губернии (с 1900 г. и епархии). При этом он допустил некоторые неточности и рассмотрел ее в контексте формирования основ церковного краеведения Беларуси во второй половине XIX в. Успехи православного духовенства в церковном краеведении не позволили ему увидеть негативные моменты в исследовательской деятельности священников и преподавателей духовных семинарий. В связи с этим в статье определены следующие задачи: 1) рассмотреть составление церковно-исторического описания епархий и летописей церквей в Беларуси в 1861–1914 гг.; 2) выявить закономерности и этапы в составлении церковно-исторического описания епархий.

Основная часть. Русская православная церковь во второй половине XIX – начале XX вв. придавала большое значение изучению церковной истории, в том числе и Северо-Западного края. Впервые вопрос о составлении церковно-исторического описания епархий был поднят духовно-учебным управлением Св. Синода в 1850 г. Духовно-учебное управление рассматривало эти описания как материал, необходимый для изучения истории Российской церкви и составления полного и специального курса по ее истории. Поэтому духовное ведомство определением от 10 мая / 6 октября 1850 г. поручило епархиальным преосвященным позаботиться о составлении исторического и статистического описания возглавляемых ими епархий.

Инициативу духовно-учебного управления поддержал архиепископ Литовский и Виленский Иосиф. 26 ноября 1850 г. он возложил сбор историко-статистического материала на

ректора Литовской духовной семинарии архимандрита Филарета. После назначения архимандрита Филарета епископом Ковенским составление описания Литовской епархии было возложено на Литовскую семинарию под руководством ее ректора. После смерти митрополита Иосифа работа по составлению описания епархии была прекращена. Тем не менее, некоторые учителя семинарии добросовестно отнеслись к исполнению возложенного на них поручения [4, с. 185–186]. Проводились работы по составлению историко-статистического описания епархий и в других регионах Беларуси.

К концу 60-х гг. XIX в. Св. Синод полностью отказался от сбора церковно-исторических описаний епархий. Указом от 12 декабря 1868 г. Св. Синод больше не требовал предоставлять сведения «о ходе работ в епархиях и о распоряжениях епархиальных начальств по делу о составлении означенного рода описаний епархий» [5, л. 124 об.]. Что касается статистических сведений, то они ежегодно предоставлялись Св. Синоду епископами и регулярно публиковались в «Всепопданнейших отчетах оберпрокуроров Св. Синода» (или в «Извлечениях из всепопданнейших отчетов»).

Охлаждение Св. Синода к сбору исторических описаний епархий повлияло на проведение подобных работ на местах. Все белорусско-литовские епархии, за исключением Минской, не завершили составление таких исследований. Только в Минской епархии в 1864 г. архимандритом Николаем было издано «Историко-статистическое описание Минской епархии» [6]. В своей книге ректор Минской духовной семинарии привел данные об иерархах, чудотворных иконах, монастырях, приходских церквях и благочестивых обычаях православного населения Минской епархии.

Сбор историко-статистического материала продолжался в Минской епархии и в последующее время. Данная работа завершилась изданием при епископе Минском и Туровском Евгении в 1879 г. «Описания церквей и приходов Минской епархии, составленного по официально затребованным от причтов сведениям».

Каждый приход был описан по следующим разделам: 1) местность; 2) церковь; 3) приход; 4) причт; 5) владения церкви и причта; 6) церковные и приходские учреждения.

Издание «Историко-статистического описания...» и «Описания церквей и приходов...» Минской епархии обусловили прекращение проведения активных исследований в данном направлении в указанной епархии до начала XX в.

Издательскому примеру Минской епархии последовала Полоцкая. В отличие от Минской епархии полоцкая духовная консистория издала в 1884 г. лишь статистические сведения о церквях и причтах Полоцкой епархии, не раскрыв историю самой епархии [7]. Что касается других белорусско-литовских епархий, то в них во второй половине 80-х гг. XIX в. была предпринята вторая попытка составления церковно-исторического описания. Теперь инициатива исходила не от духовного ведомства, а от отдельных лиц на местах. Первым был поднят данный вопрос в Литовской епархии.

В Литовской епархии инициатором составления такого описания являлся редактор «Литовских епархиальных ведомостей» протоиерей Виленского Пречистенского собора Иоанн Котович, составивший «Программу церковно-исторического и статистического описания №-й церкви и прихода Литовской епархии». 14 июля 1886 г. он представил на благоусмотрение Алексея, архиепископа Литовского и Виленского, рапорт о необходимости составления историко-статистического описания епархии ко дню ее 50-летия. Архиепископ Литовской епархии одобрил предложение И. Котовича и распорядился напечатать «Программу» не только в «Литовских епархиальных ведомостях», но и отдельными брошюрами в количестве, соответствующем числу церквей и монастырей епархии, для руководства духовенству. Составленные описания благочинные должны были представить своему архиепископу к 1 июля 1887 г. [3, ч. 2, с. 268–269].

Некоторые настоятели церквей написали объемные монографии, в которые вошли не только исторические, но и этнографические и археологические сведения. По данным Е. Орловского, обработка всего собранного материала ограничилась до начала XX в. лишь составлением истории Виленского кафедрального собора [4, с. 187]. Остальные материалы, собранные духовенством, хранились в Литовской духовной консистории. Только Н. Д. Извеков в середине 90-х гг. XIX в. попытался составить историко-статистическое описание Литовской епархии, которое отличалось краткостью и тенденциозностью: автор акцентировал внимание на негативных сторонах деятельности православного духовенства [8]. Тем не менее, работа по историко-статистическому описанию епар-

хий содействовала в последующее время проведению подобных исследований и изданию церковно-краеведческих трудов.

В Могилевской епархии изучением церковной истории Могилевской губернии занимался епархиальный историко-статистический комитет, образованный 2 октября 1888 г. Могилевский историко-статистический комитет издал несколько выпусков издания «Могилевская епархия: историко-статистическое описание».

После непродолжительного перерыва в конце XIX в. были возобновлены работы по составлению церковно-исторического описания епархии и в Витебской губернии. Здесь в 1897 г. совет Витебского Свято-Владимирского епархиального братства обратился ко всему духовенству Полоцкой епархии с просьбой о содействии в составлении историко-статистического описания церквей и приходов Витебской губернии по программе, принятой в Вольнской епархии. Для обработки и исправления составленных на местах описаний 4 октября 1897 г. был образован под председательством архимандрита Константина специальный комитет. Однако несмотря на все старания совета Свято-Владимирского братства, историко-статистическое описание Полоцкой епархии так и не было составлено. Только Д. И. Довгялло в 1899 г. составил и издал «Список церквей Витебской губернии с адресами», а позднее справочную книгу «Полоцкая епархия к 1903 году».

В начале XX в. возобновились церковно-исторические исследования и в Минской епархии. В 1903 г. А.В. Товаров издал «Историко-статистическую справочную книгу Минской епархии». В ней автор дал кратко историческое описание церквей, показал состояние причтовых построек, привел данные о количестве прихожан и церковной земле, указал почтовый адрес причтов. В том же году Е. Орловский издал монографию, в которой подробно исследовал историю православной церкви на территории Гродненской епархии [4].

Начало XX в. ознаменовалось созданием нового типа научно-исследовательских обществ на территории Беларуси. В Гродненской и Минской губерниях появились церковно-археологические комитеты. В отличие от предшествующего периода комитеты в указанных губерниях изучали местный край не только для составления исторического описания епархий, которые были уже изданы к середине первого десятилетия XX в. Церковно-археологические комитеты занялись исследованием, охраной и сбором памятников древности. Для охраны наиболее ценных вещественных предметов старины комитеты создали церковно-археологические музеи. Кроме того, комитеты занялись изучением народных обычаев, преданий и песен, т. е. этнографическими исследованиями.

Первым в Северо-Западном крае был создан Гродненский церковно-археологический комитет. Он был открыт по инициативе епископа Гродненского и Брестского Никанора 26 ноября 1904 г. При комитете было создано церковное древлехранилище (музей) для хранения наиболее ценных памятников старины и документов. После переезда епископа Никандра в г. Варшаву деятельность Гродненского церковно-археологического комитета временно приостановилась. Она возобновилась при епископе Михаиле.

Проведение исторических исследований членами церковно-археологического комитета привело к тому, что в 1910 г. был поднят вопрос о переименовании Гродненского церковно-археологического комитета в Гродненский историко-церковно-археологический комитет.

В начале XX в. был создан археологический комитет с музеем и в Минской губернии. Впервые вопрос об их учреждении был поднят в Минской губернии в 1907 г. редактором «Минский епархиальных ведомостей» Д. В. Скрынченко. Главную цель деятельности этих церковно-археологических учреждений Д. В. Скрынченко видел в том, чтобы «на строго документальных данных, археологическими памятниками наглядно доказать, что Минская губерния – русский край, а не польский» [9, с. 125].

Минский церковный историко-археологический комитет фактически был создан в конце 1907 г., а официальное, торжественное его открытие состоялось 13 февраля 1908 г. При комитете был создан музей, в котором в 1910 г. насчитывалось около 1000 предметов старины.

Работа Минского церковного историко-археологического комитета не ограничивалась только сбором и описанием полученных исторических, археологических и этнографических материалов. Члены комитета совершали научные экспедиции с целью осмотра и изучения на местах памятников старины, приобретения ценных находок. В августе 1909 г. Д. В. Скрынченко, А. К. Снитко и А. М. Панов совершили в г. Турове с разрешения Императорской Археологической комиссии раскопки с целью изучения обнаруженного на Борисоглебском кладбище саркофага. В течение 1909–1913 гг. Минский церковный историко-археологический комитет издал 4 выпуска «Минской старины». Для популяризации исторических сведений о крае совет комитета устраивал вечера, на которых члены комитета проводили лекции на исторические темы.

Таким образом, в процессе составления церковно-исторического описания епархий в некоторых губерниях Беларуси в начале XX в. были созданы церковные археологические комитеты.

Составлению церковно-исторического описания епархий, изучению церковной истории края должны были помочь церковные летописи.

Впервые Св. Синод поднял вопрос о составлении церковных летописей в 1866 г. 12 октября указанного года центральное учреждение духовного ведомства предложило епископам высказаться по вопросу о возможности заведения в своих епархиях церковных летописей. В ответ архиереи Северо-Западного края предложили своему духовенству завести такие летописи. 15 февраля 1867 г. сделала распоряжение о ведении церковных летописей Полоцкая духовная консистория. 2 мая 1867 г. соответствующий циркуляр издала Литовская духовная консистория, предложившая белому и монашествующему духовенству епархии завести летописи по месту службы с начала 1867 г.

Духовенство в большинстве своем отнеслось равнодушно к предложению епархиального руководства. В Литовской епархии об этом свидетельствовали как отчеты ревизии церковью различных уездов, проводимые в 70-х гг. XIX в. литовскими викарными епископами, так и общая оценка состояния ведения летописей, данная Литовской консисторией в 1879 г. Духовная консистория констатировала, что «исполнить это предложение в епархии оказалось очень мало желающих, да и те, как в настоящее время обнаружилось, относятся к этому делу или слишком поверхностно, или же и вовсе прекратили его» [10, с. 10]. Поэтому архиепископ Литовский и Виленский Александр 17 ноября 1879 г. предписал консистории составить программу церковно-приходских летописей для руководства духовенству, которое должно было следовать ей при обязательном составлении летописей с начала 1880 г. В 1879 г. Литовская консистория составила «Правила как вести церковно-приходские летописи» и опубликовала их для руководства духовенству в № 52 «Литовских епархиальных ведомостей». В 1880 г. «Правила» были дополнены. Благочинные должны были контролировать составление летописей.

Указ консистории об обязательном заведении летописей с приложенной к нему инструкцией был встречен местным духовенством несочувственно. Часть духовенства ограничивала свою деятельность только исполнением прямых священнических обязанностей. Такие священнослужители смотрели на ведение летописей как на «пустую трату времени». Некоторые причты вообще не стали заводить летописи. Об этом свидетельствовали отчеты ревизий викариев в 80-е и даже в 90-е гг. XIX в., которые констатировали отсутствие данных документов в отдельных церквях.

Небрежно отнеслось к составлению и регулярному ведению церковных летописей и духовенство Полоцкой епархии. Полоцкая духовная консистория в 1896 г. констатировала, что «распоряжение епархиального начальства от 15 февраля 1867 г. в ведении церковных летописей

забыто причтами епархии» [11, с. 415]. Поэтому Полоцкая духовная консистория сделала распоряжение, утвержденное 18 декабря 1896 г. епископом Александром, об обязательном ведении духовенством церковных летописей.

Недобросовестно относилась к ведению летописей часть духовенства Могилевской и Минской епархий. Поэтому местным духовным консисториям пришлось напоминать духовенству о возложенной на них обязанности. Для этого в № 1 «Минских епархиальных ведомостей» за 1903 г. и в № 13, 16, 17 «Могилевских епархиальных ведомостей» за 1884 г. была опубликована «Программа летописей».

Благодаря настойчивым требованиям епископов Северо-Западного края ситуация поменялась к лучшему в составлении летописей в начале XX в. Большинство церквей Беларуси имели данные документы.

Таким образом, к началу XX в. Беларуси удалось собрать материалы для историко-статистического описания епархий и при большинстве церквей Беларуси имелись летописи.

Заключение. На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. во всех белорусско-литовских епархиях было предпринято несколько попыток составить церковно-историческое описание. Если первая такая попытка, инициированная Св. Синодом, завершилась составлением описания только Минской епархии, то в результате второй был создан Могилевский историко-статистический комитет, который издал несколько выпусков «Могилевской епархии». Церковно-исторические исследования, проводимые во всех белорусско-литовских епархиях, подтолкнули отдельных местных церковных историков (Н. Д. Извекова, Е. Орловского, А. В. Товарова, Д. И. Довгялло) издать собственные монографии, посвященные истории православной церкви. В результате наиболее проработанной оказалась в начале XX в. история Гродненской и Минской епархий. Поэтому в них в начале XX в. был создан новый тип научных обществ: историко-археологические комитеты. В 1904 г. был открыт Гродненский церковно-археологический комитет, а в 1908 г. – Минский церковный историко-археологический комитет, издавший к 1914 г. 4 выпуска «Минской старины». Данные учреждения занимались не только изучением истории своих губерний, но и археологическими, этнографическими исследованиями, охраной и сбором памятников старины. С целью сохранения памятников древности при комитетах были созданы музеи. Фактически в начале XX в. начался новый этап исторического описания

епархий, в котором использовались данные археологических исследований.

Литература

1. Гужалоўскі, А. А. Нараджэнне беларускага музея / А. А. Гужалоўскі. – Мінск: НАРБ, 2001. – 124 с.; Гужалоўскі, А. 3 гісторыі музейнай справы на Беларусі / А. Гужалоўскі // Музейныя сшыткі. Беларускія музеі. Гісторыя. Хроніка. Сучаснасць. – Мінск, 1998. – С. 15–51.
2. Грабянчук, І. В. Узнікненне і дзейнасць публічных музеяў у Беларусі (1851–1917 гг.): дс. ... к-та гіст. навук: 07.00.02 / І. В. Грабянчук. – Мінск, 2005. – 131 с.
3. Черепица, В. Н. Очерки истории Православной церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) / В. Н. Черепица: в 2 ч. Ч. 1. – Гродно: ГрГУ, 1999. – 320 с.; Ч. 2. – Гродно, ГрГУ, 2005. – 440 с.
4. Орловский, Е. Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX столетии (1794–1900) / Е. Орловский. – Гродно: губернская типография, 1903. – 604 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (г. Минск). – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 23.
6. Николай архимандрит. Историко-статистическое описание Минской епархии / архимандрит Николай. – Санкт-Петербург: типография духовного журнала «Странник», 1864. – 315 с.
7. Статистические сведения о церквях и причтах Полоцкой епархии, с алфавитным списками оных, с обозначением числа прихожан, количества церковной земли, штатного оклада жалованья, процентов от капиталов и вознаграждений за отошедших в казну крестьян, составленные в Полоцкой духовной консистории. – Витебск: типо-литография Г. А. Малкина, 1884. – 91 с.
8. Извеков, Н. Д. Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г. / Н. Д. Извеков. – Москва: печатня А. И. Снегиревой, 1899. – 506 с.
9. Скрынченко, Д. Необходимость церковно-археологического музея и комитета в Минской епархии / Д. Скрынченко // Минские епархиальные ведомости. – 1907. – № 5. – Часть неофициальная. – С. 125–128.
10. Местные распоряжения. О ведении церковно-приходских летописей в Литовской епархии (к исполнению) // Литовские епархиальные ведомости. – 1880. – № 2. – С. 9–10.
11. От Полоцкой духовной консистории // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1897. – № 10. – С. 415.

ЛИТЕРАТУРА КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ УЧЕНИКА

The article reveals aims of literary education, one of which is training a literary-educated personality who develops as a creative personality capable to perceive artistic imagery. Such training contributes to formation of the system of skills: to identify and differentiate types of texts, answer question, retell text, read text in roles, give description of the characters' portraits, make up new texts, express personal points of view, give estimations etc. The article shows the role of literary education in formation of national self-consciousness.

Введение. Формирование и совершенствование у школьников умений воспринимать, осмысливать и интерпретировать художественный текст при изучении доступных этому возрасту литературных и/или анонимных/фольклорных произведений, а также умения самостоятельно читать художественные и нехудожественные тексты; развитие устной и письменной речи, мышления, памяти, воображения, познавательных интересов и творческих способностей; приобщение к общечеловеческим ценностям, формирование отношения уважения и толерантности к культурной различности, мультиэтничности и ясного осознания собственной национальной идентичности – это лишь часть целей, стоящих перед языковым и литературным образованием в младшем школьном возрасте.

Основная часть. Реализация целей литературного образования на начальном этапе образования предполагает:

- знание психофизиологических особенностей развития учеников в младшем школьном возрасте;
- хорошее знание жанровой специфики включенных в учебное содержание анонимных/фольклорных и/или литературных произведений;
- на этой основе – выбор учителем адекватных методов и составляющих их приемов, а так же форм изучения анонимных/фольклорных и/или литературных произведений в ходе уроков литературы;
- хорошую научную (психологическую, педагогическую, методическую, литературную и пр.) подготовку учителя начальных классов.

Первоначальный этап в возрастной эволюции ученика-читателя охватывает первые годы его обучения в школе: с первого по четвертый класс. Это период ощутимых перемен в психологическом (развитие основных психических процессов) и физиологическом (двигательной активности, биологический ритм, утомляемость и пр.) развитии ребенка, период социального и психологического взросления, которые оказывают влияние и на его языковое и литературное развитие.

Учет особенностей психофизиологического развития учащихся 1–4 классов предполагает хорошее знание характерного в развитии пси-

хических процессов у детей в младшем школьном возрасте.

Младший школьный возраст, как формулирует Ж. Пиаже, Э. Эрксон, Л. Выготский, А. Леонтьев, П. Галимар, Дж. Сийман и Д. Кенр и З. Романовска, Н. Молдавска, О. Никифорова, Л. Десев, Ст. Жекова, Е. Василева и др., – это период психического и интеллектуального взросления.

Знание специфики основных психических процессов (мышление, внимание, память, речь, а так же ощущения, восприятия, интересы, потребности) и их развития, знание характерного для познавательной деятельности учеников младшего школьного возраста – это предпосылка конструирования адекватных методических моделей литературного и языкового образования, которые соответствуют измененным реалиям, новой образовательной парадигме и способствуют успешной социализации подрастающего поколения.

Процесс восприятия, понимания и осмысливания художественного текста в младшем школьном возрасте протекает в соответствии с уровнем психо-физиологического развития детей и индивидуальными особенностями их читательского восприятия. По причине недостаточно развитого в младшем школьном возрасте абстрактно-логического мышления понимание и осмысливание художественного текста затруднено, и в большинстве случаев дети все еще находятся на уровне конкретно-чувственного, наглядно-образного восприятия. В процессе литературного образования постепенно совершенствуются восприятие, понимание и осмысливание детьми художественного текста.

В младшем школьном возрасте ученики обычно встречают затруднения при углубленном осмысливании художественного обобщения, метафоричности поэтического языка, нюансов выражения чувств, настроений, переживаний из-за своего пока еще недостаточно богатого эмоционального, житейского и читательского опыта. Это не недостаток восприятия маленьких читателей, а характерная для этого этапа их читательской эволюции закономерность.

По мере накопления впечатлений в результате конкретной работы над художественными текстами изучаемых в школе или прочтенных

самостоятельно литературных и фольклорных произведений:

- школьники постепенно начинают осознавать художественную функцию речи и содержащиеся в ней обобщения;

- их словарный запас обогащается словами и образами, обозначающими чувства, настроения и переживания, которые ученики начинают включать и в самостоятельно создаваемые ими тексты;

- их речь постепенно становится более точной при интерпретации художественного текста;

- они приобретают умения дифференцировать и разграничивать в практическом плане анонимное/фольклорное и литературное произведения, сказочный и художественный вымыслы и пр.;

- осуществляется их языковое, речевое и литературное развитие, обогащается их житейский, эмоциональный и читательский опыт и пр.

В процессе литературного развития происходит развитие и совершенствование способности мыслить словесно-художественными образами. Эта способность находит выражение как в творческой, так и в репродуктивной деятельности и является, прежде всего, способностью воспринимать художественную образность. Посредством литературного образования и обогащения жизненного и читательского опыта учащихся развивается и совершенствуется их способность мыслить словеснохудожественными образами. Адекватный методический подход учителя к художественному тексту изучаемого литературного и/или анонимного/фольклорного произведения, учитывающий как его жанровую специфику, так и психофизиологическое развитие учащихся, является предпосылкой их совершенствования как читателей, их литературного развития, осуществления целей литературного образования.

Характерным для новой парадигмы литературного образования в 1–4 классах является стремление соответствовать потребностям нашего общества, новым общественным реалиям.

Посредством современного литературного обучения на начальном этапе образования подготавливаются образованные читатели литературных произведений, литературно образованные личности. Это одна из целей литературного образования в 1–4 классах.

Процесс литературного обучения содействует подготовке литературно образованных личностей, литературному развитию учащихся, респективно – формированию умения воспринимать и осмысливать художественный и нехудожественный тексты, научно-популярный текст, а так же создавать собственные тексты, и осуществляется на трех этапах школьного образования: в младших, средних и старших классах.

Подготовка литературно образованной личности предполагает:

- формирование умения идентифицировать и разграничивать художественный, нехудожественный и научно-популярный тексты;

- формирование умения идентифицировать и разграничивать различные виды текста (повествование, описание, рассуждение, диалог, монолог и пр.);

- формирование умения идентифицировать и разграничивать характерные для художественной образности черты;

- формирование умений восприятия и осмысливания конкретного содержания литературного и/или анонимного/фольклорного произведения;

- формирование и совершенствование умения отвечать на вопросы в связи с конкретным содержанием литературного и/или анонимного/фольклорного произведения;

- формирование умения интерпретировать художественный текст, пересказывать повествование, читать по ролям построенные в диалоговой форме литературные и/или анонимные/фольклорные произведения, обрисовывать словами портреты героев, нарисованную автором средствами слова картину – пейзаж или описание обстановки, в которой развивается действие, а так же дополнять переживания героев, иллюстрировать эпизоды и/или картины из литературного и/или анонимного/фольклорного произведения, драматизировать художественный текст и пр.

- формирование умения создавать собственный текст, используя определенную словесную или зрительную опору по определенной теме и в заданном жанре в связи с изучаемым литературным и/или анонимным/фольклорным произведением и пр.

Кроме формирования умения воспринимать и осмысливать литературное и/или анонимное/фольклорное произведение, интерпретировать его конкретное содержание, отвечать на поставленные в связи с конкретным содержанием произведения вопросы посредством обучения по литературе на начальном этапе образования у школьников формируется:

- умение высказывать мнение, оценку и отношение к изучаемому и/или прочтенному самостоятельно литературному и/или анонимному/фольклорному произведению;

- умение обосновывать свое отношение к героям и событиям, описанным в изучаемом произведении;

- умение составлять/формулировать и задавать вопросы по конкретному содержанию изучаемого литературного и/или фольклорного произведения.

В процессе литературного образования в 1–4 классах в результате изучения текстов изучаемых и/или прочтенных самостоятельно ли-

литературных и/или анонимных/фольклорных произведений у школьников формируются:

- читательские интересы;
- умение выразить читательские предпочтения, что является частью процесса литературного и читательского развития детей в младшем школьном возрасте.

Обучение по литературе в 1–4 классах содействует:

- созданию национального самосознания;
- формированию умения находить в изучаемых литературных и/или анонимных/фольклорных произведениях характерные признаки национальной идентичности;
- формированию умения находить в изучаемых и/или прочтенных самостоятельно литературных и/или анонимных/фольклорных произведениях характерные элементы традиционных праздников и связанных с ними обычаев и обрядов;
- формированию умения идентифицировать культурную различность (специфику традиций, обычаев, ценностей);
- созданию отношения толерантности и уважения к различному этническому происхождению, национальности и культуре.

Современное обучение по литературе в младшем школьном возрасте отличается своей коммуникативно-речевой направленностью. Этим оно содействует:

- формированию умения адекватного участия в диалоге, включения в определенную коммуникативную ситуацию;
- формированию умения логического построения собственного высказывания;
- формированию умения толерантного и уважительного отношения к другим участникам коммуникативной ситуации и адекватного репликирования;
- овладению формулами вежливости и формированию умений адекватного использования форм учтивости.

Обучение по литературе содействует как литературному, так и языковому и речевому развитию учеников младшего школьного возраста, формированию и совершенствованию их коммуникативной компетентности.

Посредством восприятия и осмысливания художественного текста формируются и со-

вершенствуются коммуникативно-речевые умения учащихся:

- обогащается их язык и словарный запас;
- развивается их художественно-образная память;
- совершенствуется их умение общения с автором посредством созданных им художественных образов; умение общения с учителем как с посредником между автором и юными читателями; умение общения с соучениками в процессе интерпретации и толкования художественной образности; умения общения с адресатом создаваемого ими текста и пр.

Бесспорна роль искусства как фактора при воздействии на личность, ее развитии и социализации. Как любой вид искусства литература своим специфическим комплексом выразительных средств воздействует на ребенка, вызывая его сопереживание, выражающееся в конкретных чувствах, настроениях, переживаниях; порождает и определенные размышления. Литература как искусство содействует целостному психо-физиологическому, социальному, художественному, в частности, литературному, развитию ребенка младшего школьного возраста. Посредством универсального языка литературы как искусства развивается личностная коммуникация; развиваются способности к индивидуальному мышлению, воображение, память, речь, внимание; стимулируется самовыражение; укрепляется самочувствие учеников 1–4 классов и пр.

Заключение. Формирование эстетического вкуса, читательских интересов, потребности в чтении, в получении эстетического наслаждения от соприкосновения с художественным текстом и произведениями других искусств осуществляется посредством литературного образования.

Формирование умения восприятия и осмысливания художественного текста в процессе литературного образования в младшем школьном возрасте – это целенаправленный процесс, который требует педагогического мастерства и такта, чтобы осуществился непринужденный переход к следующему, более высокому этапу в литературном развитии школьников.

Перевела с болгарского Кремакова Е. В.

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

The article deals with social partnership as a political phenomenon and its development as political institute in the Republic of Belarus. The interaction between the state, trade unions and unions of employers as political system elements, including activities of the National council on labour and social matters, conclusion of general and other collective agreements are shown. The necessity of accepting a law about social partnership and giving to the trade unions a right of legislative initiative in the Republic of Belarus is noted.

Введение. Исторический опыт стран с рыночной экономикой свидетельствует, что развитие общества без социальных потрясений во многом связано с реализацией идеи социального партнерства – способа согласования интересов наемных работников и работодателей при посредничестве государства в целях обеспечения социального мира. В более широком значении социальное партнерство – это взаимодействие и сотрудничество различных социальных групп и слоев для достижения общих целей [1]. Общие основы и принципы социального партнерства одинаковы, но в каждой стране социальное партнерство имеет свои особенности, обусловленные различными условиями формирования рыночной экономики и демократизации политической жизни, исторической средой и традициями, культурой и национальным характером народа, а также другими факторами.

Основная часть. В отечественной науке, в официальных документах понятие «социальное партнерство» появилось в начале 90-х гг., что было связано с рыночными преобразованиями в Республике Беларусь [2]. Приоритетным, базовым аспектом социального партнерства является социальный, а важнейшей сферой его осуществления – сфера социально-трудовых отношений. Однако данное обстоятельство не отрицает и того, что социальное партнерство как общественный феномен взаимосвязано в своем функционировании с политическими процессами и институтами. Оно объективно неминуемо «вторгается» и в сферу политических отношений (например, в процессе выработки и реализации социальной политики государства и т. п.). «Сегодня можно смело утверждать, что сфера общественного востребования социального партнерства значительно шире, чем собственно социально-трудовые отношения» – отмечают российские исследователи В. Н. Киселев и В. Г. Смольков [3]. Вместе с тем анализ существующих подходов к изучению социального партнерства показывает, что они, как правило, не дают о нем целостного представления. В частности, недостаточно исследуется его политический аспект – влияние социального партнерства на многие процессы и явления политической жизни общества, взаи-

модействие системы социального партнерства с политическими институтами общества, элементами политической системы. Довольно часто феномен социального партнерства понимается слишком узко, ассоциируясь только с механизмом регуляции отношений между наемными работниками и нанимателями. Поэтому анализ политического аспекта функционирования системы социального партнерства, ее политического содержания и значимости имеет несомненную актуальность.

Представляется возможным говорить о нескольких уровнях понимания социального партнерства, его политического аспекта. Первый уровень связан с развитием партнерских отношений в обществе в целом. Второй устанавливает влияние социального партнерства на экономическую, политическую и духовную сферы жизни общества. Третий способствует выявлению специфики партнерских отношений, позволяет определить их отличие от других типов социальных отношений, например, конфликтных или патерналистских.

Социальное партнерство является идеологией цивилизованного рыночного общества с социально ориентированной экономикой, оно приходит на смену идеологии и социальной практики безраздельного господства собственника, нанимателя или же коммунистической идеологии и социальной практики. Социальное партнерство выступает альтернативой всякой диктатуры (класса, личности), призвано обеспечить баланс реализации интересов социальных групп и слоев, политическую стабильность в обществе. Идеология социального партнерства определяется непосредственно его целями и содержанием, включающим отрицание любой классовой диктатуры и насилия; преимущественно переговорный и только законный характер разрешения противоречий между нанимателями и работниками; участие трудящихся в управлении производством, развитие и реализацию принципов экономической демократии; согласование основных критериев и показателей социальной справедливости и установление эффективных мер гарантированной социальной защиты.

Социальное партнерство само по себе является одним из критериев и слагаемых подлинно

демократического общества. Оно направлено на то, чтобы обеспечить на основе равноправного сотрудничества реальное участие наемных работников, нанимателей и государства в разработке, принятии и осуществлении социально-экономической политики, основанной на оптимальном балансе реализации интересов сторон. Демократизм социально-партнерских отношений находит проявление также в развитии и совершенствовании экономической демократии, участии трудящихся в управлении производством. Направленность социального партнерства на социальный мир и согласие, сбалансированность в реализации интересов наемных работников и работодателей способствуют социально-экономической и политической стабильности общества, устойчивости его политической системы. Социальное партнерство имеет свой совершенно определенный, общественно востребованный политический аспект, что определяется, в первую очередь, неразрывной взаимосвязью социально-трудовых и политических отношений. Становление и развитие социального партнерства во многом напрямую зависят от степени демократизма политических отношений, от возможности различных социальных слоев общества свободно, в рамках закона, объединяться, создавать организации для представительства и защиты своих интересов. Следует согласиться с точкой зрения российского ученого и политика Г. Ю. Семигина о том, что «политическую основу социального партнерства представляют развитые формы демократии, когда основные права и свободы личности не только декларируются, но и надежно гарантируются государством» [4]. Следовательно, в своем развитии, в формировании наиболее эффективных методов и способов своей реализации социальное партнерство неизбежно выходит и на сферу политических отношений, политических процессов в обществе. Вместе с тем «вторжение» системы социального партнерства в политическую сферу не является самоцелью, а лишь средством для достижения одной из главнейших своих целей – воздействия на выработку и реализацию социальной политики государства, соответствующей коренным интересам общества в целом и обязательно – интересам наемных работников как большинства его членов.

Система социального партнерства есть общественно-политический институт демократического общества, имеющий в своем функционировании вполне определенное политическое содержание, выражающееся в следующем. Во-первых, субъекты системы социального партнерства являются элементами политической системы общества. Государство – главное звено политической системы общества. Профсоюзы и их объединения, объединения предпринимате-

лей, работодателей также являются институтами политической системы общества.

Во-вторых, система социального партнерства выступает как общественно-политический институт взаимодействия государственных органов, профсоюзов и объединений нанимателей на принципах трипартизма, в первую очередь – в целях выработки и реализации социальной политики государства, отвечающей интересам основной массы населения и социально-политической стабильности общества. Система социального партнерства – важное звено общественно-политического и правового механизма формирования и реализации социально ориентированной политики в период становления рыночной экономики.

В-третьих, система социального партнерства неразрывно связана с экономической демократией, является, в частности, конкретной формой ее реализации. Рассматривая проблему экономической демократии, ее роль и значение в обществе, следует особо подчеркнуть, что она имеет непосредственную взаимосвязь с демократией политической. Экономическая демократия образует основу демократических отношений и в политической сфере, так как демократия в политике теряет свою опору и основу без демократии в экономике. Экономическая демократия представляет собой реальный переход от классовой борьбы к классовому сотрудничеству и социальному согласию.

В-четвертых, взаимосвязь системы социального партнерства со сферой политики проявляется и в том, что эффективность социального партнерства во многом зависит от уровня политической культуры масс. Важным фактором формирования системы социального партнерства является культура общественного согласия, которая составляет в современных условиях один из компонентов политической культуры общества. С другой стороны, реформирование политической культуры общества в сторону демократизма, придание ей таких базовых ценностей, как равноправие участников общественно-политического процесса, терпимость и уважение к партнеру, доверие к политической власти и т.д., во многом связано и зависит от формирования действенной системы социального партнерства.

Институционализация – характерный признак системы социального партнерства. Организации и институты составляют «каркас» системы социального партнерства. Их взаимодействие и функционирование направлено на распределение и перераспределение власти и ее ресурсов в социально-экономической и политической сферах жизни общества. Среди институтов социального партнерства можно выделить организации, основным назначением которых является представительство и защита

интересов социальных общностей. К ним относят организации, представляющие интересы наемных работников – профессиональные союзы, советы трудовых коллективов; объединения и организации работодателей – союзы промышленников и предпринимателей, торговые палаты и т. д.; а также институты государственных органов исполнительной власти. Важнейшим элементом системы социального партнерства, ее функционирования являются различные трех-, двухсторонние комиссии, органы, в рамках которых посредством разработки, обсуждения и принятия трех-, двухсторонних соглашений и договоров осуществляется взаимодействие субъектов социального партнерства – представителей работников, нанимателей и государственной власти. В Республике Беларусь это созданные в 1995 г. на паритетных основах Национальный совет по трудовым и социальным вопросам и аналогичные комиссии в областях и районах, переименованные позже в региональные советы по трудовым и социальным вопросам. С начала 90-х гг., помимо коллективных договоров на предприятиях, распространенных еще в советский период, заключаются Генеральное соглашение между Правительством, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов, отраслевые и региональные соглашения, в которых отражаются важнейшие показатели совершенствования трудовых и иных социально-экономических отношений.

В качестве функций системы социального партнерства можно выделить: функцию представительства субъектов социально-трудовых отношений; воздействия на формирование социальной политики и общественного контроля за ней; обеспечения баланса реализации интересов социальных партнеров посредством системы договоров и соглашений; совершенствования гражданского общества, развития экономической демократии; формирования благоприятного климата в обществе, социальной стабильности, построенной на учете интересов и потребностей сторон, на доверии и уважении трудящихся, граждан к власти и др.

Важнейшая и определяющая роль в формировании системы социального партнерства в переходный период принадлежит государству. На этапе становления рыночных отношений государство выступает и как работодатель (если речь идет о госпредприятиях и учреждениях), и как организатор и координатор взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений. Важнейшей задачей государства является определение правовых рамок и установление правил партнерских отношений, отвечающих как текущему моменту, так и перспективным целям развития общества. Одновременно органы государства на всех уровнях должны обеспечить соответствие результатов перегово-

ров целям проводимой социально-экономической политики. Именно деятельность государственной власти, всех ее ветвей определяет, будет ли обеспечена необходимая правовая база для становления партнерства, для действительного равноправия его субъектов.

Принципиальные основы социального партнерства закреплены в статье 14 Конституции Республики Беларусь. Принят Указ Главы государства «О развитии социального партнерства в Республике Беларусь» (15 июля 1995 г.). Утверждена Концепция развития системы социального партнерства и программа мер по ее реализации (март 1997 г.). Сформированы Национальный и региональные советы по трудовым и социальным вопросам, создан Республиканский трудовой арбитраж. С 1 января 2000 г. вступил в действие Трудовой кодекс Республики Беларусь, раздел IV которого содержит положения о социальном партнерстве, разрешении коллективных трудовых споров. Гарантом соблюдения конституционных прав социальных партнеров является Конституционный суд Республики Беларусь. Очевидно, что необходимым условием социального партнерства является и в обозримом будущем останется возможность государственного вмешательства в отношения между трудом и капиталом, важная роль государства в регулировании социальных отношений.

Одним из условий становления системы социального партнерства является наличие сильных и независимых профессиональных союзов. Они объективно являются более всех заинтересованными в эффективном функционировании данной системы, поскольку представляют интересы большинства населения – наемных работников. В научных исследованиях довольно часто в последнее время профсоюзы определяют и как общественно-политические организации трудящихся, и как «группы интересов», и как «группы давления». Все эти определения вполне правомерны, и каждое из них характеризует профсоюзы под определенным углом зрения, выделяя специфический аспект их разнообразной деятельности. В современных условиях политизированности общественных отношений профессиональные союзы, как субъект системы социального партнерства, в своей деятельности «вторгаются» в сферу политических отношений, в политические процессы и деятельность политических институтов общества. При этом участие профсоюзов в политических процессах, в воздействии на политику государства не должно быть самоцелью и направляться на завоевание политической власти, а являться лишь средством решения их главной задачи – представительства и защиты интересов работников.

Важнейшая задача переходного периода – формирование социального слоя собственников, предпринимателей и создание объедине-

ний, выражающих их интересы. Консолидация промышленников и предпринимателей происходит для отстаивания их экономических интересов, а также, что немаловажно, для участия в разработке экономической и социальной политики. В настоящее время в Республике Беларусь существует ряд объединений работодателей, ведущими из которых являются Белорусский союз предпринимателей и нанимателей, Белорусский союз предпринимателей, Белорусская научно-промышленная ассоциация, объединившиеся в Белорусскую конфедерацию промышленников и предпринимателей. К социально-политической характеристике объединений предпринимателей вполне применимы те же критерии и определения, что и в отношении профессиональных союзов – «группы интересов» и «группы давления».

Однако несмотря на то, что система социального партнерства в нашей стране институционально оформилась, было бы еще преждевременно говорить о том, что она достаточно четко функционирует и оправдывает свое предназначение. Внедрение принципов социального партнерства в республике проходило с заметными сдвигами. В речи на внеочередном IV съезде Федерации профсоюзов Беларуси (сентябрь 2002 г.) Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил, что «существующая трехсторонняя система социального партнерства на республиканском и местном уровнях себя оправдала. Но в последнее время эта система пробуксовывала. Национальный совет по трудовым и социальным вопросам бездействовал, его заседания проводились нерегулярно. И такое положение недопустимо... Основные задачи органов государственной власти, профсоюзов и объединений нанимателей совпадают» [5].

Ситуация коренным образом изменилась с избранием в 2002 г. нового руководства ФПБ. Активизировалась работа Национального и региональных советов по трудовым и социальным вопросам. Своевременно заключается и в полном объеме выполняется Генеральное соглашение (ныне действует соглашение на 2006–2008 гг.). Социальный диалог получает все более прочное закрепление в общественном сознании, становится общественно-политической идеей всех социальных слоев, выступает одним из важнейших факторов строительства право-

вого демократического государства, открытого гражданского общества. Вместе с тем назрела необходимость принятия Закона Республики Беларусь «О социальном партнерстве». Целесообразно разработать также закон об объединениях нанимателей. Для повышения роли профсоюзов необходимо наделение их правом законодательной инициативы. Следует повысить статус Национального совета по трудовым и социальным вопросам. Формированию культуры социального диалога способствовало бы преподавание в вузах спецкурса «Идеология и политика социального партнерства».

Заключение. Таким образом, исследование форм и методов взаимодействия субъектов системы социального партнерства Республики Беларусь показывает, что они имеют политические аспекты, поскольку это есть взаимодействие институтов политической системы общества и поскольку результаты такого взаимодействия на всех уровнях сопровождаются принятием документов (коллективных договоров, соглашений), являющихся правовыми актами, направленными на формирование государственной социально-экономической политики.

Литература

1. Дубовик, А. К. Модели и технологии социального партнерства / А. К. Дубовик, В. В. Бущик // Новые технологии: образование, экономика, управление. Материалы 55-й международной научно-технической конференции. – Минск: Технопринт, 2002. – С. 216–223.
2. Дубовик, А. К. Теоретическая разработка проблем социального партнерства в Республике Беларусь / А. К. Дубовик, Е. А. Дубовик // Наука – образованию, производству, экономике. Материалы Четвертой международной научно-технической конференции. – Минск: БНТУ, 2006. – Т. 2. – С. 65–67.
3. Киселев, В. Н. Социальное партнерство в России / В. Н. Киселев, В. Г. Смольков. – М.: Экономика, 1998. – С. 46.
4. Семигин, Г. Ю. Социальное партнерство в современном мире / Г. Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1996. – С. 144.
5. Лукашенко, А. Г. Выступление на внеочередном IV съезде Федерации профсоюзов Беларуси / А. Г. Лукашенко // Беларускі час. – 2002. – 27 верасня. – С. 3.

Н. В. Зайцева, преподаватель БНТУ

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В УЛУЧШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ БЕЛОРУССКОГО СЕЛА В 1966–1970 гг.

The article is devoted to the problems of improvement of the social and living conditions, consumption cooperation in village in particular in 1966-1975. The main achievements in economic – development, including its agricultural sector in that period, are made the necessary possibilities for modernization consumption cooperation in village. For studying the social and living conditions of Belarusian collective-farmers, the questions of development consumption cooperation are general at that time.

Введение. Потребительская кооперация в указанные годы вносила значительный вклад в улучшение социально-бытовых условий белорусского села. От качества ее работы в значительной мере зависело повышение эффективности сельскохозяйственного производства, повышение уровня и качества жизни белорусских сельчан. Цель статьи – исследование и анализ работы потребительской кооперации в улучшении качества жизни белорусского села в 1966–1975 гг.

В статье использованы данные Национального архива Республики Беларусь, материалы исследований, которые проводились ранее.

Основная часть. В указанный период значительно повысилась роль потребкооперации, о чем свидетельствуют следующие данные: ежегодно в государственные ресурсы потребительская кооперация поставляла более чем на 3 млрд. руб. шерсти, кожевенного и др. животноводческого сырья, макулатуры, вторичных материалов, металлолома и др. [1, с. 48]. От нормального функционирования системы заготовок во многом зависела эффективность и ритмичность работы промышленности. В этой связи возросли задачи по обеспечению сбалансированного с отраслями сельского хозяйства развития материально-технической базы кооперативных предприятий, связанных с обслуживанием сельского населения, осуществлением заготовок, хранением и переработкой сельскохозяйственных продуктов и сырья.

Основная проблема заключалась, прежде всего, в том, чтобы в каждом сельском районе создать хорошо организованную и эффективно действующую систему торгового обслуживания, которая бы гарантировала сельским жителям возможность приобрести в своем районе все необходимое, не выезжая за покупками в город.

Низовым звеном такой системы торгового обслуживания являлись магазины, которые в данный период были объединены названием «Товары повседневного спроса». К 1975 г. их насчитывалось 105 тыс., или более трети общего числа магазинов [2, л. 124] Это была самая массовая и приближенная к требованиям населения торговая сеть. Однако из-за плохой организации, низкой ответственности руководи-

лей потребсоюзов и кооперативов в этих магазинах было больше всего нарушений и сбоев в работе. Почти 25% этих магазинов были закрыты по разным причинам: болезни или отсутствия работников, инвентаризации, ревизии и др.

Однако простое наличие магазинов не решало проблемы улучшения качества жизни, соблюдения режима работы сельских магазинов, организации должного контроля за их работой. Необходимо было учитывать и такие моменты, как соблюдение правил торговли, поддержание в магазинах белорусской деревни. Важно было решать вопросы организации завоза товаров установленного ассортимента, доброжелательное и внимательное отношение к покупателям и т. д.

Еще в 1935 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О работе потребительской кооперации в деревне», где было провозглашено разграничение сфер деятельности между государственной торговлей и потребительской кооперацией. В 60-е гг. XX в. одной из государственных задач стало совершенствование торговли на селе, быстрое развитие розничного товарооборота в сельской местности и приближение его по структуре к городскому, что являлось одной из необходимых предпосылок сближения уровней жизни сельского и городского населения.

За годы Советской власти потребительская кооперация превратилась в достаточно крупную общественно-хозяйственную организацию, объединяющую в своих рядах около 60 млн. колхозников, рабочих и сельской интеллигенции. В республике она насчитывала 3,4 млн. членов и обслуживала около 5 млн. чел., из них 4,1 млн. – в сельской местности [3, л. 79].

Большое развитие в потребительской кооперации в исследуемый период получила производственная деятельность. Промышленные предприятия потребительской кооперации производили почти 8% продукции от розничного товарооборота кооперативной торговли.

Значительная роль потребкооперации принадлежала в организации общественного питания, обеспечение необходимой спецодежды сельских тружеников. Например, в ряде колхозов Пуховичского р-на было организовано горячее питание для механизаторских кадров в

период полевых работ, работникам животноводческих ферм за счет колхоза выдавалась рабочая одежда, обувь, в ряде колхозов было организовано горячее питание для этой категории работников со скидкой на 50%. По разнарядке органов госуправления по предварительным заказам в праздничные дни осуществлялись выезды в колхозы на животноводческие фермы автолавки с дефицитными товарами [4, л. 87].

Учитывая тенденцию постоянно растущей миграции населения, потребительская кооперация должна была стать сдерживающим моментом. Ведь помимо материального стимулирования (дополнительная оплата труда за отдельные виды работ и время их выполнения) значительную роль в условиях дефицита ряда товаров народного потребления играла потребительская кооперация.

При условии растущих денежных доходов сельского населения работа потребительской кооперации была построена так, что работники ключевых отраслей сельскохозяйственного производства (механизаторы, доярки и др. животноводы, специалисты, работники строительных бригад) обслуживались дефицитными товарами по заранее составленным заказам. Данный фактор имел достаточное стимулирующее значение. В таких условиях предпочтение отдавалось передовикам производства. Именно передовик производства имел первоочередную возможность получить автомобиль, швейную машину, модный костюм, обувь и т. д. При недостаточности отдельных промышленных товаров их распределение осуществлялось на селе только по заранее составленным спискам.

Основной продукт – хлеб – имело все сельское население. В стране в целом была решена хлебная проблема. Ранее хозяйка теряла до 5 часов на выпечку хлеба. Теперь же высвободившееся время женщина могла использовать по своему усмотрению. Однако то обстоятельство, что хлебоборок имел вместо 32-х хлебобулочных изделий только 2 (к тому же белый хлеб в сельские магазины не всегда завозился, не говоря уже о скоропортящихся кондитерских изделиях, срок хранения которых не позволял при отсутствии необходимого холодильного оборудования в магазинах завозить их на село), явление ненормальное. Ненормальным было и то, что хлеб шел на корм скоту. К тому же это было невыгодно и государству. Более того, скот недополучал грубых кормов с биологически активными веществами, в результате чего ухудшалось качество мяса. Как свидетельствуют данные по обследованию ряда магазинов Минской обл. в 1975 г., сельское население из-за отсутствия в продаже грубых кормов скармливало скоту макаронные изделия, муку, хлеб.

Однако колхозы не везде использовали возможности потребкооперации в обеспечении населения необходимыми продовольственными и непродовольственными товарами. Например, в ряде колхозов Минской обл. неважно было поставлено дело с горячим питанием, обеспечением рабочей форменной одеждой (рабочими халатами, рукавицами, резиновыми сапогами, плащами для пастухов и т. д.) [5, л. 90].

В развитии кооперативной торговли в указанный период стал увеличиваться удельный вес непродовольственных товаров. Однако он все еще значительно отставал от городского.

Разрыв в объемах товарооборота, приходящегося на душу населения в городе и деревне, привел к тому, что почти 40% непродовольственных товаров сельские жители приобретали в городах. А почти 25% продуктов питания в семьи колхозников поступало от личных подсобных хозяйств.

В целом по республике товарооборот на душу городского населения увеличился за 10 лет в 1,9 раза, на душу сельского населения – более чем в 2,5 раза. По общесоюзным показателям данный показатель по сельскому населению был выше на 1,1 пункта и на 1,7 выше городского.

Значительно возросшие в стране объемы производства зерна, мяса, молока, яиц, овощей, фруктов и т. д. обеспечили рост уровня потребления продуктов питания в расчете на душу населения.

Нельзя не признать, что в данный период в стране был достигнут эффективный уровень калорийности питания населения: 3200 калорий на человека в сутки.

В структуре потребления продуктов питания на селе было характерно возрастание объема и удельного веса сельскохозяйственных продовольственных продуктов, приобретаемых в предприятиях кооперативной торговли, и увеличение доли готовых к употреблению продуктов, прошедших промышленную и кулинарную обработку. За исследуемое десятилетие товарооборот потребительской кооперации возрос на 67,6%, реализация яиц увеличилась в 3,6 раза, овощей – в 2,5 раза, мяса и птицы – в 2,1, картофеля – на 93%, овощных консервов – на 79,4%.

В структуре оборота села продовольственных товаров доля ценных в питательном отношении продуктов мясных, молочных, рыбных, жирных, яиц, консервов и фруктов в продаже продовольственных товаров возросла с 19,1% в 1965 г. до 20,3% в 1975 г. Доля же муки, крупы, хлеба, макаронных изделий и картофеля уменьшилась с 21,1% до 15,2% [6, л. 87].

Однако общий объем продажи и темпы его роста отставали от растущих потребностей сельского населения. С денатурализацией

потребления на селе, ростом в рационе питания сельских жителей доли продуктов промышленной переработки, спрос на колбасные изделия, сливочное масло, копчености, рыбные и другие продукты удовлетворялся в меньшей степени, чем в городе.

Важной закономерностью развития торговли на селе в указанный период являлся более быстрый рост продажи качественной обуви, готовой одежды и трикотажа по сравнению с ростом оборота непродовольственных товаров в целом. Нельзя не отметить, что во время выпуска и была немного ослаблена дефицитность недостававших ранее мужских пальто, костюмов, плащей, курток и др. товаров. Однако рабочей одежды и обуви для колхозников выпускалось недостаточно. По большинству изделий массового спроса наблюдался недостаток не товаров вообще, а товаров наиболее модных, современных, повышенного качества и удобной рабочей одежды.

Например, обуви в республике производилось на уровне промышленно развитых стран, но качество и ассортимент не всегда удовлетворяли покупателей. К примеру, 48% населения не покупали эту обувь из-за того, что она не соответствовала моде, 25% – вследствие низкого качества и плохого внешнего вида. Те же причины ограничивали спрос на швейные изделия. В результате сложилась парадоксальная ситуация: излишки товаров, с одной стороны, и дефицит – с другой, что отрицательно влияло как на развитие экономики, так и на личное потребление.

Однако, нельзя не отметить, что в данные годы заметно возрос в обороте промышленных товаров удельный вес холодильников, телевизоров, стиральных машин, радиоприемников, мотоциклов, велосипедов, часов, музыкальных инструментов, мебели, ковров и ковровых изделий.

В 1960 г. на долю товаров культурно-бытового назначения приходилось 3% [7, л. 55], к 1975 г. эта доля возросла до 30% [7, л. 48]. Особенностью развития торговли товарами этих групп на селе являлись более высокие темпы их продажи, чем в городе.

Заметно увеличилась продажа строительных материалов в селах республики. При удельном весе кооперативной торговли в товарообороте страны примерно 28% на ее долю в данный период приходилось около 70% розничной продажи шифера, лесоматериалов, стекла, цемента и мягкой кровли [8, л. 48].

За 10 лет (1965–1975 гг.) значительно улучшилась торговля предметами домашней обстановки и мебели. Этот процесс интенсифицировался под влиянием развития промышленности, роста денежных доходов населения, расширения индивидуального жилищного строи-

тельства и коммунальных квартир, повышения уровня жизни сельского населения.

Существенные успехи были достигнуты в развитии общественного питания на селе. В этот период численность предприятий общественного питания увеличилась более чем в 2 раза, выпуск блюд – более чем в 2,5 раза, а количество посадочных мест – почти в 4 раза. На селе стало больше буфетов, чайных и столовых.

Товарооборот общественного питания возрос в 2,5 раза.

Важной функцией кооперативного общественного питания, как и кооперативной торговли, стало обеспечение тружеников села продуктами питания и товарами на рабочих местах. Для доставки горячей пищи в поле и фермы потребительская кооперация использовала 50 тыс. развозок (в том числе 15 тыс. автолавок), 50 тыс. кооперативных и колхозных столовых, 75 тыс. ларьков, киосков и павильонов. В дни посевных и уборочных кампаний 230 тыс. стационарных торговых предприятий работали по графикам, удобным для сельских тружеников.

Развивая общественное питание на селе, потребительская кооперация частично освобождала от нелегкого труда по домашнему хозяйству. Ведь основным направлением развития общественного питания в кооперативной торговле являлось увеличение объема готовой к употреблению продукции, а также полуфабрикатов и кулинарных изделий.

Заключение. Таким образом, планомерно развивая торговлю на селе, осуществляя заготовку и закупку сельскохозяйственных продуктов, развивая собственное промышленное производство товаров народного потребления, потребительская кооперация занимала важное место в изучении и обеспечении спроса сельского населения с учетом изменений потребностей.

Изменения в структуре товарооборота носили прогрессивный характер. В продовольственной группе возросла доля белковых и витаминизированных продуктов. Доля хлебопродуктов и картофеля, сравнительно малоценных в питательном отношении, существенно сократилась.

Увеличение объемов кооперативного товарооборота значительно отставало от потребностей обслуживаемого населения. Продажа основных промышленных товаров, а также продуктов питания (кроме хлебопродуктов, картофеля и сахара) на душу населения в сельской местности, включая как покупки в государственной и кооперативной торговле, так и поступления из личных подсобных хозяйств, были существенно ниже, чем потребление городского населения. Одна из главных причин этого заключалась в том, что экономика государства была ориентирована на приоритетное развитие совсем других отраслей. Другой же причиной являлось то, что само производство не успевало

за достаточно быстрым ростом платежеспособного спроса населения, его материального и культурного благосостояния.

В сельских магазинах не хватало цветных телевизоров, мотоциклов с колясками, фотоаппаратов, содово-огородного инвентаря, сепараторов, лакокрасочной продукции, полиэтиленовой пленки, бытовой техники, постельного белья, строительных материалов и др. товаров.

Однако нельзя не признать, что потребительская кооперация активно решала очень важную задачу по сближению уровней жизни сельского и городского населения.

Литература

1. Изменения в быту и культуре сельского населения Белоруссии / под ред. В. И. Бондарчика. – Минск: Наука и техника, 1976. – 144 с.

2. НАРБ. Ф. 4. Оп. 81. Д. 2677. Протокол № 12 Заседания Бюро ЦК КПБ от 29 июля 1976 г. – 231 л.

3. НАРБ. Ф. 30. Оп. 9. – Д. 2735. Сведения, справки и данные ЦСУ БССР и облстатуправлений о численности магазинов, автолавок и др. вопросы. – 238 л.

4. НАРБ. Ф. 48. Оп. 14. Д. 1192. Сводные отчеты районных управлений по Минской обл. по основной деятельности колхозов за 1975 г. Т. 3. – 255 л.

5. НАРБ. Ф. 48. Оп. 14. Д. 1193. Сводные отчеты районных управлений Минской обл. по основной деятельности колхозов за 1975 г. – 238 л.

6. НАРБ. Ф. 30. Оп. 9. Д. 2321. Аналитические записки в ЦК КПБ, СМ БССР, Госплан БССР и ЦСУ СССР о росте выплат и льгот населению из общественных фондов потребления за 1970–1975 гг., оборачиваемости оборотных средств промышленных предприятий, недостатках, хищениях и потерях от порчи товарно-материальных ценностей в народном хозяйстве БССР и др. вопросах. – 263 л.

7. НАРБ. Ф. 30. Оп. 9. Д. 2585. Отчеты статуправлений областей о розничном товарообороте и торговой сети государственной и кооперативной торговле по районам БССР. – 59 л.

8. НАРБ. Ф. 30. Оп. 9. Д. 1061. Данные ЦСУ СССР и БССР о развитии народного образования, науки и культуры за 1965–1966 гг. – 64 л.

Н. В. Зайцева, преподаватель БНТУ

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1966–1975 ГГ.

The article is devoted to the problems of improvement of the social and living conditions of village intellectuals in 1966–1975. The main achievements in economic – development, including its agricultural sector in that period, are made the necessary possibilities for modernization living – conditions of collective – farmers. For studying social and living conditions byelorussians collective – farmers and village intellectuals, the questions of development living conditions are the general.

Введение. Социально-бытовые условия – важный аспект всей жизнедеятельности человека. Цель данной статьи – исследование и анализ социально-бытовых условий сельской интеллигенции. Работа основывается на архивных данных и данных статистического сборника «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.».

Основная часть. Значительные достижения в развитии экономики, в том числе и ее аграрного сектора, в изучаемый период создавали необходимые предпосылки для совершенствования культурно-бытовых условий жизни тружеников села. При этом отметим, что существовавшие условия труда и быта не всегда удовлетворяли сельских жителей, что негативно сказывалось на развитии производства, способствовало продолжению излишней миграции из села молодежи, усложняло проблему трудовых ресурсов.

Значительную часть белорусской деревни составляла сельская интеллигенция. Это учителя, медперсонал, культпросветработники и другие специалисты. Однако социально-бытовые условия этой категории сельского населения ни чем не отличались от условий простых сельчан.

Недостаток либо отсутствие объектов культурного назначения, бытового обслуживания, малое количество детских дошкольных учреждений негативно сказывалось на степени участия женщин в общественном производстве. Наличие этих учреждений на селе давало возможность женщине повышать материальный уровень семьи. Такое положение в определенной мере тормозило успешное развитие общественного производства и повышение жизненного уровня колхозников.

Учитывая тот факт, что сельская интеллигенция в большинстве своем была представлена женщинами, это не могло не отразиться на их жизненном уровне.

В условиях возрастающих требований к воспитанию подрастающего поколения особую роль играла общеобразовательная школа. Успешное выполнение ею этой функции во многом зависело от состава сельских педагогов. Но сельские школы намного хуже, чем городские, были обеспечены высококвалифи-

цированными специалистами. Кроме того, они имели недостаточную материально-техническую базу для решения задачи политехнического обучения молодежи. В республике, например, лишь 55% учителей, работающих на селе, имели высшее образование (в целом по БССР – 62%) [1, л. 31, 33].

Сельскому учителю в отличие от городского приходилось преподавать несколько дисциплин, так как предусмотренное программой количество часов по тому или иному предмету было недостаточно для полной загруженности педагога в восьмилетней школе. Так, в 1970–1971 учебном году вели занятия по совместительству учителя-неспециалисты по следующим предметам (в процентах к общему количеству учителей по предмету): немецкий язык – 45%, музыку, пение, черчение и рисование – 38%, математику – 14,3%, русский язык и литературу – 15,6% [2, л. 74, 78].

Подобный универсализм создавал большие трудности для сельского педагога и значительно снижал качество обучения. В этом одна из причин того, что выпускники сельских школ были хуже подготовленными среди студентов ВУЗов. Так, в 1975 г. выдержали вступительные экзамены и поступили в ВУЗы 20% выпускников городских школ и только 8% сельских средних школ [3, л. 180, 184].

Частично эти проблемы были решены с переходом ко всеобщему среднему образованию и сокращением числа малокомплектных школ (за годы 9-й пятилетки было закрыто 2094 малочисленные начальные и 264 восьмилетние школы) [4, л. 123]. Постепенно росла специализация педагогических кадров, повышался уровень преподавания.

Государство пыталось заинтересовать сельских учителей, о чем свидетельствует и повышение им заработной платы в 1972 г. В Белорусской ССР проводилась работа по обеспечению сельских учителей квартирами. Так, если в 1969 г. около 34 тыс. учителей сельских школ проживало на частных квартирах [5, л. 122, 123], то в 1975 г. втрое меньше – 10 322 учителя [6, л. 155, 156].

Только в 1972 г. на строительство жилых домов для учителей сельских школ обисполкомаами Советов депутатов трудящихся рес-

публики было выделено из местных бюджетов 1853,3 тыс. руб. [7, л. 145, 147]. Велось строительство домов для учителей и за счет средств колхозов и совхозов.

Значительные позитивные сдвиги произошли в изучаемый период в медицинском обеспечении сельского населения республики. Заметим, что при этом уровень медицинского обслуживания в деревне, несмотря на значительный рост медицинских учреждений и численности врачей в сельской местности, был существенно ниже, чем в городе. Из общего количества 188 тыс. врачей в БССР в 1965 г. непосредственно в сельской местности работало только 1247 человек, или 6,6% [8, л. 188].

В расчете на душу населения в сельских больницах было значительно меньше коек. Больницы, как правило, находились в крупных населенных пунктах, зачастую расположенных вдалеке от мелких и средних деревень. Кроме того, многие сельские медицинские пункты не всегда имели необходимое оборудование и квалифицированные кадры. Например, в Мядельском районе имелось 37 медицинских учреждений с медицинским персоналом, насчитывающим 890 человек. Но 688 медицинских работников, т. е. 77% были сосредоточены в шести медицинских учреждениях (три районные больницы, Кривичская туберкулезная больница, районная санэпидстанция и Нарочанская сельская больница, расположенная в курортной зоне). Непосредственно в сельской местности работали только четыре участковые больницы с числом медицинского персонала от 23 до 39 человек и количеством коек от 10 до 35, остальные 25 учреждений – это фельдшерско-акушерские пункты, где не было врачей и медицинский персонал состоял из 2–3 человек, обычно средней квалификации. Но и эти пункты были расположены в центре колхозов и совхозов. Они обслуживали 4–5 населенных пунктов, средний радиус отдаления которых составлял 5–6 км [9, л. 88].

В 1965 г. укомплектованность врачебных должностей составила 80,8%. Коэффициент совместительства превышал 1,4. Наибольшее число незамещенных должностей было в сельских амбулаторно-поликлинических учреждениях (27%), а также в участковых больницах (22%) [10, л. 69, 74].

В ряде районов (Солигорском, Барановичском, Буда-Кошелевском и др.) не доставало врачей по таким основным специальностям, как хирург, терапевт, окулист. Оказание амбулаторно-поликлинической помощи сельскому населению также отставало от ее уровня в городе. Если в 1965 г. в республике в среднем на одного городского жителя приходилось 8,7 посещений к врачам и в том числе 1,8 посещений к зубным врачам, то на одного сельского жите-

ля приходилось соответственно – 0,5 и 0,6 посещений. Такая большая разница объяснялась исключительно степенью доступности амбулаторно-поликлинической помощи. В населенных пунктах, где были расположены участковые больницы или амбулатории, посещаемость их сельскими жителями практически не отличалась от городской [11, л. 27, 40].

Негативно сказывалась на уровне обслуживания населения большая текучесть медицинских кадров на селе, особенно врачей. Ежегодно из сельской местности каждой области БССР выбывало в среднем от 100 до 150 врачей [11, л. 17, 19]. Основными причинами текучести являлось отсутствие должной заботы в создании нормальных условий для работы во многих лечебных заведениях. Например, в 1970 г. только около 305 сельских участковых больниц были оснащены рентгеновской и физиотерапевтической аппаратурой, 71% – имели клинические лаборатории, 50% – санитарный и другой автотранспорт. Специфика сельских больниц, в основном небольших, маломестных, включала наличие в своем штате врачей всех специальностей, да и предусматриваемый штат, как было показано, не всегда был укомплектован. Эти условия требовали от каждого сельского врача, кем бы он ни был по специальности, умения оказать безотлагательную медицинскую помощь при любом заболевании. Такой вынужденный универсализм требовал от врача много сил и времени.

Слабо удовлетворялись и культурно-бытовые запросы медицинских работников. В 1970 г. 24% сельских врачей проживали в частных квартирах. К 1975 г. ситуация практически не изменилась.

Примерно аналогичная ситуация наблюдалась и среди культпросветработников.

Среди работников сельских клубных учреждений на конец 1975 г. только 27% имели специальное образование. Хотя в 9-й пятилетке в республике было подготовлено 3040 культпросветработников со средним специальным образованием. Их численность в культурно-просветительных учреждениях за этот период увеличилась только на 1138 человек [12, л. 12, 56]. Одной из причин такой большой текучести кадров культпросветработников, их плохого закрепления на местах был низкий уровень оплаты труда, недостаточное развитие социально-бытовой инфраструктуры на селе, а также невысокий престиж этой профессии. При сравнительной оценке 59 профессий клубный работник у жителей села занял лишь 22 место.

Нередки были случаи, когда специалисты культпросветработы не встречали заботливого отношения к себе.

Часто их не обеспечивали жильем, загружали различными поручениями, не имеющими

никакого отношения к их прямым обязанностям. Одна из главных причин ухода культпросветработников из села – слабая материальная заинтересованность. Хотя клуб – основной элемент сельской культурной среды. Оплата труда клубных работников в селах была ниже, чем в городах. Более низкой (до 1977 г.) была оплата труда культпросветработников и по сравнению с оплатой труда других специалистов села. Ставка руководителя клуба не зависела от образования, стажа и опыта работы. Деятельность клубного работника на селе осложнялась тем, что в селе оставалось мало молодежи, наиболее активной части населения. В период между переписями населения 1959 г. и 1970 г. удельный вес лиц в возрасте от 16 до 34 лет в общей численности трудоспособных на селе уменьшился в республике с 59,3% в 1959 г. до 43,7% в 1970 г. [13, с. 133].

Текучесть кадров культпросветработников вызывалась и трудностью самой профессии, требующей разнообразных знаний и способностей, активности и творчества.

Осложнялась ситуация и отсутствием четкого профиля, норм, критериев оценки количества и качества труда. Неопределенность профессионального профиля часто вызывала у клубных работников вначале неудовлетворенность работой, а затем желание покинуть ее и обрести в жизни более устойчивое место. В результате большой текучести культпросветработников государству наносился значительный ущерб, так как подготовка клубного работника обходилась в 3–4 раза дороже, чем, например, техника-строителя.

Однако нельзя не указать и на то, что свой посильный вклад в закрепление кадров специалистов в сельских культурно-просветительных учреждений вносили и колхозы. Так, например, колхоз «Советская Белоруссия» Каменецкого р-на Брестской обл. доплачивал директору музыкальной школы от 100 до 150 руб., а работникам клуба – по 30 руб. [14, л. 154, 155]. В колхозе «XVIII партсъезд» Быховского р-на Могилевской обл. благодаря повышению материальной заинтересованности остался работать на должности директора дома культуры специалист со средним музыкальным образованием. Он хорошо организовал работу, и во Всесоюзной перекличке сельских клубов этот дом культуры занял первое место в области [15, л. 26].

Анализируя приведенные данные, следует отметить, что по уровню образования, общей культуры и специальной подготовки культпросветработники в большинстве своем уступали любому другому отряду сельской интеллигенции. А ведь они были призваны формировать и удовлетворять культурные запросы всех слоев населения.

Заключение. Таким образом, по уровню и качеству социально-бытовых и культурных

условий жизни село попрежнему существенно уступало городу. Это касалось всего населения белорусской деревни. В значительной мере это было обусловлено неравномерностью развития сети учреждений культуры и искусства и недостаточно полной ее ориентацией на удовлетворение потребностей работников сельского хозяйства. Многие учреждения культуры в колхозах были размещены в старых зданиях некапитального характера, где не было помещений для кружковой работы и самостоятельного творчества. Кроме того, остаточный принцип выделения средств не позволил преодолеть хроническое отставание деревни от города.

Из проведенного анализа видно, что образ жизни, производственная активность не только работников сельского хозяйства, но и всех жителей деревни, эффективность данной отрасли зависят от уровня развития в сельской местности социальной инфраструктуры, комплексности решения производственно-экономических и культурно-бытовых проблем.

Существует тесная взаимосвязь непроизводственной инфраструктуры и социально-экономической эффективности производства. Высокий уровень обеспеченности колхозников основными непроизводственными фондами и жильем, благоустройство квартир в соответствии с современными запросами работников – эти факторы, безусловно, объясняли производственные успехи ряда передовых колхозов. Устроенность быта привлекала в такие хозяйства молодежь, доля которой в общем количестве работавших колхозников в таких хозяйствах была относительно высока.

В рассматриваемом единстве социальных и производственных факторов основным являлся уровень эффективности производства. Следовательно, экономически относительно слабым колхозам первоначально следовало повысить эффективность производства, рост которой являлся надежной гарантией преодоления негативных тенденций в социальной области.

Литература

1. НАРБ. Ф. 42. Оп. 7. Д. 1249. Сводные статотчеты министерства и облоно о составе работников начальных, восьмилетних и средних школ на 1.10.1975 г. – 47 л.
2. НАРБ. Ф. 42. Оп. 7. Д. 451. Докладные записки инспекторов и информации облоно о работе школ и внешкольных учреждений. – 101 л.
3. НАРБ. Ф. 1220. Оп. 2. Д. 607. План Минвуза БССР по приему студентов в высшие учебные заведения республики и документы к нему за 1975 г. – 214 л.
4. НАРБ. Ф. 42. Оп. 7. Д. 1200. Справки и докладные записки министерства о работе отделов народного образования и школ за 1975 г. – 231 л.

5. НАРБ. Ф. 4. Оп. 73. Д. 306. О развитии сети детских дошкольных учреждений. Информации, справки ОК КПБ, ГК КПБ, министерств о состоянии и мерах по улучшению вечернего и заочного образования работающей молодежи, о материальной базе сельских школ БССР и других вопросах. – 225 л.

6. НАРБ. Ф. 4. Оп. 73. Д. 325. Данные республиканского вычислительного центра ЦСУ БССР о численности и составе учительских кадров в общеобразовательных школах сельской местности, подготовке молодых квалифицированных рабочих в профессионально-технических учреждениях БССР и других вопросах. – 291 л.

7. НАРБ. Ф. 4. Оп. 81. Д. 2472. Материалы к протоколу № 61 от 18 мая 1973 г. Т. 1. – 269 л.

8. НАРБ. Ф. 46. Оп. 7. Д. 1088. Отчеты по работе медицинских учреждений за 1965 г. – 293 л.

9. НАРБ. Ф. 4. Оп. 81. Д. 2361. Материалы к протоколу № 14 от 27 августа 1971 г. – 304 л.

10. НАРБ. Ф. 30. Оп. 9. Д. 1073. Отчеты Минского городского и областных отделов

здравоохранения о сети, деятельности и кадрах медицинских учреждений за 1965 г. – 126 л.

11. НАРБ. Ф. 265. Оп. 9. Д. 723. Материалы о состоянии медицинского обслуживания и мерах по дальнейшему снижению заболеваемости трудящихся республики (планы, постановления, справки и др.). – 189 л.

12. НАРБ. Ф. 974. Оп. 2. Д. 1234. Статотчет министерства, учреждений культуры о численности и составе специалистов на 16 ноября 1975 г. – 134 л.

13. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.: в 7 т. / ЦСУ при Совете Министров СССР. – Москва: Статистика, 1972–1973. – Т. 2: Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных республик, краев, областей и национальных округов / Москва: Статистика, 1972. – 272 с.

14. НАРБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 9447. Сводные отчеты районных управлений Брестской обл. по основной деятельности и приложения к ним. – 286 л.

15. НАРБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 9508. Сводные отчеты районных управлений Могилевской обл. по основной деятельности и приложения к ним. – 228 л.

А. У. Дзянісаў, аспірант

ПАЛІТЫКА ўЛАДАў У ДАЧЫНЕННІ ДА ДОБРААХВОТНЫХ КРАЯЗНАўЧЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ У БЕЛАРУСІ ў 1920–1923 ГГ.

Article addresses the problem of the relationship of Soviet authorities and voluntary organizations in local history during the years 1920–1923 in the BSSR. The theme of public policy with regard to local history societies is not explored before. This period is characterized on the one hand was the desire of the authorities to put local history voluntary organization under tight control. On the other hand, it was the desire of the authorities to steer local history societies to address the economic challenges. These processes are well shown by the example of the activities of the Minsk Society of History and Antiquities.

Уводзіны. Палітыка Савецкай улады ў дачыненні да добраахвотных краязнаўчых арганізацый на Беларусі ў перыяд 1920–1923 гг. вылучаецца сваёй неадаследаванасцю. Разам з тым гэтая тэма ўяўляе вялікую цікавасць для даследавання развіцця краязнаўчага руху ў 20-я гг. ХХ ст. Некаторыя аспекты дадзенай тэмы, а дакладней дзейнасць Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцяў, закраналі ў сваіх працах даследчыкі В. С. Вяргей і Л. В. Аляксееў [1, 2]. Разам з тым механізмы, нарматыўныя дакументы, рэгулюючыя дзейнасць Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцяў, як і іншых добраахвотных краязнаўчых арганізацый, былі пакінуты без ўвагі. На сучасны момант, пасля ўводу ў навуковы абарот малавядомых крыніц, гэтыя механізмы ўяўляюць значную цікавасць для навуковай грамадскасці.

Асноўная частка. У перыяд пасля падзей Кастрычніцкай рэвалюцыі да пачатку 20-х гг. ва ўмовах фарміравання новай Савецкай дзяржавы дзейнічалі добраахвотныя грамадскія арганізацыі, якія дастаткова актыўна займаліся краязнаўчай дзейнасцю. Галоўную ролю ў дзейнасці такіх арганізацый адыгрывалі прадстаўнікі інтэлігенцыі. Гэтая актыўнасць асабліва праявілася ў тых ўмовах, калі вялікая колькасць помнікаў культуры, гісторыі аказалася ў небяспецы, шмат было знішчана пад час падзей грамадзянскай вайны або знаходзілася ў закрытым стане.

Але не толькі выратаванне і захаванне культурнай спадчыны зрабілася галоўнай задачай краязнаўцаў. Краязнаўчая дзейнасць разглядалася Савецкімі ўладамі як адна з магчымасцяў пераадолення эканамічнага крызісу. Мясцовыя даследчыкі, якія валодалі неабходнымі ведамі і навыкамі, безумоўна, маглі знайсці шляхі больш аптымальнага выкарыстання прыродных рэсурсаў краіны, дапамагаючы тым самым паляпшаць эканамічнага стану ў многіх сферах эканомікі.

1918–1922 гг. сталі часам фарміравання асноў палітыкі Савецкай дзяржавы ў адносінах да грамадскіх арганізацый і навуковых таварыстваў. Тады быў выдадзены шэраг дэкрэтаў і інструкцый СНК РСФСР, у якіх быў адлюстраваны парадак стварэння і дзейнасці краязнаўчых та-

варыстваў. Галоўнай мэтай гэтых актаў стала імкненне стварыць функцыянальную сістэму кіраўніцтва і кантролю дзейнасці таварыстваў, якія займаліся вывучэннем краіны. Не абмінулі гэтыя тэндэнцыі і Савецкую Сацыялістычную Рэспубліку Беларусь (ССРБ). Узаемаадносіны Савецкіх органаў улады і добраахвотных краязнаўчых арганізацый, з аднаго боку, развіваліся ў агульнасаюзных ўмовах, з іншага – мелі свае адметнасці.

На Беларусі ў 1919–1923 гг. краязнаўчай працай займаліся Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцяў, Беларускае вольна-эканамічнае таварыства, Мінскае педагагічнае таварыства, Віцебскае таварыства краязнаўства, Слуцкая павятовае камісія беларусазнаўства, Гурток вывучэння Гомельшчыны, Смалярскі гурток краязнаўства, Хутарскі валасны гурток краязнаўства і інш. [3, 4]. Большасць актыўных членаў краязнаўчых таварыстваў на месцах складалі прадстаўнікі нацыянальнай інтэлігенцыі, пераважна настаўніцтва, якое заўсёды цікавілася даследаваннямі роднага краю. Нягледзячы на ўмовы цяжкага эканамічнага становішча, іх дзейнасць мела даволі значныя вынікі.

Галоўную ролю сярод беларускіх краязнаўчых арганізацый адыгрывала Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцяў. Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцяў ўзнікла ў 1919 г., аднак распачаць дзейнасць змагло толькі ў 1920 г. У перыяд акупацыі Мінска польскімі войскамі была зроблена спроба легалізацыі стану таварыства. Статут таварыства быў прадстаўлены кіраўніцтву Мінскай акругі, аднак не атрымаў там падтрымкі. З усталяваннем Савецкай улады статут таварыства быў зацверджаны 28 снежня 1920 г. намеснікам народнага камісара асветы ССРБ І. І. Карэнеўскім [5, с. 40].

Адкрыццё таварыства супала з прыездам ў Мінск членаў камісіі па адкрыцці Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Першы збор 30 снежня 1920 г. адбыўся ў памяшканні Інстытута Народнай адукацыі, прысутнічала каля 400 чалавек. На першых пасяджэннях ад Беларускага навукова-культурнага таварыства ў Маскве прысутнічаў прафесар У. І. Пічэта. У часовае кіраўніцтва ўвайшлі М. Г. Маслаковец (старшыня,

выкладчык Мінскай школы № 2), Н. Г. Сцепуржінскі і І. П. Поляк [5].

Для рэгістрацыі і супрацоўніцтва таварыства прадставіла ў Наркамат асветы ССРБ і Акадэмічны цэнтр свой статут, дакументацыю і інш. Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцей запрасіла ў Наркамата асветы ССРБ на вядзенне даследчых і экспедыцыйных работ суму каля 5 000 000 руб. Наркаматам было выдзелена толькі 2 000 000 руб. [6, арк. 2–5]. Гэтых сродкаў было недастаткова, аднак нягледзячы на гэта таварыства змагло часткова рэалізаваць свае планы. Першымі крокамі таварыства было распаўсюджванне апытальных лістоў сярод мясцовых навучальных ўстаноў (школ) і культурных працаўнікоў. Апытальныя лісты змяшчалі пункты з пытаннямі, якія тычыліся прадметаў старасвеччыны. З дапамогай іх таварыства намагалася атрымаць звесткі з розных месцаў Беларусі аб помніках (замчышчы, курганы, храмы), стану мясцовых музеяў, архіваў і калекцый прадметаў старажытнасці, гістарычных дакументах. Аднак, з-за адсутнасці фінансавых сродкаў, распаўсюджванне адбылося не ў поўнай меры [4].

На пасяджэннях таварыства летам 1921 г. было вырашана накіраваць камісію для даследавання мястэчка Ізяслаўль (суч. Заслаўе) на чале з М. Г. Маслакоўцам. Пасля пробных раскопак камісія з 28 жніўня ажыццявіла поўнамаштабнае археалагічнае даследаванне, якое ахапіла не толькі тэрыторыю мястэчка, але і яго навакольныя мясцовасці. Дзякуючы гэтаму ўдалося даследаваць шматлікія курганы і старажытнае гарадзішча. Камісія даследавала і архіўныя матэрыялы Ізяслаўля. Вынікі раскопак і збораў былі прадстаўлены грамадскасці Ізяслаўля, якая праявіла вялікую цікавасць, у таварыства паступілі заяўкі і прапановы супрацоўніцтва [5, с. 40]. На жаль, на наступны 1922 г. з прычыны адсутнасці сродкаў даследаванні вырашана было прыпыніць [4].

У снежні 1921 г. у Маскве адбылася першая Усерасійская краязнаўчая канферэнцыя, на якой разглядаліся важнейшыя пытанні расійскага краязнаўчага руху – характар, накірунак, формы і метады работы краязнаўчых арганізацый. На гэтай канферэнцыі было сфарміравана Цэнтральнае бюро краязнаўства РСФСР, якое пачало ажыццяўляць кіраванне краязнаўчым рухам у Расіі. Пачаў выдавацца часопіс «Краязнаўства». На гэтай канферэнцыі яскрава былі паказаны памкненні савецкіх уладаў накіраваць вялікі энтузіязм краязнаўчых таварыстваў на карысць сацыялістычнаму будаўніцтву. Адначасова былі сфарміраваны і прынцыпы новага савецкага краязнаўства – усебаковае, комплекснае навуковае вывучэнне пэўнай тэрыторыі, горада, вёскі ці іншага аб'екта пераважна мясцовымі сіламі. Асноўная ўвага надавалася

сацыяльна-эканамічным і прыродным фактарам, вынікі даследаванняў якіх маглі быць скарыстаны на карысць сацыялістычнага будаўніцтва. Разам з тым не былі пакінуты і помнікі культуры і старажытнасці як дзяржаўныя каштоўнасці [7].

Спачатку ідэя аб'яднання краязнаўчых таварыстваў Беларусі прагучала на пасяджэннях Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцяў [6, арк. 21]. На пачатак 1922 г. у праўленне таварыства ўваходзілі прафесар У. І. Пічэта (старшыня), М. Г. Маслаковец (сакратар), І. П. Поляк, працягвалі актыўна супрацоўнічаць Е. Ф. Карскі, Ф. Ф. Турук, В. М. Ігнатоўскі, М. І. Каспяровіч і інш. 10 студзеня 1922 г. адбыўся аб'яднаны сход прадстаўнікоў Беларускага вольнаэканамічнага, Мінскага педагагічнага таварыства і Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцяў. На сходзе быў заслуханы даклад аб Першай краязнаўчай канферэнцыі і абмеркаваныя яе вынікі. Было пастаноўлена даручыць аб'яднанаму праўленню таварыстваў прыняць меры па скліканні Агульнабеларускай канферэнцыі краязнаўчых таварыстваў. Было створана і Часовае бюро краязнаўства, у якое увайшлі прадстаўнікі аб'яднанага праўлення. На канферэнцыі планавалася выпрацаваць асноўныя напрамкі дзейнасці краязнаўчых таварыстваў па вывучэнні Беларусі [6, арк. 21].

Аднак Народным камісарыятам асветы не быў дадзены дазвол на яе скліканне. Фармальнай падставай для адмовы з'явілася адсутнасць фінансавых сродкаў на правядзенне канферэнцыі. У сувязі з гэтым часовае бюро было расфарміравана, актыўнасць таварыстваў знізілася [4].

3 жніўня 1922 г. Усерасійскі цэнтральным выканаўчым камітэтам (УсеЦВК) і Саветам народных камісараў РСФСР (СНК РСФСР) была зацверджана пастанова «Аб парадку зацвярджэння і рэгістрацыі таварыстваў, не праследуючых мэтай абагачэння», а 10 жніўня зацверджана інструкцыя да яе. Гэты дакумент вызначаў стан таварыстваў і саюзаў і парадак іх рэгістрацыі наступным чынам: ніводнае з таварыстваў (акрамя прафесійных саюзаў) не магло пачаць сваёй дзейнасці без рэгістрацыі ў НКУС і яго мясцовых органах; таварыства павінна было прадставіць у НКУС свой устаў, спіс членаў па адпаведнай форме, пратакол сходу аб стварэнні таварыства і заплаціць гербавы збор (100 руб.); таварыствы і саюзы, якія не зарэгістраваліся ў двухгадовы тэрмін пасля апублікавання гэтай пастанова, абвешчаліся закрытымі.

Рэгістрацыя давала таварыству толькі афіцыйнае прызнанне для далейшага існавання на аснове закону. Пастанова аддзяляла дабрачынныя таварыствы ад тых, хто меў карысныя мэты. Аднак гэта не азначала, што дабрачынныя таварыствы не маглі весці гаспадарчую дзей-

нась: выдавецкую, энцыклапедычную, збіральніцкую, творчую, якая вымагала фінансавых сродкаў.

Услед за гэтым на Беларусі падобная «Інструкцыя па рэгістрацыі таварыстваў, саюзаў і аб'яднанняў» была прынятая СНК ССРБ 13 кастрычніка 1922 г. Менавіта гэтым дакументам кіраваліся Народны камісарыят асветы ССРБ, Народны камісарыят унутраных спраў (НКУС ССРБ) пры рэгістрацыі краязнаўчых арганізацый [7, с. 535–541].

Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцей згодна з патрабаваннямі прадставіла ў НКУС ССРБ спіс усіх членаў, свой устаў, звесткі аб гісторыі паходжання і план навуковых даследаванняў. Пасля абмеркавання НКУС звярнуўся з запытам у Дзяржаўнае палітычнае ўпраўленне ССРБ (ДПУ ССРБ). Пасля таго, як з ДПУ прыйшоў адказ, што прычын для адмаўлення таварыству ў дзейнасці няма, НКУС выдаў Мінскаму таварыству гісторыі і старажытнасцяў ліцэнзію на далейшую дзейнасць [8, арк. 6].

Тая самая працэдура рэгістрацыі тычылася і іншых таварыстваў: Беларускага вольна-эканамічнага таварыства, Мінскага педагагічнага таварыства [9]. У фондзе Народнага камісарыята ўнутраных спраў ССРБ, а пазней БССР знаходзіцца вялікая колькасць дакументаў, якія тычыліся парадку рэгістрацыі грамадскіх добраахвотных таварыстваў і саюзаў, заяў на дазвол уставаў, пячатак, штампай і інш. [9, 10, 11, 12].

12 мая 1923 г. Народны камісарыяты юстыцыі, асветы і ўнутраных спраў падрыхтавалі нарматыўны (тыповы) устаў навуковых, літаратурных і мастацкіх таварыстваў, якія знаходзіліся ў юрысдыкцыі Наркамата асветы РСФСР. 9 мая 1924 г. была выдадзена пастанова ЦВК і СНК СССР «Аб парадку зацвярджэння ўставаў і рэгістрацыі таварыстваў і саюзаў, не праследуючых мэтай абагачэння і распаўсюджваючых сваю дзейнасць на тэрыторыі ўсяго Саюзу ССР і аб наглядзе за імі», рэгламентуючая стан агульнасаюзных таварыстваў. З гэтага часу праекты стварэння саюзных таварыстваў павінны былі прадстаўляцца ў СНК СССР, а рэгістрацыя таварыстваў і нагляд за імі ажыццяўляліся НКУС саюзных рэспублік [12, с. 28].

Гэта пастанова змяніла шлях рэгістрацыі. Калі раней таварыства проста рэгістравалася, то цяпер яно падавала дакументы на дазвол з боку ўладаў. Усталяванне больш жорсткага кантролю над стварэннем і дзейнасцю таварыстваў, саюзаў, прымяненне адміністрацыйна-камандных метадаў у сферы кіраўніцтва паступова прывяло да таго, што магчымасці да дзейнасці засталіся толькі ў тых дабрачынных таварыстваў, якія былі патрэбны савецкім уладам дзеля вырашэння тых ці іншых задач.

Гэтыя пастановы і інструкцыі на доўгі час з'яўляліся галоўнымі нарматыўна-прававымі

актамі, якія рэгламентавалі дзейнасць савецкіх краязнаўчых таварыстваў.

У студзені 1922 г. на базе Навукова-тэрміналагічнай камісіі быў утвораны Інстытут беларускай культуры (Інбелкульт). Перад Інбелкультам была пастаўлена задача арганізацыі планернага вывучэння мовы, літаратуры, этнаграфіі, гісторыі, прыроды, эканомікі на тэрыторыі Беларусі. Вырашэнню гэтых задач на месцах маглі дапамагчы краязнаўчыя таварыствы, утварэнне і дзейнасць якіх з 1923 г. сталі больш інтэнсіўнымі.

У канцы 1923 г. на базе краязнаўчай камісіі было створана Цэнтральнае бюро краязнаўства. Асноўныя задачы дзейнасці ЦБК: арганізацыя краязнаўчых таварыстваў і агульнае кіраванне іх дзейнасцю, арганізацыя ўсебеларускіх канферэнцый па краязнаўству, збор музейных і іншых экспанатаў праз таварыствы краязнаўства і размеркаванне іх па Беларускім дзяржаўным музеі і яго аддзяленнях, выданне прац, праграмаў і анкет па краязнаўству. У склад прэзідыума ЦБК уваходзяць У. Пічэта (старшыня), А. Смоліч (намеснік), С. Скандракоў (сакратар), А. Азбукін і М. Дружчыц [13, с. 6].

Ва ўмовах з'яўлення цэнтра па кіраванні краязнаўствам Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцяў, якое з канца 1923 г. не вяло актыўнай дзейнасці, прыпыніла сваю працу і самаліквідавалася, а многія з яго членаў пачалі супрацоўнічаць з ЦБК. Але вопыт краязнаўчай працы, метадычныя напрацоўкі таварыства не засталіся без увагі. Так, мадэль статута Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцяў легла ў аснову тыповага статута краязнаўчых арганізацый БССР.

Заклучэнне. Такім чынам, на прыкладзе дзейнасці Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцяў бачна, што адносіны Савецкіх ўладаў і краязнаўчых арганізацый ў перыяд пачатку 1920-х гг. на тэрыторыі Беларускай рэспублікі развіваліся ў рамках агульнасаюзных тэндэнцый. Савецкімі ўладамі былі выпрацаваныя дзейсныя механізмы для кантролю (нагляду, уліку і рэгістрацыі) грамадскіх таварыстваў, значнае месца сярод якіх займалі краязнаўчыя арганізацыі.

Разам з тым карысць краязнаўчай справы для вырашэння задач эканамічнага і культурнага будаўніцтва дзяржавы была заўважана Савецкай ўладай у Беларусі пазней, чым на тэрыторыі Расіі. Пра гэта сведчыць аказанне значна меншай падтрымкі фінансавым і арганізацыйным плане краязнаўчым арганізацыям у 1921–1922 г. Толькі ў канцы 1923 г. былі прыняты канкрэтныя меры па стварэнні адзінага арганізацыйна-кіраўнічага цэнтра краязнаўчымі арганізацыямі.

Дзяржаўная палітыка, такім чынам, у перыяд 1921–1923 гг. не спрыяла інтэнсіфікацыі навуко-

ва-даследчай дзейнасці і перашкаджала аб'яднанню краязнаўчых арганізацый. Неабходнасць знешняга нагляду абумоўлівалася шмат ў чым грамадска-палітычным становішчам, таму што ўлады як ў цэнтры, так і на месцах не мелі асаблівага даверу да актывістаў-краязнаўцаў, большая частка якіх складалася з асобаў навуковай і творчай працы.

Літаратура

1. Вяргей, В. С. Археалагічная навука ў Беларускай ССР 1919–1941 гг. / В. С. Вяргей. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
2. Алексеев, А. В. Археология и краеведение в Белоруссии. XVI – 30-е г. XX ст. / А. В. Алексеев. – Минск: Беларуская навука, 1996. – 206 с.
3. Каспяровіч, М. Краязнаўства / М. Каспяровіч. – Мінск: Бел. дзярж. выдавецтва, 1927. – С. 58–59.
4. Маслаковец, Н. Г. Краеведение в Белоруссии / Н. Г. Маслаковец // Краеведение. – 1923. – № 3. – С. 301–303.
5. Минское общество истории и древностей // Веснік Народнага Камісарыята асветы С.Р.Р.Б. – 1921. – № 2. – С. 40
6. Нацыянальны архіў рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 42. Воп. 1. Спр. 531. Народны камісарыят асветы ССРБ.
7. Соболев, В. С. Академия наук и краеведческое движение / В. С. Соболев // Вестник РАН. – 2000. – Т. 70. – № 6. – С. 535–541.
8. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 170. Народный комиссариат внутренних дел. Устав и список членов Минского общества истории и древностей.
9. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 165, 166, 170. Народный комиссариат внутренних дел.
10. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 178, 179, 184. Народный комиссариат внутренних дел. О порядке регистраций обществ и союзов.
11. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 205–207. Постановления, циркуляры и протоколы заседаний центральных учреждений БССР, приложения и уставы обществ и товариществ (проекты), присылаемые в НКВД БССР для обсуждения.
12. Скиданов, М. Е. Краеведческое движение 1920-х в Саратовской губернии как явление общественной и научной жизни региона [Электронный текст]. Дис. на соиск. ученой степени кандидата истор. наук. Саратов, 2004. Российская государственная библиотека, 2005. – (Из фондов Российской Государственной библиотеки). – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss/05/0049050049030.pdf>.
13. Краязнаўчыя арганізацыі БССР // Наш край. – 1925. – № 1. – С. 6–10.

КРАЯЗНАЎЧЫ РУХ У БССР У 30-Я ГГ. XX СТ.

Article addresses the problems of development in the local lore BSSR traffic during 1930 years. While individual sides of the issues were addressed by researchers earlier, this period is the weak level of knowledge. During this period, fundamental changes are taking place in the development of local lore movement. In 1930, the change of leadership the Central Office study of local lore, a regional organization of local history dismantled. Instead, in 1931, established a new system of local lore Movement (Bureau study of local lore and local history departments). Before the task to study regional specialists put the economy province, industrial and agriculture. The project had no success. In 1938, the National History movement was finally eliminated.

Уводзіны. Развіццё краязнаўчага руху ў БССР у 30 гг. XX ст., тая змены, якія адбыліся ў яго структуры, сістэме яго арганізацыі і кіравання, асноўных напрамках навукова-даследчай дзейнасці, краязнаўчай методыкі, самой сутнасці савецкага краязнаўства ва ўмовах паскораных тэмпаў сацыялістычнага будаўніцтва, вылучаюцца дастаткова слабай ступенню даследавання. Тэма краязнаўчага руху ў гэты перыяд разглядалася ў працах Л. Г. Амельковіч, Л. В. Аляксеева, у калектыўнай працы «Гістарычнае краязнаўства Беларусі» [1, 2, 3]. Разам з тым дадзены этап развіцця краязнаўчага руху з'яўляецца вельмі важным, бо ў гэты час адбываецца радыкальная перабудова яго структуры ў параўнанні з 20-мі гадамі. Дакументы і матэрыялы, раней малавядомыя, якія былі выкарыстаны пры даследаванні, дазваляюць убачыць працэс развіцця краязнаўчага руху па-новаму.

Асноўная частка. У Беларусі ў 1929–1930 гг. пачынаецца згортванне палітыкі беларусізацыі і ўзмацненне аўтарытарных тэндэнцый ва ўсіх сферах грамадскага жыцця. Гэта не магло не закрануць краязнаўчы рух, які вылучаўся дэмакратызмам і грамадскай актыўнасцю, што не дазваляла яму ўціснуцца ў жорсткія рамкі палітычнай сістэмы тых часоў, характэрнай рысай якой з'яўлялася імкненне да поўнага ідэалагічнага і навукова-практычнага кантролю над навукай. Спробы накіраваць краязнаўчы рух да патрабаванняў сітуацыі (калектывізацыя і індустрыялізацыя) прымаліся кіраўніцтвам ЦБК на Трэцім Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі ў пачатку 1930 г.

Восенню 1930 г. стары склад прэзідыума ЦБК быў адхілены ад справы, акруговыя таварыствы краязнаўства спецыяльнай пастановай ліквідаваны па ўсёй тэрыторыі БССР, арыштаваны найбольш актыўныя дзеячы краязнаўчага руху, у тым ліку намеснік старшыні ЦБК М. І. Каспяровіч, М. Азбукін і інш.

На закрытай частцы паседжання пленума ЦК КП(б)Б 23–24 кастрычніка 1930 г. старшыня Дзяржаўнага палітычнага ўпраўлення (ДПУ) Р. Я. Рапапорт паведаміў аб раскрыцці ў Беларусі падпольнай контррэвалюцыйнай арганізацыі пад назвай «Саюз вызвалення Беларусі»

(СВБ). Спасылаючыся на паказанні арыштаваных раней Я. Ю. Лёсіка, С. М. Некрашэвіча, Д. Ф. Прышчэпава, М. І. Каспяровіча, была абгрунтавана версія аб гісторыі ўтварэння СВБ, яго арганізацыйнай пабудове, стратэгічнай устаноўцы і тактыцы па захопе ўстаноў навукі, адукацыі, асветы і культуры. Асобнае месца ў гэтай сістэме было адведзена і краязнаўчым арганізацыям.

У новы склад прэзідыума ЦБК пры Беларускай акадэміі навук (БАН) увайшлі В. Серафімаў (старшыня), В. Самцэвіч (навуковы сакратар), Ф. Садоўскі (член рэдкалегіі новага краязнаўчага часопіса), Г. С. Аляксандраў (яўрэйскі сектар БАН), В. Сабалеўскі (загадчык школы № 20), Сцепанюк (Народны камісарыят асветы), Г. Кац (ЦСПСБ), П. Зарэмбскі (польскі сектар БАН). Таксама ўвайшлі па аднаму прадстаўнікі ад ЦК КП(б)Б і ЛКСМБ, 3 прадстаўнікі рабочых буйных прадпрыемстваў Мінска па вылучэнні ЦСПСБ [4, арк. 63].

Перад новым складам ЦБК былі вызначаны наступныя мэты: праверка ўсіх краязнаўчых арганізацый, выкрыццё «нацыянал-дэмакратычных элементаў» і перавод краязнаўчай справы ў рэспубліцы да актыўнага ўдзелу ў сацыялістычным будаўніцтве. Часопіс «Наш край» змяніў назву на «Савецкая краіна». Большая частка матэрыялаў часопіса «Савецкая краіна» у 1930–1931 гг. насіла выключна выкрывальніцкі і крытычны характар. Краязнаўцы былі нават абвінавачаны ў працы на карысць польскіх інтэрвентаў. Вывучэнне шляхоў камунікацый, мясцовасці, сацыяльнага складу насельніцтва інкрымінаваліся ім ў якасці шпіянажу. Праверка ЦБК разам з ДПУ краязнаўчых арганізацый на месцах прывялі да арыштаў найбольш актыўных іх удзельнікаў. Былі арыштаваны старшыня Полацкага таварыства С. Мясешка, карэспандэнты ЦБК Р. Пяцэвіч, М. Ламака і інш. [5, с. 88].

Усё гэта прывяло да заняпаду краязнаўчай дзейнасці ўвогуле, што было вымушана пры знаць нават кіраўніцтва ЦБК. Большасць краязнаўчых арганізацый на месцах спынілі сваю дзейнасць, самаліквідаваліся да канца 30-х гг. Такое становішча назіралася ў 1931 г. ў Віцебску, Гомелі, Полацку, Лепелі, Горках, Крупках,

Дрысе і шэрагу іншых месцаў [5, с. 75–77]. Гэтыя абставіны патрабавалі неабходных мераў па пераадоленні крызіснай сітуацыі і наладжванні новай сістэмы, цяпер ужо «сапраўднага савецкага краязнаўства».

Па сваёй сутнасці савецкае краязнаўства 30-х гг., яго тэарэтычныя і практычныя напрамкі кардынальна адрознівалася ад краязнаўства 20-х гг. У 20-х гг. пад краязнаўствам самімі краязнаўцамі разумелася ўсебаковае даследаванне «краю» (гэта паняцце трактавалася як адносна невялікая тэрыторыя, так і ўласна Беларусь) – эканамічнае, гістарычнае, прыродазнаўчае, этнаграфічнае, сацыяльнае і інш. Нягледзячы на тое, што прыярытэтнымі былі вызначаны эканамічныя даследаванні, краязнаўчым арганізацыям на месцах належала права выбару напрамкаў сваёй працы. Як правіла, даследаванні адбываліся ў сферы этнаграфіі, фальклору, гісторыі і прыродазнаўства. У 30-я гг. пад краязнаўствам пачалі разумець выключна даследаванне вытворчых сілаў (аб'ектаў прамысловасці і калектыўнай сельскай гаспадаркі, прыродных багаццяў). Перад краязнаўцамі была пастаўлена задача асвятляць поспехі сацыялістычнага будаўніцтва (індустрыялізацыі і калектывізацыі). Вывучэнне ж краязнаўчымі арганізацыямі гісторыі, фальклору беларускага народа калі і працягвалася, то выключна ў тэме падзей грамадзянскай вайны і рэвалюцыйнага руху. Новаму краязнаўчаму руху намагаліся надаць большую масавасць у параўнанні з 20-мі гг. за кошт прыцягвання да краязнаўчай справы працоўных мас, у першую чаргу рабочых, калгаснікаў і вучнёўскай моладзі.

У 1931 г. пры БАН была ўвядзеная новая структура – Сектар масавай работы, які ставіў сваёй мэтай кіраўніцтва краязнаўчым рухам ў рэспубліцы, выяўленне нізавых кадраў для прыцягвання іх да навукова-даследчай працы, уцягванні ў навукова-даследчую і краязнаўчую працу шырокага кола працаўнікоў і інтэлігенцыі. У склад сектара ўваходзіў ЦБК [6].

З мэтай накіравання краязнаўчых даследаванняў на новы шлях прэзідыумам БАН у 1931 г. была ўстаноўлена новая сістэма краязнаўчых арганізацый. Асноваю новай арганізацыі былі зроблены раённыя бюро краязнаўства (РБК) і краязнаўчыя ячэйкі, якія ўтвараліся на прадпрыемствах, саўгасах, калгасах, школах і ВНУ. Праца краязнаўчых ячэек аб'ядноўвалася і каардынавалася шляхам правядзення мясцовых (раённых) канферэнцый. На канферэнцыях абіраўся склад раённага бюро для планавання краязнаўчай працы па раёне. Новаму ЦБК было даручана распрацаваць планы працы, метадычны матэрыял і зрабіць адпаведныя захады па наладжванні больш цесных сувязяў з СНК, структурамі планавання, гаспадарчымі і эканамічнымі структурамі.

Карэнным адрозненнем раённых бюро і ячэек ад ранейшых акруговых, раённых таварыстваў і гурткоў краязнаўства было тое, што новыя адзінкі займаліся не столькі краязнаўчымі даследаваннямі, колькі іх папулярызацыяй і ўцягваннем у краязнаўчую справу шырокіх колаў грамадства (рабочых, калгаснікаў, вучняў). Быў выключаны прынцып дабрачыннасці, РБК падпарадкоўваліся загадам зверху. Крайзнаўчыя ячэйкі арганізаваліся на фабрыках, заводах, МТС, саўгасах, калгасах і займаліся вывучэннем свайго аб'екта і прылеглай мясцовасці [6, арк. 1–4].

У 1931 г. краязнаўцы па закліках ЦБК удзельнічалі ў правядзенні кампаній па зборы сродкаў на павышэнне абароназдольнасці краіны, падрыхтоўцы кадраў у сельскай гаспадарцы і інш. Прычым на старшынь раённых бюро ўскладалася асабістая адказнасць за паспяховасць усіх кампаній. Члены прэзідыума ЦБК асабіста прымалі ўдзел у некаторых з кампаній (напрыклад, двухмесячны агляд дасягненняў у сацыялістычнай гаспадарцы). Аднак у 1931 г. дзейнасць Масавога сектара і ЦБК не дала значных вынікаў. У большасці раёнаў краязнаўчая праца так і не была распачата.

На працягу 1932 г. Культпроп ЦК КП(б)Б, Наркамат асветы БССР, Культсектар ЦСПСБ і Сектар культуры і навукі Дзяржплана БССР выдаюць спецыяльныя распараджэнні сваім ніжэйшым органам і ўстановам адносна іх дапамогі краязнаўчай працы на месцах [7, с. 75–77].

1 чэрвеня 1932 г. выходзіць спецыяльная пастанова Савета Народных камісараў БССР «Пра мерапрыемствы па разгортванні краязнаўчага руху». У пастанове было адзначана, што Цэнтральнае бюро краязнаўства і мясцовыя краязнаўчыя арганізацыі не справіліся з пастаўленымі перад імі задачамі і не здолелі ўцягнуць у краязнаўчую працу шырокае працоўнае масы. У сувязі з гэтым СНК БССР пастанаўляў прапанаваць ЦБК і мясцовым краязнаўчым арганізацыям перабудаваць усю работу краязнаўчых арганізацый у парадку поўнага падпарадкавання ўсёй краязнаўчай працы канкрэтным планам рацыянальнага будаўніцтва кожнага раёна, прадпрыемства, саўгаса, калгаса і ў інтарэсах павышэння абароназдольнасці краіны [8].

У 1932–1933 гг. працягвалася праца па ўвядзенні краязнаўства ў сістэму адукацыі. У 1933 г. Дзяржаўны вучоны савет Наркамата асветы БССР у новым вучэбным плане педтэхнікумаў зацвердзіў спецыяльны курс метадыкі краязнаўства. Курс быў разлічаны на 25 гадзін. ЦБК дзейнічаў вельмі актыўна ў сферы распрацоўкі метадычных інструкцый, за 1931–1932 гг. такіх было выдадзена асобнымі накладамі больш за 20 адзінак (напрыклад, «Вывучай калгас» В. Серафімава або «Як арганізаваць вывучэнне фабрык і заводаў» В. Самцэвіча) [9].

Аднак вынікі кампаніі аказаліся даволі сціп-лымі. У 1933 г. выходзіць толькі адзін нумар часопіса «Савецкая краіна», далей яго выданне прыпыняецца. Нават пасля шматлікіх пастановаў мясцовыя органы надавалі краязнаўцам мала ўвагі. Ад гэтага засталіся нявырашанымі шмат праблемаў, якія зніжалі эфектыўнасць савецкага краязнаўства і ўзровень ініцыятывы актывістаў краязнаўчых бюро і ячэек. На пачатку 1932 г. краязнаўчыя арганізацыі існавалі ў 25 раёнах БССР і складаліся пераважна з раённага краязнаўчага актыву, аб'яднанага вакол раённага бюро краязнаўства, пры наяўнасці нязначнай колькасці краязнаўчых ячэек у пераважнай колькасці раёнаў. На пачатку 1933 г. краязнаўчыя ячэйкі былі ў 43 раёнах. Усяго налічвалася 43 раённыя бюро краязнаўства, 103 краязнаўчыя ячэйкі, 15 на прадпрыемствах, 32 пры калгасах і саўгасах, 46 ячэек пры школах і пры ВНУ і тэхнікумах каля 10. Да пачатку 1933 г. лічба, якой валодала ЦБК, складала каля 2552 чал. у 19 раёнах. Да таго ж шмат краязнаўчых арганізацый існавала толькі на паперы [10, с. 79–81]. Спробы прыцягнуць у краязнаўчы руху працоўных Беларусі (сялян і рабочых) поспеху не мелі.

У 1933–1935 гг. дзейнасць ЦБК амаль не асвятлялася ў друку, адсутнічаюць і архіўныя крыніцы гэтага часу. На паседжанні прэзідыума БАН 21 лютага 1935 г. зацвярджаецца палажэнне аб новай установе – Савеце па вывучэнні прадукцыйных сілаў БССР (фігуруе ў дакументах як «СОПС»). Галоўнай задачай СОПС было, абапіраючыся на інстытуты і паасобныя ўстановы Акадэміі навук, планаваць, каардынаваць і арганізоўваць экспедыцыйныя работы Акадэміі ў галіне прыродных рэсурсаў. ЦБК увайшло ў склад СОПС. У 1935 г. ЦБК у складзе СОПС займалася вывучэннем ўмоў працы энерга-хімічнага камбіната, пабудова якога была запланавана ў мястэчку Прапойск. Па-ранейшаму краязнаўчую працу ажыццяўлялі сектары яўрэйскай, польскай, літоўскай і латышскай пралетарскай культуры БАН [11].

Наступны ўздым цікавасці да пытання краязнаўчага руху з боку савецкіх ўладаў адбываецца вясной 1936 г. Ён быў выкліканы з ініцыятывы А. М. Саакяна, члена Бюро ЦК КП(б)Б. А. М. Саакян звярнуў увагу першага сакратара бюро ЦК КП(б)Б М. Ф. Гікала ў спецыяльным лісце. У ім падкрэсліваў вялікую карысць выкарыстання краязнаўчай працы, у першую чаргу ў сферы пошукаў карысных выкапняў сыравіны. Для гэтага прапанаваў выкарыстаць вучняў школ, моладзь, камсамольскія арганізацыі [12, с. 79–81]. У выніку была створана камісія пры ЦК КП(б)Б у складзе А. М. Саакяна, прэзідэнта БАН І. З. Сурта, А. В. Аўгустойціса, З. З. Кавальчука і інш. [13, арк. 317–318].

Па выніках працы гэтай камісіі 21 чэрвеня 1936 г. была прынята пастанова ЦК КП(б)Б

«Аб краязнаўчай рабоце і становішчы музейнай справы ў БССР», у якой ранейшая краязнаўчая праца была прызнаная незадавальняючай. Наркамату асветы БССР, ЦК ЛКСМБ і прафсаюзам прапаноўвалася разгарнуць краязнаўчую работу ў сферы школьных турыстычных паходаў, арганізацыі экскурсій школьнікаў і піянераў з мэтай збірання разнастайных экспанатаў, калекцый, вывучэння мясцовасці на прадмет наяўнасці сыравіны. Пастановай мясцовыя саветы абавязваліся палепшыць становішча краязнаўчых музеяў, забяспечыць іх фінансаваннем і належнымі памяшканнямі для экспанатаў. Для ўзгаднення краязнаўчай і музейнай працы, ажыццяўляемай арганізацыямі і ўстановамі БССР, агаворвання агульных пытанняў краязнаўства пастановай было запланавана стварыць пры Народным камітэце асветы Савет па краязнаўству [14, арк. 317–318].

Гэта пастанова вырашыла лёс ЦБК. На паседжанні прэзідыума БАН 22 траўня 1936 г. было пастаноўлена з прычыны перадачы ўсёй краязнаўчай працы і краязнаўчых музеяў у распараджэнне Народнаму камісарыяту асветы ліквідаваць бюро краязнаўства пры СОПС БАН [14, арк. 58].

Апошні перыяд, які тычыцца працы ЦБК і Савета па краязнаўству пры Народным камісарыяце асветы у другой палове 1936 – пачатку 1938 г., вылучаецца адсутнасцю крыніц, матэрыялы архіву Наркамата асветы БССР за гэты перыяд адсутнічаюць.

У 1937 г. выходзіць пастанова СНК СССР «Аб рэарганізацыі краязнаўчай працы ў цэнтры і на месцах», дзе было прызнана неэтазгодным далейшае існаванне цэнтральных і мясцовых бюро краязнаўства. Народнаму камісарыяту асветы СССР было прадпісана прыняць меры па іх ліквідацыі. Такімі мерамі можна лічыць ліст-дырэктыву Наркамата асветы СССР «Аб пастаноўцы і арганізацыі краязнаўчай працы» 25 красавіка 1938 г. У ёй было падкрэслена, што патрэбы ў існаванні і стварэнні спецыяльных краязнаўчых арганізацый няма. Уся навукова-метадычная і краязнаўчая праца перакладалася на мясцовыя краязнаўчыя музеі. Апошнія ні па колькасці, ні па сваіх магчымасцях не змаглі замяніць краязнаўчыя арганізацыі [15, с. 200].

Высновы. Такім чынам, нягледзячы на рэпрэсіўныя меры да некаторых прадстаўнікоў краязнаўчага руху, ліквідаванне сеткі краязнаўчых арганізацый, сфарміраванай ў сярэдзіне 20-х гг., у пачатку 30-х гг. краязнаўчы рух працягваў існаваць і дзейнічаць ужо ў новым выглядзе. У 1931–1932 гг. была сфарміраваная новая сістэма краязнаўчых арганізацый (раённыя бюро і ячэйкі краязнаўства), якая з'явілася значна больш цэнтралізаванай, бюракратызаванай, фармалізаванай, пазбаўленай прынцыпу добраахвотнасці.

У сферы навукова-даследчай дзейнасці краязнаўчых арганізацый былі вызначаны мэты выключна эканамічнага характару. Перад краязнаўцамі ставіліся задачы вывучэння вытворчых сілаў (прыродных багаццяў, флоры, фауны, карысных выкапняў) і асвятлення поспехаў сацыялістычнага будаўніцтва (індустрыялізацыі і калектывізацыі). Новая методыка краязнаўчых даследаванняў у гэтых сферах была дасканала распрацавана кіраўніцтвам ЦБК у супрацоўніцтве з навуковымі інстытутамі і аддзеламі БАН і выдадзена ў вялікай колькасці асобнікаў у 1931–1932 гг.

Разам з тым новая мадэль пабудовы краязнаўчага руху не дасягнула вялікіх поспехаў, а пасля 1933 г. яе дзейнасць не была асветлена ў друку, адсутнічаюць крыніцы, якія дазваляюць гаварыць аб наяўнасці практычных вынікаў працы ЦБК і мясцовых краязнаўчых таварыстваў.

Павышэнне цікавасці з боку ўладаў да краязнаўчага руху і магчымасці вызначэння напрамкаў яго дзейнасці адбываецца ў 1936 г. Тады былі выдадзены пастановы, якія накіроўвалі краязнаўчую дзейнасць ў сферу адукацыі, турызму і музейнай справы. У 1938 г. адбываецца фактычная і канчатковая ліквідацыя краязнаўчых таварыстваў у БССР.

Літаратура

1. Амелькович, Л. Г. Деятельность центрального бюро краеведения Белоруссии (1923–1933 гг.) / Л. Г. Амелькович // Вопросы библиотекведения и библиографоведения. – Минск, 1975 – С. 59–76.
2. Алексеев, А. В. Археология и краеведение в Белоруссии. XVI – 30-е г. XX ст. / А. В. Алексеев. – Минск: Беларуская наука, 1996. – 206 с.
3. Историческое краеведение Белоруссии: учеб. пособие / Ваганова А. Н. [и др.]. Под.

ред. Э. М. Загорюльского. – Минск: БГУ, 1980. – 240 с.

4. Цэнтральны навуковы архіў Акадэміі навук Беларусі (ЦНА АНБ). Ф. 1. Воп. 1. Спр. 6. Пратаколы пасяджэнняў прэзідыума Беларускай Акадэміі Навук.

5. Хроніка. Вынікі правядзення «краязнаўчай пяцідзёнкі» // Савецкая краіна. – 1931 – № 9. – С. 75–77.

6. ЦНА АНБ. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 15. Арк. 1–4. Пратаколы пасяджэнняў прэзідыума Беларускай Акадэміі Навук.

7. Дзяржаўны Архіў Мінскай Вобласці (ДАМВ), Ф. 328. Воп. 1. Спр. 12. Отдел народного образования Логойского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Документы по развертыванию краеведческого движения в районе за 1932 г.

8. Нацыянальны архіў рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Воп. 1. Спр. 815. Ч. 2. Пратаколы пасяджэнняў Бюро ЦК КП(б)Б арк.

9. Самцэвіч, В. Як арганізаваць манаграфічнае вывучэнне раёну / В. Самцэвіч. – Мінск, Масавы сектар і ЦБ краязнаўства, 1931. – 15 с.

10. Работа ЦБК за 1932г. // Савецкая краіна. – 1933. – №1. – С. 79–81.

11. ЦНА АНБ. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 31. Пратаколы пасяджэнняў прэзідыума Беларускай Акадэміі Навук.

12. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 3. Спр. 9145. Пратаколы пасяджэнняў Бюро ЦК КП(б)Б.

13. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 3. Спр. 9159. Пратаколы пасяджэнняў Бюро ЦК КП(б)Б.

14. ЦНА АНБ. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 50. Арк. 104. Пратаколы пасяджэнняў прэзідыума Беларускай Акадэміі Навук.

15. Разгон, А. М. Пути советского краеведения / М. А. Разгон // История СССР. – № 4. – С. 190–201.

УДК 808.2:82.08

Т. А. Козлякова, ст. преподаватель

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ РЕФЕРИРОВАНИЮ СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА

In this article various approaches to the problem of making references of scientific texts are analysed, the connection between the understanding of the material read and the development of fluent-reading skills (reading «in mind») is observed, as well as the interrelationship between the skills and abilities of making references and the skills and abilities in other speech activities is identified. The evaluation of different kinds of essays is given, various tasks aimed at the reading skills development and training of making references are offered. The necessity of knowledge of the principles of building scientific text, separating out its component functional communicative blocks and peculiarities of the information order in it is noted.

Введение. Обучение иностранных учащихся работе со специальным текстом – статьей, монографией – имеет большое значение в процессе обучения, так как формирование навыков и умений логического анализа научного текста по проблематике будущей специальности является, без сомнения, основным содержанием работы на занятии по русскому языку в нефилологическом вузе. Этим проблемам посвящен целый ряд исследований. Все исследователи сходятся на том, что «вопрос формирования навыков правильного и свободного владения иностранным языком на базе специальности остается одним из сложных» [1].

Основная часть. Главными видами письменной и устной речи, которыми должен овладеть студент, являются доклады, рефераты, аннотации, резюме, то есть те виды, которые требуют извлечения и перегруппировки информации текста с целью раскрыть все важные стороны содержания источника и указать на то, чем именно отличается новое в источнике от методов и средств, применявшихся ранее в данной области знаний.

Л. К. Заева рассматривает учебное реферирование общественно-политических текстов как один из эффективных способов обучения иностранному языку, позволяющий формировать у студентов речевые умения, связанные с пониманием исходного текста, его осмыслением и построением реферата на изучаемом языке в письменной форме. Другие исследователи выделяют реферирование в качестве аспекта работы по русскому языку как иностранному.

Однако, подходя к отдельным сторонам реферирования с разных позиций, исследователи единодушны в том, что использование учебного реферирования как вида учебной деятельности на занятиях по русскому языку позволяет приблизить учебный процесс к потребностям

жизни. В то же время этот вид работы над текстом является способом обучения, который вырабатывает у студента специфический характер восприятия научной речи, формирует установку на смысловой анализ содержания, ускоряет темп речи, воспитывает внимание к языковым единицам текста и выводит в речь.

Несмотря на то, что реферирование научно-технической информации рассматривается исследователями отдельно, многие вопросы и положения, поднимаемые и выдвигаемые авторами, представляются нам общими для реферирования как одного из видов аналитико-синтетической деятельности.

К таким «общим вопросам» относятся определения понятий «реферирование» и «реферат», классификация видов рефератов, разработка требований к реферату и, наконец, анализ психологических лингвистических основ реферирования как учебной деятельности. М. Л. Вайсбург называет рефератом «изложение основных положений статьи или книги» [2]. Л. К. Заева считает, что «реферирование есть выделение наиболее существенной информации и представление ее в виде краткого текста в соответствии с языковыми и стилистическими особенностями определенного жанра литературы и предложенным заданием» [3].

Отметим, что приведенные определения не касаются характера реферирования как учебной деятельности по овладению вторым языком, исходят из понятия реферата как продукта, производимого для «внешнего «пользования», представляющего собой краткую информацию произведения печати.

Исследователи выделяют несколько видов рефератов: реферат-конспект, реферат-резюме, индикативный, информативный, обзорный и некоторые другие. Однако в практике учебного реферирования используются три вида рефера-

та: реферат-резюме (или индикативный), реферат-конспект (или информативный) и обзорный.

Н. Д. Зорина в своем исследовании приходит к выводу о предпочтительности информативных рефератов в качестве учебных, поскольку информативный реферат позволяет удачно сочетать познавательную функцию подобного реферата с формированием умений обобщения и абстрагирования на основе его.

Л. К. Заева вводит понятие интерпретирующего реферата, предполагающее передачу основного содержания и собственной оценки излагаемых фактов; такой реферат способствует формированию критического отношения к воспринимаемой информации через переработку большого контекста, а установка на оценку информации выступает в качестве речеподражающего фактора (т. е. ситуативна).

Более четкой кажется нам позиция, занимаемая А. А. Вейзе, чья работа «Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста» в целом базируется на добротном теоретическом материале психологических, психолингвистических и лингвистических исследований. «Деятельность по реферированию, – пишет исследователь, – имеет две основные цели: информативную и учебную. Как информативный документ реферат призван удовлетворить определенную информативную потребность и рассчитан на какую-то группу потребителей информации...» [4].

Задача реферирования далеко не ограничена сокращением текста и записи полученного варианта. В процессе реферирования происходит определенная переработка структур языкового материала текста.

Основу понимания составляют процессы памяти и мышления, включающие такие мыслительные операции, как анализ, синтез, аналогия и сравнение, индукция и обобщение, дедукция и конкретизация. Как результат сложного продукта этих операций выступает понимание. Понимание читаемого непосредственно связано и с технической стороной самого чтения. Развитый навык беглого чтения (чтения «про себя») является условием адекватного понимания прочитанного, проникновение в логические и смысловые связи между словами, конструкциями, элементами текста.

Н. Д. Зорина дает развернутую характеристику процессу реферирования, уделяя большое внимание пониманию читаемого.

Итак, суммируя сказанное исследователями, следует прийти к выводу: реферирование предполагает высокую степень рецептивного владения иностранным языком, заключающуюся в навыках и умениях осмысленного восприятия читаемого текста и его понимания, в умении ориентироваться в тексте, извлекать из него нужную информацию, в наличии развитой техники и беглости чтения «про себя».

Для реферирования оригинальной научной статьи на русском языке необходимо овладение умением вести информативный поиск в предложении и тексте в целом, опираясь на лексико-грамматический анализ непонятого предложения; необходимо знание принципов построения научного текста; выделения его составляющих функционально-коммуникативных блоков и особенностей расположения информации в них, а также достаточно глубокое знание специальности, чтобы оценить наиболее важную информацию.

Современная методика преподавания представляет содержание обучения следующими компонентами:

- комплекс знаний, навыков и умений по предмету обучения;
- учебный материал – фонетический, лексический, грамматический, речевой, страноведческий;
- система упражнений по усвоению материала.

Эти компоненты составляют, естественно, и содержание обучения реферированию.

При обучении реферированию на иностранном языке основным речевым материалом выступает текст, который, с одной стороны, является формой организации (в содержательном плане) и формой фиксации языкового материала (лингвистической информации) и, с другой стороны, средством раскрытия темы, а также и искомым продуктом при порождении речи.

Чрезвычайно важны параллели реферирования с чтением, которые проводят многие исследователи. Например, Н. Д. Зорина соотносит реферирование с изучающим чтением, обосновывая это тем, что при реферировании большую роль играет не только точное, адекватное понимание читаемого, но и умение выявлять существенное и несущественное, обобщать и сокращать отдельные данные [5].

Важным этапом в реферировании является работа над текстом с целью понимания читаемого. В тексте необходимо наличие новой информации, но текст не должен быть труден для понимания, представлять интерес для читающего и должен быть ограничен узкой тематикой. На данном этапе развиваются умение понимать текст с опорой на частично известное содержание и без какой-либо смысловой опоры. На понимание общего содержания текста направлены задания на узнавание и быстрое несрасчлененное восприятие крупных элементов текста.

Для развития смысловой догадки предлагаются упражнения, связанные с ориентировкой в логических связях текста с большим объемом лексического материала (в том числе и незнакомой лексики, а также целых предложений или частей текста), когда неизвестное соотносится с общим известным содержанием. Примерное задание такого типа: прочитайте текст; попытайтесь догадаться, о чем говорится в следующих предложениях на основе знакомой лексики и

общего содержания текста, знакомых синтаксических конструкций, графических приложений и цифровых обозначений к тексту.

В практике обучения студентов реферированию, в частности – пониманию текста, используются следующие виды работ:

- толкование заглавия текста и просмотр рисунков с целью создания направленности мысли;
- постановка поисковых задач (вопросов, пунктов плана);
- ознакомительное чтение текста;
- выделение предложений, требующих специального уточнения;
- составления перечня проблем, затронутых в тексте;
- пересказ содержания «своими словами»;

Следующий, очень важный компонент работы (на подготовительном этапе) – развитие беглого чтения. Реферирование требует сформированности навыков беглого чтения в пределах 1000–1100 печатных знаков в минуту, так как только при такой скорости чтения возможно сконцентрировать внимание не на форме читаемого, а на его содержании.

Специальной работе по развитию навыков беглого чтения посвящены упражнения на опознавание различных единиц текста (количество абзацев и строчек, наличие рисунков, таблиц и т. д.); на выделение моделей предложения (границы предложения, порядок слов, средства связи, наличие однородных членов, причастных, деепричастных, устойчивых оборотов); распознавание лексики по специальности (термина, реалии, клише). Эти упражнения создают базу для обучения чтению, что является необходимой предпосылкой для реферирования литературы по специальности во время основного этапа обучения реферированию.

На основном этапе обучения реферированию выделяются три основных вида работы:

- ознакомление с основами реферирования научной литературы;
- собственно обучение реферированию;
- контроль приобретенных навыков в самостоятельном составлении рефератов.

Ознакомительная работа с основами реферирования проводится в форме практического занятия-беседы и включает:

- знакомство с композицией основных видов научной литературы и определения тех мест в тексте, где может находиться наиболее важная информация;
- раскрытие сущности реферирования;
- характеристику рефератов и требований к ним;

- схему составления рефератов;
- демонстрацию образцов рефератов.

Актуально звучит мнение В. В. Добровольской о системе упражнений по обучению реферированию «Желательно, чтобы чисто учебные задания были вплотную приближены к реальным (профессиональным) заданиям (например, написании главы диссертации). Иначе говоря, оптимальной задачей является выход учащихся в реальную коммуникацию в определенном виде речевой деятельности» [6].

Заключение. Анализ исследований, посвященных разработке методической системы обучения реферированию, показывает, что существуют достаточно четкие и стройные системы упражнений и заданий, направленные на обучение реферированию, этому сложному виду деятельности.

Итак, если исходить из того, что комплекс навыков и умений в реферировании специального текста прочно увязан с навыками и умениями в других видах речевой деятельности, то необходимо учитывать взаимосвязь и взаимовлияние этих навыков и умений с первых дней обучения речевой деятельности на русском языке, не определяя продвинутый этап только для реферативной деятельности.

На основе вышеизложенного можно с достаточной уверенностью утверждать, что подобная модель обучения – реальное требование методической теории и практики.

Литература

1. Митрофанов, О. Д. Научный стиль речи: проблемы обучения / О. Д. Митрофанов – М.: Рус. яз., 1987. – С. 3.
2. Вайсбурд, М. Д. Реферирование как форма работы над публицистическими и научно-популярными текстами / М. Д. Вайсбурд. – Иностранные языки в школе. – 1973. – № 5. – С. 40.
3. Заева, Л. К. Обучение письменному реферированию общественно-политических текстов на старших курсах языковых вузов / Л. К. Заева. – М.: Рус. яз., 1977. – С. 4, 10.
4. Вейзе, А. А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста / А. А. Вейзе. – М.: Рус. яз., 1985. – С. 102–103.
5. Зорина, Н. Д. Обучение аннотированию и реферированию иностранной литературы по специальности в неязыковом вузе / Н. Д. Зорина. – М.: Рус. яз., 1972. – С. 15.
6. Добровольская, В. В. Операционная основа обучения письменной речи на базе текста / В. В. Добровольская. – Русский язык за рубежом. – 1985. – № 3. – С. 33.

ПЫТАННІ МУНІЦЫПАЛЬНАГА КІРАВАННЯ (САМАКІРАВАННЯ) У БЕЛАРУСКІХ ЛЕТАПІСАХ

In article are considered belorussian chronicle-chronically ill persons, reflection in them public-political life of the epoch. These questions in one or another measure have found its reflection in belorussian chronicles. The Inhabitants belorussian city together with magdeburgs right got the row a privilege. They were freed from fortress of the work, miscellaneous of the sort of the obligations, customs collection. They were given right of the participation in shaping organ town home rule and court, creation religious brotherhood and associations in shops on profession. Hereunder they protected itself from arbitrariness and bribery on the part of lord and princely deputy. The Chronicle contains the valuable information about real history event. They illustrate the relations between magistrate and inhabitant Mogilyova, Vitebska and the other city.

Уводзіны. Традыцыі беларускага гарадскога самакіравання, якія ўзыходзяць да веча – агульнага сходу гараджан, што, у сваю чаргу, вынікала з вядомых яшчэ ад VI ст. племянных сходаў славян, у той ці іншай ступені знайшлі адлюстраванне ў беларускім летапісанні. Летапісныя крыніцы засведчылі важную ролю веча ў палітычным і грамадскім жыцці Полацка, пра што ёсць звесткі ў Хроніцы Быхаўца і Хроніцы Літоўскай і Жамойцкай. З часам у беларускіх гарадах на месца веча прыйшлі прызначаныя князем намеснікі і ваяводы з падпарадкаванымі ім старастамі, кашталіямі і іншымі дзяржаўнымі асобамі, якія выконвалі адміністрацыйна-гаспадарчыя функцыі. На XIV – першую палову XVI стст. прыпадае інтэнсіўны працэс урбанізацыі: крыніцы даюць звесткі пра 530 гарадскіх паселішчаў, 387 з якіх мелі ў ВКЛ статус горада. Найбольш значнымі цэнтрамі з насельніцтвам да 10 тыс. чалавек у XVI ст. былі Берасье, Віцебск, Магілёў, Менск, Пінск і іншыя гарады.

Асноўная частка. Зацікаўленасць у эканамічным росце гарадоў прывяла да неабходнасці стварэння спрыяльных умоў для росту ў іх гандлю і рамёстваў. У XIV–XVI стст. амаль усе беларускія гарады і мястэчкі атрымалі граматы на магдэбургскае права, заснаванае на выбарным самакіраванні ў адміністрацыйнай, судовай і фінансавай дзейнасці. У адпаведнасці з прывілеем горадам кіраваў магістрат, які спалучаў адміністрацыйныя і судовыя функцыі, таму адпаведна складаўся з дзвюх калегій – рады і лавы.

У беларускім летапісанні перыяду ВКЛ, скіраваным пераважна на паказ значных агульнадзяржаўных палітычных спраў, утрымліваюцца толькі ўскосныя паказчыкі, якія сведчаць пра дзейнасць мясцовага самакіравання ў асобных гарадах. У пазнейшым жа так званым гарадскім летапісанні XVII–XIX стст., наадварот, асноўнае месца займае адлюстраванне мясцовай тэматыкі. Так, у Магілёўскай хроніцы (летапісе, напісаным у XVIII ст. у г. Магілёве Т. Р. Суртам і Трубніцкімі) паведамляецца, што ад другой паловы XVI ст. Магілёў ужо меў права самакіравання. Нельга абысці ўвагаю па-

ведамленне пад 1526 г. пра закладку места Магілёва: «*Za Zygmunta, kōla polskiego, a w szesciu leciech będącego syna jego Zygmunta Awgusta, miasto Mohylow założyło się, a zamek z włością przed kilkaset lat przet tym był*» [1, с. 239]. Таксама каштоўнай з’яўляецца спроба Т. Сурты ператлумачыць паходжанне назвы горада: «*Według zdania by mojego, tak tłumaczył te nazwisko: Mohyi low, po słowiansku nazwany, tłumaczy się – mocny, duży, potężny low, zacyum jako tak iest*» [1, с. 239]. Пад 1576 г. змешчана інфармацыя пра тое, як у хуткім часе пасля каранацыі Сцяпана Батары (Стэфана Баторыя) з Магілёва былі адпраўлены паслы прасіць надання гораду магдэбургскага права. І кароль «*jako łaskawy oyciec przyjowszy, prawem utytułował, I otrzymali, o co prosili. Potym, w roku 1577-m, miasto Mohilow zaczęło się, sądzić prawem maydeburskim, którego i teraz używamy*» [1, с. 240].

Жыхары гарадоў з магдэбургскім правам маглі арганізоўвацца ў рамесныя цэхі, якія мелі свой статут, сцяг, харугву. Цэхавыя брацтвы былі абавязаны выконваць усе распараджэнні магістрата, браць удзел у працэсіях свецкіх, рэлігійных і пахавальных. Прывілеі на магдэбургскае права групавалі гараджан (акрамя шляхты) у адзінае саслоўе – мяшчан [2]. За парушэнне законаў мяшчане неслі як калектыўную, так і персанальную адказнасць: караліся штрафамі, пазбаўляліся прывілеяў і інш. У 1699 г. увесь горад меў спагнанне за то, што аднаго разу «гультаі якіясь» напалі на каралеўскае войска, што стаяла ў Магілёве. З гэтага ці з якіх іншых прычын («*czy z iakowey zley rady, czy z iakowego udania, czyli z niestaranja, kto się w te czasy miastem opiekiwał – bog to sądzić będzie*») вынікла ўскладненне адносін з каралём Аўгустам. Летапісец падкрэслівае: «*czko było na miasto, czego, boże, nie dopuszczay na nas*». Нягледзячы на неаднаразовыя звароты да караля, нічога не ўдалося паправіць, і на мяшчанах застаўся надзвычай цяжкі падатак, якога «перад тым ніколі не бывала»: «*ciężki był na miasto, że musieli saxonom z miato sto tysięcy tyńffow porcij*

wyliczyc gotową sumę, oprócz unnych dla generałów u unnych oficerów akkomodacji znacznych» [1, с. 250]. Паборцы Стэфан Хутаровіч, Чортак і Увар праяўлялі неміласэрную жорсткасць: той, хто не мог выплаціць накладзенага падатку, патрапляў у няволю: «takowych sadzano na wieżę u pod wieżę do więzienia» [1, с. 250.] Прæ усё гэта нямала людзей бедных «do ostatniego ubożstwa przyszło» [1, с. 250].

З пазіцыі закона горад з магдэбурскім правам залежаў толькі ад цэнтральных органаў дзяржаўнага кіравання. Жыхары гарадоў, якія мелі магдэбурскае права, атрымлівалі шэраг перавагаў: вызваляліся ад прыгонных работ, падводнай павіннасці, мытных збораў; набывалі права ўдзелу ў фарміраванні органаў гарадскога самакіравання і суда, стварэння рэлігійных брацтваў і аб'яднання ў цэхі па прафесіях. Тым самым яны засцерагаліся ад самаўпраўства і рабавання з боку феодалаў і княжацкіх намеснікаў. Разам з тым трэба прызнаць, што ахоўныя граматы не заўсёды служылі надзейнай абаронай ад хцівых рабаўнікоў. Магілёўская хроніка дае на гэта шмат фактаў. Вялікі ўціск меў Магілёў ад мечніка Сініцкага, які сілаю спаганяў грошы, выстаўішы перад ратушаю некалькі харугваў. Магістрат, не маючы іншых спосабаў сабраць грошы, мусіў пазычыць пяць тысячаў талераў бітых («museli te pięć tysięcy talarów bitych wziąć na kark mieski») у пана Краеўскага, рэгента кароннага, а другую частку выплаціць асігнацыямі, пусціўшы па мяшчанах аблігацыю. Рэшта сродкаў паводле тых асігнацый пазней таму ж Сініцкаму была сплочана як са скарбу кабацкага, так і з падаткаў у гарадскую казну, спагнанных з мяшчанаў.

Летапіс утрымлівае каштоўныя звесткі пра рэальныя гістарычныя падзеі, якія ілюструюць дачыненні паміж насельнікамі Магілёва і магістратам. У 1610 г. ў Магілёве мелі месца бунты, завадатарамі (группаўраўтамі) якіх выступалі Іван Харковіч (Jwan Charkowicz), Мікіта Мільковіч (Mikita Milkowicz), Максім Тальбішаў (Maxim Talbicsow), Гаўрыла Івановіч Іа (Hawri Jwanowicz), Міхал Чабатар (Michał Czobotarż), Лавор Міхайловіч (Lawor Michajłowicz) Ісай Шчасны (Jsay Szczesny) і інш. Яны выйшлі з падпарадкавання магістрату: не плацілі падаткаў, на радах і сходах падбухторвалі сваіх людзей званіць у асобны звон, перад ратушай учынялі гвалт, рабілі спробы ўзяць прыступам ратушу і магістрат: «Krzy to buntownicy z adheretami swemi magistratowi spieczni byli, podatkow do miasta I wszelkiego posłuszeństwa do magistratu pełnić nie chcieli». У выніку магістрат апынуўся ў вялікай небяспецы і мусіў звярнуцца па дапамогу да самога караля Жыгімонта III Вазы. І толькі на аснове адмысловага каралеўскага ліста вайт Магілёва Яраш Валовіч, земскі падскарбі і пісар Вялікага княства Літоўскага,

змог справіцца з бунтаўнікамі: пяцёра з іх былі пакараны смерцю. Важна, што летапісец дае адсылку да канкрэтнага дакумента, у якім можна прачытаць пра пераказаныя падзеі: «O czym, iesli chcesz dostateczniey wiedzieć, czytay dekret pod datą roku 1610-go miesiąca jula 23-go dnia w actach maydeburij mohilowskiey wpisany» [1, с. 240].

У Магілёўскай хроніцы таксама пераказана канфліктная сітуацыя, якая вынікла з-за грошай паміж бурмістрам Янам Карабанкам і горадам (местам). Помсцячыся, той пачаў судзіцца з горадам, справакаваў на ратушу «камісію, інквізіцыю і экзекуцыю». І так справа зацягнулася, аж пакуль у 1736 г. сам Ян Карабанка «wespb z zyciem u dokumentami apellował na tamten swiat».

Прывілеі на магдэбурскае права дазвалялі ставіць у горадзе ратушу, мець магазіны і латкі, загадваць вагамі і мерамі, адкрываць лазні, будаваць млыны, трымаць вінакурні і ладзіць кірмашы. Справы будаўніцтва горада, асобных яго аб'ектаў падрабязна занатоўваліся магілёўскімі летапісцамі. Паведамлена, што ў 1657 г. пачалі мураваць брацкую званіцу, ужо выведзены падмурак якой быў разабраны для мэтаў абароны пад час асады горада царом маскоўскім Аляксеем Міхайлавічам. У 1660 г. была вымуравана і накрыта брама Магілёва, якая называецца Каралеўская. А ў верасні 1679 г. пачалі мураваць ратушу. У 1696 г. распачалі, а ў 1698 г. вывелі Пакроўскую званіцу. З 1703 г. на 1704 г. коштам горада (to wszystko budowano ze skarbu ratusznego mieskiego) узводзіліся абарончыя збудаванні – драўляныя валы з брамамі і баштамі ад гары Гваздоўкі да самога Дняпра. Такія самыя работы вяліся і з другога боку ў Папінцы. Дрэва на тыя валы бралі ў каго выпадае, але багатым плацілі, а бедных крывілі.

Шмат увагі летапісец надае не толькі апісанню грамадскіх падзеяў, але і розных здарэнняў. У іх ліку паведамленні пра пажары, прыродныя катаклізмы і інш. Так, у 1664г. прайшоў агонь ад дома Савы Ціхенькіна, выпаліўшы ўсе крамы, «a domow tłu so zgorzało» [3, с. 244]. У тым самым годзе зноў пачаўся пажар ад дома недалёка ад ратушы, у выніку чаго згарэла сама ратуша крамы, царква, званіца і нават званы паплавіліся. Здараліся пажары ў 1665, 1667 і іншых гадах.

Для беларускіх гарадоў быў характэрны неаднастайны склад насельніцтва, дзе побач з беларусамі жылі яўрэі, палякі, украінцы, рускія і інш. Так, магілёўскі летапісец паведамляе, што ў чэрвені 1660 г. горад забраў карчму ў яўрэя Лейбы Зушманавіча: «Roku 1679, Junia 24, na święty Jan, miasto kabak odebrało od zyda Leyby Zuszmanowicza» [3, с. 245]. А пад 1699 г. апавядаецца пра двух братоў Беймана і Леймана, быццам бы немцаў, а на самой справе, летапісец упэўнены, гэта былі яўрэі, якія каралю па-

зычылі некалькі мільёнаў «gotowych pieniędzy». Паводле каралеўскага прывілею яны атрымалі права спаганяць неабходную суму з магілёўскага замка і ўсёй гарадской гаспадаркі, а таксама з іншых гаспадарак, якія заарэндоўвалі па Літве і Жамойці. У памяці магілёўцаў гэтыя асобы пакінулі надзвычай негатыўны след, пра што сведчыць такі запіс летапісца: «Nie zapomni Mogyłow u na długo *tey szaranczy, albo też u w całej Polsce u W[ielkim] X[ieństwie] Lit[ewski]m gorzezy będą wspominać, gorzezy nizli tych n imco w co z ro dSmoleńska szli p o dczas woyny Szeynowskiey» [3, с. 251].*

Магілёўская хроніка Т. Сурты і Трубніцкіх вылучаецца сярод беларускіх хронік шырынёй ахопу гістарычных падзей: аўтары пакінулі свае назіранні, пераказалі ўспаміны старажылаў, а таксама выкарысталі звесткі з дакументаў Магілёўскага магістрата і цэркваў, уключылі факты з некаторых украінскіх летапісаў [3, с. 224]. Развіццё горада можна назіраць па запісах пяці пакаленняў летапісцаў, якія вялі хроніку ад канца XVII да сярэды XIX ст. Пачынальнікам магілёўскага летапісання з’яўляецца Т. Сурта, які пакінуў такі запіс ва ўсупе да свайго летапісу: «Dopisałem tedy *tey kroniki moiej roku 1693 m[ie]s[ia]ca maja dnia 29, według starego kalędarza» [1, с. 239]. Прадаўжальнікамі яго справы сталі чатыры пакаленні Трубніцкіх: Юрый Трубніцкі (звесткі за 1701–1746 гг.), яго сын Аляксандр і ўнук Міхал прадоўжылі запісы да 1856 г., а праўнук Іван, апошні ўладальнік*

рукапісу, зрабіў адзіны запіс ад 17.03.1864 г. пра вялікую навальніцу, што была ў гэты дзень у Магілёве. Шэраг паведамленняў з 80-х гадоў XVIII ст. да 1810 г. напісаны яшчэ кімсьці невядомым.

Заклучэнне. Гарадскія хронікі разглядаюцца як «каштоўны збор арыгінальных, нярэдка унікальных звестак па гісторыі беларускіх зямель, крыніца пазнання жыцця беларускага горада эпохі барока. У якасці літаратурных помнікаў гістарычных аповесці дакументальна-мемуарнага характару вылучаюцца жывасцю і дэталёвасцю апавядання, рэдкай для іншых летапісаў набліжанасцю аўтараў да аб’екта напісання» [4, с. 355]. І ў гэтым плане беларускія летапісы-хронікі выступаюць як адлюстраванне грамадска-палітычнага жыцця адпаведнай эпохі.

Літаратура

1. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. 32. – 234 с.
2. Беларусы. Т. 6. Грамадскія традыцыі / В. Ф. Бацяеў [і інш.]; рэдкал.: В. М. Бялявіна [і інш.]; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. – Мінск, 2002. – 606 с.
3. Улащик, Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н. Н. Улащик. – М.: Наука, 1985. – 261 с.
4. Энциклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі: у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1986. – Т. 3. – 751 с.

РОДНЫ СКЛОН АНГЛАМОЎНЫХ ТЭРМІНАЎ У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

The article analyses the endings of the masculine gender terms in the genitive case taken from the English – Belorussian dictionary on informatics (by A. S. Kabailo, N. E. Savitskaya). In the Belorussian language such terms have variable endings -a/-y which depend on the meaning of the word. This fact accounts for the difficulty in choosing the adequate ending. The author has made an attempt to correlate the lexical meaning of the term with some formal indicator – word-forming suffixes which will help to determine the choice of the ending.

Уводзіны. Канчаткі назоўнікаў мужчынскага роду адзіночнага ліку ў родным склоне разглядаюцца на прыкладзе тэрмінаў па інфарматыцы. Падрыхтаваны да выдання англа-беларускі слоўнік (аўтары – дацэнт кафедры інфармацыйных сістэм і тэхналогій Кабайла А. С. і старшы выкладчык кафедры беларускай мовы Савіцкая Н. Я.). Слоўнік змяшчае каля 6 тысяч тэрмінаў па сістэмах апрацоўкі звестак, вылічальнай матэматыцы, персанальных ЭВМ, сістэмах аўтаматызацыі і падрыхтоўкі тэкстаў па экспертных сістэмах, арганізацыі вытворчасці праграмага прадукту.

Тэрміны (словы, словазлучэнні і абрэвіятуры) размешчаны ў алфавітным парадку. У беларускіх тэрмінах паказаны канчаткі назоўнікаў мужчынскага роду адзіночнага ліку ў родным склоне як у аднаслоўных тэрмінах, так і тэрміналагічных словазлучэннях. У канцы слоўніка змешчаны граматычны паказальнік канчаткаў назоўнікаў мужчынскага роду ў родным склоне. Прычым назоўнікі з *-а (-я)* падаюцца асобна ад назоўнікаў з канчаткам *-у (-ю)*.

Усяго асобным спісам падаецца 414 тэрмінаў, з якіх 273 тэрміны маюць у родным склоне канчатак *-а (-я)*, а 141 тэрмін – канчатак *-у (-ю)*. Варта адзначыць, што ў навуковых тэкстах родны склон назоўнікаў найбольш ужывальны ў параўнанні з іншымі склонавымі формамі і сустракаецца амаль у кожным тэрміне, словазлучэнні і сказе. А выбар канчатка назоўнікаў мужчынскага роду ў родным склоне залежыць ад таго, да якога лексіка-граматычнага разраду (канкрэтны, абстрактны, зборны, рэчыўны, адушаўлены – неадушаўлены і інш.) адносіцца назоўнік [1]. Так, адушаўленыя назоўнікі ўжываюцца толькі з канчаткам *-а (-я)*: чалавека, студэнта, Мікалая, жаўранка, аленя, камара [2]. Неадушаўленыя назоўнікі ў залежнасці ад значэння могуць мець канчатак *-а (-я)* або *-у (-ю)*.

Асноўная частка. Ужыванне канчатка *-а (-я)* або *-у (-ю)* залежыць ад уяўлення аб структуры прадметнасці, паняцце пра якую абазначае той ці іншы назоўнік мужчынскага роду. Калі прадметнасць уяўляецца як адна асобная істота, расліна, прадмет, рэч, сродак, адлюстраванне, адзінка або частка (элемент) цэлага, то ў родным склоне адпаведны назоўнік мужчынскага роду мае канчатак *-а (-я)* [3].

Напрыклад, назоўнікі, якія абазначаюць:

– канкрэтны прадмет, арганізацыю, прадпрыемства, установу: стала, медаля, штаба, трэста, каледжа, саюза, універсітэта;

– геаграфічнае паняцце, назву населенага пункта: горада, пасёлка, Гомеля, Міра, Слоніма;

– адрэзкі часу, адзінкі вымярэння, меры, аб'ёму, вагі, даўжыні: года, дня, месяца, сакавіка, літра, грама, градуса, метра, рубля;

– орган ці частку цела: носа, языка, страўніка;

– навуковы тэрмін ці паняцце, ужытыя ў канкрэтна прадметным значэнні: ромба, суфікса, назоўніка, вугла, прамавугольніка, канта; назву спартыўнай гульні, віду спорта, танца, прыёму, назву музычнага твора і падобнае: бокса, хакея, футбола, гола, вальса.

Калі ж прадметнасць уяўляецца як сукупнасць прадметаў, рэчыва або ўвасабленне якой-небудзь з'явы, прыметы, уласцівасці, колькасці, дзеяння, працэсу, стану, адчування, пачуцця, успрыняцця, то назоўнік, які абазначае такую прадметнасць, выступае ў родным склоне з канчаткам *-у (-ю)* [4].

Напрыклад, назоўнікі, якія абазначаюць:

– абстрактна-разумовыя паняцці, апрадмечаныя прыметы, якасці, стан, адчуванні, працэсы: ідэалу, патрыятызму, звычаю, цяжару, скрыпу, крыку, густу, гонару, розуму, гневу, клопату, блакіту, смеху, сну;

– назвы дзеяння: ходу, прыезду, бегу, запісу;

– прасторавыя і часавыя паняцці: верху, усходу, луку, тэрміну, часу, краю;

– назвы рэчываў: цукру, мёду, супу, клею, ячмню, снегу, вугаллю, шакаладу, торфу, пяску;

– зборнасць: хмызняку, ядлоўцу, бэзу, вішняку, калектыву, чаю, бору, лазняку, лесу;

– назвы хімічных элементаў і лякарстваў: бору, цынку, аспірыну, кадмію, кіслароду;

– назвы грамадскіх фармацый, плыняў, навуковых тэорый: рэалізму, імпрэсіянізму, дарвінізму, феадалізму, абстракцыянізму;

– назвы захворванняў: грыпу, радыкуліту, ларынгіту, каліту, атэрасклерозу;

– назвы з'яў прыроды, стыхій: ветру, грому, холаду, выбуху, золаку, світанку;

– назвы падзей грамадскага жыцця: фестывалю, кірмашу, рэферэндуму, сходу, фэсту [5].

Розныя канчаткі маюць назоўнікі роднага склона ў залежнасці ад лексічнага значэння: трэ-

цяга лістапада (назва месяца) – пара лістападу (працэс, з’ява); лісце ясеня (дрэва) – стол з ясенню (матэрыял). Гэта ўласціва таксама некаторым амонімам: геаграфічнага атласа (зборнік карт) і чорнага атласу (тканіна); зубнога бора (інструмент) і састаў бору (хімічны элемент) [6].

Увогуле мовазнаўцы выдзяляюць да 40 семантычных груп, з якімі трэба суаднесці той або іншы назоўнік, каб свядома вызначыць патрэбны канчатак.

Не лінгвісту зрабіць гэта даволі складана, таму ў многіх лінгвістычных слоўніках паказаны канчаткі назоўнікаў мужчынскага роду адзіночнага ліку ў родным склоне. Частотнасць ужывання роднага склона ў навукова-тэхнічнай тэрміналогіі надзвычай высокая, хоць на першы погляд здаецца, што тэрмінаў, ужытых ў родным склоне, іх не так і многа – з 6 тысяч тэрмінаў выдзелены толькі 414, але яны паўтараюцца шматразова ў тэрмінах-словазлучэннях у спалучэнні кожны раз з іншымі словамі і ўтвараюць двух-, трох-, чатырох-, пяці- і больш кампанентныя тэрміналагічныя словазлучэнні. Таму ўвага да гэтай граматычнай катэгорыі назоўнікаў абгрунтавана.

Пры вызначэнні канчатка роднага склона аўтары, вядома ж, абапіраліся на лексічнае значэнне тэрміна, але была зроблена спроба суаднесці, па магчымасці, лексічнае значэнне са словаўтваральнымі элементамі, якія ўваходзяць у склад тэрміна, і прааналізаваць, ці паслядоўна тэрмін з пэўным суфіксам мае адзін і той жа канчатак у родным склоне.

Разгледзім тэрміны па інфарматыцы. Папершае, усе яны ўжыты з англійскай мовы з інфарматыцы, якая стала асноўнай крыніцай стварэння тэрміналогіі па інфарматыцы. У разглядаемых тэрмінах прысутнічаюць асноўныя пласты англійскай лексікі – гэта грэцызмы, лацінізмы, інтэрнацыяналізмы, уласна англійскія словы з розных сфер выкарыстання.

Пры перадачы англамоўных тэрмінаў на беларускую мову выкарыстоўваліся два асноўныя спосабы. Першы – гэта неперакладныя тэрміны, якія пададзены ў беларускай фанетычнай апрацоўцы – т. зв. спосабам транслітарацыі. Напрыклад: біт, байт, бод, інтэрфейс, кэш, мадэм, дысплей, драйвер, эсэмблер, дамп, спрайт, экстэнт і інш. Другі – пераклад тэрмінаў лексічнымі сродкамі беларускай мовы: адрэзак, апісальнік, гурт, выступ, вузел, барабан, відарыс, гадзіннік, завяршальнік, кіраўнік, ланцуг, мост, множник, начальнік, паўслова, радок, радзяляльнік, слоўнік, участак, адказ, дадатак, вывад, увод, выраз, запіс, збор, зрух, лік, крок, дазвол, набор, паварот, прамежак, уваход, улік, час, счывальнік, уладальнік, хвост, прыёмаперадатчык і інш.

Пры вызначэнні канчаткаў тэрміна неабходна было, перш за ўсё, аднесці яго да пэўнай лексічнай групы. Але варта звярнуць увагу і на

фармальны паказчык і адзначыць, што значная колькасць тэрмінаў мае ў сваім складзе фармант – *тар*: адміністратар, адаптар, акумулятар, аналізатар, аператар, аптымізатар, бібліятэкар, вінчэстар, дыктар, вертыфікатар, генератар, дэскрыптар, імітатар, дэшыфратар, ідэнтыфікатар, ініцыялізатар, індыкатар, інтэрпрэтар, кампаратар, кампілятар, камп’ютар, канвентар, карэктар, квантар, кластар, мадыфікатар, макраянератар, макрапрацэсар, паўсуматар, перфаратар, праграматар, прынтар, псеўдакаментатар, рэдактар, спецыфікатар, сінтэзатар, суматр, транслятар, трансп’ютар, фарматар, шыфратар, эмулятар. Усе пералічаныя словы маюць канкрэтнае лексічнае значэнне – прадмета, устройства, прыстасавання, якое выконвае пэўную функцыю. Усе яны ў адпаведнасці з лексічным значэннем слова патрабуюць канчатка *-а*.

Што да слова «фактар», то яно паказана ў лінгвістычных слоўніках з паралельным канчаткам. Калі абазначае істотныя абставіны, то мае канчатак *-у*; калі гаворка ідзе пра чалавека, тады ўжываецца канчатак *-а* [7]. Гэта адзінае слова з пералічаных, якое можа ўжывацца з паралельным канчаткам, а ў інфармацыйнай тэрміналогіі мае толькі канчатак *-а*.

Такім чынам, усе тэрміны з суфіксам *-тар* маюць у родным склоне канчатак *-а*.

Тэрміны, якія маюць фарманты *-нік-*, *-льнік-*, *-чык-* таксама патрабуюць канчатка *-а*, паколькі маюць канкрэтнае значэнне – асобы, прадмета, прыстасавання, навуковага тэрміна. Напрыклад: абмежавальнік, графапобудоўнік, завяршальнік, запаўняльнік, гадзіннік, зламыснік, кадзіравальнік, карыстальнік, кіраўнік, лічыльнік, множник, назапашвальнік, начальнік, падручнік, паказальнік, пашыральнік, пераключальнік, пераўтваральнік, праграмавальнік, прамавугольнік, прыёмнік, прыметнік, радзяляльнік, счывальнік, складнік слоўніка, удакладняльнік, указальнік, уладальнік.

Толькі тэрмін «вынік» ужываецца з канчаткам *-у* (выніку), але ў гэтым выпадку слова бясуфікснае, тут «нік» з’яўляецца не суфіксам, а часткай кораня. Канчатак *-у* абгрунтаваны семантычным значэннем абстрактнасці, звязаным з дзеяннем. Гэты тэрмін у лінгвістычным сэнсе – аддзяслёны назоўнік, які мае абстрактнае значэнне [8].

Тэрміны, якія ўжываюцца з суфіксамі *-оў + к-*, *-оў + шчык-*, таксама патрабуюць канчатка *-а*, паколькі маюць значэнне канкрэтнасці: загалоўка, апрацоўшчыка, кампануюшчыка, планіроўшчыка, распрацоўшчыка.

Тэрміны з суфіксамі *-ізм-* паслядоўна ўжываюцца з канчаткам *-у*, паколькі маюць абстрактнае значэнне. Пераважная колькасць тэрмінаў, якія маюць канчатак *-у*, – гэта словы з працэсуальным значэннем. Іх можна суаднесці з дзеясловамі (здабытку, замеры, аналізу, адказу, абмену, выбару,

выкліку, дазволу, закону, набору, раздзелу, уваходу, уліку, уводу, пераходу, пераводу, павароту, прагону, разбору, уліку і інш.). Акрамя аддзяслёўных назоўнікаў канчатак *-у* маюць словы з абстрактным значэннем (эфекту, стасунку, спосабу, колеру, інтэлекту, абсягу, масіву, метаду, ліміту, літаралу, бюджэту, біту і інш.).

Праведзены аналіз дазваляе зрабіць наступныя вывады. Разгледжаныя тэрміны па інфарматыцы, якія ў сваёй аснове маюць суфіксы *-тар-*, *-нік-*, *-льнік-*, *-чык-*, *-оў + к-*, *оў + шчык*, паслядоўна ўжываюцца з канчаткам *-а*.

Выключэннем з'яўляецца тэрмін «вынік», дзе «нік» не з'яўляецца суфіксам, а часткай каранёвай марфемы, і тэрмін «фактар», які мае два значэнні, таму адпаведна два канчаткі, у суадноснасці з лексічным значэннем, а ў інфарматыцы ўжываецца з канчаткам *-а*.

Тэрміны з суфіксам *-ізм-* ужываюцца толькі з канчаткам *-у*.

Заклучэнне. Такім чынам, фармальныя элементы – названыя суфіксы назоўнікаў – з'яўляюцца сродкам, які дапамагае вызначыць выбар канчатка ў родным склоне назоўнікаў мужчынскага роду. У тэрміналогіі па інфарматыцы, ведаючы, што тэрміны з суфіксам *-тар-*, *-нік-*, *-льнік-*, *-чык-*, *-оўк-*, *-оўшчык-* маюць у родным склоне канчатак *-а*, а з суфіксам *-ізм-* – канчатак *-у*, пры вызначэнні канчатка можна карыстацца толькі гэтым фармальным паказчыкам і не абпірацца на лексічнае значэнне слова або выкарыстоўваць яго ў якасці дапаможнага.

Літаратура

1. Сямешка, Л. І. Курс беларускай мовы: падруч. / Л. І. Сямешка, З. І. Бадзевіч. – Мінск: Універсітэцкае, 1996. – С. 312.
2. Арфаграфічны слоўнік / Склад. Н. С. Лявер. – Мінск: Парадокс. – 368 с.
3. Беларуская мова: у 2 ч. Ч. 1. Фанетыка. Арфаэпія. Графіка. Арфаграфія. Лексікалогія. Фразеалогія. Марфемная будова слова і словаўтварэнне. Марфалогія: падруч. / Я. М. Адамовіч [і інш.]: пад агульн. рэд. Л. М. Грыгор'евай. – 4-е выд. – Мінск: Выш. шк., 2001. – С. 161–162.
4. Сучасная беларуская літаратурная мова: марфалогія Н. В. Гаўрош [і інш.]; пад агульн. рэд. праф. М. С. Яўневіча. – Мінск: Выд. Ул. М. Скакун, 1997. – С. 70–72.
5. Кривицкий, А. А. Белорусский язык для говорящих по-русски / А. А. Кривицкий, А. Е. Михневич, А. И. Подлужный. – 3-е изд. – Минск: Выш. шк., 1990. – С. 117.
6. Слоўнік беларускай мовы. Арфаграфія. Арфаэпія. Акцэнтацыя. Словазмяненне / Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа АН БССР; пад рэд. М. В. Бірылы. – Мінск: БелСЭ, 1987. – 903 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / Рэд. М. Р. Судніка [і інш.]. – Мінск: БелЭН, 1996. – 784 с.
8. Бардовіч, А. М. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А. М. Бардовіч, М. М. Круталевіч, А. А. Лукашанец. – Мінск: Беларуская навука, 2000. – 413 с.

ГІСТАРЫЧНАЯ ПАМЯЦЬ ЯК СРОДАК ПАТРЫЯТЫЧНАГА ВЫХАВАННЯ

This article deals with historical memory as a mean of patriotic upbringing. The historical memory and historical consciousness, the cultural basis of students play the most important role in reinforcing the security and the stability of the state. Main educational actions organized by Belarusian language department to raise patriotic awareness of students are presented here. The description of ideological filling of patriotic upbringing is given in this article. Experience of Belarusian language department of BSTU in this field is summarized and illustrated.

Уводзіны. Адным з прыярытэтных напрамкаў культурнай палітыкі Беларусі з'яўляецца захаванне гістарычнай спадчыны, адпаведна і гістарычнай памяці. Дзякуючы паслядоўнай палітыцы нашай дзяржавы вяртаюцца з небыцця гарады, пасёлкі, вёскі. Многія з іх ужо сёння сталі культурнымі і турыстычнымі цэнтрамі Беларусі. Варта згадаць Комплексную доўгатэрміновую праграму развіцця г. Полацка, Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка і інш. Менавіта ў Полацку Прэзідэнт нашай краіны А. Р. Лукашэнка адзначыў важным той факт, што беражлівае захаванне гістарычнай памяці цягам стагоддзяў дапамагае беларусам з гонарам вытрымліваць выпрабаванні, памнажаць славу роднай зямлі. «Гістарычная памяць – гэта фундамент патрыятызму, аснова высакароднага пачуцця любові і павагі чалавека да сваёй Айчыны. Нам добра вядома, да чаго можа прывесці забыццё гістарычнага мінулага і пагарда да правяраных стагоддзямі маральных каштоўнасцяў, на якіх трымаецца пераемнасць пакаленняў. Непазбежнымі наступствамі такога занябання памяці народа з'яўляюцца крах дзяржаў і гуманітарныя катастрофы, што прыводзяць да чалавечых ахвяр, шматлікіх трагедый у лёсах людзей і цэлых краін», – сказаў кіраўнік дзяржавы. Тэа важныя ўрокі маральнасці, якія вынес наш народ з гісторыі, асабліва неабходны сучаснаму маладому пакаленню, якое без гістарычнай памяці асуджана на бездухоўнасць і нігілізм. Дакрананне да вытокаў свайго роду і роднай зямлі, нашай спадчыны абуджае і фарміруе асобу чалавека, дапамагае адчуваць повязь пакаленняў і ўсведамляць сябе грамадзінам сваёй Радзімы. Вывучэнне мінулага – апора і сродак патрыятычнага выхавання.

Асноўная частка. Выхаванне патрыятызму заснавана на развіцці ў асобе такіх якасцяў, як дабрыня, спагадлівасць, міласэрнасць, далучанасць да духоўных нацыянальных і інтэрнацыянальных каштоўнасцяў. Да нацыянальных каштоўнасцяў адносяць любоў да таго месца, дзе нарадзіўся і вырас, да Бацькаўшчыны, веданне гістарычнага мінулага сваёй краіны, захаванне народных традыцый, сваёй самабытнасці, адданасць нацыянальнай культуры, мове.

Перадача духоўнага вопыту ад аднаго пакалення да другога грунтуецца перадусім вакол

роднага слова. Фарміраванне этнічнай памяці, захаванне народных традыцый, перадача духоўнага вопыту аднаго пакалення другому сродкамі роднай мовы – аснова нацыянальнай свядомасці. Пазбавіўшыся роднай мовы і этнічнай памяці, чалавек перастане ўсведамляць сябе суб'ектам канкрэтнай культурнай ідэнтыфікацыі. Нельга не разумець спрадвечнай ісціны: структура і змест кожнай нацыянальнай мовы ўвасабляе характар і менталітэт нацыі, яе жыццёвую псіхалогію і філасофію.

Менавіта нацыянальная мова, вусна-паэтычная творчасць, мастацкая літаратура, яе героі і сімвалы пакідаюць у спадчыну нашчадкам сваё разуменне Бога, добра і зла, высакароднага і каштоўнага, тым самым уносячы свой уклад у сусветную скарбонку агульначалавечай культуры.

Вядомы прафесар філалогіі В. Протчанка сцвярджаў: «Без этнічнай памяці няма традыцый, без традыцый – культуры, без культуры – духоўнасці, без духоўнасці – выхавання, без выхавання – асобы, а без асобы – кансалідаванага грамадства, здольнага вытрымаць любыя павароты гісторыі».

Сапраўды, нельга недаацэньваць высокі выхаваўчы патэнцыял роднага слова для духоўнага сталення моладзі. Таму ўзбагачэнне практычных заняткаў і экзаменацыйных білетаў адпаведна падабранымі і ідэалагічна выверанымі тэмамі не толькі ўдасканальвае маўленчую культуру студэнтаў, але і ўмацоўвае іх гістарычную памяць. Сучасны спецыяліст, гатовы працаваць на карысць Беларусі, абавязаны ўсебакова ведаць самыя разнастайныя аспекты роднай гісторыі і культуры. Толькі такі падыход дазволіць выхаваць сапраўднага патрыёта, які будзе дбаць пра інтарэсы дзяржавы і ўсведамляць сваю адказнасць за яе лёс.

Сусветны вопыт сцвярджае, што дзяржава можа стаць заможнай толькі тады, калі ў ёй жыць людзі, здольныя яе абараняць, ствараць матэрыяльныя і духоўныя каштоўнасці. Спакон вякоў наш народ быў народам-патрыётам, народам-абаронцам, але яго патрыятызм праяўляўся не ў захопніцтве і агрэсіі, а ў стваральнай дзейнасці на роднай зямлі. Менавіта гэта дазволіла беларускаму народу вытрымаць суровыя выпрабаванні гісторыі і захаваць спрадвечныя беларускія каштоўнасці міру і працы. Паводле

К. Д. Ушынскага, толькі нацыянальнае выхаванне можа стаць асновай сацыяльнага і эканамічнага прагрэсу. Сённяшня моладзь якраз і кансалідуецца на стварэнне моцнай і квітнеючай Беларусі, таму веданне мінулага, выкарыстанне багатага вопыту нашых папярэднікаў, дзядоў і прадзедаў спрыяюць развіццю творчага патэнцыялу студэнтаў, іх грамадзянскай актыўнасці і патрыятызму.

Шэраг студэнцкіх канферэнцый, праведзеных кафедрай толькі за 2000–2007 г. (13), іх багатае ідэалагічнае напавненне (тэмы: «Патрыёты Бацькаўшчыны», «Беларусь – мая Радзіма», «Мой край – мае карані», «Ніхто не забыты, нішто не забыта», «Скарбы спадчыны духоўнай», «Назвы роднай зямлі», «Твой гонар, Бацькаўшчына» і інш.) абуджаюць гістарычную памяць і жаданне глыбей спазнаць нашу мову, гісторыю, культуру, што цалкам адпавядае мэтам дзяржаўных праграм «Моладзь Беларусі», «Маладыя таленты Беларусі» і рэспубліканскай акцыі «Жыву ў Беларусі і тым ганаруся».

Дзяржаўная маладзёжная палітыка накіравана сёння на стварэнне неабходных умоў для найбольш поўнай рэалізацыі працоўнага, творчага і інтэлектуальнага патэнцыялу моладзі, развіцця іх духоўна-маральных якасцяў. Неабходна фарміраваць у маладых людзей глыбокае разуменне, што ім патрэбна не толькі асэнсоўваць працоўны і гераічны подзвіг нашага народа, але і ўсведамляць асабістую адказнасць за будучыню сваёй краіны. Менавіта на выкананне дзяржаўных задач арыентавана праца кафедры беларускай мовы, што знаходзіць практычную рэалізацыю ў працы студэнцкага аб'яднання «Пошук».

Студэнцкае аб'яднанне створана ў 2006 г., у склад яго ўваходзяць гурткі «Памяць», «Мая Радзіма – Беларусь», «Выток», «Спадчына», «Пазнай свой край», «Крыніца», «Патрыёт». Студэнцкае аб'яднанне «Пошук» з'яўляецца адной з форм арганізацыі навукова-даследчай, ідэалагічнай і ідэйна-выхаваўчай працы ў ВНУ і ставіць на мэце падтрымліваць і развіваць таленавітую моладзь, павышаць яе адукацыйна-культурны ўзровень, выходзяць грамадзянскасць і патрыятызм, спрыяць самарэалізацыі студэнтаў праз іх удзел у найбольш значных акцыях і мерапрыемствах, якія праводзяцца ва ўніверсітэце і краіне.

Каб лепш ведаць родную спадчыну, свае карані, наша студэнцтва вывучае назвы мясцін свайго краю, адлюстраванне ў іх падзей беларускай гісторыі. Многія навуковыя працы студэнтаў па ўсебаковым вывучэнні малой радзімы адзначаны Дыпламамі Спецыяльнага фонду Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь па падтрымцы таленавітай моладзі і адпаведнымі катэгорыямі («Асаблівасці беларускага вяселля» – студэнтка Казлоўская Г. І.; «3 гісторыі паходжання тапонімаў Крупска-

га раёна» – Буйвідовіч В. В.; «Тапонімы геаграфічных аб'ектаў сейлавіцкай зямлі» – Падамацка С. Г.; «Тапонімы Ганцавіцкага раёна» – Дулік Г. С.; «Асаблівасці традыцыйнай вясельнай абраднасці беларусаў на Гродзеншчыне (XIX–XX стст.)» – Мялешка Т. А.; «Тапонімы Пухаўшчыны» – Рымараў А. В.; «Гісторыя вёскі Перхавічы» – Кіпель Т. У.; «Сучасны фальклор вёскі Ляды Чэрвеньскага раёна Мінскай вобласці» – Ільючык В. В.; «Сцежкамі гісторыі ільянскіх яўрэяў» – Шушкевіч Д. А.; «Вытокі паходжання гідронімаў Браслаўскага краю» – Маслякова М. А.).

У ліку навуковых прац, адзначаных катэгорыямі, пэўнае месца займаюць і тыя, якія накіраваны на павышэнне ролі сям'і і адказнасці бацькоў за выхаванне дзяцей («Сямейная палітыка: гісторыя і сучаснасць» – Бычкоўская В. А.; «Цяжарная жанчына ў традыцыйнай культуры Беларусі» – Чарнушэвіч Д. В.; «Беларускае вяселле і актуальнасць яго асвятлення ў беларускім друку» – Казлоўская Г. І.). Вытокі раскрыцця дадзенай тэматыкі сягаюць у далёкае мінулае. Гістарычная памяць утрымлівае вопыт нашых продкаў у адносінах да сямейных дачыненняў. Сямейныя каштоўнасці яшчэ ў глыбокай старажытнасці лічыліся падмуркам і самай неабходнай умовай існавання любой дзяржавы наогул. Непавага да аўтарытэту сям'і была сур'ёзным злачынствам супраць грамадскай маралі. Такая сувязь мінулага і сучаснасці ў сямейнай палітыцы, пераемнасць у захаванні галоўных каштоўнасцяў чалавечага жыцця надаюць дэмаграфічнай палітыцы беларускай дзяржавы асаблівую важнасць.

Пытанне дэмаграфічнай бяспекі дзяржавы – асабісты клопат Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. Кіраўніцтвам беларускай дзяржавы распрацавана старанна прадуманая і паслядоўная праграма па ўмацаванні аўтарытэту сямейных каштоўнасцяў і ахове мацярынства. Непарушны аўтарытэт сям'і і шлюбу, павага да мацярынства і асабістая адказнасць чалавека за стварэнне здаровай сям'і з'яўляюцца галоўнымі элементамі патрыятызму, што цалкам усведамляецца студэнцкай моладдзю.

Вядучае месца ў выхаванні любові да сваёй вялікай і малой радзімы адводзіцца крывянаўчым гурткам. Падрыхтоўка тэматычных праектаў – даследаванняў малой радзімы студэнтаў, правядзенне экскурсій і падарожжаў, стварэнне фотаэкспазіцый – далёка не поўны пералік мерапрыемстваў, праведзеных гэтымі гурткамі. У рэчышчы рэспубліканскай акцыі «Жыву ў Беларусі і тым ганаруся» за 2005–2007 гг. арганізавана 24 экскурсіі па Беларусі, з іх 14 – за межамі Мінска. Да такіх знамянальных падзей, як 125-годдзе са дня нараджэння народных паэтаў Беларусі Янкі Купалы і Якуба Коласа, праведзены экскурсіі і падарожжы на іх радзіму, а

таксама экалагічна-культурніцкая акцыя «Мой родны кут». Далучэнне да паэтычнай спадчыны, багацця творчай індывідуальнасці Я. Купалы і Я. Коласа фарміруюць у моладзі такія якасці асобы, як мэтанакіраванасць, павагу да чалавека працы, клапацілівыя адносіны да роднай зямлі і яе багаццю.

Спрыяюць паглыбленню гістарычнай памяці музейныя заняткі на базе музеяў г. Мінска (толькі за 2005–2007 г. арганізавана звыш 2000 наведванняў музеяў і выстаў), а таксама экскурсійныя заняткі ў музеі БДТУ, дзе лектарамі з'яўляюцца студэнты.

Мэтай гуртка «Памяць» з'яўляецца фарміраванне павагі да сваёй Радзімы, гонару за яе мінулае і сучаснае. Падзеі страшнай і ў той жа час гераічнай вайны, падзвіг беларускага народа ў барацьбе з фашысцкай пошасцю сталі прадметам навуковых і творчых даследаванняў студэнтаў (тэматычныя радаводы «Вайна праз лёс маёй сям'і», выставы, стварэнне генеалагічнага дрэва, прэзентацыі, праца ў архівах). Арганізацыя сустрэч з ветэранамі, выступленні ў ваенных шпіталях, Дамах ветэранаў – даніна павагі і памяці.

Самыя цесныя стасункі мае кафедра беларускай мовы з рэспубліканскім аб'яднаннем «Блакаднікі Ленінграда ў Беларусі» (старшыня – Ягадніцына Марыя Давыдаўна). Правядзенне сустрэч, агульнауніверсітэцкіх вечарын, прагляд відэафільмаў аб блакадным Ленінградзе, правядзенне куратарскіх гадзін – усё гэта абуджае патрыятычную свядомасць студэнтаў.

Да інтэрнацыянальных каштоўнасцей адносяцца такія, як глыбокая павага да традыцый, культуры кожнай нацыі, імкненне спазнаць духоўную спадчыну іншых народаў, дружба, супрацоўніцтва і ўзаемасувязь нацый, непрымірымасць да праяў нацыяналізму, ксенафобіі і расізму. Гістарычная памяць і інтэрнацыяналізм – тая аб'яднальная ідэя, якая бярэ пачатак,

па словах Прэзідэнта, яшчэ ад Ефрасінні Полацкай. «Духоўнасць і інтэрнацыяналізм – тыя рысы беларускага народа, якія мы не павінны страціць», – падкрэсліў Кіраўнік дзяржавы.

Стала добрай традыцыяй кафедры беларускай мовы праводзіць штогадовы фестываль «Зямлі адзінай людзі», які знаёміць студэнтаў з культурным скарбам іншых народаў, што супольна з намі будуюць незалежную Беларусь.

Да асвятлення матэрыялаў па тэме «Халакост: гісторыя і сучаснасць» на II Рэспубліканскім конкурсе работ школьнікаў, студэнтаў і выкладчыкаў, які праводзіцца Саюзам яўрэйскіх арганізацый і абшчын, Музеям гісторыі і культуры яўрэяў Беларусі пры падтрымцы Міністэрства адукацыі і Камітэта па справах нацыянальнасцей Рэспублікі Беларусь, далучыліся і нашы студэнты. Нясцерпна страшныя матэрыялы, узятыя з архіваў, са слоў відавочцаў, балюча адгукнуліся ў сэрцах моладзі. Так, такое нельга забыць, як і нельга дапусціць, каб у нашай міралюбівай краіне зноў узніклі праявы антысемітызму.

Заклучэнне. Ведаючы, якой цаной дасягнуты сённяшні мірны дзень, мы будзем цаніць спакой і цеплыню роднай Бацькашчыны. Бяспамяцтва – гэта духоўная і фізічная смерць, памяць – жыццё. Дык давайце ж цаніць здабытыя для нас трывалыя патрыятычныя каштоўнасці: нацыянальную свядомасць, годнасць, выхаванне павагі да гісторыі краіны і лёсу народа, роднай мовы, народных традыцый, звычаяў, культуры. Толькі глыбока прадуманая, сістэмная і паслядоўная выхаваўчая праца выкладчыцкага калектыву дазволіць вырашыць актуальную для нашага часу задачу – выхаваць грамадзяніна-патрыёта, які будзе не толькі ведаць і цаніць гістарычнае мінулае сваёй Айчыны, але і будаваць трывалы дом незалежнай Беларусі. Вопыт мінулага, гістарычная памяць – нам у гэтым падмога.

РАЗВІЦЦЁ ТВОРЧАГА ПАТЭНЦЫЯЛУ АСОБЫ СТУДЭНТА Ў ВУЧЭБНА-ВЫХАВАЎЧЫМ ПРАЦЭСЕ

In this work we handle the problems of forming creative personality in the process of teaching native language, we offer the development model of creative student's potential and define optimum ways of students progress in professor's obligatory and extracurricular activity, the effectiveness of which attains provided realization of the system of demands assigned by pedagogical and psychological education. The developing and activating methods of organization of educational process presuppose the stimulation and the development of creative activity of the student.

Уводзіны. Рэфармаванне сістэмы адукацыі Рэспублікі Беларусь, якая ажыццяўляецца ў рамках новай педагагічнай парадыгмы, ставіць на першы план праблему фарміравання творчай асобы, думаючага спецыяліста, прафесіянала.

Сутнасць творчасці адносіцца да ліку найбольш складаных праблем, якія нязменна прыцягваюць увагу даследчыкаў. Творчы пачатак з'яўляецца асноўнай рысай, якая вызначае жыццяздольнасць чалавека, яго статус ва ўмовах зменлівай рэчаіснасці.

Неабходнасць удасканалення адукацыі абумоўлена шэрагам фактараў: па-першае, узнікненнем новых інфармацыйных тэхналогій, якія апераджаюць развіццё маральнай сферы грамадства; па-другое, новым статусам адукацыі як найбольш дынамічнага фактара сацыяльных працэсаў; па-трэцяе, арыентаваннем новай айчынай школы на гуманістычныя каштоўнасці, адной з якіх з'яўляецца творчая асоба.

Усведамляючы той факт, што атрыманне адукацыі з'яўляецца адным з самых працаёмкіх відаў дзейнасці, у адукацыі ініцыіруецца далейшы пошук эфектыўных шляхоў фарміравання творчай асобы.

Асноўная частка. У працы прадстаўлена мадэль развіцця творчага патэнцыялу асобы студэнта, яго крэатыўнасці, выяўлены аптымальныя шляхі яго развіцця: самаактуалізацыя і развіццё інтэлекту. У ходзе аналізу былі ўстаноўлены прыёмы і метады выкладчыцкай дзейнасці па развіцці пазнавальнай актыўнасці і творчага патэнцыялу асобы студэнта, таксама вызначаны складальнікі творчасці як дзейнасці: мэты, сэнс, формы, вынік.

Навуковае асмысленне феномена крэатыўнасці (крэатыўнасць – ад лац. *creatio* – тварыць, ствараць) характарызуецца адсутнасцю адзінага, выразна сфармуляванага азначэння яе сутнасці, структуры і механізмаў развіцця, што стварае мноства разнастайных падыходаў шматлікіх даследчыкаў. Відавочна, што навуковае вывучэнне праблем крэатыўнасці павінна ажыццяўляцца ў цеснай сувязі з даследаваннем праблемы творчасці. Істотны ўклад у вывучэнне апошняй, а таксама ў працэс фарміравання творчай асобы, актывізацыі творчай дзейнасці чалавека ўнеслі беларускія даследчыкі Н. В. Навум-

чык, У. П. Пархоменка, І. М. Розет, С. Я. Астрэйка, Н. Ф. Вішнякова і інш.

У дадзены момант даследчыкі прапануюць разглядаць творчасць у наступных асноўных аспектах: адоранасць, працэс, прадукт, асоба і асяродак. Амерыканскі вучоны Дж. Гілфард адзначае, што творчасць не з'яўляецца дарам нямногіх выбраннікаў, насупраць, гэтай якасцю надзелена ўсё чалавецтва ў большай ці меншай ступені, творчы патэнцыял размеркаваны раўнамерна сярод усяго роду чалавечага, але геніі надзелены гэтай якасцю ў значна большай ступені, чым іншыя [1]. Адоранасць – адзін з элементаў унутранага свету чалавека. Вядома, што ўсе дзеці ад прыроды валодаюць творчым пачаткам для развіцця сваіх здольнасцей. Творчым людзям характэрны пэўныя асобасныя рысы, набор якіх забяспечвае высокі ўзровень развіцця крэатыўнасці. Сюды ўваходзяць самастойнасць меркаванняў, упэўненасць у сабе, здольнасць знаходзіць эстэтычную прыцягальнасць у цяжкасцях, рызыкаваць. І калі маладыя людзі не знаходзяць вартаснага развіцця, то вінаватыя ў гэтым дарослыя (або больш шырока – грамадства, соцыум), якія або не стварылі ўмоў, неабходных для развіцця іх прыродных магчымасцей, або пагасілі творчы пачатак дагматычнымі метадамі навучання і выхавання.

Задачай кожнага педагагічнага калектыву павінна быць стымуляванне творчай думкі, развіццё пазнавальнай актыўнасці і крэатыўнай дзейнасці студэнтаў, забеспячэнне планамернасці, сістэмнасці і непарыўнасці ў дасягненні пастаўленай мэты, а таксама заахвочванне навучэнцаў, якія імкнуцца праяўляць сябе. Як сцвярджаюць вядучыя педагогі, творчая асоба становіцца мэтай адукацыйнай сістэмы, калі для гэтага маюцца сацыяльныя, матэрыяльныя і маральныя перадумовы.

Немалаважна, што стварэнне спрыяльнага клімату для творчай асобы праводзіць да змянення сацыяльнага статусу студэнта, дазваляе змяніць «каштоўнасцю арыентацыю» ўсіх студэнтаў ў групе, павысіць прэстыж творчага мыслення, што, у сваю чаргу, уплывае на развіццё творчых здольнасцей усіх навучэнцаў.

Адным з вядучых прынцыпаў арганізацыі вучэбна-выхаваўчага працэсу з'яўляецца дзейс-

ны падыход, сутнасць якога выражаецца ў наступным: пры арганізацыі названага працэсу неабходна імкнуцца да разнастайнасці арганізацыйных форм і метадаў дзейнасці. У педагагічным працэсе выкарыстоўваюць шэраг відаў дзейнасці: пошукава-пазнавальная, даследчая, камунікатыўная, каштоўнасна-арыента-ваная і г. д., якія спрыяюць развіццю творчага патэнцыялу студэнта. Неабходна заўважыць, што кожная дзейнасць павінна мець характэрны для яе ў той ці іншай ступені творчы пачатак і быць мэтанакіраванай і выніковай.

Важнымі паказчыкамі крэатыўнасці з'яўляюцца наступныя: бегласць мыслення, якая азначае багацце і разнастайнасць ідэй, асацыяцый, што ўзнікаюць паводле самага нязначнага стымулу; гібкасць мыслення, якая характарызуецца здольнасцю пераходзіць дастаткова хутка ад адной катэгорыі да другой, ад аднаго спосабу рашэння да другога; арыгінальнасць – здольнасць ствараць суб'ектыўна новае, адказ ад шаблонаў і штампаў; а таксама асноўнымі характарыстыкамі арыгінальнасці мыслення з'яўляецца самастойнасць, незвычайнасць, дасціпнасць. На думку А. Л. Якаўлевай, якая распрацавала канцэпцыю творчай асобы, заснаванай на рэалізацыі ёю ўласнай індывідуальнасці, істотным паказчыкам крэатыўнасці з'яўляецца эмацыянальная рэакцыя, г. зн. адносіны чалавека да працэсаў і з'яў аб'ектыўнага свету (да свету, да іншых людзей, да сябе). Аўтар лічыць эмацыянальныя рэакцыі і стан чалавека самадастатковым праяўленнем індывідуальнасці. Асноўнай умовай развіцця творчага патэнцыялу асобы з'яўляецца, на думку даследчыка, трансфармацыя кагнітыўнага (пазнавальнага) сэнсу ў эмацыянальны, дзе праблемай становіцца не выконваемае чалавекам заданне, а эмацыянальныя адносіны да дадзенага задання [2].

Паказчык «інтэлектуальная ініцыятыва» ў складзе крэатыўнасці займае асаблівае месца. Найбольш поўна і фундаментальна гэты паказчык распрацавала Д. Б. Богаяўленская, якая лічыць, што інтэлектуальная ініцыятыва адлюстроўвае пазнавальную і матывацыйную характарыстыкі творчасці і вызначае ступень актыўнасці асобы ў рашэнні пазнавальных задач [3].

Аналіз педагагічнай практыкі, у прыватнасці, пры выкладанні роднай мовы, дазваляе зрабіць высновы, што многія якасці творчай асобы пры пэўных умовах могуць быць не толькі развіты, але і сфарміраваны занова. Па-першае, гэта творчыя навыкі і здольнасці, якія фарміруюцца ў працэсе дзейнасці, найперш, ўзровень творчай актыўнасці. Па-другое, навуковая арганізацыя творчай дзейнасці. І, нарэшце, інтуітыўныя працэсы, натхненне, творчая рызыка, – важныя кампаненты творчасці. Адна з задач падрыхтоўкі маладога спецыяліста – надаць усім згаданым якасцям устойлівы характар здольнас-

цей. Акрэслім накірункі выкладчыцкай дзейнасці па развіцці творчай дзейнасці студэнтаў: 1) выяўленне творчага патэнцыялу студэнтаў шляхам выканання імі творчых заданняў; 2) сістэмны падыход да фарміравання агульнай культуры асобы студэнта; 3) выкарыстанне новых адукацыйных тэхналогій у вучэбным працэсе; 4) арганізацыя навукова-даследчай працы найбольш таленавітых студэнтаў.

Эфектыўнасць вучэбнага і выхаваўчага працэсу ў многім вызначаецца ўменнем выкладчыка арганізаваць педагагічны кантакт са студэнтам. Неад'емнай часткай яго з'яўляецца супрацоўніцтва і асобна-арынтаваны падыход. Толькі ва ўмовах сумеснай творчай дзейнасці выкладчыка і студэнта, г. зн. ва ўмовах асобнага ўзаемадзеяння паміж імі, можа быць станоўчы вынік. Зразумела, што немалаважнай умовай для рашэння абазначаных праблем з'яўляецца выхаванне выкладчыкам уласнай крэатыўнасці [4]. Каб развіваць творчыя здольнасці студэнтаў, ён сам павінен быць творчай асобай, імкнуцца да пераадолення ў сабе сілы інерцыі, шаблону, фармальнага падыходу да выкладання свайго прадмета. Чым актыўней выкладчык уключыцца ў развіццё адоранасці студэнтаў, тым хутчэй грамадства атрымае прафесійна арыентаваных і псіхалагічна ўстойлівых маладых людзей, здольных плённа працаваць, рэалізоўваць свой творчы патэнцыял.

Зыходзячы з прыкладаў выкладання роднай мовы, фарміруецца сутнасць асноўнай вучэбна-пазнавальнай дзейнасці творчага ўзроўню – інтэрпрэтацыя, перанос ведаў, мадэрнізацыя, камбініраванне, мадэліраванне, імправізацыя, прагназаванне, праектаванне і г. д.

Інтэлектуальнай асновай прыёмаў рашэння творчых задач выступаюць творчыя здольнасці – здольнасці да генерыравання ідэй, асацыятыўная бегласць, адаптатыўная гібкасць, арыгінальнасць мыслення, уяўленне [5]. Творчая, а не рэпрадуктыўная дзейнасць з'яўляецца больш эфектыўным педагагічным сродкам. Адсутнасць залішняй рэгламентацыі, шаблону ў дзейнасці выкладчыка дазваляе студэнтам у большай меры праяўляць свае індывідуальныя асобныя якасці. Кожны павінен мець магчымасць выказаць свае думкі ў пісьмовай ці вуснай форме па заяўленай тэме, мець права на свой спосаб дзейнасці. Аднак выкладчык усё ж такі павінен стымуляваць студэнтаў да праяўлення імі актыўнасці, самастойнасці, творчасці, ініцыятывы. Плануючы творчую дзейнасць, неабходныя арганізацыйныя формы яе правядзення, арганізуючы ўзаемадзеянне са студэнтамі, выкладчык імкнецца да ўключэння ў працэс кожнага навучэнца. Педагог павінен зацікавіць яго, падштурхнуць да ўдзелу, і толькі тады гэта дзейнасць будзе з'яўляцца эфектыўным педагагічным сродкам. Існуе некалькі найбольш устойлівых прынцыпаў, якія

спрыяюць стварэнню на занятках атмасферы творчасці і развіцця.

Па-першае, сам выкладчык павінен дэманстраваць жывое мысленне.

Па-другое, веды на занятках не павінны прад'яўляцца ў гатовым выглядзе, а выводзіцца, фармулявацца шляхам калектыўнага разважання на аснове папярэдніх ведаў, мінулага вопыту студэнтаў.

Па-трэцяе, асноўнай мэтай заняткаў павінна быць стварэнне педагагічных сітуацый, калі паспяхавыя працуюць думка, інтуіцыя, дагадка [6].

Мэтай аўдыторнай і пазааўдыторнай працы са студэнтамі з'яўляецца выяўленне творчых схільнасцей студэнтаў, самавыражэння ў творчай дзейнасці. Вучэбная і выхаваўчая праца кафедры беларускай мовы спланавана так, што дазваляе развіваць пазнавальныя інтарэсы студэнтаў, іх творчыя здольнасці праз розныя формы практычнай рэалізацыі. Эфектыўнымі формамі працы па фарміраванні творчага патэнцыялу навучэнцаў з'яўляюцца: напісанне рэфератаў, творчых праектаў, навуковых прац, даследаванняў, падрыхтоўка выступленняў на канферэнцыях, сустрэчы са знакамітымі людзьмі краіны, разнастайныя конкурсы, віктарыны, выставы, музейныя заняткі, культпаходы ў тэатры, выязныя экскурсіі і г. д., якія знаёмяць студэнтаў з гісторыяй, традыцыямі, народнай творчасцю роднага краю, дазваляюць развіваць у іх уменні і навыкі самастойнай працы, глыбокага асэнсавання матэрыялу і разнастайных падходаў да рашэння творчых, інтэлектуальных і пазнавальных задач, што сёння надзвычай актуальна. Дзяржаўныя праграмы «Маладыя таленты Беларусі», «Моладзь Беларусі» якраз і арыентуюць нас на развіццё ў моладзі творчага патэнцыялу для іх самарэалізацыі.

У здзяйсненні пастаўленых мэт і задач істотна дапамагае дзейнасць студэнцкага аб'яднання «Пошук» пры кафедры беларускай мовы, куды ўваходзяць гурткі рознапланаванага характару, дзе вопытныя выкладчыкі фарміруюць навыкі навукова-даследчай дзейнасці студэнтаў, ствараюць умовы для рэалізацыі іх творчых здольнасцей у працэсе гэтай дзейнасці. У склад гурткоў уваходзяць творчыя і ініцыятыўныя студэнты, якія характарызуюцца багаццем думак і ідэй. Неабходна зазначыць, што вучэбна-выхаваўчая праца выкладчыкаў кафедры скіравана на становачы вынік. Студэнты дэманстру-

юць выдатныя поспехі сваёй творчай дзейнасці на конкурсах розных узроўняў. Як вынік, нашы студэнты штогод займаюць высокія месцы і атрымліваюць дастойныя ўзнагароды.

Заклучэнне. Такім чынам, метадыка паэтапнай арганізацыі развіцця творчага патэнцыялу студэнтаў дазваляе ім набыць наступныя навыкі і ўменні: гатоўнасць да інавацый; уменне крытычна мысліць; уменне прымаць арыгінальныя, новыя рашэнні; самастойнасць у бачанні і рашэнні праблемы; ініцыятыву; пачуццё адказнасці; гатоўнасць да ўспрымання новай інфармацыі; здольнасць да бесперапыннай адукацыі і г. д. Пры фарміраванні творчай дзейнасці акцэнт робіцца на актыўны ўдзел кожнага студэнта, яго зацікаўленасць, актуалізацыю яго жыццёвага вопыту, развіццё яго індывідуальнасці, самарэалізацыю і самасцвярджэнне асобы. Прадстаўленныя кампаненты крэатыўнасці асобы дазваляюць сцвярджаць, што фарміраванне гэтых якасцей у якой-небудзь адной галіне дзейнасці цягне за сабой перанос творчых здольнасцей на любую іншую сферу (сацыяльную, вытворчую, камунікатыўную, бытавую і інш.).

Развіццё творчага патэнцыялу найперш спалучана з патрэбамі дзяржавы ў грамадска карыснай дзейнасці, таму фарміраванне сацыяльнай актыўнасці моладзі скіраваны на вырашэнне тых задач, у аснове якіх значыцца павышэнне адукацыйнага ўзроўню моладзі, іх самарэалізацыі.

Літаратура

1. Guilford, J. P. Some theoretical views on creativity / J. P. Guilford // *Contemporary approaches to psychology* / Н. Nelson (Ed.). – N. Y., 1967.
2. Яковлева, Е. Л. Психология развития творческого потенциала личности / Е. Л. Яковлева. – М.: МПСИ, 1997.
3. Богоявленская, Д. Б. Пути к творчеству / Д. Б. Богоявленская. – М.: Знание, 1989.
4. Граф, В. А. Основы организации учебной деятельности и самостоятельной работы студентов / В. А. Граф, И. И. Ильясов, В. Я. Ляудис. – М.: Педагогика, 1981.
5. Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения / В. В. Давыдов. – М.: Педагогика, 1986.
6. Метод. рекомендации по рациональной организации самостоятельной работы студентов / сост. И. И. Цыркун. – Минск: БГПУ им. М. Танка, 2001.

ВОБРАЗЫ ФАУНЫ Ў ТВОРЧАСЦІ ЯНКІ КУПАЛЫ

The article dwells upon images of Belarusian fauna as one of genre and stylistic features of J. Kupala's poetic heritage. The character of this or that fauna image shows peculiar features of Belarusian mentality. Some aspects of this artistic approach are vividly seen in the creative activity of Ya. Kupala. In the process of solving the question about the national idea images of the Belarusian fauna are prevailing and deal with the fate of Belarusian people, their national self-determination because each nation has their own traditions, their history of development, their mythology, their olympia of pagan gods and their own worship of living beings.

The analysis of Ya. Kupala's creative work in the context of a continual European literary process reveals the eternal vital problems of the essence of human beings' life in the mysterious and unique light of national and irrational existence.

Уводзіны. Так сталася ў беларускай культуры, што вялікія народныя песняры Я. Купала і Я. Колас увайшлі ў гісторыю сусветнай літаратуры галоўнымі напрамкамі сваёй творчасці як нацыянальныя сімвалы беларушчыны, як найлепшыя прадстаўнікі свайго народа і выбітныя знаўцы народнага жыцця, з якога яны чэрпалі вытокі свайго неўміручага таленту.

Аналіз творчасці Янкі Купалы ў кантэксце несупыннага агульнаеўрапейскага мастацкага працэсу ярка высвечвае спрадвечна актуальныя праблемы існасці чалавечага існавання ў загадкавым і непаўторным паэтычным свеце рацыянальнага і ірацыянальнага быцця. Адным з феноменаў творчай лабараторыі нашага класіка з'яўляецца ўвядзенне вобразаў фауны, якія досыць выразна акцэнтаваны на тэматычна-сюжэтным, вобразна-выяўленчым, сэнсавым-сімвалічным і агульнаэстэтычным узроўнях.

Асноўная частка. Вызначэнне характару функцыянавання тых ці іншых вобразаў фауны паказвае на падкрэслена карэктны напамінак пра існаванне і асаблівасці беларускага (а не любога іншага) менталітэту. Пэўныя аспекты такога творчага падыходу да вырашэння нацыянальнай ідэі метадалагічна важныя, дамінантныя і цалкам датычацца лёсу беларуса, яго нацыянальнага самавызначэння. Бо толькі пэўны народ мае сваю гісторыю, сваю міфалогію, свой сонм язычніцкіх багоў і свой татэм жывых істот.

Свет прыроды беларуса немагчыма ўявіць без вобразаў птушак, звяр'яў і жывёл. Нашым паэтам беларускі пейзаж бачыцца з бусламі на лугах і балотах, з коньмі ў расе, зубрамі і лясамі ў пушчах. Наогул, у беларускай паэзіі чуюцца вялікае сугучча птушыных галасоў, і ў наш час, калі ў Чыр'юную кнігу занесены сотні відаў птушак і жывёл, яе можна назваць своеасаблівым даволі каштоўным духоўна-экалагічным запаведнікам. Таму і не дзіўна, што сярэднім шматлікім арніталагічным вобразаў беларускай фауны, адлюстраваных у паэзіі, найбольш вылучаюцца вобразы птушак. Іх пералік ужо толькі ў адным вершы Алеся Гурло «Нашы птушкі» не можа не захапіць сваёй энцыклапедычнас-

цю, бо ўтрымлівае 44 найменні. Ці ж гэта не Купалава традыцыя? Бо наш геніяльны творца ўжо ў першых сваіх вершаваных вопытах актыўна звяртаўся да арніталагічных вобразаў. Напрыклад, 12 сакавіка 1906 г. ён напісаў верш-прытчу «Каршун». Гэты твор, па сутнасці, яшчэ далёка не адышоў ад традыцыі вуснай народнай творчасці, бо мае траісты паўтор дзеяння, персаніфікаваныя вобразы, ды і манеру гучання паэт надаў яму больш эпічную, чым паэтычную. На карысць гэтага сцвярджэння сведчыць і павучальны тон апошніх радкоў: каршун (носьбіт зла) жорстка пакараны за крыважэрнасць, бо ён паляваў на бездапаможную хатнюю птушку не толькі з той мэтай, каб натапіць свой голад, а больш хацеў нацешыць палюўнічы азарт, таму адной ахвяры яму паказалася мала. Вядомы балгарскі фалькларыст, паэт і перакладчык Н. Вылчаў, які, дарэчы, пераклаў гэты верш на балгарскую мову, адзначыў паэтычную вартасць дадзенага твора і ўключыў яго ў хрэстаматыю па сусветнай літаратуры як узор класічнага гукавога і вобразнага ўвасаблення. Сапраўды, рытм у паэтычным свеце Купалы займае выключнае месца, адыгрывае надзвычайную ролю. Бо прасякае сабой усе структуры верша і не толькі фармалізаваныя (кананічныя), але і сэнсатворныя, нападуняючы пры гэтым паэтычныя вобразы пэўным дынамізмам і непаўторнасцю.

Да вобраза каршуна даволі часта звяртаўся і Якуб Колас. Так, герой верша «З турмы» рады нават крыку «каршуна ў высі ненагляднай» – драпежнай птушцы, ды над сваім полем ці падвор'ем, ды на вольнай волі, а не тут, у зацятай адзіноце турэмных сцен.

Чатыры Купалавы вершы прысвечаны яшчэ адной крыважэрнай птушцы – гургану. Але ў кожным з іх роля птушкі мяняецца, калі ў першым, датаваным 1908–1909 гг., гурган вясце дзяўчыне пра крывававу бою і пагібель яе каханага, у другім аднайменным вершы гурган пастаянна суправаджае сялянна ў час палявых работ «і наклікае бяду» (1919), то ў байцы «Гурган і салавей» (1914) творца паказвае

хітрасць і няшчырасць крыважэрца і кемлівасць высакароднага салаўя, які адхіляе прапанову гургана на сваяцтва. А вось верш «Гурганы», таксама датаваны 1914 г., наогул выбіваецца з алегарычнага кантэксту, бо пад вобразамі ўсходняга і заходняга гургана паэт выводзіць непамерныя апетыты на беларускія землі царскай Масквы і панскай Варшавы. Гэты твор ужо выразна палітычнага гучання, востры і бескампрамісны, з лейтматывам нацыянальнага самавызначэння беларусаў.

Але любімай птушкай песняра з'яўляецца зязюля, спрадвечная варажбітка, вяшчунка долі, прадвесніца шчаслівых і нешчаслівых падзей у жыцці кожнага чалавека. Такая асноўная паэтычная інтэрпрэтацыя гэтага звыкллага, але выбітнага вобраза, які сваімі вытокамі карэніцца ў фальклоры. У вершы «А зязюлька кукавала...», напісаным у Акопах у 1921 г., створаны яркі вобраз птушкі-прадказальніцы, які паўстае як спадарожніцы чалавечага лёсу. Тут зязюля сваім куваннем сцвярджае хуткаплынны кругабег чалавечага жыцця:

Як на свет радзіўся Янка,
Як заплакаў многа-мала, –
Пела маці над калыскай,
А зязюлька кукавала... [1; с. 103].

У маладыя гады галоўнаму герою верша Янку – аратаму, сейбіту, музыку і проста шчыраму, працавітаму чалавеку – зязюлька зычыла долю, у сталыя – долю ягоным дзецям і ўнукам, і вось спр адвечна куку е яна над ягонай магілай... Цікава, што Аляксандр Твардоўскі на П з'ездзе пісьменнікаў Беларусі ў 1949 г. цытуючы дадзены верш, адзначыў, што Купала сапраўды з поўнай прамай мога сам пра сябе пры жыцці скласці песню, як на свет радзіўся Янка. Гэта праўда вялікага сапраўднага паэта зрабіла твор знакамітым. Словы «Як на свет радзіўся Янка...» актыўна выкарыстоўвалі ў сваёй творчасці М. Браўн і А. Бачыла, а Сымон Баранавых да верша «А зязюлька кукавала...» нават падабраў народную музыку.

Наогул верш стаў знакавым у Беларускай культуры. У 1972 г. выйшаў паўнаметражны дакументальны фільм «А зязюлька кукавала...» рэжысёра В. Дашука, у якім расказваецца пра лёс Я. Купалы. Мастак П. Сергіевіч на тэму верша «А зязюлька кукавала...» стварыў трыпціх: «Калыханка», «Ясевы універсітэты», «Сейбіт». Беларускія кампазітары А. Туранкоў, А. Валынчык, Б. Кавалеўскі, П. Падкавыраў, У. Тэраўскі, М. Чуркін і іншыя клалі твор на музыку. Твор перакладзены на 12 моў свету, у тым ліку на англійскую, французскую, нямецкую, чэшскую, балгарскую.

Традыцыйны вобраз любімай птушкі, але ўжо як прадказальніцы новага, светлага ладу жыцця, Купала з любоўю выводзіць у вершы «Алеся», датаваным 1935 г.:

Кукавала зязюля
У зялёным лесе,
Не згадала матуля,
Што выйдзе з Алесі.

Як набралася моцы
Матчына дачушка,
Паляцела да сонца
Пералётнай птушкай [2, с. 65].

Зноў жа твор у сваёй экспазіцыі мае тры паўторы, як і народны верш, але два з іх нясуць жыццесцвярджальную праўду пра ўсталяванне нязнаных раней ідэалаў жаночай долі ў новым грамадстве. Смелая дзяўчына-лётчык сама ўжо ўпадабляецца «пералётнай птушцы», якая «самалётавым крыллем / Воблакі калыша».

І гэтым Купалавым вершам зацікавілася сусветная літаратура, бо ён перакладзены на 22 мовы свету. А арніталагічны вобраз зязюлі ўпадобілі іншыя мастакі слова.

Голас зязюлі хваляваў душу і сэрца хворага Максіма Багдановіча, які звяртаецца да птушкі з просьбай: «Не куй ты, шэрая зязюля, / Сумным гукам у бары; / Мо і скажаш, што я жыці буду, / Але лепш не гавары» [3, с. 82]. З часоў «Слова аб палку Ігаравым» гэтая птушка з'яўляецца алегорыяй вобраза жанчыны-пакутніцы. Такі погляд зрэдку выяўляецца і ў сучаснай паэзіі. Сустрэкаецца і матыў шкадавання зязюлі як гаротніцы, птушкі няшчаснай долі: «Каго ж яна так гукала / Пасля зімовай разлукі? / За што ёй такая кара? / За што ёй такія мукі?» [4, с. 308], – задае рытарычнае пытанне Анатоль Грачаннікаў.

Анатоль Сербантовіч у зборніку «Жаваранак у зеніце» таксама шмат увагі надае арніталагічным вобразам, сярод якіх значнае месца адводзіць зязюлі, бо сцвярджае, што «Яна – матуля з вечным горам», вартая спачування. Але зязюля вяшчэе не толькі трывожнае, яна – птушка вясны, кахання, шчасця: «Лягчэй вясну без хлеба перажыць, / Чым без зязюлі» – адзначаў Рыгор Семашкевіч. Аднак найчасцей зязюля сваім куваннем нагадвае пра хуткі бег жыцця. Таму паэты просяць яе не лічыць гады.

Куванне зязюлі як прадвесце чарнобыльскай бяды, гора, смерці паказана ў паэме Сяргея Законнікава «Зязюля» (1996).

Пасля Чарнобыля сэнсавая трактоўка вобраза зязюлі стала драматычнай. Гэтая птушка зрабілася маўклівай, з атручаным голасам, скупой на сваё куванне (вершы А. Лойкі «Скупая зязюля», З. Дудзюк «Не прыляціць у мой куток зязюля...» і інш.).

У паэтычнай творчасці Янкі Купалы часта ўжываецца найменне такіх птушак, як сокал («Вецер, і сокал, і я»), арол («Арліныя крыллі», «Арлянтам»), голуба і галубкі (легенда «Паляўнічы і пара галубкоў», «Голуб і дзяцюк»), кані і іншых птушак. Нарвежскі даследчык Марцін Наг зазначаў, што паэтычная і фаль-

клорна-сімвалічная дамінанты арніталагічных вобразаў у беларускага песняра тоесныя ўспрымання іх нарвежскай літаратурай, бо звязаны з народнай традыцыяй і з настроем трывогі, пошуку, радасці і расчаравання паэта. Пэўную канкрэтызацыю іх дае час напісання твора. І гэта слушна. Напрыклад, у паэтычным зборніку «Ад сэрца», выдадзеным у 1940 годзе, безліч разоў паўтараецца эпітэт арліны: «арліная сям'я», «арліныя крылы», «арліны палёт», «арліныя вочы» «арліныя высь» і г. д.

Анамалістыка і арніталагістыка заўсёды цікавіла чалавецтва ў цэлым, імі не маглі не цікавіцца аўтары старадаўніх манускрыптаў, стваральнікі шматлікіх фальклорных твораў. Бо вобразы жывёл і птушак вандравалі па многіх помніках мастацтва, пачынаючы з паданняў, старадаўніх міфаў, народнага эпасу, біблейскіх сюжэтаў. Напрыклад архетып «голуб» прыйшоў да нас з «Бібліі», таксама як і архетыпы «рыба», «ягня», «вол», «колас», «сейбіт» і інш.

Таленавітыя паэты і ёсць перакладчыкі мовы птушак і звяроў на мову вершаваную, гэта людзі, якія ўмеюць тонка і глыбока пранікнуць, ужыцца ў норавы, паводзіны, псіхалогію жывых істот. Сярод анамалістычных вобразаў Купалы найчасцей сустракаюцца воўк і конь, хця прысутнічаюць таксама вол і асёл. Але драпежны воўк, яго выцце бы запаўняе частку вершаў Я. Купалы першай паловы творчасці. Ваўку і ваўкалаку паэт прысвяціў асобныя вершы. Гэтыя істоты палюхаюць сэрца жывога чалавека:

Зубам ляскоча аб зуб
Вочы палаюць агнём;
Стаў, як калода, як слуп,
Стаў і азваўся выццём.
Выў сярод дрэмлючых ніў,
Як бы на суд каго зваў,
Хто сатварыў, спарадзіў,
Хто узрасціў, гадаваў [5, с. 106].

Воўк блукае, «шнуруе туды і сюды», не ведае жалю. У Купалы гэта істота ўвасабляе сілы зла, страху, цемры, сквапнасці, жорсткасці, нават помстлівасці. Звер то «выццём закалыша прастор», то «шчэрыць зубы ў злоснай грымасе», а то «заскугоча ў сцішнай жалбе».

Падобная да купалаўскай трактоўка драпежнага вобраза ваўка ў нашай паэзіі мела працяг. Аднак тады, калі гэтага зверу пачалі паўсюдна знішчаць як шкодніка, раптам адносіны паэзіі да яго памяняліся. І гэта выявіла і засведчыла характэрную экалагічную рысу беларускай паэтычнай свядомасці: творцы слова заўсёды шкадавалі жывое, не прымалі гвалту, жорсткасці. Стала заўважным, як пачалі паэты-

завацца вартасці ваўчынага роду: сямейнасць, незалежнасць, адвага, мацярынская самаахвярнасць. Наогул, наша паэзія асуджае бяздушнае паляванне, браканьерства, забойства падобных сабе.

Свет жывёл у беларускай паэзіі разнастайны, але нельга не заўважыць, што на прядні план тут выходзіць вобраз каня.

Конь у далёкай старажытнасці абагаўляўся, у яго гонар спраўляліся розныя рытуалы. У славян-земляробаў гэтая жывёліна зрабілася незаменным памочнікам у працы, яе апекавалі і бераглі. Адносіны да каня ў беларускай паэзіі адухоўлена-ўшанавальныя, спагадныя, гуманістычныя. Бо коні і аралі, і цягалі бярвенне, прайшлі разам з чалавекам праз усе войны. Іх заслугам і вартасці Янка Купала не прысвяціў асобнага верша, але вобраз каня скразны ў творчасці нашага класіка.

У беларускай паэзіі мы сустракаем вобраз каня як сімвал руху, волі, палёту. Нярэдка вобраз каня для паэтаў – гэта магчымасць выказаць нешта душэўнае, асабістае ці ідэйна значнае (вершы Л. Галубовіча «Яшчэ раз пра коней», А. Пісьмянкова «Белы конь» і інш.).

Заклучэнне. Такім чынам, у разуменні эстэтычных пошукаў Я. Купалы ключавой становіцца тэма нацыянальнага адраджэння. Да галоўных нацыянальных каштоўнасцей паэт адносіць Радзіму, род, мову, фауну і флору бацькаўшчыны.

У той жа час тэма птушак і звяроў дае нам уяўленне пра жывую прыроду, навакольны свет і свет унутры нас саміх. Паэтычнае стаўленне да жывых істот раскрывае духоўны воблік усёй нацыянальнай літаратуры, выяўляе стан маралі і чалавечнасці на зямлі.

Літаратура

1. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1996. – 2003. – Т. 4: Вершы, пераклады 1915–1929. – С. 103.
2. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ. – Т. 5: Вершы, пераклады 1930–1942. – 1998. – С. 65.
3. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – С. 82.
4. Грачанікаў, А. Калі далёка ты... Выбраная лірыка / А. Грачанікаў. – Мінск: Маст. літ., 1979. – С. 308.
5. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1996. – 2003. – Т. 2: Вершы, пераклады 1908–1910. – С. 106.

ВИДОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

The article regards research and application of the Russian verb tense forms, types of specific situations in which these forms are used. While studying imperfective aspect verb forms, attention is paid to the situations that cover ongoing process, or have general factual meaning. While studying perfective aspect verb forms, the verb with specific factual meaning are mainly emphasized. Some verb groups, not related to the mentioned above forms, are recommended to be introduced to students vocabulary in the study of specific topic. The attention is paid to the necessity of learning all verb forms in various text types.

Введение. Как известно, изучение видовременных форм глагола начинается с частного видового значения русского глагола: процессного, конкретно-фактического, обобщенно-фактического, повторяющегося и значения постоянного отношения (постоянно-непрерывное). При работе над частными видовыми значениями учитываются типы видовых ситуаций, в которых реализуются данные значения.

Основная часть. В зависимости от использования глагольных форм совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) видов в конкретных частных значениях выделяют разные типы видового контекста.

Так, при изучении форм НСВ процессного значения внимание обращается на ситуации, которые охватывают протекающий процесс (переход от одного состояния к другому), а также определенный период в протекании процесса без указания на завершенность: *Она смотрела на него, слушала и запоминала все. Он слышал, как недалеко шумел водопад. Я видел, как падают снежинки.*

Особое внимание обращается на конкретные ситуации типа процесс – факт, факт – процесс, среди которых можно выделить несколько подтипов:

1) процесс – наступление факта в один из моментов протекания действия: *Когда я подошел к дому, я встретил брата.*

2) процесс – наступление факта как предела, прекращения действия: *Студенты писали контрольную работу, пока не зазвонил звонок.*

3) наступление факта – последующий связанный с ним процесс: *Они остановились и долго еще о чем-то говорили.*

4) наступление факта – протекание процесса, фиксируемое через определенный промежуток времени, когда процесс уже прошел начальную стадию своего осуществления и находится в «фазе полного развертывания»: *Водитель покрутил заводную ручку и через минуту грузовик уже ехал по дороге к переправе.*

Известно, что формы НСВ обобщенно-фактического значения функционируют прежде всего как факт высказывания: – *Ты сдавал экзамен? – Да, сдавал. – Ну и как? – Сдал на*

отлично. – Расскажи ему об этом. – Я уже рассказывал.

Функционирование форм НСВ со значением обобщенного факта связано с целостностью действия, вытекающей из контекста и лексического значения глагола, или с тем, что сама целостность или нецелостность действия не является чем-то существенным для содержания высказывания.

В особую группу выделяются глаголы НСВ с обобщенно-фактическим значением, допускающим представление об аннулированности результата в момент речи. К ним относятся глаголы типа: 1) *приходить, уходить, заходить, входить*; 2) *ложиться, садиться, вставать*; 3) *открывать, включать, надевать, снимать, оставлять, давать, брать*. Напр.: 1) *Когда Андрей уезжал, его провожали друзья* (указания на процесс действия). 2) *Каждый раз, когда он уезжал на родину, его провожали друзья* (указания на многократность действия). 3) *Утром врач приходил к больному, осмотрел его и уехал в поликлинику* (указания на аннулированность результата в момент речи (врач приходил к больному – был у больного, но потом ушел и в момент речи находится в другом месте). 4) *Врач пришел к больному и сейчас осматривает его* (глагол СВ указывает на сохранение результата в момент речи (врач пришел к больному – в момент речи он у больного)).

При изучении частных видовых значений НСВ и СВ необходимо обратить внимание на группу глаголов, которые не употребляются в процессном значении: глаголы понимания (*понимать, разбираться* в чем-либо, *знать* и др.), глаголы, обозначающие функционирование предмета или возможность функционирования как способ существования предмета (*Ручка пишет. Врач лечит. Компьютер работает. Мать воспитывает детей*), некоторые глаголы эмоционального состояния (*любить, ненавидеть, чувствовать, молчать* и др.). Подобные глаголы обозначают неопределенно-длительное состояние и в большинстве своем не имеют соотносительного глагола СВ. Действия, выраженные этими глаголами, не описывают конкретных событий, они дают только общую ха-

рактистику. Но если в контексте имеются такие слова, как *впервые, первый раз, с первого взгляда, в тот момент* и т. п., указывающие на момент возникновения состояния в прошлом, то используется форма СВ. (Сравнить: *В молодости она любила этого человека. Она полюбила его с первого взгляда.*)

Русский глагол, как известно, может иметь в своем значении пространственные, временные, количественные признаки, т. е. значения способа действия, с которыми студенты-иностранцы знакомятся параллельно с изучением частных видовых значений.

Следует обратить внимание учащихся на то, что в ряде случаев значение способа действия совмещается со значением только одного вида. В этом смысле особого внимания требуют глаголы *недлительно-ограничительного* (приставка *по-*) и *длительно-ограничительного* (приставка *про-*) способов действия: *постоять две минуты, поплавать два часа, поработать три часа* и *простоять три часа, проплавать несколько часов, проработать целый месяц*. Глаголы этих способов действия не связаны с конкретно-процессным значением. Они констатируют действие, длительность которого имеет предел. Но в них нет динамичности течения действия, нет описания процесса, протекающего во времени, и поэтому они употребляются в форме СВ: *Он посидел, поговорил, почитал* и *Я оглянулся и увидел: ребята выходили из школы; Мы немного погуляли, побродили по парку* и *Он взглянул в окно: по улице медленно шел человек в шубе*.

При изучении глаголов *начинательного* способа действия следует уделить особое внимание глаголам, которые сочетаются с приставками *за-* и *по-*: *заговорить, закричать* (глаголы речи), *засмеяться, заплакать, загрустить* (глаголы эмоционального состояния), *застучать, зазвенеть, загреметь* (глаголы звучания), *заходить, забегать* (глаголы движения типа *ходить*), *побежать, поплыть* (глаголы движения типа *идти*).

В *конкретно-фактическом* значении широко употребляются глаголы СВ одноактного способа действия с суффиксом *-ну-* (*крикнуть, кивнуть, взглянуть*), глаголы говорения и глаголы звучания с приставкой *про-* (*проговорить, прошептать, промолвить, прозвенеть, прозвучать*) и приставочные глаголы движения типа *идти*. Глаголы движения СВ с приставками *до-, про-, об-, пере-* употребляются с конструкцией *за сколько времени*, указывающей на время, затраченное на достижение цели пути; глаголы движения СВ с приставками *при-, за-, в-, у-, вы-, по-, от-*, а также другие глаголы, допускающие представление о движении в обратном направлении, – с конструкцией *на сколько времени*, обозначающей срок завершения действия

в будущем (при условии, что действие не повторяется).

Следует заметить, что с конструкцией *на сколько времени* могут употребляться глаголы как СВ, так и НСВ, потому что видовое значение (аннулированность и сохранение результата действия к моменту речи) более актуально, чем временной фактор. Выбор вида в подобном случае может зависеть от контекста, ситуации или коммуникативной цели высказывания. (Сравнить: *Он приехал в Минск на два дня и теперь осматривает город. В прошлом году он приезжал в Минск на два дня, но ничего не успел посмотреть.*)

Конкретно-фактическое значение характерно для глаголов СВ с приставкой *по-*, мотивированных прилагательными и обозначающих изменения качественного состава предмета (*похудеть, потолстеть, постареть, помолодеть, поседеть, помрачнеть, порозоветь, побледнеть*), с приставкой *о-* (*об-*), которые также словообразовательно связаны с именами прилагательными (*опустеть, охладеть, ослабеть, осмелеть*) и для глаголов с приставкой *раз-* (*рас-*) (*растолстеть, располнеть, развеселиться, раскраснеться*).

Разные группы слов по-разному проявляют себя в видовых ситуациях в зависимости от значения. По-разному ведут себя глаголы, называющие действие предмета, указывающие на состояние и свойства предметов и глаголы существования. Глаголы существования (глаголы абсолютного НСВ) выражают различные отношения, и потому их можно выделить в несколько групп: глаголы пространственного значения (*находиться, стоять, лежать, висеть, размещаться*); глаголы существования (*быть, иметься*); глаголы отношения (*соответствовать, зависеть, относиться, включать*) и др.

Некоторые вышеуказанные глаголы широко употребляются в текстах описательного типа (описание портрета и черт характера человека, описание города, описание жилища, различные географические и этнографические описания), поэтому рекомендуется использовать на занятиях тексты типа «Описание родного города», «Описание улицы», «Любимые места на Родине», в которых будут использованы глаголы со значением существования, местонахождения.

В художественной литературе широко употребительны глаголы со значением «быть видимым в каком-то цвете» – *белеть, голубеть, чернеть, краснеть*, глаголы со значением света и запаха – *светить, сиять, блестеть, пахнуть*, а также глаголы, обозначающие природные физические процессы, – *греть, лить, цвести, расти*. Глаголы НСВ этих групп могут быть использованы при прохождении разговорных тем «Природа. Времена года», «Человек и природа», «Путешествие по родной стране».

Несколько групп глаголов, несоотнесительных по виду, могут быть введены в словарный запас учащихся при работе над разговорной темой «Человек. Портрет. Характер». Например, многочисленная группа глаголов эмоционального состояния (*любоваться, восхищаться*), глаголы со значением восприятия (*видеть, смотреть, слушать*), глаголы со значением физического и психического состояния (*грустить, волноваться*), глаголы со значением конкретного физического действия (*работать, преподавать*), глаголы речи и глаголы движения типа *идти* и *ходить* (без приставок).

В последнее время при изучении вопросов, связанных с функционированием видо-временных форм русского глагола, лингвисты все чаще обращаются не к анализу отдельных предложений, а к анализу абзацев или определенных структурных единств, например, сложного синтаксического целого. Именно большие отрезки текста позволяют описать ситуацию во всем ее многообразии.

В работах по синтаксису текста вводится понятие микротекста (минимального текста) и макротекста (максимального текста). По мнению А. А. Акишиной, микротексты определяются одной микротемой и представляют собой определенного типа единство. Микротексты, в свою очередь, могут объединяться в группы, образуя макротексты.

В зависимости от функций языка существуют разновидности текстов. Так, А. А. Акишина выделяет два типа текстов, исходя из двух основных функций языка: тексты-сообщения (тексты информационного типа) и тексты эмоционально воздействующие. Внутри текстов-сообщений выделяются описательные, повествовательные, анализирующие. «Для описательных текстов характерно широкое использование таких семантических групп глаголов, как глаголы существования, глаголы наличия чего-либо и т. д.» [1]. «Содержанием повествовательного текста является передача последовательных действий во времени. Для такого типа текстов будут характерны предложения, сказуемые которых выражены глаголами, передающими действие. Весь текст в этом случае организуется путем последовательной смены глаголов, обозначающих определенные отрезки действий и слов с семантикой времени, напр.: «Старик проснулся, кряхтя и охая поднялся с постели, подошел к окну, отдернул занавеску» (А. П. Чехов). В повествовательных текстах можно выделить два типа:

1) тексты построены таким образом, что каждый новый предикат передает следующий отрезок действия. Напр.: *Он взял ручку и задумался. Прошло довольно долгое время, прежде чем он написал первую фразу: «Дорогой мой друг». Рука снова замерла.*

2) тексты построены таким образом, что первый (вводящий) предикат обозначает действие-обобщение в то время как медиальная часть МТ разворачивает это обобщенное действие в цепочку последовательных конкретных действий. Напр.: *Мальчик делал уроки. Он сидел за столом, заваленным книгами, писал какие-то упражнения, шептал что-то. Иногда он отрывал глаза от книги и рассеянно смотрел вокруг...» [1]*

Различные по типу тексты имеют свои характерные особенности, в том числе особенности в употреблении видо-временных форм. Поэтому уже на начальном этапе обучения необходимо обращать внимание учащихся на особенности функционирования видо-временных форм в текстах различных типов. Например, в научной прозе (язык учебной и научной литературы по специальности) чаще употребляются формы настоящего времени глаголов НСВ в значении постоянного отношения, не связанного с временной протяженностью. В художественной литературе (проза, пьесы) – формы настоящего, прошедшего и будущего времени НСВ (в микротекстах описательного типа в прозе или в ремарках), обозначающие действие или состояние, которые имеют неограниченную временную протяженность, т. е. действие охватывает определенный период времени и в рамках этого периода оно представлено как постоянное и непрерывное.

Необходимо познакомить студентов с образительной и качественно-описательной функциями видо-временных форм глаголов НСВ. Так, в описаниях природы, описаниях жилища, характеристиках действующих лиц, как правило, употребляются глаголы НСВ, несоотнесительные по виду (*река протекала, горы тянулись, синели озера, темнели леса* и т. д.). Формы глаголов НСВ в качественно-описательной функции представлены в описательных текстах – портретных характеристиках действующих лиц. Формы глаголов СВ конкретно-фактического значения употребительны в повествованиях (тип видового контекста – цепь действий).

Заключение. Таким образом, следует отметить, что эффективность обучения видам глаголов во многом зависит от правильной методики, проявляющейся, прежде всего, в выборе специальных упражнений. Необходимо рассматривать особенности функционирования видо-временных форм глаголов не только в пределах отдельного предложения, но и в рамках сложного синтаксического целого и текста.

Литература

1. Акишина, А. А. Структура целого текста / А. А. Акишина. – М., 1979.

ЛЕСАГАСПАДАРЧАЯ ТЭРМІНАЛОГІЯ Ў АСПЕКЦЕ ГЕНЕТЫЧНЫХ ПЛАСТОЎ МОВЫ

The work considers forestry terminology in the historic perspective of Indo-European, Slavonic, East Slavonic and actually Byelorussian genetic strata. Lexical component was investigated on basis of etymological analysis of the definite lexico-semantic groups of the forestry terminology: dendronim names, parts of the tree, forest tracts, actions, implements, forest production. Identical forestry terms comparison of the given groups in Byelorussian, Russian, Ukrainian, Polish, Czech and Baltic languages gave an opportunity to trace the fate of many lexical units over a period of their historic development. Special attention is paid to formation and development of the Byelorussian stratum of forestry terminology.

Уводзіны. Адзін з магчымых ракурсаў лінгвістычнага даследавання лесагаспадарчай тэрміналогіі беларускай мовы – гэта вывучэнне яе складу ў аспекце генетычных пластоў. Лексічны кампанент даследаваўся ў сувязі з этымалагічным вывучэннем пэўных лексіка-семантычных груп лесагаспадарчай тэрміналогіі, што дало магчымасць прасачыць лёс многіх лексічных адзінак на працягу гістарычнага развіцця беларускай мовы.

Тэрміналагічная сістэма лясной гаспадаркі як адна з паўнапраўных тэрміналагічных сістэм беларускай мовы з'яўляецца прадуктам гістарычнага развіцця грамадства і аб'ектыўна адлюстроўвае ўсе этапы яго сацыяльна-эканамічнага існавання. У сувязі з гэтым важны гістарычны падыход да лексікі мовы. Гісторыка-этымалагічны аналіз тэрмінаў лясной гаспадаркі дае каштоўны матэрыял для вывучэння гісторыі фарміравання лексічнай сістэмы беларускай мовы.

Лексіка лясной гаспадаркі з'яўляецца найбольш архаічным пластом і мае цесныя сувязі з іншымі лексіка-тэматычнымі групамі, такімі, як этнанімія, фітанімія, заанімія, рэльеф, традыцыйнымі найменнямі бытавых рэалій і многімі іншымі. Усебаковае вывучэнне семантычных і генетычных сувязей лесагаспадарчай лексікі адкрывае шырокае магчымасці для ўстанаўлення паходжання многіх тэрмінаў, дазваляе ўнесці новыя версіі ў этымалогію лексем, якія пакуль да канца не растлумачаны.

Апісанне паходжання слова праз генетычнае супастаўленне з іншымі словам як зыходным, а таксама рэканструкцыя яго першаснай формы праводзіцца ў этымалагічных слоўніках як айчынных, так і замежных лінгвістаў. Вывучэнню паходжання лексікі прысвечаны лінгваграфічныя даследаванні, асобныя артыкулы, аднак генезіс многіх лексічных адзінак застаецца яшчэ не высветленым.

Асноўная частка. Гістарычная лексікалогія, а дакладней, этымалогія, дае сёння навукова абгрунтаваную перыядызацыю развіцця лексікі і ў сувязі з гэтым вылучае індаеўрапейскі, агульнаславянскі, агульнаўсходнеславянскі і ўласнабеларускі генетычныя пласты ў беларускай мове. Звычайна да гэтых пластоў могуць

быць далучаны яшчэ кампаненты, што ўзніклі ў выніку цеснага ўзаемадзеяння паміж украінскай і беларускай у XIII–XVII стст., польскай і беларускай у XVI–XX стст., рускай і беларускай у XIX–XX стст. мовамі.

Гісторыя фарміравання беларускай тэрміналогіі і шляхі яе развіцця цесна звязаны з гісторыяй беларускага народа, яго паходжаннем, сацыяльна-эканамічным, грамадска-палітычным і культурным жыццём, узаемаадносінамі з іншымі народамі. Беларусы, даючы новыя назвы, кіраваліся найперш тымі рэальнымі патрэбамі, якія давала жыццё. Пра гэта трэба меркаваць па вялікай колькасці разнастайных змястоўных назваў, звязаных з лесам: *гай* (лісцевы лес), *гаёвы* (даглядчык лесу), *неруш* (запаветнае месца), *бараўнічы* (даглядчык лесу), *выцераб* (галіны і сукі, ссечаныя з дрэва), *выварацень* (паваленае дрэва з каранём), *брэднік* (від вярбы, якая расце ў любым месцы, ад *збродлівы*) і іншыя.

Словы і выразы, якія адносяцца да галіны лясной гаспадаркі, сустракаюцца ў пісьмовых крыніцах, пачынаючы з XII ст. Напрыклад, лексемы *лес*, *дрэва*, *пень*, *сук*, *дуб* знайшлі сваё адлюстраванне ва Указах Я. Мудрага, дзе ставіліся пытанні аховы прыроды. У дзелавых помніках XVI–XVII стст. знаходзіцца шэраг тэрмінаў лясной гаспадаркі, узнікненне якіх звязана з развіццём промыслаў, такіх як бортніцтва, бандарства, смолакурэнне і іншых. Для прыкладу прывядзем урывак са Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 г.: «Хто бы чужое дрэво бортное со пчолами, сосну або дуб або иншое дрэво бортное сказил, корень у землі урубал або пожаром ожог, або яко кольвек неумыслёне з прыгоды попсовал, тот за кождое дрэво со пчелами будеть винен платити по две копе грошей, а за выробленое без пчол – копу грошей...»

Лесагаспадарчая тэрміналогія, як адна з частак беларускай навуковай тэрміналогіі, прайшла доўгі шлях свайго развіцця. У яе складзе адначасова як спрадвечнабеларускія словы (напрыклад, *бор*, *корч*, *секчы*, *церабіць*, *вытальваць*...), так і запазычаныя (напрыклад, *курціна*, *куліса*, *масіў*, *каштан*, *гібрыд*...).

Вылучэнне агульнаславянскага пласта лексікі беларускай мовы можа служыць вызначэннем

ступені блізкаці беларускай мовы да славянскага моўнага адзінства, устанаўленню канкрэтных праславянскіх вытокаў беларускай мовы. Агульнаславянская лексіка – гэта здабытак дзейнасці ўсіх славянскіх народаў падчас іх супольнага жыцця. Гісторыя не захавала пісьмовых крыніц таго часу, але менавіта наяўнасць у розных мовах агульных элементаў слоўнікавага складу і граматычнай будовы з аднолькавым або блізкім гучаннем з’яўляецца сведчаннем агульнасці паходжання славянскіх моў, іх генетычнай роднасці. Супастаўленне тоесных лесагаспадарчых тэрмінаў у некаторых славянскіх мовах паказвае, што, развіўшыся з праславянскай мовы, гэтыя словы ў большасці засталіся вельмі блізкімі як у фанетычным плане, так і ў марфалагічным. Параўнаем лексемы *ліна* і *дуб* у некаторых славянскіх мовах: прасл. **līpa*, рус., укр., балг. *ліпа*, польск. *lipa*; прасл. **dǫbъ*, рус., укр., дуб, балг. *дѣб*, польск. *dąb*, чэш. *dub*.

У агульнаславянскі пласт лексікі лясной гаспадаркі ўваходзяць шматлікія назвы дэндронамаў: *асіна, бяроза, вольха, вярба, сасна, дуб, клён, каліна, крушына, ліпа, лаза, ракіта, таполя, ядловец, чаромха, шалюга...*; назвы частак дрэва: *варышыня, кара, ігліца, корч, карань, ліст, луб, ствол...*; назвы дрэвамасіваў: *лес, бор, гай, дуброва, пушча...*; назвы лясных плошчаў: *дача, пасека, груда, ляда...*; назвы дзеянняў: *карыць, садзіць, секчы, струаць, сачыць...*; назвы прылад працы: *волак, струг, сякера...*; назвы лясной прадукцыі: *жывіца, смала, асмол...*

Для прыкладу прывядзём даследаванне лексем *вяз* і *жывіца*.

Лексема *вяз* мае адпаведнікі ў балтыйскіх мовах. Параўнаем: рус., укр. *вяз*, польск. *wiąz*, чэш. *vaz*, літ. *vinksna*, латыш. *Vīksna*. Праславянскае **vǫzъ* паходзіць ад індаеўрапейскага **uīng* (вяз). Вучоныя І. Іокль і Ф. Мікласіх збліжаюць гэта слова з праславянскім дзеясловам **vǫzati* (вязаць). У такім выпадку дрэва назвалі або па гнуткасці ствала, або па «вязальнай» здольнасці кары з якой дзяруць лыка. Дрэва мае шмат відаў, кожны з якіх, адпаведна, знайшоў сваю назву, напрыклад, *вяз грабалісты* – *бераст*. Народная назва вяза – *карагач* – лічыцца запазычаннем з цюркскіх моў. У большасці выпадкаў у агульнажывальнай мове *бераст* і *вяз* выступаюць як сінонімы, але часта і супрацьпастаўляюцца, бо кары вяза прыгодная для пляцення, а кара берасту мае трэшчыны і для вязання не прыгодная. У аснову другой сінанімічнай назвы вяза – *ільм* – узяты фанетычны аспект лацінскай назвы *ulmus*, а размоўныя назвы *лём, ільмак*, відаць, утвораны ад *ільм*.

Агульнаславянскае паходжанне маюць сінанімічныя лексемы *смала* і *жывіца*. Адзначым, што *жывіца* ўтворана ад прасл. **ziv* пры дапамозе суфікса *-ic-a* яшчэ ў праславянскую пару, прычым у паўночных славян замацавалася зна-

чэнне «смала», а ў паўднёвых – іншыя значэнні, напрыклад, «крынічная вада». Карань «жыв» у слове *жывіца* суадносіцца са значэннем «гаіць», паколькі жывіца мае лекавыя здольнасці, што семантызуецца індаеўрапейскім каранем *gisi* «жыць, гаіць». Калі ўлічыць, што жывіцай называюць вадкую смалу дрэва, то лексему *жывіца* лагічна матываваць словам жывы.

З лексіка-семантычнай групы «*дрэвамасівы*» разгледзім лексему *лес*. Сярод назваў, якія выражаюць значэнне *лес* (дрэвастой, масіў дрэў), найбольш распаўсюджаная лексема *лес*. Назва функцыянуе ў мовах усходніх, заходніх і паўднёвых славян і, безумоўна, з’яўляецца агульнаславянскай. Параўнаем: рус., балг. *лес*, укр. *ліс*, польск. *las*, чэш. *les*. Магчыма, ёсць сувязі з лац. *lignum* (драўніна, матэрыял) і літ. *laiskas* (ліст, дрэва). Семантыка лексемы *лес* размяркоўваецца наступным чынам: паўсюдна на ўсходзе, поўдні і захадзе **lesъ* абазначае «будаўнічы матэрыял», а на поўначы *лес* «сукупнасць дрэў». Першае з іх адпавядае прасл. **lesъ*, якое можна генетычна суаднесці з лац. *lignum* «драўніна, матэрыял».

Агульнаславянская мова адлюстравала тыя зрухі ў сацыяльна-эканамічным і грамадскім жыцці ўсходніх славян, якія адбыліся на працягу VI–XII стст. Гэта тлумачыцца складанасцю вылучэння сярод славянскіх слоў усходнеславянскіх, паколькі адны з іх з’яўляюцца агульнымі для ўсходнеславянскіх і паўднёvasлавянскіх моў, другія – для ўсходнеславянскіх і заходнеславянскіх, трэція – для заходнеславянскіх і паўднёvasлавянскіх. Нават у межах адной усходнеславянскай лексікі падобнае адбываецца з рускай, беларускай і ўкраінскай мовамі.

Узятая для даследавання ўсходнеславянская лексіка выбрана з тых жа лексікаграфічных крыніц, што і агульнаславянская, з мэтай прасачыць фарміраванне лесагаспадарчай тэрміналогіі адзначаных вышэй лексіка-семантычных груп. Падкрэслім, што лесагаспадарчая тэрміналогія ўсходнеславянскага пласта лексікі характарызуецца ў большасці наяўнасцю вытворных лексем і размеркавана па наступных лексіка-семантычных групам: *дэндронамы, дрэвамасівы, лясныя плошчы, часткі дрэва*. Лексіка, якая б адлюстроўвала паняцці лексіка-семантычных груп *прадукцыя лесу, працоўная дзейнасць*, не выяўлена ні ў пісьмовых крыніцах той пары, ні ў этымалагічных слоўніках.

Характэрнай асаблівасцю ўласнабеларускай лексікі з’яўляецца тое, што пераважная яе большасць – вытворныя лексічныя адзінкі. Як правіла, утвораны яны на базе агульнаславянскага і ўсходнеславянскага пластоў лексікі, а таксама на аснове мясцовых гаворак.

У складзе ўласнабеларускай лексікі трапляюцца словы, якія супадаюць з рускімі, украінскімі або польскімі, што тлумачыцца асаблівас-

цямі гістарычнага развіцця гэтых народаў. Беларускімі лексэмамі перыяду XIX–XX стст. з’яўляецца вялікая колькасць слоў, утвораных паводле вядомых са старажытных часоў словаўтваральных мадэляў з дапамогай беларускіх дэрывацыйных сродкаў.

Лесагаспадарчая тэрміналогія вельмі блізкая да жыцця людзей і зарадзілася яна ў працэсе паўсядзённай практыкі ў выніку паступовага развіцця, паглыблення навуковага пазнання навакольнага асяроддзя і росту міжнацыянальных кантактаў у розных сферах чалавечай дзейнасці. Гістарычна склалася так, што лесагаспадарчая тэрміналогія, у прыватнасці, батанічная, захавала шматвяковыя традыцыі класічнай (лацінскай або грэчаскай) тэрміналогіі, заснавальнікамі якой былі К. Ліней, Н. Хесельгрэн, І. Кірнандзер і інш. У далейшым намаганнямі вучоных розных краін паступова ствараліся нацыянальныя тэрміналогіі аналагічна лацінскай. Пры гэтым у адных выпадках запазычваліся лацінскія тэрміны, а ў другіх выкарыстоўваліся ўжо раней існаваўшыя або нанова створаныя словы роднай мовы, часцей прыцягваючы каранёвыя і дэрывацыйныя марфэмы класічных моў.

Уласны лексічны фонд нацыянальнай мовы заўсёды з’яўляўся і з’яўляецца асноўнай крыніцай стварэння новых тэрмінаў.

Асабліва важная роля ў развіцці лесагаспадарчай тэрміналогіі прыпадае на 20–30 гг. XX ст. Гэты час адзначаны стварэннем беларускай нацыянальнай тэрміналогіі. Сярод выдадзеных 26 тэрміналагічных слоўнікаў па розных галінах навукі звяртае на сябе ўвагу «Слоўнік лясных тэрмінаў», складзены ў 1926 г. Тэрміналагічнай камісіяй падсекцыі Інстытута беларускай культуры. Аналіз лексікі дадзенага слоўніка сведчыць, што сярод 1657 слоў-тэрмінаў значную частку складаюць агульнаўжывальныя словы беларускай мовы. Пры распрацоўцы тэрміналогіі беларускія навукоўцы імкнуліся пазбегнуць іншамовных слоў і стварыць тэрміны на аснове лексікі народнай мовы. Лёгка адшукваліся ў жывой мове народа лясныя батанічныя тэрміны, бо спрадвечу лес для беларусаў быў часткай іх жыцця, і, фактычна, многія назвы-тэрміны ўжо функцыянавалі. Знаходзілася шмат варыянтаў слоў-дублетаў, бо пэўныя рэаліі мелі ў кожным рэгіёне Беларусі свае назвы.

Застацца поўнасю ў межах нацыянальнага слоўніка пры стварэнні тэрміналогіі было немагчыма. У кожнай навуцы складваюцца пэўныя традыцыі ў адносінах паміж нацыянальнай і міжнароднай (інтэрнацыянальнай) тэрмінало-

гіямі. З імі трэба было лічыцца. Таму многія штучныя ўтварэнні, якімі спрабавалі замяніць інтэрнацыянальныя тэрміны і тэрміны рускай мовы, не сустрэлі прыхільнасці і сёння не ўжываюцца (*чужаед* – паразіт, *мяшанец* – гібрыд, *паверх дрэвастану* – ярус дрэвастою).

Папаўненне і развіццё лесагаспадарчай тэрміналогіі беларускай мовы на працягу наступных дзесяцігоддзяў ішло шляхам ўтварэння слоў на аснове ўласных моўных сродкаў, шляхам запазычвання іншамовнай лексікі і асваення лексічнага багацця дыялектаў. Аднам з найважнейшых спосабаў намінацыі з’яўлялася ўтварэнне слоў на аснове ўласнага моўнага матэрыялу: *ніцлаза*, *падлесак*, *пачкаванне*..., а таксама пры дапамозе ўласных словаўтваральных сродкаў ад запазычаных лексічных адзінак. Асабліва прадуктыўным аказаўся спосаб складання: *лесавоз*, *бярвёнаскідальнік*, *паўнадрэўнасць*... Новай з’явай у лесагаспадарчай тэрміналогіі сталі абрэвіатуры і тэрміны-сімвалы, якія занялі пэўнае месца сярод лексічных наватвораў: *ПНУ*, *С2*, *Д1*, *Д2*...

Лесагаспадарчая тэрміналогія папоўнілася значнай групай слоў з тэрміналагічным значэннем, узятых з жывой народнай мовы: *шуба*, *колік*, *шчака*, *падрумяньванне*...

За кошт калькавання з рускай мовы папаўняецца разрад складаных слоў тыпу *lesaкарыстанне*, *насенналесасечны*, *lesaаднаўленне*...

Трэба адзначыць, што лесагаспадарчая тэрміналогія яшчэ недастаткова прааналізавана ў параўнальна-гістарычнай лексікалогіі славянскіх моў, таму што большасць этымалагічных слоўнікаў арыентаецца на старажытны, прамовны пласт лексікі, а пазнейшыя працэсы амаль не знаходзяць свайго адлюстравання. Адчуваецца недахоп у лексікаграфічных працах словаўтваральнага і семасіялагічнага асвятлення.

Заклучэнне. На аснове аналізу лексікі лясной гаспадаркі сцвярджаецца вывад, што вытокі і карані лесагаспадарчай тэрміналогіі вядуць да глыбокай старажытнасці. Беларуская мова захавала са старажытных часоў шмат агульнаславянскіх каранёў слоў індаеўрапейскага паходжання: *бор*, *дуб*, *пень*, *сук*, *секчы* ...

Адзначым, што лесагаспадарчая тэрміналогія з’яўляецца адным са старажытных пластоў лексікі, які на працягу шматвяковага існавання папаўняў сваю лексічную сістэму ў большай ступені за кошт уласных рэсурсаў (часткова запазычанняў), выкарыстоўваючы семантычны, марфалагічны, сінтаксічны спосабы тэрмінаўтварэння.

Е. В. Абрамович, ст. преподаватель; Т. М. Кривопуск, преподаватель

ПЕРЕВОД В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И МЕТОДИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

The role of developing translating skills is considered to be a major one in training future specialists. Modern society demands highly-educated people with good translating competence, which implies the introduction of new educated technologies. The main objective of the article under consideration is to give some recommendations concerning a system of exercises aimed at increasing the teaching effect, special attention being paid to the translation of scientific terms. The above system may be of great practical importance for teaching ESP.

Введение. Важность совершенствования методики преподавания является требованием времени, ведь вопрос о необходимости изменений в системе высшей школы обсуждается широкой общественностью уже достаточно давно.

Основная часть. Занятия по практическому переводу, являясь частью системы университетского образования в целом, не должны выводиться за рамки данного инновационного процесса. Гуманизация и гуманитаризация труда в университетской среде выражается в отказе от старых принципов обучения (представление информации в готовом виде) и переходе к занятиям, ориентированным на действие, построенным на основе поведенческих принципов и охватывающим одновременно несколько предметных областей. В рамках подобного обучения с помощью открытых комплексных учебных ситуаций методический аспект перевода становится равным по значимости его содержательному аспекту.

Занятия должны не только формировать ключевые навыки, овладение которыми является основой высокой степени профессиональной подготовленности, но и содействовать развитию активной коммуникации, навыков сотрудничества, способности самостоятельно действовать в социуме (социальная компетентность), креативности, а также овладению методологией.

Немалое количество студентов различных специальностей, так или иначе связанных с иностранным языком и переводом, по окончании учебы планируют работать в различных областях. Спектр возможных сфер деятельности – от преподавателя зарубежной литературы, технического редактора до специалиста по связям с общественностью – дает им уверенность, что они приобретут необходимые ключевые профессиональные навыки по всем специальностям в ходе методически продуманного занятия по переводу.

Наиболее значимыми с точки зрения эволюции методики преподавания перевода являются работы Д. Зипманна. В них автор не только описывает особенности преподавания перевода в специализированных вузах, обобщает сведения о переводоведении как в теоретическом, так и в дидактическом ключе, проводит

исследование учебных пособий по переводу, но и разрабатывает критерии идеального учебника по переводу, а также систему упражнений.

Эти упражнения можно классифицировать по отдельным направлениям процесса обучения переводчиков:

- задания, направленные на осознание проблем перевода (например, дескриптивное словоупотребление в сравнении с объяснительным, типы текстов и задачи переводчика);

- упражнения на понимание прочитанного и анализ текста (перефразирование или пересказывание);

- задания, построенные на контрасте (например, сравнение параллельных текстов с точки зрения типа текста, лексики, синтаксиса или временных форм; упражнения на ложных друзьях переводчика и др.);

- упражнения, направленные на развитие умения находить в тексте ошибки (анализ заведомо неверных переводов, предпочтительнее на родном языке; сравнение собственного перевода и перевода, выполненного профессионалом);

- задания, с помощью которых отрабатываются навыки использования вспомогательных средств и методик поиска, а также умения работы с терминологией;

- упражнения на составление текстов;

- лексические упражнения (например, задания на перевод специальной терминологии, фразеологизмов, устойчивых сочетаний, идиоматических выражений, аллюзий; составление словарей по определенной тематике; задания на изучение, закрепление и расширение словарного запаса на родном и иностранном языках);

- грамматические упражнения (например, задания, построенные на использовании контрастных явлений в паре языков);

- упражнения на отработку умений письма на родном и иностранном языках или упражнения на соотношение письма и перевода.

При этом спектр возможных типов упражнений включает в себя как стандартизированные задания (например, текстовые задания, упражнения на соотношение понятий, различные виды трансформаций, задания на подстановку), которые развивают отдельные навыки и почти не требуют знания контекста, так и интеграционные упражнения, связывающие воедино

отдельные аспекты, и моделирование процесса перевода как наивысшую степень овладения переводческим мастерством.

Сравнивая различные виды упражнений с заданиями, можно выделить следующие подтипы упражнений:

1) предпереводческие:

– упражнения, направленные на классификацию переводческих ошибок и их исправление (например, упражнения на нахождение неточностей, буквализмов, вольностей в переводе, коррекция нормативно-языковых ошибок, а также стилистических недочетов). Можно проводить эти упражнения на основе сопоставительного анализа текста оригинала и перевода;

– задания по выбору оптимального варианта перевода из числа нескольких предложенных (например, задания на сравнение оригинала и трех вариантов перевода, выполненных разными переводчиками, и определение наиболее эквивалентного перевода отдельных предложений);

– упражнения по развитию умений строить правильные тема-рематические последовательности, что служит базой для формирования умений и навыков редактирования текста перевода;

– задания, направленные на развитие умения пользоваться двуязычными словарями (например, подбор эквивалентов подчеркнутых многозначных слов, составление словарных статей с указанными словами);

– упражнения, ориентированные на освоение переводческих трансформаций (упражнения на базе параллельных текстов по опознанию классификации трансформаций и объяснению мотивов их использования);

2) смешанного типа:

– перефразирование на языке оригинала и перевода;

3) переводческие:

– упражнения на использование трансформаций (задания на применение данного приема при переводе отдельного фрагмента текста);

– подготовительные упражнения (задания по работе с текстом, представляющим трудности для перевода и требующим применения соответствующих переводческих приемов);

– практические переводческие упражнения (осуществление переводческих действий во всех их фазах: от предпереводческого анализа до редактирования).

Различные виды упражнений, являющиеся творческими по содержанию и проблемными по сути и сопровождающиеся теоретическими пояснениями, дают возможность показать перевод в особом свете – как занятие, предполагающее не просто знание двух языков, но и аналитический склад ума, как деятельность, связанную с интересным, а порой даже и «захватывающим поиском оригинальных решений» [1].

Во многих случаях правильный выбор слова при переводе может быть сделан только на основе правильного анализа лексического значения слова.

Предметно-логическое значение может быть основным и производным. Производные значения образуются в процессе исторического развития слова. В ряде случаев наблюдается совпадение основных значений слова в английском и русском языках и несовпадение производных. Например, основное значение слов *table* и «стол» совпадает. Но в русском языке слово «стол» имеет еще значение «питание», «полный пансион», тогда как в английском языке такое значение развилось от слова *board* (*room and board*). С иной стороны, другое значение слова *table* – «таблица» – отсутствует в русском языке.

Помимо предметно-логических значений, образующих смысловую структуру слова и всегда приводимых в словарях, в слове выявляется в условиях данного контекста так называемое контекстуальное значение, которое не находит своего отражения в словарях.

Эти значения не отражены в словарях, но как бы заложены в слове, будучи его «потенциальными» значениями, которые могут выявиться в зависимости от контекста. Поэтому между контекстуальным значением и основным предметно-логическим всегда существует связь и переводчик легко может «перебросить мост» от значения, данного в словаре, к возникшему контекстуальному значению [2].

Значение слова не следует смешивать с его употреблением. Часто даже однозначное английское слово благодаря широте своего значения может обладать широкой сочетаемостью, и его употребление не совпадает с употреблением русского слова, в результате чего оно переводится на русский язык разными словами. Например:

a young man – молодой человек;

a young child – маленький ребенок;

young in crime – неопытный преступник;

the night was young – было начало ночи; ночь еще только наступала.

Контекстуальное значение представляет большую трудность при переводе, так как словарь может только подсказать направление, в котором переводчику следует искать нужное слово. Контекстуальное значение слова приводит к вопросу о том, что такое контекст.

Изолированное употребление слова – нетипичное явление. Обычно слово употребляется в связи с другими словами. Непосредственное окружение слова является его контекстом. Но не следует понимать буквально, что контекстом является отдельное предложение, где употреблено слово. Часто значение становится ясным только в связи с предыдущим или последующим

предложением или предложениями. Контекст не только выявляет данное значение слова, но и уточняет и конкретизирует его, создает вокруг него определенный круг ассоциаций.

Переводчик всегда должен обращаться к контексту для раскрытия значения слова и адекватной его передачи в переводе.

В научно-технических работах материал излагается кратко, логично и точно и вместе с тем достаточно полно и доказательно. И это находит свое отражение в составе используемой лексики и грамматическом построении предложений. С этой точки зрения у всех видов научно-технической литературы имеется много общего, что и дает возможность говорить об общих лексических и грамматических особенностях научно-технической литературы.

Лексика научно-технической литературы состоит из общеупотребительных слов и большого количества специальных терминов. Одна часть общеупотребительных слов, таких как **to work** (работать), **to know** (знать), **place** (место) и др., обычно известна студентам из школьного курса английского языка и, как правило, не вызывает затруднений при переводе. Другая часть общеупотребительных слов студентам неизвестна и представляет собой тот основной лексический запас, который они должны усвоить в процессе обучения. Эту часть общеупотребительных слов можно подразделить на несколько групп:

1. Слова, употребляемые в научно-технической литературе в значениях, отличных от тех, которые студенты усвоили в начальном курсе. Например, глагол **to offer** в научном тексте чаще употребляется в значении оказывать (сопротивление), а не предлагать.

Особого внимания заслуживают многозначные слова, которые студенты на основе своего прошлого языкового опыта переводят только одним значением. Например, в предложении **The matter of interplanetary travel received a great deal of attention** студенты иногда переводят слово **matter** как материя и получа-

ют, конечно, бессмысленное предложение (Материя межпланетного полета привлекла большое внимание). В этом предложении слово **matter** имеет значение проблема, вопрос, а не материя. (Проблема межпланетного полета привлекла большое внимание.)

2. Слова и словосочетания, создающие логические связи между отдельными частями текста и, следовательно, обеспечивающие логичность изложения, например **to begin with** (прежде всего), **furthermore** (кроме того) и др.

3. Слова и словосочетания, служащие для выражения отношения автора к излагаемым фактам или для уточнения этих фактов. Например: **strictly speaking** (строго говоря), **unfortunately** (к сожалению) и др.

Вторым слоем научно-технической литературы являются термины – слова и словосочетания, принятые для обозначения специальных понятий в той или иной области науки и техники.

Для перевода терминов особое значение имеет понимание явлений и процессов, о которых идет речь в данном тексте, и знание соответствующей русской терминологии.

Заключение. Перевод, который удовлетворял бы специалиста, должен правильно передавать смысл иностранного текста, соответствовать нормам родного языка и стилю научно-технической литературы. Чтобы добиться этого, студент должен овладеть определенными знаниями в области грамматики, приобрести соответствующий запас слов и усвоить определенные приемы работы с иностранным текстом.

Литература

1. Латышев, Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособие для студентов / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – М.: Высшая школа, 2003.

2. Докштейн, С. Я. Практический курс перевода научно-технической литературы / С. Я. Докштейн, Е. А. Макарова. – М.: Высшая школа, 1992.

НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ В РАМКАХ АКМЕЛИНГВИСТИКИ

The article deals with some innovative approaches to organizing of students' studying foreign languages. The author provides insight into widespread views of neurolinguistic programming and examines possible ways of application of this method in the practice of teaching foreign languages. As is known, at present people are to process a still growing amount of information. Therefore to improve the process of perception the attention is paid to the importance of having influence upon sensory canals: visual, auditory and sensitive ones. It makes possible for the user of the language to learn it within a shorter period of time. The article touches upon some strategies of acquiring knowledge. The author considers the matter how a period of studies should be designed to provoke and encourage self education and self-perfection of students.

Введение. Социум третьего тысячелетия, в отличие от технократического общества XX в., призван стать обществом человекоцентрическим, обращенным к совершенствованию не внешнего мира, а человека, его внутренней сущности. Это диктует основное направление движения в развитии вузовского образования: студентоцентричность, т. е. постановку личности студента в центр внимания, и акме-направленность, т. е. такую перестройку целей и методов обучения, которая обеспечила бы достижение выпускниками вершин в профессиональной, творческой и духовно-нравственной сферах деятельности.

Технология обучения XX в. «от знаний к умениям», основанная на логике науки, должна преобразоваться в технологию, основанную на закономерностях познавательной деятельности студента, который из объекта должен превратиться в субъект обучения, и далее в технологию саморазвития и самосовершенствования. Такой подход к обучению иностранным языкам вызван необходимостью преодоления кризиса в образовании, что способствовало бы подготовке *специалистов новой формации*.

Основная часть. Именно эти цели и ставит перед собой новая наука – акмелингвистика. Ее название произошло от греческого «акме» – вершина и латинского «лингвистика» – языкознание. Исторически акмелингвистика возникла из акмеологии – науки, сформировавшейся на стыке естественных, общественных и гуманитарных дисциплин, изучающих закономерности и механизмы развития человека при достижении им наиболее высокого уровня [1].

Акмелингвистика прослеживает развитие этого понятия с античных времен. В греческой системе обучения оно понималось как «путь достижения мастерства копированием учителя». В современном мире содержание этого понятия определяется как комплекс, состоящий из представления планируемых результатов обучения, набора моделей обучения, критериев выбора оптимальной модели для данных конкретных условий.

Итак, акмелингвистика – это сфера не только научной, но и практической деятельности, которая рассматривает и использует закономерности, факторы и механизмы развития и саморазвития взрослого учащегося в целях достижения им наиболее высоких результатов в обучении иностранному языку. Другими словами, язык здесь выступает как средство достижения личного «акме».

Основными принципами акмелингвистики являются:

- 1) системный подход к обучению иностранным языкам;
- 2) ориентация на акмеграмму;
- 3) учет психофизиологических и других особенностей студентов;
- 4) соблюдение иерархичности в подаче учебного материала;
- 5) следование акмеэтике [2].

Рассмотрим более подробно третий принцип акмелингвистики, который предполагает *учет психофизиологических особенностей обучающегося*. Здесь имеются в виду особенности памяти, внимания, восприятия, мышления, типы высшей нервной деятельности. Следует учитывать качество этих психофизиологических особенностей для достижения наивысшего результата в обучении иностранным языкам и развития личности.

В учебном процессе основная задача для преподавателя заключается в том, чтобы студенты освоили учебный материал с максимальной легкостью и как можно прочнее. Но ведь то, что преподавателю представляется оптимальным, для студента может быть недоступным. Поэтому преподавателю следует учитывать индивидуальные психофизиологические особенности студента и даже подстраиваться под них. В лично-ориентированной методике преподавания достаточно общепринятым является положение о том, что каждый тип личности обладает своими наиболее успешными для него стратегиями изучения иностранного языка. Развитие идеи дифференциальной педагогики в свете всего сказанного ранее требует следующего:

1) выявление студентов со склонностью к разным способам усвоения языка;

2) предложение им разных – для каждого типа учащегося своих – заданий;

3) воздействие на все каналы восприятия и переработки информации;

4) расширение способов решения студентами учебных задач с учетом зоны их ближайшего развития.

Преподаватель должен понимать, что возможно расхождение между языковой личностью студента и языковой личностью преподавателя. И он должен уметь сгладить возможный конфликт за счет гибкого применения и изменения тактик обучения [3].

В последние годы широкое признание получило нейролингвистическое программирование (НЛП), которое предполагает воздействие на все каналы восприятия и переработки информации обучающихся. Правильно считать нейролингвистическое программирование не теорией, способной объяснить всю коммуникацию, а некоторым набором техник, которые можно применить в отношении речевого общения.

В чем же заключаются взгляды сторонников нейролингвистического программирования? Как следует из самого названия этой концепции, в ней есть три части. Первая из них касается психофизиологических аспектов владению речью. Вторая связана с собственно лингвистической стороной речевой деятельности. Третья направлена на исследование воздействия на людей в процессе речевого общения и даже на регулирование их поведения.

Физиологический аспект НЛП. В рамках нейрофизиологических представлений тут предполагается, что у каждого человека есть свой основной канал восприятия и хранения информации, своя так называемая «репрезентационная система». Считается, что именно через ведущий канал поступает человеку основной поток информации.

Репрезентация определяет, как организован наш опыт и как мы описываем мир. Это, согласно НЛП, происходит в образах (визуальная система), звуках (аудиальная система) и ощущениях (кинестетика).

Лингвистический аспект НЛП. Одним из способов выявления ведущего канала восприятия является в НЛП анализ употребляемой людьми лексики. НЛП уделяет большое внимание процессу речевого общения, подчеркивая, что использование языковых элементов, относящихся к тому или иному каналу восприятия, является одновременно и наиболее воздействием для реципиента.

Говоря о лексике, обратим внимание на то, что некоторые выражения имеют внутреннюю форму, которая может быть соотнесена с тем или иным каналом восприятия информации. Согласно многим теориям, описывающим ре-

чевое воздействие, то, что не осознается, тоже может оказывать воздействие.

Ниже приведены слова, которые могут свидетельствовать о принадлежности к различным психотипам.

Зрительный канал: видеть, рассматривать, наблюдать, глядеть, блестеть, светиться, вспыхивать, казаться, отражать, темнеть, точка зрения, горизонт, красный, коричневый, зоркий, красивый, форма, ярко, тускло, смутно.

Слуховой канал: говорить, бормотать, слушать, молчать, звать, свистеть, разговор, голос, мотив, мелодия, тишина, молчание, звук, громкий, тихий, звонкий, шумный, громко, вслух, молча.

Чувственный канал: вздохнуть, гладить, чувствовать, ощущать, жарить, давить, жать, ударять, боль, голод, вкус, вес, жара, сила, гладкий, твердый, скользкий, мягкий, холодный, остро.

Рациональный канал: думать, догадываться, напоминать, знать, забывать, мысль, мнение, убеждение, разум, память, думающий, умный.

Соответственно, имеются словосочетания, которые связаны с преимущественным употреблением этих классов слов и целые высказывания, в которых может преобладать та или иная модальность.

Зрительный канал: рассматривать проблему, иметь точку зрения.

Слуховой канал: прислушаться к голосу разума; звонить во все колокола; теперь надо послушать, что скажет другой студент.

Чувственный канал: ощутить остроту проблемы; принимать близко к сердцу.

Кинестетики скорее скажут иначе: к решению этой нелегкой задачи надо подойти с другой стороны.

В целом в НЛП в отношении к коммуникации делается несколько выводов.

1. Большинство людей способно воспринимать информацию, приходящую по разным каналам. Наилучшим следует считать текст, в котором есть языковые элементы, относящиеся ко всем каналам восприятия. Предполагается, что именно такой текст, оказав воздействие на все каналы восприятия, повлияет на личность в целом.

2. Существуют каналы восприятия, которые являются наиболее эффективными при передаче информации конкретным людям. Соответственно, если мы знаем, какой ведущий канал восприятия у того или иного человека, то мы можем использовать большее количество слов (вербальные ключи) именно данной группы. Тем самым мы окажем на человека большее воздействие. Если нагрузка текста на доминантный канал восприятия слабая, то люди, у которых этот канал является основным, хуже воспримут содержание данного текста. Они поймут все слова в тексте, но соотнести сказанное в нем со своим собственным опытом им будет труднее.

3. Для эффективного обмена информацией между людьми должны использоваться общие для них каналы восприятия. Наше внутреннее описание мира находит свое отражение в тех словах (предикатах), которые мы используем при общении. Собеседник будет слышать и понимать информацию намного лучше и успешнее, если она описана в специфичных для него предикатах. В свою очередь, он, анализируя более значимую для нас лексику, может использовать ее, и это будет способствовать большему взаимодействию. Таким образом, двум людям, имеющим одинаковый основной канал восприятия, договориться легче, чем людям, у которых каналы разные.

Личностный аспект НЛП. При выявлении студентов со склонностью к разным способам усвоения языка исследователи установили, что когнитивные стили рождают определенные стратегии учения. Они называют 7 характеристик, необходимых для хорошего овладения языком:

- желание догадываться и точность догадок;
- сильная мотивация к общению;
- раскованность;
- внимание к языковой форме;
- поиск партнеров по общению;
- самоконтроль речи;
- внимание к смыслу.

В рамках НЛП разработаны следующие личностно-ориентированные стратегии, способствующие более успешному изучению иностранного языка:

1. Аффективные стратегии для снятия напряженности и подбадривания. Среди релевантных для изучения иностранных языков характеристик называют мотивацию, уровень тревожности, уровень самооценки, скованность (раскованность), склонность к риску, эмпатию, экстравертность. Главная цель преподавателя – установить такие межличностные отношения в группе, которые способствовали бы понижению уровня тревожности, повышению самооценки, раскованности, эмпатии и т. д. С самого начала в группе необходимо устанавливать отношения доверия и благоприятный психологический климат.

- Пытаюсь расслабиться, когда нервничаю.
- Преодолеваю страх и говорю на иностранном языке.
- Хвалю себя, когда справляюсь.
- Замечаю, когда нервничаю или стесняюсь.
- Записываю свои ощущения в учебном дневнике.
- Обсуждаю с другими свои ощущения.

2. Социоаффективные стратегии, подражающие сотрудничеству.

- Прошу собеседника замедлить темп речи или повторить.
- Прошу, чтобы меня поправляли, когда я говорю.

– Общаюсь на иностранном языке с другими студентами.

- Обращаюсь за помощью к носителям языка.
- Задаю вопросы на иностранном языке.
- Пытаюсь развить понимание культуры другой страны.

3. Метакогнитивные стратегии – стратегии, включающие предварительное планирование учения, осознание процесса учения, оценку результатов и т. п.

- Замечаю ошибки, пытаюсь исправить.
- Обращаю внимание, как говорит собеседник.
- Интересуюсь, как изучать язык.
- Составляю расписание, чтобы иметь достаточно времени.
- Ищу собеседников, чтобы поговорить на иностранном языке.

– Изыскиваю возможности читать на иностранном языке.

- Имею четкие цели по улучшению навыков.
- Думаю о своих успехах.

4. Стратегии, связанные с памятью.

– Связываю новый материал с уже известным.

- Употребляю новые слова в предложениях.
- Связываю звучание слова с образом или картинкой.

– Связываю слово с воображаемой ситуацией.

– Использую рифмы для заучивания новых слов.

– Применяю карточки для разучивания новых слов.

– Актерски исполняю новые слова.

– Часто повторяю уроки.

– Связываю слова с расположением на странице.

5. Общие когнитивные стратегии – стратегии, связанные непосредственно с оперированием учебным материалом (повторение, группировка, дедукция, конспектирование, запоминание ключевых слов и т. п.).

– Произношу или пишу новые слова несколько раз.

– Стараюсь говорить на иностранном языке как иностранцы.

– Тренируюсь в произнесении звуков иностранного языка.

– Употребляю известные слова разными способами.

– Вступаю в беседу на иностранном языке.

– Смотрю телепередачи или фильмы на иностранном языке.

– Читаю развлекательную литературу на иностранном языке.

– Пишу конспекты, заметки на иностранном языке.

– Записываю информацию кратко.

– Просматриваю, а затем читаю подробно.

- Подбираю слова родного языка, похожие на слова иностранного языка.
- Пытаюсь обнаружить структуры или модели.
- Нахожу значения частей сложных слов.
- Стараюсь не переводить пословно.

6. Компенсаторные стратегии для компенсации нехватки знаний, для выяснения непонятого (*переспрос, парафраз, примеры и т. п.*).

- Угадываю значения незнакомых слов.
- Пользуюсь жестами, когда не нахожу слова.
- Придумываю новые слова, когда не нахожу нужные.
- Читаю, не используя словарь для каждого нового слова.
- Пытаюсь предугадать, что скажет собеседник.

– Использую синонимы [4].

НЛП и компьютерный анализ текста.

В настоящее время существуют программные средства анализа текста, в которые заложены словари практически любого объема. К их числу относится экспертная компьютерная психолингвистическая программа ВААЛ [5].

Программа ВААЛ позволяет создать словарь текста, привести его в нормализованный вид (присвоить словам начальные формы) и разнести имеющиеся в тексте слова по разным классам. Кроме того, программа ВААЛ дает возможность производить количественный подсчет лексики как в абсолютных (количество слов того или иного класса), так и в относительных величинах (процентное отношение к общему числу слов и относительно нормы русского языка). Эти данные позволяют определить нагрузку, которую несет определенный текст на тот или иной канал. И, соответственно, спрогнозировать возможное воздействие этого текста. В этой программе имеется также блок психиатрического анализа, созданный на основе экспериментальных исследований. Программа активно используется составителями рекламных текстов в сфере *public relations* и в области обучения иностранным языкам [6].

НЛП и преподавание иностранного языка. Каждому типу студентов необходима своя презентация нового материала, так как он заучивает его по-своему, и вследствие этого для него требуются свои типы упражнений.

Студенты с преобладающим визуальным каналом восприятия информации (визуалы) много читают и вследствие этого получают большее представление о характере и структуре языка. Они лучше воспринимают новый материал, когда он написан в книге, на доске, представлен схематически. Визуалы лучше справляются

с письменными заданиями и контрольными работами, лучше пишут изложения, чем пересказывают текст устно. Они лучше овладевают правилами правописания и, соответственно, меньше делают орфографических ошибок.

Аудиалы лучше воспринимают тексты на слух, с большей охотой слушают лекции. Следовательно, они с большим удовольствием слушают тексты, записанные на магнитофоне, а не напечатанные в книге. Они с интересом разыгрывают диалоги, участвуют в дискуссиях, пересказывают текст в форме интервью, любят воспринимать языковой материал с аудио- и видеокассет.

Моторные студенты лучше усваивают иноязычный материал, когда могут использовать его в ролевой игре, в игре со словами, написанными на карточках. Для моторных студентов не представляет особого труда многократно написать незнакомое слово, доведя это действие до автоматизма. Они с удовольствием выходят к доске, принимая участие в разыгрывании сценок по изученному материалу [7].

Заключение. Знание преподавателем структуры НЛП позволит ему лучше обучать студентов. Основной же его целью является ознакомить студентов с личностными стратегиями изучения иностранных языков и научить пользоваться ими при самостоятельной работе.

Литература

1. Румянцева, Л. Н. Технологии обучения иностранным языкам третьего тысячелетия с позиции акмелингвистики / Л. Н. Румянцева. – СПб., 2003.
2. Румянцева, Л. Н. Акмелингвистика в преподавании иностранных языков / Л. Н. Румянцева // Акмеология-98: сб. – СПб., 2001.
3. Белянин, В. П. О конкордансе и диссонансе языковых личностей преподавателя и студента в обучении иностранным языкам / В. П. Белянин. – М.: МАПРЯЛ; РУДН, 1995.
4. Белянин, В. П. Основы психолингвистической диагностики: (Модели мира в литературе) / В. П. Белянин. – М.: Тривола, 2000.
5. ВААЛ: Экспертная компьютерная психолингвистическая программа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.logic.ru/~shalack>.
6. Дымшиц, М. Репрезентационные системы / М. Дымшиц // Руководство к использованию программы ВААЛ. – М., 1999.
7. Саяпина, Е. А. Использование ментальных карт на уроках русского языка и литературы / Е. А. Саяпина // Вестник. – М., 1999.

КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ИНОЯЗЫЧНОМУ ЧТЕНИЮ

Students' independent work with computer means of training can become one of the forms of independent activity meeting all requirements to its organization. Teachers can use the Internet alongside with traditional means of training, including it in educational process. It is necessary to focus students not only on information search, but also on its processing with the use of such means as electronic directories, dictionaries, etc. It promotes formation of skills of independent overcoming difficulties of different character arising while reading foreign text.

Введение. Сегодня уже есть основания считать важным и неотъемлемым качеством современного специалиста практически в любой области деятельности наличие информационной культуры, которая находит свое проявление в следующем:

1) в конкретных навыках по использованию различных технических устройств – от телефона до компьютерных сетей;

2) способности использовать в своей работе компьютерную информационную технологию;

3) умения извлекать информацию из различных источников;

4) способности представлять информацию в понятном виде и эффективно ее использовать;

5) знании аналитических методов обработки информации;

6) умения работать с различными видами информации.

Основная часть. Изучение фактического пользования иностранным языком специалистов нефилологов показывает, что подавляющему большинству (90%) приходится читать, причем примерно для 70% применение иностранного языка в профессиональных целях этим ограничивается, что позволяет рассматривать чтение как одну из важных задач вузовского курса иностранного языка. Кроме того, в условиях массовой коммуникации специалисту приходится пользоваться современными средствами связи и работать с информационными ресурсами сети Интернет, в которой отмечается преобладание иноязычной среды общения. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости формирования умений профессионально ориентированного чтения и умения работать с электронными информационно-поисковыми системами [1].

Прежде всего, необходимо отметить, что до 40% общего бюджета учебного времени в вузе приходится на долю самостоятельной работы. И целый ряд данных указывает, что это время используется нерационально. Одним из способов повышения эффективности самостоятельной работы студентов может стать ее компьютеризация. Это, в свою очередь, будет способствовать формированию информационной культуры и поможет решить не

только частные методические задачи, но и общепедагогическую.

Содержание самостоятельной работы по иностранному языку, главным образом, составляет внеаудиторное чтение профессионально ориентированных текстов. Формирование навыков самостоятельной работы студентов по иноязычному профессионально ориентированному чтению является особенно важным, поскольку они выступают средством:

– достижения определенного уровня коммуникативной компетенции при обучении в вузе;

– осуществления дальнейшего самообразования с целью повышения собственной профессиональной компетентности;

– применения полученных знаний, умений и навыков в последующей профессиональной деятельности.

Одна из актуальных задач современной методики обучения иностранным языкам – ориентация всего учебного процесса на преодоление пассивной позиции студентов, на активную самостоятельную работу обучаемых, создание условий для их самовыражения и саморазвития, овладение ими техникой самообучения и увеличение доли их ответственности в учебной деятельности. Ответственное самостоятельное выполнение учебной деятельности, основанное на владении учебными умениями, является внешним проявлением автономии обучаемого. Процессы осознания и рефлексии выполняемой деятельности характеризуют внутреннее состояние автономно работающего студента. Автономно работающий студент осознанно владеет необходимыми умениями самоорганизации и саморегуляции деятельности и при ее выполнении в условиях выбора выступает для себя самого и как «объект управления», и как «субъект управления», планирующий, организующий, регулирующий, контролирующий и оценивающий свою деятельность [2].

Перечисленные выше параметры автономии студента формируются и совершенствуются путем целенаправленного развития умений учиться и постепенной передачи студенту ответственности за осуществление учения в условиях специально организованной учебной деятельности. Такой специально организованной

учебной деятельностью является автономная учебная деятельность.

В данном случае следует разграничивать понятия «самостоятельная работа» и «автономная учебная деятельность». Под автономной учебной деятельностью студентов мы понимаем такую деятельность студента по овладению иностранным языком, в которой развивается способность учиться самостоятельно, принимать на себя ответственность за эффективность своей учебной работы в вузе, приобретать умения и навыки, позволяющие осуществлять послевузовское самообразование и самосовершенствование.

Можно говорить о том, что каждый студент осуществляет самостоятельную деятельность, иными словами работает самостоятельно, но не всякая самостоятельная деятельность является автономной. Или вернее сказать, каждый студент работает с разной степенью автономности, которая определяется, в первую очередь, психологическими особенностями личности, развитием таких качеств, как самостоятельность, инициативность. Немалая роль принадлежит, конечно, и уровню лингвистических знаний.

Специфика самостоятельной работы заключается в том, что это целенаправленная, внутренне мотивированная, структурированная самим субъектом в совокупности выполняемых действий и корригируемая им по процессу и результату деятельность.

На основе изучения и анализа ряда исследований можно сформулировать основные требования к организации самостоятельной работы студентов неязыковых вузов в процессе обучения иноязычному профессионально ориентированному чтению.

1. Соответствие содержания самостоятельной работы требованиям государственного образовательного стандарта.

2. Посильность самостоятельной работы для студента.

3. Организация самостоятельной работы должна носить системный характер.

4. Выполнению самостоятельной работы должна предшествовать определенная подготовка (у студента необходимо формировать навыки самостоятельной работы):

а) необходимо четкое инструктирование о целях и задачах самостоятельной работы;

б) студент должен обладать необходимыми техническими и организационными навыками;

в) необходима постановка перед студентом такой учебной задачи, которая бы требовала от него приложения умственных усилий.

5. Самостоятельной работе должен обязательно сопутствовать самоконтроль, навыки которого должны формироваться в процессе выполнения самостоятельной работы, и контроль со стороны преподавателя [3].

Способность к эффективному осуществлению самостоятельной деятельности определяется наличием положительной учебной мотивации. Следовательно, проблема формирования способности к самостоятельной работе перерастает в проблему повышения учебной мотивации. Самостоятельно добывая знания, субъект учебно-познавательной деятельности должен знать о том, какие преимущества ему может обеспечить овладение желаемыми знаниями и умениями, и это знание помогает ему быть в состоянии «актуальной мотивированности» [4].

Другими словами, чтобы процесс обучения был привлекательным для обучаемых, осмысленным и практически полезным, необходимо:

– организовать обучение в соответствии с особенностями мотивации, индивидуально-психологических характеристик, жизненного, познавательного и профессионального опыта будущего специалиста, его направленности на практические результаты учения;

– обеспечить деятельностную позицию обучаемого как форму целенаправленного активного взаимодействия с окружающим миром, содержанием образования;

– создать такие психолого-педагогические и методические условия, при которых познавательная активность взрослого внутренне мотивирована, а знания выступают не просто целью и предметом усвоения, а прежде всего средством осуществления предстоящей деятельности.

Из имеющихся подходов этим требованиям в наибольшей мере отвечают идеи контекстного обучения. В теории контекстного обучения разрешается то основное противоречие, что овладение профессиональной деятельностью должно быть обеспечено в рамках иной учебной деятельности. Учась, человек должен научиться принципиально иному – стать компетентным специалистом. В учебной деятельности студента по овладению чтением должно быть отражено предметно-технологическое и социокультурное содержание усваиваемой профессиональной деятельности; заданы ее предметный и социальный контексты.

Самостоятельная работа студента с компьютерными средствами обучения может стать одной из форм автономной деятельности, отвечающей всем предъявленным выше требованиям к ее организации. Имеется в виду не работа студентов с компьютерными программами, позволяющими тренировать лексические, грамматические, структурно-композиционные и технические навыки чтения, а именно работа с иноязычными источниками сети Интернет, которая способствует не только совершенствованию лингвистических знаний студентов, но и знаний по специальности средствами иностранного языка.

Преподаватели могут использовать Интернет наряду с традиционными средствами обучения,

вводя его в учебный процесс. Конечно, работа преподавателя усложняется, даже при очень тщательной подготовке урока с использованием Интернета, так как результаты поиска не всегда предсказуемы. Поэтому преподаватель должен быть готов быстро реагировать на различные вопросы обучающихся, помогать им и направлять их работу [5].

При формировании самостоятельной учебной деятельности в сети Интернет необходимо, чтобы языковой материал был эмоционально окрашен, имел целенаправленное значение, учитывались профессиональные интересы обучающихся. Для достижения эмоциональной окрашенности обучения иностранному языку необходимо использовать чередования различных видов учебной деятельности, включение в учебный процесс коммуникативной деятельности, использование познавательных и аутентичных текстов. В процессе работы в Интернете студенты знакомятся со страноведческой информацией, культурными аспектами страны изучаемого языка, персональными сайтами известных специалистов [6].

На начальном этапе обучения Интернет используется для расширения профессионального кругозора студентов, приобретения знаний об особенностях сферы их профессиональной деятельности. На продвинутом этапе работа в сети может стать полезным средством не только для обучения иностранному языку, но и привития студентам новой культуры учения. Результатом работы может послужить публикация в Интернете или создание собственной странички.

Система Интернет предоставляет широкие возможности для организации различных проектов, поскольку студенты технических вузов хорошо владеют компьютером. Существует два вида проектов: www-проекты, E-mail-проекты. Проекты первого вида рассчитаны на то, что студенты получают задание, для выполнения которого им необходимо найти информацию в Интернете и представить затем результаты своего поиска.

Многим студентам и аспирантам пришлось столкнуться с пресловутыми тысячами печатных знаков, прочитать и перевести которые было не самой сложной проблемой. Гораздо труднее найти источник. В сложившейся ситуации на помощь приходит «всемогущая» сеть Интернет, ведь все новейшие достижения в области науки, техники, экономики, бизнеса и т. п. обязательно находят освещение в зарубежных Интернет-изданиях, хотя бы на реферативном

уровне. Конечно, преподаватель может сам находить источники информации и использовать их в обучении, но это развивает у студентов потребительскую позицию. Кроме того, как отмечалось выше, самостоятельный поиск заданной или интересующей информации благотворно сказывается как на закреплении полученных лингвистических знаний, так и на формировании информационной культуры в целом.

Заключение. Следует отметить, что преподаватель должен ориентировать студентов не только на поиск информации, но и на ее обработку с использованием вспомогательных средств, таких как электронные справочники, словари и т. д., что содействует решению задачи формирования умений самостоятельного преодоления трудностей разного характера, возникающих при чтении иноязычного текста. Это, несомненно, отразится на развитии важных личностных качеств, таких как самостоятельность, инициативность и др., будет способствовать развитию устойчивого интереса, вызывать любопытство и, наконец, послужит толчком к осуществлению новой автономной деятельности, вызванной естественными мотивами в получении знаний.

Литература

1. Макарова, Н. В. Научные основы методической системы обучения студентов вузов экономического профиля новой информационной технологии: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Н. В. Макарова. – СПб., 1992.
2. Фоломкина, С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе: учеб. пособие для вузов / С. К. Фоломкина. – М.: Высшая школа, 1987.
3. Трофимова, И. Д. Методика формирования стратегий автономного чтения у студентов языкового вуза (немецкий язык, 1 курс): автореф. дис. ... канд. пед. наук / И. Д. Трофимова. – Улан-Удэ, 2003.
4. Габай, Т. В. Педагогическая психология: учеб. пособие / Т. В. Габай. – М.: Изд-во МГУ, 1995.
5. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М.: Высшая школа, 1991.
6. Подопригорова, Л. А. Использование Интернета в обучении иностранным языкам / Л. А. Подопригорова // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 5.

А. В. Посох, доцент; Л. Б. Батина, ст. преподаватель

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Social demand of modern society implies training of specialists with good communicative competence which requires development and introduction of new educational technologies. The process of foreign-language teaching should be personality-oriented and contribute to development of self-consciousness of the personality. The personality-oriented approach to the educational process is based on the necessity to take into account individual peculiarities of each student. It also means development of a certain degree of independence of a student in educational work. The principle of individualisation is an indispensable part of the given technology. It doesn't only imply the necessity to provide students with definite knowledge but results in upbringing of the personality. The given paper outlines some aspects of this process.

Введение. Современный этап развития общества характеризуется стабилизацией во всех отраслях экономической и культурной жизни. В этой связи отмечается возрождение престижности высшего образования, наличие которого становится необходимым условием профессионального выбора молодого человека. Изменились также взгляды на сущность высшего образования, и оно определяется как процесс педагогически организованной социализации, осуществляемый в интересах личности и общества, в котором личность выступает в качестве субъекта деятельности, самостоятельно выполняющая различные социальные роли.

Основная часть. Разработаны общеметодологические принципы формирования содержания образования.

Принцип общеобразовательного характера учебного материала, гражданская и гуманистическая направленность, которые призывают вырабатывать у обучаемых способность самостоятельно оценивать явления действительности, иметь активную жизненную позицию, развивать сущностные силы индивидуальности.

Гуманизация преподаваемых наук состоит в том, что их достижения рассматриваются через призму интереса человека. Гуманизация образования предполагает активное внедрение в практику тех положений отечественной и зарубежной педагогики, которые акцентируют внимание на уважении личности, формировании критического мышления, самостоятельности, ответственности, личной зрелости, установлении гуманных отношений между педагогами и студентами.

Принцип основообразующего и системообразующего характера учебного материала. Основообразующий и системообразующий характер изучаемых знаний, обобщений, умений и навыков обусловлен тем, что учебный предмет, дисциплина представляют собой их научно переработанную систему.

Принцип интегративности построения и изучения учебных курсов, взаимосвязи и взаимообусловленности смежных дисциплин. Сущность интегративности образовательных курсов

состоит в органическом объединении крупных идей, факторов, обобщении сложных и родственных наук в едином учебном предмете.

Установление межпредметных связей обеспечивает глубокое проникновение в сущности мира. Основной принцип межпредметной интеграции в системе изучения дисциплин в техническом вузе заключается на практике в том, что элементы знаний гуманитарных, инженерных и специальных дисциплин конструируют из основных элементов фундаментальных знаний путем их укрупнения. При таком подходе к организации учебно-познавательной деятельности обеспечивается непрерывность и преемственность в изучении различных учебных дисциплин, снимается дублирование материала, а на занятиях по иностранному языку изучение предметной информации ведется одновременно на родном и иностранном языках. Интегративный подход к изучению специальных дисциплин на деле реализует принцип связи теории с практикой, актуализируя знания в профессиональной деятельности [1].

В нашем случае речь пойдет о концепции языкового образования, которая складывалась на протяжении многих лет. Складываются такие концепции под влиянием многих факторов: социальный заказ; основные методы обучения; конкретные технологии и приемы; основные цели и тенденции в области воспитания; ведущие лингвистические теории и т. п.

Языковое образование специалиста технического вуза предполагает: наличие коммуникативной компетенции; владение фоновыми знаниями об иностранном языке и стране изучаемого языка; знакомство с культурой профессионального общения на иностранном языке.

Социальный заказ общества подразумевает подготовку специалиста, владеющего коммуникативной компетенцией, достаточной для общения в бытовой сфере и в области профессиональных интересов.

Обучение иностранному языку должно носить личностно-ориентированный характер, способствовать развитию и актуализации

самосознания личности, содержать предпосылки познания себя и других. Личностно-ориентированный подход основывается на учете индивидуальных особенностей обучаемых, которым присущи свои характерные черты, склонности и интересы. Личностно-ориентированное обучение предполагает известную самостоятельность студентов при определении целей обучения, опору на имеющиеся у них знания, учет социокультурных особенностей и образа жизни молодых людей, их эмоционального состояния.

Личностно-ориентированные технологии обеспечивают признание индивидуальности студента, создание необходимых и достаточных условий для его развития. Индивидуальность рассматривается как неповторимое своеобразие каждого человека, осуществляющего свою жизнедеятельность в качестве субъекта собственного развития. Это своеобразие определяется совокупностью черт и свойств психики, формирующихся под воздействием разнообразных факторов, обеспечивающих анатомо-физиологическую и психическую организацию человека. С точки зрения обучения учет индивидуальностей означает раскрытие возможности максимального развития каждого студента, создания социокультурной ситуации развития, исходя из признания уникальности и неповторимости его психологических особенностей.

Технологизация личностно-ориентированного образовательного процесса предполагает специальное конструирование учебного текста, дидактического материала, методических рекомендаций, типов учебного диалога, форм контроля над процессом развития студента. Только при наличии соответствующего дидактического обеспечения, реализующего принцип субъектности образования, можно говорить о построении личностно-ориентированного процесса обучения [2].

Современное образование предполагает открытость будущему, а его дальнейшее развитие связано с преодолением закрытости и приданием процессу обучения открытого творческого характера.

Глобальной целью образования является свободное развитие индивидуальности. В открытом мире человеческая индивидуальность выступает в качестве основы общественных связей людей. Это обусловлено тем, что сложность и многообразие задач, возникающих перед обществом, требуют индивидуальной инициативы и индивидуального разнообразия. Поэтому свободное развитие индивидуальности является условием развития и эволюции общества. При этом важно осознание и порождение индивидуальных целей, которые направляют творческий процесс образования [3].

Под индивидуализацией понимается создание системы многоуровневой подготовки спе-

циалистов, учитывающей индивидуальные особенности обучающихся, позволяющей избежать уравниловки и предоставляющей каждому возможность максимального раскрытия способностей для получения соответствующего этим способностям образования.

Индивидуализация обучения может осуществляться по содержанию и объему учебного материала, а также времени его усвоения. При максимально возможном приближении темпа, направленности и других аспектов организации учебного процесса к индивидуальным стремлениям и возможностям обучаемых достигается активизация учебно-познавательной деятельности и повышается уровень учебной мотивации.

В этих условиях усиливается значимость научно-исследовательской деятельности студентов как важнейшего фактора формирования творческого специалиста, способного к саморазвитию.

Образование, ориентированное на педагогическое стимулирование всех видов «самости», в том числе самоактуализацию, представляет собой одно из основных направлений новой, зарождающейся сегодня педагогики высшей школы.

Для самоактуализирующейся личности студентов, занимающихся научно-исследовательской деятельностью, характерны такие качества, как спонтанность, индивидуальность, воображение, доверие к себе, открытость опыту и знанию опыта, независимость, автономность, коммуникабельность и т. п.

Можно предположить, что педагогическое стимулирование процесса самоактуализации личности студента есть фактор психолого-педагогического воздействия на эффективность научно-исследовательской деятельности [4].

Научно-исследовательская деятельность будущего специалиста способствует развитию его способностей принимать решения. Воспитание специалиста как исследователя основано на воспитании его как индивидуальности, способной творчески и критически подходить к решению любой проблемы.

Таким образом, формирование критического мышления у студентов следует рассматривать как одну из первостепенных задач при организации учебно-познавательной деятельности студентов. Критическое мышление определяет когнитивные навыки и стратегии, повышающие рациональность формулировки умозаключений и принятия решений.

Для традиционного обучения характерно недостаточное внимание к развитию навыков критического мышления, а это всегда заметно уменьшало эффективность учебного процесса. Ранее считалось, что более важно развивать критическое мышление у хорошо успевающих

студентов. Для плохо успевающих достаточно предоставить основной набор сведений для запоминания. В действительности же по мере профессионализации в вузе необходимо более активно влиять на развитие критического мышления студентов.

Современному обществу нужны высококвалифицированные кадры, способные самостоятельно пополнять и систематизировать знания, ориентироваться в потоке научной и технической информации, умеющие критически мыслить и защищать свою точку зрения. Им необходимо уметь предвидеть тенденции развития производства, быть коммуникабельными, проявлять индивидуальный подход к решению проблем, работать творчески [5].

Перед вузами ставится главная задача – обеспечить подготовку именно таких специалистов, и, следовательно, индивидуализация обучения представляется наиболее перспективным направлением организации учебно-познавательной деятельности студентов.

Достаточно важным фактором активизации развивающего потенциала вуза является опора на внутреннюю мотивацию учения студентов [6]. Система мотивации развивает и поддерживает активность как индивидуальной, так и коллективной, как самостоятельно и так и регламентируемой учебно-познавательной деятельности. К числу мотивов обучения следует отнести: профессиональный интерес, творческий характер учебно-познавательной деятельности, состязательность и игровой характер проведения занятий, эмоциональное воздействие. Возникающие эмоции активизируют человека и инициируют его на совершение деятельности, которая в значительной мере осуществляется под руководством преподавателя.

В настоящее время происходит именно такая модернизация учебного процесса, которая связана не только с обновлением учебного материала, но и с кардинальным изменением методик и технологий в процессе организации учебно-познавательной деятельности. Одним из важных компонентов этой модернизации и является индивидуализация процесса обучения, которая не только обеспечивает сохранение, но и ведет к развитию индивидуальности личности.

Таким образом, образование можно определить как специально организованный процесс развития у обучаемых способности самостоятельного решения проблем, имеющих социальное и личностное значение в различных сферах деятельности на основе освоения социального опыта, элементом которого является индивидуальный опыт обучаемых [7].

Разрабатываемые и внедряемые в учебный процесс на кафедре инновационные технологии

обучения иностранному языку (технология проектного обучения, технология коллективного взаимодействия, технология креативного обучения и др.) в значительной степени способствуют решению данной проблемы. Наиболее эффективной технологией является, на наш взгляд, технология модульного обучения, которая представляет собой обобщенную универсальную систему, органично и оптимально интегрирующую в себе многие технологии, необходимые для достижения конкретных образовательных и развивающих целей. Модуль как целостное единство содержания и технологии его изучения реализуется через комплекс технологий: коллективного взаимодействия, полного усвоения, разноуровневого обучения, адаптивной системы обучения, проектного обучения, Интернет-технологии и др. Основным принципом данной технологии является то, что студент включен в активный самостоятельный процесс учения в зависимости от его индивидуальных возможностей и способностей, а преподаватель сопровождает его в этом процессе, помогая освоить приемы обучения и самоуправления.

Заключение. Следовательно, в учебном процессе технологического типа разработка образовательного процесса должна идти не с позиции функции преподавателя, а в логике познавательной деятельности студентов.

Литература

1. Мельникова, С. И. Образование как целенаправленный процесс формирования личности / С. И. Мельникова // Инновации в образовании. – 2007. – № 10.
2. Сапронов, И. Сущностная характеристика современных образовательных технологий / И. Сапронов // Вестник высшей школы. – 2006. – № 11.
3. Асташкина, Н. В. Воспитание современного специалиста как индивидуальности / Н. В. Асташкина // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 7.
4. Гордеева, Н. А. Процесс самоактуализации студентов, занимающихся научно-исследовательской деятельностью / Н. А. Гордеева // Инновации в образовании. – 2007. – № 10.
5. Уляев, С. И. Индивидуализация процесса обучения в вузе / С. И. Уляев, С. В. Мовчанюк // Сб. науч. тр. / СевКав ГТУ. Сер. гум. науки. – 2007.
6. Шушляпин, О. И. Формирование критического мышления и обучающего интеллекта в целостной системе профессиональной подготовки будущего врача / О. И. Шушляпин // Инновации в образовании. – 2007. – № 10.
7. Лебедев, О. Е. Что такое качество образования? / О. Е. Лебедев // Высшее образование сегодня. – 2007. – № 2.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

The article dwells upon some aspects of arranging independent work of students in the process of foreign language teaching at a technical higher educational institution. Independent student work is regarded as a kind of educational work implying a certain level of independence of students in all its structural components. It is considered to be a means of forming students' cognition aimed at continual self-education. The article outlines the principles of arranging independent student work and its peculiarities in a technical higher educational institution, points out the principles of a humane approach and its role for increasing efficiency of such work. It describes some educational technologies used for arranging student independent work.

Введение. На современном этапе обучения самостоятельная работа становится одним из основных факторов подготовки специалистов. Это обусловлено сокращением количества аудиторных часов, решением индивидуальных социальных проблем студентами и увеличением дидактического объема учебного материала, вызванного растущим потоком научно-технической и общественно-политической информации.

Основная часть. Модернизация высшего образования в нашей стране связана по своей сути с переходом от парадигмы обучения к парадигме образования. Концепция образования в качестве приоритетной задачи определена необходимостью не только подготовки квалифицированного специалиста, но и формирования творческой личности, способной к саморазвитию, самообразованию, инновационной деятельности. Представляется, что самостоятельная работа студентов (СРС) должна стать одной из основных форм образовательного процесса. Цель СРС в обучении состоит как в освоении знаний, так и в формировании умений и навыков по их использованию в новых условиях на новом учебном материале. Эта работа призвана обеспечить возможность развития познавательной активности и осуществления студентами познавательной деятельности в обучении. Она является видом учебного труда, способствующего формированию личной ответственности [1].

Однако поскольку процесс обучения является двусторонним, в котором присутствует отношение «преподаватель – студент», самостоятельность в обучении не является абсолютной. Следует разграничивать управляемую и неуправляемую самостоятельную работу. Не существует также и единой формы организации самостоятельной работы, так как каждый вид работы требует своей формы и методов организации и проведения. Самостоятельная работа является одной из важнейших составляющих учебного процесса, в ходе которой происходит формирование навыков, умений и знаний и в дальнейшем обеспечивается усвоение студентом приемов познавательной деятельности, интерес к творческой работе и способность решать научные и технические задачи.

Существует разнообразие мнений относительно сущности познавательной активности, способов ее формирования и дальнейшего развития. Познавательная активность характеризует вид деятельности, отражает ее уровень, качество и характер; она направлена на получение, переработку и усвоение информации относительно различных сторон действительности и самого человека.

К наиболее эффективным направлениям деятельности педагогов по формированию познавательно-профессиональной активности студентов неязыковых вузов при изучении иностранного языка можно отнести:

- отбор учебного материала, который вызывает интерес, обеспечивает познавательную мотивацию, имеет профессиональную направленность;
- применение специальных стимулирующих приемов;
- включение студентов в различные активные виды деятельности и соответствующий контроль за этой деятельностью;
- интенсификация процесса обучения за счет использования технических средств (компьютерные программы, видео- и аудиозаписи);
- использование интерактивных форм и методов обучения.

Грамотный отбор учебного материала в значительной мере способствует правильной организации учебного процесса в целом и самостоятельной работы в частности. Учебный материал должен быть интересным и информативным, стимулирующим студента к работе.

В зависимости от курса задание для самостоятельной работы должно быть разным. На начальных этапах изучения предмета СРС должна ставить цель расширения и закрепления знаний и умений, приобретенных студентами на традиционных занятиях. На старших курсах СРС должна способствовать развитию творческого потенциала студентов. Задания могут носить индивидуальный или комплексный характер, но контроль СРС должен быть всегда индивидуальным.

При выборе вида самостоятельной работы, определении ее объема и содержания следует

руководствоваться основными принципами дидактики. Наиболее важными являются принципы доступности и систематичности, связи теории с практикой, постепенности в нарастании трудностей, дифференцированного подхода, творческой активности. СРС должна носить целенаправленный характер и иметь четкую и ясную формулировку целей. Это придает ей осмысленный характер и способствует более успешному выполнению поставленных задач и формированию познавательной активности студентов [2].

Выделяются основополагающие принципы, обеспечивающие целостность педагогического процесса и системность функционирования ее субъектов на этапе формирования познавательной активности студентов технических вузов при изучении иностранного языка. К ним относятся: принцип личностной значимости, принцип взаимодействия и сотрудничества, принцип индивидуализации, принцип проблемности, принцип креативности и комплексности.

Отличительными признаками активной познавательной деятельности являются качество и количество выполняемых студентами заданий, содержание и характер вопросов, задаваемых студентами преподавателю. Об особенностях познавательной деятельности можно судить по направленности внимания, напряженности умственных сил, характеру мыслительных операций (анализ, синтез, сравнение, обобщение) [3].

Мыслительная деятельность студентов относится к отдельному виду умственного труда, поэтому при организации самостоятельной работы студентов следует предусмотреть равномерное распределение нагрузки на память, мышление, внимание, зрительное восприятие. СРС оказывается эффективной, когда она по длительности и интенсивности не превышает границ умственной работоспособности. Следовательно, для повышения эффективности СРС необходимо планировать не только объем учебного задания и методику его выполнения, но и равномерное распределение нагрузок на мышление, память, учитывая индивидуальные особенности студентов. В таком контексте особое значение приобретает определение направлений организации учебного процесса в целом и самостоятельной работы в частности по иностранному языку в техническом вузе.

Прежде всего следует отметить, что поступившие в технический вуз имеют разный уровень подготовки по иностранному языку, что, естественно, требует учета при организации работы. Важным аспектом при обучении иностранному языку в техническом вузе является также принцип профессиональной направленности учебного процесса, выполнение которого невозможно без владения студентами опреде-

ленным объемом профессиональных знаний. Действительно, трудно научить студента знанию профессиональной лексики на иностранном языке, если он не имеет представления о смысле того или иного профессионального термина на родном языке. Представляется, что правильно организованная личностно-ориентированная СРС в значительной степени способствует решению данной проблемы.

Поскольку одной из основных задач обучения иностранному языку в техническом вузе является обучение студентов чтению и переводу оригинальной иноязычной литературы для извлечения нужной информации в сфере профессиональной деятельности, выбор студентами материала внеаудиторного чтения должен производиться с учетом направленности их профессионального интереса и уровня языковой подготовки. Такое чтение – это чтение для удовлетворения познавательных потребностей конкретной личности, и оно способствует развитию познавательной активности студентов, подготовке их к профессиональному самообразованию и оптимальному использованию приобретенных знаний.

Самостоятельное индивидуальное чтение наряду с выработкой у студентов навыков чтения и перевода научно-технической литературы помогает им приобрести навыки библиографического поиска и умения подготовки научно-деловых бесед по проблемам профессиональной деятельности.

К числу видов самостоятельной работы над иностранным языком относятся также подготовка тематических проектов, аудирование текстов, просмотр видеозаписей, работа с компьютерными программами, Интернет и др., так как все это дает возможность в значительной степени индивидуализировать обучение.

Опыт работы кафедры показывает, что построение методики преподавания, основанной на гуманистическом подходе, обеспечивает создание более оптимальных условий для повышения эффективности самостоятельной работы. Основными принципами гуманистического подхода являются:

- 1) признание высшей ценности личности, приоритет интересов обучаемых;
- 2) взаимоуважение педагогов и студентов, создание психологического климата доверия, непредвзятый подход преподавателей к студентам и принятие их изначальной самооценки;
- 3) обеспечение сотрудничества и совместной познавательной деятельности;
- 4) активизация мотивационных ресурсов обучения, развитие навыков самодисциплины и самообучения, стимулирование личностного развития;
- 5) формирование ответственности студентов за отношение к учебе, за собственный вклад

в процесс обучения, развитие навыков критической оценки своих знаний [4].

Когда студент заинтересован в содержании обучения, осознает ответственность за качество полученных знаний, это положительно влияет на его познавательную активность, которая является мерой его учебной мотивации.

Гуманистический подход в контексте языкового образования предусматривает и особые требования к методам обучения. Разрабатываемые на кафедре инновационные технологии обучения позволяют организовать учебный процесс и самостоятельную работу в нужном направлении.

Одной из наиболее эффективных методик при организации СРС представляется методика проектов, основные принципы которой при обучении иностранному языку следующие:

- коммуникативный аспект деятельности тесно переплетается с некоммуникативными аспектами;
- реализация интегративного подхода, т. е. взаимодействие всех четырех видов деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо);
- использование аутентичных материалов;
- проблемный характер заданий проекта;
- принцип сотрудничества между студентами, а также между студентами и преподавателями;
- стадийный характер проекта.

Самостоятельная работа по подготовке проектов вызывает большой интерес у студентов, так как именно при такой работе раскрывается творческий потенциал личности, происходит переход от управления к самоуправлению в процессе самостоятельной работы. Это решается за счет формирования самостоятельности, которое проходит три стадии: копирующая (воспроизводящая), преобразующая (полутворческая) и творческая. Исходя из стадий формирования самостоятельности выделяют три вида самостоятельной работы (СРС воспроизводящего вида, СРС полутворческого вида, СРС творческого вида), три вида управления самостоятельной работой (жесткое, полужесткое и гибкое) и три типа проектов (имитационные, промежуточные переходные и самостоятельные творческие) [5].

Неисчерпаемые возможности и ресурсы для организации самостоятельной работы студентов предоставляет Интернет. Преподаватели нашей кафедры применяют при обучении иностранному языку Интернет-технологии, ориентируя студентов на использование сети Интернет: для самостоятельного поиска информации при работе над проектом, для углубления знаний по изу-

чаемому иностранному языку, для самостоятельной подготовки к сдаче коллоквиума или экзамена, для самостоятельного непрерывного изучения иностранного языка в рамках международной системы E-Mail Tandem.

Эффективность всякой работы обеспечивается не только хорошей организацией, но и научно обоснованным контролем и самоконтролем, а также конечной оценкой работы. Оценка работы имеет огромное значение как стимулирующий, контролирующий и воспитующий фактор. Например, при работе над проектом (особенно, творческим) преподаватель и студент являются партнерами, контроль и самоконтроль происходят параллельно. Оценка же проекта проводится по заранее выработанным критериям: актуальность и новизна предлагаемых решений, сложность темы, объем разработок и уровень самостоятельности, интеллектуальная активность, качество представления и др.

Достаточно результативной формой контроля и стимулирования любого вида СРС является также рейтинговая система оценки деятельности работы студента, так как она позволяет эффективно контролировать и стимулировать работу студента как на занятиях, так и в процессе выполнения самостоятельной работы. Рейтинг – это индивидуальный цифровой показатель работы, который представляет собой объективную оценку знаний каждого студента.

Заключение. Таким образом, самостоятельная работа представляет собой такой вид учебной деятельности, при которой предполагается определенный уровень самостоятельности во всех ее структурных компонентах.

Литература

1. Золотухина, Л. С. Организация самостоятельной учебной деятельности студентов / Л. С. Золотухина // Адукацыя і выхаванне. – 2003. – № 12.
2. Воронина, А. С. Самостоятельная работа студентов / А. С. Воронина. – Екатеринбург: УГТУ, 2005.
3. Прохорова, Ж. Е. Изучение иностранного языка в неязыковых вузах / Ж. Е. Прохорова // Народная асвета. – 2004. – № 1.
4. Мыльцева, Н. А. Гуманизация языкового образования в специализированных вузах / Н. А. Мыльцева // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 12.
5. Лаврова, Е. В. Английский язык. Методика проектов по организации самостоятельной работы студентов / Е. В. Лаврова. – Минск: БГТУ, 2001.

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ

The article deals with some issues of translating non-equivalent lexical units and grammatical forms from English into Russian. The units of the original language, which do not have regular equivalents in the target language, are considered non-equivalent. Non-equivalent lexical units are most frequently neologisms, as well as words, which denote specific concepts and little-known names. The article pays special attention to the translation techniques and finding of occasional equivalents (contextual equivalents) which is a non-regular, exceptional context-bounded way of translating the units of the original language into the target language. It also dwells upon the kinds of occasional equivalents in the field of non-equivalent vocabulary as well as ways of translating grammatical forms, which do not have direct equivalents in the Russian language.

Введение. Сопоставительный анализ переводов обнаруживает, наряду с языковыми единицами исходного языка, имеющими единичные или множественные соответствия в переводном языке, и такие лексические и грамматические единицы, для которых в переводном языке нет прямых соответствий. Единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода, называются безэквивалентными.

Основная часть. Безэквивалентная лексика преобладает главным образом среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, и среди малоизвестных имен и названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода [1].

Перевод при помощи выбора одного из нескольких частичных соответствий является весьма распространенным способом перевода. Мастерство заключается в умении отыскать ряд соответствий единице оригинала и выбрать из этого ряда вариант, наиболее подходящий по условиям контекста. Однако существование у единицы исходного языка одного или нескольких переводческих соответствий не означает обязательного появления таких соответствий в любом переводе, если в оригинале использована данная единица. В ряде случаев условия употребления языковой единицы в контексте вынуждают отказаться от использования регулярного соответствия и найти вариант перевода, наиболее точно передающий значение единицы исходного языка в данном контексте.

Нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста, называется окказиональным соответствием, или контекстуальной заменой.

Безэквивалентными грамматическими единицами могут быть как отдельные морфологические формы (герундий) и части речи (артикл), так и синтаксические структуры (абсолютные конструкции). Как и соответствия, безэквивалентные единицы выявляются только по отношению к одному из пары анали-

зируемых языков. Единица исходного языка, безэквивалентная по отношению к данному переводному языку, может иметь регулярные соответствия в других языках.

Наличие безэквивалентных единиц не означает, что их значение не может быть передано в переводе или что они переводятся с меньшей точностью, чем единицы, имеющие прямые соответствия. Мы уже видели, что соответствия могут лишь частично совпадать по значению с переводимой единицей и что нередко при переводе используются контекстуальные замены даже при наличии регулярных соответствий. Аналогичным образом при переводе безэквивалентной единицы переводчик тем или иным способом создает окказиональное соответствие. В области перевода безэквивалентной лексики применяются следующие типы окказиональных соответствий.

1. Соответствия-заимствования, воспроизводящие в переводном языке форму иноязычного слова: tribalism – трайбализм; know-how – ноу-хау; impeachment – импичмент. Такие соответствия создаются с помощью переводческого транскрибирования или транслитерации. Во многих случаях окказиональные соответствия, созданные подобным образом, могут закрепиться в переводном языке и регулярно использоваться при переводе соответствующих слов. Таковы, например, русские соответствия английским словам Wall Street – Уолл-стрит; beatnik – битник; pop-art – поп-арт; striptease – стриптиз и многие другие.

2. Соответствия-кальки, воспроизводящие морфемный состав слова или составные части устойчивого словосочетания в исходном языке: backbencher – заднескамеечник; brain drain – утечка мозгов; work-to-rule – работа (строго) по правилам; people of good will – люди доброй воли. И в данном случае различие между окказиональными и регулярными соответствиями часто оказывается временным. Многие соответствия, созданные путем калькирования, широко распространяются в переводческой практике, а затем начинают использоваться и в непереводных материалах на переводном языке.

В результате соответствующие единицы исходного языка вых одят из р азр яда безэквивалентных, приобретая постоянные соответствия.

3. Соответствия-аналоги, создаваемые путем подыскания ближайшей по значению единицы переводного языка для безэквивалентной единицы исходного языка: drugstore – аптека; witchhunter – мракобес; afternoon – вечер. Как и во многих других случаях применения окказиональных соответствий, близость значений эквивалентных единиц в оригинале и переводе здесь далеко не полная, и подобный перевод применим лишь в определенном контексте. Аптека – это не впо же то же само е что drugstore; в русских аптеках продаются только лекарства и средства гигиены, а в амер ижанских «драгсторах» продаются также предметы первой необходимости, газеты, журналы, безалкогольные напитки, кофе, мороженое, закуски и пр. Поэтому для перевода предложения Food is awful in drugstores вариант аптека окажется неприменим [2].

Witchhunter – это не пр ото мр жобес, а американский реакционер, организатор преследований прогрессивных лиц, охотник за ведьмами. Для общей характеристики людей подобного типа мракобес оказывается достаточным соответствием, в других случаях будет использован описательный перевод или калька.

Afternoon, конечно, не вечер, ведь существует еще evening – это вторая половина дня после полудня, но если участники конференции проводят в день два заседания – morning session и afternoon session, то по-русски они будут называться дневным и вечерним.

4. Соответствия лексические замены, создаваемые при передаче значения безэквивалентного слова в контексте с помощью одного из видов переводческих трансформаций, которые лингвистическая теория использует при описании процесса перевода. При этом окказиональное соответствие создается путем семантических преобразований значения безэквивалентно ю слова. Так, пр и перево де в р вличных случаях на русский язык английского exposure, не имеющего прямого соответствия, например, в предложении He died of exposure в зависимости от широкого контекста могут быть использованы трансформации конкретизации или модуляции (смыслового развития): Он умер от простуды; Он погиб от солнечного удара; Он замерз в снегах и т. д.

5. В случае невозможности создать соответствие указанными выше способами для перевода безэквивалентного слова используется описание, раскрывающее значение безэквивалентного слова при помощи развернутого словосочетания: landslide – победа на выборах подавляющим большинством голосов; coroner – следователь, проводящий дознание в случае насильственной

или скоростижной смерти. Нередко использование транскрипции или кальки для перевода безэквивалентного слова сопровождается описанием значения этого слова в специальном примечании или сноске. Это дает возможность сочетать краткость и экономность средств выражения, свойственные транскрибированию и калькированию, с обеспечением полного понимания окказионального соответствия рецептором перевода. Разъяснив однажды значение переводимой единицы, переводчик может в дальнейшем использовать транскрипцию или кальку уже без объяснений [2].

Таким образом, значения безэквивалентных слов в конкретных контекстах передаются с помощью указанных способов столь же успешно, как и значения слов, имеющие постоянные или вариантные соответствия.

Не вызывает особых трудностей при переводе и существование в исходном языке безэквивалентных грамматических единиц. Как уже было указано, выбор грамматической формы при переводе зависит не только и не столько от грамматической формы оригинала, сколько от ее лексического наполнения, т. е. от характера и значения лексических единиц, получающих в высказывании определенное грамматическое оформление. Различия в таком оформлении, как правило, не являются препятствием для установления отношений эквивалентности между высказываниями в оригинале и в переводе. Отсутствие в переводном языке однотипного соответствия для той или иной формы исходного языка означает лишь невозможность использовать в переводе аналогичную форму или пословный перевод. Здесь можно отметить три основных случая.

1. Нулевой перевод, т. е. отказ от передачи значения грамматической единицы вследствие его избыточности. Грамматическое значение нередко дублируется в высказывании с помощью иных лексических или грамматических средств. В таких случаях безэквивалентная единица получает в переводе «нулевое соответствие», т. е. попросту говоря, опускается:

Give me the book that you bought yesterday. – Дай мне книгу, которую ты купил вчера.

By that time he had already left the country. – К этому времени он уже уехал из Англии.

В первом из этих предложений значение определенного артикля дублируется смыслом придаточного предложения, во втором – значение предшествования, выраженное формой Past Perfect, избыточно из-за наличия в высказывании лексических указателей предшествования к этому времени и уже [3].

2. Приближенный перевод заключается в использовании в переводе грамматической единицы переводного языка, которая в данном контексте частично соответствует безэквива-

лентной грамматической единице исходного языка. Так, абсолютная конструкция в современном английском языке не имеет русского соответствия, если ее рассматривать как единицу грамматического строя. Она имеет комплексное, нерасчлененное значение, объединяющее ряд обстоятельственных отношений. Однако в конкретном высказывании на первый план может выдвинуться один или два вида таких отношений (временных, причинно-следственных, условных, уступительных и пр.), что позволяет окказионально приравнять к абсолютной конструкции в оригинале соответствующую русскую структуру [3]. В следующем примере абсолютная конструкция имеет явно временную функцию:

Business disposed of Mr. Swiveller was inwardly reminded of its being high dinner-time. – Когда с этим делом было покончено, организм мистера Свивеллера напомнил ему, что час обеда уже близок.

3. Трансформационный перевод заключается в передаче значения безэквивалентной единицы с помощью одной из грамматических трансформаций, которые наряду с лексическими трансформациями применяются при описании процесса перевода. В следующем примере английская абсолютная конструкция, вводимая предлогом *with*, заменяется в русском переводе самостоятельным предложением (трансформация синтаксического членения) [4]:

The old capitalists and bureaucratic managements remained the directors and managers of the new nationalized industries, with a few right-wing trade-union officials thrown in for luck. – Старые хозяева и административное руководство стали директорами и управляющими новых национализированных предприятий. Кроме того, было добавлено для вида несколько правых профсоюзных чиновников.

Заключение. На всех уровнях языковой структуры описание соответствий в рамках частной теории перевода не сводится к перечислению возможных способов передачи в переводном языке значения какой-либо конкретной единицы исходного языка (как это, например, делается в любом двуязычном словаре), а ставит перед собой задачу раскрыть типовые особенности создания и выбора соответствий для достаточно большой группы языковых единиц. Описание системы соответствий сопровождается выявлением условий, определяющих возможность использования соответствий того или иного вида [5].

Таким образом, понятие системы переводческих соответствий имеет не статический, а динамический характер. Это не просто пары соотнесенных единиц в двух языках, а система отношений между коммуникативно равноценными единицами, от которых зависит реальная взаимозаменяемость таких единиц в процессе перевода, а также набор способов создания окказиональных соответствий в тех случаях, когда условия контекста препятствуют использованию стандартных способов перевода.

Литература

1. Влахов, С. Непереводимо е в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Высшая школа, 1980.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Рыночная школа, 1990.
3. Апполова, М. А. Грамматические трудности перевода / М. А. Апполова. – М.: Высшая школа, 1977.
4. Ермолович, Д. И. Основы профессионального перевода / Д. И. Ермолович. – М.: Высшая школа, 1996.
5. Паршин, А. Теория и практика перевода / А. Паршин. – М.: Аркти, 1995.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

This article is dedicated to the problems of choosing appropriate interaction, methods and technologies of teaching students of non-linguistic universities English for special purposes. We consider developing creative personality of modern students by means of this academic subject to be the most actual for making them professionals and prominent figures.

Введение. Изменение социальных, политических, рыночных условий, модернизация производственного сектора, развитие новых отраслей промышленности, разработка и внедрение новых технологий и техники отражаются на квалификационных требованиях, предъявляемых выпускникам вузов.

В свете этого современная система высшего технического образования претерпевает ряд изменений: меняются образовательные стандарты; вводятся новые учебные дисциплины; осуществляется подготовка по новым специальностям и специализациям; производится многоуровневая подготовка специалистов: студент → бакалавр → магистр; учебная деятельность студентов профессионально и творчески направлена: репродуктивная деятельность → репродуктивно-творческая деятельность → рефлексивно-творческая деятельность → творческая деятельность; происходит интеграция дисциплины «Иностранный язык» с профилирующими предметами.

Основная часть. Белорусский государственный технологический университет (БГТУ) готовит специалистов по следующим химическим специальностям: химическая технология производства и переработки неорганических материалов, химическая технология производства полимерных соединений, химическая технология производства изделий из стекла и керамики, конструирование и производство изделий из композиционных материалов и пр.

В соответствии с Образовательным Стандартом Республики Беларусь для высших технических учебных заведений (РД РБ 02100.5.084-98) предъявляются следующие требования к умениям специалистов квалификации «инженер-химик-технолог»: на научной основе организовать свой труд; владеть методами сбора, хранения и обработки информации в сфере профессиональной деятельности; самостоятельно принимать решения; разрабатывать и вести техническую документацию; организовать делопроизводство; рассчитывать эффективность проектных и технологических решений с учетом конъюнктуры рынка; проводить научные исследования по разработке и совершенствованию технологических процессов [1].

Также БГТУ готовит экономистов следующих специализаций: маркетолог, специалист по

рынку; менеджер, специалист по управлению предприятием; бухгалтер, специалист по работе с финансами.

Согласно Образовательному Стандарту Республики Беларусь для высших технических учебных заведений (РД РБ 02100.5.122-98), предъявляются следующие требования к умениям специалистов квалификации «экономист»: на основе учетно-аналитической информации разрабатывать обоснованные рекомендации и предложения по повышению экономической эффективности хозяйственной деятельности; владеть методами сбора, хранения и обработки информации в сфере профессиональной деятельности; самостоятельно принимать управленческие решения; разрабатывать и вести учетно-аналитическую документацию; наладить делопроизводство; организовать творческую и мотивированную работу коллектива; проводить научные исследования по разработке и совершенствованию технологических процессов; иметь навыки оценки эффективности внешнеэкономической деятельности, критического анализа и оценки различных экономических теорий и конкуренции [2].

Производственно-прикладное значение указанных специальностей, тесная связь теоретико-практического курса обучения с научно-исследовательской деятельностью обучаемых, технологическая оснащенность и заданность учебного процесса технического вуза задают уровень профессионально-ориентированной подготовки будущих специалистов не только по профилирующим, но и по социально-гуманитарным дисциплинам.

Так, в соответствии с Образовательным Стандартом Республики Беларусь по преподаванию цикла социально-гуманитарных дисциплин в высших технических учебных заведениях страны (РД РБ 02100.5.227-99) предъявляются следующие требования к знаниям и умениям выпускника по дисциплине «Иностранный язык»: знать основные фонетические, грамматические, лексические правила, позволяющие использовать иностранный язык как средство профессионального общения; уметь анализировать оригинальные научные, социально-политические тексты; приобрести навыки ведения общения профессионального характера на иностранном языке, чтения и перевода литературы по

специальности без словаря с целью извлечения информации, составления аннотаций и реферирования деловой документации [3].

Как видно из приводимых руководящих документов, современного специалиста должны отличать:

- положительная мотивация деятельности, рефлексивная деятельность (анализ и обработка профессиональной документации и информации);
- ведение самостоятельной исследовательской и научной деятельности по специальности;
- творческая активность в профессиональной сфере.

Соответственно, профессионально-ориентированное, интегрированное с профилирующими дисциплинами обучение будущих специалистов иностранному языку в техническом вузе сегодня отличает:

1) активное привлечение студентов к ведению учебно-исследовательской и научно-исследовательской деятельности по специальности на изучаемом языке;

2) эффективное влияние на сознание будущих специалистов посредством развития профессиональной направленности студентов в процессе изучения иностранного языка на разных уровнях их коммуникативной компетентности;

3) формирование положительной мотивации ведения профессионально-ориентированной учебно-исследовательской деятельности в процессе изучения иностранного языка;

4) комплексное применение технологий проблемного и игрового обучения, активных методов профессионально-ориентированного обучения, способствующих проявлению творческого потенциала студентов и развитию у них творческой направленности;

5) подготовка студентов к ведению самостоятельной профессиональной деятельности в динамично меняющихся социально-экономических условиях в сотрудничестве с зарубежными коллегами [4].

Обеспечению эффективности учебного процесса по иностранному языку способствует развитие профессиональной направленности студентов. Данной проблеме посвящены труды ряда отечественных и зарубежных исследователей.

Так, профессиональная направленность личности определяется П. Вайнцвайгом как проявление целевых ориентаций личности [5], В. А. Сластениным как ее свойство, о котором можно судить по двум критериям: успешному овладению профессией и степени удовлетворения человека своим трудом [6].

Однако, на наш взгляд, высшим уровнем развития профессиональной направленности будущего специалиста является его целеполагание ведения самостоятельной исследовательской, профессиональной деятельности, потреб-

ность в профессиональном самосовершенствовании, творческой самореализации.

Мы разделяем позицию ученых, рассматривающих профессиональную направленность студентов в контексте творчества. Как отмечает И. П. Калошина, большую роль в процессе формирования будущего специалиста играет его стремление к профессиональной самореализации, важной составляющей которой является творческая направленность и активность личности [7].

П. К. Энгельмейер видит сущность профессионального творчества в сочетании умения действовать самостоятельно и адекватно, осмысливая свою деятельность в свете научно-теоретических знаний [8].

По мнению В. И. Андреева, осознание специалистом степени своего мастерства и идеальных моделей, являющихся синтезом науки и практики, преломленных через собственную индивидуальность, служит ориентиром для формирования самостоятельной профессиональной позиции творческого, новаторского характера [9].

Из вышеизложенного становится очевидной важность синтеза профессиональной и творческой направленности личности при формировании сознания будущего специалиста в процессе обучения иностранному языку в техническом вузе.

Мы определяем профессионально-творческую направленность студента (ПТНС) как совокупность:

– *ведущих мотивов* профессионально-творческой деятельности (стремление к профессионально-творческому самовыражению, творческой самореализации в профессиональной деятельности, активной инновационной и исследовательской творческой деятельности в профессии);

– *творческих проявлений* личности в профессиональной сфере (продуктивное мышление, рефлексивные механизмы и эвристический потенциал, творческая активность, активно-преобразующая профессиональная деятельность);

– *мотивационно-творческой активности* (органическое единство профессиональных навыков с высоким уровнем творческих способностей, позволяющих специалисту достигнуть прогрессивных, социально и личностно значимых творческих результатов в профессиональной деятельности).

В предлагаемой нами модели формирование ПТНС в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку осуществляется в три этапа:

1) ПТ-потенциальный (учебная деятельность репродуктивна, не носит творческий либо профессиональный характер, происходит

формирование положительной мотивации ведения творческой и профессионально-ориентированной учебно-исследовательской деятельности, большое значение имеет фактор позитивной эмоциональной среды);

2) ПТ-продвинутый (учебная деятельность рефлексивна, носит творческий характер, большую роль играет фактор рефлексивно-творческой активности);

3) ПТ-направленный (учебная деятельность профессионально направлена ввиду интегрированности процесса обучения иностранному языку с профилирующими дисциплинами, носит творческий характер, обучаемые проявляют навыки творческой и рефлексивной деятельности при решении профессионально-ориентированных задач).

Развитие ПТНС в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку мы видим в контексте следующих педагогических технологий:

– технологии сотрудничества педагога и студента – личностно-ориентированные (антропоцентрические) технологии, гуманно-личностные технологии;

– технологии на основе активизации и интенсификации учебной деятельности обучаемых – совокупное применение проблемной технологии обучения (отбор актуальных задач для проектной работы на занятиях по иностранному языку; создание проблемных ситуаций, требующих активной рефлексивной, познавательной деятельности студентов по специальности) и технологии игровых имитаций (имитация профессиональной проблемной ситуации, решение которой требует синтеза профессиональной и творческой активности, проявления продуктивного мышления на изучаемом языке);

– технологии сотрудничества педагога и студента в исследовательской деятельности на изучаемом языке – привлечение студентов к ведению самостоятельной профессионально-ориентированной деятельности на иностранном языке (аннотирование, реферирование оригинальных текстов; подготовка докладов на иностранном языке по специальности на научные конференции) [10].

Рассмотрим примеры комплексного применения указанных технологий обучения иностранному языку в процессе развития ПТН студентов технического вуза.

1. Основой профессионально-ориентированной иноязычной монологической и диалогической речи служат, помимо прочих, умения дать четкое определение обсуждаемой темы и понятийного аппарата по ней, высказать собственное мнение по обсуждаемой проблеме.

Научиться этому можно только при достаточно обширной практике ведения бесед, дис-

путов в ходе обучения иностранному языку. Овладению подобными навыками, развитию рефлексивного и продуктивного мышления студентов способствует, на наш взгляд, составление студентами толкового словаря изучаемых профессиональных терминов. При этом творческая активность студентов проявится в большей степени, если дополнить данное задание составлением кроссворда по изучаемой лексической теме.

2. Завершая работу со студентами (II курса) на среднем профессионально-ориентированном уровне коммуникативной компетенции, предоставим обучаемым возможность проверить глубину их знаний в игровой имитации «Синхронный переводчик» (СП). Понадобятся два плеера с аудиокассетами, составленный двумя студентами диалог по пройденному материалу с чередующимися английским и русским языками в вопросах и ответах.

Один из обучаемых рожает СП, а двое других беседуют между собой посредством только СП (так как услышать ответ или вопрос им мешает музыка, звучащая из наушников плееров). Задав вопрос по-английски, первый собеседник надевает наушники и не слышит перевод СП на русский язык. Отвечающий, выслушав переведенный СП вопрос, отвечает по-русски и надевает наушники. Собеседники снимают их только, когда СП обращается к ним с переводом очередного ответа или вопроса. Данная имитация позволяет вам проконтролировать усвоение студентами пройденного материала, студентам проявить творческое мышление в работе с профессионально-ориентированной лексикой.

3. Ведение самостоятельной учебно-исследовательской работы с оригинальной литературой по специальности, сбор и анализ данных по заданной проблеме – неотъемлемая часть развития ПТН студентов технического вуза, так как данный процесс способствует творческой самореализации будущего специалиста. Результатом ведения самостоятельной исследовательской профессионально-ориентированной деятельности на иностранном языке студентами II, III курсов БГТУ является подготовка ряда тематических сборников рефератов по их специальности в англо-русской версии.

В период 2002–2007 гг. были созданы семь сборников студентами химических и экономических специальностей БГТУ. К наиболее успешным с позиции развития ПТН авторов мы относим, например, следующие работы:

– химические технологии. Сборник рефератов по английскому языку химиков-технологов. Разделы сборника: минералогия; стекло и керамика; химические удобрения; вяжущие и строительные материалы; экология (экологические аспекты утилизации отходов предприятий химического комплекса);

– экономика производства. Сборник рефератов по английскому языку бакалавров экономических наук. Разделы сборника, основой которого были курсовые проекты студентов: экономика, маркетинг, бухгалтерский учет; экология предприятий; экономика предприятий деревообрабатывающего комплекса; экономика предприятий химического комплекса.

Заключение. Развитие ПТН студента в процессе изучения иностранного языка происходит через сотворчество с талантливой творческой личностью.

Чтобы студенты стремились к профессионально-творческой самореализации в результате развития у них ПТН, преподавателю иностранного языка в ходе педагогического взаимодействия с обучаемыми необходимо соблюдать ряд педагогических условий:

1) постоянно поддерживать у студентов желание приобщаться к профессиональной деятельности, поощрять творческую активность студентов в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку;

2) создавать атмосферу творчества и сотворчества в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку, приобретения нового опыта ведения профессионально-творческой самостоятельной деятельности исследовательского, научного характера;

3) стимулировать правильные взаимоотношения в различных системах профессионально-ориентированного иноязычного общения: «общество – группа – личность», «коллектив – микрогруппа – личность», «преподаватель – группа студентов», «преподаватель – студент», «студент – студенческая группа».

Литература

1. Образовательный Стандарт Республики Беларусь РД РБ 02100.5.084-98 для высших

технических учебных заведений. Специальность Т.15.01.00 Химическая технология производства и переработки неорганических материалов. – Минск, 1999.

2. Образовательный Стандарт Республики Беларусь РД РБ 02100.5.122-98 для высших технических учебных заведений. Специальность Э.01.07.00 Бухгалтерский учет, анализ и аудит. – Минск, 1999.

3. Образовательный Стандарт Республики Беларусь РД РБ 02100.5.227-99 для высших технических учебных заведений. Цикл социально-гуманитарных дисциплин. – Минск, 1999.

4. Пионова, Р. С. Педагогика высшей школы: учеб. пособие / Р. С. Пионова. – Минск: Высшая школа, 2005.

5. Вайнцвайг, Поль. Десять заповедей творческой личности / Поль Вайнцвайг. – М.: Прогресс, 1990.

6. Слостенин, В. А. Педагогика: инновационная деятельность / В. А. Слостенин. – М.: Магистр, 1997.

7. Калошина, И. П. Структура и механизмы творческой деятельности: нормативный подход / И. П. Калошина. – М.: Изд-во ИГУ, 1983.

8. Энгельмейер, П. К. Теория творчества / П. К. Энгельмейер. – СПб.: Образование, 1910.

9. Андреев, В. И. Педагогика творческого саморазвития: инновационный курс: в 2 кн. / В. И. Андреев. – Казань: Изд-во КГУ, 1996. – Кн. 1.

10. Романова, А. М. Взаимодействие преподавателя и студентов при развитии профессионально-творческой личности обучаемых / А. М. Романова // Гуманизация и демократизация педагогического процесса в условиях университетского образования: материалы Международного семинара, Китев, 5–8 сент. 2006 г. / Софийский университет «Св. Кл. Охридски». – Китев, 2006. – С. 5.

М. Н. Семенчик, преподаватель

СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА

The article dwells upon burnout syndrome and conditions favouring its arising. Burnout has been defined as a process of gradual loss of emotional, cognitive, and physical energy that is reflected in symptoms of emotional exhaustion, cognitive weariness, physical fatigue, depersonalisation and reduced satisfaction with the job done. It is regarded as a result of chronic stress at the workplace which has not been successfully dealt with. Diagnostic criteria, possible therapies and methods of prevention are discussed. Special attention is paid to the psychological aspects of teaching staff burnout. Key words: burnout syndrome, burnout, prevention and therapy of burnout.

Введение. Профессия преподавателя относится к разряду стрессогенных и требует большого умственного и эмоционального напряжения, а следовательно, и значительных резервов самообладания и саморегуляции. Но, к сожалению, преподавателя не всегда готовят к возможным эмоциональным перегрузкам, целенаправленно не формируют у него соответствующих знаний, умений и качеств личности, необходимых для минимизации и преодоления психологических трудностей профессии. А ведь как соматическое, так и психологическое здоровье педагога является одной из составляющих успеха в процессе воспитания школьников и студенческой молодежи. Хронические состояния (в том числе и эмоциональное выгорание (ЭВ)), которые иногда называют профессиональными деформациями, со временем закрепляются на уровне личностных структур и становятся характерными. А неудовлетворение базовых потребностей (в безопасности, самоуважении и др.), требование непрерывности образования, самообразования и саморазвития создают дополнительную нагрузку на преподавателя высшей школы и фон, на котором более явственно проявляется возникновение профессиональных деформаций личности.

Основная часть. Способность современного преподавателя изменять педагогическое пространство зависит не только от индивидуальности, но и от компетентности, умения работать в личностно-ориентированной парадигме. Профессиональные деформации личности проявляют эту неспособность, что во многом усугубляет тяжесть их последствий как для самой личности, так и для общества в целом. По определению А. В. Козловой, профессиональные деформации личности – это ее самоорганизация по пути упрощения системы (системы собственной личности, системы взаимодействия), что затрудняет выход личности за пределы ситуативно-обыденного в профессиональной жизни [1]. Проявления профессиональных деформаций личности связаны с реализацией адаптивного профессионального поведения и практически не осознаются преподавателем.

В мире до сих пор идут споры о том, является ли синдром эмоционального выгорания (далее СЭВ) болезнью или же вполне нормальной реакцией на необходимость постоянного общения с людьми, которых ты не выбираешь, которые зачастую тебе не близки и не интересны. Впервые термин «выгорание» (в английском варианте «burnout») был введен американским психиатром Х. Френденбергером в 1974 г. для характеристики психологического состояния здоровых людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с другими людьми в эмоционально загруженной атмосфере. Именно во взаимодействии с другими возникает выгорание, и именно этим оно отличается от переутомления, являющегося результатом интенсивного труда в любой сфере деятельности.

По определению психолога К. Маслач, «психическое выгорание» – это состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы [2]. Иногда ЭВ описывается также как «ощущение физического и духовного истощения, которое начинается как стресс, связанный с работой, но может затрагивать гораздо большие стороны жизни человека» [2].

Н. В. Самоукина считает, что «профессиональному выгоранию» (термин автора) больше подвержены сотрудники, которые по роду службы вынуждены много и интенсивно общаться с различными людьми, знакомыми и незнакомыми. Прежде всего, это руководители, менеджеры по продажам, медицинские и социальные работники, консультанты, преподаватели, полицейские и др. Именно такие профессии Н. В. Самоукина относит к «группе риска». Она же подчеркивает важность индивидуальных личностных особенностей человека в аспекте его склонности к профессиональному выгоранию. По мнению Н. В. Самоукиной, особенно быстро «выгорают» сотрудники, имеющие интровертированный характер, индивидуально-психологические особенности которых не согласуются с требованиями коммуникативных профессий. Также она подчеркивает, что женщины в большей степени, чем

мужчины, подвержены профессиональному выгоранию в связи с необходимостью постоянно доказывать свои профессиональные возможности в условиях жесткой конкуренции с ними [3].

По мнению С. Н. Жеребцова, ЭВ – это такое состояние эмоционального и физического истощения, возникающее вследствие продолжительных профессиональных стрессов средней интенсивности, когда человек не может полноценно функционировать [4].

В процессе обучения у педагога часто возникают самые разнообразные эмоции, в том числе и такие, которые нельзя выразить именно тому, с кем эти эмоции связаны. Происходит это по причине наличия образа-эталона «сильного» и «всезнающего» педагога, который является частью профессионального и личностного самосознания, а также в связи с отсутствием навыков конструктивного проявления сильных негативных чувств. Частое и сильное переживание негативных чувств приводит к тому, что психика теряет способность на более или менее проживание любых чувств и ощущений, человек становится отчужденным от самого себя и, как крайний вариант, эмоционально мертвым. Тогда выгорание само становится механизмом психологической защиты.

Структура СЭВ (по В. В. Бойко) представляет собой последовательность трех фаз.

1. Напряжение. Данный этап включает переживание человеком психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, «загнанность в клетку», тревогу и депрессию.

2. Резистенция. Эта фаза более всего характерна тем, что человек уже так или иначе проявляет свои эмоции по отношению к своему состоянию. Как зеркало, которое отражает внутренний мир, эмоциональная сфера начинает производить негатив. Человек испытывает противоречивые чувства по отношению к коллегам и обучаемым, демонстрирует неадекватные эмоциональные реакции, интерпретируемые партнерами, как неуважение к ним, практикует упрощение профессиональных обязанностей, хотя интеллект и навыки сохранены, но при пустом взгляде и холодном сердце. Это не может длиться вечно: согласно законам физиологии, если боль слишком сильна, мозг рано или поздно отключит болевые ощущения. И тогда наступает третья стадия.

3. Истощение. Запас сил и воли человека сведен к нулю. Присутствует резкость, озлобленность, грубость, осуждение бывших профессиональных ценностей, отстраненность, иногда – социальная изоляция. Появляются первые психосоматические симптомы: головные и спинные боли, бессонница, апатия, депрессия, тошнота, а затем и любые другие психосоматические болезни, обжорство или анорексия [6].

Рассмотрим факторы, способствующие развитию СЭВ. Ключевым компонентом развития синдрома выгорания является стресс на рабочем месте: несоответствие между личностью и предъявляемыми к ней требованиями. К организационным факторам, вызывающим выгорание, относятся следующие: высокая рабочая нагрузка; отсутствие или недостаток социальной поддержки со стороны коллег и начальства; недостаточное вознаграждение за работу, как моральное, так и материальное; невозможность влиять на принятие важных решений; неоднозначные требования; постоянный риск штрафных санкций (выговор, увольнение); однообразная, монотонная и бесперспективная деятельность. Кроме того, следует отметить, что работа в ситуации распределенной ответственности ограничивает развитие СЭВ, а при нечетко распределенной ответственности за свои профессиональные действия ролевой фактор резко возрастает даже при существенно низкой рабочей нагрузке. Также характерно влияние следующих факторов, некоторые из которых присущи сугубо высшей школе: низкая профессиональная пригодность к педагогической деятельности по личностным качествам; низкий уровень подготовленности по преподаваемой дисциплине; недостаточные знания и умения в области психологии и методики преподавания своего предмета; обучение «немотивированных» студентов, постоянно сопротивляющихся усилиям преподавателя, саботирующих его активность; отсутствие внутренней мотивации (отношение к работе как к тяжелой необходимости, не как к чему-то, приносящему удовлетворение); нехватка условий для самовыражения на работе – при подавлении экспериментирования и инноваций; преобладание мотивации избегания наказания над мотивацией достижения успеха; слабое здоровье, низкая сопротивляемость организма стрессовым воздействиям; неразрешенные личностные проблемы, отсутствие поддерживающих отношений с родственниками и близкими (по данным некоторых исследований, более предрасположенными к выгоранию являются лица, не состоящие в браке) [5].

Однако, как утверждает российский психолог А. В. Козлова, СЭВ не представлен широко среди преподавателей высшей школы. В основе синдрома выгорания, согласно методике В. В. Бойко и литературным данным, лежит стресс. Профессиональные деформации личности преподавателей вузов – явление реальное, имеющее свои акценты, обусловленные спецификой труда (меньшая интенсивность межличностного общения с обучающимися и коллегами, чем в средней школе; разработка новых учебных курсов, ведение научно-исследовательской работы, побуждающей к активному осмыслению про-

фессиональной и личной жизни, а отсутствие таковой значительно усиливает давление стереотипности профессии и др.). У преподавателей вуза природа синдрома выгорания носит экзистенциальный, а не стрессовый характер. СЭВ, характеризующийся стрессовой основой, среди преподавателей высшей школы незначителен (5%) [1]. Это проявляется, прежде всего, очень низкими показателями смысловых ориентаций и самоактуализации. Данный факт указывает на одну из психологических особенностей профессиональных деформаций личности преподавателей высшей школы. А. В. Козлова подчеркивает, что эффективное преодоление этих деструктивных новообразований обеспечивается в первую очередь осознанием, рефлексией преподавателями присущих им деформационных тенденций. Непременным условием конструктивных изменений поведения и связанных с ним сущностных характеристик личности является повышение уровня самосознания преподавателя. А интегрированное в образовательное пространство технология профессионального развития личности специалиста является организационно-педагогическим условием.

Немаловажная роль в борьбе с СЭВ принадлежит самому работнику. Соблюдая перечисленные ниже рекомендации, педагог сможет предотвратить его возникновение:

- определить свои кратко- и долгосрочные цели, «расставить приоритеты»;
- овладеть умениями и навыками саморегуляции и релаксации, применять упражнения, уменьшающие стресс (например, дыхательные), поддерживать хорошую физическую форму;
- практиковать сотрудничество с представителями других служб, что дает ощущение более широкого мира, чем тот, который существует внутри отдельного коллектива;
- избегать ненужной конкуренции. Слишком большое стремление к «победе» создает напряжение и тревогу, делает человека излишне агрессивным;
- придерживаться сбалансированного стиля жизни (оставлять время для отдыха, развлечения и увлечений, не связанных с работой: у

преподавателя должно быть и «личное пространство» – своя жизнь, со своим смыслом, никак не сводимым к реализации социальных и культурных программ);

- поддерживать удовлетворяющую социальную жизнь;
- признавать и принимать свое несовершенство в каких-то областях;
- влиять на факторы, вызывающие стресс (упорядочить расписание занятий, своевременно готовить документацию, поддерживать конструктивные отношения с администрацией и т. д.);
- участвовать в семинарах и конференциях, где предоставляется возможность встретиться с новыми людьми и обменяться опытом;
- при необходимости обращаться за психологической помощью;
- сохранять надежду в любой ситуации.

Заключение. Навязать личности путь развития невозможно. Но создавать такие условия настоящего (профессиональную ситуацию развития), когда его элементы будут использованы самой личностью для переструктурирования опыта и активизации тех его составляющих, которые направлены на созидание и саморазвитие, возможно.

Литература

1. Козлова, А. В. Психологические особенности профессиональных деформаций личности преподавателя высшей школы / А. В. Козлова. – М.: Про-Софт-М, 2007.
2. Орел, В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования / В. Е. Орел // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2001. – № 3.
3. Самоукина, Н. В. Синдром профессионального выгорания / Н. В. Самоукина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.elitarium.ru/index.php?pid=48&id=22>. – Дата доступа: 01.02.2008.
4. Жеребцов, С. Н. Синдром «выгорания» у преподавателя и методы его профилактики / С. Н. Жеребцов // Высшая школа. – 2004. – № 3.
5. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2001.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

The article deals with the key goals, challenges and methods of self-study, as well as looks at the importance and advantages of the self-directed work in language learning for a student of a university that offers only non-major language courses. Self-study is one of the four major learning techniques. Its efficiency depends on a series of conditions among which motivation and basic self-study skills are the most important. To be ready for self-study implies students' possessing basic skills in speaking, writing, listening, reading, working with dictionaries, reference literature and computer software.

Введение. В результате сложившихся реалий общества и в связи с пересмотром концепции высшего образования существует потребность в специалистах, владеющих как минимум одним иностранным языком. В соответствии с таким социальным запросом меняется и понимание конечного результата обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей. Если ранее считалось, что специалист должен быть таковым только в сфере своей профессиональной деятельности, то теперь помимо профессиональной квалификации он должен обладать массой других навыков и умений.

Основная часть. Среди них не последнее место занимают умения и навыки свободного владения языком как средством повседневного и делового общения в рамках профессиональной деятельности. Следовательно, конечной целью обучения является приобретение студентами навыков грамотного использования иностранного языка в реальной жизни [1].

С учетом перечисленных критериев можно выделить конкретные задания, на основании которых можно строить такое тестирование:

- прочитайте текст и напишите подзаголовок к каждому его абзацу;
- выпишите из текста ключевые слова, используя которые, вам было бы легче его пересказать;
- для каждого предложения из текста, приводимого не полностью, напишите продолжение, наиболее соответствующее содержанию текста;
- укажите, являются ли утверждения о содержании текста истинными или ложными;
- дайте перевод выделенных в тексте слов с учетом контекста, в котором это слово использовано (выделяемые слова должны быть многозначными);
- из дефиниций, определяющих выделенные в тексте слова, выберите те, которые соответствуют значению слова в контексте;
- в указанном компьютерном словаре или его интернет-версии найдите все возможные контексты употребления выделенного в тексте слова и покажите различия между этим словом и его синонимами и антонимами.

Но кроме этих умений, необходимо также готовить обучаемых к самостоятельной работе

с языком, поскольку овладение иностранным языком в неязыковом вузе в большей степени определяется эффективностью самостоятельной работы студентов дома, в библиотеке, лингафонном кабинете, компьютерном классе.

В этой связи все большую значимость приобретает разработка приемов воздействия преподавателя на обучаемого с целью формирования и поддержания у него мотивации учебы в режиме самостоятельной работы. Среди таких приемов можно выделить следующие:

- 1) убеждение в важности и целесообразности самостоятельной работы в процессе овладения иностранным языком;
- 2) четкое определение цели и значимости каждого задания, предлагаемого на самостоятельную внеаудиторную работу;
- 3) вооружение студентов конкретными способами выполнения самостоятельной работы;
- 4) подтверждение значимости самостоятельной работы в процессе практической реализации ее результатов;
- 5) предъявление студентам системы заданий с обязательной оценкой самостоятельной работы;
- 6) применение различных технических средств обучения для организации самостоятельной работы;
- 7) предъявление специальных творческих заданий, стимулирующих познавательный интерес и активность у обучаемых.

Изменение целей обучения в вузе в сторону практического владения устной речью привело к пересмотру организационных форм и содержания заданий для самостоятельной внеаудиторной работы студентов. Этот вид работы позволяет уделять большее внимание владению письменной речью без ущерба устной практике языка, которая может проводиться исключительно в рамках аудиторной работы. Таким образом, самостоятельная работа является важным дополнением к аудиторным занятиям.

Можно выделить следующие цели самостоятельной учебной деятельности: 1) оптимизация процесса обучения иностранному языку с точки зрения экономии аудиторного учебного времени; 2) актуализация и активизация поиска новых знаний обучающимися; 3) развитие творческого характера образования;

4) повышение качества усвоения предлагаемых учебных программ.

В связи с этим перед обучением возникает такая задача, как развитие учебных умений, применимых в самостоятельной учебной деятельности. Для обеспечения ее эффективности необходимо, чтобы обучаемые умели работать с языком, знали, например, где можно найти ту или иную справочную информацию, как можно улучшить грамотность речи, какими способами можно воспользоваться для запоминания новых слов.

Помимо значимости самостоятельной работы, для обучаемых необходимо также отметить тот факт, что она может считаться полезным приемом и для преподавателя, поскольку помогает студентам лучше подготовиться к каждому конкретному заданию и формирует умения, находящие широкое применение в ходе учебного процесса.

В теории педагогики самостоятельная работа выделяется как одна из четырех основных форм учебной деятельности обучаемых. Но реализовать эту форму учебной деятельности возможно только при соблюдении ряда условий, наиболее значимыми из которых являются наличие мотивации и базовых учебных навыков самостоятельной работы у студентов и эффективная организация их деятельности преподавателем.

Готовность студентов к самостоятельной деятельности по изучению предлагаемого материала определяется: 1) наличием базовых учебных навыков работы по всем видам речевой деятельности, а именно: говорению, аудированию, чтению, письму; 2) наличием навыков перевода и методами работы со словарем и справочной литературой; 3) умением работать с компьютерным программным обеспечением и интернетом.

Исходя из вышесказанного для оптимизации самостоятельной учебной деятельности студентов представляется целесообразным проведение тестирования на их готовность к самостоятельной работе.

К средствам организации самостоятельной деятельности студентов можно отнести следующее: 1) обеспеченность учебниками, пособиями, методическими указаниями для самостоятельной работы; 2) наличие учебных аудио-, видео- и компьютерных обучающих программ; 3) применение системы коммуникативных заданий для развития всех коммуникативных умений [2].

В условиях повышения роли самостоятельной работы студентов из перечисленных моментов наиболее важным представляется первый, поскольку даже учитывая существование учебников, направленных на самостоятельное изучение иностранного языка (таких как «English Grammar in Use»), сформирована потребность в пособиях для самостоятельной работы к конкретным учебникам и методическим указаниям по самостоятельной работе.

В методические указания могут быть включены следующие ссылки, которые помогут обучаемым найти необходимую им информацию для выполнения домашнего задания и анализа прочитанного материала:

- интернет-сайты, на которых есть информация о методах запоминания слов;

- список литературы, где можно найти такую информацию;

- списки адресов интернет-ресурсов, которые сопровождаются краткой аннотацией их содержания и могут способствовать успешному осуществлению самостоятельной работы, как например: интернет-словари, программа для запоминания слов, говорящие книги, библиотеки, курсы иностранного языка, сайты зарубежных издательств, печатных изданий.

Помимо интернет-сайтов, существуют также печатные издания, снабженные аудиокассетами и подразделяющиеся по уровню владения языком. К ним относятся такие оксфордские издания, как «Storylines», «The Oxford Bookworms Library», «Classic tales» и др. [3].

Основным методом самостоятельной работы является работа с разнообразными источниками информации. Может применяться следующая методика, которую стоит разделить на две разные части:

- 1) работа с лексической составляющей текста;
- 2) работа со смысловой составляющей текста.

В первом случае за неделю до аудиторного занятия по конкретной главе преподаватель раздает домашнее задание, выполнить которое студенты должны во время прочтения главы. Задание состоит из двух частей:

- найти в тексте указанные выражения и перевести их в соответствии с контекстом;

- дать определения выделенным лексическим единицам в соответствии с контекстом их употребления. Критериями отбора как выражений, так и лексических единиц являются сложность их перевода в контексте учебника, их значимость для отражения и понимания основных смысловых моментов текста, а также частотность их использования в других текстах по той же тематике.

Во втором случае при работе со смысловым материалом текста студенты составляют план или записывают основные идеи главы, чтобы на аудиторном занятии им легче было воспроизвести содержание тех страниц, которые они подготовили к занятию.

Понимание смысла лексических единиц, предложенных на самостоятельное изучение, проверяется на аудиторном занятии. Эту проверку можно провести по-разному. Например, разбив студентов на команды, предложить им составить кроссворды из изученных слов и обменяться ими с другими командами; разделив студентов на группы по четыре человека,

раздать им карточки со словами и предложить им составить «загадки» (одним студентом дается определение слова, а другие пытаются его угадать). Подобная проверка имеет смысл в том случае, если в самом начале занятия были обсуждены все проблемные вопросы, связанные с переводом, и проверено понимание каждой в отдельности лексической единицы.

Для проверки усвоения содержательной стороны материала можно предложить следующий вариант работы: на аудиторном занятии разбить студентов на группы, а затем каждой группе раздать перечень вопросов по определенной части главы, на который она должна будет найти ответ через 5 минут. Одновременно можно предложить каждой группе составить собственные вопросы по своей части главы и затем задать их другим группам. Таким образом, каждому студенту предоставляется возможность как подготовленного, так и спонтанного монологического высказывания, что позволяет сразу выявить степень владения языковым материалом.

Контроль качества проведенной самостоятельной работы можно осуществлять следующим образом: предложить студентам перевести письменно те предложения, в которых употреблены указанные лексические единицы. Эта работа производится самостоятельно во внеаудиторное время, а во время занятия проводится контроль закрепления проработанных лексических единиц посредством словарного диктанта, или разгадывания кроссворда, или заполнения пропусков в предложениях и др.

Традиционно считается, что основная разновидность самостоятельной работы – это домашняя работа. Такой вариант самостоятельной работы имеет ряд бесспорных преимуществ, главным из которых, пожалуй, является разумная экономия аудиторного времени, что позволяет посвятить большую его часть отработке уже подготовленного самостоятельного материала.

Несомненным плюсом подобных домашних заданий является то, что в ходе их выполнения осуществляется подготовка обучаемых к активной индивидуальной, парной и групповой речевой деятельности на аудиторных занятиях, формируется самостоятельность мышления, развиваются познавательные интересы, интеллект, логика, творческие и коммуникативные навыки.

Другой стороной вопроса о важности использования самостоятельной работы является наличие обратной связи, т. е. контроля понима-

ния полученной информации, осуществляемого преподавателем. В этой связи стоит отметить, что помимо разработки системы домашних заданий для реализации самостоятельной учебной деятельности обучаемых необходима разработка системы контрольных заданий, позволяющих определить уровень подготовки и степень усвоения материала, предложенного для самостоятельного изучения. Кроме того, возможно применение заданий творческого характера: проекты, рефераты, обзоры, что позволит сделать вывод об умении использовать на практике не только проработанный теоретический материал, но и навыки и умения самостоятельной работы над ним (выделение основных идей текста, их тезисное изложение, умение использовать примеры или наглядную информацию и т. д.).

По мере формирования навыков и умений учебные задания могут постепенно усложняться, непосредственная помощь преподавателя уменьшаться, а самостоятельность самих студентов, соответственно, увеличиваться. Тем самым повышается эффективность изучения материала, так как время, предназначенное для аудиторных занятий, используется для обсуждения сделанных в процессе самостоятельной работы выводов.

Заключение. Применение навыков самостоятельной работы на практике позволяет повысить эффективность обучения, так как дает возможность обучаемому в удобное для себя время осваивать учебный материал, помогает научиться пользоваться разнообразной учебной литературой и компьютерными технологиями для изучения иностранного языка. В конечном итоге приобретенные навыки самостоятельной учебной деятельности позволят обучаемому продолжить свое языковое образование в сфере профессиональной деятельности после окончания вуза.

Литература

1. Филиппов, В. М. Об активизации самостоятельной работы студентов высших учебных заведений / В. М. Филиппов. – М.: Высшее образование, 2003.
2. Смирнов, С. А. Педагогические теории, системы, технологии / С. А. Смирнов. – М.: Академия, 1999.
3. Горелов, И. Н. Введение в коммуникативную методику обучения английскому языку / И. Н. Горелов // Оксфорд, Юниверсити Пресс. – 1997. – № 4.

ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ И МЕТОДАХ ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ВУЗЕ

The article dwells upon the main concepts of civil upbringing. Its aim is to breed a person as a citizen devoted to his Motherland, who realizes the prospects of power politics. A civil liability does not contradict humanistic desires of a person. On the contrary, it is connected with them, because it is based on universal values: one can not respect and honour only his own country and his people, «crushing» other countries and peoples. That is why the formation of a social position is primarily the formation of humanistic attitude based on the personal self-concept. A real citizen is not to be proud of his Motherland, its history and his people. Mastering the methods and techniques of scientific research activity, search and analysis of different kinds of data, conflict resolution, communication, decision-making, getting educational skills is very important for the youth and aims at forming and developing of civil competence.

Введение. Система высшего образования сегодня рассматривается как важнейший институт социализации личности, где обучение и воспитание представляют собой единый процесс, направленный на подготовку высокообразованных, широко эрудированных, культурных, творчески мыслящих специалистов. В студенческие годы молодые люди наиболее активно приобщаются к ценностям культуры, приобретают навыки общественно-политической деятельности, интенсивно расширяют круг общения. Этому способствует особый уклад жизни высшей школы, где существенной чертой является поощрение творчества, инициативы и самостоятельности в поиске оптимальных форм и методов самостоятельного добывания знаний.

Основная часть. Современная жизнь предъявляет к человеку новые требования. Главными среди них являются: умение делать осознанный выбор в ситуации неопределенности и нести ответственность за свои действия, независимость убеждений, активная жизненная позиция, владение ценностями гражданского общества, умение адаптироваться в условиях социальных изменений и т. д. Гражданское образование – это система воспитания и обучения личности, предусматривающая создание условий для становления нравственной гражданской позиции, гражданской компетентности и обретения опыта общественно полезной гражданской деятельности в контексте непрерывного образования.

Гражданское образование невозможно реализовать через отдельную учебную дисциплину. Это целостная система, охватывающая все сферы деятельности учебного заведения, как учебные, так и внеучебные, и предполагающая использование практико-ориентированных и интерактивных методов обучения [1].

К основным элементам гражданской ответственности относятся нравственная и правовая культура, выражающаяся в чувстве собственного достоинства, внутренней свободе личности, дисциплинированности, уважении и доверии к другим гражданам и к государственной власти, спо-

собности выполнять свои обязанности, гармоничное сочетание патриотических, националистических и интернациональных чувств.

Патриотизм – это синтез духовно-нравственных, гражданских и мировоззренческих качеств личности, которые проявляются в любви к Родине, к своему дому, в стремлении и умении беречь и приумножать лучшие традиции, ценности своего народа, своей национальной культуры, своей земли.

Патриотическое воспитание – это процесс формирования политически сознательного молодого человека, любящего свою Родину, землю, где он родился и вырос, гордящегося историческими свершениями своего народа.

Гражданское воспитание – это формирование молодого человека как гражданина своей Родины, как человека, осознающего перспективы сильной политики своего государства.

Аспекты изучения проблемы позиции личности зависят от объекта конкретной науки. В философии позиция рассматривается как целостное духовно-практическое образование личности, характеризующее способы ее включения в жизнедеятельность. Согласно психологической науке, позиция личности представляет собой сложную систему отношений, установок и мотивов, которыми она руководствуется в деятельности, целей и ценностей, на которые направлена деятельность.

Исходя из этого, гражданская позиция включает в себя принятие личностью ценностей и норм, действующих в обществе, в качестве установок и мотивов своей деятельности. Позиция личности – явление сложное и состоит из нескольких взаимосвязанных компонентов: когнитивного (гражданского сознания), деятельностного (гражданского поведения) и эмоционального (гражданских чувств).

В когнитивном компоненте заключена система знаний о политических, правовых и моральных нормах общества, об истории и культуре своего государства, об общечеловеческих ценностях как основе существования человечества.

В деятельностном компоненте выражается деятельностная активность личности, мера ее творческого, созидательного участия в жизни общества, активное отстаивание своих гражданских взглядов и убеждений на основе осознания и принятия ценностей данного общества.

Эмоциональный компонент включает переживание действий и поступков, их эмоциональную оценку: гордость, одобрение или неприятие.

Позиция формируется в результате рефлексии оснований гражданских действий и поступков (как своих, так и чужих). При этом эмоциональный компонент, на наш взгляд, имеет одно из важных значений, так как позволяет еще до осознания дать (прочувствовать) оценку событию.

В настоящее время учебно-воспитательный процесс вуза в основном сориентирован на формирование профессиональных качеств будущих специалистов и не способствует в полной мере воспитанию у них гражданского долга, гражданской позиции, патриотизма в целом. Передача культуры, формирование мировоззрения и продуцирование культурных ценностей (воспитательная функция) являются одной из главных задач университетов, которая на сегодняшний день практически утрачена. Возникла необходимость целенаправленной и планомерной работы вузов по патриотическому воспитанию молодежи [2].

Стержнем гражданского воспитания является патриотическое воспитание личности, знающей историю, нравы, обычаи своего народа, уважающей и любящей свою Родину (как «великую», так и «малую»), чувствующей ответственность за нее.

В системе ценностных ориентаций студенческой молодежи патриотизм и национальное достоинство не занимают приоритетное место. Значит, система формирования патриотических качеств личности студента в современных условиях нуждается в существенном обновлении.

Практика свидетельствует, что современная молодежь не менее патриотична, чем ее сверстники прошлых лет [3]. Гражданская позиция не противоречит гуманистическим устремлениям личности, а непосредственно с ними связана, так как основана на общечеловеческих ценностях: нельзя уважать и чтить только свою страну и свой народ, «уничтожая» другой. Поэтому формирование гражданской позиции – это, прежде всего, формирование гуманистической позиции, основанной на самооценности человека. Трудно любить и уважать просто «страну», можно любить и уважать конкретных людей, а через них – свой народ и страну.

Одним из главных чувств в формировании гражданина является чувство гордости за свою страну, ее историю, народ.

Заключительным этапом формирования духовной культуры является самоактуализация личности в современном социокультурном пространстве на основе принципов гуманизма и духовности, которая продолжается довольно долгий отрезок жизни. Результат самоактуализации – самоопределение. Духовная зрелость личности (или самореализация) происходит уже в зрелом возрасте и доступна только способным и высокообразованным людям. Этапа самореализации в личностном развитии может достичь большинство людей, если в образовательных учреждениях будут созданы оптимальные условия для формирования и развития духовной культуры каждого индивида.

Компетентностный подход в гражданском образовании предполагает, что гражданская компетентность должна быть заявлена как один из важнейших учебных результатов гражданского образования (наряду с гражданскими ценностями и опытом гражданских действий). Гражданская компетентность может быть раскрыта через ряд ключевых компетентностей:

1) исследовательская компетентность – способности, связанные с анализом и оценкой текущей социальной ситуации;

2) компетентность социального выбора – способности, связанные с умением осуществить выбор и принять решение в конкретной социальной ситуации, при столкновении с конкретными социальными проблемами;

3) компетентность социального действия – способности, связанные с задачами по реализации сделанного выбора, принятого решения;

4) коммуникативная компетентность – способности взаимодействия с другими людьми (включая толерантность), прежде всего, при решении социальных проблем;

5) учебная компетентность – способности, связанные с необходимостью дальнейшего образования в постоянно изменяющихся социальных условиях.

Подчеркивая, что компетентностный подход в настоящее время является одним из основных для гражданского образования, необходимо отметить два важных момента.

Во-первых, реализация компетентностного подхода не может осуществляться в отрыве от обретения гражданских ценностей, включающих в себя определенные идеалы, убеждения и соответствующую нравственную позицию, без которых невозможно становление действительной гражданской компетентности. Гражданская компетентность, в отличие от ряда других компетентностей, не может быть сформирована без опоры на гражданские ценности и не может реализовываться вне системы ценностных ориентиров.

Во-вторых, необходимо понимать, что процесс становления компетентности как «дока-

занной готовности к деятельности» может осуществляться только в совместной деятельности тех, кто учит и учится, и в деятельности же компетентность только и может реализовываться. Вот почему гражданская компетентность предполагает как наличие определенной жизненной позиции, так и внутренней готовности к ее реализации, и может в полной мере проявиться только в реальной жизненной ситуации.

Цели и задачи гражданского образования осуществляются в рамках всех предметов на интегративной основе (методологической, содержательной, технологической и др.).

Предметы социально-гуманитарного цикла дают учащимся систематическое представление об обществе и непосредственно направлены на становление гражданских компетентностей. Эти предметы должны являться основой системы гражданского образования, осуществляемого в рамках учебного процесса. Вместе с тем они должны быть тесно взаимосвязаны как с другими предметами, так и с внеучебной деятельностью учащихся, а также с деятельностью по развитию уклада жизни учебного заведения. В этом плане занятие может и должно стать тем местом, на котором происходит либо запуск процессов демократизации в образовательном учреждении, либо анализ опыта гражданского действия и поведения.

В рамках других учебных дисциплин также происходит гражданское образование.

Во-первых, при обсуждении и решении общественно значимых проблем, связанных с той или иной дисциплиной, создаются условия для становления гражданских компетентностей и обретения соответствующих ценностей (например, проблемы экологии, проблемы клонирования и генетических мутаций, проблемы гонения на ученых, социальные проблемы и т. д.).

Во-вторых, гражданские компетентности тесно связаны с универсальными умениями и способностями, которые проявляются и в других сферах жизни (не только в социальной сфере). Освоение учащимися способов и приемов исследовательской деятельности, поиска и анализа информации, разрешения конфликтов, общения, принятия решений, овладение учебными навыками – все это служит развитию гражданских компетентностей.

Наряду с правовой следует углублять и совершенствовать политическую социализацию студентов, так как на фоне не устоявшейся тенденции к росту политического самосознания отчетливо проявляется отчуждение молодежи от государства, наблюдается рост апатии, цинизма среди молодых людей, их неверие в официальную политику, провозглашенную властными структурами. По данным Института молодежи, лишь 5% учащихся интересуются политикой [4].

Необходимо и здесь отметить роль социально-гуманитарных дисциплин. Статус этих дисциплин следует рассматривать в контексте государственной образовательной политики, предусматривающей формирование правового самосознания, экономического мышления, культуры общения и труда.

Серьезной результативности в воспитательной, информационно-пропагандистской работе в студенческой среде невозможно добиться без активизации деятельности молодежных организаций. Реализуя свои проекты и программы, молодежные объединения так или иначе решают собственными методами вопросы формирования гражданской позиции молодежи, их ответственного отношения к социальному окружению через реализацию в обществе собственных идей и намерений.

Очевидно, что простая трансляция знаний или отработка отдельных интеллектуальных умений не только не исчерпывают возможного спектра методов гражданского образования, но и не должны являться преобладающими. Наиболее адекватными с точки зрения становления гражданских компетентностей и гуманистических демократических ценностей являются интерактивные методы, которые предполагают взаимодействие и сотрудничество всех участников образовательного процесса при решении учебных и практических задач. К этим методам относятся, например, медиации в разрешении конфликтных ситуаций, дебаты и дискуссии, ролевые игры, социальные проекты, коллективные решения творческих задач и др.

Заключение. Именно активные и интерактивные методы создают необходимые условия как для становления и совершенствования компетентностей через включение участников образовательного процесса в осмысленное проживание и переживание индивидуальной и коллективной деятельности, так и для осознания и принятия ими гражданских ценностей, для накопления опыта гражданской деятельности.

Литература

1. Браточкин, А. В. Методы гражданского образования в воспитательном процессе / А. В. Браточкин // Проблемы воспитания. – 2003. – № 4.
2. Бутрим, Г. А. Современные приоритеты воспитания студенческой молодежи / Г. А. Бутрим // Высшая школа. – 2001. – № 1.
3. Русецкий, А. В. Патриотические ценности студенческой молодежи в условиях социальной трансформации / А. В. Русецкий, Л. А. Гашенко // Социология. – 2000. – № 1.
4. Сергейчик, С. И. Факторы гражданской социализации учащейся молодежи / С. И. Сергейчик // Социологические исследования. – 2002. – № 5.

О СПОСОБАХ И ПРИЕМАХ ПЕРЕВОДА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

The article below dwells upon some problems of translating the English original texts into Russian. Special attention is paid to the words that are more or less similar in form and can be found in a number of languages. They are referred to as international words. As a matter of fact, very few international words have the same meanings in different languages. In most cases the semantics of such words do not coincide and they should rather be named «pseudointernational». Their formal similarity suggesting that they are interchangeable, is, therefore, deceptive and may lead to translation errors. For that reason they are often called «the translator's false friends». Such words are of great interest to the translators and are very problematical for the students of the technical higher schools.

Введение. По степени распространенности в английском и русском языках интернациональная лексика занимает видное место, и перевод ее имеет свои особенности. Поэтому при работе с научно-техническими текстами в языковых вузах необходимо уделять должное внимание данной категории слов. Интернационализмы представляют наибольшую трудность для студентов при переводе.

Основная часть. Трудности перевода интернациональной лексики состоят в сходной форме слов языка источника и языка перевода. Причины существования сходной формы могут быть разные, но чаще всего такая форма – результат взаимовлияния языков или случайных совпадений. Известно, что интернациональные слова попадают в тот или иной язык либо благодаря заимствованию такой лексики одним языком у другого, либо вследствие того, что в оба данных языка проникло соответствующее слово из какого-либо третьего языка (например, латинского, греческого). Интернационализмы – это слова, встречающиеся в ряде языков и обладающие в той или иной степени графическим, фонетическим, грамматическим и семантическим сходством [1].

Многие интернациональные слова, например *analysis, candidate, critical, originally, history, pioneer, revolutionary, practical, traditionally* и пр., выступают в роли «ложных друзей переводчика». При переводе этих слов студенты нередко дают интернациональное значение, забывая о том, что в плане содержания полное отождествление параллельных интернациональных слов бывает далеко не всегда. В случае общеупотребительных параллельных интернационализмов наблюдаются существенные расхождения смыслового содержания. Практически все английские общеупотребительные и общенаучные интернационализмы многозначны. По сравнению с параллельными русскими интернационализмами они обладают большим количеством значений. Нередко одно или несколько значений английского интернационализма полностью совпадают с параллельным русским, остальные же значения расходятся. Наличие общих значений у сходных

по графической форме англо-русских интернациональных пар приводит при переводе к механическому переносу привычных значений родного слова на иностранное, которое между тем выступает совсем в других значениях [2]. Например, интернационализм *critical* имеет как в английском, так и в русском языке значение *критический* (опасный, относящийся к кризису). Вместе с тем английское прилагательное *critical* часто выступает в значении *важный, значительный, существенный*, которое отсутствует у русской параллели. Если мы об этом значении забываем, то в результате информационное содержание оригинала существенно искажается.

Перевод английских интернациональных общеупотребительных слов усложняется еще и тем, что английские параллели приобретают в научно-технических текстах некоторую специфику. Так, новые переводные эквиваленты регистрируются у интернационального прилагательного *practical*. Оно вступает в новые сочетания, не свойственные своим русским аналогам *практический* и *практичный*. Его переводным эквивалентом могут быть, например:

– *приемлемый: practical isolation and insertion loss values – приемлемые величины потерь записания и потерь пропускания;*

– *промышленный: practical photocatodes – промышленные фотокатоды;*

– *серийный: practical computerized numerical-control system – серийная компьютеризованная система числового программного управления* и др.

В качестве переводных эквивалентов интернационализмов *revolution* и *revolutionary* мы часто используем русские параллели *революция* и *революционный*, которые нарушают нормы сочетаемости русского языка и производят неадекватное впечатление на русского читателя. Эти слова в их интернациональном значении в русском узкоспециальном тексте использовать не рекомендуется.

Например, фраза *no revolutionary changes in tube design were required*, переведенная как *никаких революционных изменений в конструкции трубки вносить не потребовалось*, является

не характерной для русского текста, ее следовало бы перевести так: *никаких радикальных (существенных) изменений в конструкцию трубки вносить не потребовалось.*

Для прилагательного *revolutionary* можно порекомендовать переводной эквивалент (*принципально*) *новый*:

– *revolutionary assembly method* – *принципально новый метод сборки*;

– *the firm's other chips, which are revolutionary in concept* – *другие интегральные схемы этой фирмы, которые являются принципиально новыми.*

Существительное *revolution* может переводиться как *радикальное изменение (замена), бурное развитие* и иное: *computer revolution* – *бурное развитие вычислительной техники.*

Для научно-технических текстов характерны глагол *to pioneer* и существительное *pioneering*, которые русской параллелью переводятся не должны. Особенностью глагола *to pioneer* является его использование для обозначения осуществления чего-либо впервые: *pioneer the concept* – *впервые выдвигать идею*; *pioneer the use* – *впервые применять.*

Для прилагательного *pioneering* можно порекомендовать русский эквивалент *основополагающий, первый*: *pioneering work* – *основополагающая (первая, фундаментальная) работа.*

Рассмотрим другой пример. В словарях приводится только одно значение интернационального существительного *candidate* – *кандидат*. В примерах на сочетаемость в словаре это слово выступает также в этом значении: *the Republican candidate for governor* – *кандидат в губернаторы от республиканской партии*; *a candidate for the gallows* – *кандидат на виселицу.*

В научно-технических текстах слово *candidate* обогащается новыми связями, вступает в новые сочетания и своей русской параллелью *кандидат* практически не переводится. Оно сочетается с очень широким кругом существительных и требует выбора соответствующих переводных эквивалентов, например:

– *candidate material* – *подходящий материал*;

– *the processes that appear as LSI candidates (for logic memories)* – *технологии, которые считаются наиболее перспективными для БИС (логических схем и ЗУ)*;

– *detector candidates* – *типы детекторов*;

– *structural candidate* – *вариант конструкции*;

– *the other 8–14 mμ candidates* – *другие варианты примесей для диапазона 8–14 мкм.*

Необходимо учитывать новую сочетаемость интернационализма *candidate* при переводе. Однако иногда этого не делается, и в переводах встречаются такие казусы:

– *кандидат в новую категорию логических схем* – *a candidate for the new logic category*;

– *жизнеспособный кандидат на решение наших энергетических проблем* – *a viable candidate to solve our energy problem*;

– *кандидаты на «оптимальность»* – *candidates for optimality.*

Русскому тексту такие сочетания не свойственны, и поэтому подобные варианты переводов не являются адекватными.

Вот примеры некоторых интернационализмов и псевдоинтернационализмов на английском языке, вызывающих трудности при переводе: *accurate* – *точный*, а не *аккуратный*; *ammon* – *аммиак*, а не *аммоний*; *artist* – *художник*, а не *артист*; *brilliant* – *блестящий*, а не *бриллиант*; *camera* – *фотоаппарат*, а не *камера*; *cartoon* – *карикатура, мультфильм*, а не *картон*; *clay* – *глина*, а не *клей*; *compositor* – *наборщик*, а не *композитор*; *conductor* – *проводник, провод*, а не *кондуктор*; *control* – *управление, модуляция*, а не *контроль*; *data* – *данные*, а не *дата*; *decade* – *десятилетие*, а не *декада*; *delicate* – *нежный, тонкий*, а не *деликатный*; *Dutch* – *голландский*, а не *датский*; *fabric* – *фабрикат, изделие, структура, ткань*, а не *фабрика*; *figure* – *рисунок, цифра*, а не *фигура*; *instruments* – *измерительные приборы*, а не *инструменты*; *list* – *список*, а не *лист*; *mark* – *метка, пятно, оценка*, а не *марка*; *matrass* – *колба*, а не *матрац*; *null* – *недействительный, несуществующий*, а не *нуль*; *officer* – *чиновник, должностное лицо*, а не *офицер*; *original* – *первоначальный, подлинный*, а не *оригинальный*; *personnel* – *персонал, личный состав*, а не *персональный*; *principal* – *главный, основной*, а не *принципальный*; *production* – *производство*, а не *продукция*; *realize* – *понимать, ясно представлять*, а не *реализовывать*; *record* – *запись, отчет*, а не *рекорд*; *resin* – *смола*, а не *резина*; *solid* – *твердый, массивный*, а не *солидный.*

Следует отметить, что при переводе с родного языка на иностранный проблема «ложных друзей переводчика» стоит еще более остро и получает особое преломление. Так называемые «ложные друзья» вводят в заблуждение не только начинающих переводчиков, но и опытных мастеров. Забывая о том, что у сходного по форме английского слова может быть не одно, а несколько значений, студенты часто игнорируют второстепенные значения таких слов [3].

Допустим, что надо перевести на английский язык следующее предложение:

По мере своего роста Нью-Йоркскому университету, подобно многим другим городским учреждениям, долгое время приходилось мириться с плохо оборудованными классами, библиотеками, лабораториями и ощущать недостаток в жилой площади для преподавательского состава и студентов.

В качестве типичного перевода дается такой:
With the growth N. Y.U. like many other city establishments had for a long time to put up with poorly equipped classes, libraries, laboratories and feel a shortage of dwelling space for both the teaching staff and students.

Этот перевод можно считать правильным, но не полностью адекватным. В предложенном варианте есть ряд стилистических нарушений, причинами которых являются также «ложные друзья переводчика», проявляющиеся по-другому: не в том, что те или иные лексические единицы переведены неправильно, а в том, что наиболее употребительные английские эквиваленты не были использованы в данном переводе.

Пример адекватного перевода:

As it grew over the years, N. Y.U. like many other urban institutions had for a long period to contend with inadequate classrooms, libraries and laboratories and experience a lack of housing for both the faculty and students.

Вывод напрашивается такой: благодаря сходству своей внешней формы со словами русского языка интернациональная лексика обычно усваивается изучающими иностранный язык в виде жесткой однозначной связи. Это на практике приводит к нарушению стилистических норм словоупотребления. Так, слово *faculty* прочно «зарезервировано» в нашем сознании в значении *факультет* (из-за созвучия), но не в смысле *преподавательский состав, institution* – это, разумеется, *институт*, в лучшем случае, *учреждение*, но никак не *детское учреждение, сиротский приют*.

Другими словами, для лиц, изучающих иностранный язык, второстепенные значения слова гораздо труднее поддаются запоминанию, а тем более использованию в речи или переводе (что самым непосредственным образом сказывается на качестве перевода), тогда как носители иностранного языка в нужный момент «не забывают» об этих значениях и мгновенно извлекают их из своей памяти.

Слова, называемые «ложными друзьями переводчика», можно разделить на три группы [4].

1. Слова, которые имеют внешнее сходство (звучание и написание) со словами русского языка, но значение которых не всегда совпадает:

- *dramatic* – *драматический, драматичный, неожиданный, яркий, впечатляющий, сенсационный*;
- *decade* – *десятилетие*;
- *popular* – *народный, популярный*;
- *formal* – *формальный, официальный*;
- *nation* – *нация, народ*.

В зависимости от контекста эти слова могут иметь и другие оттенки значения и переводиться иначе.

2. Слова, которые во множественном числе приобретают новое значение:

- *difference* – *разница, различие; differences* – *различия, разногласия*;
- *development* – *развитие; developments* – *события*.

3. Слова, употребление которых в единственном числе не совпадает в русском и английском языках:

- *industry* – *промышленность; industries* – *промышленность, отрасли промышленности*;
- *policy* – *политика, политический курс*;
- *atomic weapons* (мн. ч.) – *атомное оружие* (ед. ч.).

Закключение. Теория перевода как важнейшая отрасль филологической науки подразумевает, что пересоздание текста с исходного языка на переводящий должно сопровождаться точной передачей мысли автора, оттенков стиля, богатством лексических конструкций. Адекватный перевод основывается на четкой системе правил, позволяющих свести к минимуму риск неточной передачи информации. Словом, заново созданный текст обязан сохранить все особенности оригинала, и интернациональная лексика во всем ее многообразии призвана способствовать выполнению этой задачи также.

Литература

1. Акуленко, В. В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / В. В. Акуленко. – М.: Прогресс, 1969.
2. Пиввуева, Ю. В. Пособие по теории перевода (на английском материале) / Ю. В. Пиввуева, Е. В. Двойнина. – М.: Филоматис, 2004.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990.
4. Пронина, Р. Ф. Перевод английской научно-технической литературы / Р. Ф. Пронина. – М.: Высшая школа, 1986.

САМОКОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

The article touches upon the main aim of our higher education – self-testing. In practical terms, focusing on self-testing is essential for students to see tangible results, both in their own learning and the group's progression on the whole. It is yet another challenging issue for teaching. We can help put the students on the right path for getting the most out of their language learning experience. Once they have a heightened awareness of how much they can affect their own learning, self-testing becomes an integral component of the process. The article contains some practical recommendation of how some self-testing strategies should be directly taught, practiced and integrated into learning process.

Введение. Одна из основных целей современного высшего образования состоит в развитии у студентов потребности в самообразовании и самоизменении. Поэтому самоконтроль является чрезвычайно важным источником информации о том, каковы ожидания и потребности студентов, их проблемы и беспокойства, каково их отношение к учению, как они реагируют на используемые в учебном процессе материалы и методы и т. д. Он представляет собой неотъемлемую часть процесса изучения языка, поскольку для того чтобы изучить что-либо, необходимо оценить уже имеющиеся у нас знания и понять то, как можно обогатить их. Обычно мы делаем это подсознательно.

Основная часть. Настроить студента на самоконтроль – задача не из легких.

Осуществляемый преподавателем контроль в большей мере значим для преподавания, тогда как студенты пассивно ожидают отметки, а получив ее, едва ли задумываются над тем, что сделано и почему у них это получилось хорошо или плохо. Только самоконтроль способен предоставить им возможность задуматься о собственной успеваемости и имеющихся проблемах и найти пути изменения, адаптации и совершенствования. Так, если поощрять проверку студентами их собственных письменных работ, они скорее добьются лучших результатов, нежели когда лишь преподаватель будет проверять и исправлять ошибки.

К сожалению, педагоги традиционно склонны игнорировать самоконтроль. Как показало анкетирование преподавателей английского языка, это объясняется, во-первых, недостатком времени на его осуществление; во-вторых, отсутствием у студентов необходимых знаний о языке, его использовании и изучении; в-третьих, неспособностью студентов честно оценивать самих себя. Такое состояние проблемы самоконтроля в обучении английскому языку диктует необходимость, во-первых, сделать его составной частью учебного процесса, в том числе за счет интеграции с заданиями, выполняемыми на занятиях; во-вторых, подготовить студентов к систематическому осуществлению самоконтроля и связать с другими видами кон-

троля; в-третьих, отказаться от выставления студентам отметок самим себе и устранить таким образом нездоровую конкуренцию между ними; помочь обучающимся сконцентрироваться на собственной деятельности и личной успеваемости. Последнее приобретает особую актуальность для групп учащихся с разной степенью обучения иностранному языку [1].

Большинство из описанных в методике обучения иностранным языкам приемов осуществляемого студентами контроля (обоих подвидов самоконтроля – собственно самоконтроля и взаимоконтроля) схожи с теми, которые используются для осуществления контроля преподавателем [2]. Среди них можно выделить приемы описательного, рейтингового и мониторингового характера, анкеты (или вопросники) и обследование.

1. Самоконтроль описательного характера может осуществляться путем ведения студентом *учебной дневника*, в который он записывает, что сделано на занятии, что изучено, какие были проблемы. На основании этих записей студент может систематически делать *письменные отчеты*, информацию из которых, наряду с данными неформального и формального контроля, преподаватель, в свою очередь, может использовать для индивидуальных консультаций и в качестве дополнительного источника для составления общей картины успеваемости студента, изучения его потребностей, корректировки целей, содержания и других компонентов системы обучения.

2. Самоконтроль рейтингового характера может осуществляться при помощи *шкал с дескрипторами* для оценки того или иного коммуникативного умения, *графиков* для оценки, например, степени понимания текста, а также *определений*, характеризующих отношение студента к учению, изучаемому языку и иным культурам, к их носителям и др.

3. Среди приемов самоконтроля мониторингового характера наиболее распространенным является *саморедактирование*. Однако, как известно из практики, студенты весьма неохотно вычитывают собственные сочинения и исправляют в них ошибки. Опыт показывает, что

целесообразно сначала попросить их вычитать работы друг друга и исправить в них ошибки. При этом они не только будут учиться помогать друг другу, но и с большей заинтересованностью вернуться к собственным сочинениям и станут тщательно их редактировать. Студенты также учатся редактированию собственных работ, реагируя на оставленные на полях после проверки преподавателем сигналы специального кода, указывающие на ошибки того или иного рода.

Наконец, *тестирование* используется в целях самоконтроля по завершении учебных блоков, модулей или разделов (units) во многих современных учебниках иностранного языка, причем проверочные задания нередко снабжены ключами и комментариями. Как показывает опыт, не меньшую значимость и для самоконтроля, и для изучения языка в целом представляют тесты, составленные самими студентами, например, на основе лексики (слов и выражений), которую они отметили как нужную и полезную для себя в ходе экстенсивного чтения.

4. *Вопросники* как прием самоконтроля могут быть направлены на выявление специфических для студентов проблем и предпочтений того, что вызывает больше трудностей в изучении языка и что дается легко, как они учатся (т. е. каковы их привычки), сколько времени затрачивают на учебу, что они умеют и чего не умеют на изучаемом языке. Подобная информация необходима для постановки реалистичных задач и планирования учебного труда.

5. *Обследование* представляет собой своего рода инспекцию, которую студенты осуществляют либо в малой группе, либо во всей группе. Они узнают об учебных предпочтениях и проблемах друг друга и затем устраивают презентацию полученных результатов перед всей группой, используя различные средства наглядности. Этот прием может включать в себя другие приемы, а именно: наблюдение, интервью, анкетирование. При этом использование изучаемого языка во многом усилит обучающую функцию самоконтроля.

Одним из возможных путей осуществления систематизированного самоконтроля и интеграции его в процесс обучения иностранному языку является применение *языкового портфеля* (portfolio). В ряду инновационных технологий обучения иностранным языкам он выделяется тем, что характеризуется методистами как альтернативная форма контроля, позволяющая получить динамическую картину учебного и языкового развития обучаемых [3]. В центре внимания оказывается то, что учащиеся умеют делать с языком, нежели то, что они смогут воспроизвести или вспомнить [4], как это обычно бывает в случае формального контроля. Технология языкового портфеля не исключает возможности задействовать различные приемы

самоконтроля, в том числе описанные выше. Их выбор будет определяться контекстом, в котором проводится учебный процесс.

Языковой портфель представляет собой собрание работ студентов, осуществляемое на протяжении определенного времени. Он показывает стадии развития в процессе изучения языка. Если портфель студента средней ступени демонстрирует в большей степени «продукт учебной деятельности» и во многом напоминает портфель достижений профессионального художника или архитектора [5], то со временем он все больше и больше приобретает рабочий характер. Старшекурсники уже более осознанно и целенаправленно отбирают образцы своих работ для включения в портфель. Более того, его ключевыми элементами становятся рефлексия изучающего язык и самомониторинг.

Языковые портфели могут различаться по содержанию и структуре: от портфеля, включающего лишь письменные работы студентов и демонстрирующего формирование только одного коммуникативного умения – письма за время изучения специального курса [8], до портфеля, в течение длительного времени отражающего динамику роста, достижения и опыт обучающегося в овладении иностранным языком (или несколькими языками) в целом, например «European Language Portfolio» (1997). Значимость его видится разработчиками, во-первых, в повышении и поддержании мотивации изучения иностранного языка (или языков) и придании ему непрерывного характера; во-вторых, в предоставлении работодателям и администраторам учебных заведений наглядной и убедительной информации о достижениях учащихся в овладении языком в рамках единых общеевропейских требований; в-третьих, в обеспечении преемственности и последовательности в международных, национальных и региональных образовательных системах и во взаимосвязях их секторов. При этом разработчики высказывают опасение, что языковой портфель может превратиться в очередную обузу. Во избежание этого изучающим иностранный язык необходимо уяснить, что его цель состоит в том, чтобы помочь им сосредоточиться на собственных достижениях, планировать дальнейшую работу и стать более активным участником учебного процесса. Структура такого языкового портфеля включает следующие разделы:

1) *языковой паспорт*, в котором содержится информация о том, где и когда изучался иностранный язык (языки), описываются факты и опыт его реального использования, приводится оценка уровня владения им через определенные промежутки времени;

2) *языковую биографию*, которая представляет любое краткое описание истории изучения языка, включая самооценку коммуникативных

умений – слушания, говорения, чтения и письма – с использованием международной шестиуровневой шкалы (или ее адаптированного белорусского аналога, в котором учтена национальная специфика и отечественные традиции в данной области), а также специальных контрольных листов (вопросников), призванных помочь студенту оценить, что он умеет делать на изучаемом языке, насколько легко или трудно ему это дается, является ли это для него значимым; постановку целей и планирование своей учебной деятельности;

3) *досье*, которое составляют документальные свидетельства языко **в** и личностного развития изучающего иностранный язык, а именно: сочинения, доклады, статьи, рефераты, а также сертификаты о сдаче экзаменов, свидетельства об успешном окончании курсов или участии в международной программе, дипломы и пр.

Среди основных характеристик языкового портфеля как средства самоконтроля, которые выделяют известные тестологи и методисты, – всесторонность, спланированность и систематичность, информативность, приспособленность для определенной цели, аутентичность.

Перечисленные характеристики проявляются в следующем. Во-первых, потенциал языкового портфеля в определении глубины и состояния способностей студентом может быть реализован через сбор данных и их анализ. Во-вторых, его применению в учебном процессе предшествует стадия планирования, включающая постановку цели, определение содержания (компонентов), составление расписания сбора данных и разработку оценочных критериев. В-третьих, информация, заносимая в языковой портфель, должна быть значимой для всех заинтересованных лиц (студентов, преподавателей, администрации учебных заведений, работодателей). В-четвертых, языковой портфель создается с учетом целей и задач обучения и потребностей индивидуального самоконтроля. В-пятых, языковой портфель предоставляет информацию, получаемую, с одной стороны, посредством естественного самомониторинга в процессе решения реальных учебных задач, а с другой – в виде продуктов креативной учебной деятельности – творческих работ, отобранных самими студентами.

Основная польза от самоконтроля, осуществляемого посредством языкового портфеля, заключается в том, что он способствует раз-

витию у студентов рефлексии [6], которая фигурирует во всех перечисленных выше случаях. Для того чтобы она стала частью процесса ведения языкового портфеля, студенты должны понять, в чем состоят их потребности, цели, слабые и сильные стороны в изучении языка. От них также требуется отобрать свои лучшие работы и объяснить, почему именно эти работы были для них наиболее полезными. Наличие рефлексивного элемента в языковом портфеле делает процесс его ведения лично-значимым. Рефлексия позволяет учащимся привнести свое осмысленное представление о собственном учении в процесс контроля и оценки. Это усиливает у студентов ощущение принадлежности им их работы и увеличивает возможности установления диалога между студентами и преподавателями по поводу целей учебного курса и успеваемости. Представляется уместным высказывание одного зарубежного педагога, которое гласит: «Без рефлексии языковой портфель остается папкой для всех моих бумаг».

Заключение. Языковой портфель, таким образом, является своего рода «зеркалом» процесса изучения иностранного языка. В нем посредством рефлексивной самооценки студентов отражаются основные компоненты этого процесса, что способствует созданию условий для развития их учебной компетенции и автономии.

Литература

1. Heaton, J. B. Classroom Testing / J. B. Heaton. – London; New York: Longman, 1990.
2. Мусницкая, Е. В. Контроль в обучении иностранными языками: 100 вопросов к себе и ученику / Е. В. Мусницкая. – М.: Дом педагогики, 1996.
3. Belanoff, P. Portfolios: Process and product / P. Belanoff, M. Dickson. – Portsmouth, VI: Boynton, 1990.
4. Hamp-Lyons, L. Questioning assumptions about portfolio-based assessment / L. Hamp-Lyons, W. Condon // College Composition and Communication. – 1993. – Vol. 44. – P. 176–190.
5. Гальскова, Н. Д. Языковой портфель как инструмент оценки и самооценки учащихся в области изучения иностранных языков / Н. Д. Гальскова // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 5.
6. Коряковцева, Н. В. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык / Н. В. Коряковцева. – М.: Аркти, 2002.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

The article focuses on one of the technologies of teaching intensification – the technology of educational material visualization. Different ways of information processing and information arranging (generalization, systematization, extension, etc.) are considered here. Besides, the article rejects the gist of the technology being considered and examines the main principles of the educational material visualization technology – the principle of system quantification and the principle of cognitive visualization. The most common forms of educational material presentation (production model, logical model, framebased mode, memory map, etc.) are outlined here. The main characteristics of visual material patterns and methods of educational material structuring are analyzed in the article.

Введение. В эпоху информационной насыщенности проблемы компоновки знания и оперативного его использования приобретают колоссальную значимость. В этой связи назрела потребность в систематизации накопленного опыта визуализации учебной информации и его научного обоснования с позиций технологического подхода к обучению.

Основная часть. По классификации Г. К. Селевко, технология интенсификации обучения на основе схемных и знаковых моделей учебного материала относится к группе педагогических технологий на основе активизации и интенсификации деятельности студентов. По целевым ориентациям она направлена:

- на формирование знаний, умений, навыков;
- обучение всех категорий обучаемых, без селекции;
- ускоренное обучение [1].

К этой же группе технологий он причисляет: игровые технологии, проблемное обучение и некоторые частнопредметные (например, интенсивную технологию изучения иностранного языка Лозанова – Китайгородской) [2]. Сюда также можно отнести квантовое обучение, предложенное американскими авторами Б. Депортер и М. Хенаки [3], методики ускоренного обучения Б. Ц. Бадмаева на основе ОСВД (оперативной схемы выполнения действий) и ООД (ориентировочной основы действий) и некоторые другие. Эти подходы к обучению являются целостными системами и включают в себя такие элементы, как развлечения, игры, рисование, позитивное мышление, физическое и эмоциональное здоровье, использование внутренних ресурсов и возможностей. Подобные эмоциональные элементы задействованы в большей или меньшей степени в зависимости от конкретной обучающей технологии, но в совокупности все они отвечают задачам адаптивной образовательной системы. Определяющим признаком адаптивной школы является развитие способности личности к самосовершенствованию и самореализации. Педагогические технологии адаптивной школы приспосабливаются к внешней среде, и сами влияют на нее. Они учи-

тывают также интеллектуальную, эмоционально-оценочную и поведенческую сферы каждого участника педагогического процесса.

Технология визуализации учебной информации – это система, включающая в себя следующие слагаемые: комплекс учебных знаний; визуальные способы их предъявления; визуально-технические средства передачи информации; набор психологических приемов использования и развития визуального мышления в процессе обучения.

Технология визуализации учебного материала перекликается с педагогической концепцией визуальной грамотности, которая возникла в конце 60-х гг. XX в. в США. Эта концепция основывается на положениях о значимости визуального восприятия для человека в процессе познания мира и своего места в нем, ведущей роли образа в процессах восприятия и понимания, необходимости подготовки сознания человека к деятельности в условиях все более «визуализирующегося» мира и увеличения информационной нагрузки [4].

Информационная насыщенность современного мира требует специальной подготовки учебного материала перед его предъявлением обучаемым, чтобы в визуальном обозримом виде дать учащимся основные или необходимые сведения. Визуализация как раз и предполагает свертывание информации в начальный образ (например, в образ эмблемы, герба и т. п.). Следует учитывать также возможности использования слуховой, обонятельной, осязательной визуализации, если именно эти ощущения являются значимыми в данной профессии.

Эффективным способом обработки и компоновки информации является ее сжатие, т. е. представление в компактном, удобном для использования виде. Разработкой моделей представления знаний в сжатом виде занимается специальная отрасль информационной технологии – инженерия знаний. Сжатие и визуализация учебной информации технологически может быть достигнута разными методическими приемами, и, соответственно этому, известны разнообразные схемно-знаковые модели

представления знаний. Здесь полный простор для творческой инициативы преподавателя и студента. Наиболее популярные в вузовской системе формы представления учебной информации следующие: логическая структура учебной информации в форме графа, производственная модель, логическая модель, модель семантической сети, когнитивно-графические элементы «Древо» и «Здание», фреймовая модель, схемоконспект, или конспект-схема, опорный конспект, или лист опорных сигналов (ЛОС), карта памяти, метаплан.

Дидактическая адаптация концепции инженерии знаний основана на том, что, «во-первых, создатели интеллектуальных систем опираются на механизмы обработки и применения знаний человеком, используя при этом аналогии нейронных систем головного мозга человека. Во-вторых, пользователем интеллектуальных систем выступает человек, что предполагает кодирование и декодирование информации средствами, удобными пользователю, т. е. как при построении, так и при применении интеллектуальных систем учитываются механизмы обучения человека» [5]. К основам сжатия учебной информации можно отнести также теорию содержательного обобщения В. В. Давыдова, теорию укрупнения дидактических единиц П. М. Эрдниева. Под сжатием информации понимается прежде всего ее обобщение, укрупнение, систематизация, генерализация. П. Н. Эрдниев утверждает, «что наибольшая прочность освоения программного материала достигается при подаче учебной информации одновременно четырех кодах: рисуночном, числовом, символическом, словесном». Следует также учесть, что способность преобразовывать устную и письменную информацию в визуальную форму является профессиональным качеством многих специалистов. Следовательно, в процессе обучения должны формироваться элементы профессионального мышления: систематизация, концентрация, выделение главного в содержании.

Методологический фундамент рассматриваемой технологии составляют следующие принципы ее построения: принцип *системного квантования* и принцип *когнитивной визуализации*.

Системное квантование вытекает из специфики функционирования мыслительной деятельности человека, которая выражается различными знаковыми системами: языковыми, символическими, графическими. Всевозможные типы моделей представления знаний в сжатом компактном виде соответствуют свойству человека мыслить образами. Изучение, усвоение, обдумывание текста – как раз и есть составление схем в уме, кодировка материала. При необходимости человек может восстановить, «развернуть» весь текст, но его качество и

прочность будет зависеть от качества и прочности этих схем в памяти, от того, созданы они интуитивно студентом или профессионально преподавателем. Это довольно сложная интеллектуальная работа и студента надо последовательно к ней готовить.

Принцип системного квантования предполагает учет следующих закономерностей:

- 1) учебный материал большого объема запоминается с трудом;
- 2) учебный материал, расположенный компактно в определенной системе, лучше воспринимается;
- 3) выделение в учебном материале смысловых опорных пунктов способствует эффективному запоминанию.

Принцип *когнитивной визуализации* вытекает из психологических закономерностей, в соответствии с которыми эффективность усвоения повышается, если наглядность в обучении выполняет не только иллюстративную, но и когнитивную функцию, т. е. используются когнитивные графические учебные элементы. В то же время «опоры» (рисунки, схемы, модели), компактно иллюстрирующие содержание, способствуют системности знаний. По мнению З. И. Калмыковой, абстрактный учебный материал, прежде всего, требует конкретизации, и этой цели соответствуют различные виды наглядности – от предметной до весьма абстрактной, условно-знаковой. «При восприятии наглядного материала человек может охватить единым взглядом все компоненты, входящие в целое, проследить возможные связи между ними, произвести категоризацию по степени значимости, общности, что служит основой не только для более глубокого понимания сущности новой информации, но и для ее перевода в долговременную память» [6].

Г. К. Селевко утверждает, что любую систему или подход к обучению можно признать технологией, если она удовлетворяет следующим критериям: наличие концептуальной основы; системность (целостность частей); управляемость, т. е. возможность планировать, проектировать процесс обучения, варьировать средства и методы с целью получения запланированного результата; эффективность; воспроизводимость [1].

Суть рассматриваемой технологии, по нашему мнению, сводится к целостности трех ее частей.

1. Систематическое использование в учебном процессе визуальных моделей одного определенного вида или их сочетаний.
2. Научение студентов рациональным приемам сжатия информации и ее когнитивно-графического представления.
3. Методические приемы включения в учебный процесс визуальных моделей. Работа с

ними имеет четкие этапы и сопровождается еще целым рядом приемов и принципиальных методических решений.

Внедрение любой новой технологии в практику обучения требует личностной подготовленности к нововведениям как преподавателя, так и студентов, поскольку они являются равноправными субъектами процесса обучения. Преподаватель должен проявлять творческую активность при освоении новой для него технологии и уметь разрабатывать основные дидактические средства и методическое оснащение учебной деятельности. Освоение приемов структурирования и визуализации учебного материала проходит ряд этапов:

- отбор учебного материала, структурно-логический анализ и построение структурно-логической схемы учебной информации;
- выделение главного (ядра), методологических и прикладных аспектов темы;
- расположение учебного материала с учетом логики формирования учебных понятий;
- подбор опорных сигналов (ключевых слов, символов, фрагментов схем) и их кодировка;
- поиск внутренних логических взаимосвязей и межпредметных связей;
- составление первичного варианта, компоновка материала в блоки;
- критическое осмысление первичного варианта, перекомпоновка, перестройка, упрощение;
- введение цвета;
- озвучивание и окончательная корректировка опорного конспекта, схемы или другого визуального средства.

В визуальной информации есть свои закономерности, которые надо учитывать при составлении схемно-знаковых моделей. Остановимся на некоторых из них.

1. Вертикальная линия считывается дольше, чем горизонтальная, хотя они равны по величине. Отсюда следует, что и текст, напечатанный в столбик, считывается медленнее, чем этот же текст, напечатанный более широким планом. Однако если объем текста значительный, то при широком поле зрения глаз делает больше регрессий, а это замедляет чтение.

2. Линии, не имеющие перерыва, с плавными закруглениями считываются дольше, чем линия с резко выраженными углами, следовательно, печатный текст будет читаться быстрее, чем письменный, даже если почерк разборчивый.

3. Величина букв на доске (плакате, экране) влияет на комфортность восприятия визуальной информации. Существуют понятия комфортного зрения и предельного зрения. Так, при величине букв в 1 см предельное зрение равно 3 м, а комфортное – 2 м. Если величина букв и знаков меньше, то данное визуальное средство можно использовать в качестве раздаточного материала либо с применением технических средств.

4. Лучше всего запоминается информация, расположенная на доске (экране, плакате) в правом верхнем углу, – 33% внимания подается туда. Левому верхнему углу «уделяется» 28% внимания, правому нижнему и левому нижнему – соответственно 23 и 16%.

5. Восприятие считываемой информации зависит от удобочитаемости текста, т. е. играют роль не только рисунок и размер шрифта, но и различное соотношение материала, расположение на странице (длина строки, междустрочия, межбуквенные пробелы, характер верстки текста), цвет бумаги, способ печати.

6. Чем короче, компактней и выразительней текст, тем больше шансов, что его прочтут и запомнят. Это же относится и к заголовкам. Оптимально для заголовка использовать от 3 до 7 слов.

7. При подборе ключевых положений полезно учитывать исследования, описанные Ж. Пиаже: в единицу времени лучше всего запоминаются группы слов (78%), затем предложения (37%), далее следуют отдельные слова (25%), слоги (11%) и буквы (7%). Исходя из этого, буквенные сокращения в опорных конспектах должны быть ограничены. В экстремальных условиях лучше запоминаются слова, чем цифры. В английском языке существительные запоминаются лучше, чем глаголы и прилагательные.

8. Зрение требует группировки информации. Психологи утверждают, что вертикально нужно давать нечетное число перечислений: 3, 5, 7. Наибольшее число вертикальных перечислений, которое запоминает человек, – это 7 ± 2 (имен, наименований). Четное число вертикально записанных перечислений запоминается хуже.

Особое значение при восприятии визуальной информации играет цвет как самих букв и символов, так и фона. Как атрибут предметного образа цвет непосредственно воздействует на ощущения и чувства, повышает внимание.

Как показывают исследования, наиболее удобочитаем черный шрифт на белом, затем черный на любом светлом цветном фоне (светло-зеленом, светло-желтом, светло-розовом). Наиболее неудобочитаем желтый на белом фоне и наоборот. В качестве основных правил использования цвета можно выделить следующие:

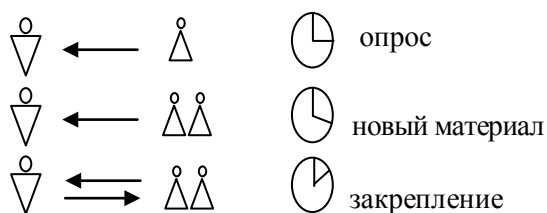
- не использовать более трех-четырёх цветов на одном листе;
- иллюстрировать одним цветом одинаковые положения, признаки понятий;
- обеспечивать хороший контраст фигур (опорных сигналов) и фона;
- избегать комбинаций красного и желтого, так как некоторые студенты не могут их различать;
- использовать цветовые ассоциации и эмоциональные характеристики, например красным

или оранжевым выделять указания, требующие обязательного выполнения, а черным – отрицательные или негативные последствия.

При кодировании учебной информации используются специальные мнемонические приемы, такие как примеры жизненных ситуаций, аббревиатуры, логические цепочки, общепринятая символика. Из рекомендаций по скоростному конспектированию можно позаимствовать также и некоторые приемы сокращений.

Например: кванторы (перевернутые первые буквы немецких слов) – $\forall$ каждый, всякий; буквы в обертке знакомы по использованию в электронных адресах, например @ (оборачивать можно как маленькие, так и прописные буквы, латинские и русские, а также несколько начальных букв); общепринятые обозначения, устоявшиеся в данной науке и учебном предмете, например в английском языке «verb» (глагол) обозначается буквой V, «noun» (существительное) – N и т. п.; иероглифы широко распространены во многих научных областях (четверть населения земного шара вообще пишет иероглифами); пиктограммы (рисуночное письмо) изобретать несколько сложнее, но зато они значительно легче для восприятия и запоминания. К пиктограммам относятся дорожные знаки, спортивные эмблемы. Например, пиктограммой можно представить план урока:

Пиктограммы можно успешно вводить в опорные конспекты, карты памяти, конспект-схемы, фреймы. Они удобны для чтения и запоминания. Их надо применять для изображения каких-либо зрительно воспринимаемых характеристик объекта или самих объектов, в

особенности если для описания требуется несколько слов.

Заключение. Технология визуализации учебного материала требует от студентов, во-первых, владения общеучебными умениями выделять основные понятия темы, вокруг которых следует выстраивать остальную информацию, а во-вторых, развития наглядно-образного мышления и творческого воображения. Творчески работающий педагог, несомненно, найдет немало приемов, позволяющих включить студентов в активную совместную деятельность по выделению понятий темы и перевода учебной информации на язык визуализации. При подборе опорных сигналов проявляется творческая индивидуальность преподавателя, его эрудиция, нестандартность мышления, чувство юмора. Методика использования средств визуализации в практике обучения зависит от многих условий и, прежде всего, от вида модели и технологической грамотности самого преподавателя.

Литература

1. Селевко, Г. К. Технология интенсификации обучения на основе схемных и знаковых моделей учебного материала / Г. К. Селевко. – М.: Высшая школа, 2001.
2. Флипов, В. Н. Инновационный метод преподавания иностранных языков / В. Н. Флипов. – М.: Иностранные языки, 2005.
3. Депортер, Б. Квантовое обучение / Б. Депортер, М. Хенаки. – М.: Просвещение, 2001.
4. Лаврентьев, Г. В. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов: в 3 ч. / Г. В. Лаврентьев, Н. Б. Лаврентьева, Н. А. Неудахина. – Барнаул: Алтайский университет, 2002. – Ч. 2.
5. Чалдини, Р. Психология влияния / Р. Чалдини. – СПб.: Иностранные языки, 1999.
6. Демкин, В. П. Дистанционное образование и его технологии / В. П. Демкин, В. М. Вымятнин. – Томск: Иностранные языки в школе, 1997.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО (ЛЕКСИЧЕСКОГО) И АССОЦИАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ

Cognitive linguistics is one of the most popular and interesting direction within the larger study of language and society. Many articles focused on this area are already written. The given article dwells upon the diversity of the word meanings, particularly lexical and associative ones. Some paragraphs are devoted to the semantic fields theory. The emphasis of this research is placed on the gender aspect which should be normally taken into account in such kinds of investigations. The basic problems of lexical classification and its further general arrangement are regarded in the article. The author describes results of her own experiment based on psycholinguistic methods of language study.

Введение. Как известно, для современного этапа развития лингвистики характерно понимание того, что на процесс порождения высказывания оказывают влияние очень много различных по своей природе факторов: это и категории мышления, и общий фонд знаний, и психологические механизмы, и внеязыковая, экстралингвистическая реальность, и коммуникативная ситуация, и цель, которую ставят перед собой участники общения и т. п.

Основная часть. В настоящий момент одной из центральных проблем в психолингвистике является исследование национально-культурной специфики речевого поведения и языкового сознания носителей той или иной культуры, а главной причиной непонимания при межкультурном общении признается не различие языков, а различие национальных (этнических) сознаний коммуникантов. И одним из ключевых моментов в решении этой проблемы является изучение значения слова.

Значение – это информация, передаваемая знаком в процессе коммуникации. Значение является неотъемлемой принадлежностью любого знака, будь то сигнал светофора, рукопожатие, знак сложения в арифметике или слово. Наиболее развитая, всем знакомая и дольше всего изучаемая знаковая система – это естественный язык, и рассматривать значение удобнее всего на примере естественно-языковых знаков.

Если говорить о возможных значениях слов, то, наряду со всем известным семантическим и грамматическим значениями, информация о которых содержится в толковых словарях и грамматических справочниках, существуют также такие понятия, как ассоциативное значение слов, синонимическое значение, фонетическое значение, контекстуальное значение и множество других. И прежде чем непосредственно коснуться специфики отличий семантического и ассоциативного значений хотелось бы сказать несколько слов о том, зачем нужно разграничивать данные понятия.

Словарь взрослого современного человека включает приблизительно несколько десятков тысяч слов. Для того чтобы эта масса слов не была мертвым скоплением, она должна быть

так или иначе упорядочена. Языковая система любого языка является чрезвычайно сложным организмом. И как всякая система, она строится из совокупности элементов, которые связываются между собой определенными отношениями, следовательно, исследуя разные типы отношений между словами, мы получаем разные виды связей в лексической системе, что позволяет нам взглянуть на все это лексическое разнообразие под разными углами и попытаться воссоздать наиболее полную картину лексической системности.

Эта потребность в установлении всевозможных связей между словами вокабуляра нашла отражение в теории семантических полей.

Семантическое поле – это термин, применяемый в лингвистике чаще всего для обозначения совокупности языковых единиц, объединенных каким-то общим семантическим признаком. Первоначально в роли таких лексических единиц рассматривали единицы лексического уровня – слова; позже в лингвистических трудах появились описания семантических полей, включающих также словосочетания и предложения.

Одним из классических примеров семантического поля может служить поле цветообозначений, состоящее из нескольких цветовых рядов (красный – розовый – розоватый – малиновый; синий – голубой – голубоватый – бирюзовый и т. д.): общим семантическим компонентом здесь является «цвет».

В семантическом поле слова соединены различными видами связей, которые и служат основой систематизации словаря. Например, в основу систематизации могут лечь: отношение «часть – целое» (миронимия), объединения синонимических или антонимических рядов и т. д. Каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему.

Отдельная языковая единица может иметь несколько значений и, следовательно, может быть отнесена к разным семантическим полям. Например, прилагательное красный может входить в семантическое поле цветообозначений и одновременно в поле, единицы которого

объединены обобщенным значением «революционный» [1].

Часто построение и изучение лексического поля происходит в рамках определенного концепта (понятия), так, например, существуют исследования семантического поля концептов *транспорт, здоровье, душа, детство, женщина, красота, свобода, ландшафт* и др.

Сам термин «семантическое поле» в настоящее время все чаще заменяется более узкими лингвистическими терминами: «лексическое поле», «синонимический ряд», «лексико-семантическое поле» и т. п. Каждый из этих терминов более четко задает тип языковых единиц, входящих в поле и/или тип связи между ними. Тем не менее во многих работах как выражение «семантическое поле», так и более специализированные обозначения употребляются как терминологические синонимы.

Касательно семантического (или, в нашем случае, лексического) значения слова – это именно то значение лексической единицы, которое описывается в толковом словаре.

Ассоциативное же значение слова – это весь тот ряд ассоциаций, которые возникают на стимул, при его предъявлении реципиенту. Изучение ассоциаций имеет очень давнюю научную традицию, в течение многих веков они были объектом изучения философов, психологов, лингвистов. Ассоциация – стык нашего сознательного с нашим бессознательным, это «зона перехода» от одного состояния к другому. Изучение ассоциативных процессов, по мнению многих известнейших лингвистов и психологов, представляет собой одну из сложнейших и далеко еще не решенных задач.

Для выявления и полного описания какого-нибудь семантического поля нередко используют метод свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). Группы слов, полученные в результате ассоциативного эксперимента, носят название ассоциативных полей. По мнению многих исследователей, построение ассоциативных полей методом свободного ассоциативного эксперимента протекает в условиях деятельности испытуемых, приближенной к нормальной языковой деятельности, что придает этим данным огромную важность. Подобные исследования позволяют предположить, как формируется лексикон человека, из каких слоев он состоит, как обогащается, влияет ли на восприятие картины мира, какова структура памяти и др. Изучение ассоциативных полей подтвердило гипотезы ученых когнитивного направления о сочетании в памяти человека лингвистических и экстралингвистических знаний, о влиянии на это сочетание личностного опыта, установок, эмоций и пр. Реакции на предъявленный стимул могут отличаться у мужчин и женщин; подростков и детей; людей, имеющих

разный уровень образования, говорящих на разных языках, принадлежащих к разным религиозным течениям.

Мы провели эксперимент со студентами БГТУ в возрасте 17–18 лет. Выбор испытуемых определялся тем, что именно они будут составлять активное ядро общества в ближайшие десятилетия.

Так, при проведении эксперимента было выявлено, что ассоциативное поле слова «женщина» включает в себя

Молодые люди: мать (3), влечение (2), красивая (2), мужчина (2), радость (2), половина (2), дом, жена, красота, кормилица, леди, любовь, святое, секс, слабая, нечеловек, преподаватель, человек, чужая.

Девушки: мужчина (6), мать (5), слабый пол (3), женственность (3), красота (2), красивая (2), молодая (2), она (2), опека.

Согласно данным, полученным в результате составления ассоциативного тезауруса ребенка 3–6 лет, было выявлено, что ядро языкового сознания взрослого человека формируется на самых ранних этапах онтогенеза. Т. В. Соколова экспериментально подтвердила, что у детей (а впоследствии и у взрослых) преобладают ассоциации, в которых стимул и реакция принадлежат к одному классу (одной части речи) [2]. В проведенном нами эксперименте 23 из 28 реакций являются именами существительными.

Немного подробнее хотелось бы остановиться на гендерном аспекте.

Доминантой исследовательских парадигм последних десятилетий стал антропоцентризм, т. е. обращенность к изучению человека. Гендерные исследования занимают особое место в системном ряду наук о человеке и представляют собой исследования гендера как феномена, который вмещает в себя целый комплекс как социальных и психологических аспектов, так и культурных установок, порожденных обществом и влияющих на поведение индивидов. В настоящее время невозможно проводить исследования вокабуляра, не учитывая половой принадлежности реципиента. Понятие «гендер» проводит границу между понятием «биологический пол» (Sexus) и социальными и культурными импликациями, вкладываемыми в концепты мужское – женское: разделение ролей, культурные традиции, отношение власти в связи с полом людей. Понятие «гендер» не является лингвистической категорией. Тем не менее язык и речь могут и должны быть проанализированы с точки зрения отражения в них гендерных отношений. Именно из-за того, что гендер является компонентом как коллективного, так и индивидуального сознания, его необходимо изучать как когнитивный феномен, проявляющийся как в стереотипах, фиксируемых языком, так и в речевом поведении индивидов [3].

При описании результатов проведенного нами эксперимента мы постарались показать разницу в восприятии тех или иных понятий у представителей разных полов.

Однако мало получить результаты эксперимента, по утверждению многих лингвистов, метод свободных ассоциаций неизбежно приводит исследователей к одной проблеме: классификация ассоциаций – распределение их на группы, согласно некоторым непротиворечивым основаниям. Попытка упорядочить ассоциативные реакции уходит своими корнями еще в античность. Но и на данный момент эта проблема является одной из самых сложных и трудноразрешимых как в методологическом, так и в практическом плане. Некоторые авторы говорят, что в существующих классификациях можно наблюдать смешение психологических, логических и лингвистических принципов.

На важность трактовки понятия «ассоциация» и учет этого при построении классификации ассоциаций указывает и А. П. Клименко, предложившая в 70-е гг. XX в. одну из самых развернутых лингвистических классификаций. Клименко полагает, что нужно классифицировать не собственно реакции, а связи, возникающие при ассоциировании между стимулом и реакцией [4].

Анализируя, проведенный нами САЭ, мы не можем не обратить внимание на то, что наиболее частотные реакции на предложенный нами стимул вытекают из семантического (или лексического) значения слова «женщина». Например, по словарю Т. Ф. Ефремовой:

ЖЕНЩИНА, ж.

1. Лицо, противоположное по полу мужчине.
2. Лицо женского пола как воплощение свойств, качеств этого пола.
3. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке.

Однако ассоциативное поле является более широким по своему содержанию. Исследование ассоциативного поля вскрывает глубинные слои подсознания (ведь не случайно метод ассоциативного эксперимента используется в психотерапевтической практике). Ассоциации дают уникальную возможность заглянуть в мир эмоций и представлений с ними связанных и по-

смотреть, как эмоции репрезентируются в мышлении человека и как соотносятся с национально-культурной спецификой его восприятия мира. Семантическое и ассоциативное значения слов не являются тождественными понятиями. Они могут пересекаться, но не будут полностью входить друг в друга, к тому же ассоциативное поле является более подвижным по смысловому наполнению (ассоциативный словарь, составленный в 60-е гг. XX в. будет отличаться от подобного же словаря, составленного через 50 лет). Исследование соответствия семантического и ассоциативного полей позволяет не только упорядочить и систематизировать лексикон человека, но и исследовать истинное положение вещей во внутреннем мире человека и в обществе в целом путем отражения исследуемого понятия в сознании испытуемого.

Заключение. Ассоциативные словари представляют собой уникальный источник информации для исследований во всем широком спектре гуманитарных дисциплин, выступая при этом для них и как самостоятельный исследовательский объект, и как инструмент научного анализа [5]. Ассоциативная лексикография является, на наш взгляд, одним из самых перспективных направлений современной лингвистики.

Литература

1. Залевская, А. А. Значение слова и возможности его описания / А. А. Залевская // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 1998.
2. Соколова, Т. В. Ассоциативный тезаурус ребенка 3–6 лет: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Соколова. – М., 1999.
3. Горошко, Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ): дис. канд. филол. наук / Е. И. Горошко – М., 1996.
4. Клименко, А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение / А. П. Клименко // МГПИИЯ. – Минск, 1974.
5. Broderick, John P. Modern English Linguistics / John P. Broderick // Tomas Y. Crowel Company. USA. – 2002.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

This article is dedicated to the problems of choosing appropriate interaction, methods and technologies of teaching students of non-linguistic universities English for special purposes. We consider developing creative personality of modern students by means of this academic subject to be the most actual for making them professionals and prominent figures.

Введение. Изменение социальных, политических, рыночных условий, модернизация производственного сектора, развитие новых отраслей промышленности, разработка и внедрение новых технологий и техники отражаются на квалификационных требованиях, предъявляемых выпускникам вузов.

В свете этого современная система высшего технического образования претерпевает ряд изменений: меняются образовательные стандарты; вводятся новые учебные дисциплины; осуществляется подготовка по новым специальностям и специализациям; производится многоуровневая подготовка специалистов: студент → бакалавр → магистр; учебная деятельность студентов профессионально и творчески направлена: репродуктивная деятельность → репродуктивно-творческая деятельность → рефлексивно-творческая деятельность → творческая деятельность; происходит интеграция дисциплины “Иностранный язык” с профилирующими предметами.

Основная часть. Белорусский государственный технологический университет (БГТУ) готовит специалистов по следующим химическим специальностям: химическая технология производства и переработки неорганических материалов, химическая технология производства полимерных соединений, химическая технология производства изделий из стекла и керамики, конструирование и производство изделий из композиционных материалов, и пр.

В соответствии с Образовательным Стандартом Республики Беларусь для высших технических учебных заведений (РД РБ 02100.5.084-98) предъявляются следующие требования к умениям специалистов квалификации “инженер-химик-технолог”: на научной основе организовать свой труд; владеть методами сбора, хранения и обработки информации в сфере профессиональной деятельности; самостоятельно принимать решения; разрабатывать и вести техническую документацию; организовать делопроизводство; рассчитывать эффективность проектных и технологических решений с учетом конъюнктуры рынка; проводить научные исследования по разработке и совершенствованию технологических процессов [1].

Также БГТУ готовит экономистов следующих специализаций: маркетолог, специалист по

рынку; менеджер, специалист по управлению предприятием; бухгалтер, специалист по работе с финансами.

Согласно Образовательному Стандарту Республики Беларусь для высших технических учебных заведений (РД РБ 02100.5.122-98), предъявляются следующие требования к умениям специалистов квалификации “экономист”: на основе учетно-аналитической информации разрабатывать обоснованные рекомендации и предложения по повышению экономической эффективности хозяйственной деятельности; владеть методами сбора, хранения и обработки информации в сфере профессиональной деятельности; самостоятельно принимать управленческие решения; разрабатывать и вести учетно-аналитическую документацию; наладить делопроизводство; организовать творческую и мотивированную работу коллектива; проводить научные исследования по разработке и совершенствованию технологических процессов; иметь навыки оценки эффективности внешнеэкономической деятельности, критического анализа и оценки различных экономических теорий и конкуренции [2].

Производственно-прикладное значение указанных специальностей, тесная связь теоретико-практического курса обучения с научно-исследовательской деятельностью обучаемых, технологическая оснащенность и заданность учебного процесса технического вуза задают уровень профессионально-ориентированной подготовки будущих специалистов не только по профилирующим, но и по социально-гуманитарным дисциплинам.

Так, в соответствии с Образовательным Стандартом Республики Беларусь по преподаванию цикла социально-гуманитарных дисциплин в высших технических учебных заведениях страны (РД РБ 02100.5.227-99) предъявляются следующие требования к знаниям и умениям выпускника по дисциплине “Иностранный язык”: знать основные фонетические, грамматические, лексические правила, позволяющие использовать иностранный язык как средство профессионального общения; уметь анализировать оригинальные научные, социально-политические тексты; приобрести навыки ведения общения профессионального характера на иностранном языке, чтения и перевода литера-

туры по специальности без словаря с целью извлечения информации, составления аннотаций и реферирования деловой документации [3].

Как видно из приводимых руководящих документов современного специалиста должны отличаться:

- положительная мотивация деятельности, рефлексивная деятельность (анализ и обработка профессиональной документации и информации),
- ведение самостоятельной исследовательской и научной деятельности по специальности,
- творческая активность в профессиональной сфере.

Соответственно, профессионально-ориентированное, интегрированное с профилирующими дисциплинами обучение будущих специалистов иностранному языку в техническом вузе сегодня отличает:

1) активное привлечение студентов к ведению учебно-исследовательской и научно-исследовательской деятельности по специальности на изучаемом языке;

2) эффективное влияние на сознание будущих специалистов посредством развития профессиональной направленности студентов в процессе изучения иностранного языка на разных уровнях их коммуникативной компетентности;

3) формирование положительной мотивации ведения профессионально-ориентированной учебно-исследовательской деятельности в процессе изучения иностранного языка;

4) комплексное применение технологий проблемного и игрового обучения, активных методов профессионально-ориентированного обучения, способствующих проявлению творческого потенциала студентов и развитию у них творческой направленности;

5) подготовка студентов к ведению самостоятельной профессиональной деятельности в динамично меняющихся социально-экономических условиях в сотрудничестве с зарубежными коллегами [4].

Обеспечению эффективности учебного процесса по иностранному языку способствует развитие профессиональной направленности студентов. Данной проблеме посвящены труды ряда отечественных и зарубежных исследователей.

Так, профессиональная направленность личности определяется П. Вайнцвайгом как проявление целевых ориентаций личности [5], В. А. Сластениным как ее свойство, о котором можно судить по двум критериям: успешному овладению профессией и степени удовлетворения человека своим трудом [6].

Однако, на наш взгляд, высшим уровнем развития профессиональной направленности будущего специалиста является его целеполагание ведения самостоятельной исследовательской, профессиональной деятельности, потребность в профессиональном самосовершенствовании, творческой самореализации.

Мы разделяем позицию ученых, рассматривающих профессиональную направленность студентов в контексте творчества. Как отмечает И. П. Калошина, большую роль в процессе формирования будущего специалиста играет его стремление к профессиональной самореализации, важной составляющей которой является творческая направленность и активность личности [7].

П. К. Энгельмейер видит сущность профессионального творчества в сочетании умения действовать самостоятельно и адекватно, осмысливая свою деятельность в свете научно-теоретических знаний [8].

По мнению В. И. Андреева, осознание специалистом степени своего мастерства и идеальных моделей, являющихся синтезом науки и практики, преломленных через собственную индивидуальность, служит ориентиром для формирования самостоятельной профессиональной позиции творческого, новаторского характера [9].

Из вышеизложенного становится очевидной важность синтеза профессиональной и творческой направленности личности при формировании сознания будущего специалиста в процессе обучения иностранному языку в техническом вузе.

Мы определяем профессионально-творческую направленность студента (ПТНС) как совокупность:

- *ведущих мотивов* профессионально-творческой деятельности (стремление к профессионально-творческому самовыражению, творческой самореализации в профессиональной деятельности, активной инновационной и исследовательской творческой деятельности в профессии);

- *творческих проявлений* личности в профессиональной сфере (продуктивное мышление, рефлексивные механизмы и эвристический потенциал, творческая активность, активно-преобразующая профессиональная деятельность);

- *мотивационно-творческой активности* (органическое единство профессиональных навыков с высоким уровнем творческих способностей, позволяющих специалисту достигнуть прогрессивных, социально и личностно значимых творческих результатов в профессиональной деятельности).

В предлагаемой нами модели формирования ПТНС в процессе профессионально-

ориентированного обучения иностранному языку осуществляется в три этапа:

1) ПТ-потенциальный (учебная деятельность репродуктивна, не носит творческий либо профессиональный характер, происходит формирование положительной мотивации ведения творческой и профессионально-ориентированной учебно-исследовательской деятельности, большое значение имеет фактор позитивной эмоциональной среды);

2) ПТ-продвинутой (учебная деятельность рефлексивна, носит творческий характер, большую роль играет фактор рефлексивно-творческой активности);

3) ПТ-направленный (учебная деятельность профессионально направлена ввиду интегрированности процесса обучения иностранному языку с профилирующими дисциплинами, носит творческий характер, обучаемые проявляют навыки творческой и рефлексивной деятельности при решении профессионально-ориентированных задач).

Развитие ПТНС в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку мы видим в контексте следующих педагогических технологий:

- технологии сотрудничества педагога и студента – личностно-ориентированные (антропоцентрические) технологии, гуманно-личностные технологии;

- технологии на основе активизации и интенсификации учебной деятельности обучаемых – совокупное применение проблемной технологии обучения (отбор актуальных задач для проектной работы на занятиях по иностранному языку; создание проблемных ситуаций, требующих активной рефлексивной, познавательной деятельности студентов по специальности) и технологии игровых имитаций (имитация профессиональной проблемной ситуации, решение которой требует синтеза профессиональной и творческой активности, проявления продуктивного мышления на изучаемом языке);

- технологии сотрудничества педагога и студента в исследовательской деятельности на изучаемом языке – привлечение студентов к ведению самостоятельной профессионально-ориентированной деятельности на иностранном языке (аннотирование, реферирование оригинальных текстов; подготовка докладов на иностранном языке по специальности на научные конференции) [10].

Рассмотрим примеры комплексного применения указанных технологий обучения иностранному языку в процессе развития ПТН студентов технического вуза.

1. Основой профессионально-ориентированной иноязычной монологической и диалогической речи служат, помимо прочих, умения

дать четкое определение обсуждаемой темы и понятийного аппарата по ней, высказать собственное мнение по обсуждаемой проблеме.

Научиться этому можно только при достаточно обширной практике ведения бесед, диспутов в ходе обучения иностранному языку. Овладению подобными навыками, развитию рефлексивного и продуктивного мышления студентов способствует, на наш взгляд, составление студентами толкового словаря изучаемых профессиональных терминов. При этом творческая активность студентов проявится в большей степени, если дополнить данное задание составлением кроссворда по изучаемой лексической теме.

2. Завершая работу со студентами (II-го курса) на среднем профессионально-ориентированном уровне коммуникативной компетенции, предоставим обучаемым возможность проверить глубину их знаний в игровой имитации *“Синхронный переводчик”* (СП). Понадобятся два плеера с аудиокассетами, составленный двумя студентами диалог по пройденному материалу с чередующимися английским и русским языками в вопросах и ответах.

Один из обучаемых рожает СП, а двое других беседуют между собой посредством только СП (так как услышать ответ или вопрос им мешает музыка, звучащая из наушников плееров). Задав вопрос по-английски, первый собеседник надевает наушники и не слышит перевод СП на русский язык. Отвечающий, выслушав переведенный СП вопрос, отвечает по-русски и надевает наушники. Собеседники снимают их только, когда СП обращается к ним с переводом очередного ответа или вопроса. Данная имитация позволяет вам проконтролировать усвоение студентами пройденного материала, студентам проявить творческое мышление в работе с профессионально-ориентированной лексикой.

3. Ведение самостоятельной учебно-исследовательской работы с оригинальной литературой по специальности, сбор и анализ данных по заданной проблеме – неотъемлемая часть развития ПТН студентов технического вуза, так как данный процесс способствует творческой самореализации будущего специалиста. Результатом ведения самостоятельной исследовательской профессионально-ориентированной деятельности на иностранном языке студентами II-ых, III-их курсов БГТУ является подготовка ряда тематических сборников рефератов по их специальности в англо-русской версии.

В период 2002–2007 г.г. были созданы семь сборников студентами химических и экономических специальностей БГТУ. К наиболее успешным с позиции развития ПТН авторов мы относим, например, следующие работы:

- химические технологии. Сборник рефератов по английскому языку химиков-технологов. Разделы сборника: минералогия; стекло и керамика; химические удобрения; вяжущие и строительные материалы; экология (экологические аспекты утилизации отходов предприятий химического комплекса);

- экономика производства. Сборник рефератов по английскому языку бакалавров экономических наук. Разделы сборника, основой которого были курсовые проекты студентов: экономика, маркетинг, бухгалтерский учет; экология предприятий; экономика предприятий деревообрабатывающего комплекса; экономика предприятий химического комплекса.

Заключение. Развитие ПТН студента в процессе изучения иностранного языка происходит через сотворчество с талантливой творческой личностью.

Чтобы студенты стремились к профессионально-творческой самореализации в результате развития у них ПТН, преподавателю иностранного языка в ходе педагогического взаимодействия с обучаемыми необходимо соблюдать ряд педагогических условий:

1) постоянно поддерживать у студентов желание приобщаться к профессиональной деятельности, поощрять творческую активность студентов в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку;

2) создавать атмосферу творчества и сотворчества в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку, приобретения нового опыта ведения профессионально-творческой самостоятельной деятельности исследовательского, научного характера;

3) стимулировать правильные взаимоотношения в различных системах профессионально-ориентированного иноязычного общения: “общество – группа – личность”, “коллектив – микрогруппа – личность”, “преподаватель – группа студентов”, “преподаватель – студент”, “студент – студенческая группа”.

Литература

1. Образовательный Стандарт Республики Беларусь РД РБ 02100.5.084-98 для высших технических учебных заведений. Специальность Т.15.01.00 Химическая технология производства и переработки неорганических материалов. – Минск, 1999.

2. Образовательный Стандарт Республики Беларусь РД РБ 02100.5.122-98 для высших технических учебных заведений. Специальность Э.01.07.00 Бухгалтерский учет, анализ и аудит. – Минск, 1999.

3. Образовательный Стандарт Республики Беларусь РД РБ 02100.5.227-99 для высших технических учебных заведений. Цикл социально-гуманитарных дисциплин. – Минск, 1999.

4. Пионова, Р. С. Педагогика высшей школы: Учебное пособие / Р. С. Пионова. – Минск: Высшая школа, 2005.

5. Вайнцвайг, Поль. Десять заповедей творческой личности / Поль Вайнцвайг. – М.: Прогресс, 1990.

6. Сластенин, В. А. Педагогика: инновационная деятельность / В. А. Сластенин. – М.: Магистр, 1997.

7. Калошина, И. П. Структура и механизмы творческой деятельности: Нормативный подход / И. П. Калошина. – М.: Изд-во ИГУ, 1983.

8. Энгельмейер, П. К. Теория творчества / П. К. Энгельмейер. – С Пб.: Образование, 1910.

9. Андреев, В. И. Педагогика творческого саморазвития: инновационный курс: в 2 кн. / В. И. Андреев. – Казань: Изд-во КГУ, 1996. – Кн. 1.

10. Романова, А. М. Взаимодействие преподавателя и студентов при развитии профессионально-творческой личности обучаемых / А. М. Романова // Гуманизация и демократизация педагогического процесса в условиях университетского образования: материалы междунар. науч. семинара, Китев, 5–8 сент. 2006 г. / Софийский университет “Св. Кл. Охридски”. Китев, 2006. – с. 5.

А. М. Романова. Развитие профессионально-творческой направленности студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку.

В посвящена профессионально-творческой направленности личности студентов технического вуза как основы творческой самореализации будущих специалистов. Автором рассматривает данную педагогическую проблему в контексте антропоцентрических технологий обучения.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Полуян И. В. Геополитика и проблемы глобализации на современном этапе	3
Малашко А. М. Идеино-политическая борьба вокруг вопроса о роли и задачах профсоюзов в 1917–1921 гг.	6
Леоненко В. С. Характер и особенности избирательного процесса Республики Беларусь в 2001 г.	9
Жарина Л. В. Социально-демографическое развитие БССР в 20–30-е гг. XX в.	12
Каленникова Т. Г. Становление экологического образования и воспитания как педагогическая проблема.....	15
Александрович А. П. Психологические проблемы терроризма	18

ФИЛОСОФИЯ

Подручный М. В. Философский анализ методологических оснований социобиологии	20
Карканица О. А. Конфликт биоэтических и евгенических принципов в аспекте кризиса семьи	23
Семерник С. З. Ценностно-мировоззренческая безопасность в эпоху глобализации	27
Оришева О. Ф. Глобализация в марксистской перспективе	31
Габинская А. А. Экологическое образование и его роль в формировании ноосферного мировоззрения	35
Криворотько В. В. Принцип экосоциоцентризма в контексте ценностно-мировоззренческих установок современной науки	38
Марук А. Н. Этноконфессиональные факторы в контексте линейно-поступательной и локально-цивилизационной моделей социальной эволюции	41
Райко Д. Н. Природные основания социокультурной эволюции	45
Янковский В. И. Массовое сознание как объект социально-философского исследования	48
Лавыш Т. А. К вопросу о «личном» и «общественном» в концепции христианского социализма С. Н. Булгакова	51
Максименко Е. В. Правовая и экономическая сущность лицензионного договора	54
Кулис Л. А. Классификация объектов интеллектуальной собственности	57
Кирсанова Г. Ж. Некоторые аспекты деятельности холдингов в Республике Беларусь	60
Никулина Ю. В. Городское сообщество как способ организации социального пространства ..	62
Лазаревич Н. А. Высшее образование в Республике Беларусь в системе современных социальных стандартов	66
Карпиевич В. А. Социально-политические аспекты государственного управления в чрезвычайных ситуациях	70
Водопьянов П. А. Приоритеты ноосферного образования и его роль в реализации устойчивого развития	73
Бурак П. М. Ноосферный конструктивизм в опережающем образовании	77
Шахов Н. П. Ценностный анализ социального развития человека в условиях глобализации ...	81
Сидоренко И. Н. Регулятивный статус идеи историчности в экзистенциальной герменевтике	84
Кожич Н. М. Трансформация религиозно-этических представлений православия в современных условиях	88
Сергеева Е. М. Правовое обеспечение семьи в системе социальных ценностей	91
Зенькович В. А. Административная ответственность за правонарушения в сфере таможенного регулирования и ее реализация	94

ИСТОРИЯ

Сяменчык М. Я. Аб стане законнасці і правапарадку на Беларусі ў кантэксте рэвалюцыйнага абнаўлення расійскага грамадства ў сакавіку – кастрычніку 1917 года	97
Козляков В. Е. Белорусский «пасьянс» Бориса Савинкова	101
Козляков В. Е. Кровавые строфы «поэтического» террориста (о политической деятельности С. Булак-Балаховича)	106
Кручак П. С. Афармленне афіцыйна-клерыкальнага накірунку ў беларускай гістарыяграфіі ў другой палове XIX ст.	111

Острога В. М. Основные подходы к решению кадрового вопроса в системе народного образования Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	114
Якуш Н. М. Эстэтыка мадэрнізму і традыцыя ў беларускай культуры пачатку XX ст.	118
Дзядзюля П. В. Рэвалюцыя 1905–1907 гг. і інтэлігенцыя Беларусі	121
Райчонак А. А. Заклучны этап фарміравання беларускай нацыі і дзяржаўнасці ў святле тэорыі мадэрнізацыі	124
Рыжанкоў І. М. Галоўны і губернска зямельныя камітэты на пачатковым этапе падрыхтоўкі аграрнай рэформы: па матэрыялах Беларусі	127
Острога В. А. Образовательная и научно-исследовательская деятельность в области новой и новейшей истории зарубежных стран в высших учебных заведениях Министерства обороны СССР, КГБ при Совете Министров СССР и МВД СССР, дислоцированных на территории БССР (1920–1991)	131
Острога В. А. Исследовательская и образовательная деятельность в сфере новой и новейшей истории зарубежных стран в Минской высшей партийной школе при ЦК КПБ (1941–1991 гг.)	135
Коваль В. У. Асвятленне жыцця беларускай і ўкраінскай дыяспары на старонках беларускай эмігранскай перыядыкі	139
Колета І. В. Молодежная политика в Республике Беларусь	143
Дамарад А. А. Эвалюцыя палітыкі самадзяржаўя ў дачыненні да вышэйшага саслоўя Беларусі ў першай палове XIX ст.	145
Савченко О. В. Место и роль агрессии в развитии общества (историко-философский обзор)	148
Наркевіч Н. І. Асаблівасці развіцця ювелірнага мастацтва ў старажытных гарадах Беларусі	152
Матусевич О. А. Методологические и институциональные условия развития польской историографии истории белорусских политических партий II Речи Посполитой	156
Александрович П. И. Семья как важный социально-педагогический фактор регуляции поведения молодежи	160
Сцебурака У. М. Савецкая і сучасная расійская гістарыяграфія па тэме Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г.	163
Сяменчык М. Я. Падзеі Лютаўскай рэвалюцыі ў вучэбнай літаратуры для ВНУ	167
Восович С. М. Становление церковно-исторического описания епархий и летописей церковей в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.	171
Иванова Н. Литература как важнейший фактор формирования личности ученика	175
Дубовик А. К., Дубовик Е. А. Социальное партнерство как общественно-политический феномен	178
Зайцева Н. В. Роль и значение потребительской кооперации в улучшении качества жизни белорусского села в 1966–1970 гг.	182
Зайцева Н. В. Социально-бытовые условия сельской интеллигенции в 1966–1975 гг.	186
Дзянісаў А. У. Палітыка ўладаў у дачыненні да добраахвотных краязнаўчых арганізацый у Беларусі ў 1920–1923 гг.	190
Дзянісаў А. У. Краязнаўчы рух у БССР у 30-я гг. XX ст.	194

ФИЛОЛОГИЯ

Козлякова Т. А. Основные подходы к проблеме обучения студентов-нефилологов реферированию специального текста	198
Крыварот А. А., Мароз В. К. Пытанні муніцыпальнага кіравання (самакіравання) у беларускіх летапісах	201
Савіцкая Н. Я. Родны склон англамоўных тэрмінаў у беларускай мове	204
Кузьміч В. А. Гістарычная памяць як сродак патрыятычнага выхавання	207
Жукоўская Т. У. Развіццё творчага патэнцыялу асобы студэнта ў вучэбна-выхаваўчым працэсе	210
Федарцова Т. М. Вобраз фауны ў творчасці Купалы	213
Козловская Г. В. Видовременные формы глагола в практике преподавания русского языка как иностранного	216
Міксюк Р. В. Лесагаспадарчая тэрміналогія ў аспекце генетычных пластоў мовы	219
Абрамович Е. В., Кривоуск Т. М. Перевод в теоретическом и методическом аспектах	222
Антонова О. С. Нейролингвистическое программирование в рамках акмелингвистики	225
Козловская Н. А. Компьютеризация как способ повышения эффективности самостоятельной работы по иноязычному чтению	229

Посох А. В., Батина Л. Б. Индивидуализация как один из принципов личностно-ориентированной технологии	232
Посох А. В., Веннер А. Н. Особенности организации самостоятельной работы студентов.	235
Рогова О. А. Приемы перевода безэквивалентной лексики	238
Романова А. М. Развитие профессионально-творческой направленности студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку	241
Семенчик М. Н. Синдром эмоционального выгорания у преподавателей высшей школы и его профилактика	245
Сенькова Т. А., Бобрицкая О. В. Самостоятельная работа как одна из основных форм организации учебной деятельности в неязыковом вузе	248
Старченко Д. В. Об основных направлениях и методах гражданского воспитания в вузе	251
Теплова Н. В. О способах и приемах перевода интернациональной лексики	254
Шпановская С. И. Самоконтроль знаний как важный фактор эффективного обучения иностранному языку в неязыковом вузе	257
Янукович Е. И. Применение технологии визуализации учебной информации при обучении иностранному языку	260
Ячная Т. А. Специфические особенности семантического (лексического) и ассоциативного значений слов	264

РЕФЕРАТЫ

УДК 321

Полуян, И. В. **Геополитика и проблемы глобализации на современном этапе** / И. В. Полуян // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 3–5.

Геополитика и глобализация выступают важными проблемами современных политической теории и практики. Вопросы геополитики и глобализации при всей их противоречивости являются объективной данностью. При этом совершенно ясно, что при взвешенном подходе, основанном на уважении законных интересов всех стран и народов, они могут сыграть позитивную роль в международных делах.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 331.105.445:342.722

Малашко, А. М. **Идейно-политическая борьба вокруг вопроса о роли и задачах профсоюзов в 1917–1921 гг.** / А. М. Малашко // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 6–8.

В статье раскрывается формирование большевистской концепции профессионального движения в условиях рабоче-крестьянской власти, высвобождение профсоюзов из-под влияния оппортунизма и включение их в политическую систему социалистического государства.

Под прикрытием критики сталинизма, административно-командной системы наметился переход к критике ленинизма и идейная подготовка к реставрации воровского капитализма, закамуфлированного под рыночные реформы. В итоге внутренняя буржуазия и ренегатствующая интеллигенция сомкнулись с буржуазией международной.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 321

Леоненко, В. С. **Характер и особенности избирательного процесса Республики Беларусь в 2001 г.** / В. С. Леоненко // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 9–11.

В статье раскрывается характер, особенности, основные направления деятельности политических сил накануне и в период избирательной кампании в Республике Беларусь в 2001 г. Избирательный процесс 2001 г. свидетельствует о поддержке гражданами Беларуси избранного курса на построение поистине суверенного государства, которое в своей социально-экономической и политической деятельности опирается на национальные интересы страны с учетом культурно-исторических традиций и особенностей менталитета белорусского народа.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 31(476) «1920/1940»

Жарина, Л. В. **Социально-демографическое развитие БССР в 20–30-е гг. XX в.** / Л. В. Жарина // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 12–14.

В данной статье отражены социальные, национальные и демографические процессы, происходившие в БССР в 20–30-е гг. XX в. Показаны их взаимозависимость и взаимовлияние на различные стороны общественного развития республики, обозначены основные направления и тенденции. Нашли отражение социальное развитие Белоруссии и тенденции в процессе изменения структуры общества. Определены причины этих явлений, а также их результаты и значение.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 502:37.03

Каленникова, Т. Г. **Становление экологического образования и воспитания как педагогическая проблема** / Т. Г. Каленникова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 15–17.

В статье раскрываются этапы развития основных направлений становления экологического образования и воспитания как педагогической проблемы. Среди них следует выделить: выход в свет первого учебника по естествознанию, создание в Петербурге в главном народном училище кабинета биологии, организация лесных питомников при народных училищах. Праводится содержание понятия «экологическое сознание» и показывается роль опережающего образования в его формировании.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 159.923-057.4

Александрович, А. П. **Психологические проблемы терроризма** / А. П. Александрович // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 18–19.

В статье отражается проблема терроризма как широкомасштабного явления, представляющего угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства. Раскрыты психологические проблемы терроризма, среди которых психология террористов, психология заложников, психология ведения переговоров с террористами, психология взаимодействия террористов с заложниками.

УДК 101.1:316

Подручный, М. В. **Философский анализ методологических оснований социобиологии** / М. В. Подручный // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 20–22.

Статья посвящена анализу эпистемологических и методологических оснований социобиологии, предложена историческая реконструкция теоретических предпосылок формирования данной междисциплинарной парадигмы, выявлены ее внутренние противоречия и факторы, ограничивающие рост эвристического потенциала традиционной социобиологии.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 165.1:613.94

Карканица, О. А. **Конфликт биоэтических и евгенических принципов в аспекте кризиса семьи** / О. А. Карканица // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 23–26.

В представленной работе кризис семьи анализируется в его связи с актуализацией новых нравственных авторитетов, которые реализуют диалогический принцип решения проблем этического порядка, противопоставляемый так называемой «семейной тайне», приватности информации, конфиденциальности личной жизни индивида. В числе таких инстанций, оказывающих широкое влияние на общественные и духовные процессы, в частности, адаптирующие в своем дискурсе новые формы родства (расколотого), а также иное, по сравнению с традиционным, понимание сути семьи, родительских чувств и сексуальности, можно рассматривать СМИ и этические «комитеты». Кризис семьи и актуализация новых нравственных авторитетов репрезентируют неоднозначный характер нравственной динамики глобализирующегося общества, допускающего сосуществование различных по своему гуманистическому потенциалу систем ценностей, формально реализующих одни и те же принципы. В итоге допустимость тех или иных технологий, формирование тех или иных типов идентичности становится результатом общественного консенсуса, артикулированного или нет, в котором и преодолеваются нравственные нормы, препятствующие легитимации евгенического проекта.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 055.44

Семерник, С. З. **Ценностно-мировоззренческая безопасность в эпоху глобализации** / С. З. Семерник // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 27–30.

Статья посвящена такому феномену современной действительности, как глобализация. Рассматриваются возможные сценарии развития глобализационных процессов. Выявляется роль ценностно-мировоззренческих ориентаций в данных процессах, их влияние на формирование глобального пространства. Обосновывается идея о необходимости ориентации стран «второго» и «третьего мира» на традиционные морально-правовые формы существования как одно из важнейших условий обеспечения безопасности бытия данных обществ в условиях глобализации. Анализируются перспективы развития восточно-славянских народов в условиях глобализации.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 316.32:141.82

Оришева, О. Ф. **Глобализация в марксистской перспективе** / О. Ф. Оришева // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 31–34.

В статье рассматривается амбивалентный статус концепта глобализации в современной социальной теории, в пространстве которой этот концепт выступает как универсальная, но непроблематизируемая рамка, задающая ракурс восприятия современности. В данном контексте марксистская интерпретация глобальной социокультурной и экономической ситуации в терминах глобализированного капитализма выглядит как альтернатива основной массе подходов, благодаря своей интенции на денатурализацию «глобализации» и акценте на ее «теневых» сторонах. Марксистский взгляд на проблемы глобализации реконструируется на основе работ С. Жижека, К.-Х. Рота, Р. Курца и Д. Харви.

Библиогр. – 5 назв.

УДК [378:574]:140.8[71]

Габинская, А. А. **Экологическое образование и его роль в формировании ноосферного мировоззрения** / А. А. Габинская // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 35–37.

Потребность в формировании экологического мировоззрения как решающего фактора в гармонизации отношений общества и природы становится в настоящее время все более актуальной проблемой. В условиях растущей экологической опасности все более осознается «экологическая недостаточность» общего среднего и высшего образования. Наиболее разумным путем устранения этого противоречия является экологизация мировоззрения через систему образования и просвещения. Именно эта сфера деятельности способна трансформировать массовое сознание людей в сторону экологии. Так в настоящее время экологическое образование приобретает все большую социальную значимость. Являясь наиболее динамично развивающимся компонентом современного образования и выступая основой принятия обществом идей устойчивого развития, оно создает предпосылки формирования ноосферы, так как культивирует не низшие потенции человеческой природы, разрушающие самого человека и окружающий природный мир, а высшие, направленные на гармонизацию системы «человек – природа – общество».

Библиогр. – 4 назв.

УДК 0.88

Криворотько, В. В. **Принцип экосоциоцентризма в контексте ценностно-мировоззренческих установок современной науки** / В. В. Криворотько // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 38–40.

Целью данной статьи является методологический анализ процесса становления принципа экосоциоцентризма в контексте совершенствования методологии системного (холистического) видения современного мира и его реалий. В статье обосновывается необходимость содержательного уточнения ценностно-мировоззренческих установок современной науки в условиях обострения планетарных проблем. Показывается роль и значение геосферной составляющей в поиске модели устойчивого развития современной цивилизации.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 101.1:316

Марук, А. Н. **Этноконфессиональные факторы в контексте линейно-поступательной и локально-цивилизационной моделей социальной эволюции** / А. Н. Марук // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 41–44.

В статье анализируется степень освещения роли и места этноконфессиональных факторов в концепциях линейно-поступательной и локально-цивилизационной моделей социальной эволюции. Освещается генезис данных исследовательских стратегий в контексте смены парадигм научной рациональности. Рассматриваются объяснительные возможности упомянутых моделей в познании этноконфессиональных процессов современности и различных проблем, возникающих в данной сфере жизни общества. Обосновывается мысль о неадекватности современных западнцентристских линейно-поступательных концепций, игнорирующих влияние указанных детерминаций на характер и направленность современных социальных процессов. Утверждается, что подобная установка не только не решает, но в значительной степени обостряет религиозно-этнические противоречия. Выявляется праксеологическая роль теории локальных цивилизаций. Проводится мысль, что непременным условием гуманизации социума является признание сущностного многообразия культур, лежащего в основе отношений, построенных на взаимопонимании.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 101.1:316

Райко, Д. Н. **Природные основания социокультурной эволюции** / Д. Н. Райко // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 45–47.

Цель и задачи данной статьи следующие: выявить механизмы взаимодействий общества и его природного окружения, место и роль в них социальных характеристик человека; установить механизмы воздействия на социального человека (на общество) преобразуемой им биосферы и зависимость от этого влияния общественной трансформации. Данная проблема еще не получила широкого рассмотрения в социально-философской литературе и заслуживает особого внимания.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 130.3

Янковский, В. И. **Массовое сознание как объект социально-философского исследования** / В. И. Янковский // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 48–50.

В статье анализируется история изучения проблемы массового сознания. Исследование массового сознания является необходимым условием для осмысления массовых явлений, происходящих в современном обществе, и, соответственно, влияния на них. Основываясь на результатах проведенного исследования, обобщаются представления о феномене массового сознания. Предпринята попытка определить свойства и функции массового сознания.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 1(091) (092)

Лавыш, Т. А. **К вопросу о «личном» и «общественном» в концепции христианского социализма С. Н. Булгакова** / Т. А. Лавыш // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 51–53.

В статье показывается актуальность философского наследия С. Н. Булгакова. Исследуется концепция социального христианства с точки зрения взаимосвязанности и взаимозависимости двух жизненных сфер человека: его духовной жизни и мирской трудовой деятельности. Рассматривается интерпретация этих взаимоотношений православием. Обосновывается положение о диалектическом единстве общественной этики и личной морали. Исследуется точка зрения С. Н. Булгакова на необходимость свободы личности в контексте христианской политики в области политических и экономических отношений.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 346

Максименко, Е. В. **Правовая и экономическая сущность лицензионного договора** / Е. В. Максименко // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 54–56.

В данной статье рассматривается лицензионный договор как способ передачи прав на объекты интеллектуальной собственности. Определяется понятие лицензионного договора с позиций действующего законодательства Республики Беларусь, а также его сущность с правовой и экономической точки зрения. Рассматриваются отличительные особенности лицензионного договора в сравнении с другими видами договоров, его традиционные объекты, основные виды такого договора, а также права и обязанности сторон. Обосновывается необходимость распространения лицензионной торговли, поскольку развитие интеллектуальной собственности напрямую связано с инновационным развитием экономики.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 346

Кулис, Л. А. **Классификация объектов интеллектуальной собственности** / Л. А. Кулис // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 57–59.

В статье рассматривается классификация объектов интеллектуальной собственности исходя из форм их правовой охраны. Правомерный владелец объекта интеллектуальной собственности прежде всего заинтересован в надлежащей охране этого объекта. Коммерческое использование объекта интеллектуальной собственности начинается именно с его правовой охраны. Поэтому наибольшую практическую ценность представляет классификация объектов интеллектуальной собственности в зависимости от способов их правовой охраны.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 346.245

Кирсанова, Г. Ж. **Некоторые аспекты деятельности холдингов в Республике Беларусь** / Г. Ж. Кирсанова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 60–61.

Изменение положения Республики Беларусь на международном рынке и вовлечение ее в процессы глобализации требуют трансформации субъектов хозяйствования. В ближайшие годы должен завершиться первый этап экономической интеграции Республики Беларусь и Российской Федерации, где уже существуют холдинги. Опыт использования в хозяйственном обороте других стран таких крупных компаний, как холдинги, необходимо учитывать и уже принимать решения по формированию хотя бы законодательной базы для создания холдингов в нашей республике. Холдинговый принцип организации субъектов хозяйствования представляется наиболее динамичным и перспективным в составе остальных организационно-правовых форм субъектов хозяйствования. В данной статье сделана попытка проанализировать правовое положение холдингов в Республике Беларусь и важность этой проблемы для дальнейшего развития рыночных отношений.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 352/354(1+21)

Никулина, Ю. В. **Городское сообщество как способ организации социального пространства** / Ю. В. Никулина // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 62–65.

Статья посвящена изучению вопроса организации социального пространства современного города. Рассмотрены специфические проявления социопропространственной организации на коммуникативном, семантическом и ментальном уровнях. Проанализировано соотношение публичного и частного пространств городской среды. Показана роль городского сообщества в структурировании социального пространства города.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 378.4(476)

Лазаревич, Н. А. **Высшее образование в Республике Беларусь в системе современных социальных стандартов** / Н. А. Лазаревич // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 66–69.

Статья посвящена рассмотрению вопроса обеспечения сравнительно высокого уровня образования и качественного профессионального обучения в эпоху высоких технологий, инновационных экономик, глобального единства человечества. Решение данной задачи связывается со стандартизацией, призванной повысить его качество, обеспечить совместимость с образовательными системами других стран.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 316+351:614.8

Карпиевич, В. А. **Социально-политические аспекты государственного управления в чрезвычайных ситуациях** / В. А. Карпиевич // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – XVI. – С. 70–72.

В статье исследуются социально-политические вопросы деятельности органов государственного управления в чрезвычайных ситуациях. Рассматривается организация и деятельность органов государственного управления в области защиты от чрезвычайных ситуаций. Важной задачей органов государственного управления в области чрезвычайных ситуаций является подготовка населения к действиям при возникновении различных чрезвычайных ситуаций. Особое место в государственной политике занимает деятельность по подготовке к действиям в чрезвычайных ситуациях населения, руководителей всех уровней, персонала предприятий, организаций и учреждений, а также органов управления. Определяются основные

принципы государственного управления в условиях вероятности возникновения и непосредственного возникновения чрезвычайных ситуаций.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 378.4(476)

Водопьянов, П. А. **Приоритеты ноосферного образования и его роль в реализации устойчивого развития** / П. А. Водопьянов // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 73–76.

В статье раскрыто содержание ноосферного образования, проанализированы основные направления его реализации, показана необходимость оценки смены мировоззренческих ориентаций в осмыслении кризисных явлений в жизни современного общества. Особое внимание уделено обоснованию целенаправленности формирования новой научно-образовательной системы, ориентированной на выживание человечества и достижение стабильного будущего.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 167/168

Бурак, П. М. **Ноосферный конструктивизм в опережающем образовании** / П. М. Бурак // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 77–80.

В статье рассматривается проблема создания ноосферного регулятивного знания (ноосферный конструктивизм) для целей опережающего образования в контексте включенности ноосферы в процесс глобальной эволюции, определения ее статуса в формировании мегацикла развития жизни и с учетом принципов построения модели ноосферного цикла технико-технологического производства. Учитывая взаимозависимость различных видов техники и технологии в их формировании и эволюции, эта модель отражает направленность и коэволюционное единство организационной, проективной, управленческой, экономической, экологической, научной и прочей деятельности.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 101+141.32

Шахов, Н. П. **Ценностный анализ социального развития человека в условиях глобализации** / Н. П. Шахов // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 81–83.

Целью данной статьи является аксиологический анализ понятия социальной справедливости и прав человека в условиях глобализирующегося мира и трансформации международного права. В основе социальных ценностей современности выступает принцип гуманизма, который декларируется и реализуется целым рядом институтов и норм права. В общем виде он находит свое конкретное воплощение в юридических актах, относящихся к правам человека.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 101+141.32

Сидоренко, И. Н. **Регулятивный статус идеи историчности в экзистенциальной герменевтике** / И. Н. Сидоренко // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 84–87.

Целью данной статьи является компаративный анализ концепций экзистенциальной герменевтики, представленных в философии М. Бахтина, М. Хайдеггера и П. Рикера, выявление конститутивной роли идеи и принципа историчности в становлении и развитии этической проблематики, проблемы идентичности как современного человека, так и современного общества, и ее методологического потенциала в гуманитарном познании. В статье показывается влияние философии В. Дильтея на развитие экзистенциальной герменевтики, а также отмечается важность экзистенциальной герменевтики как одного из способов исторического самопознания общества в интерпретации социальной действительности.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 1:281.9(476)

Кожич, Н. М. **Трансформация религиозно-этических представлений православия в современных условиях** / Н. М. Кожич // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 88–90.

Статья посвящена анализу религиозно-этических представлений современного православия. Были отмечены особенности православной богословской системы. Показано, что в настоящее время в православии доминируют идейные установки, закрепляющие традицию, но в то же время имеет место и церковное обновление, связанное с попытками устранить противоречия между церковным и светским, наукой и религией. Отмечается наличие тенденции поворота церкви к решению социальных проблем.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 346

Сергеева, Е. М. **Правовое обеспечение семьи в системе социальных ценностей** / Е. М. Сергеева // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 91–93.

Действующий с 1 сентября 1999 г. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь определяет сферу отношений, которые регулируются брачно-семейным законодательством. Необходимость укрепления семьи, построение семейных отношений на добровольном брачном союзе мужчины и женщины, равенстве прав супругов в семье, установление прав детей, прав и обязанностей супругов, родителей и других членов семьи, охрана материнства, отцовства, законных прав и интересов детей определяют направленность современной законодательской деятельности.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 342.9:339.543

Зенькович, В. А. **Административная ответственность за правонарушения в сфере таможенного регулирования и ее реализация** / В. А. Зенькович // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 94–96.

В статье анализируется действующее законодательство, предусматривающее административную ответственность за правонарушения в сфере таможенного регулирования. Проводится сравнительный анализ полномочий таможенных органов по реализации административной ответственности по КоАП 2007 г. и КоАП 1984.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 947.6 «1917»

Семенчик, Н. Е. **О положении законности и правопорядка в Беларуси в контексте революционного обновления российского общества в марте – октябре 1917 г.** / М. Я. Сяменчык // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2007. – Вып. XVI. – С. 97–100.

Освещаются ход и условия принятия Временным правительством новых законов, степень их воздействия на российское общество в процессе формирования новой политической системы после свержения самодержавия, а также причины и проявления ухудшения правопорядка в Беларуси накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Библиогр. – 18 назв.

УДК 947.6 «1920/1925» (092)

Козляков, В. Е. **Белорусский «пасьянс» Бориса Савинкова** / В. Е. Козляков // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 101–105.

В статье дается краткая характеристика политической деятельности Б. Савинкова, анализируются его взгляды, в т. ч. на решение национального вопроса, раскрывается роль известного террориста в организации антисоветских вооруженных выступлений в Беларуси в 1920–1921 гг., а также связь с отрядами С. Булак-Балаховича. Автор рассказывает о малоизвестных страницах истории деятельности в Беларуси савинковского «Народного союза защиты Родины и свободы».

Библиогр. – 14 назв.

УДК 947.6 «1920/1927» (092)

Козляков, В. Е. **Кровавые строфы «поэтичного» террориста (о политической деятельности С. Булак-Балаховича)** / В. Е. Козляков // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 106–110.

В статье раскрывается террористическая деятельность С. Булак-Балаховича на территории Советской Беларуси в 1919–1921 гг., направлявшаяся польскими властями, показывается его сотрудничество с известным террористом Б. Савинковым. Автор приходит к выводу, что представлять С. Балаховича «борцом» за независимость Беларуси и свободу нет никаких оснований.

Библиогр. – 23 назв.

УДК 947.6

Крючек, П. С. **Оформление официально-клерикального направления в белорусской историографии во второй половине XIX в.** / П. С. Крючек // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 111–113.

В статье рассматривается сложный процесс становления белорусской исторической науки во второй половине XIX в. Он проходил в достаточно сложных условиях, замедлялся социальным и национальным гнетом со стороны российских властей. После подавления восстания 1863–1864 гг. первыми к изучению истории Беларуси обратились представители официально-клерикального направления. Основные положения их концепции и рассматриваются в данной статье.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 37 «18/19»

Острога, В. М. **Основные подходы к решению кадрового вопроса в системе народного образования Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.** / В. М. Острога // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 114–117.

В статье рассматриваются основные подходы к решению кадрового вопроса в системе народного образования Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. С одной стороны, раскрывается содержание «охранительных

доктрин просвещения», направленных на сдерживание развития народного образования и подготовку учительских кадров, с другой стороны, излагается точка зрения прогрессивных педагогов и общественности, суть которой заключалась в необходимости реформирования народного образования на демократических началах.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 008(476) «19»

Якуш, Н. М. **Эстетика модернизма и традиция в белорусской культуре начала XX в.** / Н. М. Якуш // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 118–120.

В статье выявляется характер культурных движений и изменений, вызванных творческим соединением архетипических основ белорусской национальной литературы и изобразительного искусства с течениями авангардной эстетики. На переднем рубеже возрождения находилась белорусская культура, которая приняла на себя нациотворческие функции. Характер культурных движений и перемен во многом определили переплетение традиционной и авангардной эстетики, которое стимулировало динамизм, придавало национальную колоритность и закрепляло культурную самостоятельность белорусской освободительной борьбе.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 947. 6 «1905/1907»-057.4

Дедюля, П. В. **Революция 1905–1907 гг. и интеллигенция Беларуси** / П. В. Дедюля // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 121–123.

В статье анализируется процесс роста и активизации интеллигенции Беларуси во время революции 1905–1907 гг. Интеллигенция в своем большинстве впервые смогла осознать себя частью своего обездоленного народа и предпринять необходимые меры, чтобы поднять его на более высокий уровень политической, культурной и национальной сознательности.

Библиогр. – 12 назв.

УДК. 327.33

Райченко, А. А. **Заключительный этап формирования белорусской нации и государственности в свете теории модернизации** / А. А. Райченко // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 124–126.

В данной статье рассматривается заключительный этап формирования белорусской нации и делается попытка определить его хронологические рамки, используя подход теории модернизации, определить степень подготовленности белорусского этноса к осуществлению национально-государственного строительства через показатели урбанизации, уровня грамотности, распространенности периодической печати и концентрации производства.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 947.6 «1917»

Рыжанков, И. М. **Главный и губернские земельные комитеты на начальном этапе подготовки аграрной реформы: по материалам Беларуси** / И. М. Рыжанков // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 127–130.

В статье освещаются проблемы деятельности Главного и губернских земельных комитетов по подготовке аграрной реформы на начальном этапе развертывания Февральской революции, по материалам белорусских губерний. Показывается важность и неоднозначность аграрного вопроса в контексте решения продовольственной проблемы, победоносного завершения войны с германской империей, борьбы общественно-политических организаций, стремления крестьянского населения России улучшить свое материальное положение.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 94.1920/1991

Острога, В. А. **Образовательная и научно-исследовательская деятельность в области новой и новейшей истории зарубежных стран в высших учебных заведениях Министерства обороны СССР, КГБ при Совете Министров СССР и МВД СССР, дислоцированных на территории БССР (1920–1991 гг.)** / В. А. Острога // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 131–134.

В статье анализируется образовательная и научно-исследовательская деятельность в области новой и новейшей истории зарубежных стран в высших учебных заведениях Министерства обороны СССР, КГБ при Совете Министров СССР и МВД СССР, дислоцированных на территории БССР в 1920–1991 гг.: Объединенная белорусская военная школа, Минское высшее инженерное зенитно-ракетное училище, Минское высшее военно-политическое общевоинское училище, минская высшая школа МВД СССР и Минские высшие курсы КГБ СССР.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 94.1944/1991

Острога, В. А. **Исследовательская и образовательная деятельность в сфере новой и новейшей истории зарубежных стран в Минской высшей партийной школе при ЦК КПБ (1944–1991 гг.)** / В. А. Острога // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 135–138.

В статье анализируется исследовательская и образовательная деятельность в сфере новой и новейшей истории зарубежных стран в Минской высшей партийной школе при ЦК КПБ в 1941–1991 гг. Раскрывается деятельность кафедр истории, теории и практики международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, мирового революционного процесса, международных экономических и политических отношений. В статье рассматривается работа таких специалистов этого вуза, как Л. Шнейерсон, Э. Поздняк, Н. Розин, Г. Чернущенко, А. Челядинский, А. Розанов и др.

Библиогр. – 14 назв.

УДК 070(091):947.6

Коваль, О. В. **Освещение жизни белорусской и украинской диаспор на страницах белорусской эмигрантской периодики** / О. В. Коваль // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 139–142.

В статье рассматриваются культурные, политические и экономические связи представителей белорусской и украинской диаспор. Основным историческим источником исследования является периодическая печать белорусской эмиграции. Анализ эмиграционных волн XX в. позволяет проследить изменения роли прессы эмигрантов, изучить особенности изменений социальной структуры диаспор, их политическую активность.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 316.346.32-053.6(476)

Колета, И. В. **Молодежная политика в Республике Беларусь** / И. В. Колета // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 143–144.

Успешное реформирование государства во многом зависит от активного участия в этом процессе молодежи. В статье рассматриваются основные направления государственной политики в области поддержки молодежи, реализация которых позволит создать условия для развития потенциала молодых граждан для их участия в построении сильной и процветающей Беларуси. Защита интересов молодежи – это одно из приоритетных направлений президентского курса.

УДК 947.6

Дамарад, А. А. **Эволюция политики самодержавия по отношению к высшему сословию Беларуси в первой половине XIX ст.** / А. А. Дамарад // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 145–147.

В статье рассматривается эволюция мер и политики российского самодержавия по отношению к шляхте Беларуси в первой половине XIX в. Главными причинами этого процесса являлись стремление к ограничению количества бедной шляхты в западных губерниях и желание уничтожить прежние традиции.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 316:1

Савченко, О. В. **Место и роль агрессии в развитии общества (историко-философский обзор)** / О. В. Савченко // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 148–151.

В данной статье представлены различные взгляды мыслителей, главным образом философские, на основании факторов, порождающих агрессию в обществе. Основным приоритет отдается интеллектуальному фактору: росту и развитию человеческого разума в различных формах научных знаний, мировоззрений и религиозных верований. В статье также прослеживается историческая взаимосвязь между формами морали (ценностями) и уровнем мысли. Чем выше знания в определенный исторический период, тем выше духовная культура в целом и тем меньше возможностей для проявления агрессии.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 739.2(047.6)

Наркевич, Н. И. **Особенности развития ювелирного искусства в древних городах Беларуси** / Н. И. Наркевич // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 152–155.

Статья рассказывает о тенденциях развития ювелирного искусства в древних городах Беларуси. Основным материалом послужили исследования белорусских археологов, историков, искусствоведов, которые в той или иной степени затрагивают вопросы ремесел того времени, в том числе и ювелирного искусства, его технологию, ассортимент и характер изделий. Автор делает попытку упорядочить эти материалы, дать целостное представление о развитии, особенностях и характере ювелирного искусства в белорусских землях в период средневековья.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 947.6

Матусевич, О. А. **Методологические и институциональные условия развития польской историографии истории белорусских политических партий II Речи Посполитой** / О. А. Матусевич // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 156–159.

В статье рассматриваются методологические и институциональные условия развития польской историографии истории белорусских политических партий II Речи Посполитой. Автор попробовала представить ин-

ституциональные и методологические условия развития польской исторической науки, в которых проходило изучение белорусских политических партий II Речи Посполитой. Подобный анализ впервые предпринимается в отечественной историографии.

Библиогр. – 15 назв.

УДК 159.923-057.4

Александрович, П. И. **Семья как важный социально-педагогический фактор регуляции поведения молодежи** / П. И. Александрович // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 160–162.

В статье отражаются особенности воспитания в семье (положительный пример родителей, учет индивидуальных черт характера детей, духовное единство, жизненный опыт и т. д.), функции семьи, факторы, обусловленные непосредственной воспитательной деятельностью родителей. Семья рассматривается как важнейший социально-педагогический фактор регуляции поведения молодежи.

УДК 947.6 «18/19»

Стебурако, В. Н. **Советская и современная российская историография по теме Февральской и Октябрьской революций 1917 г.** / В. Н. Стебурако // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 163–166.

В статье рассматриваются особенности развития советской и российской историографии по революционной проблематике 1917 г. Определяются ключевые этапы и характеризуются специфические черты, присущие соответствующим периодам. Выделяются основные тенденции, имевшие место на различных этапах развития историографии СССР и РФ.

Библиогр. – 19 назв.

УДК 947.6 «1917»

Семенчик, Н. Е. **События февральской революции в учебной литературе для вузов** / Н. Е. Семенчик // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 167–170.

Анализируются процессы революционного обновления в Беларуси после свержения самодержавия, отраженные в учебнике для вузов «История Беларуси» под редакцией профессоров Е. К. Новика и Г. С. Марцуля. Дается характеристика авторских подходов к основным фактам, событиям и явлениям, а также их оценки. Предлагаются собственные варианты рассмотрения узловых вопросов февральской революции и пути преодоления недостатков, свойственных учебной литературе для вузов по изложенной проблеме.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 271.22(476).

Восович, С. М. **Составление церковно-исторического описания епархий и летописей церквей в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.** / С. М. Восович // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 171–174.

Рассмотрено составление церковно-исторического описания епархий и летописей церквей в Беларуси в 1861–1914 гг.; выявлены закономерности и этапы в составлении церковно-исторического описания епархий. Автор приходит к выводу, что церковно-исторические исследования достигли значительного прогресса в начале XX в. в Минской и Гродненской епархиях.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 371:82

Иванова, Н. **Литература как важнейший фактор формирования личности ученика** / Н. Иванова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 175–177.

В статье раскрываются цели литературного образования. Одна из них – подготовка литературно образованной личности, которая развивается как творческая личность, способная к восприятию художественной образности. Данная подготовка формирует у школьников систему следующих умений: идентифицировать и разграничивать различные виды текстов, отвечать на вопросы, пересказывать, читать по ролям, обрисовывать словами портреты героев, создавать собственный текст, высказывать мнение, оценку и др. Показана роль литературного образования в формировании национального самосознания.

УДК 331.105:32

Дубовик, А. К. **Социальное партнерство как общественно-политический феномен** / А. К. Дубовик, Е. А. Дубовик // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 178–181.

В статье осуществлен анализ политического аспекта феномена «социального партнерства» и практики его становления и развития как общественно-политического института в Республике Беларусь. Показаны взаимодействие в рамках социального партнерства государства, профсоюзов и объединений нанимателей, деятельность Национального совета по трудовым и социальным вопросам, разработка и заключение Генерального и других коллективных соглашений. Отмечается необходимость принятия Закона Республики Беларусь «О социальном партнерстве».

Библиогр. – 5 назв.

УДК 9 (476)-058.232.6

Зайцева, Н. В. **Роль и значение потребительской кооперации в улучшении качества жизни белорусского села в 1966–1970 гг.** / Н. В. Зайцева // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI – С. 182–185.

В статье достаточно подробно анализируется роль и значение потребительской кооперации в улучшении социально-бытовых условий белорусского села. Развитие торговли и общественного питания на селе, осуществление заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов, расширение собственного промышленного производства товаров народного потребления – все это способствовало сближению уровней жизни сельского и городского населения.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 9(476)-058.232.6

Зайцева, Н. В. **Социально-бытовые условия сельской интеллигенции в 1966–1975 гг.** / Н. В. Зайцева // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 186–189.

В статье на основе анализа указанных источников исследуются вопросы развития социально-бытовых условий сельской интеллигенции, анализируются основные показатели и уровень обеспеченности социально-бытовыми услугами и благами. Отмечается, что значительная часть белорусской деревни составляла сельская интеллигенция. Это учителя, медперсонал, культпросветработники и другие специалисты. Однако социально-бытовые условия этой категории ни чем не отличались от условий простых сельчан.

Библиогр. – 15 назв.

УДК 908(476)(091)

Денисов, А. В. **Политика властей по отношению к добровольным краеведческим организациям в Беларуси в период 1920–1923 гг.** / А. В. Денисов // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XV. – С. 190–193.

В статье анализируются направления государственной политики по отношению к добровольным общественным объединениям и организациям, в частности, к краеведческим организациям, которые действовали на территории Советской Беларуси в период 1920–1923 г. При анализе использовались ранее не введенные в научный оборот документы и источники.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 908 (476)(091)

Денисов, А. В. **Краеведческое движение в БССР в 30-е гг. XX в.** / А. В. Денисов // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2007. – Вып. XV. – С. 194–197.

В данной статье анализируются основные направления развития краеведческого движения в БССР в 30-е гг. XX в. Рассматриваются основные структурные изменения в системе организации и деятельности краеведческих организаций и системе управления краеведческим движением, методические установки и направления краеведческой деятельности.

Библиогр. – 15 назв.

УДК 808.2:82.08

Козлякова, Т. А. **Основные подходы к проблеме обучения студентов-нефилологов реферированию специального текста** / Т. А. Козлякова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 198–200.

В статье анализируются различные подходы к проблеме реферирования научных текстов, прослеживается связь понимания читаемого с развитием навыков беглого чтения (чтения «про себя»), а также отмечается взаимосвязь навыков и умений реферирования с навыками и умениями в других видах речевой деятельности. Дается оценка различным видам рефератов, предлагаются разнообразные задания, направленные на развитие навыков чтения, на обучение реферированию. Отмечается необходимость знания принципов построения научного текста, выделения его составляющих функционально-коммуникативных блоков и особенностей расположения информации в них.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 82-1/-9:808.26.3

Криворот, А. А. **Вопросы муниципального управления (самоуправления) в белорусских летописях** / А. А. Криворот, В. К. Мороз // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 201–203.

В статье белорусские летописи-хроники рассматриваются на предмет отражения в них общественно-политической жизни эпохи. Традиции белорусского городского самоуправления соотносятся с общими собраниями граждан, которые, в свою очередь, восходят к известным от VI ст. племенным собраниям славян. Все это в той или иной мере нашло свое отражение в белорусском летописании. Жители городов с магдебургским правом получали ряд привилегий: освобождались от крепостных работ, подводной повинности, таможенных сборов, приобретали право участия в формировании органов городского самоуправления и суда, создания религиозных братств и объединения в цехи по профессиям. Тем самым они защищали себя от само-

управства и поборов со стороны феодалов и княжеских наместников. Летописи содержат ценные сведения о реальных исторических событиях, которые иллюстрируют отношения между жителями Могилева, Витебска и других городов с магистратами.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 808.26.316.31

Савицкая, Н. Е. **Родительный падеж англоязычных терминов в белорусском языке** / Н. Е. Савицкая // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 204–206.

Объектом рассмотрения являются окончания терминов мужского рода в родительном падеже, представленные в издаваемом англо-белорусском словаре по информатике (авторы А. С. Кабайло, Н. Е. Савицкая; 6 тысяч слов). В белорусском языке слова мужского рода в родительном падеже имеют вариантное окончание -а /-у, которое зависит от семантики слова, что вызывает трудности при выборе окончания.

Автором сделана попытка соотнести лексическое значение термина с формальными показателями – словообразовательными суффиксами, которые помогут определить выбор окончания.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 378.035.6

Кузьмич, О. А. **Историческая память как средство патриотического воспитания** / О. А. Кузьмич // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 207–209.

Данная статья посвящена исторической памяти как средству патриотического воспитания. Историческая память и историческое сознание, культурный уровень студентов играют важную роль в безопасности и стабильности государства. В статье представлены основные воспитательные мероприятия кафедры белорусского языка, нацеленные на пробуждение патриотического сознания учащихся. Подано идеологическое наполнение патриотического воспитания. Обобщен и проиллюстрирован опыт кафедры белорусского языка в этой области.

УДК 378.036.5

Жуковская, Т. В. **Развитие творческого потенциала личности студента в учебно-воспитательном процессе** / Т. В. Жуковская // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 210–212.

В работе рассматриваются проблемы формирования творческой личности в процессе обучения родному языку, представляется модель развития креативного потенциала студента, определяются оптимальные пути его развития в аудиторной и внеаудиторной деятельности преподавателя, эффективность которой достигается при выполнении системы требований, определенных психолого-педагогической наукой. Развивающие, активизирующие способы организации учебно-воспитательного процесса предполагают стимуляцию, развитие творческой деятельности обучающегося.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 882.6-09

Федорцова, Т. Н. **Образы фауны в творчестве Я. Купалы** / Т. Н. Федорцова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 213–215.

Анализ творчества Янки Купалы в контексте непрерывного общеевропейского литературного процесса ярко освещает вековые актуальные проблемы сущности человеческого существования в загадочном и неповторимом свете рационального и иррационального бытия. Одним из феноменов творческой лаборатории нашего классика является введение образов белорусской фауны в контекст своего творчества. Анималистические и орнитологические образы в творчестве поэта дают возможность глубже познать окружающий нас мир живой природы и мир внутри нас. Поэтизация фауны раскрывает духовный образ всей белорусской национальной литературы.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 808.2-5

Козловская, Г. В. **Видовременные формы глагола в практике преподавания русского языка как иностранного** / Г. В. Козловская // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 216–218.

В статье идет речь об изучении и использовании видовременных форм русского глагола, рассматриваются типы видовых ситуаций, в которых реализуются данные формы. При изучении форм несовершенного вида внимание обращается на ситуации, которые охватывают протекающий процесс или имеют обобщенно-фактическое значение. При изучении форм совершенного вида выделяются, прежде всего, глаголы с конкретно-фактическим значением. Некоторые группы глаголов, несоотносительные по виду, рекомендуется ввести в словарный запас учащихся при работе над определенной разговорной темой. Обращается внимание на необходимость изучения всех форм глаголов в текстах различных типов.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 808.26.316.31:630*

Миксюк, Р. В. **Лесохозяйственная терминология в аспекте генетических пластов языка** / Р. В. Миксюк // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 219–221.

В работе рассматривается лесохозяйственная терминология в историческом разрезе индоевропейского, общеславянского, восточнославянского и собственно белорусского генетических пластов. Лексический компонент исследовался на основании этимологического изучения определенных лексико-семантических групп лесохозяйственной терминологии: наименования дендронимов, частей дерева, лесомассивов, действий, орудий труда, лесной продукции. Сопоставление тождественных лесохозяйственных терминов данных групп в белорусском, русском, украинском, польском, чешском, балтийских языках дало возможность проследить судьбу многих лексических единиц на протяжении исторического развития. Особое внимание уделено образованию и развитию собственно белорусского пласта лесохозяйственной терминологии.

УДК 802/809-085

Абрамович, Е. В. **Перевод в теоретическом и методическом аспектах** / Е. В. Абрамович, Т. М. Кривошук // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 222–224.

В статье рассматриваются некоторые теоретические и методические аспекты преподавания перевода в вузе. Главным тезисом является необходимость совершенствования преподавания перевода, которая вызвана переменами, происходящими в социально-экономических сферах современной жизни. Особое внимание уделяется анализу системы упражнений, включающих как стандартизированные задания, так и интеграционные упражнения, связывающие воедино отдельные аспекты. В статье обобщаются сведения о переводе как в теоретическом, так и в дидактическом ключе. Рассматриваются практические проблемы, связанные с переводом, при этом центральное место отводится понятию эквивалентности перевода.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 800:378.147

Антонова, О. С. **Нейролингвистическое программирование в рамках акмелингвистики** / О. С. Антонова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 225–228.

В статье дается представление о широко распространенных взглядах сторонников нейролингвистического программирования и делаются выводы в отношении возможного применения этих взглядов в практике преподавания иностранного языка. Высказываются соображения о том, что студенты различаются по стратегиям усвоения учебного материала. Приводится список возможных учебных стратегий в овладении иностранным языком. Обсуждаются соображения о том, как разные типы студентов предрасположены к разным типам учебных заданий. Преподавателям предлагается осуществлять презентацию языкового материала так, чтобы он оказывал воздействие на разные каналы восприятия и на разные типы учащихся.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 378.147:82:004

Козловская, Н. А. **Компьютеризация как способ повышения эффективности самостоятельной работы по иноязычному чтению** / Н. А. Козловская // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 229–231.

Одна из актуальных задач современной методики обучения иностранным языкам – ориентация всего учебного процесса на преодоление пассивной позиции студентов, на активную самостоятельную работу обучаемых, создание условий для их самовыражения и саморазвития, овладение ими техникой самообучения и увеличение доли их ответственности в учебной деятельности. На основе изучения и анализа ряда исследований в работе формулируются основные требования к организации самостоятельной работы студентов неязыковых вузов в процессе обучения иноязычному профессионально ориентированному чтению. На начальном этапе обучения Интернет используется для расширения профессионального кругозора студентов, приобретения знаний об особенностях сферы их профессиональной деятельности. На продвинутом этапе работа в сети может стать полезным средством не только для обучения иностранному языку, но и привития студентам новой культуры учения.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 378.147:820/89

Посох, А. В. **Индивидуализация как один из принципов личностно-ориентированной технологии** / А. В. Посох, Л. Б. Батина // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 232–234.

Личностно-ориентированный подход к образовательному процессу основан на необходимости учитывать индивидуальные особенности каждого студента. Он также означает развитие определенной степени независимости студента в работе. Принцип индивидуализации является неотъемлемой частью данной технологии. Он не только подразумевает необходимость обеспечения студентов определенными знаниями, но и приводит к воспитанию личности. В данной статье очерчены некоторые аспекты этого процесса.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 378.147.88

Посох, А. В. **Особенности организации самостоятельной работы студентов** / А. В. Посох, А. Н. Веннер // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 235–237.

В статье обсуждаются некоторые аспекты организации самостоятельной работы студентов (СРС) по обучению иностранному языку в техническом вузе. Самостоятельная работа рассматривается как вид учебной

деятельности, при котором предполагается определенный уровень самостоятельности студентов во всех ее структурных компонентах, и как средство формирования познавательных способностей обучающихся, их направленности на непрерывное самообразование. Очерчиваются основные принципы организации СРС и ее особенности в техническом вузе.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 802.0-052

Рогова, О. А. **Приемы перевода безэквивалентной лексики** / О. А. Рогова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 238–240.

В статье рассматриваются вопросы перевода безэквивалентных лексических и грамматических единиц английского языка на русский. Единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода, называются безэквивалентными. Безэквивалентная лексика обнаруживается главным образом среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия, и среди малоизвестных имен и названий. Отдельное внимание в статье уделяется приемам перевода и подбору окказиональных соответствий (контекстуальных замен).

Библиогр. – 5 назв.

УДК 378.1.801.318

Романова, А. М. **Развитие профессионально-творческой направленности студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку** / А. М. Романова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 241–244.

В данной статье освещается проблема формирования профессионально-творческой направленности студентов технического вуза в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в контексте личностно-ориентированных, рефлексивных технологий и активных методов обучения. Под профессионально-творческой направленностью понимается совокупность творческих проявлений личности в профессиональной сфере, ведущих мотивов профессионально-творческой деятельности (активной инновационной и исследовательской творческой деятельности в профессии), мотивационно-творческой активности (органическое единство профессиональных навыков с высоким уровнем творческих способностей).

Библиогр. – 10 назв.

УДК 37.015.32

Семенчик, М. Н. **Синдром эмоционального выгорания у преподавателей высшей школы и его профилактика** / М. Н. Семенчик // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 245–247.

В статье рассматривается такая профессиональная деформация личности преподавателя высшей школы, как синдром эмоционального выгорания, раскрывается суть этого явления, характеризуются условия, способствующие его возникновению и развитию. Кроме того, предлагаются методы и приемы профилактики синдрома эмоционального выгорания с целью развития творческих возможностей личности преподавателя высшей школы, ее самореализации и самоосуществления в русле личностно-развивающей парадигмы.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 378.147.88

Сенькова, Т. А. **Самостоятельная работа как одна из основных форм организации учебной деятельности в неязыковом вузе** / Т. А. Сенькова, О. В. Бобрицкая // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 248–250.

В настоящей статье рассматриваются основные цели, задачи, методы и средства организации самостоятельной деятельности, а также поднимаются вопросы важности и преимуществ самостоятельной работы для эффективного изучения иностранного языка в неязыковом вузе. Самостоятельная работа – одна из четырех основных форм учебной деятельности обучаемых. Реализовать эту форму учебной деятельности возможно только при соблюдении ряда условий, наиболее значимыми из которых являются наличие у студентов мотивации и базовых учебных навыков самостоятельной работы.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 378.035.6

Старченко, Д. В. **Об основных направлениях и методах гражданского воспитания в вузе** / Д. В. Старченко // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 251–253.

Гражданское образование – это система воспитания и обучения личности, предусматривающая создание условий для становления нравственной гражданской позиции, гражданской компетентности и обретения опыта общественно полезной гражданской деятельности. К основным элементам гражданственности относятся нравственная и правовая культура, выражающаяся в чувстве собственного достоинства, дисциплинированности, уважении и доверии к другим гражданам и к государственной власти, способности выполнять свои обязанности.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 802.0-085

Теплова, Н. В. **О способах и приемах перевода интернациональной лексики** / Н. В. Теплова // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 254–256.

Предложенная статья рассматривает специфические проблемы, возникающие сегодня при переводе научно-технических текстов, а также знакомит с новыми тенденциями в работе с интернациональной лексикой. По степени распространенности в английском и русском языках интернационализмы занимают видное место и представляют наибольшую трудность при переводе.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 802.0-07

Шпановская, С. И. **Самоконтроль знаний как важный фактор эффективного обучения иностранному языку в неязыковом вузе** / С. И. Шпановская // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 257–259.

В статье рассматривается одна из основных целей современного высшего образования – самоконтроль знаний. Обучение в вузе должно быть построено таким образом, чтобы не только предоставлять некоторую сумму языковых знаний, но и научить приобретать их самостоятельно через механизмы рефлексии и целенаправленного обучения. В данной статье особое внимание уделяется описанию современных методов самоконтроля, анализируются их проблемы.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 378.147:82

Янукович, Е. И. **Применение технологии визуализации учебной информации при обучении иностранному языку** / Е. И. Янукович // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 260–263.

Статья посвящена одной из технологий интенсификации обучения – технологии визуализации учебной информации. В статье рассмотрены различные способы обработки и компоновки информации: обобщение, укрупнение, систематизация, генерализация, а также отражена суть технологии визуализации. Также внимание уделено основным принципам построения технологии визуализации учебной информации – принципу системного квантования и принципу когнитивной визуализации.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 800:159.937

Ячная, Т. А. **Специфические особенности семантического (лексического) и ассоциативного значений слов** / Т. А. Ячная // Труды БГТУ. Сер. V, Политология, философия, история, филология. – 2008. – Вып. XVI. – С. 264–266.

В статье рассматриваются особенности лексического и ассоциативного значений слов. Для сбора данных при построении ассоциативного поля слова «женщина» применяется метод свободного ассоциативного эксперимента. Особое внимание уделяется изучению аспектов, влияющих на полученные слова-стимулы. При анализе результатов эксперимента описываются трудности, возникающие при классификации итоговых данных.

Библиогр. – 5 назв.

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом университета.

Главный редактор

научного журнала «Труды БГТУ»
ректор, профессор И. М. Жарский

Редакционная коллегия:

И. В. Полуян, проф., д-р истор. наук
(главный редактор серии);
П. А. Водопьянов, зав. кафедрой, проф., д-р филос. наук
(зам. главного редактора серии);
Н. М. Забавский, проф. БГПУ имени Максима Танка, д-р истор. наук;
Л. Е. Земляков, проф. Академии управления при Президенте Республики
Беларусь, д-р полит. наук;
Т. П. Короткая, проф. БГЭУ, д-р филос. наук;
А. Е. Михневич, проф. БГУ, д-р филол. наук;
Н. И. Мищенчук, зав. лабораторией литературного образования
Национального института образования Министерства образования
Республики Беларусь, проф., д-р филол. наук, чл.-кор. БелАО;
А. В. Посох, зав. кафедрой, доц., канд. филол. наук;
С. В. Решетников, проф. Академии управления при Президенте
Республики Беларусь, д-р полит. наук;
В. М. Острога, ст. преподаватель, канд. истор. наук (секретарь)

Этот выпуск содержит 78 статей, которые посвящены различным вопросам политологии, философии, истории Беларуси и педагогики.

На его страницах отражены проблемы геополитики и глобализации, соотношений политики и морали, общественно-политической жизни, социальной политики, межнациональных отношений, культурно-просветительской деятельности разных организаций и движений, а также краеведения и печати.

В статьях, посвященных проблемам философии и права, рассматриваются вопросы устойчивого развития, повышения эффективности экологической политики, соотношения норм национального законодательства Республики Беларусь и международного права.

Ряд статей затрагивает разные вопросы языковедения и литературы, а также проблемы воспитания студенческой молодежи.

В материалах сборника отражено авторское видение тех или иных проблем, поэтому не все из приведенных выводов могут рассматриваться как бесспорные.

Статьи поступили в редакцию 14.04.2008.

Научное издание

Труды Белорусского государственного
технологического университета

Серия V

ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

Выпуск XVI

Редакторы *Е. С. Ватеичкина, О. П. Соломевич*
Компьютерная верстка *О. Ю. Шантарович*

Подписано в печать 13.10.2008. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 33,0. Уч.-изд. л. 36,6.
Тираж 80 экз. Заказ .

Учреждение образования
«Белорусский государственный технологический университет».
220006. Минск, Свердлова, 13а.
Свидетельство № 1995 от 27.02.2003.
ЛИ № 02330/0133255 от 30.04.2004.

Отпечатано в лаборатории полиграфии учреждения образования
«Белорусский государственный технологический университет».
220006. Минск, Свердлова, 13.
ЛП № 02330/0056739 от 22.01.2004.

Индекс 00804

ISSN 1683-0377. Труды БГТУ. 2008. Серия V. Вып. XVI. 1–284.